И.П. ОСАДЧИЙ

МЫ РОДОМ ИЗ СССР

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги – известный ученый, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РСФСР, советник юстиции 1-го класса. Комсомолец с 1943 года. Коммунист с 1947 года. Солдат последнего военного призыва. Многие годы отдал работе в комсомоле на Украине и Дону, в Приморье и на Кубани; во время военной службы в Советской Армии. Впоследствии – редактор городской газеты, секретарь горкома КПСС. Почти четверть века на преподавательской работе в Кубанском Государственном Университете: доцентом, профессором, заведующим кафедрой. На протяжении четырех десятилетий входил в состав правления Краснодарской краевой организации Общества «Знание», возглавлял научно-методический совет по общественно-политической тематике, вел активную лекционную пропаганду.

- И. П. Осадчий
  - ○
  - ○ Мы родом из СССР
    - ■ Книга вторая. В радостях и тревогах
      - ■ Об авторе
      - ■ Отзвуки первой книги
      - ■ Часть первая
        - ■ Глава первая. Разноцветное восемнадцатилетие (1964–1982 гг.)
          - ■
          - ■ И началось всевластие Л. И. Брежнева…
        - ■ Глава вторая. Краснодар (1967–1990). Годы, прожитые не зря
          - ■
          - ■ Необходимое отступление
        - ■ Глава третья. Баталии на «научном фронте»
          - ■
          - ■ «У нас подлецов нет…»
          - ■ На последнем рубеже
          - ■ Из тени на свет
        - ■ Глава четвертая. Слово о сыне
          - ■ «Друг мой Колька»
          - ■ Нарочно не придумаешь…
          - ■ Вместо послесловия

- Дополнение к главе «Слово о сыне»
- Глава пятая. Время летних отпусков
  -
  - Отдельной строкой о Трифоновых
  - «Обязательность… до абсурда»
  - Послесловие к сюжету о Трифоновых
- Глава шестая. Волшебная сила советского искусства
  - Советское кино – портрет эпохи, родник вдохновения
  - С песней по жизни
- Глава седьмая. «Спартак» в нашей жизни
- Глава восьмая. Годы надежд и тревог (1982–1985)
  - Вместо предисловия
  - Феномен Ю. В. Андропова
  - Сумеречный год
  - Советский социализм: каким он живёт в моей памяти…
  - Пора подвести итог
- Часть вторая. «Замороченное время»
  - Глава девятая. «Что день грядущий нам готовит?» (1985–1987)
    - Вместо предисловия
    - «Бог шельму[2] метит»
    - Трагедия планетарного масштаба
    - Аврал и провал антиалкогольной кампании
    - В юбилейном 1987 году
    - «Я счастлив каждой нашей встречей…»
  - Глава десятая. В атмосфере нарастания антикоммунистического психоза…
    - Судороги перестройки
    - Переполох в стане ренегатов и псевдоплюралистов
    - Что последовало после публикации письма Нины

Андреевой?
- Перестройка меняет курс: демонтаж политической системы СССР
- Р. И. Косолапов о «горбачевском термидоре»
- Коварство и цинизм генсека: погромы в ЦК КПСС
- Вместо послесловия

- Приложение. Не могу поступаться принципами

- notes
  - 1
  - 2

И. П. Осадчий
Мы родом из СССР (Воспоминания и размышления)

Книга издается в редакции автора и за его средства

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Мы родом из СССР

Есть только две формы жизни: горение и гниение.

Мужественные и щедрые избирают первую; трусливые и жадные – вторую…

А. М. Горький

Книга вторая. В радостях и тревогах

Об авторе

Автор книги – известный ученый, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РСФСР, советник юстиции 1-го класса. Комсомолец с 1943 года. Коммунист с 1947 года.

Солдат последнего военного призыва. Многие годы отдал работе в комсомоле на Украине и Дону, в Приморье и на Кубани; во время военной службы в Советской Армии. Впоследствии – редактор городской газеты, секретарь горкома КПСС. Почти четверть века на преподавательской работе в Кубанском Государственном Университете: доцентом, профессором, заведующим кафедрой. На протяжении четырех десятилетий входил в состав правления Краснодарской краевой организации Общества «Знание», возглавлял научно-методический совет по общественно-политической тематике, вел активную лекционную пропаганду.

В качестве представителя Краснодарской краевой организации КПСС был избран в состав Подготовительного Комитета по созыву и проведению Российской партийной конференции и Учредительного Съезда Компартии РСФСР. Беспощадно разоблачал ренегат-предательскую политику Горбачева. Выступал с содокладом на Учредительном Съезде КП РСФСР. Руководил работой Подготовительного Комитета по проведению 2-го этапа Учредительного Съезда КП РСФСР, на котором был избран членом ЦК КП РСФСР. Работал в качестве консультанта и заместителя руководителя Центра научного анализа и политического прогнозирования при Секретариате ЦК КП РСФСР. После прекращения деятельности КПСС и КП РСФСР был инициатором создания и бессменным руководителем Общественного Объединения «В защиту прав коммунистов». Являлся координатором работы по подготовке к процессу в Конституционном Суде по делу о конституционности указов Президента РФ о приостановлении и прекращении деятельности КПСС и КП РСФСР. Выступал на процессе в качестве эксперта коммунистической стороны.

Возглавлял экспертно-консультативный Совет при фракции «Коммунисты России» Съезда народных депутатов РСФСР.

Входил в состав оргкомитета по подготовке и проведению II-го (восстановительного) Съезда Компартии Российской

Федерации. Руководил программной комиссией Съезда. Неоднократно избирался членом ЦК КПРФ.

Один из инициаторов создания Общероссийской Общественной Организации «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО) и её руководитель в 1994–2005 гг.; одновременно являлся редактором газеты РУСО «Буревестник» и книг, издаваемых учеными РУСО в эти годы.

В настоящее время – Почетный Председатель РУСО.

Отзвуки первой книги

Первая книга трилогии «Мы родом из СССР» – «Время нашей молодости» вышла в свет в середине 2011 года. Невероятно трудной оказалась её дорога к читателям. Хотя я и решил сделать весь ее тираж подарочным, это не снизило напряжение с доставкой книги тем, кому она адресована. Виной тому неслыханно высокие (буквально баснословные) почтовые цены на отправку бандеролей. Они в два раза выше стоимости самой книги со всеми расходами на её подготовку к печати и на издание. Ничего не поделаешь – такова нынешняя жизнь в «новорусской» России.

Титанический труд по транспортировке и рассылке книги почтовыми бандеролями добровольно взвалила на себя моя главная помощница в работе над трилогией и рукописями других книг, готовящихся к изданию, Алла Алексеевна Дымова.

Первые сорок книг были отосланы ею по главным адресам: в Музеи Николая Островского в Сочи и в Москве; в военно-исторический музей Зои Космодемьянской – в Петрищево; в музей-квартиру «Легендарной дочери легендарной страны» Зинаиды Михайловны Туснолобовой-Марченко, а также ее дочери и сыну – в Полоцк; моей сестре – Марии Павловне Кравченко-Осадчей в Туапсе; в Барвенково – главе районной государственной администрации Ивану Петровичу Бовдуй, заведующим отделами образования и культуры районной государственной администрации – Наталье Александровне Коптевой и Юрию Васильевичу Трояну, директору краеведческого музея Юрию Ивановичу Митину; в Минск – Президенту Республики Беларусь Александру Григорьевичу Лукашенко и моему двоюродному брату – дипломату в отставке Валентину Николаевичу Фисенко, в ряд библиотек тех мест, где прошло время моей молодости.

Я бесконечно благодарен Алле Алексеевне за её бескорыстную, безупречную, неоценимую помощь.

Хочу выразить особую признательность издательству ИТРК:

главному редактору Александру Ивановичу Титову и ответственному за выпуск книги М. В. Насонову. Они оперативно доставили значительную часть тиража в ЦК КПРФ; на Пленуме ЦК книга была вручена членам и кандидатам в члены ЦК, членам Центральной ревизионной комиссии КПРФ; затем – организациям российского комсомола и региональным отделениям Общероссийской Общественной Организации «Российские ученые социалистической ориентации» – РУСО.

По моей просьбе издательство передало триста экземпляров книги в библиотеки Российской Федерации.

Хочу выразить персональную благодарность также тем, кто доставил большую часть тиража в места назначения, получившие «прописку» в моей книге, где пролегли мои жизненные пути-дороги. И в первую очередь, Владимиру Витальевичу Гришукову – первому секретарю Приморского крайкома КПРФ. Он доставил их в самый далекий, но очень близкий моему сердцу край моей комсомольской юности.

Двести книг в Краснодар и пятьдесят – в Туапсе отвез Саша Кравченко, внук моей сестры. Там они были вручены персональным адресатам, а также переданы в библиотеки и школы города и района, коммунистическим организациям и моим старым друзьям-товарищам.

В Краснодаре я передал свои полномочия сыну Николаю Ивановичу Осадчему – первому секретарю крайкома КПРФ. Он распорядился книгами надлежащим образом.

Сложнее всего оказалась дорога книги в Барвенково – в мой родной городок. Теперь это «заграница» (больно до слёз). И этим всё сказано.

Но и эту проблему удалось решить. Сердечно благодарен Юрию Васильевичу Трояну. Он «уполномочил» свою близкую родственницу Елену Анатольевну доставить книгу в Барвенково. Я вышел на связь с ней. Елена Анатольевна сразу же высказала свою готовность помочь. И слово свое сдержала…

Я весьма благодарен читателям, которые, прочитав книгу, откликнулись на неё, высказали свои оценки, и сразу решил отреагировать на них.

Первое слово о книге

Его сказали 2 августа 2011 года «Видновские вести» – газета Ленинского района Московской области. Я признателен автору и редакции. Вот буквальный текст опубликованного отзыва:

***«О времени и о себе** рассказывает в новой книге наш земляк*

На днях открыла для себя писателя Сидни Шелдона, взяв его автобиографическую книгу „Обратная сторона успеха“ в Видновском филиале № 12 межпоселенческой библиотеки. Казалось, ничто не способно отвлечь от столь захватывающей вещи. Но тут подвернулась автобиографическая книга нашего земляка Ивана Осадчего „Мы родом из СССР“, которая заставила не только отложить в сторону бестселлер, но даже на пару ночей превратиться из „жаворонка“ в „сову“…

Оба автора – и Шелдон, и Осадчий – начинают повествования с 30-х годов прошлого столетия – о нелегких временах и для Америки, и для СССР. „Более тринадцати миллионов людей потеряли работу и находились на грани отчаяния, – пишет Сидни Шелдон. – По стране бродили миллионы бездомных, двести тысяч из них составляли дети. Бывшие миллионеры кончали жизнь самоубийством, а руководящие работники и администраторы продавали яблоки на улицах. К 1930 году депрессия продолжала усиливаться, вытесняя из страны всякое подобие экономики. Очереди за хлебом росли, безработица принимала вид пандемии“.

В это время в Советском Союзе тоже переживали не лучшие времена. Но книга Ивана Осадчего пронизана светом и оптимизмом: „Уже в первые годы первой пятилетки была полностью ликвидирована безработица. Во всей своей последующей истории советское общество не только не знало безработицы, но и испытывало дефицит рабочих рук. Фантастический взлет советской державы уже за годы двух первых пятилеток вывел её по общему объему производства на первое место в Европе и на второе место в мире“.

Самое первое предложение из книги Сидни Шелдона звучит так: „В семнадцать лет я служил рассыльным в аптеке-закусочной „Афремоу“ и считал, что мне крупно повезло, поскольку там можно было без особых хлопот стащить таблетки снотворного в достаточном количестве, чтобы покончить с собой“. (Предпринятой юношей попытке неожиданно помешал отец). Сидни страстно хотел поступить в колледж, но денег на учебу не было. И надежды на свет в конце тоннеля беспросветной жизни – тоже.

А что же наш земляк, Иван Павлович Осадчий? „В дореволюционной самодержавной России 4/5 населения было неграмотным, – говорит он в авторском предисловии. – В среднем на образование жителя страны тратилось сорок копеек в год. В Советском Союзе уже в первое сталинское пятилетие была ликвидирована неграмотность и введено всеобщее обязательное семилетнее образование. Впоследствии советская страна перешла

к осуществлению всеобщего обязательного среднего образования“.

Факты – упрямая вещь. Парочку их все же хочется привести из книги Ивана Осадчего: „В Советском Союзе были гарантированные права каждого гражданина на труд, отдых, бесплатное образование на всех уровнях и бесплатное медицинское обслуживание. На протяжении фактически всей советской истории в СССР была самая низкая плата в мире за жилье и жилищно-коммунальные услуги“.

Но неправ будет тот читатель, который подумает, что книга „Мы родом из СССР“ – сплошь „о политике“. Как уже было сказано, она автобиографическая. Иван Осадчий пишет о времени и о себе, друзьях и коллегах, своих „университетах“ и интересных людях, с которыми свела судьба. Легкая ирония письма нередко вызывает добрую улыбку, а откровенность и честность повествования – уважение к автору, сопереживание.

Данная книга – первая ласточка из задуманной Иваном Павловичем Осадчим автобиографической трилогии „Мы родом из СССР“. Книгу он подарил Историко-культурному центру и межпоселенческой библиотеке, где её можно взять почитать. И хотя на её обложке и не написано броскими красными буквами „The International Bestseller“, книга читается легко и интересно.

Олеся Барвинская»

Не заставили себя ждать и другие отклики.

С особым волнением, как всегда, я ждал весточку из Сочинского музея Николая Островского. Для меня, чья жизнь прошла с именем и образом любимого, мужественного Писателя и Человека, его бессмертной книги «Как закалялась сталь», всего его творчества, идейного и нравственного облика, отклик из дома-музея в Сочи чрезвычайно важен.

К моей огромной радости, первый отклик на книгу пришёл именно из Сочинского музея Николая Островского.

В письме и.о. директора музея О. И. Матвиенко есть строки: «Сердечно благодарим за присланную книгу. **Вот из таких воспоминаний и создаётся портрет эпохи».**

Меня радует это письмо тем, что оно написано так, как пишут самые родные люди своему близкому человеку:

«У нас в музее по-прежнему принимает посетителей мемориальный дом писателя Николая Алексеевича Островского. Ведём лекционную работу в школах, санаториях, летних лагерях.

Экспозиция „Сочи Литературный“ во время капитального ремонта была демонтирована и пока не воссоздана. Поэтому экспозиционные залы литературной части музея занимают временные выставки. Это работы сочинских художников,

выставки пуховых платков из Оренбурга, изделий из янтаря Балтики, этнографический комплекс интерьеров и мероприятий „Загадочная Индия“.

В преддверии будущей Олимпиады-2014 агентство РИА-Новости организовало в нашем музее фотовыставку „Спорт. Мужество. Преодоление“ – о спортсменах-паралимпийцах.

В ближайшем будущем планируем много разных выставок. В текущем году это показ коллекций из собственных фондов музея.

Желаем Вам, Иван Павлович, творческих и жизненных успехов, хорошего здоровья»..

Сердечно благодарен и признателен за это письмо и.о. директору музея О. И. Матвиенко и руководителю мемориального сектора музея Т. С. Александровой. Всегда, всей душой с вами, понимаю, переживаю и разделяю все ваши радости, заботы и тревоги.

К сюжету «Легендарная дочь легендарной страны»

После ряда неудачных попыток найти сведения о Зинаиде Михайловне Туснолобовой-Марченко я написал письмо в Полоцкий горисполком. Ответ прислал заместитель председателя горисполкома Н. С. Ильюшёнок. Он сообщил, что в Полоцке имеются национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник и музей-квартира Героя Советского Союза Зинаиды Михайловны Туснолобовой-Марченко, прислал их адреса и посоветовал обратиться к ним по волнующим меня вопросам.

Я воспользовался этим советом и вскоре получил материалы о последнем периоде жизни Зинаиды Михайловны, её семье, об увековечении её памяти. Их прислала научный сотрудник музея-квартиры Зинаиды Михайловны Туснолобовой-Марченко Галина Александровна Жерносек:

«Боевые заслуги Зинаиды Михайловны удостоены не только Золотой Звезды Героя Советского Союза и ордена Ленина, но также орденов Красной Звезды, Красного Знамени, Отечественной войны, медали „За отвагу“.

Последние годы Зинаида Михайловна тяжело болела. Умерла 20 мая 1980 года. Её именем названы улицы и школы в Москве, Сочи, Полоцке, Бельцах, школьные пионерские дружины. Зинаида Михайловна является почетным гражданином городов Полоцка, Ленинск-Кузнецка, Старого Оскола.

Её подвиг достойно отражен в экспозиции Сочинского музея Николая Островского, в музее „Мужества и отваги“ города Кокчетава. Подвиг героини обстоятельно освещен в Красной

книге „Герои Советского Союза“, в многочисленных публикациях, в различных журналах и газетах.

В 2004 году редакция ОРТ „Центральное телевидение“ сняла документальный фильм „Любовь и война“, посвященный Зинаиде Михайловне и её мужу Иосифу Марченко. Он пережил её почти на восемь лет. Умер 18 марта 1988 года.

За год до смерти он открыл „Музей-квартиру Героя Советского Союза Зинаиды Михайловны Туснолобовой-Марченко“.

Их сын Володя Марченко живет и работает в Новополоцке. Дочь Нина Марченко – в Полоцке. У Владимира – дочь Юля, у Нины два сына – Тимофей и Александр…

И еще один весьма значимый факт. В 1988 году Витебский облисполком учредил специальную премию имени Туснолобовой-Марченко „За высокий нравственный пример в воспитании детей и укреплении семьи“. За минувшие два десятилетия её получили более двухсот семей…»

Добрая слава и память о легендарной героине Зинаиде Михайловне Туснолобовой-Марченко бессмертны…

К главе «Барвенково – моя колыбель»

Нетрудно понять, с каким волнением я ждал письмо из Барвенково – моего родного города на Левобережной Украине.

Первым отозвался глава Барвенковской районной государственной администрации Иван Петрович Бовдуй:

«Глубокоуважаемый Иван Павлович!

Мы очень признательны Вам за Ваше письмо, книгу и теплые слова в адрес Вашей малой родины.

Отвечаем Вам по существу заданных вопросов. Разумеется, с тех пор, как Вы покинули Барвенково, многое изменилось не только в нашем городе, но, как Вы знаете, и в стране.

Неполной средней школы № 2, в которой Вы учились, сейчас нет. Однако, старинное здание по улице Мичурина сохранилось и в нем сейчас функционирует школьный учебно-производственный комбинат (сокращенно УПК), в котором учащиеся общеобразовательных школ овладевают первичными навыками некоторых рабочих профессий. Здание это было построено еще в начале прошлого века как земская школа, в Великую Отечественную войну там находился госпиталь, после войны до закрытия размещалась школа.

Средняя школа № 1, в которой Вы учились в 1943–1944 году в 8

и 9 классах, находилась в трех приспособленных зданиях. Все эти здания (два из них постройки начала XX века и одно – 1952 года) находятся в центре города. В двух первых сейчас размещается краеведческий музей, в третьем – центральная районная библиотека. Еще через некоторое время школа № 1 заняла часть старинного двухэтажного здания, в котором сейчас размещается городской совет и некоторые службы государственной администрации.

Поскольку уже очень скоро названные выше помещения перестали отвечать нормам нагрузок, в 1981 году в северной части города было построено большое двухэтажное здание средней школы № 1, сейчас – это Барвенковская гимназия № 1.

Из учреждений образования и культуры в городе на сегодняшний день помимо гимназии функционируют еще три средних общеобразовательных школы; профессиональный аграрный лицей, три библиотеки (районная, городская, детская), краеведческий музей, районный Дом культуры и некоторые другие…

…Если Вы ходите узнать что-либо еще из истории города Вашей юности Барвенково, то можете связаться с Барвенковским краеведческим музеем…

…Будем всегда рады видеть Вас в нашем городе.

С наилучшими пожеланиями, с уважением

Глава Барвенковской районной государственной администрации

И. П. Бовдуй»

Созвонившись, по совету главы Барвенковской районной государственной администрации Ивана Петровича Бовдуй, с директором Барвенковского краеведческого музея Юрием Ивановичем Митиным, я попросил его прислать короткую историческую справку о городе моего детства и ранней юности. И вот этот весьма желанный документ у меня в руках.

Во время нашего телефонного разговора Юрий Иванович тактично спросил: можно ли прислать справку на украинском языке, не забыл ли я его?

Я ответил: «Хорошо помню мудрые слова нашего украинского кобзаря Тараса Григорьевича Шевченко: „Чужому научайтэсь, а свого нэ чурайтэсь“.

Этот совет великого поэта мне в 1945 году напомнил один инженер-путеец, работавший в 5-й Кедайнской дистанции пути и строительства Литовской железной дороги, украинец по национальности, который к тому времени уже жил в Литве четыре десятилетия.

Всегда помнил наш разговор с ним в победном 1945-м. И

старался, насколько возможно, сохранить знание родного украинского языка. Потому сказал Юрию Ивановичу: „Конечно, присылайте мне справку на украинской мови“; мне даже будет приятно воскресить те слова, которые я позабыл. Вообще-то, читаю и понимаю украинский язык „без проблем“, но в разговоре перехожу на смесь украинского и русского, на простонародный язык, на котором общалось и в довоенные годы, и после большинство жителей Барвенково, особенно на нашей Западне, включая и моих родителей, соседей, сверстников. Этот простонародный язык сродни и тому наречию, на котором в обиходе общаются на Кубани казаки и иногородние по происхождению. Ведь корни у жителей Левобережной Украины, у барвенковчан, в частности, и у кубанцев – одни. В массе своей у них общая „альма-матер“ – Запорожская Сечь»…

В Барвенково я родился и прожил семнадцать лет. До начала Великой Отечественной – неполных четырнадцать, дальше – три года и три месяца в войну (1941–1944). В семнадцать лет, уходя в Советскую армию, расстался с родным городом. И вот уже шестьдесят восемь лет (!) обитаю на территории России, исключая 10-месячное пребывание в Литве…

Думаю, что пояснение к месту. Должен, однако, заметить, что как в Барвенково далеко не все знают чистый украинский язык, говорят на местном, всем понятном диалекте («балакають»), – так и по всей России, от Владивостока до Ленинграда, я тоже почти не встречал людей, говорящих литературным русским языком. Люди свободно разговаривают на общедоступном языке, в котором большинство слов «интернационального» происхождения понятны всем…

Очень рад и тому, что Юрий Иванович точно уловил суть моей просьбы: прислал короткую историческую справку и характеристику сегодняшнего социально-экономического положения Барвенково. Я бесконечно благодарен ему за ответы на интересовавшие меня вопросы.

За четырнадцать лет довоенной жизни и учебы в семилетней школе я не смог узнать даже происхождение названия города. Больше склонялся к тому, что это название произошло от цветка «барвинок», хотя допускал и другое объяснение: город мог получить свое название по имени его основателя – запорожского казака. Я знаю множество таких примеров, когда населенные пункты названы по имени их основателей…

Ну, а теперь письмо из Барвенково в моем вольном переводе с украинского на русский:

«Барвенково расположено в долине реки Сухой Торец, в 180 километрах южнее Харькова. Площадь – 19 квадратных

километров, население (по состоянию на 2001 год) – 12 998 человек. Это составляет 87,3 % от численности населения 1989 года. За двенадцать лет население сократилось почти на тринадцать процентов. Это существенное сокращение.

Чем объяснить? Суверенизацией республик и распадом СССР? Сокращением естественного прироста (смертность превышает рождаемость)? Или миграцией?

…Барвенково основано в 1651 году выходцами из Правобережной Украины, которые, спасаясь от репрессий польской шляхты после поражения войск Богдана Хмельницкого под Берестечком, переселились сюда во главе с легендарным казаком **Иваном Барвинком** на берега реки Сухой Торец, неподалеку от соляных промыслов Тора.

(От автора книги: случайное, но какое приятное совпадение. Ничего не зная об Иване Барвинок – основателе города Барвенково, я множество раз подписывал свои публикации в периодической печати псевдонимом – Иван Барвенок).

Первое название поселения – Барвинкова Стинка – произведено от фамилии вожака переселенцев. Другое слово в названии объясняется тем, что поселение находилось на высоком северном берегу реки, на так называемой Чумацкой горе, которая подмывалась её течением.

В 1653 году в Барвинковой Стинке была сооружена, и начала богослужение церковь. С этого времени поселение ведет свою официальную историю.

Барвинкова Стинка была населена неспокойными, непокорными жителями, которые принимали участие во всех национальных и социальных движениях российской империи, за что она много раз ликвидировалась в ходе царских карательных операций. Так было в 1668, 1709, 1775 годах. С 1709 по 1734 поселения не существовало. Оно восстановлено в 1734 году после постройки „Украинской Линии“ с согласия императрицы Анны, разрешившей запорожцам вернуться в места своего прежнего проживания.

С 1775 года Барвинкова Стинка входила в состав Азовской губернии; с 1802 года – в Екатеринославскую (ныне Днепропетровская область); с 1835 года находилась в составе Харьковской губернии.

В 1861 году Барвенково стало волостным центром Изюмского уезда Харьковской губернии. В 1869 году через слободу Барвенково прошла Курско-Харьковско-Азовская железная дорога, которая дала толчок быстрому развитию сельского хозяйства, промышленности, торговли в округе. Было построено несколько ветряных мельниц. В 1909 году их насчитывалось девять. В 1910

году был построен завод сельскохозяйственных машин. В советское время он назывался „Красный луч“.

С 1923 года село Барвенково – районный центр Изюмского округа. В 1938 году Барвенково получило статус города районного подчинения.

В годы Великой Отечественной войны Барвенково было ареной кровавых битв. На протяжении 1941-43 годов оно трижды захватывалось фашистскими оккупантами и трижды освобождалось советскими войсками.

В боях за город погибло около восьми тысяч советских воинов, а в целом за Барвенковский район – около 14 тысяч бойцов и командиров Красной Армии. В годы Великой Отечественной войны погибло почти 5 тысяч жителей района.

Двум барвенковчанам О. Бессонову и Г. Денисенко присвоено звание Героя Советского Союза.

В составе Барвенковского района 12 сельских советов, объединяющих 59 населенных пунктов.

Барвенковский район граничит с Александровским и Славянским районами Донецкой области; с Близнецовским, Лозовским, Изюмским и Балаклеевским районами Харьковской области.

В городе, помимо образовательных и культурно-просветительных учреждений, о которых мне написал глава районной государственной администрации Иван Петрович Бовдуй, имеются еще Дом школьника, музыкально-художественная школа, Дом культуры, детская юношеская спортивная школа, стадион, четыре детских садика.

На центральной площади города установлен памятник основателю города Ивану Барвинку, а на Чумацкой горе – мемориал Славы.

В городе сохранились памятники архитектуры: церковь Успения Пресвятой Божией Матери, построенная в 1884 году в честь освобождения Болгарии от турецкого ига. Это знак благодарности болгарского народа за активную помощь, которую ему оказывали барвенковчане в борьбе за его освобождение. В центре города – двухэтажное здание, построенное писателем Г. Данилевским под аптеку в XIX веке. Под охраной государства также здание бывшего коммерческого училища, построенное в 1910 году».

…Я весьма благодарен главе Барвенковской районной государственной администрации Ивану Петровичу Бовдуй и директору музея Юрию Ивановичу Митину за внимание ко мне и моей книге, за добрые слова и особенно за сведения об истории и нынешнем облике моего родного города. Очень хочется хотя бы

день, хотя бы час побыть в Барвенково и увидеть всё своими глазами…

Письмо из Туапсе

…Многие страницы книги «Время нашей молодости» посвящены моей жизни и работе в Туапсе. Это объяснимо и оправдано. Я прожил в нем одиннадцать лет, самых колоритных и значимых для меня. Да и годы эти были не простые. Хрущевские.

И потому я очень ждал оттуда отклика на книгу.

В первый послепраздничный майский день 2012 года почтальон вручил мне письмо из Туапсе. Прочел адрес и обрадовался. Его прислала Ида Никитична Красновицкая. Я хорошо помню её – учительницу железнодорожной средней школы № 61, хотя после моего отъезда из Туапсе прошло уже 45 лет. Запомнилась она и внешним обликом, и содержанием. Смелая, решительная, принципиальная, непримиримая к любым негативам в жизни города, в деятельности городских властей. «Правду-матку» «резала» прямо и страстно. Так может говорить только неравнодушный человек, убежденный в своей правоте, обеспокоенный фактами, омрачающими жизнь людей.

Не помню уже по какому вопросу, но досталось от Иды Никитичны и мне, тогдашнему секретарю горкома КПСС. Такое случалось редко и потому осталось в памяти. Я всегда ценил человека, для которого справедливость и неравнодушие превыше всего, когда речь идет об интересах дела. Принципиальность – как трудно дается она многим. Ида Никитична была непросто неробкой, но и принципиальной…

Была? Нет, была и осталась на всю жизнь. Я не удивился, когда моя сестра Мария Павловна, рассказывая о деятельности нынешней коммунистической организации Туапсе, неизменно в числе самых активных коммунистов называла Иду Никитичну.

За свою 65-летнюю жизнь в партии я убедился: именно такими, стойкими, непоколебимыми в своих убеждениях, в отстаивании интересов дела, партии, народа являются «истые» коммунисты. Это особенно подтвердилось, когда наша партия перестала быть правящей, стала гонимой, преследуемой, третируемой, принципиально оппозиционной.

Бывшие члены КПСС, в огромном числе карьеристы, приспособленцы, трусы в одночасье покинули свою партию, предали её, постарались прекратить свое пребывание в её рядах, отмежеваться от всей её деятельности, от всей жизни партии и её великой истории.

Остались коммунистами только те, кто дорожит этим своим званием, кто мужественно и бесстрашно продолжает служить в нынешнее суровое, подлое время борьбе за наше правое, справедливое дело в интересах обездоленного, угнетённого народа.

…Волновался, распечатывая конверт. А когда стал читать, воспламенился сердечной благодарностью Иде Никитичне за отклик на мою книгу. Знаю, что она очень больна. Да и сама Ида Никитична откровенно пишет об этом: «Пишу ночью. Страдаю жесточайшей стенокардией. Уже, видимо, не преодолеть её. Да и возраст не добавляет сил…»

Но вот нашла в себе силы написать, хорошо понимая, как это важно для меня. Не осталась равнодушной. Это не в её характере, не в её принципах и убеждениях. Об этом говорят все строки письма Иды Никитичны:

«Дорогой Иван Павлович!

Бесконечно благодарна Вам за книгу „Время нашей молодости“ – первую из трилогии „Мы родом из СССР“. Это бесценный памятник уходящему поколению советских людей, создавшему могучую державу – Союз Советских Социалистических республик. Это убедительный учебник героических боевых и трудовых будней советской эпохи…

В нашей газете читала в отрывках из книги сюжеты о встрече с космонавтами, о Вашей борьбе за „спасение святыни“ – мемориального комплекса Зои Космодемьянской в Петрищеве. Но ждала книгу. И очень рада, что дождалась и прочла… Вашу книгу надо перечитывать, а уже очередь установилась моих родных и близких…

Глубоко потрясла рассказанная Вами история легендарной героини Зинаиды Михайловны Туснолобовой-Марченко. Она тоже, как Николай Островский и его герои, смогла жить, побеждать тогда, когда жить, казалось, было уже невозможно…

Потомки будут черпать силы у таких героев, равнение держать на их стойкость и мужество, благодарить Вас за умение оставить им в наследство бессмертный героизм уходящего поколения советского народа-победителя. Как им нужна Ваша книга! Она учит побеждать!

…Яков Павлович Осадчий, всемирно известный трубопрокатчик. Ваш „брат“ помог городу выйти из трудного положения… Благодарный Туапсе этого не забудет… И это всё – наше советское братство, созданное советской эпохой.

…Младший „брат“ Ваш Виктор Осипович Лучин по-братски подставляет плечо. Так и рождалось, и продолжает, к счастью,

оставаться, жить среди людей советских поколений великое братство многострадальной земли советской. И всё это создано ими – первопроходцами страны Советов.

…Спасибо, что много и по-братски любовно рассказали о сестре своей Марии Павловне, нашем неутомимом товарище по партии, дорогом нашем человеке. Она всегда была нашим мудрым, скромным, строгим руководителем. Она и сейчас с партией… Спасибо Вам, что Вы есть, что есть на кого равнение держать и верить, что наша держава советская возродится…

…В сердечной памяти остался Валентин Николаев, руководитель нашего Туапсинского комсомола. До последнего вздоха он активно работал в партии. С нами, в наших партийных рядах и Анатолий Фёдорович Мартынов, убежденный коммунист, верит в нашу победу. Не могу не назвать Георгия Семенович Новицкого – нашего идейного руководителя, организатора юбилеев Николая Островского, Михаила Шолохова и других, создателя уникальной партийной библиотечки „Ленинки“. Любим и гордимся им.

В нашем первичном отделении тоже мудрый секретарь Николай Иванович Щербак…

Из книги узнала многое о Вашей жизни, в которой было немало и трудных дней, и недугов. Радуюсь, что на протяжении всей жизни с Вами был неразлучно с пионерских лет всегда и везде Павка Корчагин, созданный легендарным Николаем Островским. Всегда выручал и помогал выстоять Вам, как и многим тысячам и миллионам корчагинцев всех советских поколений. И сейчас вижу Вас „на линии огня“ – в трудной борьбе за нашу поруганную Родину. Спасибо за КПРФ, спасибо за РУСО. Их судьбы – Ваша судьба.

…Хрущевско-брежневские времена основательно наследили… Но как проглядели-вскормили иуд-предателей Горбачева и иже с ним? Как позволили Ельцину расстрелять Советскую власть? Это сложно понять и объяснить…

Спасибо, что Вы подарили Кубани, России такого сына-коммуниста Колю – Николая Ивановича, признанного лидера коммунистов нашего края. Любим его, верим ему, гордимся им…

Кстати, у меня тоже подрастает Николай Иванович – трехлетний правнук…

Жаль, что снайперские снаряды из вечности рвутся в наших квадратах, косят наши ряды…

Да, ещё о книге.

Книга прекрасно оформлена: роскошная символизирующая обложка, богатство реального материала, четко изложенного в главах с конкретными заголовками, сопровождаемая удачными эпиграфами; обилие фотографий завораживает, отражает

важные мгновения жизни Вашей и тех, кто был рядом с Вами; прекрасный язык, легко читается текст; хороший шрифт; много откровенных, подкупающих подробностей…

Я живу одна после недавней смерти мужа-инвалида Великой Отечественной… Часто навещает дочь Ирина, она живет в Туапсе, только в другом районе.

…Ещё раз бесконечное спасибо за книгу, с которой я вместе с Вами, с Павкой Корчагиным и Николаем Островским вновь прошла по жизни, трудной, но такой счастливой…

Ваша книга зовет сквозь мракобесие бандитского капитализма – к непременной победе социализма…»

И приписка:

«Рождена я в Туапсе в 1926 году. В комсомол принята 9 февраля 1943 года у легендарной горы Семашко. Это подтверждает и архивная справка Центрального музея Министерства обороны. Там, в самые трудные дни боёв с фашистами, на ближних подступах к Туапсе довелось быть и мне.

…Потом учительствовала. Отличник народного просвещения…

Вместе с Георгием Семеновичем Новицким добились присвоения средней школе № 61 имя ее выпускника – Героя Советского Союза Тимофея Петровича Северова. Горжусь этим…

Сразу, как ушла на пенсию, была председателем Совета работников просвещения железнодорожников. С 1996 года – председатель контрольно-ревизионной комиссии Туапсинского райкома КПРФ.

…Посылаю Вам статью „Памятник неизвестному однокласснику“, которая была напечатана в газете „Туапсинские вести“… Может, Вам как-то пригодится…»

Спустя пять дней пришло второе письмо Иды Никитичны. Без колебаний я решил, что ее письма и статья из газеты непременно должны быть на страницах моей книги…

В промежутках между письмами Иды Никитичны прислал отклик на книгу и Георгий Семенович Новицкий. Словно угадав мое желание, Ида Никитична тут же прислала третье письмо и фотографию. На ней – она с Георгием Семеновичем 9 мая 2012 года. Засняла их дочь Иды Никитичны Ирина. Спасибо ей. Изумительная фотография…

Ну, а теперь полный текст статьи Иды Никитичны:

«Памятник неизвестному однокласснику

Жизнь отдельного человека бесценна еще и потому, что она – кладезь уникального опыта прожитой жизни. Тем более драгоценен

опыт целого поколения. Шекспировская строка „распалась связь времен“ передает трагедию истории, которая оказалась оборванной.

Не переживаем ли мы сейчас нечто подобное?

Уходит, уходит мое поколение, те, кто отбывал на фронт с выпускного школьного бала. Оно вынесло из огня истекающую кровью Родину, отстроило и сделало ее еще краше после войны. В пору его рабочей зрелости страна, как никогда, была могуча и богата. И вот мои сверстники уходят: не услышанные никем, не передав своей эстафеты служения Отечеству?

У фронтовиков есть главный памятник – могила Неизвестного солдата. Я думаю, что поколение, родившееся при Советской власти и сходящее сейчас со сцены вместе с нею, тоже достойно памятника. И я решила положить свой кирпичик в его фундамент, рассказав о выпускниках Туапсинской школы № 8 (ныне школа № 3), которых я знала и знаю лично.

И хотя каждый достоин книги, пусть им достанется хотя бы по нескольку строк, но о самом главном.

В 41-м тысячи комсомольцев по всей стране уходили на фронт и высшей для себя честью считали возможность умереть за свой народ. Выпускники нашей школы часами простаивали у призывных пунктов военкоматов и, добившись своего маленького листочка – повестки, уходили с сияющими лицами. По-разному сложились их фронтовые судьбы.

Антонина Верещагина – отважная десантница-разведчица – погибла при исполнении боевого задания. Память о ней хранят учащиеся школы, имя героини увековечено на одном из городских обелисков.

Комсомолец Володя Горбунов – человек, которому досталась очень тяжелая военная судьба. Он и его друг Леонид Паддей добровольцами ушли на фронт и вместе сражались под Керчью в составе 56-й Отдельной Приморской армии. Леонид геройски погиб, Володя после тяжелого ранения полностью ослеп в 1943 году. Но мужество не оставило его. Владимир нашел в себе силы не замкнуться в своем несчастье и стал одним из самых активных общественников в городском обществе слепых. Его не обошло житейское счастье – он глава прекрасной семьи и отец двух дочерей.

Прямо из школы в огонь боев ушли Лидия Казарцева, ставшая пулеметчицей, и Надежда Паддей, отважно выполнявшая боевые задания в качестве разведчицы десанта. Теперь эти школьные подруги вместе с другими патриотами и ветеранами рассказывают молодым правду о своем поколении, прошедшем сквозь огонь истории.

Мальчишкой ушел на фронт Владимир Матюхин. После окончания кратковременных артиллерийских курсов он сражался на фронте до полной победы над врагом. В звании капитана вернулся в Туапсе и самоотверженно трудился в органах милиции: был одним из лучших следователей головного розыска, а затем начальником портовой милиции. Но жизнь ветерана-фронтовика трагически оборвал до времени притаившийся у самого сердца осколок.

А Валентина Матюхина еще до начала блокады Ленинграда успела поступить в Ленинградский пединститут. Перенесла все ужасы окружения города, принимала участие в его героической обороне, награждена медалью „За оборону Ленинграда“. После войны Валя успешно трудилась в Туапсинской школе № 1, а затем в нефтяном техникуме.

Трагической оказалась судьба у сестер Кочневых – Валентины и Тамары. Они возводили укрепрайон на подступах к Туапсе, когда во время очередного авианалета их обеих накрыло взрывом бомбы. Инвалидность. Но они выжили, превозмогли боль и сумели найти место в активной жизни. Теперь обе на заслуженном отдыхе ветеранов труда. Беззаветную преданность Отчизне проявили и другие комсомольцы нашей школы, чья юность прошла в огне войны.

Я тоже училась в этой школе, и мой десятый класс пришелся на огненный 41-й. Когда фашисты уже рвались к Туапсе, добровольно ушла в армию. Попала в 104-е управление военно-полевого строительства. Сейчас, когда вспоминаю то время, удивляюсь: как хватало у людей мужества посреди того ужаса сохранять веру в грядущую победу?

Когда враг был уже отброшен от города и фронт покатился на запад, я посчитала для себя возможным уволиться из части. Мирной стране вскоре должны были понадобиться специалисты, и я уехала на Урал, куда был эвакуирован Ленинградский пединститут. Сдав экстерном экзамены за десятый класс, сумела сразу поступить в пединститут.

Мое студенчество прошло в послевоенном Ленинграде, куда институт переехал сразу после снятия блокады. Красивейший город Европы лежал в руинах. Там меня выбрали секретарем факультетского комитета комсомола, и мне пришлось создавать из студентов бригады кровельщиков, стекольщиков, штукатуров, маляров и других строительных специальностей. После лекций мы восстанавливали институтские корпуса, работали в подсобном хозяйстве. Для нас трудовые семестры шли одновременно с учебными.

С новеньким дипломом учителя я приехала в родной Туапсе. Он

уже успел залечить раны и выглядел, как в детстве, – тихим и уютным южным городом. Здесь и началась моя учительская работа.

Я рассказала о немногих своих одноклассниках-однокашниках, кого помню и люблю. Не самые большие подвиги совершали они. Например, выпускник школы Герой Советского Союза Тимофей Петрович Северов – личность исключительная и легендарная, заслуживающая отдельной публикации, но о нем в этой статье я писать не собиралась. Мне хотелось вспомнить о судьбах, типичных для поколения, об их незаметном ежедневном служении своему Отечеству. Конечно, они могли прожить сытнее, благополучнее, спокойнее, но для них это не значило прожить лучше.

Нынешние молодые с недоверием относятся к пафосу. У них в памяти другие войны, которые они не могут назвать ни Великими, ни Отечественными. Но может быть, их сегодняшний скепсис разбавит наш опыт поколения победителей? Опыт людей, умевших жить для своей Родины.

Я мечтаю о памятнике Неизвестному однокласснику. Неизвестный, потому что его забыли. А памятник – он ведь от слова память…

И. Красновицкая, комсомолка 40-50-х годов».

Поправки

Я ошибся, написав в главе **«Десант космонавтов»**, что не сохранил у себя фотографии первых покорителей космоса, побывавших во Всероссийском пионерском лагере «Орленок» в середине 60-х годов. Предусмотрительно переснятые фотокопии обнаружились у сына, и он незамедлительно переслал их мне. Конечно же, я с радостью решил поместить их в этой книге. К стати замечу, что глава «Десант космонавтов» была опубликована в Краснодарской краевой газете «Вольная Кубань», в «Туапсинских вестях» и в газете Ленинского района Московской области «Видновские вести», а также в журнальном приложении к ней «Мы вместе»…

В главе **«Звони брату»,** в которой рассказывается о знаменитом советском промышленнике – строителе и директоре Челябинского трубопрокатного завода Якове Павловиче Осадчем, доверившись сообщению из Челябинска, я написал, что его фотографию мне удалось получить благодаря оперативной помощи сенатора Сергея Олеговича Рыбака от брата Якова Павловича, проживающего в Москве. Но уже после выхода книги в

свет, узнал, что фото для книги предоставил **сын** Якова Павловича – **Владимир Яковлевич.**

Еще раз подтвердилась справедливость народной мудрости: «Доверяй, но проверяй».

* * *

За два года работы над книгой «Время нашей молодости» я снова пережил время и события, освещенные в ней. Издание книги принесло мне не только вполне объяснимую радость, но и несказанную горечь и боль. За десятилетия, минувшие после освещаемого в книге времени, ушли из жизни многие из тех, о ком в ней рассказывается. Но живые, прочитав книгу, благодарно откликнулись письмами и телефонными звонками.

Из Приморья первой отозвалась на книгу Лидия Павловна Субочева (Шадрина) – бывший первый секретарь Приморского крайкома комсомола. Она поведала мне о тех, кто жив, и о тех, кого уже нет, но чьи имена и образы продолжают жить в памяти и сердцах.

Борясь с недугами, остаются в коммунистическом строю бывший главный редактор газеты «Тихоокеанский комсомолец»– Василий Дмитриевич Ключник; бывшая заведующая лекторской группой крайкома комсомола – Клара Ким; бывший заведующий отделом рабочей молодежи крайкома комсомола – Юрий Субочев; бывший секретарь Первомайского райкома комсомола Владивостока – Нина Федоровна Суворова (Романова).

Книга вызвала большой интерес у старых друзей и соратников по работе в Туапсе. Первыми благодарно отозвались на нее Прокофий Григорьевич (Саша) Анцыферов – из когорты старых гвардейцев хасанского комсомола и его дочь – заслуженная учительница России Наташа; Оля и Олег Гуцаловы, Василий Степанович Романченко, его супруга Мария Тимофеевна и сын Валерий. И, естественно, моя родная сестра Мария Павловна, её сын и внуки…

Большую помощь на завершающем этапе работы над книгой «Время нашей молодости» оказала мне Мира Васильевна Марьяненко, бывший пионерский и комсомольский работник, а затем секретарь Брюховецкого райкома партии. И теперь, получив и прочитав книгу, она не удержалась, чтобы излить поскорее свои впечатления, свое волнение и благодарность. А затем спустя две недели она снова позвонила и рассказала, что книгу уже прочли Анатолий Орехов – бывший инструктор райкома комсомола, Юлия Калашникова – бывший секретарь одной из комсомольских

первичек, а теперь её читает Володя Гуцалов. «Это наш современный корчагинец», – так отозвалась о нем Мира Васильевна и вслед добавила: «Пока книгу мою не зачитали до дыр, я решила передать её в районную библиотеку».

Я поспешил порадовать её: «Не следует этого делать. Книги для библиотеки и названных Вами ветеранов комсомола передаст мой сын – Николай Иванович». Кстати он всякий раз по телефону рассказывает об интересе, с которым читают книгу коммунисты Кубани…

И вот еще одна волнующая весточка из администрации Президента Республики Беларусь Александра Григорьевича Лукашенко: «Ваша книга займет достойное место в президентской библиотеке».

…Я рассказал здесь только о первых откликах на книгу «Время нашей молодости», полученных из разных мест моей комсомольской жизни.

Они радуют и вдохновляют. Вопреки всем сложностям времени, в котором мы сейчас живем, и недугам, основательно осложняющим жизнь, я спешу, во что бы то ни стало, продолжить и завершить работу над трилогией «Мы родом из СССР», другими рукописями, которые на моем рабочем столе…

P.S.

…Неожиданным, и поэтому особенно дорогим явился отклик на книгу, размещенный в Интернете неизвестным автором 7 октября 2011 года. Интернет пришел в нашу квартиру только 1 июня 2012 года. Эту радостную весточку мы обнаружили только 10 июня. К тому дню работа над второй книгой трилогии была практически завершена. Начиналась её верстка…

Но я решил малость потеснить вступительную главу «Отзвуки первой книги» для интернетовской «находки». Вместе со словами искренней благодарности автору отклика. Вот его содержание:

«Воспоминания человека, родившегося в 1927 году и всю жизнь связанного с комсомолом, партийной работой и преподаванием. Как пишет сам автор, для него вечным образцом настоящего человека был Николай Островский. Конечно, жизнь этого человека является не совсем типичной, он с молодых лет оказался на общественной работе, был комсомольским работником, журналистом, секретарем горкома партии и т. д. Но с другой стороны, она и довольно типична – парень из городка, являвшегося по сути большой деревней, выходец из не слишком зажиточной семьи, переживший оккупацию, гибель отца, вынужденный работать с юных лет и всего добиваться

самостоятельно, стал партийным работником, а потом защитил две диссертации, стал профессором, заведующим кафедрой университета. Такое было возможно только в советское время, когда все двери были открыты любому гражданину страны, когда все зависело от самого человека, его активности, желания и умения работать. Читать книгу довольно интересно, автор работал в самых разных концах нашего государства – от Литвы до Приморского края, на разных работах, встречался с самыми разными и интересными людьми, сохранил до седых волос способность держать удар, остался верным идеалам своей юности. Могут быть определенные претензии к стилю, автор иногда грешит высокими словами, но это его право, он пишет о своей жизни, в конце концов.

Получилось не просто жизнеописание человека, но интересная картина жизни страны в советское время. Кстати, неплохая иллюстрация к вопросу о том, что собой представляла жизнь обычного, так сказать, аппаратного работника. Для молодых многое будет откровением, для людей старшего возраста возможность вспомнить былое».

К главе «Спасение святыни». Письмо из Петрищево

Благодарное письмо коллектива музея Зои Космодемьянской порадовало тем, что теперь он приобрел статус военно-исторического музея и активно действует. Об этом и рассказывает текст письма:

«2011 год был юбилейным для музея. Подвигу Зои Космодемьянской – 70 лет. Поток экскурсантов увеличился. 29 ноября в Петрищеве на площади перед музеем был проведен митинг, посвященный памяти Зои. Участники – школьники, студенты, военнослужащие, ветераны В.О.В., представители администрации г. Рузы, п. Дорохово, делегация из Москвы (250 чел.). Прошли по музею, возложили цветы и венки к месту казни героини и к дому Кулик П. Я. В этот день 25 учеников Космодемьянской школы были приняты в „космодемьянцы“. В течение дня в актовом зале музея демонстрировался новый фильм „Зоя“, снятый телеканалом „Звезда“. Ежедневно в нашем музее проходят экскурсии…»

Очень рад, что музей живет активной жизнью.

Слово ровесника

Взволновало письмо моего ровесника Михаила Никитовича Доля, ветерана труда, жителя города Видное, опубликованное в «Видновских вестях»:

«На днях получил в подарок книгу „Мы родом из СССР“ с дарственной надписью от автора – профессора истории И. П. Осадчего. Прочитал, как говорится, „залпом“. А интересной эта книга мне стала своей искренностью и правдивостью.

Бывший партийный работник пишет о том, как жила и работала в советские годы молодежь – ярко, самоотверженно, с огоньком.

Я с удовольствием и благодарностью вспоминаю то прекрасное время, связанное с Великой Победой, первым полетом в космос и другими историческими событиями, прославившими нашу страну. Да, мы родом из СССР…»

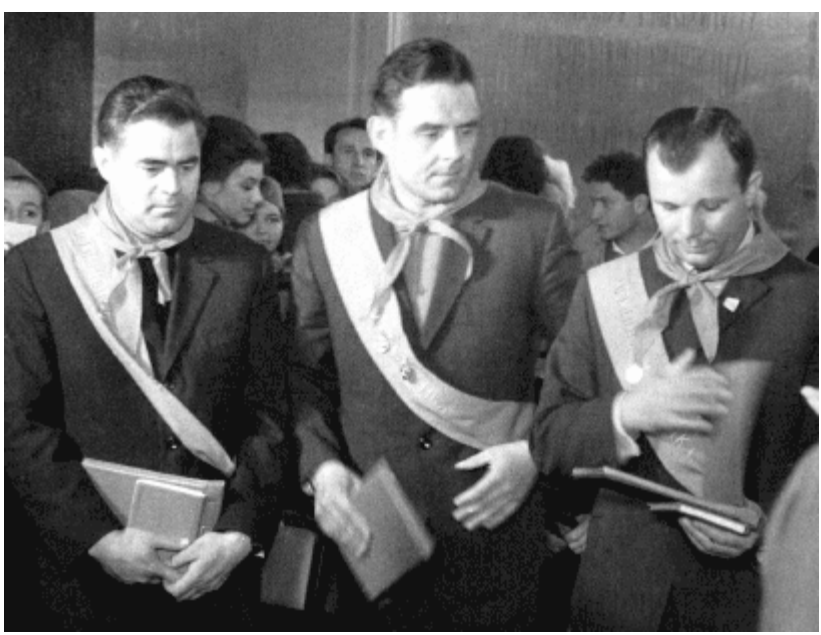
Памятник основателю города Ивану Барвинку.

Мемориал Славы воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Здание бывшей семилетней школы № 2, которую автор книги окончил в июне 1941 года.

Иван Петрович БОВДУЙ, глава Барвенковской районной государственной администрации (снимок 2012 г.)

Выступает Юрий Алексеевич Гагарин.



Справа налево: Юрий Гагарин, Владимир Комаров, Андриян Николаев.

Слева направо: Владимир Комаров, Юрий Гагарин, Константин Феоктистов, Алиса Дебольская – начальник п/л «Орлёнок».

Слева направо: Юрий Гагарин, Андриян Николаев, Алексей Леонов.

Космонавты и жены Ю. Гагарина и В. Комарова в жилой комнате пионерлагеря.

Проводить космонавтов пришли Я. Г. Швыдков, И. Т. Беликов, Б. И. Круглов.

К главе «Туапсе»

Ида Красновицкая, выпускница Ленинградского педагогического института. 1947 г.

Ида Никитична Красновицкая, преподаватель Туапсинской железнодорожной школы № 61. 1972 г.

На фото: Ида Никитична Красновицкая и Георгий Семенович Новицкий 9 мая 2012 г.

Отклик из Владивостока

Владимир Витальевич Гришуков, первый секретарь Приморского крайкома КПРФ

К сюжету «Отклик из Сочинского музея Николая Островского»

Дом-музей Николая Островского в Сочи. Здание построено в дар писателю Правительством Украинской ССР

Часть первая

Глава первая. Разноцветное восемнадцатилетие (1964–1982 гг.)

Не знаю счастья большего,
Чем жить одной судьбой:
Грустить с тобой, Земля моя,
И праздновать с тобой…

Эти строки известной и любимой советской песни наиболее точно отражают то настроение, с которым мы, советские люди, жили в обозначенный период советской истории. Да и вообще они созвучны думам и чаяниям тех, кому довелось, посчастливилось жить в советскую эпоху.

Хотя в моем представлении, в представлении человека, жившего в зрелом возрасте и в сталинское время, и в годы хрущевской распутицы, и в пору брежневского разноцветья, эти периоды советской истории разнятся между собой.

О сталинском и хрущевском времени я уже рассказал в первой книге. Наступила пора поразмышлять о послехрущевском восемнадцатилетии, которое соразмерно брежневскому периоду. Оговорюсь сразу, что брежневские годы тоже разные. Эта «разность» всегда была видна невооруженным глазом.

Разнятся, прежде всего, искусством партийного и государственного руководства, отражавшегося на атмосфере в обществе, на состоянии и развитии экономики, социальной и духовной сферы.

Вся советская эпоха овеяна романтикой, пропитана энтузиазмом, невиданной в истории героикой освобожденного труда, – труда не на капиталистов, а на благо всего народа, во имя могущества и благополучия своей великой Родины – Союза Советских Социалистических республик.

В одной из лучших песен Александры Пахмутовой есть замечательные строки:

Забота наша такая,
Забота наша простая:
Жила бы страна родная, —
И нету других забот…

Ей вторит автор другой песни:

Радость общая и горе общее
У моей земли и у меня…

Поэты и композиторы, создававшие такие прекрасные песни, отражали в них дух времени, настроение народа, атмосферу в обществе. И поэтому песни обретали крылья, мгновенно разлетались по стране, западали в души людей и прорывались наружу. Их пели в концертах и на праздничных демонстрациях, в кругу друзей и семейных застольев. Именно так. Советские песни отражали жизнь, настроение людей.

А вот за минувшие два десятилетия в «ново-русской», «демократической» России поэты и композиторы не могут создать даже какого-то подобия тех величественных песен, которые наполняли советскую жизнь. Хорошее, светлое, жизнерадостное не может рождаться и звучать в мрачное безвременье, переживаемое нынешней Россией.

Мы, люди советского времени, знали, что живем, трудимся, обустраиваем и защищаем свою Отчизну именно с теми мыслями и чувствами, которые звучат в прекрасных советских песнях. Во имя Советской Отчизны совершались ратные и трудовые подвиги, строились новые города, заводы и фабрики, возводились гигантские гидроэлектростанции, поднималась целина, осваивался космос, рождались песни, создавались шедевры кино…

Многие годы и десятилетия советский народ жил неукротимым желанием видеть свою любимую Отчизну могущественной, а жизнь – счастливой. Этот вывод справедлив и по отношению к хрущевским и брежневским годам, вопреки властолюбивым, невежественным и самодовольным вождям…

Устранение Хрущева с высших государственных и партийных постов было встречено советскими людьми с полным одобрением. Они ждали от нового руководства КПСС и Советского правительства решительных действий, коренных изменений к лучшему. И не обманулись.

Избрание пятидесятивосьмилетнего Л. И. Брежнева, сравнительно молодого и энергичного, Генеральным секретарем ЦК КПСС было встречено в партии и в народе с надеждой на лучшее.

Особое удовлетворение вызывало назначение на пост Председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина и включение в состав Правительства многих опытных и авторитетных лиц. Дела стали быстро налаживаться. Резко менялось настроение в обществе. Восстанавливалось доверие к

руководству партии и страны.

Без шума и треска, спокойно и деловито исправлялись серьезные ошибки, допущенные Хрущевым практически во всех областях жизни и развития советского общества. Были восстановлены единые партийные организации. Их разделение на сельские и промышленные, лихорадочно проведенное по инициативе Хрущева, представляло реальную угрозу единству партии, породило на практике множество острых проблем, при решении которых возникали противоречия и раздоры между сельскими и промышленными партийными комитетами.

Были ликвидированы совнархозы и возрождены отраслевые министерства, что означало восстановление высокопрофессионального уровня руководства различными отраслями экономики. Это оказалось непростой задачей, так как за короткое время после ликвидации Хрущевым отраслевых министерств были растеряны многоопытные кадры, ушедшие из управленческой сферы на производство, в научно-исследовательские институты, на другие участки работы.

Экономика страны снова становилась единым народнохозяйственным комплексом. Восстанавливалась единая общесоюзная система планирования.

В хрущевский период в наибольшей мере пострадало сельское хозяйство, «руководству» которым он уделял особенно много внимания. В разумные рамки была возвращена «царица полей» (кукуруза).

Всюду, где проходила авантюрная «преобразовательная» деятельность Хрущева, – в архитектуре или в жилищном строительстве, создавались серьезные трудности, которые надо было незамедлительно, но спокойно и разумно разрешать.

Под внешне привлекательным лозунгом решения жилищной проблемы, как грибы после дождя, появились по всей стране и в большом количестве малопригодные для нормальной жизни «хрущебы», в которых миллионы людей были обречены ютиться многие десятилетия. Сейчас, в начале XXI века, «хрущебы» остаются «притчей во языцех» для нынешних господ и пристанищем для множества людей.

Немало трудностей было порождено хрущевским волюнтаризмом во внешнеполитической области, в межгосударственных отношениях. Их тоже надо было мудро и деликатно исправлять.

Но, пожалуй, самыми трудно исправимыми были ошибки, совершенные по хрущевским «рецептам» в теоретической области, особенно в программах социалистического и коммунистического строительства. Марксистско-ленинская теория была настолько

вульгаризирована, что исправить её, преодолеть невежественные «выводы» и «оценки», сделанные в угоду волюнтаристски-прожектерским «планам» и «программам» Хрущева услужливыми лжеучеными, так и не удалось до самого конца советской эпохи.

За все эти «новации» в науке ответственность несла КПСС в целом, ибо от ее имени преподносились и «увековечивались» все «гениальные» выводы и оценки «вождей».

Без громких слов разумно и неспешно в партии и в народе велась работа по восстановлению верных и справедливых оценок сталинской эпохи и всего, что было совершено советским народом под руководством КПСС во главе с И. В. Сталиным.

В 1969 году Постановлением Совета Министров РСФСР поэту С. В. Смирнову была присуждена Государственная премия РСФСР имени М. Горького за поэтические произведения 1967–1968 годов, вошедшие в сборник «Свидетельствую сам». Центральное место в нем занимает поэма, давшая название всему сборнику. Есть в ней и строки, посвященные «культу личности» Сталина:

Мы о культе личности сказали,
Не тая, что личность-то была…
Да! – в таких буквально – людях-глыбах,
До вершин вознесшихся не вдруг, —
Надо не замалчивать ошибок,
Но и не зачеркивать заслуг…

В этих мудрых строках поэта выражено и мое видение Сталина…

Жизнь в стране возвращалась в спокойное, уверенное, нормальное состояние. Это вскоре положительно сказалось на развитии экономики и росте благосостояния людей. Особая заслуга в этом была главы Советского Правительства А. Н. Косыгина. После десятилетних провалов народнохозяйственных планов в хрущевские годы восьмая пятилетка (1966–1970) была досрочно и успешно выполнена.

Восьмую пятилетку по праву можно назвать «Косыгинской»: в ходе её были сделаны важные шаги в развитии советской экономики, особенно в сфере материального стимулирования производства и производителей.

В целях обеспечения пропорционального развития производства, ускорения научно-технического прогресса, централизованного планирования и управления экономикой страны по инициативе и под непосредственным руководством А. Н. Косыгина была разработана и успешно осуществлялась экономическая реформа, направленная на повышение

эффективности развития производства и материальной заинтересованности его работников; проводились реконструкция и техническое оснащение предприятий. Особое внимание уделялось развитию наукоемких и перспективных направлений.

Большое развитие получили электронная, атомная, приборостроительная промышленность, станкостроение, энергетическая, космическая и оборонная отрасли, производство товаров для населения. Было построено много новых заводов и фабрик, оснащенных современным оборудованием; возведены крупные комплексы химической промышленности, научные и производственные центры по электронике, мощные гидро-, тепло– и атомные электростанции; открыты и задействованы новые промыслы по добыче нефти и газа; построены автозаводы в Ташкенте и Набережных Челнах; строилась Байкало-Амурская магистраль.

На предприятиях и стройках внедрялись хозрасчет, бригадный подряд, экономические методы работы. Это являлось важным стимулом материальной заинтересованности людей в результатах своего труда.

Осуществлялись меры, направленные на преодоление серьезных трудностей в развитии сельского хозяйства. Был изменен порядок заготовок и закупок у колхозов и совхозов зерна и продуктов животноводства. Вместо ежегодных заданий они получили пятилетний неизменный план продажи государству сельскохозяйственной продукции. Сверхплановую продукцию было разрешено реализовывать по усмотрению хозяйств. Этим повышалась материальная заинтересованность тружеников сельского хозяйства. Колхозники и работники совхозов наделялись приусадебными и земельными участками, огородами. Был не просто снят запрет на личное подворье, но и поощрялось желание иметь в личном хозяйстве животных и птицу.

Хорошо зная вопросы экономики и финансов, А. Н. Косыгин осуществлял меры по улучшению организации производства и труда. Под его постоянным контролем находились финансы государства. При его непосредственном участии ежегодные пятилетние планы были всесторонне сбалансированы. Доходы государства всегда на 3–5 % превышали расходы, и тем самым создавался резерв средств для финансирования непредвиденных работ. Дефицит в бюджете не допускался. Если появлялась необходимость увеличения выпуска денег (эмиссия), то устанавливался самый короткий срок их изъятия из оборота.

Говоря об А. Н. Косыгине, нельзя не отметить его громадные заслуги в области внешнеполитической, межгосударственной

деятельности.

Внешняя финансовая задолженность в бытность А. Н. Косыгина на посту главы Советского Правительства практически не допускалась. Напротив, социалистические и многие развивающиеся страны были должниками Советского Союза за поставляемые материалы, оборудование, оказание различных услуг.

Займы в валюте у банков капиталистических стран составляли не более 5–7 миллиардов долларов, и, учитывая высокий процент, возвращались своевременно.

В силу этого в государстве создавалось прочное финансовое положение. А. Н. Косыгин тщательно следил за строгой сбалансированностью товарно-денежных отношений в стране; требовал от Госплана и Минфина, других министерств наиболее полного обеспечения выдаваемых населению денег товарными ресурсами.

А. Н. Косыгин уделял постоянное внимание развитию внешнеэкономических связей нашей страны с социалистическими государствами. Посредством СЭВ (Совета экономической взаимопомощи) осуществлялись межгосударственные специализация и кооперация производства, поставки различной продукции на сбалансированной основе.

А. Н. Косыгин также смело шел на развитие двусторонних взаимовыгодных торгово-экономических отношений с капиталистическими странами. Наряду с закупками в них современного оборудования и технологий, приобретались также товары народного потребления. Это способствовало насыщению внутреннего рынка необходимыми товарами и сбалансированию внутреннего бюджета; это было выгодно советскому государству и более полно удовлетворяло спрос внешнего рынка.

Трудно переоценить всё то, что сделал А. Н. Косыгин, возглавляя Советское Правительство, для развития экономики и улучшения благосостояния советских людей. Его глубоко и искренне уважали и ценили. Он пользовался огромным авторитетом в нашей стране и за её пределами.

Я осознанно делаю акцент на исключительной роли А. Н. Косыгина, как Председателя Совета Министров СССР, в преодолении серьезнейших трудностей в экономике страны, накопившихся в хрущевские годы, и обеспечении её успешного дальнейшего развития.

Благодаря А. Н. Косыгину, в бытность его главой Советского Правительства, советская страна быстро добилась восстановления прекрасной традиции – досрочного выполнения и перевыполнения пятилетних планов, свойственной сталинскому

времени и утраченной в хрущевские годы. Как я уже отмечал, особенно показательна в этом отношении восьмая пятилетка. Успешно развивалась экономика страны и в следующей, девятой пятилетке. Безусловно, в этом заслуга всего советского народа, его героического, самоотверженного труда.

Уверен, что результаты экономического развития страны и в целом советского общества были бы еще более значительны в данный период, если бы… К сожалению, «если бы» снова повторилось.

Как и в случае с Н. С. Хрущевым, новое высшее партийное руководство оказалось не на высоте тех задач, которые стояли перед страной в её движении по пути социалистического строительства. На смену скромному, энергичному Л. И. Брежневу, в бытность его на предшествующих постах и в первые годы пребывания в должности Генерального Секретаря, пришел другой Брежнев, не способный критически оценивать своё «я» и результаты своей деятельности.

Вот что пишет в своих воспоминаниях **Николай Иванович Рыжков,** избранный в 1982 году по предложению Ю. В. Андропова Секретарем ЦК КПСС по экономике, затем с 1985 года – Председатель Совета Министров СССР:

«Конечно, мы в 83-м пионерами в деле экономических преобразований не были. В 60-е и 70-е годы такие попытки предпринимались дважды по инициативе Алексея Николаевича Косыгина, Председателя Совета Министров СССР. Это был человек умный, компетентный и дальновидный. Косыгинская экономическая реформа 1965 года дала заметный толчок буксовавшему народному хозяйству. Только за восьмое пятилетие объем промышленного производства вырос в полтора раза, производительность труда на одну треть. Темпы роста товаров народного потребления наконец-то сравнялись с темпами роста средств производства, которым всегда отдавалось предпочтение.

…Я тогда работал на Уралмаше и косыгинскую реформу испытал на себе. Хорошее было начало по тем временам: предприятия, обретая ранее невиданные права, вздохнули свободно. Да и подросшая зарплата кармана работника не тянула. Но вскоре реформу начали откровенно и резко скручивать. Делали это те, кто сразу усмотрел в экономических преобразованиях „угрозу политической стабильности строя“. Впрочем, с их позиций было чего испугаться: именно преобразования экономики неизбежно вытягивали за собой демократизацию всего общества. А этого

ни Брежнев, ни Суслов, ни иже с ними допустить не могли.

Вторая попытка оздоровить экономику была предпринята в 1979 году, опять же при Косыгине, хотя в это время он уже был очень болен. И, к сожалению, и эта попытка так и осталась только попыткой… Официально ситуация в экономике признавалась „лучше некуда“. Показуха достигла головокружительных высот, главные лица страны находились в состоянии блаженнейшей эйфории». (Н. И. Рыжков. «Десять лет великих потрясений». М, 1996, с. 44–46).

Ещё одно мнение об Алексее Николаевиче Косыгине. **Виталий Иванович Воротников,** работавший в бытность А. Н. Косыгина главой Советского Правительства, – первым заместителем Председателя Совета Министров РСФСР рассказывает:

«Каким остался в моей памяти Алексей Николаевич Косыгин?

…Это был высоко эрудированный человек, обладавший феноменальной памятью. Опытный управленец – хозяйственник, экономист и финансист, прошедший большую практическую школу, будучи министром легкой промышленности, министром финансов, первым заместителем Председателя Госплана СССР.

Организаторский талант А. Н. Косыгина в полной мере проявился в период Великой Отечественной войны, когда он возглавил титаническую работу по перебазированию на Восток, в кратчайшие сроки, сотен крупных заводов из Европейской части страны. Поэтому он отлично знал все транспортные, речные, автодорожные пути и развязки в самых отдаленных районах страны, чем иногда ставил в тупик опытных путейцев. Он хорошо разбирался в городском хозяйстве, был сведущ в деятельности базовых отраслей промышленности.

В то же время А. Н. Косыгин был тонким и мудрым политиком международного уровня. Ему приходилось возглавлять делегации или участвовать в сложных переговорах по вопросам внешней политики государства, и всегда он умело отстаивал интересы Советского Союза и наших друзей. Не только официальные переговоры, но и его приватные беседы с лидерами ряда стран, в том числе и с Ф. Кастро, во многом содействовали укреплению межгосударственных отношений.

В работе А. Н. Косыгин был деловит, немногословен,

ценил свое и чужое время, в решениях – четок и однозначен. Умел до конца выслушать деловой совет, но сходу отметал болтовню и дилетантство. Мог по делу резко отчитать нерадивого или поддержать, похвалить того, кто проявлял инициативу, высказывал дельное мнение.

…Мне очень импонировали методы работы Косыгина. Это была наглядная школа управления. Он не терпел словопрений, на заседаниях Президиума сразу пресекал говоруна, а тем более некомпетентного или недостаточно осведомленного в сути вопроса оратора. Делал это строго, даже жестко, не считаясь с „авторитетом и заслугами“. Важно было не только то, что он этим берег время свое и других. А, в еще большей степени, то, что он точно формулировал ответ на заданный вопрос, предлагал и четкую запись в проект решения. Нередко, если внесенный в повестку вопрос был недостаточно проработан, он не искал экспромтом ответа на него, а снимал с обсуждения, устанавливая срок повторного рассмотрения…

…Общение с А. Н. Косыгиным было для меня хорошей школой. Своим примером в работе, поведении, высокой дисциплиной, организованностью, объективностью и беспристрастностью он воспитывал окружающих. По моему убеждению, в СССР тогда не было руководителя, которого можно было бы поставить рядом с А. Н. Косыгиным.

…Долго и самоотверженно тащивший экономический воз А. Н. Косыгин надорвался, в 1976 году у него на отдыхе произошло кровоизлияние в мозг. Он больше месяца проболел и невольно снизил активность в работе. В октябре 1979 года случился глубокий инфаркт, потом прибавилось новое заболевание. Он очень тяжело переживал свой вынужденный отход от дел. В августе 1980 года, когда он находился в больнице, Брежнев отправил его в отставку.

Он был заменен старым приятелем Брежнева 75-летним Н. А. Тихоновым. Это была совершенно неравнозначная замена.

…В декабре 1980 года Алексея Николаевича Косыгина не стало. Эта потеря оказалась невосполнимой для партии и страны».(В. И. Воротников, «Откровения». М, 2010, с. 212, 215, 216).

И началось всевластие Л. И. Брежнева…

Я не склонен одним цветом оценивать всё 18-летнее

пребывание Л. И. Брежнева на посту Генерального Секретаря ЦК КПСС. Во всяком случае, по моим наблюдениям «со стороны», снизу, с должности секретаря Туапсинского горкома КПСС, в первые послехрущевские годы работа в руководстве партии и государства спорилась. Это являлось очень важным условием успешного решения сложных и трудных вопросов, доставшихся в наследство от Хрущева. Да и внешнее поведение Брежнева на первых порах не высказывало никаких тревог, не вызывало волнений. Всё это радовало и укрепляло надежду на благополучное преодоление партией и страной образовавшихся трудностей и проблем. Мои представления и понимание ситуации подтверждает известный партийный и государственный деятель СССР Константин Федорович Катушев. Но сначала о нем самом по книге М. Ф. Ненашева «Последнее Правительство СССР». (М. 1993):

«Страницы биографии: родился в 1927 году в селе Большое Болдино Горьковской области. Окончил Горьковский политехнический институт по специальности инженер-механик. Начало трудовой деятельности связано с Горьковским автозаводом, где он работал конструктором, ведущим конструктором, заместителем главного конструктора. С 1957 года на партийной работе.

Судьба не была благосклонной к этому человеку и часто бросала его в самую гущу политических событий, где ему не просто было сохранить свою самостоятельность, отстаивать позицию здравого смысла. В апреле 1968 года К. Катушева неожиданно избрали секретарем ЦК КПСС, и он оказался самым молодым в руководстве КПСС. Как Секретарю ЦК ему было поручено заниматься социалистическими странами в сложное время острого конфликта СССР и КНР, ввода войск осенью 1968 года в Чехословакию. Противостоять в это время жесткой партийной политике М. Суслова было трудно. К чести К. Катушева, даже в самых чрезвычайных ситуациях он оставался реалистом, человеком, сохранявшим здравый подход, выступавшим против политики диктата КПСС во взаимоотношениях с коммунистическими партиями социалистических стран.

Стремление сохранить свою позицию не могло не вызвать негативного отношения в ЦК КПСС к К. Катушеву со стороны партийных ортодоксов. В 1977 году его переводят на работу в Совет Министров к А. Н. Косыгину, а в 1982 году назначают послом СССР в республику Куба. Возвращение Катушева с Кубы в 1985 году стало началом его деятельности в роли министра внешних экономических связей в правительстве Н. Рыжкова.

К. Ф. Катушев из тех, кто не терпит краснобайства, многословия. Он один из немногих бывших руководителей КПСС, который не выступал в прессе с исповедями или обличениями. И по сути, впервые согласился участвовать в этом диалоге, чтобы поделиться своими размышлениями о последнем правительстве СССР. Нашу беседу мы начали с того, как складывалась его биография, как он оценивает время работы в ЦК КПСС, в правительстве СССР», – пишет М. Ф. Ненашев в своей книге.

Представление о Константине Федоровиче Катушеве будет не полным, если не послушать его самого:

«Я принадлежу к поколению людей, воспитанных страной социализма, для которых вера в будущее всегда была связана с общим благом народа и благом Отечества. Для нас девиз „Раньше думай о Родине, а потом о себе“ был нашим убеждением и нашей молитвой. Как бы теперь ни охаивали ретивые обличители наше прошлое, мы гордимся, что были свидетелями и участниками великой победы над фашизмом и освобождения Европы в Отечественной войне. На наших глазах и при наших усилиях страна залечивала тяжелые раны войны, осваивала целину, совершила прорыв в космос и стала великой державой». (М. Ф. Ненашев, «Последнее Правительство СССР». М, 1993, с. 137–138).

Этим всё сказано. Теперь по сути вопроса, который я обозначил, **мнение К. Ф. Катушева о Брежневе:**

«Сейчас много говорят и пишут о Брежневе, как недальновидном руководителе, как человеке, не способном принимать самостоятельные решения… Не стану опровергать всё, но скажу, что в первые годы его деятельности в роли руководителя КПСС я видел другого Брежнева…

На смену Хрущеву, который не выдержал испытания на власть, пришел Брежнев, человек, не располагавший какими-то особыми политическими качествами, но уравновешенный, в отличие от своего предшественника, и не лишенный здравого смысла в оценках и решениях. Продолжительное время наблюдая за его деятельностью, я видел в ней два этапа. Первый этап – до его болезни, когда он был здоров и мог проявить себя как первый руководитель партии. Это был один Брежнев: трезвомыслящий человек, реалист, знающий жизнь, гибкий в своих поступках и во взаимоотношениях с ближайшим окружением. Во второй половине 70-х годов мы видели другого Брежнева…». (Цитирую по книге: М. Ненашев. «Последнее Правительство СССР». М, 1993, с. 140, 148–149).

Я с большим доверием отношусь к этому свидетельству осведомленного и ответственного человека, каким мне всегда

представлялся К. Ф. Катушев, и разделяю его мнение.

В подтверждение слов К. Ф. Катушева о том, что Л. И. Брежнев в первые годы своего пребывания в должности Генерального секретаря ЦК КПСС в своих суждениях и поступках был не лишен «здравого смысла» и способен на обоснованное решение вопросов, в частности, сложных вопросов внешнеполитической деятельности, – обращусь еще раз к свидетельству К. Ф. Катушева:

«…Признаюсь, далеко не все в тогдашнем руководстве КПСС понимали невозможность старых методов „командования“ социалистическими странами из Кремля. В Политбюро и Секретариате ЦК КПСС, к примеру, многие не разделяли мои взгляды и действия на смягчение и урегулирование отношений с КНР. Вы помните, какая кампания была развернута в то время в средствах массовой информации, сколько беспардонного вранья о Китае и китайцах было выплеснуто в газетах, по радио и телевидению после военных событий на острове Даманском. Я хорошо понимал, что кампания эта ничего, кроме вреда, не принесет нашей стране. Сколько усилий приходилось затрачивать, чтобы сдержать воинственно настроенных товарищей из высшего эшелона власти.

Мне приходилось тогда регулярно информировать Политбюро, персонально Л. И. Брежнева по китайскому вопросу и убеждать в необходимости считаться с интересами нашего могучего дальневосточного соседа…

…Вспоминаю один эпизод, свидетелем которого, теперь уже единственным, я был. На одном из моих докладов Брежневу один на один о взаимоотношениях с Китаем вошел министр обороны А. А. Гречко и, послушав мою информацию, бросил реплику: „Не слушайте его, Леонид Ильич, вы только дайте нам команду, и наши танки через 2–3 дня будут в Пекине“.

Л. И. Брежнев внимательно посмотрел на Гречко, спросил, насколько серьезно он об этом говорит, и, услышав утвердительный ответ, заметил: „Войти в Китай ты, быть может, и сможешь, а вот как из него будешь выходить, вот этого тебе никто сказать не сможет. – А в конце добавил: – Я тебя, Андрей Антонович, очень прошу: никогда и нигде об этом не говорить, пусть твоя реплика останется здесь, в этом кабинете, и больше ее никто не услышит“.

Л. И. Брежнев поддержал инициативу А. Н. Косыгина, и мы с ним после военного конфликта на Даманском „попутно, пролетом“ сделали остановку в Пекинском аэропорту и провели там первую встречу с Чжоу Энь-лаем и другими членами Политбюро КПК, которая стала началом урегулирования наших

отношений с Китаем.

Сложно было не только с Китаем проявлять благоразумие.

Не все в ЦК понимали необходимость поддержки Я. Кадара в его рыночных экспериментах в Венгрии, приходилось много убеждать, вмешиваться в попытки ретивых теоретиков одернуть, поставить на место строптивых венгров. Не все разделяли стремление Э. Хонеккера проводить более реалистический курс во взаимоотношениях двух Германий. Замечу, противодействие этому наблюдалось и во времена Горбачева, вплоть до его неожиданного и крутого поворота по отношению воссоединения Германии.

Больше всего я стремился к тому, чтобы установить уважительные, располагающие к доверию отношения с руководителями социалистических стран всех уровней. Я не преувеличиваю свою роль, но имею основания сказать, что пользовался доверием многих руководителей. Дорожил этим, ибо понимал, насколько оно необходимо для блага наших стран. Руководители соцстран доверяли мне информацию для „ушей“ Брежнева и советского руководства, так как знали, что она всегда будет изложена объективно и доброжелательно…». (Там же, с. 139–141).

Разделяю я также и оценку, данную К. Ф. Катушевым Л. И. Брежневу во второй половине его пребывания на посту Генерального секретаря ЦК КПСС:

«После инфарктов и инсультов он был физически немощным, заторможенным от лекарств и неспособным принимать самостоятельные решения… У него стала появляться подозрительность по отношению к тем, кто имел свое мнение, неприязнь к А. Н. Косыгину, слабость к награждениям и славословию в его честь…

Он утратил чувство меры и охотно принимал предложения досужих доброхотов во главе с Устиновым, старавшихся представить его в глазах общественного мнения в виде великого полководца…

Всё это происходило… потому, что не было демократического механизма замены лидера партии. Отсутствие такого механизма было прежде всего на руку приспособленцам, подхалимам и тем, кому выгоден был именно такой Брежнев, который уже не держал в своих руках нити управления партией и государством».(Там же, с. 149).

Аналогичным образом характеризует «два периода» в деятельности Л. И. Брежнева, рубежом которых являлся его тяжелый недуг в середине 70-х годов, и **Виталий Иванович Воротников**, хорошо знавший его на протяжении всего периода

пребывания в должности Генерального секретаря ЦК КПСС. Он свидетельствует:

«Впечатление нерадостное. Это был уже не тот активный, напористый деятель, умевший слушать собеседника и, если надо, убедить его в необходимости поддержки той или иной идеи… Обладавший стремлением произвести приятное впечатление… А потом предстал иной Брежнев. Какая-то неадекватность поведения, перескакивает с темы на тему, теряет нить разговора. То оживится, то потухнет, замолчит…». (В. И. Воротников. «Откровения». М, 2010, с. 203).

Об этом пишет и **Евгений Иванович Чазов,** являвшийся руководителем четвертого Главного Медицинского Управления, которое было ответственно за здоровье высшего партийного и государственного руководства СССР.

В своей книге Е. И. Чазов рассказывает, что, «начиная с 1975 года, после тяжелого приступа, перенесенного Л. И. Брежневым во время поездки в Монголию, он впал в невменяемое астеническое состояние… по причине чрезмерного приема сильно действующих успокаивающих средств, к чему он основательно пристрастился».

И далее Е. И. Чазов отмечает: «Брежнев все более и более терял способность к критическому анализу, снижалась его работоспособность и активность, срывы были более продолжительными и глубокими. Уже с 1975 года скрыть их практически не удавалось. Но генсек продолжал исполнять должность…»

Невольно возникает вопрос: если бы Л. И. Брежнев в то время оставил свой пост, то последующие события в нашей стране могли бы идти по-другому?

Но «механизма замены» не было.

К сожалению, история не знает сослагательного наклонения. Если бы…

Консервативное мышление Брежнева и его ближайшего окружения стало непреодолимой преградой на пути дальнейшего поступательного развития советской экономики и в целом советского государства. В середине 70-х годов стало очевидным, что экстенсивный путь развития экономики исчерпал себя и назрела безотлагательная необходимость ее перевода на путь интенсивного развития на рельсах научно-технического перевооружения.

Восемнадцать лет продолжалось пустозвонство о назревшей необходимости неотложного рассмотрения на Пленуме ЦК КПСС вопроса об ускорении научно-технического прогресса, но дальше разговоров и призывов дело не пошло.

Много говорилось правильных слов о необходимости усиления внимания к развитию группы «Б» – сферы производства средств потребления, сближении темпов развития производства средств производства и производства средств потребления. Но и эта задача тоже не получила своего разрешения. Когда реальные доходы населения заметно выросли, невозможно было удовлетворить потребность людей в товарах и продуктах первой необходимости. Во многих случаях обнаруживался дефицит многих товаров и продуктов, или никому ненужное «изобилие» товаров плохого качества.

К примеру, обуви «производилось в год три пары на душу населения», но, как горько шутили в народе, ни одной «на ноги»… В силу головотяпства в планировании возникали «дефициты» то на зубной порошок, то на зубные щетки, на мужские трусы или носки и т. д. Ряд лет в дефиците были мясо, колбаса, сливочное масло, гречневая крупа, сгущенное молоко, растворимый кофе, другие товары и продукты.

Поразительно, но всё это можно было достать, постояв в очередях в Москве, Ленинграде, Минске, Киеве, Вильнюсе и других столичных городах. Туда устремлялись поездами, самолетами, машинами, электричками миллионы людей, закупая впрок нужные продукты и товары. И всем хватало. Никто не голодал. Но дефицит на жизненно необходимые товары и продукты с каждым годом становился всё сильнее и вызывал всё большее недоумение и возмущение у советских людей.

…«Речи длинные, пустые…» – распевали в курилках и на кухнях по всей советской стране. Это тоже о Брежневе.

Надо было умудриться ему выступать с Отчетным докладом ЦК КПСС на XXVI съезде партии в течение всего первого дня работы съезда, с несколькими перерывами в ходе доклада.

Кто из присутствующих мог слушать его весь день в пятитысячном Дворце Съездов? Или у телевизоров? Но если кто и пытался, то понять путанную, неразборчивую брежневскую речь было невозможно.

Да вряд ли в то время уже осознавал, что говорил и сам оратор, изо всех сил пытавшийся озвучивать написанное угодливыми верноподданными.

…В. В. Гришин рассказывает, что он «за голову схватился», когда услышал из этого доклада задачу, поставленную Брежневым перед коммунистами и всеми трудящимися многомиллионной столицы:

«Превратить Москву в город коммунистического труда». Скорее всего, – замечает В. В. Гришин, – генсек узнал об этой «задаче» москвичам в ходе озвучивания доклада, сочиненного

услужливой командой партаппаратчиков и титулованных «придворных ученых»…

А что же верные соратники по Политбюро тоже не представляли реальную картину, создавшуюся в советском обществе и тоже не знали содержание отчетного доклада «мудрого вождя ленинского типа», как они величали Брежнева? Вместе со всем съездом члены Политбюро устраивали бурные овации после каждого «гениального тезиса», озвучиваемого генсеком…

Отвечать на этот вопрос трудно. Но вполне логично предположить, что они были «заворожены» генсеком: его равнодушием и безразличием к истинному положению дел в стране и всем содержанием его доклада. Для них было «свято» всё, что говорил Генеральный Секретарь. Его слово они считали «истиной» в последней инстанции: «Если он так говорит, – значит, так тому и быть…»

Их волновало одно: лишь бы «дорогой Леонид Ильич» оставался у руля партии и государства и «рулил» до конца своей жизни. Это было бы главным благом и для них, его верных соратников-угодников.

Хотя чему удивляться? Ни о каком «механизме» замены генсека у них не было и мысли. Не то что речи…

«Нет ничего пошлее самодовольного оптимизма»– эта ленинская формула в полной мере применима к характеристике личности Л. И. Брежнева. Ему были свойственны: отсутствие элементарной человеческой скромности, склонность к непомерному возвеличиванию и восхвалению своей личности, страсть к незаслуженным почестям и наградам, доведенная до крайнего абсурда.

Справедливости ради надо заметить, что эта страсть была присуща Брежневу изначально, с первых месяцев пребывания в должности Генерального Секретаря ЦК КПСС. Убедительное подтверждение этому оставил в своей книге член Политбюро ЦК КПСС В. В. Гришин. Уже в мае 1965 года А. Н. Косыгин на заседании Президиума ЦК КПСС резко осудил угодничество и подхалимство, которое проявляли отдельные члены Президиума ЦК по отношению к Брежневу. Он сказал примерно следующее: «Всегда найдутся подхалимы и угодники, которые стремятся угодить начальству, но Леонид Ильич не должен поддаваться подхалимству». Вместо того, чтобы принять это замечание как добрый совет, Брежнев очень болезненно воспринял его. Брежнева бесила огромная популярность А. Н. Косыгина в народе, его безграничный авторитет в стране и за рубежом.

Под стать ему была и свита, его ближайшее окружение, состоявшее, в большинстве своем, из подхалимов и приспособленцев, старых дружков-приятелей, которым было тепло и удобно под его «покровительством». Они восхваляли и возносили его до небес. Объяснить такое поведение многих лиц из брежневского окружения не трудно. Во-первых, перед их глазами было немало примеров, когда за малейшее непочтение в хрущевское время кара была скорая и беспощадная – удаление из Политбюро ЦК КПСС и смещение с занимаемых постов. А, во-вторых, не хотелось расставаться с привилегированным положением, дарованным членам Политбюро. Это реальность, которая была видна и партии, и народу. Она вызывала недоумение, иронию, сарказм, возмущение и осуждение. Какие только гневные слухи не гуляли по стране; какие только анекдоты не передавались из уст в уста; какие только частушки не распевали в «курилках».

Расправа с теми, кто становился неудобным для Л. И. Брежнева, независимо от прежних отношений с ними и занимаемых постов в партии и государстве была неминуемая. Вот для примера только отдельные факты.

Николай Викторович Подгорный многие годы был ближайшим соратником Л. И. Брежнева. Оба они являлись секретарями ЦК и членами Президиума ЦК КПСС «хрущевского» состава. Оба они к 1964 году осознали, что деятельность Хрущева достигла критической точки. Именно по предложению Н. В. Подгорного Л. И. Брежнев был избран Первым секретарем ЦК КПСС. А пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР занял Н. В. Подгорный. Добрые отношения между ними сохранялись до тех пор, пока Н. В. Подгорный не стал выражать недовольство проявлением мании величия Л. И. Брежнева, осуждая восхваления и славословия в его адрес. Как свидетельствует В. В. Гришин, однажды, во время застолья по случаю дня рождения одного из секретарей ЦК КПСС, юбиляр в основном говорил о Брежневе, о его заслугах перед партией и страной.

Возмущенный происходящим Подгорный, обращаясь к Леониду Ильичу, сказал: «Лёня, как ты можешь терпеть такие славословия в свой адрес? Почему ты не прекратишь это восхваление? Это не годится не только для руководителя, но и для простого коммуниста. Ты знаешь, как я к тебе отношусь. Я готов за тебя подставить свою грудь под пули, но я не могу видеть, как ты, по существу, поощряешь возвеличивание себя».

Однако Брежнев не внял справедливому замечанию Н. В. Подгорного. Более того, на этом же юбилее Брежнев

обрушился на Николая Викторовича, заявив, что тот «всегда сгущает краски, всегда чем-то недоволен».

Были и другие случаи, когда Подгорный высказывал осуждение Брежневу за его манию величия, поощрение хвалебных выступлений и славословий в свой адрес. Его возмущало благосклонное отношение Брежнева к подхалимажу и возвеличиванию своей персоны. Все это и послужило причиной отставки Н. В. Подгорного с поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР. В осуществлении этого «акта» особенно постарались верные соратники-угодники Брежнева А. П. Кириленко и М. А. Суслов. В мае 1977 года на Пленуме ЦК, как бы между прочим, без сообщения мотивов и причин, Суслов предложил освободить Н. В. Подгорного от обязанностей члена Политбюро ЦК и Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Н. В. Подгорный пытался что-то сказать, но Суслов не дал ему слова, а сразу же поставил вопрос на голосование. Н. В. Подгорный был освобожден от занимаемых постов.

«Пленум закрылся, – свидетельствует В. В. Гришин. – В комнате Президиума, после окончания Пленума, растерянный Н. В. Подгорный сказал: „Как все произошло неожиданно. Я работал честно…“»

Вслед за этим пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР был вручен Л. И. Брежневу. Таким образом, в его руках была сосредоточена вся высшая партийная и государственная власть.

Аналогичным образом, как уже об этом говорилось выше, поступил Брежнев и с А. Н. Косыгиным. Воспользовавшись тяжелейшим инфарктом миокарда, сразившим А. Н. Косыгина, Брежнев поспешно заменил его на посту Председателя Совмина СССР своим старым другом-приятелем Н. А. Тихоновым. Это, конечно, была совершенно неравноценная замена, отразившаяся на руководстве экономикой и социальной сферой советского государства.

Такую вот вседозволенность позволял себе Брежнев. Он принимал крутые и незамедлительные меры в отношении тех, кто говорил о недостатках его работы, отрицательно отзывался о нем. Так, во второй половине 60-х годов Брежневу было доложено, что группа бывших комсомольских работников собирается и ведет разговоры о возможной замене руководства партии. В группу входили А. Н. Шелепин, В. Е. Семичастный и другие. В опалу попал и П. Е. Шелест, первый секретарь Компартии Украины. Все они были сняты с занимаемых постов, переведены на другую работу или отправлены на пенсию, а также выведены из состава

членов ЦК КПСС.

Как-то первый секретарь Московского обкома КПСС Н. Г. Егорычев в своем выступлении на Пленуме ЦК высказал тревогу за состояние обороны страны. Брежнев, отвечавший за этот участок, принял критику на свой счет, и Егорычев был мгновенно освобожден от занимаемой должности. (В. В. Гришин. «От Хрущева до Горбачева». М, 1996, стр. 40–42, 323).

Самый раз вспомнить мудрые строки Николая Островского из его письма Михаилу Шолохову: «Знаешь, Миша, давно ищу честного товарища, который бы покрыл прямо в лицо… Нередко друзья… боятся „обидеть“. И это нехорошо. Хвалить – это только портить человека. Даже сильную натуру можно сбить с пути истинного, захваливая до бесчувствия. Настоящие друзья должны говорить правду, как бы ни была остра, и писать надо больше о недостатках, чем о хорошем, – за хорошее народ ругать не будет». («Николай Островский». Собр. соч., том 3, М. Госиздат художественной литературы, 1956 г., стр. 333–334).

К сожалению, эти мудрые слова мужественного писателя-коммуниста никак не соотносятся с той позицией, на которой стояли Хрущев и Брежнев, уверовавшие в свою непогрешимость и вседозволенность, нанося тем самым непоправимый урон авторитету высшего партийного руководителя и партии в целом.

Я сознательно сосредоточил внимание на двух высших руководителях советского государства и КПСС, и на том непреодолимом различии, которое было характерно для Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина. Различие во всём. Но особенно в главном – в человеческих достоинствах. Несравнимые величины.

Истинно государственный ум, мудрость и организаторский талант, необычайная скромность и высочайшая требовательность к себе – это Алексей Николаевич Косыгин. И рядом с ним – «красивый молдаванин», как назвал Брежнева Сталин во время работы XIX Съезда КПСС. Очень скоро обнаружилась справедливость народной мудрости: «Не все то золото, что блестит». За внешним лоском скрывались не только интеллектуальная посредственность, но и многочисленные человеческие пороки: отсутствие всякой скромности в оценке собственной персоны, самодовольство, самолюбование, карьеризм в самом худшем смысле, бахвальство и пустозвонство. Все эти и другие пороки Брежнева очень скоро выплеснулись на поверхность и с каждым годом разрастались, вызывали недоумение, негодование, отвращение. И «генсек» Брежнев всё больше походил на убогого скомороха, а напоследок и вовсе превратился в маразматика.

Естественно, это зависело, прежде всего, от умственного и

нравственного уровня самого Брежнева, но немало было в этом «заслуг» и его ближайшего окружения, подхалимствующего, потворствующего, беспринципного.

Давно известно, что «короля делает свита». Но «свита» делала и «генсеков» – Хрущева и Брежнева. Сами по себе ни тот, ни другой не смогли бы стать теми, кем они стали, и творить то, что им позволяла их «свита».

Но и в том, и в другом случае в окружении «генсеков» были не только беспринципные подхалимы, приспособленцы и карьеристы.

В свите и Хрущева, и Брежнева находились и такие политические деятели, как А. И. Микоян и М. А. Суслов, имевшие большой опыт работы на высоких партийных и государственных должностях в сталинские годы. Их непростительную беспринципность при Хрущеве и Брежневе нельзя объяснить ничем другим, как все тем же приспособленчеством, ради собственного благополучия, желанием таким образом оставаться на вершине власти как можно дольше, а еще лучше до самой смерти.

В окружение Брежнева, помимо названных лиц, входили и такие заслуженные и уважаемые в партии и в народе сталинские наркомы, как известный советский дипломат А. Громыко, принципиальная, одаренная, талантливая, многоопытная личность.

Как же они уживались в той затхлой атмосфере, которая царила в брежневские годы? Или продолжали честно выполнять свой долг, свои обязанности, махнув на все пороки и чудачества генсека? Выходит, что так…

«Тишь да гладь и божья благодать» – это время Брежнева. Только «благодать» не для страны и ее народа, а для самого «генсека» и его безликого, беспринципного окружения.

Крайнее возмущение и отвращение вызывало и не могло не вызывать у каждого здравомыслящего человека его многолетнее пустозвонство, самодовольство, запредельное тщеславие, бахвальство, самомнение, потеря всякой скромности и стыда в оценке своей персоны, своих незаслуженных «заслуг». Такого не было ни в истории, ни в самой сказочной сказке, чтобы быть удостоенным великого множества высших государственных наград, просто ради болезненного тщеславия и честолюбия, но никак не за особые реальные заслуги. Награды сыпались на Брежнева как из рога изобилия. Причем награды не только нашего государства.

Правители множества стран, зная не понаслышке патологическую страсть Брежнева к наградам, по любому поводу

и без повода навешивали на его грудь всё новые и новые ордена – высшие награды своих государств.

Четыре золотые звезды Героя Советского Союза, орден Победы, звание Маршала Советского Союза, полученные в мирное время без всяких на то оснований. К этому надо добавить золотую звезду Героя Социалистического Труда. Да еще три медали лауреата различных премий, тоже незаслуженные. Конечно, это стало возможным благодаря окружавшим его беспринципным соратникам и угодникам.

«Неудачным было ближайшее окружение генсека, его помощники, референты, консультанты, – свидетельствует В. В. Гришин. – Отношения строились на принципах угодничества и беспрекословного подчинения патрону. Материалы и предложения готовились только угодные Генеральному секретарю. Докладывалось то, что было ему приятно. Непомерным было стремление к возвеличиванию и прославлению Леонида Ильича. Его секретариат… занимался написанием книг, которые затем шли за подписью Генерального секретаря ЦК. Так, в частности, было и с известной „трилогией“ („Малая земля“, „Возрождение“, „Целина“), за которую ему была присвоена Ленинская премия. Писались биографические книги, издавались шикарные фотоальбомы… Составители этих книг и альбомов не забывали и о своих выгодах. Из рук „щедрого“ генсека истинные авторы получали государственные премии, награждались орденами. Всё это плохо воспринималось в партии и в народе, порождало различные слухи, пересуды и анекдоты…»

В. В. Гришин дает вполне справедливую оценку: «Л. И. Брежнев, особенно в последние годы работы, после устранения А. Н. Косыгина и Н. В. Подгорного, в силу своего характера и беспардонному старанию окружения многих подобострастных людей… уверился в своей непогрешимости, – в своей особой одаренности, даже величии и вседозволенности. Это… подрывало его авторитет, вызывало недовольство людей. Вообще плохо сказывалось на работе партии и общем положении в стране». (В. В. Гришин. «От Хрущева до Горбачева». М, с. 49).

Но вслед за этой суровой, но справедливой оценкой В. В. Гришин тут же пишет: «Но может быть, следует снисходительно относиться к слабости Л. И. Брежнева к наградам и почестям… Награды Л. И. Брежнева никакого ущерба, никаких материальных потерь не принесли…». (Там же, с. 48–49).

Вот с этим «умозаключением» В. В. Гришина я никак не могу согласиться. При этом рождается еще один вопрос: а как же смотрело на все эти слабости Политбюро ЦК? А никак! Очень скоро Л. И. Брежнев своей порочной кадровой политикой

избавился от всех «недругов», какими он считал всех своих оппонентов, и в составе Политбюро стали преобладать старые «дружки-приятели», льстецы и подхалимы. Список этот открывается именами Кириленко, Тихонова, Черненко и прочих близких соратников по работе Брежнева на Украине и в Молдавии.

Как верно замечает В. В. Гришин: «За время работы генсеком Брежнев перевел в Москву и расставил на руководящие посты многих знакомых сослуживцев… В Москву перебралось множество днепропетровцев и других земляков». (Там же, с. 45).

Естественно, они милостиво считали, что генсеку всё дозволено, любая слабость, любая забава, любые чудачества по принципу: «чем бы генсек ни тешился, лишь бы нам было хорошо». Не хотели понять того, что все эти отвратительные брежневские феномы наносили неизмеримый урон авторитету партии, во главе которой он находился, разрушали её политические и нравственные устои, вреднейшим образом отражались на состоянии общества и настроении народа.

Что представляли собой в физическом отношении лица, восседавшие в брежневском Политбюро? Рассказывает член Политбюро ЦК КПСС В. И. Воротников:

«Почти полностью отошел от дел серьезно заболевший А. П. Кириленко. Перешагнувший в ту пору 77-летний рубеж М. А. Суслов фактически не работал, а лишь три – четыре часа в день присутствовал в ЦК.

Мне вспоминается одно личное впечатление. В феврале 1981 года я прибыл из Гаваны на XXVI Съезд партии. В кулуарах съезда я чувствовал себя как-то неуютно, не было обычной раскованности при встречах с коллегами. Может быть, оттого, что я два года отсутствовал? Нить разговора завязывалась и… скоро обрывалась. Они спрашивали меня о Кубе, я начинал рассказ, но собеседники после двух-трех фраз прерывали меня и переводили беседу на внутренние проблемы, причем высказывались в остро критическом тоне. Мне это было непонятно. Они жаловались на недостатки в работе правительства, на то, что Н. А. Тихонов, сменивший А. Н. Косыгина, осторожничает, да и понятно, на 76-м году зачем рисковать. К Секретарям ЦК теперь не достучишься со своими проблемами – возраст и болезни сказываются: „Ты посмотри, как формально, заорганизовано проходит этот съезд? О чем говорить!“ И наша беседа разваливалась.

Наблюдая за президиумом съезда, нельзя было не заметить, как постарели и физически сдали некоторые руководители. Л. И. Брежнев с большим трудом, еле-еле „дотянул“ доклад. А. Я. Пельше, М. А. Суслов, А. П. Кириленко, Н. А. Тихонов

выглядели болезненно. Да и немало министров, секретарей обкомов, проработавших на своих постах 15–20 лет и давно перешагнувших 70-летний рубеж, прямо скажу – „не смотрелись“. Политика стабильности кадров, провозглашенная Брежневым в 1965 году, трансформировалась в кадровый застой и, бесспорно, нуждалась в пересмотре. Да, что-то изменилось в стране и в людях за прошедшие два года. Но что? Я тогда не мог найти ответа. Он пришел чуть позже.

Были и объективные причины. Уже невозможно стало вести такое огромное народное хозяйство страны старыми методами. Централизация всё более давила и сдерживала инициативу мест. Ни Госплан, ни Госснаб, ни Минфин, ни другие экономические ведомства уже не были в состоянии „проворачивать“ этот огромный маховик механизма экономики страны. Настоятельно требовались реформы. Надо было разгружать от забот верхние эшелоны власти, передавать права и ответственность вниз.

К тому же всё более расклеивались экономические отношения с зарубежными странами. Контакты нашего руководства с лидерами братских соцстран носили формальный характер. Буксовал Совет Экономической Взаимопомощи.

Было очевидно – необходима ротация, смена руководства, обновление кадров. Нужны поиск и решение экономических и социальных проблем в условиях совершенствования механизма управления, раскрытия потенциала социализма, повышения инициативы и заинтересованности людей в результатах труда. Об этом говорили мы, члены ЦК, между собой…»

«Самодовольный оптимизм» Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева находил отражение не только в речах его самого и ближайших соратников по Политбюро, в официальных документах партийных съездов, пленумов, постановлений ЦК и, соответственно, составлял сердцевину всей партийной пропаганды. «Самодовольная риторика» всё сильнее вступала в противоречие с реалиями экономики, социальной сферы, настроениями в обществе.

На всесоюзных и республиканских семинарах лекторов партийных комитетов и Общества «Знание», в работе которых мне доводилось систематически участвовать, в выступлениях осведомленных и мыслящих ответственных работников Госплана СССР и лекторов ЦК КПСС, начиная с середины 70-х годов, всё откровеннее говорилось о накопившихся проблемах в развитии советского общества.

Радовало то, что многие острые вопросы, о которых всё больше задумывались многие советские люди, были известны высоким компетентным государственным органам, и они не

только критически анализировали причины образовавшихся и нараставших проблем, но и высказывали осмысленные, аргументированные соображения о путях их преодоления и разрешения.

Возвращаясь в край, обогащенный, вернее сказать, вооруженный «фактурой» и критическими оценками, полученными на семинарах, я озвучивал эту тревожную, но принципиально важную правду на краевых, городских и районных семинарах лекторов, пропагандистов, партийно-хозяйственного актива. Это воспринималось весьма озабоченно, но терпеливо.

Все ждали решительных действий высшего партийного и государственного руководства. Но оно продолжало жить в атмосфере «самодовольного оптимизма».

О чем говорили высоко компетентные лекторы на всесоюзных и республиканских семинарах? О необходимости скорейшего перевода советской экономики с экстенсивного на интенсивный путь развития, об ускорении научно-технического прогресса, преодоление серьезного отставания СССР от США и других развитых капиталистических государств по уровню производительности труда; о высоком удельном весе ручного, мало производительного труда в строительстве, сельском хозяйстве, в сфере производства товаров и продуктов народного потребления; о критическом отношении к валовым показателям и необходимости смещения акцентов на качество производимых товаров; о сокращении отставания производства средств потребления от производства средств производства и многом другом…

Говорилось о том, что было видно невооруженным глазом. Это были бесспорные, объективные и реалистические оценки.

Но шли годы, а эти проблемы не находили должной озабоченности и решительных действий партийных и государственных органов.

Скажу больше. На всесоюзных и республиканских семинарах можно было услышать достаточно смелый, откровенный и обоснованный критический анализ накопившихся проблем не только в экономике и социальной сфере, но и в области развития теории социалистического строительства. Обнажались негативные вопросы нравственного воспитания советских людей: рост потребительских настроений, стяжательство, накопительство, вещепоклонство, рецидивы частнособственнических и мещанских настроений. Остро говорилось о необходимости поиска радикальных мер по их преодолению и искоренению. Указывались и адреса – откуда всё это идет. Но…

В «тихой заводи», образовавшейся в брежневские годы, как в самом затхлом болоте «рождались черти». Рождались они и в рядах КПСС, и в составе её высшего руководства, прежде всего, и в недрах самого советского общества. И в невероятно большом количестве. Ибо от партвельможества, самодовольства, самолюбования, самовозвеличивания, вседозволенности до перерождения, ренегатства, предательства, дистанция очень короткая…

В послесталинские годы, со времен Хрущева и Брежнева (а это почти три десятилетия советской истории) КПСС постепенно переставала быть единой. С одной стороны – партийная масса, всегда проявлявшая свое одобряющее единодушие, свято верившая с ленинско-сталинских лет в гениальность вождей, их святость и непогрешимость. С другой – сформировавшаяся партаристократия, уверенная в своей безнаказанности, оторвавшаяся от народа и попиравшая его интересы, а заодно и судьбу социализма.

Не раз и не два в своих публикациях и выступлениях я писал и говорил о том, что причиной многих неудач, постигших советское общество в послесталинское время, явилось то, что достойной замены И. В. Сталину по уровню интеллекта, гениальности мышления, искусству политика и таланту организатора в КПСС не нашлось. Точнее сказать, не в КПСС и в Советском государстве, а именно на высшем партийном посту, определявшем курс и путь развития советского общества.

По сравнению с И. В. Сталиным на вершине власти оказались невежды. Уровень их знаний и владение марксистско-ленинской теорией социализма и социалистического строительства, не говоря уже о его творческом развитии, был весьма поверхностным и ограниченным.

Справедливости ради надо сказать, что в составе высшего партийного и государственного руководства и в хрущевские, и в брежневские годы были и другие лица, хорошо понимавшие опасность того курса, той политики, которую вели названные генсеки, для судеб партии и социализма. Об А. Н. Косыгине я уже писал. Хочу назвать один пример. Вскоре после смерти Брежнева Ю. В. Андропов, ставший генсеком, обозначил в качестве главной задачу: разобраться, в каком обществе мы живем, на какой ступени зрелости оно находится?

А ведь в брежневской Конституции СССР 1977 года – основном законе государства, утверждалось, что «в СССР построено развитое социалистическое общество…»

…Такой «выход» был найден брежневским руководством, вместо того, чтобы признать несостоятельность хрущевской

Программы КПСС, принятой с его участием, провозглашавший построение в СССР к 1980 году основ коммунистического общества. Словно её и не было в природе. Стыдливо замалчивали главный партийный документ. А коммунисты должны были руководствоваться им. Иначе как же?

В этой связи мне вспоминается один «казус», имевший место в моей пропагандистской работе.

…Заканчивался 1979 год, предпоследний год двадцатилетия, в результате которого, как говорилось в Программе КПСС, принятой XXII Съездом, в Советском Союзе должна быть построена материально-техническая база коммунизма.

В этой связи в партии и в народе жил обоснованный интерес к тому, как реально обстоит дело с ее выполнением. Хотя многие давно уже поняли утопичность этой хрущевской идеи.

Но Программа КПСС оставалась главным стратегическим документом партии и советского народа, определявшим пути и этапы коммунистического строительства. Соответственно в партийной пропаганде, во всей системе политического просвещения и в учебных курсах вузовских общественных наук продолжалось глубокое и всестороннее изучение партийной Программы и ход ее выполнения.

Зная реальное положение дел в развитии экономики и других сфер советского общества, лекторы ЦК КПСС и ответственные работники Госплана СССР на всесоюзных и республиканских семинарах лекторов партийных комитетов и Общества «Знание» реалистически подходили к освещению этого важнейшего политического вопроса. Основываясь на результатах, достигнутых за годы, прошедшие после принятия Программы КПСС, они делали аргументированные выводы о волюнтаристских сроках построения коммунистического общества в СССР за два десятилетия, определенных Хрущевым.

Участники этих семинаров, возвращаясь в регионы, ориентировались в своих выступлениях по этому вопросу на полученные сведения.

Такой «арсенал», созданный по материалам всесоюзных и республиканских семинаров лекторов, имелся и у меня. Максимально ориентируясь на него, я освещал этот самый животрепещущий вопрос в своих выступлениях.

Заключительным в серии семинаров, проводившихся в Краснодарском крае осенью 1979 года, был областной семинар идеологического и партийно-хозяйственного актива Адыгейской области.

В своей двухчасовой лекции я изложил суть проблемы. Многосотенная аудитория, заполнившая до отказа вместительный

зал заседаний областного Дома политпросвещения, с большим вниманием слушала лекцию, содержавшую критический анализ складывающегося реального положения с реализацией двадцатилетней программы создания материально-технической базы коммунизма, построения основ коммунистического общества в СССР, решения других задач, предусмотренных Программой КПСС.

Соответственно, последовал обоснованный на фактах реалистический и аргументированный вывод о том, что за два десятилетия, определенных Программой, нам не удастся выйти на намеченные рубежи. Как показало время, это было нереальным, неосуществимым в столь короткий срок.

Не успел я перейти к ответам на вопросы, как услышал голос секретаря обкома партии, обращенный к аудитории: «Всё, что здесь говорил вам Иван Павлович Осадчий, – это его личное мнение. Именно так надо воспринимать его выводы и оценки. Областной комитет партии не имеет официальных документов ЦК КПСС на сей счет, и мы будем продолжать настойчиво бороться за безусловное выполнение Программы КПСС. На этом закончим работу семинара. Мы посоветовались в президиуме и считаем, что нет необходимости дискуссировать по вопросам, поднятым товарищем Осадчим в его выступлении».

Таким образом, секретарь обкома КПСС дезавуировал главное в моей лекции: критический, реалистический анализ положения дел с выполнением Программы КПСС, выводы и оценки, вытекающие из него.

После семинара меня пригласили в кабинет заведующего Домом политического просвещения. Руководители идеологической работы в области высказали свою неудовлетворенность и недоумение по поводу моей позиции, считая, что она демобилизует партийные комитеты и коммунистов в борьбе за выполнение Программы КПСС.

«Какими бы данными вы не располагали, непозволительно делать оценки и выводы, пока они не сделаны партией, её Центральным Комитетом» – такой был итог нравоучений, полученных мною тогда от руководителей Адыгейского обкома КПСС.

При этом, видя мою взволнованность и смущение, они в заключение сказали: «Ни ЦК, ни крайком КПСС мы не будем информировать о вашем субъективном выступлении. Но совет наш учтите, иначе у вас могут возникнуть серьезные неприятности.

Вы человек грамотный и хорошо понимаете, чем это может вам грозить…»

Такова вот случилась история с этим моим выступлением. К счастью, единственная такого рода.

…Вот она бессмертная «правда», саркастически обнаженная величайшим поэтом советской эпохи Владимиром Маяковским:

Нам с тобою думать неча, —

Если думают вожди…

Слепая вера в гениальность вождя, непоколебимая вера в каждое его слово, в непререкаемость и непогрешимость сказанного или сделанного им, – одна из главных причин крушения КПСС…

К горькому сожалению, этот «грех» продолжает жить и ныне, что чревато новыми ошибками и поражениями партии коммунистов.

Верно говорят многие мыслящие люди, что гении, величайшие таланты, мудрые люди рождаются крайне редко. А ведь именно этими качествами должен обладать тот, кто заслуживает чести быть названным партийным, народным вождем.

…Рассказал я здесь о выступлении в Майкопе лишь для подтверждения изложенного. Этот эпизод произошел за три года до смерти Брежнева и за четыре – до мужественного и мудрого признания Ю. В. Андропова, высказанного им в статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», опубликованной в журнале «Коммунист» в 1983 году.

Спустя четыре года Ю. В. Андропов, избранный Генеральным секретарем ЦК КПСС, в 1983 году, откровенно, мужественно и мудро скажет следующее: «Мы еще не знаем в должной мере общество, в котором живем…, на какой стадии социалистического строительства находится наша страна…» Из-за безвременной смерти Ю. В. Андропов не успел дать ответ на этот вопрос.

Я разделяю вывод российских ученых социалистической ориентации, сделанный в тезисах к 80-летию Великого Октября (1987 год): «При всех своих достижениях, Советский Союз вплоть до его разрушения не вышел за рамки раннего социализма, не завершил решение задач переходного периода…»

Глава вторая. Краснодар (1967–1990). Годы, прожитые не зря

…Ректор Краснодарского педагогического института Константин Александрович Новиков принял меня тепло и сердечно. Он уже знал о моем решении оставить партийную работу и перейти в очную аспирантуру для завершения

кандидатской диссертации и её защиты.

Лично мы были знакомы уже более семи лет. Познакомились в Москве в январе 1960 года, в дни работы III Всесоюзного съезда Общества «Знание». Оба являлись его делегатами от Краснодарской краевой организации.

В то время Константин Александрович был ректором Майкопского педагогического института и возглавлял Адыгейскую областную организацию Общества «Знание», а я – ответственным секретарем Туапсинской организации. Не раз встречались на конференциях и пленумах правления Краснодарской краевой организации. Оба входили в состав правления.

Когда Константин Александрович был назначен ректором Краснодарского педагогического института, я уже работал секретарем Туапсинского горкома КПСС и являлся аспирантом-заочником кафедры истории КПСС пединститута.

Вопрос о возможности перевода меня в очную аспирантуру или на преподавательскую работу в пединституте возникал не однажды. И вот пришел день, когда этот вопрос надо было безотлагательно решать…

Константин Александрович обстоятельно расспросил меня об изменениях в руководстве Туапсинского горкома КПСС, о семье и жилье. С пониманием отнесся к моему решению. И тут же заметил: «Приказ о переводе Вас в очную аспирантуру, по согласованию с Минвузом, уже подписан. Но для Вас и семьи это будет трудный год. Аспирантская стипендия мизерная. Вам и одному-то на нее не прожить. Надо подумать о назначении вас по приказу на должность старшего преподавателя кафедры истории КПСС. Там оклад тоже небольшой. Но, во-первых, у вас пойдет вузовский преподавательский стаж, а, во-вторых, несколько десятков рублей при вашем положении совсем не лишние. Давайте вместе подумаем об этом».

Я сразу ответил в тон ректору: «Давайте подумаем…»

– Комната в нашем общежитии на улице Тельмана вам будет предоставлена буквально завтра, – добавил Константин Александрович. – Вот все, чем я могу Вам помочь. Когда завершите работу над диссертацией и защитите ее, – жизнь у Вас войдет в нормальное русло.

Как я уже писал в первой книге, мой научный руководитель Павел Петрович Измайлов умер после тяжелой болезни где-то года два спустя после зачисления меня в аспирантуру. Обязанности научного руководителя добровольно взял на себя заведующий кафедрой истории КПСС Иван Иванович Алексеенко. Вопрос о моем переводе в очную аспирантуру решался при его

активном участии. Он же познакомил меня в один из приездов в Краснодар с первым проректором пединститута Гаврилой Петровичем Ивановым. Эти три человека и были моими «крестными» на этапе моего прихода в пединститут и в последующие годы работы в нем, ставшем в 1970 году Кубанским государственным университетом…

В один из ближайших дней после этой встречи с ректором состоялась еще одна встреча с ним по вопросам моего труда и бытоустройства. В ней участвовали Г. П. Иванов и И. И. Алексеенко. Они поддержали предложение ректора о назначении меня по приказу старшим преподавателем кафедры истории КПСС (должность нашли вместе).

Ректор и первый проректор попросили И. И. Алексеенко определить для меня такой объем учебных поручений, чтобы я имел возможность максимально сосредоточиться на завершении работы над диссертацией и ее защите. Был также согласован вопрос о предоставлении мне нескольких творческих командировок в Москву для работы в центральных государственных архивах и научных библиотеках.

Таким весьма обнадеживающим было начало моей новой жизни.

Руководство пединститута, ректорат и партком, секретарем которого многие годы был Александр Иванович Бакурский, решили также максимально использовать мой большой опыт комсомольской и партийно-политической работы. Спустя несколько месяцев я был избран первым заместителем секретаря парткома пединститута по идеологии и впоследствии многократно избирался на эту должность.

Ко времени моего прихода в пединститут в нем работали мои близкие друзья-единомышленники: Владимир Павлович Фролов – доцент, а затем заведующий кафедрой философии, и Кирилл Асенович Аджаров – заведующий кафедрой и секретарь партбюро юридического факультета.

Владимир Павлович – из когорты друзей, найденных мною в Брюховецком районе. После окончания философского факультета МГУ он работал заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Брюховецкого райкома партии. Приехал туда уже на рубеже моего отъезда в Туапсе. Мы тогда только познакомились, прониклись глубочайшим уважением друг к другу и вскоре крепко-накрепко подружились, стали братьями роднее родных. И не только мы относились по-братски друг к другу, но и многие считали нас действительно братьями. У нас было общее отчество, и это тоже сближало. А фамилии как-то в расчет не брались.

Квартира и семья Володи Фролова стали для меня родным

домом.

Теплом и заботой был я согрет в семье Владимира Павловича. Их излучали и супруга его Мария Кузьминична, и дочь Светлана. Неделями и месяцами я жил у них на всем готовом…

По-братски близкими и сердечными были наши отношения с Владимиром Павловичем до последнего дня жизни. Когда его не стало, мне всегда не доставало его душевной щедрости, верных советов, помощи и поддержки…

Владимир Павлович не только сам проявлял трогательную заботу обо мне и моей семье. В том, что наш сын Коля пошел на философский факультет Московского государственного университета – огромная заслуга Владимира Павловича, окончившего его с отличием вскоре после Великой Отечественной войны. В том выпуске было много фронтовиков, как и он сам…

Владимир Павлович не только согревал меня бескорыстной помощью и душевной щедростью. Он подарил и многих своих друзей-однокурсников. Его имя служило паролем для них. Когда бы я ни обратился к ним, они всегда были готовы прийти на помощь.

Представляя меня своим друзьям, он, по их словам, давал мне такую аттестацию: «Иван Осадчий – обязательный человек». Это качество он считал самым важным для человека. Обязательному человеку чужды равнодушие, безразличие, разрыв между словом и делом. Одним словом, «обязательность» – свидетельство высокой порядочности и надёжности. Владимир Павлович обладал редчайшей чуткостью, умением понимать состояние человека, делить с ним и радость, и беду. Как и Владимир Павлович, я особо ценю человека по его обязательности в любом деле, малом и большом, и в обыденной повседневной жизни.

Назову поименно (не могу не назвать) друзей В. П. Фролова, ставших и моими добрыми товарищами:

Василий Петрович Агафонов, заместитель начальника Управления преподавания общественных наук Министерства высшего образования СССР, заведующий кафедрой философии Лесотехнической академии в Мытищах. На протяжении многих лет он приходил на помощь во всех сложных ситуациях, возникавших в жизни.

Жанна Павловна Крючкова, редактор политической литературы Госполитиздата. Её квартира в течение ряда лет служила для нас гостеприимной обителью…

Геннадий Михайлович Гусев был самым молодым из однокурсников Владимира Павловича. Об этом он сам мне рассказывал: «Я пришёл на философский факультет МГУ со

школьной скамьи. В то время, в первые послевоенные годы, со мной учились многие вчерашние фронтовики. У меня за плечами были свежие знания, приобретенные в школе, которую я окончил с золотой медалью. У них – фронтовая закалка, мужество, смелость, твёрдость духа и характера, неуёмная жажда знаний. Я робел перед ними, но они относились ко мне как к равному, даже с подчёркнутым уважением, обращаясь ко мне за консультацией по забытым школьным предметам.

Владимир Павлович был и на факультете, и на курсе, и в нашей учебной группе, пожалуй, самым авторитетным. Не случайно он являлся нашим бессменным парторгом»…

Геннадий Гусев был самым близким другом В. П. Фролова. Они дружили семьями и часто встречались, навещали друг друга. Он очень дорожил дружбой с Владимиром Павловичем. И, потеряв его, считал себя осиротевшим.

После окончания философского факультета Геннадий Гусев был приглашен на работу в ЦК ВЛКСМ. Затем много лет трудился в ЦК КПСС. Впоследствии был референтом Председателя Президиума Верховного Совета СССР, члена Политбюро ЦК КПСС В. И. Воротникова. Многие годы входил в состав редколлегии «Роман-газеты» и ряд лет являлся её главным редактором…

Он откликался на все мои просьбы, чаще всего, – по вопросам бронирования мест в московских гостиницах для меня и семьи…

За неделю до кончины Владимира Павловича, мы с сыном встречались с ним. Он обстоятельно интересовался предстоявшей защитой Колей кандидатской диссертации, давал советы, вручил отзыв кафедры философии Кубанского университета на автореферат диссертации. А перед самым нашим уходом спохватился: «В Институте повышения квалификации я познакомился с заведующим кафедрой философии Владимирского пединститута Федором Васильевичем Цанн-Кай-Си. Я позвоню ему и попрошу поучаствовать в защите. Ведь Владимир рядом с Москвой».

Вечером того же дня сообщил: «Договорился. Федор Васильевич обязательно будет на защите и выступит в качестве неофициального оппонента. Автореферат он получил, прочитал и хорошо отозвался о нём…».

Забегая вперёд, скажу, что Ф. В. Цанн-Кай-Си слово своё сдержал…

Разве мог я предвидеть, что это было наше последнее общение с Владимиром Павловичем, последняя встреча. Ничего не предвещало беды… Неделю спустя Владимира Павловича не стало. Он изредка жаловался на боли в сердце. Потом был инфаркт. Но Владимир Павлович справился с ним и вернулся в

строй. И вот на выходные он поехал в кубанскую станицу Варениковскую, на родину супруги Марии Кузьминичны. После позднего плотного ужина разразилась острая боль в груди. Вызвали «скорую». Новый инфаркт. На этот раз роковой…

В последний путь провожали Владимира Павловича его многочисленные друзья, товарищи по работе, преподаватели и студенты университета. Из Москвы прилетел на похороны своего самого первого и любимого друга Геннадий Михайлович Гусев. Долго держался, но не в силах был совладать с постигшим горем, – разрыдался. – Как и я, и многие, стоявшие у его гроба. Осиротела не только семья, родные и близкие Владимира Павловича. Осиротели и мы, его друзья-товарищи, коллеги и ученики…

Многие годы моим другом-единомышленником являлся Кирилл Асенович Аджаров. Он был не только крупным ученым в области международного права. Он по праву считался одним из лучших лекторов-международников не только в крае, но и во всем Советском Союзе. Часто бывал в Туапсе. К горести моей и всех, кто знал его, он тоже рано, безвременно ушел из жизни…

В большой университетской семье у меня появилось великое множество друзей-товарищей, с которыми нас роднило глубокое взаимное уважение и взаимопонимание. Назвать всех просто невозможно. Назову только отдельные имена.

На юридическом факультете, где начиналась моя учебно-педагогическая деятельность в университете, помимо уже упомянутого К. А. Аджарова, это были: декан факультета А. А. Хмыров и его заместитель Б. М. Бахарев. Удивительной порядочности люди. К горькому сожалению, Б. М. Бахарев тоже очень рано ушел из жизни.

На моей родной кафедре истории КПСС, которой заведовал И. И. Алексеенко, работала группа способных преподавателей, ставших моими «товарищами по оружию»: И. С. Казюкин, В. А. Мирзо, И. Б. Алещенко, работавший секретарем Краснодарского крайкома КПСС по идеологии, а затем – ректором Краснодарского пединститута; В. Ф. Прудкогляд, В. В. Криводед, А. Ф. Норицына и А. Ф. Чиченина; из молодых – В. Д. Сафонов и Ю. А. Пеницын, парторг кафедры Н. Н. Давыдов; заведующая кабинетом Лидия Герасимовна Еремеева.

На кафедре научного коммунизма, которой мне впоследствии довелось заведовать, безупречно трудились К. М. Мартыненко, ставший профессором и сменивший меня на должности заведующего кафедрой, С. А. Колесник, Т. Г. Хижняк, Д. Г. Щербина и другие. Добрыми соратниками по работе были преподаватели других кафедр общественных наук – философии и

политэкономии.

Трудно кого-либо выделить особо из коллектива исторических кафедр исторического факультета, на котором мне пришлось работать многие годы. Назову лишь для примера таких авторитетнейших ученых, какими были доктора исторических наук, профессора Н. В. Алфимов и Ф. Н. Телегин, а также В. И. Черный, А. Г. Иванов – сын Г. П. Иванова и другие.

За годы работы в Кубанском университете мне пришлось в разные годы преподавать на дневном, вечернем или заочном отделениях практически всех факультетов. Помимо юридического и исторического факультетов, больше других работал на филологическом факультете, факультетах иностранных языков и биологическом; реже – на математическом, физическом, музыкально-педагогическом и художественно-графическом. Эпизодически (в порядке замены) – на химическом и географическом.

Особые, теплые, добросердечные отношения были у меня с деканом факультета иностранных языков Владимиром Ильичом Тхориком. Они выходили далеко за рамки служебных.

Много общего было у нас с деканом биологического факультета Арнольдом Петровичем Тильбой. Этому способствовало не только глубокое уважение и взаимопонимание. Оказалось, что с его родным братом Владимиром Петровичем Тильбой мы были хорошо знакомы в бытность моей работы первым секретарем Хасанского райкома комсомола Приморского края. В те годы В. П. Тильба был директором рыбокомбината «Зарубино». Узнав об этом, Арнольд Петрович рассказал (или написал) брату обо мне. И тот отозвался теплым душевным письмом. Было приятно услышать человека, с которым меня уже разделяло более чем два десятилетия…

С бескорыстной, неоценимой помощью названных мной прекрасных людей я начинал новый этап жизни в Краснодаре. Они сделали очень много, чтобы я поскорее вошел в вузовскую жизнь, приобрел новых хороших и верных друзей-товарищей, чтобы большая институтская, а впоследствии – университетская, семья стала для меня близкой и родной. Каждый со своей стороны, они активно поддерживали меня и в многотрудной научной работе-борьбе, выпавшей на мою долю…

Особо хочу сказать о Гавриле Петровиче Иванове. Его участие в моей судьбе было неоценимым, и потому остается незабываемым. Он не только «без проблем» всегда откликался на мои просьбы, но и сам проявлял исключительное внимание к моей жизни, особенно к моей сложной научной судьбе. Я постоянно находил у него взаимопонимание, моральную

поддержку и разностороннюю помощь. Касалось ли это планирования моего учебного процесса или научных командировок – любой вопрос он решал мгновенно…

Гаврила Петрович выезжал на защиту моей кандидатской диссертации в Ростовский университет и на её повторное рассмотрение на секции истории КПСС Экспертного Совета ВАКа, когда мои неукротимые «оппоненты» добились этого. Его поддержка как первого проректора университета была очень важной. В обоих случаях ученых интересовала характеристика меня как человека, как вузовского преподавателя и ученого. Слово Гаврилы Петровича было весьма значимым.

И это не всё. Выезжая со мной для участия в «научных баталиях», Гаврила Петрович брал на себя все хлопоты, заранее предупреждая меня: «Гостиницу я заказал и оплачу». На мои попытки возразить он неизменно отвечал: «Спрячь свои несчастные рубли». Тоже было и при оплате за питание в гостиничных кафе.

В обоих случаях, когда мы ехали с Гаврилой Петровичем по моим диссертационным делам, машиной ли в Ростов или поездом в Москву, он брал с собой объемистый чемодан, заведомо наполнив его продуктами, фруктами, овощами, бутылкой-двумя коньяка и говорил при этом: «Послезащитный банкет, как принято в таких случаях, устраивать нельзя. Пронюхает твоя „шатия-братия“ (так он называл моих „противников“), – добра не жди. Разведут такое „кадило“, от которого задохнуться можно. А в гостиничном номере, в „узком кругу“, поужинаем, отметим защиту. Я уверен, что всё будет хорошо». И вслед добавил: «Ты здесь ни причем. Это буду делать я по должности, как проректор университета, в котором ты работаешь, в знак уважения и признательности».

…Не раз бывало, когда я собирался в научную командировку, Гаврила Петрович, вручая мне командировочное удостоверение, прикладывал 30–50 рублей: «Возьми. Пригодятся на непредвиденные расходы». Возражать было бессмысленно.

…Запомнился один случай, который доскажет то, что я здесь не сказал. Как-то в день нашего отъезда по моим диссертационным делам, Гаврила Петрович был очень занят университетскими вопросами и заехать домой за вещами не успевал. Дал свою машину и попросил съездить за ними к нему домой. Я хорошо знал семью Гаврилы Петровича – его супругу Валентину Дмитриевну и сыновей: старшего Александра – со времени его пребывания в аспирантуре, и младшего Юрия – студента юридического факультета, на котором я преподавал историю КПСС.

Высказал Валентине Дмитриевне слова извинения, благодарности и признательности за то, что Гаврила Петрович, в ущерб семье и отдыху мается со мной по командировкам. И услышал в ответ: «Иван Павлович, о чем Вы? Он для Вас готов сделать всё. Он за Вас волнуется больше, чем за семью. Такой он человек…»

Имя и облик Гаврилы Петровича необыкновенно добросердечного, внимательного и отзывчивого человека, его бескорыстная душевная щедрость живут в моей памяти все минувшие годы. И будут жить, пока живу я…

Таким же внимательным, добрым и отзывчивым человеком безграничной душевной щедрости остается в моей памяти и Гурген Карапетович Долунц. Предметом его докторской диссертации было исследование революционной деятельности Сергея Мироновича Кирова на Северном Кавказе. А это значит, что Гурген Карапетович глубоко знал историю борьбы за победу социалистической революции и утверждение Советской власти в этом регионе. Потому он всегда весьма компетентно и объективно оценивал мои научные диссертации и публикации, посвященные этой теме. Откликался на них своими отзывами, оглашал внешний отзыв кафедры истории КПСС Краснодарского политехнического института, которой он заведовал, на мою кандидатскую диссертацию при ее защите в Специализированном Совете по историческим наукам Ростовского государственного университета; выступал на повторной защите мною кандидатской диссертации в ВАКе. Такое не забывается…

Он сделал очень много для достижения мною поставленных целей в науке. Гурген Карапетович сыграл также большую роль в определении моей супруги Нины Тимофеевны на работу в политехнический институт, на вновь создаваемую кафедру хлебопечения. Память о нем, как о человеке огромной душевной щедрости и отзывчивости, живёт в моём сердце и всегда будет жить…

…Теплотой, вниманием и заботой были согреты и наши отношения с Иваном Ивановичем Алексеенко, на долю которого выпала нелегкая судьба быть моим «добровольным» научным руководителем на этапе подготовки и защиты кандидатской диссертации. Его участие было неоценимым во всей моей научной судьбе и в преподавательской деятельности. Даже тогда, когда по непонятным, необъяснимым мотивам он был освобожден от заведования кафедрой истории КПСС.

Случилось это непредвиденно и неожиданно. Было созвано внеочередное заседание кафедры. Нам представили незнакомого человека: «Маститый ученый, доктор исторических наук,

профессор Степичев. Ваш новый заведующий кафедрой. Иван Иванович уйдет в старшие научные сотрудники для завершения работы над докторской диссертации и ее защиты…»

Все мы, преподаватели кафедры, в недоумении только «пожали плечами». Потом узнали, что Степичев приехал к нам из Сибири, где работал в вузе в такой же должности. Не иначе, как в Отделе науки ЦК КПСС или в Минвузе была «своя рука» (земляк, друг, приятель). Кто-то властно похлопотал о его переводе и трудоустройстве в Кубанском университете. Сразу же ему вручили и ключи от трехкомнатной квартиры.

Этот «маститый» ученый был надменным, чванливым и высокомерным. Короче, нам «не ко двору». На кафедре у нас был коллектив простых, скромных, добросердечных и знающих предмет преподавателей. Царила атмосфера взаимопонимания и взаимовыручки. И вдруг… такой «чиновник».

Вскоре в этом убедился не только коллектив кафедры, но и руководство университета, и Отдел науки крайкома КПСС. Степичев, как неожиданно объявился, так очень скоро, год-два спустя, уехал из Краснодара в Рязань, на такую же должность…

Иван Иванович вернулся на свою «законную» должность заведующего кафедрой.

Кстати, квартиру Степичева предоставили мне. И мы, до этого два года обитавшие в студенческом общежитии на улице Тельмана, тут же переселились в неё.

…В то «степичевское» время мы особенно сблизились и сдружились с Иваном Ивановичем и его семьей. Встречались не только на работе, но и в домашних условиях.

У Ивана Ивановича и его супруги Марии Федоровны была хорошая традиция: вечерние прогулки. И не только в выходные, а бывало и в будние дни заходили к нам «на огонек». Жили они на Гидрострое, примерно в полутора-двух километрах от нас. Но по тем годам, да еще к единомышленникам, – это не расстояние.

Приятные, незабываемые встречи помнятся и поныне. Своими, родными для нас, нашей семьи были не только Иван Иванович и Мария Федоровна, но и их прекрасные дочери Оля и Лена.

…К горькому сожалению, Ивана Ивановича уже нет в живых. Но память хранит все доброе, что излучал этот скромный, душевный и отзывчивый человек и ученый.

Впоследствии в когорту моих друзей-соратников вошел Константин Матвеевич Мартыненко. Меня познакомил с ним Гаврила Петрович Иванов. Произошло это на защите мною кандидатской диссертации в Ростовском государственном университете в 1968 году. Г. П. Иванов пригласил его на

«репетицию» в связи с предстоящей защитой им кандидатской диссертации…

В то время К. М. Мартыненко, насколько мне помнится, работал редактором Усть-Лабинской районной газеты. Как и предполагалось, успешно защитив кандидатскую диссертацию, он перешел на преподавательскую работу в Кубанский университет. Без раскачки принялся за написание докторской диссертации. И с этой задачей достойно справился…

Наши пути-дороги сошлись на кафедре научного коммунизма в 1983 году, после защиты мною докторской диссертации и избрания на должность заведующего кафедрой.

В марте 1990 года пленум Краснодарского крайкома КПСС утвердил меня своим полномочным представителем в составе Подготовительного комитета при ЦК КПСС по подготовке Российской конференции КПСС.

11 мая того же года крайком КПСС выдал мне командировку в ЦК на десять дней для работы в Подготовительном комитете. Исполняющим обязанности заведующего кафедрой на время моей отлучки стал Константин Матвеевич. Да так получилось, что не на время, а бессрочно. Поскольку бессрочной оказалась моя командировка в ЦК…

Перед отъездом я зашел на кафедру. Помнится, Константин Матвеевич сказал мне: «По-хорошему завидую Вам. Ваше имя будет в числе тех, кто стоял у истоков создания Компартии РСФСР».

Тогда все «истые» коммунисты были убеждены, что Российская Компартия может предотвратить нарастание кризиса в КПСС и в целом в стране. И советская держава, преодолев все накопившиеся трудности и проблемы, пойдет дальше путем совершенствования социализма. О худшем исходе не было и мысли.

Произошла, однако, чудовищная катастрофа, которую учинило с нашей советской Отчизной иудейское племя горбачевых, яковлевых, ельциных и прочих ренегатов-предателей, «отцов российской демократии», «вождей» «пятой колонны», взращенных в недрах советского общества…

Мне и сейчас тепло становится на душе каждый раз, когда сын передает приветы от бывших моих соратников по работе – Константина Матвеевича Мартыненко, Юрия Андреевича Пеницына, Виктора Алексеевича Занина, Олега Тимофеевича Паламарчука, Бориса Степановича Солодкова, Игоря Николаевича Ремизова, Владимира Ильича Тхорика, других преподавателей-обществоведов края; моих питомцев из университета, в частности, от Валерия Латынина – выпускника юридического факультета,

многих других.

Надежными, внимательными и отзывчивыми были ученые-обществоведы других краснодарских вузов: Федор Павлович Зырянов, заведующий кафедрой истории КПСС Кубанского сельскохозяйственного института и Алексей Иванович Манаенков, заведующий кафедрой истории КПСС Краснодарского института культуры; Игорь Яковлевич Куценко, заведующий кафедрой научного коммунизма Краснодарского политехнического института, доктор исторических наук, профессор; доценты кафедры истории КПСС Краснодарского политехнического института М. Г. Аутлев и В. П. Норицын; доцент кафедры истории КПСС Кубанского сельскохозяйственного института В. А. Артюшин. Всех не перечесть. Но все они живут в моей памяти.

…Помощь и поддержку всегда находили мы и в семьях моих брюховецких друзей по комсомолу: Дмитрия Денисовича Матрошилова и Ивана Васильевича Кулинченко, тоже перебазировавшихся в Краснодар.

Тёплыми были наши отношения и с семьей Никиты Родионовича Балацкого, сменившего меня на посту редактора городской газеты в Туапсе. В Краснодаре он работал секретарем парткома Кубанского медицинского института. Как и он сам, его супруга Валентина Степановна и сын Андрей стали для нас близкими и родными. К горькому сожалению, тяжелая болезнь рано оборвала жизнь Никиты Родионовича. А с его сыном Андреем Коля, наш сын, и сейчас поддерживает добрые отношения.

Всегда находил я понимание и поддержку у Евгения Михайловича Берлизова, бывшего заместителя редактора Туапсинской городской газеты, затем – ответственного секретаря краевой газеты «Советская Кубань», а впоследствии – председателя краевого комитета по радиовещанию и телевидению. И не только у него самого, но и у его семьи: милой, душевной супруги Нины Викторовны и старшего сына Саши, истинного советского патриота-интернационалиста. Совсем молодым он погиб в Приднестровье, куда добровольно отправился на защиту свободы непризнанной республики. Безвременно ушёл из жизни и Евгений Михайлович. А затем не стало и Нины Викторовны. Но живёт в моей душе добрая и светлая память о них и их сыне…

Немалые трудности пережили Нина с Колей, оставшись в Туапсе более чем на два года. И хотя уже в конце 1968 года, как и

предполагалось, я защитил кандидатскую диссертацию, её утверждение ВАКом СССР произошло только в марте 1970 года, после повторной защиты уже на секции истории КПСС Экспертного Совета в самом ВАКе. Однако невероятно жестокая нервотрёпка вокруг моей научной работы продолжалась ещё двенадцать лет. Но это отдельный сюжет, о котором я еще расскажу. Ибо то, что пережито мною и, естественно, семьёй, – слишком драматическая «эпопея», стоившая мне и семье неимоверных затрат сил, нервов, здоровья, времени…

Ждать, когда и чем закончатся нешуточные баталии на научном фронте, было невозможно. В 1969 году Нина с Колей переехали в Краснодар и поселились со мной в студенческом общежитии. В 1970 году нам была предоставлена университетом трехкомнатная квартира. В том же году я был избран на должность доцента кафедры истории КПСС Кубанского университета.

Нина определилась на работу в Краснодарский политехнический институт. Так получилось, что приказ о принятии её на работу совпал по времени с созданием кафедры хлебопечения, – как раз по её дипломной специальности.

Непосредственной организацией кафедры занималась Галина Георгиевна Юрова. Она же и возглавила её на многие годы. В 2012 году, когда я пишу эти строки, Галине Георгиевне исполнилось девяносто пять лет. Она давно уже не работает, но коллектив кафедры, отдавая ей должное, организовал её чествование…

В состав кафедры первоначально вошли помимо Галины Георгиевны – Зинаида Ивановна Асмаева, Галина Константиновна Бочкова и Нина – Нина Тимофеевна. Вскоре на кафедру пришли также Нелли Иосифовна Першакова, к сожалению, она рано ушла из жизни; Инесса Ивановна Уварова, Александр Семенович Зюзько, Людмила Георгиевна Клиндухова. В последние годы кафедрой заведовал Юрий Федорович Росляков…

Сложился хороший, работоспособный и дружный коллектив. Нина нашла в нем себя и была довольна вузовской работой.

Понимая, что ее будущее зависит от подготовки и защиты кандидатской диссертации, она определилась в качестве соискателя на кафедру хлебопечения Московского технологического института пищевой промышленности. Руководство ею взяла Роза Гирфановна Рахманкулова, доцент этой кафедры.

Спустя восемь лет Нина защитила кандидатскую диссертацию в специализированном Совете этого института. Через два года ей было присвоено звание доцента.

Понятно же, что сил на это было потрачено немало. Учитывая, что на ней как на жене и матери лежала еще огромная ответственность вести все домашние дела… Но в упорстве и настойчивости, в ответственности за любое порученное дело, она была на редкость целеустремленным человеком. Эти качества возвели Нину Тимофеевну в ранг секретаря ученого совета факультета. Эту ношу она несла на своих плечах многие годы. С особым усердием занималась также научной работой со студентами. В этом тоже немало преуспела…

Радовал и Коля. Как только ему исполнилось 14 лет, он вступил в комсомол. Спустя год был избран секретарем школьной комсомольской организации и оставался в этом качестве до окончания учёбы, получения аттестата зрелости и золотой медали. Вместе с сыном я в главном повторил пройденный мною путь в комсомоле. Мне было, что поведать ему и его сверстникам о комсомоле, о его героической истории, о легендарных героях и замечательных людях, воспитанных комсомолом, об опыте своей работы в комсомоле. Я с радостью консультировал и помогал Коле во всех его комсомольских делах. Много раз выступал перед комсомольцами школы с лекциями, прежде всего, о Николае Островском и его творчестве, о потомках Корчагина и на другие темы.

По моему предложению и с моей помощью в школе было проведено много встреч с замечательными людьми, проживавшими в Краснодаре.

Перед комсомольцами выступал делегат III-го Съезда комсомола – Леонид Дмитриевич Сахаров. На этом Съезде Ленин призвал комсомол «учиться коммунизму».

Гостями школы были: Петр Михайлович Гаврилов, один из бесстрашных и мужественных организаторов обороны Брестской крепости в июне-июле 1941 года, Герой Советского Союза; Степан Александрович Неустроев, командир батальона, бойцы которого М. А. Егоров и М. В. Кантария водрузили Знамя Победы над берлинским рейхстагом; Анатолий Петрович Бессонов, один из героев Бреста, однополчанин П. М. Гаврилова; другие герои Великой Отечественной войны, учёные, лекторы Общества «Знание».

Сами комсомольцы школы по своей инициативе проводили много тематических вечеров, экскурсий и других интересных мероприятий. Об опыте работы школьной комсомольской организации, секретарем которой был сын, рассказывалось в журнале ЦК ВЛКСМ «Комсомольская жизнь».

…Повторил я пройденный путь в комсомоле не только с сыном и его сверстниками – комсомольцами Краснодарской

средней школы.

Главным направлением в моей деятельности в университете были: преподавание истории КПСС, научного коммунизма, проблем социализма (политологии – в последние два года); научная работа – защита кандидатской и докторской диссертаций; написание и публикация монографий, брошюр, множество статей, участие в научных конференциях, – университетских, краевых, республиканских, всесоюзных; партийная работа – в должности заместителя секретаря парткома по идеологии; лекционно-пропагандистская работа в крае на посту внештатного лектора крайкома КПСС и лектора Общества «Знание»; и наконец – воспитательная работа со студентами – самая многогранная.

Тогдашний Кубанский государственный университет – это десять факультетов, на которых обучалось (очно и заочно) не менее пяти тысяч юношей и девушек. В абсолютном большинстве своём – это комсомольцы.

Вот и пришлось мне во многом повторять пройденный путь в комсомоле с университетской комсомолией. Конечно, здесь была своя вузовская специфика, но главные задачи комсомола свойственны всем его отрядам – рабочей, сельской, военной молодежи: идейно-политическое, нравственное, патриотическое воспитание, формирование строителя социализма, достойного гражданина великой советской державы.

Не жалея сил и времени, отдавал я этому опыт и жар души своей. Во главу угла всей своей работы со студенческой молодёжью, как и прежде, я ставил одну цель: знания должны становиться убеждениями, жизненным компасом.

Конечно, я всегда помнил слова выдающегося русского критика Д. И. Писарева: «Готовых убеждений нельзя ни купить в книжной лавке, ни выпросить у добрых знакомых. Их можно выработать только в процессе своего собственного мышления».

И все же. И все же. Хотя «чужая душа – потёмки», – борьба за душевную красоту, чистоту, щедрость, отзывчивость, нравственность должна быть основой формирования и становления личности, настоящего Человека и Гражданина, Патриота Советской Отчизны. Во имя этого организовывал встречи студентов с замечательными, легендарными людьми, которые жили в Краснодаре или приезжали в край. Имена их я уже называл, рассказывая о содержании комсомольской работы, проводимой в краснодарской школе, в которой учился сын.

Это знал и ценил Краснодарский крайком ВЛКСМ. Может поэтому за годы работы в Кубанском государственном университете я «собрал» самый большой «урожай» комсомольских

наград – почётных грамот ЦК ВЛКСМ и крайкома комсомола. И не только. Именно за активную и плодотворную работу с молодёжью я получил немало почётных и благодарственных грамот Всесоюзного и Российского Общества «Знание», краевой организации Общества «Знание». Несколькими дипломами Минвуза РСФСР отмечена моя научная работа со студентами, не раз побеждавшими на всесоюзных и республиканских конкурсах на лучшую студенческую работу по общественным наукам…

Вспоминается прекрасный кинофильм «Добровольцы», принятый комсомолом на «ура». Всеми поколениями комсомольцев. В этом фильме прозвучала и затронула сокровенное, полюбившаяся всем песня; уверен, не оставившая равнодушным ни одного кинозрителя, ни одного человека, судьба которого когда-либо была связана с комсомолом. В ней – светлая грусть и печаль расставания с юностью:

А годы летят,
Наши годы,
Как птицы летят,
И некогда нам
Оглянуться назад…

Необходимое отступление

Жизнь давно уже могла войти в нормальное русло. Но… «из песни слова не выкинешь…»

…Работая над этой книгой, я множество раз осмысливал и переосмысливал всё, что было в эти годы со мной, что глубоко вошло в мою жизнь и оставило глубокий след в памяти. В целом жизнь сложилась так, что мне есть чем гордиться, радоваться, есть что вспомнить и рассказать.

Есть эпизоды, при том весьма значимые, вспоминая которые, очень часто возникает мысль: а надо ли об этом писать, особенно когда речь идёт о негативах, мрачных, болевых фактах и событиях, которые довелось пережить… И не только мне, но и семье моей, маме и сестре, многим моим верным друзьям-побратимам. Надо ли «ворошить прошлое»? Но тут же рождается другая, ещё более весомая мысль: а если не сказать всю правду, – не будет ли восприниматься мною написанное слишком обыденным, бесконфликтным, вроде бы «лакированным»? Ведь и сегодня ещё живут многие из тех, которые хорошо помнят, через какие тернии довелось мне пройти, что пережить, какой ценой

достались мне достигнутые цели, свершившиеся желания. К тому же Карл Маркс писал, что историю нельзя писать в чёрно-белом свете; её надо писать рембрандтовскими красками. Это касается освещения и событий, и людей, их поведения и поступков. Редко кому удаётся прожить жизнь в «одном цвете», без помарок и ошибок.

К тому же, вряд ли надо писать о «безымянных» людях. Ведь я рассказываю о реальной «живой жизни». И оставлять «инкогнито» людей, о которых пишу, безымянными, – значит, порождать загадки и вопросы, которые вызовут недоумение у читателей. Но не следует и наводить «тень на плетень»…

Великое множество раз в процессе написания этой главы, в бессонные ночи я снова и снова возвращался к частному, на первый взгляд, вопросу: оставить ли безымянным краевого «идеолога» – секретаря крайкома КПСС или назвать его имя. Вопрос этот оказался для меня весьма трудным и сложным. С одной стороны, «замолчать» эту страницу из моей научной и партийно-политической биографии я никак не мог. Ибо речь шла о многих годах жизни, стоивших мне невероятных и к тому же несправедливых испытаний. И для меня, и для семьи, для всех моих близких и ученых-единомышленников, разделявших вместе со мной мою сверх трудную участь. С другой стороны, всё это уже в далеком прошлом. Слишком много воды утекло. Да и время сейчас совсем другое. И страна другая. И власть другая. И жизнь другая… Кому нужны мои научные мытарства, пережитые мною испытания? И тут же отвергаю эту мысль. Ибо в нынешней жизни на пути объективного исследования и освещения истории, да еще советского периода, или деятельности КПСС может встать не один какой-то «чиновник» от науки, а в целом правящий режим. И пусть мой трудный и горький путь в науке, в борьбе за историческую правду поможет тем, кто решил посвятить себя служению истине…

Есть действительно и частный момент, диктующий необходимость все-таки назвать имя моего, едва ли не главного «оппонента». Еще живут многие люди, знающие эту мою «историю» и имя «идеолога», основательно осложнившего мою жизнь. Не меньше и других, не осведомленных ни в том, ни в другом. У этих «других» могут появиться догадки: «Кто же этот „идеолог“? О ком речь?» И могут при этом «пострадать» другие лица, работавшие «до того» или «после того» в должности секретаря Краснодарского крайкома по идеологии.

Не могу допустить, чтобы была брошена тень на достойных, глубоко уважаемых мною людей.

В бытность моей жизни и работы в Краснодарском крае

сменилось несколько секретарей крайкома КПСС по идеологии: А. Д. Дмитрук, Г. И. Кинелев, Л. А. Солодухин, И. К. Полозков, Б. Г. Кибирев. Все они относились ко мне с самыми добрыми чувствами. Но, пожалуй, больше других в этой должности работал И. П. Кикило. И, видимо, небезуспешно.

…Вся моя деятельность в должности секретаря Туапсинского горкома КПСС многократно получала высокую оценку крайкома партии. Опыт партийного руководства школами и учебными заведениями города, идеологическая работа в целом, лекционная пропаганда и партийное просвещение, работа с комсомолом и молодежью рассматривались на бюро или секретариате крайкома КПСС, в идеологической комиссии крайкома партии, освещались на семинарах секретарей горкомов и райкомов КПСС; обобщались краевой организацией Общества «Знание» и крайкомом комсомола.

Теперь же после моего вынужденного ухода с партийной работы, в связи с необходимостью завершения кандидатской диссертации и ее защиты, из уст тогдашнего заведующего отделом пропаганды и агитации, вскоре избранного секретарем крайкома партии И. П. Кикило прозвучали негативные оценки и даже осуждения этого моего шага. Он объявил его «дезертирством с партийной работы». Эта формула «от лукавого». Явно необъективная, несправедливая, оскорбительная. От партийной работы я не отходил ни на день в течение всей жизни.

В годы моей работы в Краснодарском пединституте, ставшим впоследствии Кубанским университетом, много раз избирался заместителем секретаря парткома; возглавлял научно-методический совет по историческим наукам, а затем – в целом по общественным наукам при правлении Краснодарской краевой организации Общества «Знание»; продолжал входить в состав ее правления; являлся заместителем председателя Специализированного Совета по защите кандидатских диссертаций по истории КПСС при университете.

Несмотря на сложности, создавшиеся в связи с напряженной работой по завершению кандидатской диссертации и подготовке ее к защите и перезащите, а также по выполнению в полном объеме учебных поручений по кафедре истории КПСС в должности старшего преподавателя, я в 1968–1970 годах ежегодно прочитывал не менее двухсот-трехсот лекций на общественно-политические темы на различных семинарах партийно-хозяйственного актива, лекторов и пропагандистов, политинформаторов и агитаторов, в университете марксизма-ленинизма при крайкоме КПСС и в народных университетах.

Ограничусь здесь общими словами. Но их более чем

достаточно, чтобы показать полную несостоятельность обвинений меня в «дезертирстве с партийной работы». Тем более, что такой «аттестации» я удостаивался со стороны И. П. Кикило не единожды. Лично мне он не решился ни разу высказать этот упрек, ибо абсурдность и полная безосновательность его была очевидной. Но… линию дискредитации и предвзятости в отношении меня он проводил все годы, пока оставался на высоких должностях в аппарате крайкома КПСС. Вот только для примера отдельные факты такого рода несправедливой и предвзятой оценки меня и моей деятельности, которые проводились со стороны И. П. Кикило.

Логичнее предположить, что внутренне И. П. Кикило должен был радоваться моему уходу с поста секретаря горкома КПСС. Многократные проверки моей деятельности, постановки идеологической работы в городе давали обратный результат – положительный опыт и высокую оценку ее организации. Теперь можно было найти другие претензии уже как к коммунисту-преподавателю партийно-политической, идеологической кафедры. Но и их не обнаруживалось. Открытая или плохо скрываемая неприязнь ко мне со стороны И. П. Кикило, началась после моего обращения в ЦК КПСС и к Председателю КГБ СССР В. Е. Семичастному по поводу необоснованного обвинения и освобождения от должности редактора туапсинской городской газеты А. Ф. Калинкина и ответственного секретаря редакции Вадима Толкачева за публикацию материалов о попытке бегства из СССР в Италию двух десятиклассниц в 1962 году. «Репрессии» против редакции газеты были предприняты горкомом КПСС по настоянию И. П. Кикило, в то время заведующего сектором печати крайкома КПСС. Тогда его позиция была признана неправомерной. Но «жажда мести» мне за то, что осмелился «вынести сор из избы» глубоко засела в памяти и в душе И. П. Кикило.

Вот на этой почве и был изобретен метод «изничтожения» меня как «дезертира с партийной работы». И хотя это была откровенная ложь, а точнее – надуманное обвинение, с ним вынуждены были считаться во всех сферах и на всех уровнях, поскольку оно звучало из уст руководителя идеологии в крае. Пора назвать факты…

Я в кабинете И. П. Кикило с предложениями о проведении городских и районных семинаров лекторов, ведущих общественно-политическую пропаганду. Знакомлю его с программой семинаров, с графиком их проведения, с кандидатурами краевых лекторов, ученых-общественников, привлекаемых для выступления на семинарах.

В самый разгар беседы в кабинет вошел «по срочному делу» ответственный секретарь краевой организации Общества «Знание»:

– Иван Павлович, – извинившись, обратился он к И. П. Кикило (прим. автора: мы с И. П. Кикило «дважды тезки», одинаковые имя и отчество). – Звонили из Москвы, торопят сообщить этот список, согласованный с Вами. – И положил на стол перед И. П. Кикило список кандидатур активных работников краевой организации Общества, представляемых к награждению правительственными наградами в связи с предстоящим юбилеем Общества «Знание».

Я сидел напротив И. П. Кикило и в одно мгновенье увидел фамилии лиц, названных в списке. В том числе и свою под седьмым номером с пометкой напротив – медаль «За трудовую доблесть»… Сердце екнуло. И в эту же минуту услышал голос И. П. Кикило:

– А этого зачем? – спросил он у стоявшего рядом с ним ответственного секретаря краевой организации Общества «Знание», указывая на мою фамилию. – Седьмого уберите. Против остальных не возражаю. Всё…

Меня обдало «холодным душем», но я не подал виду, что знаю, о ком идет речь…

И. П. Кикило тут же спохватился и бросил мне: «Да. Семинары проводите. Не возражаю. До свидания».

В тот же миг я покинул его кабинет в лихорадочном состоянии, с мыслью: «Лучше бы я не знал того, что узнал. Легче было бы…» Уходил, словно наглотался «блевотины». Было больно и грустно.

…Шли последние дни апреля 1970 года. Советский народ и все прогрессивное человечество отмечали 100-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина. В ознаменование этого юбилея была учреждена специальная правительственная медаль. На заседании парткома Кубанского государственного университета ректор – член крайкома КПСС, депутат краевого Совета К. А. Новиков вручил эту юбилейную медаль по поручению крайкома КПСС и крайисполкома членам парткома…

Спустя десять минут четырнадцать членов парткома сидели со сверкающими ленинскими медалями на груди. Все, кроме меня…

И тут же все дружно среагировали: «Константин Александрович! Вы не вручили медаль Ивану Павловичу Осадчему».

– Сейчас эта ошибка будет исправлена, – взволнованно ответил ректор.

Открылась дверь. В кабинет вошла секретарь и отдала ему красочный лист. Ректор поставил на нем свою подпись и передал секретарю парткома Александру Ивановичу Бакурскому: «Подпиши…». Затем взял у него этот лист и зачитал: «За многолетнюю, плодотворную партийно-политическую и научно-просветительскую работу и в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина Осадчий Иван Павлович награждается Почётной грамотой ректората и парткома Кубанского университета»… Сердечно поздравляем Вас!

Все горячо и дружно зааплодировали. Затем члены парткома с сочувственно-виноватым видом сочли своим долгом засвидетельствовать свое искреннее уважение ко мне крепкими объятиями и теплыми поздравлениями с ленинским юбилеем и с награждением Почетной грамотой…

После заседания парткома ректор попросил меня пройти с ним в его кабинет.

– А я не знал и даже подумать не мог, что к Вам в крайкоме партии плохо относятся… Не могут простить Вам ухода с партийной работы. Считают это дезертирством.

Я нисколько не смутился, но ничего не сказал, только пожал плечами. Потом обронил, как бы между прочим: «Вряд ли все. Я часто встречаюсь со многими работниками крайкома партии. Не замечал ни отчуждения, ни осуждения. Все, как и прежде, относятся ко мне с искренним уважением и добрым чувством».

Константин Александрович тут же озвучил фамилию «недовольного» – секретаря крайкома КПСС по идеологии И. П. Кикило.

– Знаю. Это давняя история. Не буду о ней рассказывать, – тут же заметил я.

Вскоре, однако, секретарь крайкома по идеологии И. П. Кикило перестал прятать свою неприязнь и злобу ко мне, стал обнажать ее открыто и откровенно.

Как-то в канун очередной годовщины Великого Октября, во время поездки в Сочи, он пригласил секретаря горкома партии по идеологии и начальника управления культуры горисполкома пойти с ним в городской историко-краеведческий музей посмотреть революционную экспозицию.

Увидев фотографии активного участника гражданской войны на Кубани и Черноморье Ивана Борисовича Шевцова и его боевых соратников – членов реввоенсовета повстанческой Красной Армии Черноморья, действовавшей в белогвардейском, деникинском тылу, он возмущенно потребовал: «Немедленно уберите этих с экспозиции. Они недостойны быть здесь…».

Директор музея и начальник управления культуры возразили:

«Но о них, их подвигах убедительно рассказывается в публикациях Александра Ивановича Козлова и Ивана Павловича Осадчего».

– Это не историки, – раздраженно взорвался секретарь крайкома КПСС. – Почитайте лучше книги других краснодарских историков – Красильниковой и Спиридонова. Вот они пишут правду об этих «героях», как вы их характеризуете.

– Нет, – стояли на своем неожиданные оппоненты И. П. Кикило. – Мы им не доверяем. Мы верим архивным документам, приводимым Козловым и Осадчим, изданным мемуарам С. М. Буденного и А. И. Микояна, знающим историко-революционные события в Черноморье и на Кубани, как непосредственные их участники.

Факт, говорящий о многом и ставший достоянием многих. Вскоре после этой поездки И. П. Кикило в Сочи, на выходе из Дома политического просвещения крайкома партии, что на улице Комсомольской, я встретился с ним лицом к лицу. Не поздоровавшись, он сходу в оскорбительном тоне бросил мне резкую фразу, полную негодования и неприязни:

– Ты, аспирантишка, перестань корчить из себя «жреца науки и правды». Прекрати противостоять Красильниковой и Спиридонову. Они настоящие ученые-историки. Крайком их поддерживает. Не дожидайся, пока я поставлю вопрос о твоей партийности…

И с тем ушел, не желая слушать моих объяснений и возражений.

Оказавшийся рядом консультант Дома политического просвещения крайкома А. А. Бондарев, не скрывая тревоги за меня, тут же сказал: «Я все слышал. Чего это он так взбесился? Вам не позавидуешь…».

– Да это старая история. Долго рассказывать, – только и ответил я ему.

Самое время заметить, что ни один работник крайкома КПСС за все годы моей более чем двадцатилетней работы в Кубанском университете, после ухода с должности секретаря Туапсинского горкома партии, ни единого раза не упрекнул меня в «дезертирстве» с партийной работы. В особенности, работники идеологического отдела, Дома политического просвещения, курсов партийных работников и вечернего университета марксизма-ленинизма, совместно с которыми я вел активную партийно-политическую и лекторско-пропагандистскую работу. Отдаю им должное за их принципиальность, честность и порядочность. Это мне тогда дорого стоило.

…Моя трудная, да что там трудная, жестокая научная судьба

была обусловлена во многом негативной позицией тогдашнего секретаря крайкома КПСС по идеологии…

Поскольку моя многострадальная научная эпопея, составлявшая основу моей жизнедеятельности, в конечном итоге, благополучно завершилась, то мне представляется необходимым рассказать о других сторонах моей жизнедеятельности на Кубани. О некоторых сюжетах я уже рассказал, но есть вопросы, которые заслуживают внимания, о которых не могу умолчать, хотя хорошо понимаю, что полное и обстоятельное освещение более чем двух десятилетий жизни и работы в Кубанском университете и в Краснодарском крае возможно в отдельной объемной книге. Но для этого сейчас нет ни сил, ни времени, ни возможности. Да и большой необходимости тоже нет. Не те интересы общества. Не то само общество. Не та жизнь…

Мне не хотелось бы ограничиться сплошным негативом, который сопровождал мою научную жизнь и который основывался и подогревался прежде всего и главным образом неприязненным, откровенно несправедливым и даже жестоким отношением ко мне со стороны бывшего секретаря крайкома КПСС по идеологии И. П. Кикило. Но были и другие сюжеты с его участием, которые позволят получить более полное представление и о нем, и о моей работе. Одним словом, это тот случай, когда точку ставить рано…

Как-то, еще в бытность работы секретарем Туапсинского горкома партии, я узнал, что мой товарищ по комсомолу в Таганроге, в 1946–1947 гг., бывший секретарь комитета комсомола Таганрогского железнодорожного узла Женя – Евгений Владимирович Зайцев является заместителем заведующего Отделом культуры ЦК КПСС. Он не мог не помнить меня. Два года мы активно работали в составе бюро Орджоникидзовского райкома комсомола города Таганрога. Мне он запомнился не только успешными комсомольскими делами, но и рассудительностью, добропорядочностью, скромностью, принципиальностью, – качествами, которые украшают любого хорошего человека.

После недолгих раздумий я написал ему, напомнил о совместной работе в комсомоле. Евгений Владимирович очень скоро отозвался теплым, душевным письмом и высказался за встречу. Мы обменялись с ним несколькими письмами, поведали друг другу о прожитых годах и нынешних работах-заботах и семьях. Нас сближало то, что из того нашего таганрогского круга только мы двое прошли хорошую школу многолетней комсомольской деятельности, стали партийными работниками. Мечтали о встрече. Прав Константин Симонов: «В письмах всё не скажется и не всё напишется. В письмах нам всё кажется, что не

так услышится…»

И вдруг неожиданный звонок секретаря крайкома партии И. П. Кикило. К моему удивлению, он уважительно поздоровался и сообщил: «В Краснодар приезжает Евгений Владимирович Зайцев. Просил тебя пригласить на встречу с ним. Приезжай. Гостиницу заказал…» И, немного помолчав, продолжил: «Что же ты не говорил, что твой старый друг работает в ЦК да еще в должности зам. зава?…»

Я поблагодарил за сообщение и приглашение. Но на слова о старом друге, работающем в ЦК, не среагировал…

Тут же поставил в известность первого секретаря горкома партии Я. Г. Швыдкова о звонке И. П. Кикило. Он ответил мгновенно: «Обязательно поезжай. Это важно для города. Могут возникнуть вопросы, связанные с развитием сети культпросветучреждений. Подумай над этим и посоветуйся со своим старым другом…»

Утром следующего дня я уже был в Краснодаре. И. П. Кикило включил меня в группу встречающих цэковского гостя в аэропорту, у трапа самолета. Евгений Владимирович увидел меня, сходя по трапу, и сразу направился ко мне. Мы надолго застыли в крепких, дружеских объятиях.

– Почти не изменился. Хорошо, что приехал. Я очень рад встрече, – взволнованно сказал Женя. В унисон ему ответил и я…

Прошли в гостевой кабинет начальника Краснодарского аэропорта. Там, за накрытым столом число встречающих выросло до двадцати человек.

Евгений Владимирович ограничился общим «Здравствуйте!» и, взяв меня за руку, усадил рядом с собой: «Хоть пообщаемся с тобой…»

Так мы и просидели в своих дружеских разговорах всё двухчасовое застолье.

Лишь изредка Евгений Владимирович реагировал короткой репликой на приветственные речи и тосты И. П. Кикило и других, адресованные ему. Женя поднял отдельный тост за меня, своего старого комсомольского друга. Секретарь крайкома почтительно присоединился к нему: «За встречу старых комсомольских друзей…»

По завершении этой «трапезы», И. П. Кикило, уловив момент, когда Евгения Владимировича окружили руководители главных учреждений культуры края, отозвал меня в сторону, повелительным тоном сказал: «Теперь ты всегда будешь в этом кругу, в кругу моих самых близких друзей. Не отрывайся и не отдаляйся от меня…»

Извинившись перед встречающими, Евгений Владимирович

сказал: «Все деловые разговоры завтра», усадил меня с собой в машину и повез в крайкомовскую гостиницу, предназначенную для высоких гостей, размещавшуюся, если мне не изменяет память, в каком-то старинном особняке на улице Ленина…

Следующий день у Евгения Владимировича был заполнен деловыми встречами. Встретились мы с ним только вечером. И только вдвоем. В его комфортабельном гостиничном люксе…

Несколько часов провели в задушевных дружеских разговорах о наших старых комсомольских друзьях-товарищах, о прожитом и пережитом. И о сегодняшних проблемах: о его работе в ЦК, об атмосфере цэковской жизни, о настроениях, о плюсах и минусах, которые рождает его должность в аппарате ЦК КПСС. И о многом другом…

На третий день Евгений Владимирович улетал. Группа провожающих, сформированная персонально И. П. Кикило, была почти в том же составе. Она пополнилась, по желанию Евгения Владимировича, несколькими видными, известными в крае и в стране деятелями культуры…

Короткое застолье в том же гостевом кабинете начальника аэропорта с благодарными словами и напоминаниями о самых важных вопросах, которые были приняты на рассмотрение на вчерашних деловых встречах, и добрыми пожеланиями в адрес цэковского гостя. Евгений Владимирович простился со всеми на выходе из здания аэропорта и, взяв меня под руку, сказал провожающим: «К самолету мы пойдем вдвоем с Иваном Павловичем. Очень хочется побыть вместе еще несколько минут. Когда еще увидимся?..»

Спустя полчаса мы взволнованно простились у трапа самолета, выражая самую сердечную радость за встречу и высказывая самые добрые пожелания друг другу и семьям на будущее…

Когда я вернулся в здание аэропорта, «провожающие» уже суетились, готовые к отъезду. И. П. Кикило усадил меня в свою машину и дорогой еще раз напомнил о том, что я теперь «свой» в кругу его друзей и могу рассчитывать на его внимание, всемерную помощь и поддержку: «Звони. Заходи. Обращайся по любому вопросу…»

…Случилось так, что больше с Евгением Владимировичем встретиться нам не довелось. Прошло совсем немного времени, и стало известно, что он назначен первым заместителем министра культуры РСФСР. Я тут же послал ему письмо с добрыми пожеланиями успехов на новом трудном и беспокойном посту. Хотя понимал, что всё, видимо, не так просто с этим его перемещением из партийного цэковского аппарата в

государственный. Вспоминал его слова о сложностях, возникавших у него в отношениях с заведующим Отделом культуры ЦК… Впрочем, вопрос этот так и остался для меня без ответа, как остались безответными и несколько моих писем, посланных Евгению Владимировичу на домашний адрес… А вскоре и я, оставив пост секретаря горкома партии, перешел на работу в Краснодарский пединститут.

Поведал я об этом не только для рассказа о памятной встрече со старым комсомольским другом, а скорее для того, чтобы дорисовать портрет И. П. Кикило. Каким было его отношение ко мне в дни приезда Е. В. Зайцева в Краснодар, и какими лицемерными оказались его обещания помогать и поддерживать меня по любому вопросу, – я уже достаточно убедительно рассказал. Я был нужен И. П. Кикило постольку, поскольку являлся другом «зам. зава» Отдела ЦК и до тех пор, пока он оставался в этой должности.

…Еще один оригинальный эпизод из области отношения ко мне И. П. Кикило произошел в середине 70-х годов. К этому времени, преодолевая неимоверные трудности на научном пути, я уже защитил кандидатскую диссертацию, получил звание доцента и такую же должность на кафедре истории КПСС Кубанского университета. Но трудности и испытания в моей научной деятельности не ушли в прошлое. Они продолжались с нарастающей жестокостью, сопровождали всю мою многолетнюю работу теперь уже над докторской диссертацией.

Я все так же с полной самоотдачей занимался учебно-педагогической и общественно-политической работой в университете, оставался первым заместителем секретаря парткома университета, председателем Совета по общественным наукам при правлении краевой организации Общества «Знание». Почти каждодневно выступал с лекциями на различных краевых, городских и районных семинарах лекторов, пропагандистов, агитаторов и политинформаторов, в трудовых коллективах; на краевых курсах партийного, советского, комсомольского, профсоюзного активов. Без права на ошибку, тем более ошибку партийно-политического характера. Надо мной постоянно висел «дамоклов меч» бдительного секретаря крайкома КПСС по идеологии.

В этой связи вспоминается еще один эпизод, который мог стать для меня роковым. Но, к счастью, не стал…

В здании краевого театра шел съезд работников культуры. Главным должностным лицом на нём был секретарь крайкома КПСС по идеологии И. П. Кикило. К моему удивлению, мне как делегату съезда от краевой организации Общества «Знание» и

научной общественности края Кубани, было предоставлено слово для десятиминутного выступления. В своей речи я сосредоточил внимание на содержании лекционной пропаганды, идеологической и культурно-просветительной работы, которая искала пути преодоления «проблем», накопившихся в идейно-политической области в хрущевские годы.

Особо беспокоило нас, ученых и лекторов, да и всех работников идеологического фронта, что общенародное государство, пришедшее по воле Хрущева на смену государству диктатуры пролетариата, исчерпавшего, по его мнению, свои функции, – не нашло себя в борьбе с ростом антиобщественных, антисоциалистических явлений: стяжательства, низкопоклонства, частно-собственнической психологии, тунеядства, инакомыслия («диссидентства»). Общедемократическое государство не стало надежным, эффективным инструментом в борьбе со всеми этими негативами.

Перечислив все пороки, которые стали набирать силу и процветать в советском обществе, разъедать, словно ржавчина, его идейно-нравственные устои и разрушать социалистические ценности, я высказался за необходимость осуществления функций «диктатуры пролетариата» современными государственными органами и общественными институтами, особо подчеркнув при этом, что все пороки, названные мною, и их носители, – это антисоциалистические элементы, чуждые по самой сути своей советскому, социалистическому строю.

Свою речь я завершил строками из поэмы известного советского поэта Сергея Смирнова «Свидетельствую сам», удостоенной Государственной премии РСФСР имени Максима Горького за 1969 год:

Я считаю личными врагами
Тех немногих, кто у нас порой —
По своей охоте и программе
Хает мой и наш советский строй.
Кто, как кот, до сливок славы лаком,
Кто, как сплетня, зол и языкат,
Чья стряпня приемлется со смаком
За пределом наших баррикад.
И могу сказать определенно
Это стало видного видней,
Что понятье – «пятая колонна»
Не ушло с повестки наших дней.
И пока смердят сии натуры
И зовут на помощь вражью рать,

Дорогая наша диктатура,
Не спеши слабеть и отмирать!..

Последние слова моей речи утонули в шквале аплодисментов тысячной аудитории делегатов и гостей съезда.

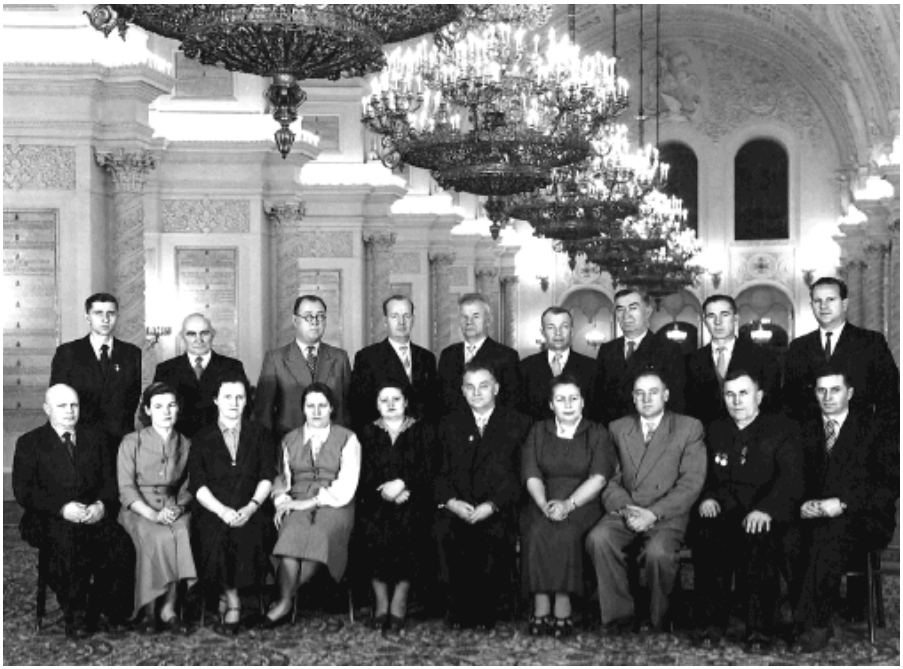
Опешивший на минуту секретарь крайкома партии перехватил меня, идущего с трибуны: «Подойди-ка сюда».

– Откуда такое взяли? Не верится, чтобы за такие слова, противоречащие теоретическому выводу партии, давали Государственную премию. Как Вы на это решились, да еще в такой аудитории? Завтра принесите мне источник. И перепечатку этих строк…

Утром следующего дня сборник стихов Сергея Смирнова и распечатку строк из его поэмы, приведенных мною во вчерашней речи на съезде работников культуры, – я вручил секретарю крайкома. Он сверил отпечатанные строки с оригиналом, вернул мне сборник: «А распечатку оставьте, – сказал он. – Я поговорю об этом с работниками идеологического Отдела ЦК. Как это понимать? Как нам вести идеологическую работу? В духе решения партийного съезда и Программы КПСС или с позиций поэта?»

По тону, каким были сказаны эти слова, я почувствовал, что секретарь крайкома партии скорее разделяет позицию поэта, чем осуждает ее, ибо она отражает реальности советского общества. Судя по той буре аплодисментов, которыми были сопровождены потрясающие строки смирновской поэмы, делегаты съезда были солидарны с ним, одобряли его смелую, принципиальную позицию, его призыв к руководству КПСС и советского государства услышать тревожное предупреждение об опасных антисоциалистических явлениях, нарастающих в советском обществе…

– Обошлось на этот раз. Даже здорово получилось. Пусть поразмыслит и он сам, и идеологи в ЦК. Но ведь правда на стороне талантливого и думающего поэта-коммуниста, – размышлял я, выходя из кабинета секретаря крайкома КПСС…



Делегаты III съезда Всесоюзного Общества «Знание» от Краснодарского края. Во 2-м ряду крайний справа К. А. Новиков, ректор Майкопского педагогического института; рядом с ним – А. Ш. Туов, проректор Майкопского педагогического института; крайний слева – И. П. Осадчий, автор книги.

Гаврила Петрович ИВАНОВ, первый проректор КГУ, профессор.

Иван Иванович Алексеенко, зав. кафедрой истории КПСС Кубанского университета, профессор и его жена – Мария Федоровна Алексеенко, кандидат филологических наук, доцент.

ДЛЯ КИНИ
СРБИЈЕТ

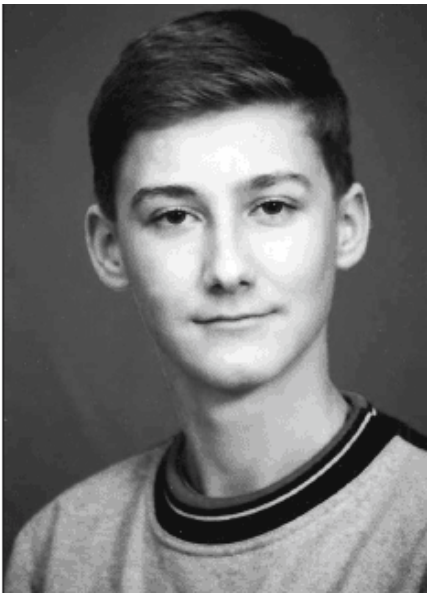
Коллектив кафедры истории КПСС Кубанского университета. В центре: И. И. Алексеенко – зав. кафедрой и И. С. Казюкин – зам. зав. кафедрой, доцент.

Мария Кузьминична ФРОЛОВА.

Владимир Павлович ФРОЛОВ, зав. кафедрой философии КГУ.

Семья Фроловых.

Фроловы:

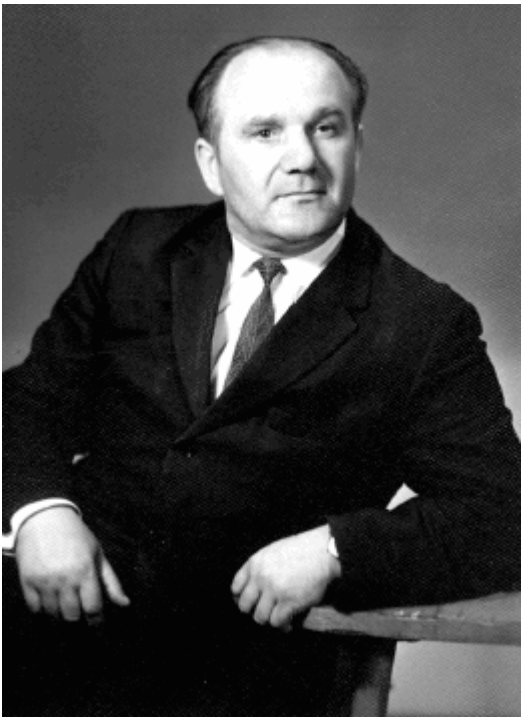


Светлана Владимировна Фролова и сын Володя.

Юрий Андреевич ПЕНИЦЫН, доцент кафедры истории КПСС Кубанского университета.

1969
Кубанский
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
1975
Исторический факультет
1
ВЫПУСК

Научно-методический совет по истории краевой организации Общества «Знание».



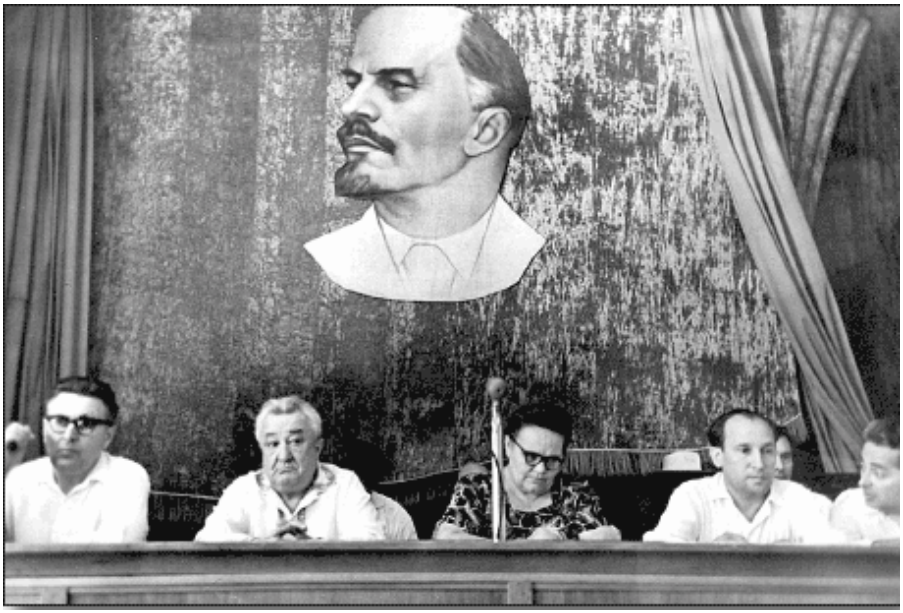
Константин Матвеевич МАРТЫНЕНКО, доктор исторических наук, профессор.

Владимир Ильич ТХОРИК, декан факультета иностранных языков Кубанского государственного университета Никита Родионович.

БАЛАЦКИЙ, бывший редактор туапсинской газеты «Рассвет» с

сыном Андреем.

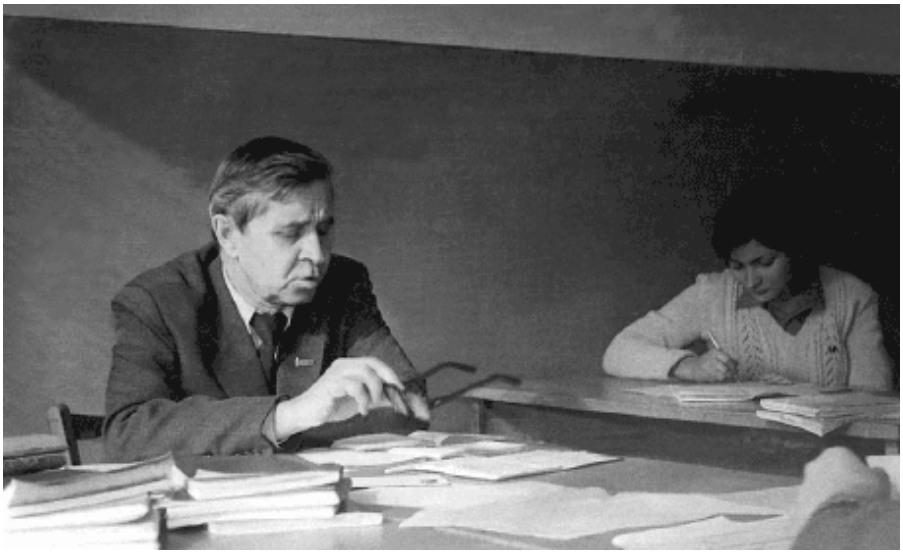
Идет научная конференция. 2-й справа – П. П. Измайлов, рядом с ним И. И. Алексеенко. Выступает И. С. Казюкин.



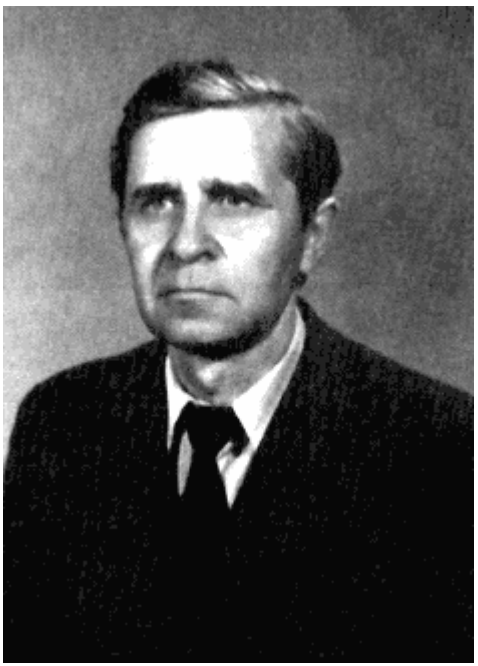
В президиуме краевой конференции Общества «Знание»: Слева направо: Г. И. КИНЕЛЁВ, секретарь крайкома КПСС; В. П. МАЛЫШЕВ, председатель краевой организации Общества «Знание».

В 3-м ряду справа налево краснодарские ученые: Б. С. СОЛОДКИЙ, И. П. ОСАДЧИЙ, И. Н. РЕМИЗОВ

Ветераны комсомола – участники конференции «Ленин и молодежь». В верхнем ряду 2-й слева – И. П. Осадчий; перед ним Б. Н. Пастухов – 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ



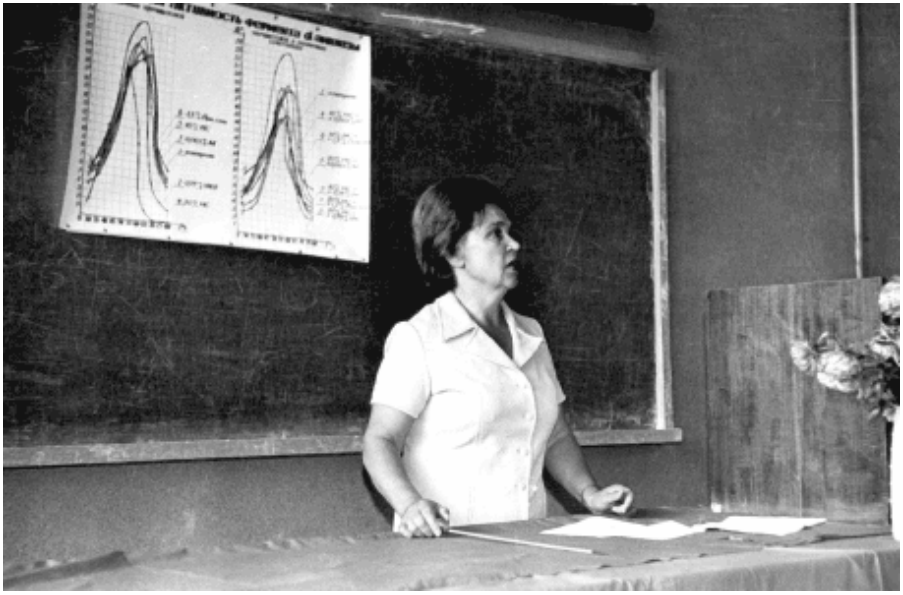
Идет экзамен по истории КПСС на юридическом факультете…



Иван Павлович Осадчий, зав. кафедрой научного коммунизма Кубанского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (1985–1990)

Слушатели факультета повышения квалификации в Московском технологическом институте пищевой промышленности (1972 г.). В 1-м ряду 2-й справа – профессор Л. Я. Ауэрман, зав. кафедрой хлебопечения МТИПП; далее – преподаватель Краснодарского политеха Н. Т. Осадчая; 5-й справа – профессор Н. Ф. Гатилин, ректор МТИПП; рядом с ним (слева) – Л. И. Пучкова, профессор кафедры хлебопечения МТИПП; в 3-м ряду 1-я слева – Рауза Гирфановна Рахманкулова, доцент кафедры хлебопечения МТИПП, научный руководитель Н. Т. Осадчей по кандидатской диссертации.

Нина Тимофеевна Осадчая, доцент кафедры хлебопечения Краснодарского политехнического института с дипломницами.

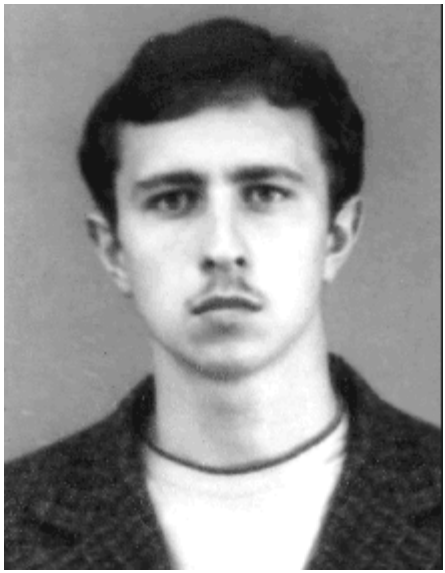


Н. Т. Осадчая в лекционной аудитории.

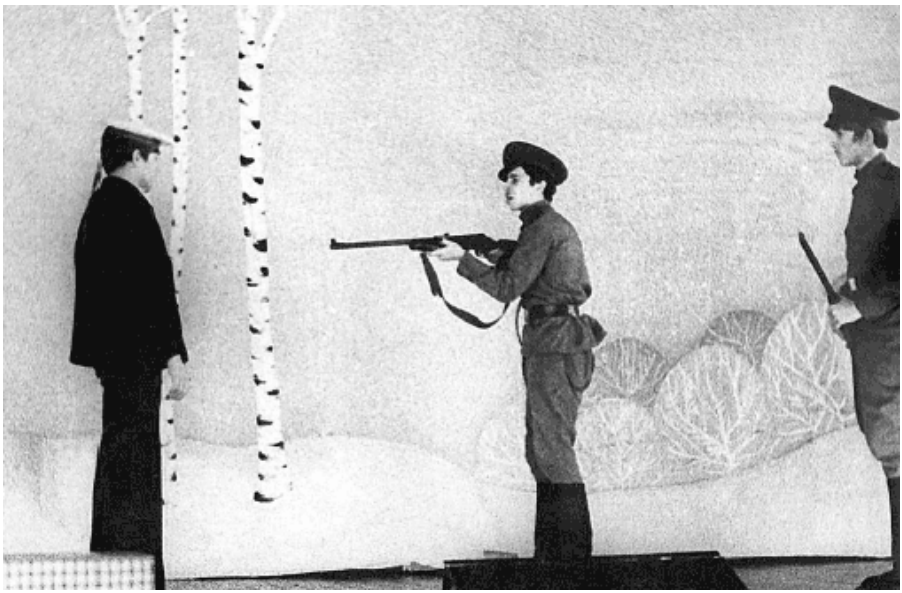
Школьные годы сына

Коля Осадчий, ученик 6-го класса.

Коля Осадчий, 12 лет (фото на память)



Коля Осадчий в годы учебы в детской футбольной школе при команде «Кубань».



Сцена из спектакля «Любовь Яровая» в постановке школьного драмкружка.

На природе. Крайний слева во 2-м ряду – Коля Осадчий; перед ним в 1-м ряду – Миша Кирилов и Сережа Аралкин.

Друзья на всю жизнь… Слева направо: Сережа Аралкин, Сережа Щеголев, Валера Бугаев, Коля Осадчий.

Глава третья. Баталии на «научном фронте»

Прологом к этой главе являются сюжеты первой книги: «Климу Ворошилову письмо я написал» и «Мои университеты».

Не все давалось легко и просто на большом жизненном пути. В годы комсомольской юности и в последующем возникало немало трудностей и сложных задач. Борьба за достижение поставленных целей требовала полной самоотдачи, самоотверженности, нередко – самопожертвования.

Вспоминая пройденный путь, перелистывая страницы прожитого и пережитого, радуюсь тому, что никогда не паниковал, не сгибался перед трудностями. Собрав волю и стиснув зубы, шел на прорыв с твердой и непоколебимой верой в успех.

Порукой тому было то, что сохранялся комсомольский задор, энергия, смелость, молодость души, принципиальность, вера в Правду и Справедливость, в высочайшее благородство идеи, которой жил и которой служил, не щадя сил. Девизом всей моей жизни был священный завет Николая Островского: «Только вперед! Только на линию огня… И только к победе!»

Не буду вспоминать все «высоты», которые довелось в жизни брать с боем. Но одну невозможно было обойти, и я решил непременно взять ее, чего бы это мне не стоило. Ибо был убежден, – правда на моей стороне. И о ней не могу умолчать, не рассказать, хотя бы кратко, в самых общих чертах…

Наука – главное, ради чего я уходил с партийной работы. Хотя и комсомольская и партийная работа тоже были для меня в радость. Это была прекрасная школа познания жизни и людей. Это был каждодневный поиск лучших средств и методов, как сделать жизнь краше, интереснее, полезнее. Хотя и не строго научный, но принципы те же.

Наука для меня – не самоцель. Это, с одной стороны, тоже каждодневная учеба, интеллектуальный и духовный рост, познание истины, правды о том времени, о тех событиях, которые прошли до нас, без нас. С высоты истории лучше, объективнее можно осмыслить и оценить их. Сбывалась моя мечта, с которой я жил в свои совсем юные годы, в довоенное время.

Линией огня на четверть века стал для меня «научный фронт». Успешное окончание исторического факультета Ростовского государственного университета стало основанием для рекомендации меня в заочную аспирантуру при Краснодарском педагогическом институте. На пороге ее окончания, в 1967 году, мне оставалось сделать заключительный

шаг на пути к выходу на защиту кандидатской диссертации.

Переход на работу в Краснодарский педагогический институт позволял мне в течение одного года завершить кандидатскую диссертацию и выйти на ее защиту.

Ректорат пединститута с пониманием относился к моей нелегкой задаче и добился в Минвузе РСФСР разрешения на перевод меня на один год в очную аспирантуру.

Став аспирантом очной аспирантуры, не теряя ни одного дня, я ринулся в центральные государственные и партийные архивы: в Центральный партийный архив, в Центральный государственный архив Октябрьской революции, в Центральный государственный архив Советской Армии, в Военно-исторический архив, а также в Ленинградский партийный архив и в закрытый фонд Библиотеки имени Ленина в Москве.

В краснодарских краевых и ростовских областных партийных и государственных архивах я уже успел основательно поработать, находясь в заочной аспирантуре.

За три месяца напряженнейшей поисковой работы мне удалось найти множество документов и материалов не только для завершения кандидатской диссертации, но и для создания хорошей документальной базы будущей докторской.

Как и планировал, спустя год после ухода с партийной работы, кандидатская диссертация мною была завершена. Одновременно удалось подготовить и опубликовать несколько статей по проблемам кандидатской диссертации в сборниках научных работ.

Понимал: «Наука требует жертв». И был готов идти на любые «жертвы» во имя науки. Но те «жертвы», которые я приносил на протяжении четверти века (1958–1983), были вынужденными и во многом несправедливыми, ибо они порождались искусственно созданными препонами, околонаучными дрязгами.

Кратко, очень кратко, о сути «проблемы».

Еще в студенческие годы, исследуя революционную историю на Кубани и в Черноморье, в других регионах Северного Кавказа, я обнаружил много «белых пятен». Это и предопределило мой научный интерес. Тема борьбы за власть Советов на Кубани и в Черноморье стала предметом моих курсовых и дипломной работ, а затем и кандидатской диссертации. Да в значительной мере и докторской, которая была посвящена исследованию социалистической революции и гражданской войны на всем Северном Кавказе, – от Кубани и Дона до Дагестана. Основное внимание в своем исследовании я уделял субъективным предпосылкам, обусловившим победу социалистической революции и утверждение Советской власти в этом регионе,

расстановке классовых сил и деятельности политических партий.

Предметом исследований моего однокурсника и друга Александра Ивановича Козлова были общеисторические процессы и социально-экономические отношения на Дону и Северном Кавказе в предреволюционные и революционные годы.

Интерес к исследованию избранных нами проблем усиливался тем, что при первом же прикосновении к ним обнаружилось наличие различных подходов у отдельных исследователей и групп непосредственных участников революции и гражданской войны к освещению и оценке ряда событий, фактов и действующих лиц в борьбе за власть Советов в Черноморской губернии и в соседней Кубанской области.

Эти разногласия возникли давно, вскоре после окончания гражданской войны. Об этом свидетельствуют воспоминания и протоколы собраний участников борьбы за власть Советов в Сочинском округе. Противостояние продолжалось почти на протяжении всей советской истории, то затихая, то вспыхивая с новой силой. Оно усилилось в процессе работы над многотомной историей гражданской войны, издаваемой Институтом марксизма-ленинизма. Но особой остроты достигло в конце 50-х и в начале 60-х годов, в связи с появлением брошюр кубанских историков К. К. Красильниковой и Н. Г. Спиридонова, посвященных революции и гражданской войне на Кубани и в Черноморье, а также книги «Особое задание» Ивана Борисовича Шевцова – видного участника борьбы за власть Советов в этом районе.

О чем шел спор? Кто внес больший вклад в разрушение белогвардейского (деникинского) тыла в Черноморье? Местные сочинские партизаны, действовавшие по директивам Екатеринодарского (Краснодарского) комитета РКП(б)? Или коммунисты, направленные в тыл врага для организации повстанческого движения Кавказским и Ростовско-Нахичеванским комитетами РКП(б)?

Речь шла о плодотворности деятельности названных партийных комитетов. Затрагивалась и тактика большевистских организаций, и вопросы политических компромиссов с мелкобуржуазными партиями, поскольку последние имели определенную социальную базу в среде крестьянского населения, преобладавшего в южном Черноморье.

Не по своей воле и не по своей вине мы оказались с А. И. Козловым в эпицентре острых противоречий и многолетней борьбы по ряду принципиальных вопросов развития революции и гражданской войны на Кубани и в Черноморье.

Фактически, в самом начале нараставшего противостояния между различными группами историков и участников борьбы за власть Советов на Кубани и в Черноморье появились и наши публикации по данной теме. Поскольку их содержание во многом совпадало с тем, как эти события освещались в книгах и статьях И. Б. Шевцова, в исследованиях других историков, воспоминаниях большинства видных участников борьбы за власть Советов на Кубани и в Черноморье, опубликованных в 20-е–40-е годы, или хранящихся в архивах, – то на нас сразу же обратила внимание противная сторона. «Инакомыслящие» повели откровенную травлю, объявили всё, о чём мы писали в своих научных работах и публикациях, невежественным сочинительством, ложью и фальсификацией.

Замечу, что наши научные подходы, позиции и выводы основывались на анализе огромного количества документов и материалов, хранящихся в центральных, региональных и местных архивах, в историко-краеведческих музеях, а также во множестве опубликованных и неопубликованных воспоминаний участников революции и гражданской войны.

Наши позиции во многом совпадали с освещением и оценкой борьбы за власть Советов в многотомной Истории гражданской войны, издаваемой Институтом марксизма-ленинизма; в трудах предшествующих исследователей названной темы И. И. Разгона, Я. Н. Раенко и других; в мемуарах С. М. Буденного и А. И. Микояна, в сборниках статей и речей С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе, чья деятельность была связана с революцией и гражданской войной на Северном Кавказе.

Мы оказались в эпицентре «схватки» двух групп участников борьбы за власть Советов и двух групп ее исследователей.

Противостояние резко обострялось и осложнялось тем, что наших «оппонентов» всей силой своей партийной власти поддерживал секретарь Краснодарского крайкома КПСС по идеологии И. П. Кикило. Тот самый человек, который «давил» меня при каждом удобном случае. А заодно и А. И. Козлова как моего единомышленника. Мотивы его позиции уже названы мною в предыдущей главе.

С «авторитетом» главного партийного идеолога Краснодарского края, его категорическим осуждением моей и А. И. Козлова научной позиции вынуждены были считаться и в ИМЛ при ЦК КПСС, и в Институте истории Академии Наук СССР, да и в Отделе науки ЦК КПСС.

По указанию ЦК КПСС, ИМЛ на протяжении многих лет почти непрерывно занимался этим, перешедшим все разумные пределы «научным спором». В «научный конфликт» были вовлечены

историки Дона, Кубани, Северного Кавказа, Москвы и Ленинграда, других мест; общественные объединения участников революции и гражданской войны на Дону, Кубани, в Черноморье, на Северном Кавказе и в Москве. Потоком шли заявления и протесты в адрес ЦК КПСС, его Политбюро, Генеральных секретарей ЦК КПСС – Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, в адрес XXII–XXVI съездов КПСС…

Из года в год создавались научные и партийные комиссии для расследования писем и жалоб «непримиримых борцов» против «лжеученых», протаскивающих в историческую науку неверные и вредные идеи и умозаключения, искажающие историю. Таковыми были их обвинения против нас.

«Пожар», раздутый нашими оппонентами, охватил также многие издательства, редакции ряда центральных и региональных журналов и газет.

Наши оппоненты не давали покоя ВАКу – Высшей Аттестационной Комиссии СССР, Министерствам высшего и среднего образования СССР и РСФСР.

Складывалась парадоксальная ситуация. Все авторитетные научные учреждения, ученые-историки, в абсолютном большинстве своем, высоко оценивали наши научные работы, разделяли и одобряли наши научные позиции. Но группа непримиримых «оппонентов», поддерживаемая секретарем крайкома КПСС и отдельными беспринципными лицами в ЦК КПСС, продолжала искать управу на нас, домогалась расправы над нами, изничтожения нас как ученых, недопущения наших публикаций и защиты диссертаций.

Сначала наши циничные «оппоненты» взяли на прицел А. И. Козлова. Он был «первопроходцем». Учился в очной аспирантуре, и, естественно, научно-исследовательская деятельность была в то время его главным делом. На него, его диссертацию и публикации с особой силой обрушились «удары» наших непримиримых оппонентов.

В конце пребывания в аспирантуре Александр Иванович представил к защите кандидатскую диссертацию. Неукротимые оппоненты решили любой ценой помешать ее защите. В адрес Ученого Совета Ростовского университета, где она проходила, были направлены протесты на публикации и автореферат Александра Ивановича, суть которых состояла в необоснованных обвинениях и уничижительных оценках всех его научных исследований и публикаций.

Защита состоялась 19 ноября 1965 года. Когда была объявлена дискуссия, к кафедре вышла пожилая, но крепкая женщина. Вспоминая об этом, А. И. Козлов впоследствии писал:

«Я случайно попала на защиту», – сказала она, ставя на кафедру большой баул и вытаскивая из него кипы бумаг. Представилась: «Я – Клавдия Константиновна Красильникова». Да это была она, доцент с Кубани, автор небольшой книжки, жена главы самозванцев из Черноморья. От их имени она сорок минут отстаивала их ложный статус, понося диссертацию.

Вслед за ней к трибуне двинулся Яков Никитич Раенко, старейший исследователь черноморских событий. Высокий, слегка сгорбленный, с всклоченными длинными седыми волосами, с тростью над головой, он на ходу заговорил: «Клавдя, я тебя породил, сейчас я тебя и убью. Ты все перевернула с ног на голову, а этот молодой человек все поставил на свои места». И говорил тоже с полчаса. Потом выступали еще и другие. Ученый совет проголосовал единогласно за присуждение мне ученой степени кандидата исторических наук… (А. И. Козлов. «Каменистыми тропами…». Ростов-на-Дону. 2008, с.29).

Неутомимые оппоненты в тот же день направили «жалобу» на решение Ученого совета в ЦК КПСС и в Высшую Аттестационную Комиссию СССР с решительным протестом против присуждения А. И. Козлову ученой степени за «антинаучную», по их мнению, диссертацию.

ВАК был подвержен в буквальном смысле каждодневным атакам. Вопрос о присуждении Александру Ивановичу ученой степени был взят на контроль Отделом науки ЦК КПСС.

Но секция по историческим наукам Экспертного Совета ВАКа, проведя взыскательное изучение и экспертизу кандидатской диссертации и публикаций Александра Ивановича, дала им высокую научную оценку. ВАК утвердил решение Ученого совета Ростовского государственного университета о присуждении Александру Ивановичу ученой степени кандидата исторических наук. Бесчисленные попытки сумасбродных оппонентов опровергнуть это решение потерпели крах.

Это была победа, первая большая победа, закрепившая позиции А. И. Козлова, утвердившая его как ученого.

После успешной защиты кандидатской диссертации Александр Иванович с еще большей самоотверженностью отдался научной работе. Он с полным напряжением сил взялся за написание и издание крупных монографических работ, ставших фундаментом будущей докторской диссертации. И снова под постоянным бешеным огнем еще более ожесточившихся околонаучных изуверов.

Его имя приобрело широкую известность в научном мире. Он стал признанным авторитетом в области глубокого, разностороннего и обстоятельного исследования и освещения

предпосылок, условий и причин победы социалистической революции на Дону и Северном Кавказе. Но все эти годы его научная деятельность, издание монографий, публикация научных докладов и статей продолжали оставаться под пристальным вниманием и шквальным огнем осатаневших «оппонентов».

…После победного научного триумфа Александра Ивановича направление главного удара со стороны «оппонентов» было обращено против меня. Их намерения были очевидны: взять реванш за поражение в борьбе против результатов научных исследований А. И. Козлова.

Суть всех их заявлений, обращений, протестов и требований состояла в следующем: объявить все наши научные исследования, диссертации и публикации лженаучными, фальшивыми, написанными с позиций эсеро-меньшевизма, антикоммунистическими, антипартийными, зловредными и опасными; решить вопрос о нашей партийности, исключении нас из рядов КПСС; отстранении от работы на кафедрах общественных наук; привлечении к ответу ученых, редакторов и издателей, поддерживавших нас…

Однако обо всем по порядку.

В 1968 году, спустя три года после защиты кандидатской диссертации А. И. Козловым, в том же Ученом совете Ростовского университета состоялась защита мной кандидатской диссертации. До заседания совета, во время его и после «противная» сторона сделала многое, чтобы воспрепятствовать ее успешной защите.

Ко дню защиты диссертации в Ученый Совет поступило более десяти отзывов на автореферат кандидатской диссертации и саму диссертацию, а также на публикации по исследуемым проблемам. Все отзывы были положительными, включая и внешний, официальный отзыв, представленный кафедрой истории КПСС Краснодарского политехнического института.

Первым моим оппонентом на защите выступил видный ученый, доктор исторических наук, профессор Константин Абрамович Хмелевский. В студенческие годы он был научным руководителем моих курсовой и дипломной работ. Вторым оппонентом являлся кандидат исторических наук, доцент Анатолий Иванович Васильев.

Затем выступил доктор исторических наук, профессор Гурген Карапетович Долунц. Он огласил внешний отзыв на мою диссертацию кафедры истории КПСС Краснодарского политехнического института, которой заведовал.

С аттестацией моей преподавательской, научно-

исследовательской, воспитательной и просветительской работы выступил первый проректор Краснодарского пединститута доктор исторических наук, профессор Гаврила Петрович Иванов.

Ученый Совет Ростовского государственного университета тайным голосованием присудил мне ученую степень кандидата исторических наук.

Не смирившись с очередным поражением, противники решили дать мне бой в ВАКе. Еще до поступления документов Ученого Совета о присуждении мне кандидатской степени туда поступила жалоба могущественных «оппонентов». Одновременно они обратились в ЦК КПСС с настоятельным требованием взять под контроль весь процесс прохождения моего «дела» в ВАКе.

Отдел науки ЦК КПСС внял голосу «непримиримых оппонентов» прежде всего потому, что в их роли выступала группа ветеранов партии, участников борьбы за Советскую власть. Но даже в этих условиях ВАК устоял и утвердил в том же 1968 году решение Ученого Совета Ростовского университета о присуждении мне ученой степени кандидата исторических наук.

В ответ «оппоненты» развернули такой оголтелый психологический штурм ЦК КПСС и ВАКа, что те пошли на попятную.

ВАК вынужден был назначить повторную защиту мною кандидатской диссертации на расширенном заседании в секции истории КПСС Экспертного Совета ВАКа с участием «оппонентов» с обеих сторон – моей и моих противников. Она состоялась в марте 1970 года.

Те же профессора Г. К. Долунц и Г. П. Иванов были приглашены для участия в защите. Кроме того, мои позиции активно отстаивал известный ученый-историк, ветеран партии и активный участник социалистической революции и гражданской войны Василий Тимофеевич Сухоруков. На защите выступал также Иван Борисович Шевцов – автор книги «Особое задание», стоявший на тех же позициях, что я и А. И. Козлов.

Мне удалось отстоять свои научные позиции, и ВАК подтвердил решение о присуждении мне ученой степени кандидата исторических наук.

Однако ни я, ни А. И. Козлов не считали борьбу за утверждение в истории результатов нашей многолетней и многотрудной борьбы за историческую правду завершенной. Пока не были защищены и признаны те выводы и оценки, которые следовали из моих научных поисков, полученных в условиях жесточайшей травли и безосновательных обвинений злонамеренных хулителей.

Не стану детализировать те преграды, которые мне удалось

преодолеть на своем научном пути. Скажу только, что моим главным «товарищем по оружию», советником, помощником и вдохновителем был мой единомышленник и друг А. И. Козлов.

На протяжении всех наших научных мытарств мы, как могли, поддерживали друг друга. И в отбивании «психических атак» наших «оппонентов», и в научных исследованиях, и в публикациях.

Проблема публикации была не простая, но крайне необходимая для защиты диссертации. Поэтому мы старались активно участвовать в научных конференциях, материалы которых публиковались в сборниках научных работ.

После защиты кандидатской диссертации А. И. Козлов работал в одном из волгоградских вузов, и когда там проходила конференция, он включил в ее программу и мое выступление. Представилась возможность моего участия в научной конференции и публикации, а также встречи со своим верным другом в легендарном городе-герое…

Наши опасения, что решение ВАКа о присуждении мне ученой степени кандидата исторических наук вряд ли «успокоит» наших оппонентов, оправдались. С еще большим остервенением и ожесточением они продолжали атаковать нас. Атаки велись также против ученых и ветеранов революции и гражданской войны, выступавших в нашу защиту. Потоком шли письма в ректорат и партком Кубанского университета, Краснодарский крайком и Ростовский обком КПСС, в Отдел науки ЦК КПСС. «Оппоненты» добивались отмены решения о присуждении мне ученой степени кандидата исторических наук и привлечения к ответственности всех, кто способствовал этому.

Обо всем не расскажешь. Но об одном должен сказать. Вопрос о судьбе моей кандидатской диссертации и присуждении мне ученой степени кандидата наук многократно рассматривался в ВАКе на протяжении двенадцати лет.

В общей сложности только копии моих личных объяснений по поводу заявлений «оппонентов», которые поступали в партийные, государственные, научные организации и в печатные органы, с трудом поместились в четырех объемистых чемоданах.

Трудно представить, что пришлось нам с А. И. Козловым выдержать и пережить, какой ценой отстоять правду истории. Эта жестокая «эпопея» закалила нас, сделала наши имена известными в научном мире. Надо отдать должное Высшей Аттестационной Комиссии СССР, ее тематическим и проблемным Советам, секциям, комиссиям. Всем ученым, кто был причастен к нашей судьбе, кто помог нам выстоять и победить. А таких было немало среди ученых-историков Дона, Кубани и Северного Кавказа, да и в

других регионах страны.

О ростовских ученых я уже писал в первой книге, в главе «Мои университеты». Назову еще раз профессоров В. А. Золотова, А. П. Пронштейна и К. А. Хмелевского, а также Я. Н. Раенко, Л. А. Этенко и Я. А. Перехова.

В Краснодаре мощную поддержку я получал на протяжении всей моей многолетней, многотрудной научной деятельности и борьбы с «оппонентами» разностороннюю помощь доктора исторических наук, профессора Г. П. Иванова, проректора Кубанского государственного университета; И. И. Алексеенко, заведующего кафедрой истории КПСС Кубанского университета; Г. К. Долунца, заведующего кафедрой истории КПСС Краснодарского политехнического института; ученых этой кафедры И. Я. Куценко, В. А. Занина, М. Г. Аутлева; заведующего кафедрой истории КПСС сельскохозяйственного института Ф. П. Зырянова, доцента В. А. Артюшина и многих других.

Участливо относились к моей научной судьбе ректоры Кубанского государственного университета профессор К. А. Новиков и сменивший его член-корреспондент Академии Наук СССР, впоследствии академик Российской Академии Наук В. А. Бабешко; ученые-историки Ставрополья, университетов Дагестана, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии; руководители и научные сотрудники государственных архивов и историко-краеведческих музеев Дона, Кубани, Ставрополья, республик Северного Кавказа.

Не могу не сказать благодарного слова персонально директорам историко-краеведческих музеев: Сочинского – Борису Александровичу Шарапову; Туапсинского – Марии Лаврентьевне Поповой; Геленджикского – Александре Аветисовне Колесниковой; научному сотруднику Туапсинского музея, кандидату исторических наук Любови Михайловне Ступаченко. Не только за возможность максимально исследовать документы и материалы о революционной истории, о борьбе за власть Советов в Черноморье, хранящихся в фондах музеев, но и за активную помощь и поддержку моей научной работы, моей позиции в освещении и защите исторической правды.

Мои научные позиции активно поддерживали видные ученые-историки Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, доктора исторических наук, профессора П. А. Голуб, М. В. Искров, В. П. Наумов; кандидаты исторических наук А. И. Мельчин, И. П. Донков и другие.

В Институте истории СССР Академии Наук СССР я всегда находил понимание и поддержку академика Академии Наук СССР И. И. Минца; докторов исторических наук, профессоров

П. Н. Соболева, Ю. И. Кораблева, В. И. Миллера.

Большую помощь оказывал мне заместитель начальника Военно-Политической Академии имени В. И. Ленина, начальник кафедры истории КПСС Академии, доктор исторических наук, профессор, генерал-лейтенант Е. Ф. Никитин.

На заключительном этапе защиты докторской диссертации я нашел понимание и поддержку со стороны ответственного работника ВАК СССР, ученого-историка В. К. Покровского и профессора кафедры истории КПСС Академии общественных наук при ЦК КПСС А. А. Чернобаева. Нередко получал помощь и поддержку от ученых, которых ранее не знал и с которыми никогда не встречался ни до моих научных испытаний и «хождений по мукам», ни после их благополучного завершения. Они, по собственной инициативе, присылали мне, в Ученые советы по защите кандидатской и докторской диссертаций и в ВАК рецензии, отзывы, экспертные заключения на мои авторефераты и научные публикации. Одним из таких бескорыстных и добросердечных ученых был Яков Андреевич Чернявский…

Весьма участливое отношение к моей научной судьбе принимал известный ученый-историк, исследователь революции и гражданской войны на Северном Кавказе, работавший в Томском государственном университете, профессор И. М. Разгон.

В той жесточайшей и сложнейшей обстановке, в которой шли многолетние сражения на научном фронте, выстоять и победить можно было при помощи и поддержке активных участников борьбы за власть Советов на Кубани и в Черноморье. Ведь главной ударной силой у наших «оппонентов» были ветераны революции и гражданской войны. Успешно противостоять им могли только известные, авторитетные, хорошо осведомленные люди, знавшие суть «сложных» вопросов не понаслышке, имевшие непосредственную причастность к ним или основательно изучившие их.

Нам с Александром Ивановичем Козловым в этом смысле улыбнулось счастье: на помощь пришли тогда еще жившие активные участники борьбы за власть Советов и архивные документальные свидетельства тех, кого уже не было в живых. Это были стойкие коммунисты, имена которых были вписаны в историю социалистической революции и гражданской войны.

Назову тех, кто тогда был еще жив, кого подарила нам судьба, кто без колебаний отозвался на нашу просьбу дать объективную оценку событиям, фактам и людям, оказавшимся в эпицентре многолетних споров между различными группами участников борьбы за власть Советов и научных баталий между

исследователями истории революции и гражданской войны на Кубани и в Черноморье.

…В 1917 году в состав Екатеринодарского комитета РСДР(б) входили известные на Кубани профессиональные революционеры – Зоя Александровна Зенкевич и Федор Яковлевич Волик, являвшийся делегатом от екатеринодарской большевистской организации на историческом VI Съезде большевистской партии.

Зоя Александровна Зенкевич, с которой я неоднократно встречался в интернате старых большевиков в Переделкино, и Федор Яковлевич Волик, живший в Краснодаре, ознакомившись с моими научными исследованиями, одобрили мою борьбу за историческую правду.

Активную поддержку на всех этапах моей научно-исследовательской работы, издания монографий и защиты кандидатской и докторской диссертаций оказывала Анастасия Митрофановна Седина, ветеран Ленинской партии, отец и брат которой – М. Седин и Г. Седин, погибли в борьбе за Советскую власть на Кубани и в Черноморье в годы гражданской войны. Она – автор брошюр и статей, посвященных истории революции и гражданской войны. Хорошо зная ее, Анастасия Митрофановна смело и принципиально выступала в защиту исторической правды, против любых попыток её фальсификации.

Одним из инициаторов создания и руководителей Оргбюро Сочинской организации РСДРП(б) в первые дни после победы Февральской буржуазно-демократической революции был Лев Карпович Тиракян. События революции и гражданской войны в Сочинском округе он знал хорошо. И потому решительно выступал против их искаженного освещения в истории, предпринимавшегося на протяжении многих лет отдельными историками и участниками борьбы за Советскую власть. Он глубоко переживал клеветнические измышления и аргументировано разоблачал их несостоятельность в своих публикациях, в газетах и в письмах, адресованных в ИМЛ при ЦК КПСС и в ЦК КПСС.

В 60–70-е годы в Сочи жил активный участник Октябрьской революции и гражданской войны, ветеран Ленинской партии, профессор Военной Академии, генерал-лейтенант в отставке Семен Аввакумович Спильниченко. Он возглавлял Сочинскую организацию ветеранов революции и гражданской войны. И когда обнажились и достигли непримиримого противостояния споры между различными группами участников борьбы за Советскую власть и исследователями ее истории, Семен Аввакумович решил разобраться в существе споров. Он отдал много сил и времени доскональному, обстоятельному изучению истории революции и

гражданской войны на Кубани и в Черноморье в центральных и местных архивах и в музеях. Результатом стала объективная рукопись в сотни страниц, в которой правдиво и убедительно была освещена история развития революции и гражданской войны в Черноморье и, в особенности, в Сочинском округе… Затем этот труд был обсужден на собраниях сочинских ветеранов и передан в архив Сочинского историко-краеведческого музея. Я не только основательно изучил его, но и максимально использовал в научных исследованиях истории борьбы за власть Советов на Кубани и в Черноморье.

С. А. Спильниченко, авторитетнейший участник революции и гражданской войны и взыскательнейший исследователь процесса их развития в Черноморье, постоянно поддерживал меня и А. И. Козлова в нашей научной работе, неоднократно давал отзывы на наши публикации и диссертации.

Неоценимую помощь в исследовании истории борьбы за власть Советов на Кубани, в Черноморье и на всем юге России, в написании и защите кандидатской диссертации и в издании монографий на протяжении многих лет мне оказывал ветеран Ленинской партии, активный участник революции и гражданской войны, полковник в отставке Василий Тимофеевич Сухоруков. Он не только активный участник революции и гражданской войны, но и один из самых добросовестных и объективных исследователей. В. Т. Сухоруков – автор монографии «XI Армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге», обоснованно получившей признание и высокую оценку в советской историографии революции и гражданской войны в СССР.

В. Т. Сухоруков всемерно поддерживал меня в борьбе за историческую правду, одобрял мои публикации и диссертации, давая на них отзывы, со знанием дела разоблачал несостоятельность обвинений против меня и моих научных исследований, выдвигавшихся группой «инакомыслящих» участников революции и гражданской войны и отдельных историков.

Как непосредственный активный участник борьбы за Советскую власть в годы гражданской войны и как ученый-исследователь, он, по приглашению ВАКа, выступал в качестве неофициального оппонента на защите мною кандидатской диссертации на секции истории КПСС Экспертного Совета ВАКа.

Столь же решительно впоследствии он поддерживал меня на этапе защиты мною докторской диссертации. Моя признательность ему безгранична…

Я назвал здесь лишь нескольких ветеранов Октябрьской революции и гражданской войны, твердо выступавших в

поддержку моей научной работы, дававших аргументированный отпор тем, кто всячески старался «похоронить» меня как ученого-историка.

Жестокая травля и циничные попытки покончить с нами – с А. И. Козловым и мною, как с лжеучеными, достигли высшего накала в 1978 году. В это время И. А. Козлов представил к защите свою докторскую диссертацию, а я был близок к ее завершению.

Под мощным напором наших непримиримых изничтожителей и при активной поддержке названных мною лиц в Краснодарском крайкоме КПСС и в ЦК КПСС, была создана комиссия Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС во главе с его научными сотрудниками Серёгиным и Савокиным. Ей было поручено, по заданию ЦК КПСС, детально изучить существо «обвинений», выдвигаемых против Козлова и Осадчего на протяжении многих лет их «оппонентами» из числа ветеранов партии и отдельных историков.

Серёгин и Савокин ретиво и пристрастно взялись за порученное дело.

Инквизиционные методы, которыми они действовали для получения желанной «истины», я испытал на себе. Никакие документальные свидетельства, никакая логика не действовали на них. Они сделали всё, чтобы сломить меня, мои научные принципы, мою позицию. Но тщетно.

В целях сбора «компромата» против меня и Козлова, Савокин и Серёгин побывали в Краснодаре, Сочи, Туапсе, Новороссийске; изучили хранящиеся в музеях архивные материалы, встретились с живыми участниками борьбы за власть Советов, с историками и с партийными руководителями. Однако кроме горстки «громче-всех-крикунов» из числа ветеранов партии, обитавших в Сочи и Москве, в их поддержку никто не выступил.

Тогда за «дело» усердно взялся А. М. Савокин. Он сочинил «успокоительный» компромиссный «опус», построенный не на документах и реальных фактах истории, а на «умозаключениях», сделанных им, страстно желая максимально угодить этим высоким чинам из аппарата ЦК КПСС.

По итогам «изучения» в июне 1978 года Институт марксизма-ленинизма провел трехдневное (!) совещание с участием большой группы ветеранов КПСС и ученых Института марксизма-ленинизма. Для участия в его работе были приглашены и мы – «обвиняемые»: А. И. Козлов и я.

Был представлен доклад, содержавший несусветные небылицы, со ссылками на участника гражданской войны полковника М. Самотейкина, как на непререкаемый авторитет.

В «своем» ключе выступил и А. М. Савокин. Мы с

Александром Ивановичем, получив слово, твердо заявили, что от своих научных позиций не отступим и будем бороться с абсурдными обвинениями и клеветническими измышлениями до конца. В своих выступлениях мы показали полную несостоятельность выдвигаемых против нас обвинений.

С осуждением позиции «злопыхателей» выступил также заведующий сектором Октябрьской революции и гражданской войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС доктор исторических наук, профессор Павел Акимович Голуб. Активно поддерживал нас на всех этапах борьбы за историческую правду научный сотрудник ИМЛ Анатолий Иванович Мельчин, ряд других ученых ИМЛ и ветеранов партии. При этом старые коммунисты решительно заявили, что возмущены «судилищем», учиненным над нами, и грозили направить свое возмущение в адрес Брежнева и Суслова, изобличающее Е. М. Самотейкина-младшего, – помощника Генерального секретаря ЦК КПСС, использующего свое высокое положение не по назначению, а в корыстных целях.

А. И. Козлов в своей книге «Каменистыми тропами…» (Ростов-на-Дону. 2008, с. 32–33), вспоминая об этом совещании, справедливо замечает:

«Савокин сидел как на горящем угле. Серёгина охватило смятение. Дебаты продолжались три дня. Зачинщики его не получили желаемого результата. Руководство ИМЛ отправило в ЦК КПСС, по выражению А. И. Козлова „вегетарианскую“ отписку в духе изобретенного Савокиным „буфера“ – „ни вашим, ни нашим“». На том и закончилась эта очередная жесточайшая атака.

Закономерным был и финал: блестящая защита 17 ноября 1978 года Александром Ивановичем докторской диссертации, присвоение ему заслуженной ученой степени доктора исторических наук, а затем – в 1980 году – звания профессора…

«Гладко было на бумаге, но забыли про овраги, а по ним ходить» – справедливо гласит народная мудрость. Так вот получилось и у меня. Я находился под непрерывным огнем моих противников, непримиримых «оппонентов», использовавших любую возможность для того, чтобы опорочить меня, мою диссертацию и публикации, создать неимоверное напряжение.

Редкий месяц (да что там месяц) почти каждодневно я был занят не столько созидательной работой над докторской диссертацией и подготовкой к её защите, сколько написанием ответов и объяснений на клеветнические измышления, которые шли потоком в ЦК КПСС, в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ВАК, в Краснодарский крайком КПСС.

Опираясь на поддержку секретаря Краснодарского крайкома

КПСС по идеологии И. П. Кикило, отдельных ученых Института марксизма-ленинизма, а в ЦК КПСС – на Е. М. Самотейкина – помощника Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, – «оппоненты»-ниспровергатели без устали атаковали меня и всех ученых, поддерживающих мои позиции.

Атмосфера вокруг защиты мною докторской диссертации была настолько тяжелой, гнетущей и устрашающей, что даже найти Ученый совет для её защиты оказалось весьма непросто.

Логичнее всего было представить докторскую диссертацию к защите в Ученый Совет Ростовского государственного университета. Во-первых, я был его питомцем. Во-вторых, тема моей диссертации была региональной, Северо-Кавказской, а Ростовский университет был головным вузом этого региона. Но Ученый Совет по историческим наукам Ростовского университета, в связи с защитой в нем А. И. Козловым кандидатской и докторской диссертаций и мною кандидатской, был настолько «прославлен» нашими «сумасбродными оппонентами», что мне доброжелательно посоветовали не подвергать риску ни себя, ни Ученый Совет РГУ.

Тогда я обратился с просьбой принять мою диссертацию к защите в Ученый Совет по историко-партийной проблематике Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Но там мне деликатно ответили: «Да, тема Вашей диссертации – историко-партийная, но у нас защищаются только партийные работники…».

В Институте истории Академии наук СССР на мое аналогичное обращение последовал аналогичный ответ: «У Вас тема историко-партийная. А наш Институт занимается гражданской историей. Помочь Вам ничем не можем».

И все же эти два авторитетнейшие научные учреждения и Минвуз РСФСР помогли выйти из тупиковой ситуации. Они предложили провести защиту в Ленинградском государственном университете, поскольку там, на кафедре истории КПСС базировался Проблемный Совет «КПСС – вдохновитель и организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции» (руководители: профессора Е. Ф. Ерыкалов и П. Ф. Метельков). Туда я и представил свою докторскую диссертацию в 1980 году…

Здесь самое время сказать отдельное слово об ученом-историке, профессоре Михаиле Алексеевиче Китаеве. Ему предстояло сыграть одну из главных ролей на предстоящей защите мною докторской диссертации.

Сразу скажу: Михаил Алексеевич Китаев – редчайшей души и порядочности человек. Первым о нем мне рассказал Анатолий Иванович Мельчин, научный сотрудник Института марксизма-

ленинизма при ЦК КПСС. С ним я уже был хорошо знаком, по меньшей мере, десять лет. Верил в него и доверял ему. Анатолий Иванович, как никто другой, твердо стоял на страже исторической правды и справедливости, всемерно поддерживал меня на всем пути испытаний, выпавших на мою долю на научном фронте.

Благодаря Анатолию Ивановичу я приобрел многих верных и надежных союзников, разделявших мои научные позиции и помогавших выстоять в многолетней изнурительной и жестокой борьбе за историческую правду.

С Михаилом Алексеевичем Китаевым у нас установилось глубокое взаимное уважение, взаимопонимание и доверие с первой встречи. Что же касается его отношения к сути научного спора, в эпицентре которого я оказался, то он решил обстоятельно ознакомиться с материалами и документами, на которых основывались мои научные позиции, оценки и выводы, а также с позицией моих «оппонентов».

И только глубоко изучив проблему, и убедившись в моей научной правоте, он принял на себя ответственнейшую роль первого оппонента на защите мною докторской диссертацию и сыграл весьма важную роль в её успехе.

«У нас подлецов нет…»

Председателя Специализированного Совета по защите докторских диссертаций, заведующего кафедрой истории КПСС Ленинградского университета, профессора В. А. Смышляева, кстати, ученого-фронтовика, ничуть не смутила моя «научная» биография. Он без малейшего колебания принял к защите мою диссертацию, сопроводив это решение весомыми словами: «Не переживайте. У нас в Совете ученые знающие, сильные и смелые люди. Оценят объективно и в обиду не дадут».

На всех этапах подготовки и защиты докторской диссертации в Ленинградском университете я убеждался в справедливости этих слов.

Только благодаря бескорыстной, мужественной помощи и объективной, принципиальной позиции ученых и ветеранов-коммунистов, активных участников Октябрьской революции и гражданской войны, я смог выстоять. Стала возможной моя победа в многолетних, изнурительных научных сражениях. Но до нее надо было пройти еще долгих и трудных три года…

Ко дню заседания Специализированного Совета по защите диссертации на соискание ученой степени доктора исторических

наук по специальности «История КПСС» при кафедре истории КПСС Ленинградского государственного университета поступило до двадцати отзывов на автореферат моей диссертации. В том числе от ученых-историков, докторов исторических наук, профессоров И. И. Алексеенко, Н. Р. Андрухова, Р. Х. Гугова, М. Г. Аутлева, Г. К. Долунца, В. А. Азанина, Б. О. Кашкаева, Н. И. Михайлова, Б. М. Мостиева, В. Д. Поликарпова, П. И. Соболевой, В. Т. Сухорукова, Г. А. Чигринова, Ю. П. Шарапова, С. В. Шестакова.

Большинство авторов отзывов мне лично неизвестны. Это были ученые-историки практически всех регионов Северного Кавказа: Краснодарского края, Дагестана, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, ряда московских вузов, а также Института истории СССР Академии наук СССР. Об этом основательно позаботился тогда уже доктор исторических наук, профессор А. И. Козлов.

Поскольку в число моих оппонентов входил ряд ветеранов партии – участников революции, гражданской войны на Кубани и в Черноморье, то было очень важно, чтобы на мою диссертацию откликнулись активные участники Октябрьской революции и гражданской войны в этом районе. Я благодарен всем, чьи отзывы поступили ко времени моей защиты в Специализированный Совет: А. М. Сединой, З. А. Зенкевич, П. С. Платонову, П. И. Орловой.

В самый раз сказать о том, что Кубанский государственный университет со времени принятия меня в заочную аспирантуру в 1962 году на протяжении всей моей многострадальной научной «эпопеи» поддерживал меня и содействовал её успешному окончанию.

И на этот раз, на ее завершающем этапе, ректор университета, академик Академии наук СССР В. А. Бабешко направил в Специализированный Совет Ленинградского университета характеристику моей научно-педагогической и общественно-политической деятельности, в которой содержалась самая высокая ее оценка.

Такую же аттестацию дал мне партком Кубанского университета по запросу ВАКа и Отдела науки ЦК КПСС.

Внешний отзыв на диссертацию поступил от Ростовского государственного университета. Он был подписан ректором университета, председателем Северо-Кавказского координационного научного совета Академии наук СССР Юрием Андреевичем Ждановым.

Своевременно представили отзывы и официальные оппоненты: доктора исторических наук, профессора: Михаил

Александрович Китаев – заведующий кафедрой истории КПСС Московского физико-технического института; Ефим Федорович Ерыкалов – профессор кафедры истории КПСС Ленинградского государственного университета; Георгий Васильевич Малашенко – заведующий кафедрой истории КПСС Ростовского Института повышения квалификации преподавателей общественных наук.

Я смог внимательно ознакомиться со всеми поступившими отзывами, чтобы отреагировать на них, на содержащиеся в них критические замечания.

24 февраля 1982 года состоялось заседание Специализированного Совета по защите мною докторской диссертации. Его открыл Председатель Совета, заведующий кафедрой истории КПСС Ленинградского университета, профессор Валентин Алексеевич Смышляев.

Сообщение о соискателе и отзывах на диссертацию сделал ученый секретарь Совета, доцент кафедры истории КПСС Ленинградского университета Михаил Александрович Петров.

Мне было предоставлено двадцать минут для изложения содержания диссертации. Затем последовали вопросы членов Специализированного Совета. Их было не менее двух десятков. Все – по существу. На каждый вопрос необходимо было дать обоснованный ответ.

Помнится, что самые сложные вопросы были заданы членом Специализированного Совета, деканом исторического факультета Ленинградского университета профессором В. И. Ежовым. Я уже знал о его взыскательном отношении к соискателям и постарался, насколько позволяло время, обстоятельно ответить на его вопросы. Так началась дискуссия по представленной мною диссертации, по проблемам, рассматриваемым в ней, и сделанным выводам.

Затем выступили официальные оппоненты – М. А. Китаев, Е. Ф. Ерыкалов, Г. В. Малашенко. Их выступления создали хорошую основу для продолжения интересной научной дискуссии.

Вслед за официальными оппонентами в дискуссии приняли участие члены Специализированного Совета: Петр Федорович Метельков, профессор, заведующий кафедрой истории КПСС Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта, председатель Проблемного совета Минвуза РСФСР «Коммунистическая партия – вдохновитель и организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции» и профессор Валериан Митрофанович Катушкин.

После моего заключительного слова была избрана счетная комиссия для проведения тайного голосования по вопросу

присуждения мне ученой степени доктора исторических наук. В нее вошли профессора: И. А. Фарутин, заведующий кафедрой истории КПСС Калининградского государственного университета, П. Ф. Метельков и М. М. Дятлова.

На время работы счетной комиссии был объявлен перерыв. В перерыве ко мне подошел самый взыскательный и строгий член Специализированного Совета, как его характеризовали еще до заседания Совета ученые кафедры истории КПСС Ленинградского государственного университета, и, крепко пожал мне руку: «Поздравляю Вас с успешной защитой».

Я опешил от неожиданности и сказал: «Еще рано. Надо дождаться результатов тайного голосования». Он тепло похлопал меня по плечу: «Не волнуйтесь. Всё будет хорошо. **У нас подлецов нет».**

И вот подтверждение этих слов. Председатель счетной комиссии профессор И. А. Фарутин оглашает результаты голосования: 15:0. Все члены Специализированного Совета высказались за присуждение мне ученой степени доктора исторических наук. Председатель Совета В. А. Смышляев, обращаясь ко мне сказал: «Поздравляю Вас с хорошей, можно сказать, с блестящей защитой докторской диссертации».

Сообщение о результатах голосования было встречено горячими аплодисментами всех участников заседания.

В. А. Смышляев, закрывая заседание, объявил: «Традиционного банкета не будет. Это может только осложнить Вашу судьбу. Узнав о банкете, Ваши неугомонные оппоненты не оставят Вас в покое. У них везде есть свои глаза и уши».

…Отметили мы это весьма значимое в моей жизни событие, в гостинице вчетвером: М. А. Китаев, Г. В. Малашенко, Коля – мой сын и я.

Присутствие Коли было кстати. Во-первых, был дополнительный импульс для меня, а во-вторых, он получил для себя опыт в связи с предстоящей защитой им кандидатской диссертации.

На второй день я получил телеграмму Александра Ивановича Козлова из Пятигорска. Она сейчас в моих руках: «Рад поздравить. Обнимаю. Желаю дальнейших успехов. Козлов».

Он предвидел, что меня еще ждут трудные дни, потому и пожелал «дальнейших успехов».

Я задержался в Ленинграде на две недели с целью ускорения подготовки документов, требуемых для представления в ВАК. Вернулся в Краснодар только 21 марта. А спустя десять дней, 1 апреля, получил из Ленинграда телеграмму об отправке моего дела о защите в ВАК. Она поступила туда 7 апреля…

Еще 15 марта 1982 года из ВАКа мне доверительно сообщили, что на мою диссертацию и постановление специализированного Совета при Ленинградском университете уже поступила «убийственная стряпня». Она была прислана из Секретариата ЦК КПСС за подписью помощника Генерального секретаря ЦК Е. М. Самотейкина с предписанием строжайше разобраться с присвоением И. П. Осадчему ученой степени доктора исторических наук и сообщить в Отдел науки ЦК о принятом решении.

Так мои недремлющие оппоненты опередили на целых три недели поступление в ВАК материалов защиты диссертации из специализированного Совета при Ленинградском государственном университете. Меня ждала трудная судьба.

20 октября 1982 года Экспертный Совет ВАКа изучил дело о защите мною докторской диссертации и протест группы ветеранов КПСС, полученный из Секретариата ЦК КПСС. Учитывая единогласное решение специализированного Совета при кафедре истории КПСС Ленинградского государственного университета, а также положительную рецензию независимого «черного» эксперта – доктора исторических наук, профессора В. П. Наумова, научного сотрудника ИМЛ при ЦК КПСС, решил направить мою диссертацию на дополнительную экспертизу доктору исторических наук, профессору А. А. Чернобаеву.

24 ноября 1982 года Экспертный Совет ВАКа вторично рассмотрел вопрос о моей докторской диссертации. На основе теперь уже двух положительных рецензий независимых экспертов – профессоров В. П. Наумова и А. А. Чернобаева – Совет принял решение: рекомендовать Президиуму ВАКа утвердить постановление Специализированного Совета при кафедре истории КПСС Ленинградского государственного университета о присуждении мне ученой степени доктора исторических наук.

Спустя месяц, 24 декабря 1982 года, Президиум ВАКа СССР своим постановлением присвоил мне искомую ученую степень. Об этом мне сообщил в тот же день ученый секретарь секции истории КПСС Экспертного Совета ВАКа В. К. Покровский. Тяжело вздохнув, он сказал, что накануне пришлось выдержать страшную битву в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Приятная новость перемешалась с тревогой, рождавшей сомнение: окончательно ли решение ВАКа? Или будут еще пересматривать, как это было с постановлением Президиума ВАКа о присвоении мне ученой степени кандидата исторических наук в 1968 году?

…5 января 1983 года я получил официальное уведомление о решении ВАКа присвоить мне ученую степень доктора исторических наук и сообщение о предстоящем вручении диплома 25 января.

В назначенный день в зале заседаний ВАКа при Совете Министров СССР для получения дипломов докторов наук и аттестатов профессоров собралось более 200 «виновников» этого большого события в жизни каждого ученого.

Вручали дипломы и аттестаты: заместитель Председателя ВАКа, член-корреспондент Академии наук СССР, доктор исторических наук, профессор Кирилл Владимирович Гусев и другие члены Президиума ВАКа.

Я получал пятым, после четырех философов. При вручении мне диплома доктора наук попросил слово. Однако Кирилл Владимирович сказал: «Мы знаем, что у Вас сейчас переполнена душа. Но дадим Вам слово после вручения всем».

Процедура вручения дипломов и аттестатов длилась два часа. Перед ее завершением ко мне подошла сотрудница ВАКа и спросила: «Не передумали выступать?»

Я подтвердил свое желание, и, получив слово, изрядно волнуясь, сказал буквально следующее (цитирую по записи в дневнике, сделанной мною в день получения диплома доктора наук):

«Дорогой Кирилл Владимирович! Дорогие товарищи члены Президиума ВАК! Дорогие соратники по сегодняшнему торжеству – посвящению в доктора наук и профессора!

В этот большой, волнующий день в нашей жизни мне хотелось бы сказать несколько слов, идущих из самой глубины сердца. Я один из тех немногих ученых, находящихся здесь, в зале, сегодняшних именинников, чье детство и юность были круто замешаны и опалены войной. Поэтому непростым и нелегким был наш путь и к среднему, и к высшему образованию. Еще более сложным и тернистым оказался путь в науку, к сегодняшней вершине.

Приходилось всё брать с боем, с максимальным напряжением сил, преодолевая немалые естественные и искусственные трудности и испытания, возникавшие на нашем пути.

Одному непросто взять эту высоту, преодолеть барьеры и трудности. Именно поэтому я хочу от всего сердца выразить самую глубокую благодарность нашей Ленинской партии и нашему советскому народу за то, что они создают нам условия для успешной и плодотворной научной работы, дают возможность достичь той вершины, на которую мы сегодня взошли каждый в своей области научной деятельности.

И еще хочу выразить особую сердечную благодарность и признательность руководству ВАКа при Совете Министров СССР, его Президиуму, его Экспертному Совету, его сотрудникам, всем ученым за их объективность и принципиальность, партийность и человечность, за их мужество, с которым они решают нашу судьбу. Большое спасибо!» (Зал взорвался бурными аплодисментами).

…Но и после этого, казалось итогового события в моей нелегкой научной судьбе, мои обезумевшие оппоненты не успокоились. Они с еще большим бешенством продолжали атаковать ВАК, ЦК КПСС, добиваясь отмены постановления о присуждении мне ученой степени доктора исторических наук и привлечения к ответу за «протаскивание эсеро-меньшевистских взглядов в историко-партийную науку», и всех, кто «потворствовал» мне в публикации научных трудов и в защите диссертаций…

Околонаучная «мишура» «рвала и метала», бросив все силы на борьбу за отмену Постановления ВАКа. В который раз «апеллировала» в ЦК КПСС и добилась рассмотрения ее «протеста» на заседании Апелляционного Совета ВАКа, на которое были «вызваны» я и мои зловещие «оппоненты». Оно состоялось в конце 1983 года. Председательствовал на заседании выдающийся советский историк, ученый с мировым именем, академик Академии Наук СССР Б. А. Рыбаков.

Апелляционный Совет ВАКа показал полную несостоятельность «обвинительных» аргументов и домогательств моих изуверских «оппонентов» и подтвердил правильность Постановления ВАКа о присуждении мне ученой степени доктора исторических наук.

В заключение Б. А. Рыбаков решительно заявил: «Прекратите травлю ученого! Сколько можно!?.. Посмотрите, до какого состояния вы довели добросовестного исследователя и глубоко порядочного человека!? Сегодня будет поставлена последняя точка в этом деле…»

Будущее подтвердило эту его уверенность. Жизнь вскоре вошла в нормальное русло. И не только в области научной деятельности.

Так закончилась моя многолетняя, изнурительная борьба за историческую правду.

18 января 1985 года ВАК СССР присвоил мне ученое звание профессора. И вскоре Заместитель Председателя ВАКа, член-корреспондент Академии Наук СССР, известный ученый-историк К. В. Гусев вручил мне аттестат профессора.

Двумя годами раньше он же вручал мне диплом доктора

наук. Он был в курсе моих «хождений по мукам», знал о пережитой мною многолетней травле и выпавших на мою долю испытаниях. Не удержался, чтобы не высказать своё восхищение моим мужеством, несгибаемой волей и стойкостью в защите исторической правды…

Получив профессорский аттестат, я сердечно поблагодарил ВАК за мужество и принципиальность, проявленные в защите науки в той сложнейшей ситуации, в которой он принимал окончательное решение в моей научной судьбе. И за то, что на протяжении многих лет внимательно, твердо и последовательно разбирался с бесчисленными «протестами» моих «оппонентов», сопровождавшимися «поручениями» Секретариата ЦК и Отдела науки ЦК КПСС.

…Из Москвы в Краснодар я возвращался поездом. Чувствовал себя счастливейшим из самых счастливых людей.

Перед отъездом, в каком-то привокзальном газетном киоске, купил «в дорогу» несколько газет и журналов. Листая их, наткнулся на стихотворение с удивительно заманчивым названием: «Мы – товарищи средних лет». «Интересно, – подумал я. – Это обо мне и моих сверстниках». Мне шел 58-й год.

В дороге много раз читал и перечитывал «находку», пока не выучил наизусть. Вот строки из этого стихотворения:

Мы находимся в трудном возрасте, —
Вот какая у нас беда:
Старость к нам подберется вскорости,
Юность кончилась лишь вчера.
Но я должен сказать заранее:
– В этом горя большого нет.
И у нас есть свое название —
Мы – товарищи средних лет…
Отмечаем мы не сединами
Годы, прожитые не зря.
Хорошеет земля плотинами,
Молодые шумят поля.
…И ни вялости, ни усталости, —
Путь наш дальше – и на подъем;
Ближе к юности мы, чем к старости, —
И такими век проживём…

Удивительные строки! Жаль, что не запомнил автора, чтобы высказать ему свою признательность. Забыл и «источник», в котором они были опубликованы. Жаль!..

Вскоре я был избран заведующим кафедрой Кубанского университета.

Многолетняя, изнурительная борьба за историческую правду закончилась победой…

Такова беспрецедентная судьба двух историков: и в случае с обстоятельствами нашего зачисления в студенты заочного отделения исторического факультета РГУ, и в том, что два студента-заочника с одного курса стали докторами исторических наук, профессорами. И в том, какой ценой далась им эта победа. Случайность? Я так не считаю…

Судьба моя читателю известна. Но о моем «товарище по оружию», с которым более четверти века длилось наше «хождение по мукам» и борьба за историческую правду и утверждение нас учеными-историками, хочу сказать несколько слов.

Три десятилетия мы шли с Александром Ивановичем Козловым плечом к плечу трудным, тернистым путем в науку и в науке. Об этом я рассказал в своей первой книге «Время нашей молодости», в главах, повествующих о нашем многотрудном поступлении в Ростовский государственный университет и о нашей учебе в нем. Это был пролог. О жесточайших научных баталиях рассказано в этой главе. Я даже первоначально хотел назвать эту главу: «Трудный путь в науку: одна судьба на двоих»…

Чем запомнился мне Саша – Александр Иванович Козлов – со студенческих лет? Глубоким проникновением в предмет изучения, исследования. Научный поиск был для него главным средством постижения истины. Целенаправленно, скрупулезно, осмысленно вел он исследование избранной темы, проблемы, любого вопроса. На этом пути его ничто не могло остановить. Никакие трудности. Никакие сложности. Никакие барьеры и препятствия. И в то, что я сейчас расскажу, трудно поверить.

Чтобы глубоко и всесторонне изучить революцию и гражданскую войну на Юге России, он не щадил ни сил, ни здоровья, не жалел времени. Притом не только в поиске нужных документальных источников, хранящихся в центральных государственных и партийных архивах, в краевых и областных архивах, в архивах историко-краеведческих музеев Дона, Кубани, Черноморья, Северного Кавказа.

В неменьшей мере он занимался изучением историографии проблемы, разыскивал в открытых и закрытых Фондах Центральных государственных библиотек книги, журналы, газеты – в «Ленинке», в Исторической библиотеке, в ИНИОНе.

Не буду упоминать множество примеров. Расскажу об одном. Когда в «Ленинке» ему выдали многотомные «Очерки русской

смуты» А. И. Деникина, Александр Иванович не расставался с ними несколько месяцев. День за днем от открытия до закрытия библиотеки Александр Иванович работал над ними.

Он отксерокопировал все тома, а это – многие тысячи страниц, уплатив за это, даже по тому времени, умопомрачительную сумму. Таким же образом поступил Александр Иванович со многими книгами из закрытого фонда, изданными в Праге, Париже, Белграде и других городах Европы.

Эта его непомерная «жадность» к поиску и сбору источников, пожалуй, самое главное, что поражало воображение, когда я узнавал о титанических усилиях и гигантских размерах проделанной им исследовательской работы. Это заражало и вдохновляло. Повторить такое было невозможно, но восхититься и вдохновиться, стараться идти таким же путем в поисках истины – эти чувства рождались и становились «нормой» и моей научно-исследовательской работы.

Вслед за поиском и созданием фундаментальной источниковой и историографической базы Александр Иванович с таким же усердием и ответственностью вел их осмысление и только после этого брался за ручку, начинал писать свои исторические труды: монографии, книги, брошюры, статьи. Мне хорошо известна его научная методика, лаборатория его научного творчества.

Мы были с ним не просто большие друзья-единомышленники, не только собратья по профилю, мы были «товарищи по оружию», – поэтому смело делились друг с другом всем: находками, открытиями, мыслями, опытом.

На нашу долю выпали жесточайшие испытания и без взаимной поддержки, без полного взаимопонимания, без соучастия в судьбе, – одолеть их было вряд ли возможно…

В апреле 1976 года, спустя двадцать лет после нашего «многострадального» поступления на заочное отделение исторического факультета Ростовского университета, Саша – Александр Иванович Козлов – стал его деканом и проработал в этой должности многие годы.

В 1981 году я навестил его. Удивило то, что в приемной, когда я назвал свою фамилию, встретили меня с доброжелательной улыбкой: «Александр Иванович много о вас рассказывал».

В то же мгновение дверь открылась, и Александр Иванович крепко обнял меня, не скрывая радости. Но в его глазах я заметил озабоченность. У меня сложилось впечатление, что озабоченность была его постоянным состоянием.

– Какой-то рок прямо-таки висит над нами, – первое, что

Александр Иванович с горькой улыбкой, раздосадовано сказал мне. – Когда мы с тобой пробивались в студенты, чуть ли не из-за нас тогда увеличили прием на заочное отделение исторического факультета до 150 человек. А теперь, когда я стал деканом и в ответе за его формирование, Минвуз, не посоветовавшись и даже не поставив заблаговременно в известность, снова срезал прием на заочное отделение до уровня, существовавшего до многострадального для нас 1956 года…

Разве можно было предположить, что это будет наша последняя очная встреча…

18 января 2009 года, за месяц до своего 79-летия жизнь Александра Ивановича Козлова оборвалась. Я очень глубоко переживаю эту невосполнимую утрату. Отозвался на его смерть статьей «Слово о старом друге», опубликованной в книге «Памяти А. И. Козлова. Историк и история», вышедшей в свет в 2010 году. Остальное доскажет некролог, извещающий о его смерти:

Памяти ученого и друга

«Российская историческая наука понесла большую утрату. Ушел из жизни Александр Иванович Козлов, Заслуженный деятель науки Россиш, доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии военных наук. В лице А. И. Козлова историческое сообщество потеряло крупного ученого, видного организатора науки, яркого педагога, человека с обостренным чувством гражданственности.

Александр Иванович прожил яркую, полнокровную жизнь. Он прошел путь от простого деревенского мальчишки, познавшего в детстве лихолетье военных и первых послевоенных лет, до маститого ученого, известного далеко за пределами Дона и Северного Кавказа. Родился он 18 марта 1930 года в селе Терса Еланского района Волгоградской области в крестьянской семье.

В 1948 г. юный Козлов успешно сдал вступительные экзамены и поступил в Харьковское Военно-политическое училище, готовившее политработников для пограничных войск КГБ СССР. В 1951 году Александр Козлов окончил училище с отличием, и командование предложило ему остаться в нем работать, однако молодого офицера тянуло туда, где трудно, где можно, как он считал, принести Родине больше пользы. Поэтому он написал рапорт с просьбой отправить его на самую дальнюю погранзаставу на остров Сахалин. Пограничная служба „на краю земли“ продолжалась не один год. Затем капитан Козлов служил в Новороссийском пограничном отряде. Почувствовав острую необходимость в приобретении новых знаний, он буквально „выбил“ разрешение начальства поступить учиться на заочное

отделение историко-филологического факультета Ростовского университета. Произошло это в 1956 г. Демобилизовавшись в 1960 году, Козлов, продолжая учебу в университете, в том же году начал журналистскую работу на сочинской студии телевидения, зарекомендовав себя с самой лучшей стороны, и был принят в Союз журналистов СССР. Ему предложили стать директором студии, но любовь к истории оказалась сильнее карьерных соображений. Его дипломное сочинение о революционных событиях в Черноморской губернии было признано членами ГЭК лучшей студенческой работой года. Это было в 1962 году.

Декан факультета профессор В. А. Золотов предложил Козлову поступить в очную аспирантуру, сопроводив свое предложение словами: „Хочу посмотреть, что может получиться из заочника". Свою кандидатскую диссертацию, выполненную под руководством большого знатока гражданской войны профессора К. А. Хмелевского, А. И. Козлов защитил с блеском в 1965 году, хотя ему затем пришлось долго защищаться от жалоб и прямой клеветы невежд, сделавших свою научную карьеру на борьбе с „врагами народа". Многочисленные комиссии ВАКа и партийных органов вынуждены были признать правоту молодого ученого. В 1978 году он также, преодолевая сопротивление „циничных оппонентов", защитил докторскую диссертацию. В 1980 году ему было присвоено звание профессора.

Началась блистательная научная карьера А. И. Козлова. Его перу принадлежат свыше 320 научных работ, в том числе фундаментальная монография о социально-экономических отношениях на Дону и Северном Кавказе на рубеже XIX–XX веков; монографические работы о М. А. Шолохове, А. И. Деникине, Харлампии Ермакове (прототип Григория Мелехова в шолоховском „Тихом Доне"), И. В. Сталине. Незадолго до смерти вышла книга „Каменистыми тропами", в которой автор подвел итог своей научно-исследовательской и учебно-методической работы.

Поражает широта взглядов А. И. Козлова, его историческая эрудиция, которая проявилась в многочисленных статьях в центральных изданиях, в региональной исторической периодике, в выступлениях на научно-практических конференциях. Неоценим его вклад в разработку казачьей проблематики. Именно А. И. Козлов, выполняя поручение Научного Совета АН СССР по проблемам революции и гражданской войны, сломил сопротивление партийной бюрократии, запрещавшей проводить научные конференции по истории казачества. Среди научных интересов А. И. Козлова были актуальные проблемы гражданской войны, внутрипартийной борьбы в 20-е годы, Великой Отечественной войны, возрождения казачества. Он резко выступил в печати против попытки

реабилитации атамана Краснова, сотрудничавшего в годы войны с Гитлером и фашистским вермахтом.

В 1994 году А. И. Козлову присвоено почетное звание „Заслуженный деятель науки Российской Федерации“.

А. И. Козлов воспитал целую плеяду известных историков Дона и Северного Кавказа. Под его руководством защитили докторские и кандидатские диссертации свыше сорока человек. Его связывало тесное сотрудничество с московскими и северокавказскими учеными, такими как Ю. А. Поляков, В. Д. Поликарпов, М. И. Гиоев, Ж. Ж. Гакаев, К. Т. Лайпанов, Л. А. Этенко и другие.

Научно-исследовательская деятельность А. И. Козлова неотделима от его учебно-организаторской работы. В течение десяти лет он был деканом исторического факультета РГУ, многие годы успешно руководил кафедрой новейшей истории России.

Александр Иванович умел ценить дружбу. У него было много верных и хороших друзей, которым его будет очень недоставать.

Н. А. Трапш,

декан исторического факультета Южного Федерального Университета (ЮФУ)

Я. А. Перехов,

профессор кафедры политической истории ЮФУ»

…Осиротели не только его супруга Валентина Сергеевна, дочь Лариса и сын Андрей, внучка Лена и внук Дмитрий. Осиротела историческая наука. Говорят: «Незаменимых людей нет». Спорный вопрос. Кто заменит нам ушедшего из жизни Александра Ивановича? Поэтому скорбим и помним, и всегда будем помнить и хранить в душе своей имя и образ подлинного ученого и верного друга Александра Ивановича Козлова.

* * *

…Ситуация, в которой я оказался в научной области, – чрезвычайная. В своем стремлении объективно исследовать особенности политической тактики коммунистов в осуществлении социалистической революции и в гражданской войне на Северном Кавказе я не нашел должного понимания и необходимой поддержки ни в Краснодарском крайкоме КПСС, ни в Отделе науки ЦК КПСС. Да и ИМЛ при ЦК КПСС оказался в этой обстановке беспомощным оградить меня от многолетней травли, надуманных обвинений в протаскивании «эсеро-меньшевизма» в историко-партийную науку. Два-три безвестных историка партии

и небольшая, но целеустремленная группа участников революции и гражданской войны четверть века блокировали появление позиций и подходов в освещении и оценке ряда событий и фактов революционной истории на Кубани и в Черноморье, не совпадающих с их взглядами. Они сумели «пленить» своими утверждениями и секретаря Краснодарского крайкома КПСС по идеологии, и некоторых влиятельных работников ЦК КПСС, и отдельных научных сотрудников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Была ли у меня возможность избежать такой жестокой участи и добиться научных результатов без тех жертв, которые мне пришлось принести на «алтарь науки», в борьбе за истину, за историческую правду и в значительно меньший срок? Была. И не одна…

Первая – отказаться от той научной позиции, на которой я стоял, и принять «точку зрения» своих непримиримых «оппонентов». Но это было совершенно неприемлемо для меня как ученого-историка. Ни при каких условиях я не мог встать на путь беспринципности, угодничества кому бы то ни было, отказаться от борьбы за истину, за объективное освещение истории.

Вторая – в самом начале пути в науку, еще на этапе курсовой и дипломной работ и первых публикаций. Узнав и осознав, что меня ждут трудные и сложные испытания, можно было сменить тему (проблему) научного исследования.

В те годы в особом почете были «научные» работы о деятельности коммунистических организаций регионов (или в целом КПСС) в условиях развитого социализма в той или иной сфере жизнедеятельности советского общества. Таким «научным исследованиям» была открыта «зеленая улица» и для защиты диссертаций, и для научных публикаций, издания монографий.

Можно было использовать и хрущевский период в деятельности КПСС. Ни в коем случае не покушаясь на «творческое» развитие теории коммунистического строительства в документах XX, XXI и XXII съездов КПСС и в новой Программе КПСС – программе построения коммунизма в СССР. Но при моем критическом отношении к этим «выдающимся научно-теоретическим выводам» моя научная работа по исследованию этих проблем, мягко говоря, очень скоро стала бы никому не нужной макулатурой и осела бы мертвым капиталом в архивных фондах.

Таким образом, я был обречен заниматься исследованиями той проблемы, той темы, тех вопросов, которые меня глубоко интересовали, занимали, которые мне хотелось изучить и

осветить, отстоять результаты своих исследований, внести свой вклад в их разработку, в историческую и историко-партийную науку. Потому я и решил идти до конца, ни при каких условиях и испытаниях не отказываясь и не отступая в борьбе за историческую правду. Это был мой удел, и я рад и счастлив, что прошел его до конца, прошел достойно и мужественно…

Моя научная деятельность, многие годы осложнявшая и омрачавшая мою жизнь и подрывавшая здоровье, совершенно не типичная для советского времени. Что называется, «исключение из правил», возможно, единственная в своем роде в историко-партийной науке.

Она сложилась в силу стечения обстоятельств: реального наличия различных подходов к восприятию и освещению фактов и событий, имевших место в истории борьбы за Советскую власть в Черноморье, двумя группами её участников, обнаружившихся вскоре после гражданской войны. Эти позиции и различные подходы поделили историков-исследователей революции и гражданской войны в этом районе на две противостоящие друг другу группы.

Осложнялась ситуация чрезмерным, субъективным и необоснованным вмешательством отдельных партийных работников в спор двух группировок – ветеранов революции в Черноморье и её исследователей. В Краснодарском крае такую позицию занимал тогдашний секретарь Краснодарского крайкома КПСС по идеологии И. П. Кикило; в ЦК КПСС – помощник Генерального секретаря Л. И. Брежнева Е. М. Самотейкин. Их поддерживали также отдельные сотрудники Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, по моему мнению, сугубо конъюнктивно, желая угодить партийной власти.

В одном случае, секретарь крайкома КПСС И. П. Кикило, используя своё служебное положение, поддержал моих оппонентов, при этом всячески третируя и дискредитируя меня и мою научную позицию.

В другом – помощник Генерального секретаря ЦК КПСС Е. Самотейкин пошел на поводу своего отца, одного из ярых моих «оппонентов».

Именно эти, чисто субъективные позиции отдельных лиц, и обусловили сложность моего положения в научно-исследовательской деятельности.

О том, что это так, более чем убедительно говорят итоги этой многолетней «околонаучной» свары.

Позиции моих «оппонентов», опиравшихся на помощь и поддержку партийной власти, были отвергнуты абсолютным большинством ученых, вовлеченных в этот «спор»;

Специализированными Советами Ростовского и Ленинградского государственных университетов, где проходила защита моих кандидатской и докторской диссертаций; многими ответственными работниками ИМЛ при ЦК КПСС; принципиальной и объективной позицией Высшей Аттестационной Комиссии ВАКа СССР.

Об этом говорит и тот факт, что после того как мой главный «каратель» и «гонитель» был лишен поста секретаря крайкома КПСС, решительно изменилось мое положение и отношение ко мне, ко всей моей работе, включая, прежде всего научную деятельность.

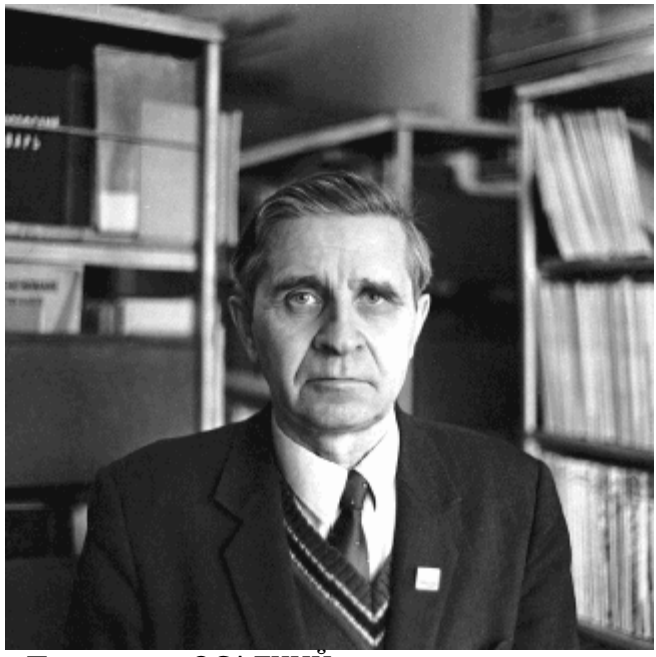
За короткое время мною были подготовлены и изданы три книги по материалам кандидатской и докторской диссертаций; множество статей о борьбе за власть Советов на Кубани, в Черноморье и в целом на Северном Кавказе в различных научных сборниках, в журналах «Вопросы истории», «Советы депутатов трудящихся», Военно-историческом журнале, в литературно-художественных журналах «Дон» и «Кубань», в «Роман-газете», в «Блокноте агитатора» Краснодарского крайкома КПСС, в периодической печати.

И в завершение хочу особо подчеркнуть, что тех условий, в которых работали советские ученые, и тех возможностей, которые они имели для издания своих научных трудов в советское время, нет и в помине в нынешней «ново-русской» «демократической» России.

Достаточно сказать о том, что все научные публикации (книги, брошюры, статьи) поощрялись в советский период весьма ощутимыми вознаграждениями.

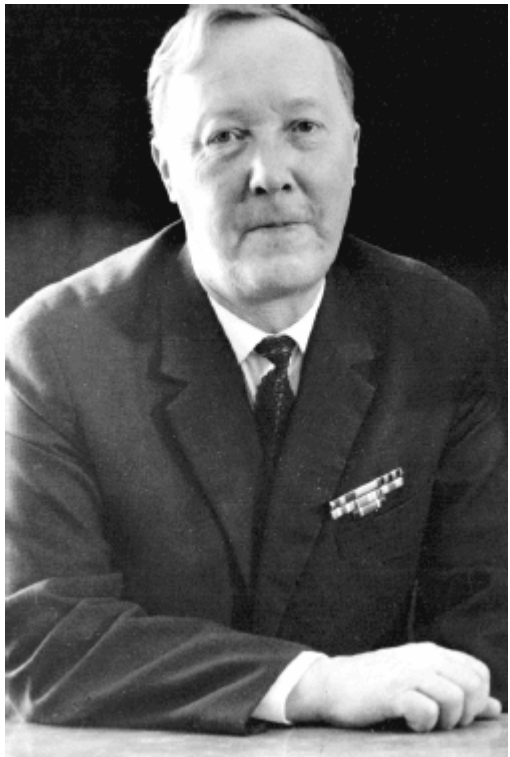
Это был мощный стимул для активной, плодотворной научной работы.

Этим всё сказано…



Иван Павлович ОСАДЧИЙ, доктор исторических наук, профессор. 1982 г.

Александр Иванович КОЗЛОВ, декан исторического факультета Ростовского государственного университета, доктор исторических наук, профессор. 1981 г.



Анатолий Иванович МЕЛЬЧИН, старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Михаил Алексеевич КИТАЕВ, доктор исторических наук,

профессор, зав. кафедрой истории КПСС Московского физтеха (г. Долгопрудный)

Иван Борисович ШЕВЦОВ, активный участник борьбы за власть Советов на Кубани и в Черноморье.

Гурген Карапетович ДОЛУНЦ, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории КПСС Краснодарского политехнического института.

Гаврила Петрович ИВАНОВ, первый проректор Кубанского

государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

Участники научной конференции по истории казачества. 2-й слева – А. И. КОЗЛОВ; далее: В. Н. РАТУШНЯК, Я. А. ПЕРЕХОВ, В. Е. ЩЕТНЁВ. 2006 г.

* * *

…Всё имеет свое начало и свой конец.

Предугадать это трудно, даже невозможно. Трудно, да и невозможно было предвидеть, что два десятилетия проработавший в крайкоме КПСС И. П. Кикило и прошедший путь от инструктора сектора печати до секретаря крайкома партии, совершенно неожиданно окажется за его стенами и даже станет «персоной нон грата» для тогдашнего всемогущего в крае первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС С. Ф. Медунова.

По всей вероятности, было именно так, как рассказывали лица, приближенные к высшему руководству краевой партийной организации.

И. П. Кикило, уверовавший в свою вседозволенность, имел неосторожность сказать в цэковских кабинетах что-то унизительное о первом секретаре крайкома КПСС. Будто бы там, в беседе с И. П. Кикило высоко отозвались о журналистском качестве статей С. Ф. Медунова, публикуемых в центральных периодических изданиях. А И. П. Кикило тут же недвусмысленно дал понять, кто пишет эти статьи. Намек «на себя» был слишком прозрачный…

С. Ф. Медунов был информирован о высказываниях секретаря

крайкома партии по идеологии. Так ли это было на самом деле, – утверждать не могу. Но на внеочередном пленуме крайкома КПСС И. П. Кикило был освобожден от должности секретаря крайкома КПСС, выведен из состава членов бюро и членов крайкома партии. И в одночасье превратился в безработного гражданина, от которого тут же отвернулись очень многие его «самые верные и надежные друзья». И не просто «отвернулись», но обходили стороной, чтоб (не дай бог!) не вызвать гнев всемогущего Сергея Федоровича Медунова.

И. П. Кикило не согласился с таким своим положением, считая это «расправой» над ним, явной несправедливостью. И стал с того дня писать в ЦК КПСС «разоблачительные» письма о серьезных ошибках в работе первого секретаря крайкома КПСС, о негодном стиле и методах его руководства краевой партийной организацией. И, естественно, о несправедливом освобождении его от работы. Письмо за письмом. Проверка за проверкой. Но результат один и тот же: «Факты, изложенные в письмах И. П. Кикило, не подтвердились». Хотя, справедливости ради надо сказать, многое из того, о чем писал И. П. Кикило, особенно о порочной кадровой политике С. Ф. Медунова, вскоре подтвердилось. Но это стало явью потом и уже по другим основаниям, а не по сведениям, содержавшимся в письмах И. П. Кикило. Он продолжал «искать правду» и внимание к себе.

В конечном счете, в ЦК устали от бесконечных писем И. П. Кикило и их проверок и посоветовали первому секретарю крайкома КПСС не противиться предоставлению работы бывшему секретарю крайкома КПСС по идеологии, если он найдет себе такую, которая сегодня его удовлетворит.

Краснодарская краевая писательская организация, учитывая большой положительный опыт журналистской работы И. П. Кикило, предложила ему должность главного редактора журнала «Кубань». Крайком КПСС не стал возражать. На этом посту он и работал несколько лет.

Здесь судьба снова свела меня с ним. До этого я систематически публиковался на страницах журнала. А теперь насторожился: предоставит ли мне такую возможность новый главный редактор? Ведь пишу я, в основном, на историко-партийные темы, за которые многие годы он терроризировал меня, не оставлял в покое.

И все-таки я рискнул идти в редакцию альманаха «Кубань» с очередной статьей. Обратился к заместителю главного редактора Петру Ефимовичу Придиусу. Он посмотрел мою статью и оценил: «Это нам подходит. Но вам надо зайти к главному редактору».

Петр Ефимович сначала сам зашел к нему. О чем и как шел у

них разговор, – я не знаю. Но, спустя минут десять, Петр Ефимович вышел из кабинета главного редактора и сказал мне: «Иван Павлович ждет вас. Заходите…»

С того дня началась новая полоса наших взаимоотношений с И. П. Кикило. Вполне объективных и уважительных…

Ни во время этой первой встречи с И. П. Кикило, как с главным редактором альманаха «Кубань», ни в последующем, ни разу, ни единым словом, он не напомнил мне о «протаскивании» эсеро-меньшевистской «контрабанды» в историю. И я ему – тоже. Понимал, что он на собственной шкуре испытал, что такое несправедливость…

Потом подошло горбачевское время. Покатилась перестроечная волна, вынесшая на поверхность всю «демократическую» рать – антикоммунистическую, антисоветскую «пятую колонну». Эта волна «подняла» на гребень идеологов «демократической» контрреволюции. И. П. Кикило оказался для них персоной «нон-грата». И он снова оказался без работы.

…Судьба свела меня с ним на II Чрезвычайном (восстановительном) Съезде коммунистов России 13 февраля 1993 года, воссоздавшем Коммунистическую партию Российской Федерации – КПРФ. И. П. Кикило приехал на партийный съезд в качестве делегата возрожденной Краснодарской краевой коммунистической организации. Вместе с моим сыном Николаем. Оба они были инициаторами ее восстановления и избраны сопредседателями краевого комитета КПРФ. Одновременно И. П. Кикило являлся главным редактором газеты «Советская Кубань», ставшей органом краевой организации КПРФ. На этом посту он оставался до последнего дня своей жизни. И этим сказано всё. Без комментариев…

Так мне суждено было прожить два почти равных по времени периода в отношениях с И. П. Кикило. Первый – незаслуженный и несправедливый для меня. Второй, годы, когда мы шли с ним плечом к плечу, объединенные общей бедой, общей тревогой, общей борьбой за судьбу социализма…

Из тени на свет

Смена руководителя идеологической работы в крае сказалась на отношении ко мне. Возвращалось незаслуженно отнятое доверие и уважение. После многолетнего пребывания в тени, меня снова вывели на свет, учитывая и по достоинству оценивая мой опыт, знания, заслуги перед краем, самоотверженную работу на всех участках, которые мне поручали. Никто больше не

клеймил меня «дезертиром из партийной работы». Да я и не был таковым ни одного дня.

Теперь колесо крутилось без пробуксовки и только в одну сторону. Только вперед. Я был востребован в полной мере всеми отделами крайкома партии, с которыми, так или иначе, соприкасалась моя работа: с идеологическим отделом, с отделом науки и учебных заведений, с отделом организационно-партийной работы и в особенности с его сектором подготовки и переподготовки кадров, с Домом политического просвещения и лекторской группой. Я и раньше в той или иной мере использовался на этих направлениях партийной деятельности, но чувствовал, что надо мной висела тяжелая завеса, мешавшая видеть и объективно оценивать все то, что с величайшей ответственностью делал многие годы.

Начало выводу меня «из тени на свет» положил Леонтий Алексеевич Солодухин, избранный секретарем крайкома КПСС по идеологии. Он хорошо знал меня, относился с откровенным уважением и пониманием всего того, что я делал, чем и как занимался, с какой ответственностью относился к любому порученному делу. Уже в его бытность я был утвержден внештатным лектором крайкома КПСС.

Но крутой поворот в моей судьбе связан с приходом к руководству идеологической работой в крае Ивана Кузьмича Полозкова. Ряд лет он был инструктором ЦК КПСС – куратором Краснодарской краевой партийной организации. Хорошо знал и край, и кадры, и проблемы, накопившиеся в крае и ждавшие решения.

По времени это совпало с защитой мною докторской диссертации…

Не знаю, с чьей «подачи», по чьей рекомендации я был введен в состав идеологической комиссии крайкома КПСС, а вскоре утвержден руководителем секции идейно-политического воспитания, важнейшей в системе идеологической работы. К слову замечу, что я был единственный рядовой коммунист-общественник, возглавлявший секцию идеологической комиссии крайкома партии. Во главе других секций стояли заведующие отделами крайкома КПСС. Могу только догадываться, что к этому причастен, прежде всего, Борис Григорьевич Кибирев, многие годы работавший заведующим Домом политического просвещения крайкома КПСС. Впоследствии, когда И. К. Полозков стал первым секретарем крайкома КПСС, Б. Г. Кибирев был избран вторым секретарем крайкома.

Круто изменилось ко мне отношение и руководства Краснодарского горкома КПСС. Произошло это, прежде всего,

благодаря личной инициативе тогдашнего первого секретаря горкома партии Н. П. Гриценко. Я стал не только званным и желанным лектором на всех проводимых семинарах партийно-хозяйственного актива города, но и главным консультантом по вопросам идеологической работы, руководителем постоянно действующего семинара пропагандистов краевого центра. Короче говоря, в короткое время оказался в эпицентре идеологической работы в крае, в весьма заметной роли. Но главное, – дня не было, чтобы я не выступал с лекциями не только на различных краевых семинарах и курсах партийно-хозяйственного и идеологического актива, но и на аналогичных семинарах в городах и районах края.

Сейчас, спустя два десятилетия после отъезда с Кубани, когда я пишу эту книгу, задумался: «А есть ли на Кубани хотя бы один город или район, в котором бы не выступал с лекциями перед партийно-хозяйственным и идеологическим активом?» Оказалось, что таких нет. Правда, в одних бывал множество раз (к примеру, – в Каневском, Курганинском, Тбилисском, Ленинградском районах), в других – один-два раза…

Среди лекторов Общества «Знание», с которыми много раз исколесил Краснодарский край, проводя городские, районные или зональные семинары идеологического и партийно-хозяйственного актива, особо выделялись В. Шеболдаев, Б. Солодкий, М. Волохов, В. Клочко, И. Устиновский. Они обладали высоким лекторским мастерством и глубоким знанием проблем, по которым выступали. Естественно, называю их имена только для примера. В крае в те годы было великое множество лекторов самой высокой пробы…

Особенно возросли мой авторитет и роль в жизни краевой партийной организации после известной крымско-татарской манифестации в Краснодаре, где мне была отведена главная роль «дирижера» всем происходившим. Об этом я еще расскажу особо…

В качестве председателя Совета по общественным наукам при правлении краевой организации Общества «Знание» регулярно участвовал во всесоюзных и республиканских семинарах лекторов, проводившихся ЦК КПСС совместно с Правлением Всесоюзного и Российского Общества «Знание». Много раз мне была предоставлена возможность выступать с докладами и сообщениями на этих семинарах и научно-практических конференциях. Как правило, это были остросюжетные выступления об опыте лекционно-пропагандистской работы в крае.

Особенно памятным было выступление на Всесоюзном

семинаре в Ленинграде перед двухтысячной аудиторией, проходившем вскоре после серии громких процессов над взяточниками в Краснодаре, Сочи, Геленджике («дела» Тарады, Карнаухова, «Бэллы Железной» и прочих «известных деятелей»), итогом которых явилось исключение из КПСС бывшего первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС С. Ф. Медунова, «особо почитаемого» друга и любимца генсека Брежнева.

Вспоминаются выступления на Всесоюзной научно-практической конференции в Москве «Ленин о молодежи»; на семинарах лекторов – в Горьком (Нижнем Новгороде), в Ульяновске, в Перми и в других городах…

Волнующей была встреча бывших комсомольских работников Брюховецкого райкома ВЛКСМ в 1988 году. Проходила она в станице Брюховецкой – там, где в середине пятидесятых сошлись наши пути. Здесь начиналась моя жизнь и работа на Кубани после Дальнего Востока.

Собралось всё ядро райкома комсомола того состава, в который входил и я: Дмитрий Денисович Матрошилов, бывший тогда первый секретарь комсомольского райкома; бывший второй – Иван Васильевич Кулинченко. Вскоре он заменит Дмитрия Денисовича, когда тот уедет на учебу в Высшую партийную школу. Мира Васильевна Марьяненко, тогдашний работник районного Дома пионеров, член бюро райкома ВЛКСМ. Дмитрий Михайлович Елецкий – в то время председатель райкома ДОСААФ, член бюро райкома комсомола. И я – заведующий отделом редакции районной газеты «Правда колхозника», руководитель лекторской группы и член бюро райкома ВЛКСМ.

Редчайший случай. Все названные здесь комсомольские работники одного состава вскоре станут секретарями кубанских горкомов и райкомов КПСС: Иван Васильевич Кулинченко многие годы работал первым секретарем Курганинского райкома КПСС. Дмитрий Денисович Матрошилов – секретарем Ленинградского райкома партии, а затем – председателем крайкома профсоюза работников сельского хозяйства. Дмитрий Михайлович Елецкий – секретарем Армавирского горкома КПСС. Мира Васильевна Марьяненко – секретарем Брюховецкого райкома партии, а я – секретарем Туапсинского горкома КПСС.

Тепло и сердечно принимал нас первый секретарь Брюховецкого райкома КПСС Анатолий Александрович Власенко. В наши комсомольские годы он тоже был первым секретарем соседнего Тимашевского райкома комсомола.

Было о чем ему рассказать и что показать – об огромных изменениях в лучшую сторону всего облика Брюховецкого района…

Присутствовали на той нашей встрече – в год 60-летия ВЛКСМ и те, кто пришел на смену нам в Брюховецком райкоме комсомола. Участвовали во встрече и наши жены – все родом отсюда. Хочешь-не хочешь, а вспоминаются строки прекрасной волнующей песни: «На дальней станции сойду… Здесь всё моё… Мы все отсюда родом…»

…Звали меня сюда и на 90-летний юбилей комсомола в 2008 году. Но тяжкие недуги мои и Нины Тимофеевны помешали этому.

А два года спустя, когда я завершал работу над книгой «Время нашей молодости», в один год ушли и Дмитрий Денисович, и Иван Васильевич, мои комсомольские побратимы. Не стало и Дмитрия Михайловича Елецкого. В живых остались сейчас только двое: Мира Васильевна Марьяненко и я…

Такая вот получается… «диалектика»…

«Зеленая улица» открылась и в научной области. За короткое время мною были изданы три монографии, более десяти брошюр, опубликовано множество статей в различных научных сборниках и в периодической печати. Общество «Знание» РСФСР издало мою брошюру «О партии – страстным словом лектора»…

Пришла и всесоюзная известность. В 1982 году – в год 60-летия образования СССР – лекторская группа ЦК КПСС поручила мне возглавить пропагандистскую группу, выезжавшую в Башкирскую АССР, где за две недели мне удалось побывать во многих городах и районах республики; выступить десятки раз с лекциями в самых различных аудиториях – от научно-исследовательских институтов и научно-производственных объединений до заводских цехов и колхозных полевых станов.

В 1987 году по поручению Правления Всесоюзного Общества «Знание» и лекторской группы ЦК КПСС я выезжал в качестве научного руководителя большой группы лекторов, представлявших многие союзные республики и регионы РСФСР, – в Народную Республику Болгарию для обмена опытом лекционной пропаганды и выступления во множестве аудиторий тогдашней братской социалистической страны. Не лишне напомнить, что в то время уже шло наступление «демократической» контрреволюции в СССР и в других социалистических странах, при мощнейшей разносторонней помощи ей международных антикоммунистических центров, США – в особенности.

Пришли ко мне и заслуженные награды, получения которых я был лишен многие годы по уже обозначенным «субъективным» причинам.

За многолетнюю идеологическую работу краевой комитет

КПСС наградил меня настольной ленинской медалью. Общество «Знание» – нагрудным знаком «За активную работу». Я стал единственным лектором Краснодарского края, имя которого было занесено в Книгу Почета Всесоюзного Общества «Знание». Отмечен многочисленными почетными грамотами и дипломами правления Всесоюзного и республиканского Общества «Знание» и ЦК ВЛКСМ.

По представлению краевой организации Общества «Знание», поддержанному крайкомом КПСС и крайисполкомом, Президиум Верховного Совета РСФСР присвоил мне в 1988 году звание Заслуженного работника культуры РСФСР.

Это была оценка моей сорокалетней лекционно-пропагандистской и просветительской работы в составе, по моему мнению, самой благородной и самой благодарной общественной организации в СССР, каким являлось тогда Общество «Знание».

Высокую оценку получила и моя учебно-педагогическая, идейно-воспитательная и научная работа в университете. Я был дважды награжден почетными знаками, учрежденными ЦК КПСС, Советом Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ: «Ударнику десятой пятилетки» и «Победителю социалистического соревнования в 1979 году».

Министерства высшего образования СССР и РСФСР наградили меня знаком «За отличные успехи в работе», рядом почетных грамот и дипломов за руководство научными работами студентов, ставших победителями всесоюзных и республиканских конкурсов. По решению ректората, парткома и профкома Кубанского университета много раз заносился на Доску почета Кубанского университета.

Главный вуз Краснодарского края – Кубанский университет, большая семья которого тепло приняла меня в свои объятия почти на четверть века, стал для меня родным и близким, как и Кубань в целом. Таковыми стали они и для всей нашей семьи.

Супруга Нина Тимофеевна защитила кандидатскую диссертацию, получила звание доцента. В должности доцента достойно трудилась многие годы на кафедре хлебопечения Краснодарского политехнического института.

Наш сын Коля успешно окончил философский факультет, а затем аспирантуру Московского университета имени М. В. Ломоносова. Там же защитил кандидатскую диссертацию. Вернулся в родной край и стал преподавать философию сначала в Кубанском университете, а затем в Краснодарском мединституте.

Мама и сестра Маруся с семьей тоже стали старожилами в Краснодарском крае, приобрели домик в Туапсе и там продолжали жить и работать…

Все это стало возможно благодаря советскому строю, социализму, – обществу, в котором звание «Человек» звучало гордо, а жизнь дарила радость, счастье, оптимизм…

Делегаты Краснодарской организации Общества «Знание»: во 2-м ряду справа налево: И. П. Осадчий, председатель НМС по общественным наукам; А. И. Манаенков, зав. кафедрой истории КПСС Краснодарского института культуры; Л. А. Солодухин, секретарь крайкома КПСС по идеологии; Ф. П. Зырянов, председатель правления краевой организации Общества «Знание»,

профессор.

Участники научной конференции по проблемам социализма в Суздале. В верхнем ряду 4-й справа И. Осадчий, далее Н. Осадчий. 9-й – Г. П. Аннин, заведующий кафедрой истории КПСС Владимирского пединститута, профессор.

Делегаты краевой конференции ВЛКСМ от Туапсинской городской организации. В 1-м ряду крайняя справа – Галина ДЖИГУН, 1-й секретарь горкома ВЛКСМ; в верхнем ряду крайний слева – И. П. ОСАДЧИЙ, секретарь Туапсинского горкома КПСС…

Участники встречи комсомольских работников Брюховецкого

района 50-60-х годов. В 1-м ряду слева направо: Н. Осадчая, Т. Матрошилова, 4-я – М. Марьяненко, 5-я А. Кулинченко; во 2-м ряду по центру: Д. Матрошилов, А. Власенко; в 3-м ряду: 1-й справа И. Осадчий, 3-й – И. Кулинченко, 4-й – Д. Елецкий.

Глава четвертая. Слово о сыне

«Друг мой Колька»

Так назывался один из лучших фильмов о школьных годах в советское время. Но здесь речь не о фильме. Просто мне пришлось «ко двору» это словосочетание…

Когда появился сын, я бесконечно был этому рад. И мечтал об одном: чтобы в нем я нашел не только сына, но и друга. Моей мечте суждено было сбыться. Не могу назвать день и час, когда я впервые сказал о сыне: «Друг мой Колька». Скорее всего, с первого года его жизни. Во всяком случае, во всех письмах родственникам, друзьям, знакомым, во всех разговорах с ними я писал и говорил примерно так: А нас в семье трое – жена Нина, я и сын – «друг мой Колька»… Это было не нарочитое словосочетание, а реальность, – такое же, как «К.И.Н.О.»

Отношения с сыном, как с близким и верным другом, стали проявляться, когда Коля начал разговаривать; окрепли, когда он научился читать; обнажились, когда стал футбольным и хоккейным болельщиком моей любимой команды; окончательно сформировались в школьные, студенческие и аспирантские годы. В любом возрасте, на любом этапе жизни у нас были «общие» интересы. Конфликтность, несовпадения возникали, помнится, всего два раза и касались только одной стороны жизни – сугубо личной.

Это очень «ранимая» и в высшей степени деликатная область. Вторгаться в нее, тем более выступать в качестве «судьи» или «прокурора», по-моему, недопустимо. Самое многое, что может быть «позволено» – «отрезвляющий» совет старшего товарища, друга, спокойный, ненавязчивый, рассудительный. Не более того…

Такого принципа в отношении «личной» жизни не только моего сына, но и других близких людей, я старался придерживаться всегда.

…Любознательный малыш в самые ранние годы своего детства очаровывал нас своими бесконечными «почему?». От «почему котик мяукает, а собачка лает?» до «почему луна не падает?»

…Наши любимые детские книги становились любимыми и для него. Купленные или подобранные в библиотеке книги на «наш вкус», были интересными и для сына. Наши герои становились и героями сына. Наши любимые кинофильмы –

веселые и грустные – одинаково увлекали и сына.

Запомнился случай, происшедший во время посещения нами летнего кинотеатра в Туапсе. Там шел фильм «Две жизни» – фильм сугубо политический. Конечно, для четырехлетнего Коли – неподходящий. Но деваться было некуда: дома оставить его было не с кем и мы взяли в собой в надежде на то, что он быстро уснет «на коленях».

Но произошло непредвиденное. Двухсерийный фильм закончился около 23 часов. Коля глядел на экран «во все глаза», словно завороженный. А когда фильм закончился, и мы сказали: «Все, Коля. Идем домой». Он неожиданно решительно запротестовал: «Хочу еще одну жизнь!» Расплакался и продолжал громко требовать: «Хочу еще одну жизнь!» Этим очень позабавил зрителей. А мы не могли найти слов утешения и убеждения сына, что фильм уже весь показали, и ни «одной жизни» больше не будет…

Еще один случай, совсем уж грустный.

По той же причине: не с кем было Колю оставить дома (мама работала в ночную смену), – мне пришлось взять его с собой в летний кинолекторий на «Пауке» (там же в Туапсе). Посадил шестилетнего Колю между двумя незнакомыми женщинами, а сам поднялся на сцену, к трибуне. И стал выступать, не сводя с него глаз. Он сидел спокойно и внимательно слушал. Но когда я уже отвечал на вопросы, увидел, что Коля вздрогнул, словно чего-то испугался, передернулся и неестественно опрокинулся на бок, на сидящую рядом женщину. Извинившись перед слушателями, мгновенно побежал к сыну. От падения его удержала одна из женщин. Взял на руки и попытался заговорить с ним: «Коля, что с тобой, что случилось?» Но он не реагировал на мои вопросы и оставался в каком-то необъяснимом состоянии, словно загипнотизированный или в беспамятстве.

В то время я уже работал секретарем горкома партии, и со мной была горкомовская машина. Я тут же позвал водителя и перенес Колю в машину. По пути в больницу к нему стало возвращаться сознание, но началась сильная рвота. Пришлось остановить машину и вынести его на воздух. Когда рвота прекратилась, быстро поехали в больницу, к дежурному врачу.

Объяснить происходящее врач не смог. Но сделал какой-то безвредный взбадривающий укол и посоветовал отвезти Колю домой и уложить спать…

Еще в лектории, на месте происшествия, одна из женщин отозвала меня на полминуты и тихо сказала: «Не иначе как „сглаз“ это у него». Я переспросил: «Как это?» Она пояснила: «Скорее всего, его сглазила одна из сидевших рядом женщин.

Очень похоже. Есть такие плохие глаза».

…Других объяснений этому «ЧП» с Колей никто не дал. Сам же он, придя в себя, и дома вечером, и на следующий день повторял одно и то же: «Меня в одно мгновение передернуло и помутилось сознание».

– Может, и «сглаз», – вторили мне многие, кому я рассказывал об этом тревожном случае. И мы с мамой Ниной тоже решили: «Может и „сглаз“»…

Сколько себя помню, я любил рифмовать все, что видел, что привлекало мое внимание. Помню, ехали мы с Колей поездом в Москву по железной дороге через Каменск-Воронеж. Оба любили часами стоять у окна, любоваться пейзажами, мелькающими станциями и полустанками. И вдруг на лугу увидели пасущихся коров. Было это где-то на подъезде к Чертково. И я легко срифмовал: «А на лугу у самого Чертково пасутся ненасытные коровы».

Далее коровы и целые коровьи стада попадались все чаще. Теперь уже срифмовал Коля: «По всей дороге от Чертково пасется множество коров»…

Еще в дошкольные годы Коля усаживался рядом со мной у телевизора смотреть футбол или хоккей, особенно когда играли спартаковские команды. Знал уже клич спартаковских болельщиков: «В Союзе нет еще пока команды лучше „Спартака“». Быстрее меня распознавал игроков и эмоционально реагировал на их игру.

Запомнился и товарищеский матч сборной СССР со сборной Бразилии, в которой блистал легендарный Пеле. Наша сборная была составлена на базе «Спартака». В ней тогда особо выделялся виртуозный Галимзян Хусаинов, любимец спартаковских болельщиков. Коля тоже наслаждался его игрой, но в том грустном для нас матче победила бразильская команда, вчистую переигравшая нашу сборную – 3:0.

Все старания Галимзяна Хусаинова бразильцам удалось пресечь, а справиться с Пеле наши защитники не смогли. Коля был сильно огорчен. Расстроился и расплакался. Ему тогда было не более шести. С большим трудом успокоил его: «Бразильцы сейчас лучшие в мире. Но пройдет время, и наша команда научится так же играть и побеждать и бразильцев, и всех других». Тут же рассказал, что наша советская команда за год до его рождения стала чемпионом Олимпийских игр в Мельбурне.

После этого интерес к футболу у Коли еще больше возрос. Он не только старался не пропустить ни один футбольный матч с участием «Спартака» или сборной, но и читал и перечитывал книги Н. П. Старостина, Игоря Нетто о «Спартаке», статьи в

журналах и газетах, – всё, что печаталось о футболе. И этот интерес к футболу и «Спартаку» у Коли сохранился на всю жизнь…

Особую радость я испытывал, когда с годами Коля, став комсомольцем, студентом философского факультета, а со временем преподавателем философии и коммунистом, – глубоко вникал в суть политической жизни в мире и в стране, всё больше погружался в неё. Конечно, это сыграло определённую роль в последующем. В годы горбачевского плюрализма и разгула «демократического» психоза он легко разобрался в происходившем, не «заблудился», как многие другие его сверстники, в «демократическом», демагогическом словоблудии, фальши и цинизме «вождей» российской «демократии». Остро переживал и негодовал по поводу всего случившегося в нашей ещё недавно, казалось, монолитной, великой, прекрасной и могучей советской стране.

Не скрою, мне каждый раз бывает по-отцовски приятно и радостно на душе, когда многие из моих соратников-единомышленников-коммунистов, «товарищей по оружию» с добрым чувством, а нередко с известной долей доброй зависти, говорят: «Вы счастливый отец. У Вас сын – единомышленник. Вам можно гордиться им. Он достойно продолжает Ваше дело… К сожалению, наши сыновья и дочери нас, родителей, не понимают… „Блудят“ в поисках своей „правды“, своего места в жизни».

А я бесконечно горд и счастлив, что «друг мой Колька» идёт отцовским путём. Как в известной комсомольской песне: «Всё, что отцы не доделали, мы доделаем». Хорошо бы…

Университетские годы

Вернусь, однако, к середине 70-х годов, чтобы в хронологической последовательности продолжить рассказ о сыне, начало которому было положено еще в книге «Время нашей молодости»…

Наряду с университетскими и общественными лекционно-пропагандистскими делами, заботами и тревогами, был еще один особо важный вопрос для нашей семьи, – о будущем сына, о его профессии, о получении высшего образования. Приближалось время окончания средней школы, и надо было заблаговременно позаботиться о решении этой непростой, но весьма значимой проблемы.

В Кубанском университете, в котором я преподавал, наиболее

близким был для Коли исторический факультет. Естественно, я склонялся к тому, чтобы он стал историком. Но Коля решительно отклонил этот вариант. И я отступил, понимая, что в данном вопросе диктат недопустим. Даже советы должны быть ненавязчивыми и тактичными…

Во время очередной поездки в Москву я побывал в МГУ имени М. В. Ломоносова. Привёз учебные программы и условия поступления на философский факультет, где было две специальности: философия и научный коммунизм. Более понятной и интересной для пятнадцатилетнего школьника были проблемы, изучаемые в курсе научного коммунизма. На нем Коля и остановил свой выбор.

Но одно дело – желание, а другое – возможности. Конкурс на философский факультет на обе специальности был в то время очень большой. Гарантией для поступления, хотя и не стопроцентной, мог служить только отличный аттестат зрелости и золотая медаль за среднюю школу. И еще. На вступительных экзаменах необходимо было сдать на «отлично» историю. Она была профилирующим предметом при поступлении на философский факультет.

Обе задачи, вставшие перед Колей, были далеко не простые, но вполне посильные. Желанию получить избранную профессию, да еще в главном университете страны, надо было в полной мере подчинить два года школьной учебы в девятом и десятом классах. Плюс основательно изучить историю, значительно шире и глубже школьной программы. И поэтому на Колин стол я положил вузовские учебники по истории. Их надо было основательно проштудировать в эти же два года. По ключевым вопросам, прежде всего, методологического характера, консультации проводил домашний историк…

Во время школьных каникул мы с Колей поехали в Москву. И почти сразу по приезде в столицу отправились на Ленинские горы, в Московский государственный университет. Обошли его вокруг и даже заглянули в вестибюль главного корпуса. Эта «экскурсия» окончательно предопределила Колин выбор. Он твердо и уже бесповоротно принял для себя решение: сделать все зависящее от него для того, чтобы поступить на учебу именно в МГУ…

Самое время сказать мне об одном важном стимуле, который «агитировал» Колю за учебу в МГУ. У подножия Ленинских гор – «Лужники» – главный стадион страны. На его футбольном поле проходили все «домашние» игры московского «Спартака»; там же, во Дворце спорта, играл хоккейный «Спартак» – наши «семейные» любимые команды. Уже ряд лет, начиная с 1962 года, мы

ежегодно всем КИНО выезжали во время отпусков и Колиных каникул в Москву или в ближнее Подмосковье, чтобы радоваться победам и разделять горечь поражений спартаковских команд. Для нас это было не просто интересное зрелище. Их игры приносили огромное вдохновение, создавали превосходное настроение, рождали чувство, которое очень точно передает замечательная песня:

Мы преданы единственной команде,
Команде, без которой нам не жить…

К тому времени я уже был хорошо знаком с родоначальником и главным наставником футбольного «Спартака», легендарным патриархом советского футбола Николаем Петровичем Старостиным; с центральным нападающим первой пятерки хоккейного «Спартака», ставшим впоследствии и его играющим тренером, – великолепным и неподражаемым Вячеславом Старшиновым.

…Безусловно, учеба в МГУ открывала для Коли круглогодичные возможности быть «лицом к лицу» с любимыми командами. А это – не просто интерес, не только отдых, не только вдохновение, но и разумное времяпрепровождение. Помешать посещению спартаковских игр – футбольных и хоккейных, – «отвлечь» от них было не под силу никаким другим увлечениям.

Да, мы были и остались на всю жизнь спартаковскими «фанатами» в самом лучшем смысле этого слова. Но наш фанатизм не имеет ничего общего с безрассудством и беспределом, которым отмечается «около-футбольный» криминал. Да, мы тоже всегда с безграничным упоением, вместе с многочисленной армией спартаковских болельщиков, во «всю глотку» горланили: «В Союзе нет еще пока команды лучше „Спартака“». Но это – в унисон той замечательной песне, которую я уже упоминал…

Радовало нас, родителей, «старых комсомольцев» и то, что и на этом «духовном» направлении Коля становился с нами «единым целым». Вместе с ним мы повторяли свой проделанный путь, юность комсомольскую свою.

В четырнадцать лет Коля стал комсомольцем и вскоре возглавил комсомольскую группу своего класса, а затем – комитет комсомола школы.

Повторю еще раз то, о чем уже писал в главе «Краснодар (1967–1990 годы)»

Много интересного было в жизни его организации: творческие вечера, экскурсии, встречи с замечательными людьми.

Я с радостью откликался на просьбы школьных комсомольцев, и сам приходил на встречу с ними с циклом бесед о жизни-подвиге Николая Островского и о потомках Павки Корчагина; о героическом пути Ленинского Комсомола. Приводил в школу «исторических» людей, имена которых они знали из учебников по истории, из книг и кинофильмов о Великой Отечественной: Петра Михайловича Гаврилова – легендарного героя «бессмертного гарнизона», одного из организаторов обороны Брестской крепости; Степана Александровича Неустроева, командира батальона, штурмовавшего берлинский рейхстаг, бойцы которого – Егоров и Кантария водрузили Знамя Победы на нём. Встречались комсомольцы школы с делегатом III Съезда комсомола Л. Д. Сахаровым. С большим интересом слушали его рассказ о знаменитой речи В. И. Ленина на съезде о задачах союзов молодежи.

Об опыте работы школьной комсомольской организации писал журнал ЦК ВЛКСМ «Комсомольская жизнь». Публикация вызвала большой интерес у секретарей школьных комсомольских организаций в разных концах страны. Их письма приходили на имя Коли и в школу, и в редакцию журнала…

Быстро промчались два последних напряженных года учебы в школе.

Обе задачи, которые были поставлены перед Колей на эти годы, он выполнил успешно. Получил отличный аттестат зрелости и золотую медаль, обстоятельно «проштудировал» вузовский учебник по истории СССР – фундамент для поступления на философский факультет МГУ.

Сразу после выпускного вечера мы всей семьей отправились в Москву. Вместе поехали в МГУ сдавать документы в приемную комиссию философского факультета. Но Коля попросил нас дальше «стекляшки» (так называют студенты «гуманитарный» корпус) с ним не идти. И мы остались за университетской оградой.

Спустя час Коля вышел из учебного корпуса и направился к нам. В приемной комиссии присутствовавший заместитель декана посоветовал ему: «А почему бы тебе не пойти на философское отделение? У тебя для этого есть все основания».

Коля пришел за советом. Я, естественно, без колебаний поддержал идею заместителя декана: «Конечно, это разумное предложение. „Научный коммунизм“ – узкая специализация. К тому же, он основательно изучается и на философском отделении…» И Коля переписал заявление. «Корректировка» была очень важной и своевременной. Правда, конкурс на отделение философии был значительно больший. Но, как принято в таких

случаях говорить, – «игра стоит свеч…»

Оставшиеся до вступительных экзаменов дни были максимально использованы для повторения слабых и уязвимых мест. Тем же занимался Коля и после предэкзаменационной консультации.

Казалось, всё изучено, повторено и закреплено. Но, глядя в программу курса истории, неизбежно натыкаешься на вопросы, требующие возвращения к ним. И так до последнего дня. Чем меньше оставалось дней до вступительных экзаменов, тем сильнее росло волнение. И у Коли, и у нас…

Особенно трудным было утро решающего дня. Напряжение достигло предела. И мы решили ехать с Колей. Жили в Москве на квартире Трифоновых в Нагатино. Добираться до университета надо на двух видах транспорта: трамваем до метро «Коломенская», а затем – на метро до станции «Площадь Свердлова» (ныне «Театральная») с переходом на станцию «Проспект К. Маркса» («Охотный ряд»). И далее – до «Университетской».

Коля решительно запротестовал: «Нечего вам там делать. Я поеду сам». Пришлось уступить. Благословили традиционным «ни пуха – ни пера». С балкона проводили Колю глазами, пока он не исчез за поворотом.

Но… Не успели уйти с балкона, как увидели, что Коля возвращается назад. Мелькнула мысль: «Что-нибудь забыл?»

Через две-три минуты Коля уже переступил порог квартиры. И сразу все прояснилось. Нервное перенапряжение вызвало тошноту и рвоту.

Дали Коле успокоительное. Побыв с нами не менее получаса, он снова стал собираться в путь. Теперь Коля уже не возражал, чтобы я поехал с ним. И мы отправились вдвоем.

…У входа на территорию МГУ со стороны проспекта Вернадского я с ним расстался. Экзамены уже начались, и надо было торопиться. Коля быстро направился к входу в здание «стекляшки», а я остался коротать время, вышагивая вдоль металлической ограды территории университета, по проспекту Вернадского. Так условились с Колей…

Спустя час-другой, подъехала и Нина. Теперь волновались вдвоем. Успокаивали друг друга: «Если не получит по истории СССР „пятерку“, сдавать остальные предметы, надеясь на „авось“, вряд ли целесообразно. Отслужит в армии, там вступит в партию, и тогда у него уже не будет никаких преград для поступления в МГУ». Этот «вариант» был известен Коле. Он соглашался с ним, так как ни в какой другой вуз, кроме МГУ, на любую другую специальность, кроме философии, он поступать не хотел. Этим и

«утешали» себя, вышагивая несколько часов подряд у «гуманитарного» корпуса.

Вошел Коля в подъезд «стекляшки» около 11 утра. Прошло два, три, четыре, пять часов – Коли нет. За это время мы насмотрелись с Ниной на всё: видели выбегающих юных девчонок, веселых и счастливых; видели плачущих; видели «скорую», подъезжавшую к подъезду, «проглотившему» Колю. А Коли всё нет и нет. Чего только не передумали. Ко всему были готовы, – лишь бы какая беда со здоровьем не случилась…

День клонился к концу. Уже лишь редкие юноши и девчонки выходили из «стекляшки». А Коли нет. Вот уже и тучи нависли над университетским городком, а спустя полчаса прорвались сильным дождем. А Коли нет.

– Что же случилось? Может попытаться пройти в здание «стекляшки» и там прояснить: что с Колей, где он?

…И вот, наконец, сквозь пелену дождя (мы уже стояли у стен учебного корпуса, чтобы не промокнуть до «последней нитки»), увидели, что сын вышел из подъезда и направился в нашу сторону. Показалось, что в слезах. Мы бросились навстречу Коле с утешением: «Не расстраивайся, сынок, все будет хорошо. Через год-два ты будешь учиться в МГУ»…

И услышали в ответ: «Все хорошо. Я получил „отлично“. Можете меня поздравить… А задержался потому, что „медалистов“, получивших „пятерку“ и фактически ставших студентами, попросили остаться до конца сдачи экзамена. Мы должны прийти на экзамен по „сочинению“, чтобы помочь приемной комиссии… Была консультация… Так что все в порядке…»

Только теперь мы увидели, что по щекам сына текли не слезы, а капли дождя. Как, впрочем, и по нашим. Но на самом деле нам хотелось «плакать от счастья». И мы бросились обнимать, целовать и поздравлять Колю. Тем временем, тучи, висевшие над университетским городком, ушли. Дождь прекратился. И объявилось солнце. Как в той лирической песне: «Ветер утихает. Тучи уплывают. И опять синеют небеса…»

– Коля, мы здесь всё передумали, переволновались, испереживались. Разве нельзя было выйти к нам на минутку и сказать?

– А я думал, что вы меня видели и всё знаете. Я вас видел с … 11-го этажа. И показывал из окна ладонь – «пятерку», мол, все нормально…

Не успев выйти из напряженного состояния, еще не поверив до конца, что наш сын – студент философского факультета МГУ, – даже не рассмеялись по поводу этого «объяснения» сына.

Сколько этажей, сколько окон в учебном корпусе гуманитарных факультетов, сколько часов (!) и минут прошло за время нашей «разлуки» с сыном, чтобы можно было нам «сообразить»: на каком этаже, в каком окне и в какую минуту появится Коля и даст нам «хороший знак». Да, конечно, вряд ли бы мы увидели его в окошке 11-го этажа. Но теперь это уже была, как говорят в подобных случаях, «несущественная деталь».

Главное, – Победа, одержанная сыном! И сбывшаяся Мечта…

…Уже вечером, в квартире Трифоновых, Коля рассказал: «Я как подошел к лифту и увидел плачущих девчонок, почти невменяемых от переживаний, так и успокоился. Подумал: „Я же не девчонка. Я же сильнее их“. И больше до самого оглашения оценки уже не переживал».

…Потом были пять лет учебы в Московском университете, интересной, впечатляющей для сына, каждодневно тревожной для нас, родителей. Особенно в те дни, когда, как было условлено, Коля должен был звонить, а он не звонил: у телефонов-автоматов – очереди во все учебные часы.

Однажды мы «завелись» до крайности. Не выдержали и позвонили Крыловым – моей двоюродной сестре Ане и ее мужу Николаю Леонидовичу – начальнику Главного военного госпиталя имени Бурденко. В Москве у нас было много друзей, и никто бы не уклонился от нашей просьбы. Но Крыловы жили ближе всех других, на Ленинском проспекте.

Аня и Николай Леонидович с пониманием отнеслись к нашей тревоге и поздним вечером поехали в МГУ. Разыскали Колю. Потом сообщили нам: «Всё в порядке. Нашли его на университетском стадионе. Играл в футбол…» Конечно, с Колей было объяснение. И больше таких «недоразумений» с ним не случалось. Да и мы стали спокойнее…

А вообще Колина жизнь была сплошь в заботах и делах. Конечно, на первом плане – учеба; аудиторные и внеаудиторные занятия. Потом – комсомольские и другие общественные дела. Вскоре он был избран секретарем комсомольского бюро своего курса, а впоследствии – секретарем комитета комсомола философского факультета. А это – несколько сот студентов.

В одном ряду с этим стоял и спорт: футбол, баскетбол, волейбол… Но «жил» большим футболом и хоккеем. Особенно футболом. Редкими были случаи, когда ему не удавалось попасть на матч чемпионата СССР по футболу, на игру «Спартака». Не оставались без внимания также игры спартаковских дублеров. Большей частью – в Тарасовке или на «Красной Пресне», на других футбольных полях Москвы и Подмосковья.

Конечно, если бы Коля был единственным ярым болельщиком

«Спартака», то вряд ли смог он в «одиночку» устремляться на стадионы, где играла любимая команда. В этом отношении Коле повезло. Еще на вступительных экзаменах он познакомился с Володей Маркиным из Севастополя, тоже медалистом, досрочно отлично сдавшим экзамен по истории и ставшим, как и Коля, студентом философского факультета. Но в данном случае главное другое: в первые же дни их знакомства обнаружилось, что Володя тоже неистовый спартаковский болельщик. Досрочное зачисление в студенты Коля с Володей вместе с нами «отметили» посещением игры «Спартака» в Лужниках. Это футбольное родство душ сблизило их на все годы студенческой учебы, затем и аспирантской жизни в МГУ. Мы были очень рады этому. Володя стал и для нас своим, близким человеком. И где бы мы ни жили, он приходил к нам с Колей на выходные домашние обеды, которые готовила Нина, иногда даже с ночлегом; хотя жили мы в большинстве своем на снимаемых частных квартирах.

Спартаковские игры приносили не только радость и вдохновение, но и горечь от поражений и даже от «ничьих». Особенно переживали за команду, когда она «обвалилась» в первую лигу. Нежданно-негаданно… Но мы были в числе тех, истинных друзей команды, которые «не отрекаются, любя», «ведь жизнь кончается не завтра». Всегда искренне и глубоко переживали неудачи команды, сочувственно относились к ним, а главное – верили в «команду, без которой нам не жить».

Приход в «Спартак» знаменитого динамовского тренера Константина Бескова поначалу встретили настороженно, «как бы он не „похоронил колоритную, художественную“» игру «Спартака». Но Николай Петрович Старостин, тогдашний начальник команды, развеял наши сомнения в одной из «приватных» бесед с нами: «Костя был превосходный футболист, знающий и опытный тренер-профессионал. Мы верим в него, в его тренерский талант. И согласились с его „условием“ – „не вмешиваться в тренерскую работу: и в комплектование команды, и в организацию тренировочного и игрового процесса“. Поживем – увидим».

Очень скоро сама игра обновленного бесковского «Спартака» стала давать желанные результаты: вернулась к «Спартаку» яркая игра, а вместе с ней и яркие победы. Спустя всего год, «Спартак» возвратился в высшую лигу и в тот же год занял шестое место в чемпионате, а в следующем сезоне, в 1979-м году – стал чемпионом СССР.

К. И. Бесков не просто оправдал доверие, а стал одним из лучших тренеров во всей спартаковской истории…

Не буду больше распространяться на «футбольную» тему,

хотя о ней хочется писать и размышлять много. Но именно «Спартак» и «футбольный» Колин друг Володя Маркин приносили нам «успокоение» за благополучную университетскую учебу и жизнь сына. К тому же, Володя тоже все годы преуспевал в учебе, окончил с отличием философский факультет МГУ, успешно учился в аспирантуре, защитил кандидатскую диссертацию, и был оставлен работать на кафедре того же философского факультета МГУ. Женился на москвичке-сокурснице. И самый трудный вопрос – «квартирный» – разрешился сам собой.

…У меня никогда не возникало сомнений о будущих отношениях Коли и Володи, – той дружбе и взаимопонимании, которые сложились у них и объединяли их на протяжении восьми лет.

Но… увы. Нам всем троим, всему КИНО, было очень больно, когда уже в 1990–1991 годы бывшие сокурсники и преподаватели философского факультета говорили: «Маркин стал ярым демократом…»

А ведь многие годы казался хорошим и умным парнем; был комсомольцем, еще студентом стал коммунистом. Крутой излом в истории советской страны развел нас по разные стороны «баррикад». Жаль, конечно. Но сколько людей, подобно ему, легко и просто поменяли свои взгляды и убеждения, свое мировоззрение, оказались в «демократическом» лагере…

Свой быт, питание в особенности, Коля постепенно тоже упорядочил. Хотя, оставшись без каждодневной материнской заботы, ему надо было привыкать к самостоятельности. Питался в университетских столовых и буфетах. Кое-что дополнял вечерами. Студенческие вечера длинные, а ночи короткие. С каждой оказией, особенно в первые годы учебы, старались кое-что передавать Коле, чаще всего, с проводниками поездов, зная о его домашней привычке «что-нибудь пожевать» вечерами.

Жил Коля в студенческие годы в разных местах: сначала в университетском общежитии рядом с гостиницей «Университетская»; потом – на проспекте Вернадского, а на старшем курсе и в аспирантуре – уже в «высотке», в «блоке» на двоих…

Конечно, самым сложным был первый год учебы. Постепенно втянулся в новый уклад жизни, и всё вошло в норму. В летние каникулы он, как правило, работал в студенческих стройотрядах в Москве и в Подмосковье. Работал на строительстве крупнейшего полиграфического комбината в Можайске. В Можайский район, над которым шефствовал МГУ, осенью выезжал на уборку картофеля.

Мы находили его везде, навещали, проведывали. Скучали,

беспокоились, переживали: «Как там Коля? Что у него?» И было от чего…

Как-то завелся в студенческой среде непорядочный человек, «обирал» своих однокурсников. Брал в долг, чтобы снимать для себя отдельную однокомнатную квартиру и там «привольно» жил. Долги не отдавал. Коля тоже оказался в числе «кредиторов». И почти все, что мы положили ему на сберкнижку на «черный день», перешло в карман этого «ловкача». Всем обещал отдать долг, но… исчез бесследно…

А на строительстве Можайского полиграфического комбината рядом со студенческим отрядом из МГУ работали «декабристы», как называли осужденных за мелкое хулиганство и прочие «дела». Они третировали студентов, заставляя «вкалывать» и за них, угрожали расправой, если те не будут подчиняться их уголовным прихотям…

Пришлось мне идти в стройуправление, возводившее этот комбинат, и просить его руководителей избавить стройотрядовцев от уголовного «соседства».

…Дважды выезжал Коля в составе «интернациональных» стройотрядов на стройки в тогдашние братские, социалистические Болгарию и Чехословакию.

Но самая большая тревога за сына была, когда позвонил из подмосковных Электроуглей Володя Маркин и сказал: «Приезжайте и заберите Колю отсюда. У него тяжелый приступ, скорее всего, почечные колики. Даже сознание терял…»

Было это в 1980-м – в год Московской Олимпиады. Строители не справлялись со сроками завершения работ на каком-то олимпийском объекте. Туда бросили рабочих-специалистов из Электроуглей, а на их место отправили стройотряд из аспирантов и студентов МГУ…

Переволновался я тогда очень сильно. Находился в то время в Москве, и, получив тревожный сигнал, тут же выехал в Электроугли.

Колю застал в общежитии. Выглядел он очень болезненно. У него действительно был острый приступ почечно-каменной болезни. Боли обозначились рано утром. Но он поднялся и, превозмогая боль, вместе с другими стройотрядовцами направился в заводскую столовую, на втором этаже. На лестнице от острой боли потерял сознание. Хорошо, что рядом шли товарищи, подхватили его и занесли в столовую. Туда же вызвали «скорую». Сделали укол и отвели в общежитие. Там я его и нашел. Спросил: «Сможешь ехать со мной в Москву? Хватит ли сил?» Коля ответил успокоительно: «Наверное, смогу. Приступ прошел».

И мы уехали с Колей в Москву. С вокзала прямо к своим родственникам – Крыловым. Николай Леонидович, осмотрев и прослушав Колю, сказал: «Да. Был приступ почечно-каменной болезни. Надо попить „Ессентуки“. Может, камушек или песок выйдет. И тогда все в порядке. Волноваться сильно не надо. Может, это единственный случай, который больше не повторится. А может, когда-нибудь снова напомнит о себе. Надо бы полечиться в Железноводске. Три года подряд…»

Через несколько дней камушек, ставший причиной острого приступа, вышел. Но, начиная с осени 1980 года, Коля три года подряд ездил в Железноводск.

Так что было от чего тревожиться за единственного сына. И в студенческие, и в аспирантские годы…

Впрочем, в тревоге за сына мы были всегда. Особенно в годы ельцинского беспредела и разгула преступности и бандитизма. Но об этом еще речь впереди…

А сейчас вернусь к последним годам пребывания Коли в аспирантуре на кафедре исторического материализма. Проблемой его научного исследования стала «власть». Как и сейчас, так и тогда, эта тема была актуальной и сложной. И Коля взялся за нее с большим интересом, научной добросовестностью и ответственностью. Режим аспирантской жизни, как мне представляется, основательно отличается от студенческой. Здесь нужна была большая самостоятельности и самоконтроль…

Самостоятельность. На протяжении всей его дошкольной, школьной и университетской жизни отпуска-каникулы мы проводили всей семьей. В экскурсионных поездках в Москву и в Ленинград, в домах отдыха и пансионатах Туапсинского побережья Черного моря, Подмосковья или в Смоленской области, на Оке (в Копаново) Коля всегда был с нами. А в отдельных случаях, в туапсинских здравницах, – с нами были и его школьные друзья…

1982 год в этом смысле стал исключением. Как обычно летом, мы находились в Москве, но на вторую половину августа у нас были путевки в пансионат «Шепси». Это в десяти километрах от Туапсе по железной дороге на Сочи. Сейчас уже точно и не помню, но какие-то важные обстоятельства побудили нас с Ниной отказаться от этой поездки. А Коля, как никогда, был неумолим: «Я поеду. Хочу побыть на море». Наши уговоры не помогли. И мы уступили просьбам сына. Так, впервые Коля отправился на отдых к морю один. Как вскоре выяснится, на встречу со своей судьбой.

Мы остались в Москве еще на две недели. Наше возвращение в Краснодар совпадало с окончанием срока Колиной путевки. Мы даже упредили его. Из Шепси Коля приехал на день-другой

домой, а затем – в Железноводск на лечение, третий год подряд, как и советовал Николай Леонидович.

Отъезд Коли из Краснодара в Железноводск на этот раз был для нас тревожным. В одном купе с ним ехал какой-то юноша со здоровенным псом. Один вид собаки был устрашающим. А тут надо ехать с ним всю ночь. Попытки упросить проводницу предоставить место сыну в другом купе остались безуспешными: «Нет у меня ни одного свободного места». Обратились к начальнику поезда с просьбой перевести Колю в другой вагон. Ответ был тот же: «Мест нет».

…Вечер и ночь, пока Коля ехал до Минеральных Вод, были для нас жестокой пыткой. Созвонились с Галей Кулаковой – приемной дочерью Андрея Кузьмича и Апполинарии Логвиновны Фроловых из Ростова, о которых я рассказывал в первой книге. Она с мужем жила в Минеральных Водах, где Коля должен был сойти и пересесть на электричку, идущую в Железноводск. Попросили их встретить Колю и сообщить нам: все ли у него благополучно.

Глаз не сомкнули до утра, пока не дождались звонка из Минеральных Вод и не узнали, что у Коли все хорошо, и он уже поехал в Железноводск. Там подлечился и через три недели, не заезжая в Краснодар, отправился в Москву…

В 1983 году Коля успешно защитил кандидатскую диссертацию, там же, на философском факультете. Научным руководителем по кандидатской диссертации у Коли был доцент кафедры исторического материализма философского факультета МГУ Владимир Семенович Манешин. К горькому сожалению, он рано ушел из жизни в самом начале «демократического» переворота. Кафедрой заведовал доктор философских наук, профессор Владимир Иванович Разин. К общему удивлению, ученый-марксист МГУ на крутом изломе истории нашей Отчизны ушел вправо. А ведь убеждения – не перчатки и не носки; не одежда и не обувь.

Износились, перестали нравиться, надоели – куплю новые. Виднейший русский критик Д. И. Писарев завещал нам бесспорно мудрый совет: «Готовых убеждений нельзя ни купить в книжной лавке, ни выпросить у добрых знакомых».

А вот что по этому вопросу писал К. Маркс: «Идеи… которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым приковывают нашу совесть, – это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца…» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т.1, стр.118).

…Первым оппонентом на защите сыном кандидатской диссертации выступал декан юридического факультета МГУ,

доктор юридических наук, профессор Михаил Николаевич Марченко. Он дал высшую оценку научной зрелости сына и его диссертации.

Замечу, что на протяжении многих лет, особенно в постсоветское время, мне приходилось много раз обращаться к М. Н. Марченко за советом и помощью. Был ли Михаил Николаевич деканом или проректором МГУ, – он неизменно откликался на мои просьбы…

Ученый Совет единогласно проголосовал за присуждение Коле ученой степени кандидата философских наук. Вскоре ВАК утвердил это решение…

Мы были рады, что желание и цель Коли осуществились. За восемь лет пребывания в МГУ он непросто стал дипломированным специалистом, но и ученым-философом. Впереди его ждала работа на кафедре философии Кубанского государственного университета…

Коля всегда с гордостью говорит о своей учебе в главном вузе страны, об атмосфере университетской жизни, о тех, кто был рядом с ним. Тепло вспоминает своих близких друзей-однокурсников: Игоря Федорова, Виктора и Людмилу Фирсовых, их крохотную дочурку Иришку. Они к нам с Ниной Тимофеевной относились с добрым душевным чувством. А мы боготворили их…

Нарочно не придумаешь…

Трудности создаются для того,
чтобы затем их преодолевать…

(из области абсурда)

Один вопрос волновал в равной мере и сына, и меня. Тогда существовал такой «кадровый принцип», установленный ЦК КПСС. Преподавать общественные науки мог только комсомолец или коммунист.

Когда Коля начинал работать на кафедре марксистско-ленинской философии, ему уже исполнилось 26 лет. Фактически комсомольский возраст близился к концу. А вопрос о вступлении в партию для интеллигенции вообще, и для вузовских преподавателей, включая и работавших на кафедрах общественных дисциплин, был весьма трудноразрешимой проблемой. Несравнимо легче этот вопрос было решить во время воинской службы, рабочему промышленного предприятия, строительной или транспортной организации, доярке или трактористу. Кстати, так многие и решали эту задачу, еще до

становления студентом или преподавателем. Лицам, относившимся к категории служащих или к интеллигенции любого профиля, дождаться «очереди» на вступление в КПСС было невероятно сложно. Это я хорошо знаю и по партийной работе, и по жизненному опыту…

Для рассмотрения вопроса о принятии кандидатом в члены КПСС совершенно недостаточно было ни личного желания, ни признания Устава и Программы партии, ни готовности выполнять их и активно бороться за социализм и коммунизм, ни рекомендаций комсомола и коммунистов. Главное, чтобы была выдана… именная анкета. А получить таковую было намного сложнее, чем выиграть по лотерейному билету. Все двадцать три года моей работы в Кубанском государственном университете я избирался заместителем секретаря парткома по идеологии. И не могу вспомнить случая, чтобы преподавателей кафедр общественных наук принимали в партию. Да таких и не было. Комсомольцев на общественные кафедры брать было рискованно, чтобы не подвергать трудной участи и кафедру и преподавателя. Принимали коммунистов или кандидатов в члены КПСС: в девяноста девяти из ста случаев, прием в члены партии был гарантирован.

Легче было вступить в партию студенту, чем преподавателю. И потому нередко студенты, заботясь о своем будущем, о работе на кафедре, шли на любые шаги, чтобы вступить в партию, одни переходили на заочную или вечернюю форму обучения и шли на производство по рабочей специальности, хотя бы на год-два, чтобы вступить кандидатом в члены КПСС. Другие уходили в армию и, отслужив два года, возвращались в вуз уже коммунистами…

Помнится один сверх курьезный случай. Как только было обнародовано сообщение о смерти Л. И. Брежнева, на стол секретаря партбюро факультета иностранных языков легло заявление от одного из весьма посредственных студентов: «В связи со смертью выдающегося партийного и государственного деятеля Л. И. Брежнева прошу принять меня кандидатом в члены КПСС. Отдам все силы, а если потребуется, то и жизнь, во имя продолжения того великого дела, которому посвятил всю свою жизнь Л. И. Брежнев».

Секретарь партбюро пришел с этим заявлением к декану факультета В. И. Тхорику, а тот ко мне: «Как нам поступить?»

Я высказал сомнение в искренности студента, которого хорошо знал, но посоветовал переговорить с секретарем райкома партии. Тот в свою очередь перенес вопрос в крайком КПСС. Не знаю, обращались они в ЦК КПСС, или приняли решение

самостоятельно, но ответ был однозначен: «Надо принимать…»

Впоследствии поинтересовался этим «продолжателем дела Брежнева», обещавшим отдать все силы и жизнь за социализм и коммунизм. Как я и предполагал, на рубеже 80-х и 90-х годов, когда КПСС затрещала от горбачевского «плюрализма», сей «борец» за социализм и коммунизм, вместе со многими другими, себе подобными, поспешил поскорее расстаться с КПСС, чтобы войти в доверие к ельцинским «дерьмократам»…

Я убежден, что практика приема в КПСС, сложившаяся в хрущевско-брежневские годы, была порочной. Ею нередко пользовались непорядочные люди, настроенные карьеристски, для которых партбилет был «пропуском» на желанную должность. Такие, наподобие того студента, о котором я рассказал, готовы были дать любые клятвы и заверения, искали любую «щель», чтобы пролезть в правящую партию. Идейная, коммунистическая убежденность у них была, образно говоря, на «кончике языка». И когда партия оказалась перед лицом труднейших испытаний, трусливо и подло бежали из ее рядов, как «крысы с тонущего корабля».

Дело доходило до того, что иные партийные работники, в чьей власти была «заветная анкета», открывавшая «зеленый» свет для вступления в партию, злоупотребляли этим.

В 80-е годы в КПСС и в стране было широко известно нашумевшее «дело» председателя контрольной партийной комиссии Краснодарского крайкома КПСС Карнаухова, который за «взятку» решал вопросы и приема в парию, и восстановления в партии исключенных. Другой партийный деятель – секретарь Краснодарского крайкома КПСС Тарада за взятку решал любой «кадровый вопрос», включая и вопросы награждения «нужных» лиц государственными орденами и медалями…

Да разве только этими двумя партийными руководителями творились мерзкие дела, подрывавшие авторитет партийного работника и всей партии. Справедливости ради, надо сказать, что и Тарада, и Карнаухов, и им подобные получили сполна и по Уставу КПСС, и по Уголовному Кодексу СССР.

Увлекся я, однако, этим вопросом. Хотел ведь рассказать только о том, каким трудным и сложным был путь в КПСС для нашего сына. И не только для него…

Согласно Уставу КПСС в партию принимали с 18 лет. Молодежь комсомольского возраста – только через Комсомол.

Коле исполнилось 18 лет в 1975 году, когда он учился на первом курсе МГУ. Был избран секретарем курсового комсомольского бюро, а на старших курсах – секретарем комитета ВЛКСМ философского факультета.

Вопрос о вступлении кандидатом в члены КПСС встал перед Колей уже на втором году обучения. К этому были все основания: школу окончил с золотой медалью; первый университетский курс – тоже отлично; руководил школьной комсомольской организацией; являлся секретарем курсового комсомольского бюро.

Но в партбюро ему тактично объяснили, что вопрос о приеме его кандидатом в члены КПСС может быть рассмотрен только на старших курсах. Причина одна: в партию желают вступить все студенты-комсомольцы, но выделяют в год всего несколько анкет. По этой причине их отдают наиболее отличившимся старшекурсникам, так как для получения ими работы на кафедре марксистско-ленинской философии необходимо быть коммунистами.

Коля продолжал отлично учиться, руководить комсомольской организацией, летом работать в стройотрядах, активно участвовать во всей общественной жизни, и тем самым готовить себя к вступлению в партию.

И вот уже Коля на выпускном курсе. Пишет заявление, получает рекомендации факультетского бюро ВЛКСМ и двух коммунистов, знающих его по учебе и общественной работе. Приходит с этими документами в партийное бюро факультета. А там ему в самой категоричной форме говорят: «Для вашего курса выделена одна анкета, персонально для „Энского“. Оформляйте на него все документы»…

Огорченный Коля тут же рассказал об этом комсомольскому бюро. Весь его состав возмутился, и снова повторно представил кандидатуру Коли и решительно возразил против «Энского», не имеющего никаких оснований для рекомендации его в партию: «Ничем себя не проявил». Но в партбюро ответили ультимативно: «Рекомендуйте „Энского“. Никого другого партбюро принимать не будет…»

Спустя десять лет, когда Коля уже возглавлял краевую коммунистическую организацию, где-то в 1993 году, я рассказал об этом бывшим членам парткома МГУ – профессору Б. С. Хореву и доценту В. Т. Калтахчану – ученым-марксистам РУСО и членам Общественного Объединения «В защиту прав коммунистов». Возмутился, естественно, такими «принципами отбора» студентов в КПСС.

Им «крыть было нечем». Виновато смотрели на меня: «Разве могли мы знать, что произойдет с КПСС, и кем станет Ваш сын». Именно это можно было прочитать в их глазах…

«Потому, – добавил я, – и растаяла в одночасье двадцатимиллионная КПСС, что она состояла в своем

большинстве из „энских“».

Конечно, не только поэтому, но «энские» – «горбачевы», «ельцины», «яковлевы» – по такому же принципу, оказались в партии, а потом и во главе её.

За восемь лет учебы и активной комсомольской работы в МГУ Коля так и не был принят в партию. Потребовались еще годы «испытаний», прежде чем он стал коммунистом. На его начавшемся трудовом пути барьеры возникали один за другим.

В Кубанском государственном университете Коле пришлось поработать немного. Год спустя он обратился в партком университета с просьбой рассмотреть вопрос о приеме его кандидатом в члены КПСС. Там отнеслись внимательно и тут же запросили в Советском райкоме КПСС г. Краснодара для него анкету. Но не тут-то было. Секретарь райкома КПСС по идеологии Т. А. Рязанова буквально «встала на дыбы»: «Это за какие заслуги? Он всего год проработал. Пусть проявит себя в деле…» И тут же добавила: «Видимо, отец „нажимает?“» И хотя секретарь парткома пытался разубедить её, она «гнула» свое: «Пришлите мне отца. Я с ним разберусь…»

«Разборка» последовала незамедлительно, чуть ли не в тот же день:

– Что Вы себе позволяете? – набросилась на меня секретарь райкома, едва я переступил порог её кабинета. – Или у Вас сын лучше всех? Другие по много лет ждут своей очереди, а Ваш сын всего год проработал… Прекратите «давление» на партком. Райком не допустит, чтобы Вашего сына «вне очереди» приняли в партию…

Я, конечно, не ожидал такой незаслуженной брани в свой адрес и был обескуражен. Но взял себя в руки и спокойно ответил:

– Татьяна Алексеевна, я не могу принять Ваши упреки и обвинения. Ни на кого я не «давил» и никого не просил о каких-то поблажках для сына, о внеочередном приеме его в партию.

Но, честно говоря, мне больно за сына. На протяжении восьми лет в МГУ он не раз обращался в партком с просьбой рассмотреть вопрос о приеме в партию, имея для этого все основания. Он закончил школу с золотой медалью, отлично учился на философском факультете МГУ; в школе и на философском факультете университета являлся секретарем комсомольской организации, ежегодно работал в стройотрядах, активно участвовал в общественной жизни. Вопрос о его партийности в МГУ так и не был решен. Тогда, в конце пребывания сына в МГУ, комсомольская организация и коммунисты философского факультета дали ему рекомендации

для вступления кандидатом в члены КПСС.

В парткоме Кубанского государственного университета не стали рассматривать его заявление, предложили год поработать, чтобы увидеть его в деле. И вот теперь, год спустя, сын снова обратился в партком с той же просьбой…

Мои доводы не повлияли на позицию «принципиального» секретаря райкома КПСС. Она продолжала с еще большим гневом бросать в мой адрес обвинения и оскорбления, снова и снова повторяя одно и то же: «Райком партии не позволит, чтобы для Вашего сына было сделано исключение. Запомните это и сыну своему скажите…»

До боли в сердце и до «комка в горле» довела меня секретарша райкома. С трудом добрался домой и рассказал сыну об этой «выволочке». Решили больше не форсировать вопрос о его вступлении в партию, продолжать в полную силу работать и участвовать в комсомольской и общественной жизни…

Не могу умолчать о том, что пройдет не так уж много времени, когда КПСС, измордованная горбачевской «перестройкой», «гласностью» и «плюрализмом», окажется в сложнейшем положении, начнется ее крушение. Партия оказалась во власти «палача», в роли которого выступил один из недавних «видных деятелей КПСС», кандидат в члены Политбюро Б. Ельцин. Под его ударами каждый двадцатый коммунист, состоявший в Компартии РСФСР, торопливо расстался с нею.

Т. А. Рязанова была среди тех, кто бросил партию на произвол судьбы, поспешил «откреститься» от неё…

Вслед за отказом в приеме сына в партию, в Кубанском университете нам были уготовлены новые испытания и треволнения…

Я уже был доктором наук, профессором, когда в повестку дня, по инициативе отдела науки крайкома КПСС, встал вопрос о выдвижении меня на должность заведующего кафедрой.

По времени это совпало с начавшейся «кампанией» крайкома КПСС по борьбе с «семейственностью» в вузах.

И вот я на беседе у ректора В. А. Бабешко. Всегда, сколько помню, он относился ко мне с подчеркнутым уважением. Так было и на этот раз. Владимир Андреевич напомнил мне об острой постановке крайкомом партии вопроса борьбы с «семейственностью». И затем сказал:

– В нашем университете эта проблема очень болезненная: семейными узами связаны 128 преподавателей. Я уверен, что Вы с пониманием отнесетесь к её решению. У ректората и парткома нет никаких претензий ни к Вам, ни к сыну. Коллектив университета хорошо знает Вас. С наилучшей стороны проявил

себя и сын. Оба – ученые со степенью: Вы – доктор, сын – кандидат наук. Оба – достойные работники и оба нужны университету. Но с «семейственностью» надо повести решительную борьбу. Она очень вредна для дела… – И, помолчав, добавил:

– Поймите правильно, ректорат и партком решили, что начинать надо с Вас. Вы должны стать примером для всех. Если Вы или сын уйдете из университета, у других не будет никаких оснований сопротивляться. Вы должны задать «тон» в разрушении «семейственности».

Я ответил: «С пониманием отношусь к вопросу борьбы с семейственностью. И хотя мне очень жаль расставаться с коллективом университета, в котором прошел путь от аспиранта до профессора, готов перейти в другой вуз. Но очень прошу Вас оставить сына в университете. Ему, молодому преподавателю и ученому, конечно же, лучше работать на университетской кафедре философии».

Ректор поблагодарил меня за взаимопонимание, но тут же сказал: «Райком и партком за то, чтобы „выросший“ у нас профессор остался в университете. Профессорами не разбрасываются…»

Я решительно возразил против перевода сына – молодого дипломированного остепененного философа из университетской кафедры в какой бы то ни было другой вуз края.

На том и закончилась эта моя первая беседа с ректором о борьбе с «семейственностью». Но проблема осталась. За дело взялся отдел науки крайкома КПСС. Сначала там приняли мой вариант и начали делать одно предложение за другим: должность заведующего кафедрой «на выбор» в одном из трех краснодарских вузов. Я отказался от заведования кафедрой в любом из предложенных вузов, а ректор университета не согласился отпускать меня в другой вуз на должность профессора.

Тогда в отдел науки крайкома был приглашен Коля, ему было предложено перейти на кафедру философии медицинского института. Поскольку преподаватели общественных наук входили в номенклатуру крайкома, – ему пришлось согласиться…

Замечу, что с переводом Коли в другой вуз, – борьба с «семейственностью» в университете прекратилась. «Кампания» дала сбой…

Этот «перевод»-«переход» Коли в медицинский институт – снова отодвигал, по меньшей мере, на год решение вопроса о вступлении в партию…

В новом вузе взялись проверять Колю «в деле»: как преподавателя, по работе в составе комитета комсомола

института, куда он был избран, на других общественных делах.

И только в 1987-м, на тридцатом году жизни, парткомом медицинского института и Октябрьского райкома КПСС Коля был принят кандидатом в члены КПСС. А в следующем, 1988-м, – в члены КПСС. Но и здесь нежданно-негаданно Коле было уготовано еще одно, совершенно несправедливое испытание.

Произошло оно на бюро Октябрьского райкома партии города Краснодара при рассмотрении вопроса о приеме его из кандидатов – в члены КПСС. Кем и для чего была устроена «пытка» для Коли – я не знаю. Только оставила она в его душе и в памяти, и в моей памяти очень болезненную зарубку. Факт сам по себе необъяснимый.

Коля наидобросовестнейшим образом прошел «испытательный срок», каким являлся кандидатский стаж: активно работал в комсомоле, старательно овладевал преподавательским опытом, выполнял все общественные поручения. О знании Устава и программных документов партии и говорить нечего. Он знал их обстоятельно и глубоко осмысленно. Но отдельные члены бюро райкома КПСС были «вне себя», стремясь доказать «непригодность» и «недостойность» Коли быть коммунистом. Сколько горьких и несправедливых слов услышал он на том «памятном» заседании бюро райкома партии. Сколько пережил и долго не мог ни понять, ни объяснить, с какой целью и по чьему злому умыслу была устроена эта пытка…

Но самое главное (и самое возмутительное), что этих членов бюро райкома партии, боровшихся за «чистоту КПСС», давно уже нет в рядах коммунистов края. В одночасье они «перевернулись», «преобразовались» в антикоммунистов, оказались в рядах «демократов», нынешней правящей партии, главной политической опоры теперешней российской власти…

Их имена с презрением произносят «истинные коммунисты» края, чьим лидером является уже почти два десятилетия Николай Осадчий, которому в течение многих лет отказывали в праве быть коммунистом.

Тем временем КПСС, как и вся страна, оказалась в состоянии острейшего кризиса. В КПСС, измордованной ренегатско-предательской «перестройкой» и пресловутым плюрализмом, началось брожение «умов», её разложение и разрушение; вся «карьеристская», приспособленческая масса стала покидать терпевшую бедствие партию. Для её спасения потребовались «истые» коммунисты, идейно убежденные, стойкие, неколебимо верящие в социализм.

…В мае 1991 года молодые коммунисты Николай Осадчий и Анатолий Барыкин, прошедшие многолетние трудные испытания

на пути в партию, были приглашены на работу в краевой комитет КПСС, за три месяца до августовских событий, спровоцированных Горбачевым и Ельциным с целью прекращения (запрещения) деятельности КПСС и Компартии РСФСР. Николай и Анатолий были в числе небольшой группы инициаторов образования организации коммунистов Кубани, вошли в состав её руководителей. После восстановления Коммунистической партии Российской Федерации она стала Краснодарским региональным отделением КПРФ. С тех пор, более двух десятилетий, его возглавляет сын, – теперь уже коммунист с 25-летним стажем…

В Компартии РСФСР в момент её образования в июне 1990 года было свыше девяти миллионов членов. В августе 1991 года осталось немногим более шести миллионов, а в феврале 1993-го в возрожденную КПРФ встали на учет всего немногим более полумиллиона. Вот она разница между членами партии и «истыми» коммунистами.

…Написал. И вдруг, впервые и совершенно неожиданно пришла мысль: а может, правильнее судить о людях не по наличию партбилета, а по их верности идеалам социализма?

Я знал в советское время и знаю сейчас многих людей, которые никогда не состояли и не состоят в Коммунистической партии, но они – убежденные приверженцы социализма, Советской власти. Таких в советское время называли «беспартийными большевиками». Очень хорошее звание. Нередко «беспартийные большевики» – несравнимо надежнее иных «уставных» членов партии. Именно благодаря им, беспартийным приверженцам социализма, Компартия РФ имела фракцию во всех Государственных Думах и региональных законодательных собраниях; именно благодаря им, по всей России проходят массовые манифестации, митинги и демонстрации, протестные выступления; именно благодаря им, живет и будет жить социалистическая идея; будет жить и множиться армия борцов за народовластие, социальную справедливость и социализм.

Вопрос этот, конечно, не бесспорный. Ибо политический авангард – политическая партия – необходим для организации и руководства борьбой трудящихся за народовластие, за возрождение социализма…

Вместо послесловия

Я бесконечно рад, что сын с честью выдержал экзамен на зрелость, на коммунистическую убежденность, на верность трудовому народу, социализма. Такое далеко не каждому дано.

В феврале 1993 года, на Втором Чрезвычайном восстановительном съезде КПРФ, мы оба, я и сын, были избраны в состав членов ЦИК КПРФ. Избирались в состав ЦК КПРФ и на последующих съездах. Это редчайший в своем роде факт. И я горжусь этим.

…Случилось так, что в первой половине 1994 года я дважды надолго оказывался в больничной палате. И в силу этого не смог присутствовать на Апрельской (того года) конференции КПРФ. На ней впервые на общепартийном форуме выступил Николай Иванович Осадчий – руководитель Краснодарской краевой организации КПРФ. Предоставляя ему слово, Первый Заместитель Председателя ЦК КПРФ В. А. Купцов объявил: «Это сын Ивана Павловича». Всего четыре слова. А как много они сказали делегатам партийной конференции, встретившим это сообщение дружными аплодисментами…

Вспоминается замечательный советский кинофильм «И это всё о нём». Именно из этой киноленты слетели умные строки:

И пусть мы не такие уж плохие, —
Идут за нами те, кто лучше нас…

Надеюсь и верю: молодые коммунисты – наши сыновья и внуки – достойно продолжат и завершат дело борьбы за возрождение подлинного народовластия, за возвращение нашей Отчизны на путь социалистического развития……

Дополнение к главе «Слово о сыне»

(Из интервью Николая Осадчего, опубликованного в «Туапсинских вестях» 10 марта 2001 года)

Фамилия Осадчих в нашем городе известна. В 60-е годы Иван Павлович Осадчий был секретарём горкома по идеологии. Многие сегодняшние руководители города воспитаны им. Его сын – Николай Иванович Осадчий – депутат Законодательного собрания края, философ, учёный, первый секретарь крайкома КПРФ. Сегодня «первые» уже не та величина, что раньше, – времена не те. Отношение к коммунистической партии у общества разное, да и сами коммунисты претерпевают изменения. Впрочем, сегодня речь идёт не об идеологии и не о задачах партийного строительства. Мы воспользовались тем, что Н. И. Осадчий, первый заместитель председателя Законодательного собрания края, приехал в Туапсе по делам, и поговорили с ним просто так, «за жизнь».

– Николай Иванович, вы часто вспоминаете Туапсе? Считаете ли Туапсе своим родным городом?

– Да, конечно. Я всегда с добром и только с теплотой вспоминаю Туапсе. Я здесь родился и жил до пятого класса. Поначалу – на улице Коллективной. В школу я пошёл уже с улицы Богдана Хмельницкого и помню библиотеку в подвале дома, которого уже нет. Переехали мы в Краснодар, потому что отец сменил работу, стал преподавать в Кубанском университете. Шёл 1970 год. Вот знаете, удивительно, но я помню день отъезда. Потому что тогда было открытие чемпионата мира по футболу в Мексике. Мы прямо на чемоданах сидели в студенческом общежитии и смотрели матч – взрослые и дети. Наши сыграли вничью с хозяевами турнира.

– Сегодня, в непростое для компартии время, вы – лидер краевой организации. Продолжаете дело отца?

– Отец, конечно, во многом повлиял и на моё мировоззрение, и на мою биографию. Я продолжаю его дело. Хотелось бы в науке, однако приходится в политике. Но надо сказать, он никогда не заставлял меня принимать решение, которое он считал верным. Отношения у нас были (и остаются) товарищескими, и отец всегда оставлял мне право выбора. А о партийной карьере я даже не помышлял, честно говоря…

– А почему вы выбрали Московский государственный университет? Можно было бы остаться на Кубани…

– Потому что в Кубанском преподавал отец.

– Наоборот, многие сочли бы это за удачу.

– Только не я. Чтобы доказать, что ты в жизни что-то стоишь, надо добиваться всего самостоятельно. Я скучал по дому, учась в МГУ, а потом и в аспирантуре, всё время рвался домой. Кстати, к сегодняшней партийной должности пришёл сам, после долгих раздумий. Да, личный пример отца, конечно, повлиял. Он – очень последовательная, цельная натура, если он, как историк, с кафедры университета говорит что-то, то дома на кухне от него нельзя услышать обратное. Может быть, если бы у нас все брали пример со своих отцов, страна не оказалась бы в таком положении, как сейчас. Но я в Москве не занимался политикой. Начало моей преподавательской «карьеры» совпало с горбачёвской перестройкой. В конце 80-х годов много выступал со своей точкой зрения и в печати, и на лекциях. Вот и получилось незаметно, что стал политиком. Просто не боялся высказывать свою точку зрения на происходящие в стране события. И теперь делаю то же самое…

– А в университете гонений за это не было?

– Нет. Ни в университете, ни в мединституте, где работаю много лет. Я же не использую лекции для пропаганды. Если преподавать культурологию, политологию и другие дисциплины профессионально и без лжи, – получится лучше любой пропаганды. В принципе, вся гуманитарная мысль XX века – она камня на камне не оставила от идеи капитализма, от капиталистической рыночной экономики. Мне не трудно «вести агитацию и пропаганду», надо просто рассказывать об этом. Когда расшатался догматизированный марксизм, появилась возможность самим анализировать историю и современность, высказывать своё понимание предмета…

(Беседовала С. Светлова)

На Мамаевом кургане.

Как дела, «Спартак»? «К.И.Н.О.» 1970 г.

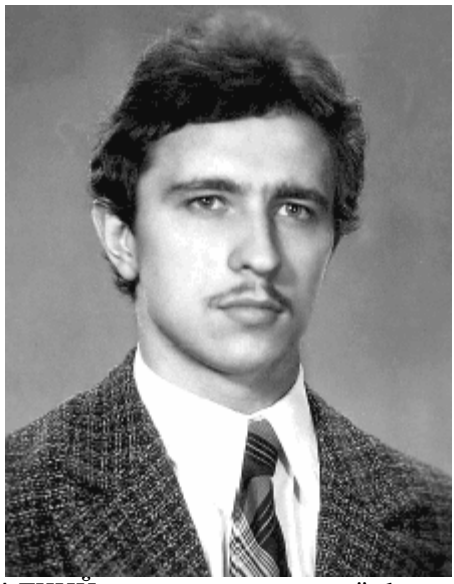
В редкий выходной…

«К.И.Н.О.» в Смоленском доме отдыха на Днепре (1973 год).

Отец и сын (фотография на память).

Университетские годы

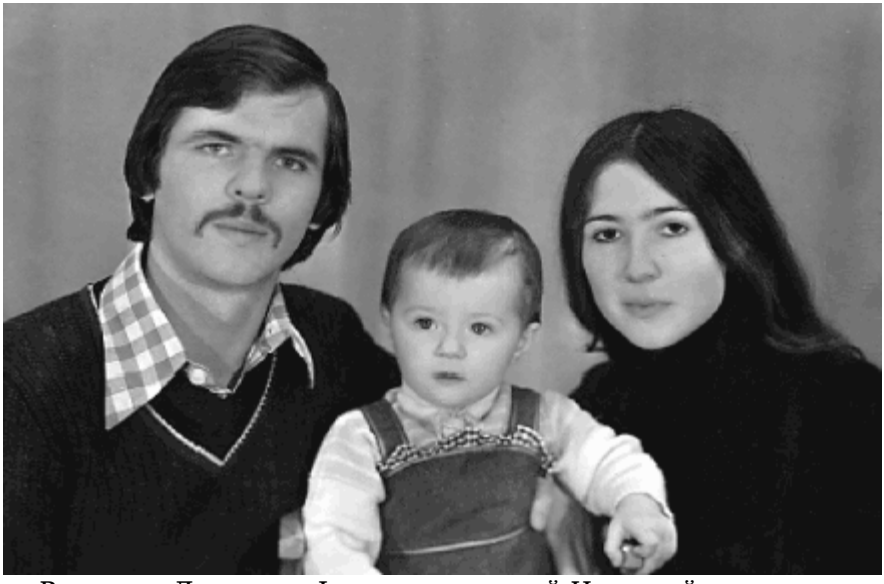
Николай Осадчий 3-й курс МГУ.



Николай ОСАДЧИЙ, дипломированный философ. 1980 г.

Коля Осадчий с однокурсниками: Володя Маркин (в центре) и Саша Густырь.

Друзья-однокурсники



Виктор и Людмила Фирсовы с дочкой Иришкой.

«Присядем друзья перед дальней дорогой…» Николай ОСАДЧИЙ (в центре с гитарой); Володя МАРКИН (слева).

Глава пятая. Время летних отпусков

В современной России, особенно в кругу «господ» новорусских, можно часто слышать злобные суждения о негативах советского времени, советской жизни, о мрачных фактах тех лет. Да. Действительно были проблемы, омрачавшие многих людей. Наиболее остро волновал дефицит отдельных продуктов и товаров. Именно о дефицитах и об очередях больше всего любят порассуждать современные приверженцы «демократического» строя, рыночного капитализма. Бесспорно, в советское время были и дефициты, и очереди. Но не этим запомнилась Советская власть абсолютному большинству советских людей.

Главное внимание она уделяла вопросам благосостояния народа в самом широком понимании этого слова. Советская власть заботилась о труде, здоровье, отдыхе, благополучии каждого человека, начиная с малых лет и до глубокой старости. Об этом говорит и невероятно низкая квартплата, которая оставалась неизменной на протяжении многих десятилетий; бесплатное образование и бесплатное здравоохранение; бесплатные или за символическую цену путевки в здравницы: в санатории, пансионаты, дома отдыха; на туристические базы, в пионерские лагеря. Это было доступно и считалось обыденным практически для каждого человека. Сегодня новым поколениям, родившимся и выросшим в условиях современной России, в это трудно поверить…

Я сделал небольшое предисловие для того, чтобы легче воспринималось то, о чем пойдет речь в этой главе.

Отпускное время – особенная часть жизни. В советские годы оно приносило радость и вдохновение.

Пока Коля, наш сын, был совсем маленьким, где-то до трех-четырехлетнего возраста, отпуск свой мы проводили в Туапсе. Да и нам самим хотелось насладиться морем. Приобретали путевки в дома отдыха, пансионаты, туристические базы на туапсинском побережье.

Когда Коля подрос, стали выбираться и в другие места, чаще всего в здравницы Подмосковья – в Жаворонки, Истру, на Клязьминское водохранилище. Одно лето провели в смоленском доме отдыха на Днепре, в другой раз – в дачной деревне Копаново на Оке.

В годы моей работы ответственным секретарем Туапсинского отделения Общества «Знание» меня несколько раз премировали экскурсионными путевками в Москву и в Ленинград, по историческим и ленинским местам. Ездили всей семьей. Эти экскурсии давали возможность и нам, взрослым, и подраставшему сыну основательно познакомиться с самыми достопримечательными местами обеих столиц, побывать во многих музеях.

Экскурсия в Москву включала посещение Кремля, Оружейной палаты, Мавзолея и Музея Владимира Ильича Ленина, Исторического музея, Музея революции и Новодевичьего кладбища, ВДНХ, Третьяковской галереи и Музея А. С. Пушкина, Музея Вооруженных Сил СССР и «Бородинской панорамы», Политехнического музея, других памятных мест столицы; поездки в Горки Ленинские, в городок космонавтов, в Бородино, в Петрищево – к месту подвига легендарной Зои Космодемьянской…

В Ленинграде мы посещали ленинские места в самом городе и в Разливе; Смольный и Зимний дворцы, крейсер «Аврора», Пискаревское кладбище, Петропавловскую крепость, пушкинские места, Русский музей, Военно-морской музей; совершали поездки в Пушкино и в Петергоф, а также обзорную экскурсию по городу с остановками у памятных исторических мест, какими богат Ленинград…

Такие экскурсии обогащали нас знаниями о том, о чем имели поверхностные представления из книг по истории и кинофильмов. Волнующие страницы истории представали перед нами во всем величии и значимости; оставляли огромное впечатление в памяти и в сердце на всю жизнь; Рождали радость и безграничную гордость за нашу великую и могущественную

Советскую Отчизну, за её немеркнущую историю…

Вечерами, после экскурсионных походов и поездок, шли в столичные театры и концертные залы. А в дни игр московских команд «Спартака» по футболу или хоккею, – спешили на стадион или во Дворец спорта в Лужниках…

Цены на билеты в театры и в цирк, на концерты, в музеи и на стадионы были фантастически низкие.

Вся советская культурно-просветительская жизнь (кинофильмы, спектакли, концерты, цирковые представления, музеи, экскурсии) служила духовному обогащению человека, несла в себе высокий нравственный заряд, рождала радость и вдохновение. Говоря словами поэта, сеяла «разумное, доброе, вечное». Каждая встреча с прекрасным украшала жизнь, создавала хорошее настроение, наполняла сердце и душу гордостью тем, что у нас «и жизнь хороша, и жить хорошо…»

Поводов для поездок в Москву, Ленинград, Подмосковье было предостаточно. Об отпусках и экскурсионных поездках я уже рассказал. Кроме того, необходимо было работать в Центральных архивах и в закрытых фондах библиотеки имени Ленина, вести поиск документальных источников и материалов для кандидатской и докторской диссертаций. Когда Нина прикрепилась в качестве соискателя ученой степени кандидата наук на кафедре хлебопечения Московского государственного технологического института пищевой промышленности, необходимость поездок в столицу возросла.

В советское время все вузовские преподаватели каждые пять лет направлялись на целое учебное полугодие в институты или на факультеты повышения квалификации. За годы вузовской работы в Краснодаре я трижды был на повышении квалификации в МГУ и дважды – в Ленинградском университете. А Нина – трижды в своем, выше названном вузе.

Кроме того, она ежегодно выезжала в Ленинград и в Москву для организации производственной практики студентов на хлебокомбинатах и хлебозаводах. Я, как правило, приурочивал к этому времени свои научные командировки.

Когда Коля стал студентом, а затем аспирантом философского факультета МГУ, – это стало «главным поводом» для учебных, служебных и научных поездок в Москву, не говоря уже об отпусках.

У меня же возникла еще одна жгучая необходимость получения дополнительного отпуска в связи с невозможностью оставаться на Кубани в жаркое время года, ориентировочно с июля до начала октября. Она касалась многих десятков, если не сотен тысяч, жителей Кубани. Причиной была треклятая

амброзия – жесточайший сорняк, «подаренный» нам США. Впрочем, как и колорадский жук. Не говоря уже о духовно-нравственной «отраве», экспортируемой Западом под названием «массовой культуры», которая разрушала души, калечила нравы множества людей, особенно в юные годы.

Амброзия вызывает жутчайшую аллергию, поражая дыхательные органы. Чтобы человек мог избежать этих пыток, врачи выдавали справку-заключение о необходимости выезда из края в средние или северные районы страны, где амброзия, как теплолюбивое растение, не могла прижиться. По месту работы страдающим от амброзии предоставляли дополнительный отпуск и путевки в здравницы.

Едва ли не в первый год работы в краснодарском вузе, я, как и все преподаватели и студенты, в начале учебного года (в сентябре-октябре) участвовал в уборочных работах. И вот на сборе помидоров, когда амброзия цвела, а её пыльца обильно насыщала воздух, я переусердствовал до «седьмого пота» и надышался ею сполна. Спустя неделю-две уже был не похож на себя: предстал перед врачами с распухшим носом, жесточайшим чихом и одурманенными глазами. Тут же получил предписание: «Срочно выехать в зоны недосягаемости амброзии». Аллергия на амброзию тогда считалась неизлечимой…

Все последующие годы жизни и работы на Кубани, сразу после окончания летней экзаменационной сессии, брал трудовой и дополнительный (по справке врачей) отпуск и спешно покидал край. Нередко один или с Колей, пока сын был школьником. Нина приезжала к нам после завершения своих преподавательских дел. Задерживался в Москве или в Подмосковье до наступления на Кубани осенней дождливо-прохладной погоды. Определялся в подмосковные дома отдыха или пансионаты – в Трехгорке, в Тучково, в Звенигороде, Зеленоградской, Мамонтовке или на квартиры друзей – московских ученых.

В начале 80-х годов мой верный друг Василий Степанович Романченко, работавший директором туапсинской типографии, познакомил меня с Алексеем Николаевичем Дорофеевым, заведовавшим небольшой, непритязательной базой отдыха Союзпечати в Мамонтовке. Очень скоро мы «породнились» не только с ним, а со всей его семьей: с женой Раисой Ивановной и дочерьми – Светланой и Полиной. Да и всему «здоровому коллективу» базы в количестве трех человек, если мне не изменяет память, мы пришлись «ко двору». И в любое время года, в любое время суток приют и уют для нас находился. До самого последнего часа… пока ельцинские вандалы-реформаторы не раздарили и не разрушили всё, что попадало на их глаза.

«Крахнула» и база отдыха «Союзпечати» в Мамонтовке.

Осталась только добрая, светлая память о ней и гостеприимной семье Дорофеевых. Да еще короткая записка, адресованная нам Алексеем Николаевичем 10 октября 1987 года:

«Дорогие наши друзья из славного города Краснодара! Вспоминаете ли вы свои „каникулы“ в Москве и маленький „замок“ в Мамонтовке?

…Ждем вас в любое время у нас, как самых близких и родных. Пароль не забыли?»

…Не забыли, дорогой Алексей Николаевич, ни Вас, ни «пароль»… Благодарно помним…

Был еще один, более чем уважительный «повод» коротать отпускное время в Москве или в Подмосковье. «Виноват» в этом московский «Спартак», яростным болельщиком которого я стал в комсомольские годы и остался им поныне. Коля в шести-семилетнем возрасте тоже стал самозабвенным болельщиком за футбольный «Спартак». И за хоккейный. Особенно в годы, когда в нем играли такие спартаковские легенды, как Вячеслав Старшинов, Борис и Евгений Майоровы, Александр Якушев, Владимир Шадрин…

К нам с Колей вскоре присоединилась и Нина. Вообще я не помню ни одного случая, чтобы она, когда мы бывали всем «К.И.Н.О.» (всей семьей) в Москве, хотя бы однажды уклонилась от посещения спартаковских игр. Где бы они не проходили: в Лужниках, на «Динамо», «Торпедо» (на Восточной улице), «Локомотиве» (в Черкизово), ЦСКА (на Песчаной).

Игры спартаковских дублеров в Тарасовке, на «Красной Пресне», в «Сокольниках», на стадионах других московских команд высшей лиги, мы посещали с Колей вдвоем.

Конечно, можно было смотреть футбол или хоккей с участием любимой команды и по телевидению или слушать неповторимые радиорепортажи Вадима Синявского или Николая Озерова по «Маяку». Но ни с чем несравнимое зрелище видеть футбол или хоккей в «живом виде» на зеленом поле, в гуще десятков тысяч беззаветных спартаковских болельщиков. И хотя многие годы (не менее четверти века) я ехал в отпуск с чемоданами документов и материалов для работы над кандидатской или докторской диссертацией, монографиями, книгами, брошюрами, статьями, но… когда играл «Спартак», – забывал обо всем. Это был самый активный и самый вдохновенный отдых, особенно когда любимая команда побеждала. А если и проигрывала, – то уходили, хотя и расстроенными, но с твердой верой, что в следующей игре наши непременно порадуют, победят…

Пора сказать и о тех, чье душевное тепло, внимание и заботу мы ощущали всегда, приезжая в Москву, чьи квартиры и семьи были всегда для нас гостеприимными, а встречи с ними – радушными.

Начну с семьи Ивана Борисовича Шевцова – активного участника борьбы за Советскую власть на Кубани и в Черноморье. Познакомила, подружила, породнила меня с ним моя научная судьба, о которой я уже рассказал. Он сам, его супруга Зинаида Ивановна, их сын Андрей стали для нас на многие годы родными и близкими.

Два лета мы находили приют и уют в квартире Игоря Нуховича Тхагушева – сына известного ученого-селекционера, профессора Кубанского сельскохозяйственного института Нуха Ахмедовича Тхагушева. Родом он из Туапсинского района. Один из организаторов первой комсомольской ячейки в адыгейском ауле. И первый адыгейский профессор.

Игорь окончил факультет журналистики МГУ, затем аспирантуру. Там же судьба свела его с Таней Шумилиной. Она тоже кандидат филологических наук. Многие годы они работали на родном факультете. Когда мы обитали у них, их забавный сынишка Руслан был еще крохой. Теперь он тоже журналист…

Расскажу о них подробнее.

Игорь Нухович Тхагушев – один из самых верных и надежных друзей, встретившихся на моем жизненном пути. Спокойный, выдержанный, рассудительный человек, обладавший великим тактом, способностью слушать и слышать другого; уважительно относиться к мнению собеседника. Он всегда был готов отозваться без колебаний на зов друга, прийти на помощь в любом деле. Таким запомнился мне Игорь уже при первой с ним встрече. Таким оставался всегда…

Началось все в далеком 1964 году. Я работал тогда секретарем Туапсинского горкома КПСС. По соседству с нами, на одном этаже, жил Володя Шхалахов – первый секретарь Туапсинского райкома комсомола.

Однажды, скорее всего это был выходной день, в дверь постучали. Я вышел. Передо мной стояли два юноши. Поздоровавшись и извинившись за беспокойство, спросили: «Вы не знаете, где ваш сосед Володя Шхалахов? Много раз звонили – никто не отвечает…»

– А вы кто ему?

– Братья двоюродные – Тхагушевы, Игорь и Виталик. А вы Иван Павлович Осадчий? Володя говорил, что вы живете в соседней квартире.

– Да, это я. Где Володя – сказать не могу. Он редко бывает

дома. Комсомольские дела не дают покоя. Мотается по району. Да что же мы стоим на пороге? Заходите. Познакомимся поближе. Может, и Володя объявится. Напишите записку, что ждете его у нас, и оставьте в двери квартиры.

…Нина Тимофеевна предложила пообедать. Юноши не стали отказываться. Подняли тост за знакомство. Разговоры пошли веселей. Обо всем. О себе. О жизни Туапсе и района. О партийных делах…

– А Нуха Ахмедовича вы знаете?

– Да. Это наш отец.

– Я знаком с ним уже шесть лет, с 1958 года. Он приезжал в Туапсе на сорокалетие комсомола. Он ведь наш знаменитый земляк. Из Куйбышевки (бывшей Карповки). Один из первых адыгейских комсомольцев и организаторов комсомольской ячейки. Потом стал ученым-профессором. Первым из адыгов. Работает в Кубанском сельскохозяйственном институте. Специалист по плодоводству, особенно по орехам. Я ничего не напутал?

– Нет. Все точно, – ответил Игорь, нисколько не удивившись моей осведомленности. – Я тоже родом из Куйбышевки. Окончил факультет журналистики МГУ. Вот собираюсь в аспирантуру… Будете в Краснодаре – рады вас видеть у себя в гостях. Запишите наш адрес. Вот отец будет рад! Да и мама тоже. Она у нас очень гостеприимная. О вас я непременно ей расскажу…

Потом был долгий разговор о «хрущевских завихрениях», о моих научных мытарствах, о многом другом.

Так отложилась в памяти та наша первая встреча с Игорем. Потом были еще одна-две короткие встречи на туапсинской земле.

А в гостях у родителей Игоря мы побывали спустя годы, когда уже жили в Краснодаре.

Игорь, как и намечалось, перебазировался в Москву. Сначала – в аспирантуру, а после её окончания – остался работать преподавателем на факультете журналистики.

…В Краснодаре Тхагушевы принимали нас по высшему разряду. Для оценки их гостеприимства пятибалльной системы недостаточно. Искренность, добросердечность, душевная теплота и щедрость безграничные. Мама – Таисья Семеновна – выше всех похвал. Помимо всех наилучших человеческих качеств – она непревзойденная мастерица по пирожкам и другим печевам. Накормила, напоила нас с Ниной Тимофеевной сверх всяких разумных пределов. Да еще с собой приличный узелок вручила…

С Нухом Ахметовичем мы говорили о жизни страны, Кубани, Туапсе, его заботах о возрождении адыгейских садов в горных

лесах Причерноморья, в особенности в Туапсинском районе. И о моих «хождениях по мукам» на научном фронте. Он был уже наслышан о них от Игоря и отнесся весьма участливо, с пониманием и пожеланиями успешного завершения…

Последняя встреча с Нухом Ахметовичем состоялась в стационаре при поликлинике Краснодарского крайкома КПСС. Там в это время лечилась и Нина Тимофеевна. Она и поведала мне о нем. Мы просидели с ним в больничном скверике на скамейке не менее трех часов. Разговор велся в основном о моих «баталиях» на научном фронте…

Неделю спустя Нина сообщила, что Нух Ахметович скончался…

К тому времени мы уже были близкими и родными не только с Игорем, но и с его супругой Татьяной Валентиновной Шумилиной.

Когда мы навестили их на московской квартире в Ясенево, у них уже рос сын Руслан. Во время летних отпусков мы не раз базировались в их квартире. Они уезжали в Краснодар или в Туапсе…

С Татьяной Валентиновной наши дороги еще сойдутся на партийно-политическом фронте в мрачные девяностые годы и в первое десятилетие XXI века. Но об этом разговор впереди…

О Руслане – сыне не могу умолчать уже сейчас. В свои детские годы, в трех-четырехлетнем возрасте он был очень резвый, живой, неугомонный малыш. Добрый и любознательный. Как и родители – одна доброта. Но была и проблема с ним: как уложить спать его одного, когда мы засиживались за ужином, у телевизора до полуночи, а то и за полночь. Случалось не раз: берет Игорь сына и уводит с кухни в спальню. Пытается уложить. Никакие уговоры не помогают. Тогда подает голос Татьяна Валентиновна:

– Оставь его. А то он будет кричать.

И тут же в тон маме раздается голос Руслана, решительный и безоговорочный: «Буду кричать! Буду кричать!»…

Как и его родители, Руслан стал журналистом, работает в нашей коммунистической печати. С Игорем, помимо всех других вопросов, нас еще роднила любовь к футболу. Редкий случай, когда бы он не присоединялся к нам на московских стадионах, где играл «Спартак»…

Можно рассказывать и рассказывать об Игоре бесконечно. Но обо всем не напишешь. Закончу сюжет его письмом, сохранившимся в моем адресном блокноте. Оно маленькое, но в нем сказано всё. Написано письмо в весьма памятном и значимом для меня 1982 году:

«Добрый день Иван Павлович и Нина!

С большим удовольствием узнали об успешной защите Вами диссертации. Хотя и с опозданием, но от всей души поздравляем Вас. Теперь ВАКовский этап. То, что банда не унимается, – это естественно (иначе и бандой она бы не была). И какие бы снаряды „не пущала“, – теряет одну позицию за другой…

У нас всё своим чередом. Мальчишка дохаживает свой садик, дважды в неделю играет в футбол (зимой – в хоккей) в секции Центрального Дворца пионеров. Выступает подставным игроком, выдаваемым за школьника. Мы выполняем свое учебное расписание в МГУ.

Деревня наша (это о Ясенево) растет. Главным образом, вверх. Проживает по официальным данным 170 тысяч человек. Транспорт действует исправно, остальных благ не прибавляется.

…Как Вам начавшийся чемпионат? Похоже, будет поострее, особенно внизу. „Кубани“ придется снова играть только на выживание. Кто может побить „киевлян“ во внутреннем чемпионате, – даже не видно.

О чемпионате мира гадать не будем.

Большое спасибо за вырезки из газет (об играх „Кубани“). Они прочитываются заинтересованными лицами и потом попадают в альбом. Всего Вам самого хорошего!

Игорь, Таня, Руслан…»

…Да. Это было начало восьмидесятых. Какими они были – известно. Да и в последних главах этой книги им уделено достаточное внимание. Равно, как и моей судьбе, всецело вплетенной в политические события тех лет. Жизнь была тогда, в первом пятилетии восьмидесятых, еще в надеждах, но уже и в нараставших тревогах.

Потом грянули девяностые. Куда сложнее, драматичнее и трагичнее.

«Бывали хуже времена, но не было подлее». Эти некрасовские строки очень подходят к характеристике не только девяностых годов, но и начавшегося XXI века…

Встречи с друзьями стали редкими и короткими. Уже было не до футбола. Не хватало ни сил, ни времени, да и средств тоже… Потом спеленали недуги: один тяжелее другого. И меня, и Нину Тимофеевну. И пошли заботы о выживании.

И вот только теперь, когда очередь дошла до этой главы, надо было навестить всех хотя бы по телефону, расспросить – что и как, особенно тех, о ком здесь идет речь. С трудом дозвонился до Тхагушевых – Татьяны Валентиновны и Руслана. От них и узнал:

Игорь Нухович ушел из жизни в 2009 году. Из жизни, но не из памяти. Он остается в сердцах всех, кто знал и любил его…

Еще одной гостеприимной обителью для нас была квартира Николая Семеновича Федоркина, тоже ученого Московского университета, с которым меня познакомил Василий Петрович Агафонов, один из друзей Владимира Павловича Фролова.

Находясь в Москве и в Подмосковье, мы часто гостили в семье Анатолия Ивановича Мельчина, научного сотрудника Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, одного из самых верных и надежных «товарищей по оружию» на научном фронте. Он и его безупречно гостеприимная и добросердечная супруга Лидия Максимовна, их сыновья Волик и Сережа, а позже и Сережина жена Оксана многие-многие годы были для нас своими, родными, близкими людьми. Запомнилась совсем крохотная Наташенька – дочурка Сережи и Оксаны, внученька Лидии Максимовны и Анатолия Ивановича… Любили они ее беззаветно и лелеяли с особой душевной щедростью и теплотой. По этой причине Анатолий Иванович окрестил Наташеньку: «Это наш „культ личности“»…

В середине девяностых годов Анатолия Ивановича не стало. А затем ушла из жизни и Лидия Максимовна.

Но память навсегда сохранила их, на редкость душевных, отзывчивых и заботливых…

Трудно найти слова, которыми можно выразить наше безграничное уважение и любовь, признательность и благодарность Михаилу Алексеевичу Китаеву, многие годы руководившему кафедрой истории КПСС знаменитого «Физтеха» в Долгопрудном, его супруге Татьяне Сергеевне, их сыну Сереже. Все они запомнились необыкновенной душевной щедростью, сердечностью, бескорыстием, отзывчивостью, непринужденностью, искренностью. С ними всегда было легко и просто, тепло и в высшей степени приятно, как с самыми-самыми близкими людьми.

В тех научных баталиях, которые выпали на мою долю, Михаилу Алексеевичу Китаеву принадлежит особое место – первого оппонента на защите мною докторской диссертации…

Нас сроднило еще и то, что в годы Великой Отечественной войны Михаил Алексеевич освобождал мой родной город Барвенково от последней – третьей – фашистской оккупации.

…Когда грянуло «ново-русское» время, судьба уготовила мне жесточайшую участь оказаться в эпицентре борьбы за партию коммунистов России, её создание и возрождение после кощунственного запрета Ельциным – циничным «отцом

российской демократии», вождем «демократической» контрреволюции, – в августе 1991 года.

Многие годы я жил «между небом и землей». И только когда получил «крышу над головой» и обзавелся телефоном, восстановилась связь с Михаилом Алексеевичем и его семьей. Два-три раза в год, по большим советским праздникам и на Новый год он непременно звонил нам. Это были светлые минуты.

…Прошел год, наступил новый, а его не слышно. Я заволновался. Попросил сына поискать в Интернете: нет ли на сайте физтеха упоминания его имени.

Вскоре Коля сообщил мне горестную весть: Михаил Алексеевич ушел из жизни. На сайте был опубликован очень проникновенный некролог о нем одного из его учеников и соратников…

Естественно, я назвал самых-самых незабываемых, самых близких и дорогих людей, которых нам подарила Москва, Жизнь, Советское время. Какие это были прекрасные люди! Было много и других. Все они продолжают жить в нашей памяти, в наших сердцах…

Говорят: «Незаменимых людей нет». Но кто заменит мне моих верных друзей-побратимов, какими были на протяжении многих десятилетий Михаил Алексеевич Китаев и Анатолий Иванович Мельчин и другие, названные здесь, которых уже нет в живых?

…В Ленинграде нас всегда принимали добросердечно, с открытой душой Мария Гавриловна и Прасковья Гавриловна Путиевы – родные сестры Ульяны Гавриловны – мамы Нины Тимофеевны.

Каждая встреча с ними была праздником, радостным, незабываемым, неповторимым.

Когда ездили по туристическим «или служебным» делам, – останавливались в гостиницах «Смольнинской», «Советской» или «Московской». Места нам всегда обеспечивал Геннадий Михайлович Гусев. Я уже писал об этом. А в свободные вечера и выходные дни неизбежно проводили у Марии Гавриловны или Прасковьи Гавриловны, или у Ларисы, – в их квартирах или на даче.

Чудное было время наше, советское, счастливое…

Теперь уже нет в живых ни их самих, ни мужей. Осталась одна Лариса – дочь Марии Гавриловны, двоюродная сестра Нины, да её дочь Марина, да прекраснейшая внучка Катя…

Ни единожды и в первой свое книге трилогии, и в предыдущей главе «Слово о сыне» я упоминал Аню Голуб – мою

двоюродную сестру по маминой линии, а также её семью.

Самое время сказать о них и здесь: во всех трудных случаях, возникавших в нашей жизни, и в советские и в постсоветские годы мне приходилось обращаться к Ане, а еще чаще к её мужу Николаю Леонидовичу Крылову по различным вопросам. Но больше всего – по лечебным.

…Детские и школьные годы Аня прожила с родителями и братом – моим тезкой Ваней в Донбассе, в Никитовке. После школы Ваня, закончив политехнический институт, стал инженером, жил в Донецке. В послевоенные годы встречались с ним всего один-два раза. Последний раз он навестил нас в Краснодаре где-то в начале восьмидесятых. А на рубеже веков его не стало.

Аня училась в Харьковском медицинском институте, на педиатрическом факультете. Вышла замуж за Николая Крылова, который окончил лечебный факультет этого же института годом раньше.

Кстати, судьба распорядилась так, что они родились не только в один год, но и в один день – 21 января 1929 года. (Как и я, они сейчас уже ходят «в восьмидесятниках»)…

Коля стал профессиональным военным врачом. Его жизнь можно назвать подвижнической. Он отдал военно-медицинской службе шесть десятилетий.

Армейская служба бросала его по многим местам: сначала в Закарпатье; затем – в Ленинград; потом – в Венгрию, в группу советских войск, а после – в Казахстан. Там он возглавлял медицинский отдел военного округа. И, наконец, более трех десятилетий был начальником главного военного госпиталя имени Н. Н. Бурденко.

Николай Леонидович – прекрасный врач и организатор медицины. Доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РСФСР. Высоко порядочный и высоконравственный человек. Его военную судьбу всецело разделила и Аня.

К слову, их сын, тоже Николай – тоже уже доктор медицинских наук, профессор. Врачом стала и дочь Виктория. И их дети (уже внуки Анны Яковлевны и Николая Леонидовича) тоже пошли по их стопам. Правда, не все…

Речь здесь, главным образом, об основателях медицинской «династии» Крыловых. Их жизнь достойна подражания. На них (!) равнение. Они и сегодня правофланговые в своей медицинской «династии». И хотя жестокие недуги основательно «подкосили» обоих, сейчас, говоря военной терминологией, они «годны только к нестроевой», но Николай Леонидович и ныне «не в обозе», а «на переднем крае». Продолжает трудиться там же, в главном

военном госпитале России.

…Я бесконечно благодарен им за приют и уют, который они нам всегда дарили. А особенно, за внимание к здоровью моему и сына…

Отпускные маршруты пролегали и в Туапсе – к маме, сестре и её семье; к верным друзьям нашим – Ивану Васильевичу и Таисии Акимовне Колпащиковым; к Василию Степановичу и Марии Тимофеевне Романченко; к Олегу Дмитриевичу и Ольге Павловне Гуцаловым.

Многие годы мы находили «приют и уют» в туапсинских здравницах, у Черного моря – от Джубги до Шепси…

Всегда с открытой душой нас принимал сказочный Сочи: дом-музей Николая Островского; здравницы города; спортивная база «Спартака», которой заведовал Анатолий Артемович Демерчи; квартира Зинаиды Тимофеевны Козловой.

В Белореченске с неизменной искренней теплотой и любовью нас встречали родители Нины – Ульяна Гавриловна и Андрей Данилович, а также семья его сестры Татьяны Даниловны: муж Василий Андреевич, сын Владимир и дочь Людмила.

В Минеральных Водах нас гостеприимно принимала Галина Фролова (по мужу Кулакова) – приемная дочь незабываемых Андрея Кузьмича и Апполинарии Логвиновны.

В Кисловодске мы были всегда рады встрече с Диной Николаевной Князевой – сестрой милосердия в цэковском санатории, поставившей меня на ноги после тяжелейшего двустороннего воспаления легких.

В Смоленске о нас заботилась семья выпускницы Кубанского государственного университета Аллы Антоновны Барановской: муж Слава, сын Сережа и дочь Аня…

В Новороссийске меня радушно принимали Яков Григорьевич и Фрида Семеновна Швыдковы. Яков Григорьевич работал здесь первым секретарем горкома КПСС. С ним рядом я прошел все одиннадцать лет жизни и работы в Туапсе…

Родными и близкими, как и они сами, были для нас их дочери Наташа, Галя, Оля. Все трое окончили институт, вышли замуж. Из их мужей я хорошо знаю только мужа Наташи – Олега Паламарчука, моего юного коллегу по профессии и лекционной пропаганде…

Освобождение Якова Григорьевича от должности первого секретаря Новороссийского горкома КПСС и перевод на пост начальника Краснодарского управления Главнефтеснаба РСФСР было неожиданным и необъяснимым. Не только для многих, знающих его, но и для него самого.

В этой должности он работал с 1974 по 1986 год. В

Краснодаре и сошлись снова наши пути с ним и его семьей…

В Ростове, пока был жив незабвенный герой войны Андрей Кузьмич Фролов, мы, как правило, гостили у него. А после – у А.И. и В. С. Козловых.

Да, это тоже самые-самые зовущие и манящие к себе адреса. Да разве всех назовешь…

Мама – Варвара Семеновна Осадчая, 80 лет.
Любимое дело – выращивание цветов.

Мама – в центре; сестра – Мария Павловна и её муж Иван Леонтьевич.

Мария Павловна (Осадчая) Кравченко с мужем Иваном Леонтьевичем в Сочи.

Мария Павловна Кравченко с сыном Володей в Сочи.

В Белореченске, в гостях у родителей жены – Ульяны Гавриловны и Андрея Даниловича Шевченко.

Крайние справа: Ульяна Гавриловна и Андрей Данилович, далее его сестра Татьяна Даниловна, её муж Василий Андреевич, сын Володя, дочь Люда и бабушка.

Coun-5
18.9.82

Иван и Нина Осадчие (на балконе) в доме отдыха «Автомобилист».

В санатории на Кавминводах

Крайняя слева Дина Николаевна КНЯЗЕВА, медсестра

Кисловодского санатория с подругами по работе.

Михаил Алексеевич КИТАЕВ (на заднем плане) с родителями.

Михаил Алексеевич и Татьяна Сергеевна Китаевы.

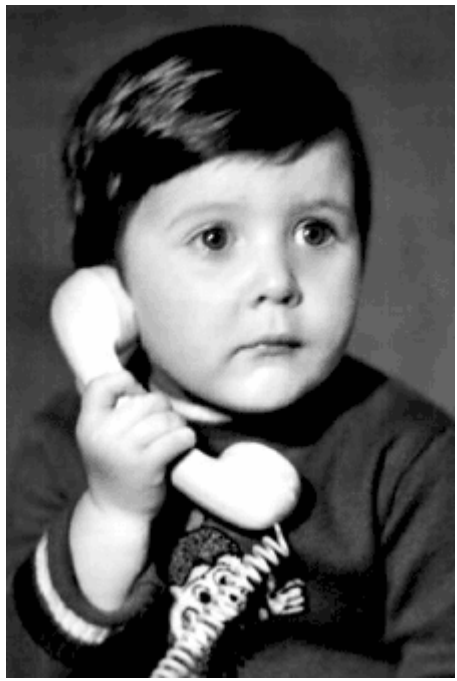
М. А. Китаев с сыном Сергеем и внуком Мишей.

М.А. и Т. С. Китаевы с внуком.

Анатолий Иванович и Лидия Максимовна Мельчины.

Волик Мельчин старший сын.

Их доченька Наташа



Семья Тхагушевых.

Сидят: Таисия Семеновна и Нух Ахмедович Стоят их сыновья: Игорь (справа) и Виталий (слева).

Нух Ахмедович ТХАГУШЕВ, профессор Кубанского сельскохозяйственного института.

Игорь Тхагушев с супругой Таней Шумилиной.

Руслан Игоревич ТХАГУШЕВ

Сестры мамы Нины Тимофеевны Осадчей

Мария Гавриловна ПУТИЕВА

Прасковья Гавриловна ПУТИЕВА (Чиркова)

Лариса ПУТИЕВА (Рылькова) двоюродная сестра Нины Тимофеевны.

Иван и Нина Осадчие на Пискаревском кладбище.

Иван, Нина и Коля Осадчие на экскурсии в Петергофе.

Выпускники истфака РГУ. Справа налево: А. Козлов, В. Трофименко (Козлова), А. Седлецкий, Коля Осадчий, И. Осадчий, З. Алекса. 1962 г.

Яков Григорьевич ШВЫДКОВ, первый секретарь Новороссийского горкома КПСС (слева).

Яков Григорьевич и Фрида Семеновна Швыдковы в пенсионные годы…

В станице Брюховецкой. Слева направо: А. А. ВЛАСЕНКО, первый секретарь Брюховецкого райкома КПСС; Н.Т. и И. П. ОСАДЧИЕ… 1978 год.

Отдельной строкой о Трифоновых

…О тех самых, которых я уже называл в сюжете «Медовый месяц Вячеслава Старшинова» в книге «Время нашей молодости», о родителях и сестрах его прекрасной жены Раи – Раисы Ивановны. Только не получится «отдельной строкой». По долгу памяти, по велению сердца и совести я хочу особо рассказать о них, – милых, добрых, незабываемых и незаменимых: об Иване Яковлевиче и Аграфене Васильевне, их дочерях Люсе – Людмиле Ивановне и Тане…

Обо всем, что хранит память и сердце, рассказать невозможно. Их квартира в Нагатино, на улице Судостроительной, стала для нас в 60-80-е годы ушедшего в историю XX века «родным домом», а они сами навсегда остались в нашей памяти среди самых безупречных и близких людей, отличавшихся душевной красотой, нежностью и щедростью,

простотой и непосредственностью. Мы бесконечно благодарны судьбе, подарившей нам встречи с ними… Расскажу о двух-трех самых памятных сюжетах из многолетней летописи наших отношений.

…7 августа 1971 года. Суббота. Это день моего 44-летия. Дата не круглая, не юбилейная. Но все равно о ней нельзя умолчать в кругу близких, прекрасных людей. И не отметить…

Спасаясь от зловредной амброзии, я уже много дней в Москве. Вдвоем с 14-летним сыном Колей, перешедшим в седьмой класс, – не только с моей кровинкой, но и безупречным другом. Живем у Трифоновых. Здесь атмосфера домашняя, самая непринужденная…

В дни футбольных матчей «Спартака» (и основного состава, и дублеров) мы с Колей – на стадионах Москвы или в Тарасовке – главной обители самой народной команды.

В том памятном 1971 году, как раз на день моего рождения, выпал финал Кубка СССР по футболу: «Спартак» (Москва) – СКА (Ростов-на-Дону). Накануне посоветовались со Старшиновыми и Трифоновыми и решили: после праздничного обеда по случаю моего дня рождения, над которым усердно хлопотала неутомимая Аграфена Васильевна, едем в Лужники. Нина тоже приурочила свой приезд в Москву к этому дню. Поезд приходил в Москву рано утром. И чтобы ее встретить, я выехал первой электричкой метро. Но все равно опоздал. Нашел Нину на платформе, к которой прибыл ее поезд: так условились по телефону. Увидел ее издали и ускорил шаг. Подошел ближе и… ахнул: «на ней лица нет». Уставшая, измученная, почерневшая; по щекам катятся слезы.

– Беда у меня, – тяжело вздохнув, тихо проговорила Нина. – И разрыдалась…

– Что случилось? – с тревогой спросил я, подумав о самом страшном – о смерти кого-то из её близких…

Но услышал в ответ: «Меня обокрали». И от сердца сразу отлегло. А Нина еще сильнее заплакала…

– Подумаешь, обокрали. Я, увидев тебя, подумал, что случилось непоправимое горе… Подумаешь, обокрали. Зачем же так изводить себя?..

Нина продолжала навзрыд плакать, не имея сил остановиться:

– Всю дорогу проплакала. Не могла успокоиться… Две ночи не спала. Ведь я осталась в одном халате…

– Ну и что? Эта беда легко поправимая. Главное – жива-здорова. Поедем сейчас на ярмарку в Лужники и все купим: одежду, обувь, чемодан. Успокойся. А чтобы «излить беду» и

«облегчить душу», расскажи, что и как случилось…

– Поезд уходил из Краснодара в час ночи. Меня провожал Юра Пеницын (это мой товарищ по работе в университете, верный, надежный, отзывчивый). Он занес в вагон чемодан и поставил на мое место, пожелал счастливого пути и поспешил к выходу, забыв отдать мне билет. Я тут же спохватилась и бросилась к открытому окну: «Юра! Юра!» Но его нигде не было видно. Исчез в темноте. В вагоне тоже света не было. Темень – глаза выколи…

Поезд тронулся. Я обернулась к своему месту – чемодана нет. Бегом к проводнице. Она мгновенно нажала «стоп-кран». Вызвала милицию. Но тут же предупредила: «Вам придется сойти с поезда. Без билета не повезу. Не имею права…» Я пыталась объяснить ей, что билет остался у провожатого. Но она и слушать не хотела: «Выходите». Помог работник милиции. Он безуспешно пытался найти чемодан в поезде. Составил протокол допроса и сказал: «Будем искать». Попросил проводницу отвезти меня в Москву. Та согласилась. Вот так я и приехала…

В чемодане у меня были все мои вещи: одежда, обувь – летняя и осенняя. А я осталась в том, что на мне: в халате и в комнатных тапочках. У меня же месячная практика со студентами в Ленинграде. В чем же я поеду? – сокрушалась Нина, продолжая плакать. Слезы градом катились по её щекам…

– А деньги? – как можно спокойнее спросил я.

– Деньги были у меня в руках. Деньги целы.

– Тогда вообще незачем горевать. Плюнь на все. Возьми себя в руки. Успокойся. Люди подумают, что я виноват в твоих слезах, чем-то тебя обидел. В Ленинград с тобой не поеду. Останусь с Колей в Москве. Значит, расходы будут меньше. А сейчас едем в Лужники. Там на ярмарке купим все необходимое: от нижнего белья до плаща. И обувь тоже…

Долго уговаривать Нину не пришлось. Она согласилась со мной. Да другого решения и не было. Я только попросил ее: «Надо позвонить по автомату Трифоновым и Коле. Они ждут нас к завтраку».

А Нина опять заговорила о своей беде:

– Я ведь взяла с собой и бутылку армянского коньяка, и закуску… – помидоры и прочее. Все осталось в чемодане… – И снова расплакалась.

– Да успокойся же. Сколько можно? Побереги сердце, умоляю тебя.

И она притихла, взяла себя в руки.

…Полчаса спустя мы уже были с Ниной в Лужниках. Оттуда я позвонил Трифоновым, в нескольких словах рассказал о

случившемся и попросил не ждать нас к завтраку.

Часа за два купили Нине все самое необходимое, начиная с чемодана. И одежду, и обувь, и парфюмерию. Только после этого Нина малость успокоилась. И мы поехали к Трифоновым. Добрались к обеду. Они стали участливо расспрашивать Нину: что да как? Но это ее снова расстроило. И опять полились градом слезы… Нина продолжала оставаться в стрессовом состоянии. Чем больше ее утешали, – тем сильнее она горевала…

После обеда я решился сказать Нине:

– Сегодня в Лужниках «Спартак» играет в финале Кубка СССР. Билеты взяты. Едут Иван Яковлевич, Аграфена Васильевна, Люся; мы с Колей тоже собрались. Я ждал, что скажет Нина.

– Я тоже поеду. Может, на людях скорее успокоюсь, – без уговоров согласилась Нина. Она понимала, что для нас значит эта игра…

И вот мы в Лужниках, на Западной трибуне, заполненной до отказа. Великолепное зрелище! В летний, теплый солнечный день видеть перед собой ликующую массу болельщиков, сверкающих всеми цветами радуги… Красотища непередаваемая. Да еще на всех трибунах – море ласкающих взор красно-белых спартаковских знамен, флагов, флажков, вымпелов. Звучат трубы и барабаны…

На стадионе к нам присоединилась Рая Старшинова. Славе что-то помешало прийти и он решил смотреть матч по телевизору.

– Какое великолепие! – в один голос воскликнула вся наша «семерка». И Нина тоже…

Красота, помноженная на безграничную радость и волнение стотысячной аудитории, – это ни с чем не сравнимое состояние. А впереди – игра! – Главное на этом необыкновенном празднике… Все присутствующие спартаковские болельщики жили единым чувством, единым желанием, одним порывом: отдать свою душу и сердце любимой команде, добиться вместе с ней желанной победы…

Встреча началась без разведки. Уже на третьей минуте… ростовчане забили гол в ворота «Спартака». К счастью, спустя три минуты Галимзян Хусаинов неотразимым ударом сравнял счет. Затем весь первый тайм и начало второго прошли в тяжелой позиционной игре, при заметном преимуществе «Спартака». Но… на 68-й минуте СКА снова повел в счете – 1:2.

Вот здесь и проявился знаменитый спартаковский характер и неудержимая воля к победе. Спартаковцы непрерывно мощно атаковали, и армейцы, игравшие осторожно и расчетливо, явно на удержание счета, – с большим трудом сдерживали натиск

спартаковцев. К тому же, на стотысячном стадионе девять из десяти были спартаковские болельщики.

Азарт игры и фанатизм болельщиков, напряженная ситуация на поле взяли «в плен» и Нину. Я был очень рад и отметил для себя, что игра захватила ее. Позабыв о беде, она жила одним настроением со всеми спартаковскими болельщиками, неукротимой жаждой победы любимой команды. Футбол вывел её из стресса…

Но, чтобы победить, спартаковцам надо было сравнять счет. А мяч, словно заколдованный, не шел в ворота СКА…

До конца игры осталось десять минут… Осталось пять минут… Пошла последняя минута игры. А счет на табло оставался тот же – 2:1 в пользу СКА…

Стадион неистово ревел. Последние минуты вся стотысячная аудитория смотрела игру стоя: девяносто тысяч болельщиков «Спартака» надеялись на чудо, на его способность сравнять счет; десять тысяч болельщиков СКА уже жили победой их команды…

Таяла последняя минута матча. Оставались считанные секунды. И… О, Счастье! Чудо свершилось! За 20 секунд до финального свистка! Правый защитник «Спартака», многоопытный Геннадий Логофет прорвался по своему флангу и ударил почти с нулевого угла… Вратарь армейцев Кудасов, видимо, собирался выйти на перехват. Но просчитался… Дело в том, что Логофет относительно вратаря бил в нижний угол, около противоположной штанги… – 2:2! Неповторимый, фантастический гол!!! Ликует стадион! В шоке СКА и его болельщики. И… двадцать секунд до конца игры. Обескураженные ростовчане начинают с центра поля. И тут же звучит свисток арбитра, извещающий об окончании основного времени матча. Но не финальной кубковой встречи…

В дополнительные полчаса (два тайма по пятнадцать минут) счет не изменился. На следующий день была назначена переигровка. Но после случившегося в первом матче, психологическое преимущество было на стороне «Спартака».

Уходить со стадиона никто не хотел. Все ждали продолжения Чуда. Стадион ликовал. Болельщики обнимались, целовались. Пели. Плясали. Скандировали: «Спартак молодец!», «В Союзе нет еще пока команды лучше „Спартака!“» Радовались и мы. Обнимались, целовались. Вместе со всеми кричали «Ура-а-а!!!»

…В радостном настроении возвращались домой. Вечер стал для нас двойным праздником. Во-первых, его подарили спартаковцы. Во-вторых, отмечали мой день рождения.

Все Трифоновы – люди высочайшей порядочности, душевной красоты, бесхитростной искренности и подкупающей

непосредственности…

Тон задавали старшие: Иван Яковлевич и Аграфена Васильевна. Мы боготворили их. И они нас, как мне казалось…

О беде Нины как-то все словно забыли и не вспоминали. И она тоже.

Сколько раз – не упомнить! – футбол излечивал недуги и погашал беды…

За вечерним застольем я повел разговор о завтрашней переигровке финала Кубка. Трифоновы в один голос сказали: «Нет. В понедельник – рабочий день. Посмотрим по телевизору». Но наше «К.И.Н.О.» дружно решило: «Конечно, едем…»

Рано утром мы отправились с Колей в Лужники, в кассы стадиона. Билеты взяли без особого труда, хотя очередь была километровая. Работали все кассы. Вернулись домой. Подкрепились. И уже втроем отправились на стадион. В победе «Спартака» в повторном матче мы не сомневались. Но футбол, как показал и вчерашний субботний матч, – игра не предсказуемая.

Преимущество «Спартака», игравшего с достоинством, собранно, ответственно, надежно и с хорошим настроением, воплотил в трудовой гол полузащитник Николай Киселев, успевший к неудачно отбитому вратарем мячу, и ударил наверняка. Гол оказался единственным в игре. В дальнейшем спартаковцы не выпускали игру из-под контроля и довели до победы. Хрустальный Кубок получил капитан «Спартака» Галимзян Хусаинов. На круге почета «Кубок» передавался игроками из рук в руки, пока не дошел до главного «виновника» – главного героя матча Геннадия Логофета.

Кстати, шесть лет назад, в августе 1965 года, именно он был капитаном «Спартака», и ему был вручен Кубок СССР по футболу. Нес он его, совершая круг почета, сильно прихрамывая. В той игре, в 1965 году, он, получив серьезную травму, как настоящий боец, не покинул поле. Тогда финал Кубка тоже был двухдневный. Стало это известно только в конце первого, субботнего матча, который закончился с ничейным счетом – 0:0.

А на воскресенье была назначена свадьба Геннадия, куда приглашались все родственники его и невесты, и вся спартаковская команда. Из-за переигровки свадьбу пришлось отменить. Так что еще невестой избранница Геннадия поняла, что футбол «требует жертв». Но все же чаще дарит радость и вдохновение. Его приносят победы любимой команды. Как было и на этот раз, в августе 1971 года…

Жаркое лето 1972 года. Копаново, на Оке. Безошибочно помню, что 1972 год отметился неимоверной жарой. По всему

Подмосковью полыхали пожары: горел лес и торфяники. Москва много дней была окутана дымом. Дышать было нечем. Спасения от жары и угарного дыма нигде не было. Убегая от краснодарского пекла, мы приехали в Москву. Но попали, точно как в известной поговорке: «Из огня да в полымя…»

Обычно, собираясь в отпуск, мы заблаговременно определялись: где и как его провести. В Подмосковье или в самой Москве. На этот раз какая-то «спица в колесе» дала сбой и внесла замешательство в наши планы.

Перед отъездом из Краснодара, как это было не раз, я созвонился с Леонидом Васильевичем Шовским, начальником Главного Управления вагонного хозяйства Министерства путей сообщения СССР, бывшим руководителем Туапсинского отделения Северо-Кавказской железной дороги и членом бюро Туапсинского горкома КПСС. Он в считанные минуты забронировал нам номер в гостинице на стадионе «Локомотив» в Черкизове, как я и просил. Там мы и поселились. Но пробыли всего ночь: за окном гостиницы круглые сутки громыхали поезда. Уснуть было невозможно… Мы вынуждены были искать другую гостиницу.

Много раз приходил нам на помощь Геннадий Михайлович Гусев в решении гостиничной проблемы в Москве и в Ленинграде. На этот раз чуть было не случилась осечка. Как никогда московские гостиницы оказались переполнены. И «экспромт» получился с трудом. В гостинице «Минск» была бронь для приезжавших на похороны родственников и друзей умершего писателя. Фамилию его я уже не помню. Вот в эту «бронь» Геннадий Михайлович включил нас. Поселили в «Люксе». Дороговато, но со всеми удобствами. Однако в первые же часы мы поняли, что в этом номере, выходившем окнами на главную улицу Москвы, носившую тогда имя Максима Горького (ныне Тверская), – нам не то что уснуть, но даже смотреть телевизор было невозможно. Круглые сутки с ревом и грохотом непрерывным потоком шли машины. От Охотного ряда к площади Маяковского улица идет на подъем. Невыносимый шум заглушал телевизор. Даже разговаривать было трудно: друг друга не слышали. Не только мы, взрослые, не могли уснуть, но и пятнадцатилетний Коля. В результате скоро все трое маялись головными болями, не зная, где найти спасение.

В три часа ночи пошли к администратору и слезно упросили перевести нас из этого жестокого «люкса» – куда угодно – хоть в подвал, хоть на чердак, в любой номер, выходивший во двор. Дали нам одноместный на троих. Матрац стащили на пол и улеглись на нем все трое. Однако очень скоро нас, не успевших

уснуть «мертвым сном», как нам хотелось, достал какой-то грохот. Оказалось, что наш номер – над рестораном, где гудят мощные холодильники. А с пяти утра стали приезжать машины с продуктами. Шум, крики. Ужас…

Дождавшись утра, мы сбежали из этой комфортабельной гостиницы…

Куда? – Конечно, к Трифоновым. На наш звонок ответила Аграфена Васильевна:

– Хватит вам «дурью маяться» по гостиницам. Сейчас же приезжайте к нам. Я завтра уезжаю в деревню, на Оку, к сестре Ивана Яковлевича. Хотите – оставайтесь в Москве, в нашей квартире и живите, сколько вам надо. А хотите – поедем вместе на Оку. Приезжайте, решим, как вам лучше…

– О чем думать? – Едем с Вами.

Путь в Копаново, в деревню, где жила одинокая сестра Ивана Яковлевича – Матрена Яковлевна – не простой. Из Москвы до Рязани – электричкой. Из Рязани – каким-то ночным пригородным поездом до Шилова. Там пересаживаемся на теплоход и на нем по Оке – до места назначения. В общей сложности добирались полтора суток.

В Москве основательно запаслись продуктами. Не только колбасой, консервами, сыром, маслом, но и сахаром, крупами, макаронами. «Все пригодится в деревне», – пояснила Аграфена Васильевна. Так что сумок, рюкзаков, чемоданов хватило с избытком на всех четверых, по два-три места на каждого.

Матрена Яковлевна встретила нас приветливо, с душевной крестьянской простотой: «Живите сколько угодно. Отдыхайте. Всем, что в саду и в огороде, – пользуйтесь как своим. Только молоко придется покупать у других. Я корову не держу…» – извинившись, завершила она свою приветственную речь…

Копаново – деревня и крестьянская, и «дачная». Испокон веков сюда приезжали горожане на отдых. Многие «дачники» здесь уже купили домики, в которых жили в летние месяцы. А кое-кто – и круглый год. Но большинство жителей – крестьяне. И Матрена Васильевна тоже. Она в Копаново – знатная женщина. Во время Великой Отечественной войны председательствовала в местном колхозе. Но после объединения с соседними колхозами здесь остались только две бригады: полеводов и животноводов…

А вообще – место изумительное. Деревня – на берегу широкой, полноводной Оки. Вокруг – лесные массивы. Тишина. Свежий воздух. Благодать…

Места у Матрены Ивановны хватило на всех. Одна была беда: несметные полчища комаров, голодных и злых. Обитали они, видимо, круглый год в подполе. И оттуда, особенно ночами,

обрушивались на нас. Ад! Но… деваться некуда. От них нигде спасения не было.

Ничего. Перетерпели это зло. Досыпали днем на Оке или на лесной поляне. Да и в избе днем комары были не столь наглые…

Во всем другом – месяц в Копаново запомнился с наилучшей стороны. Не только природой и тишиной. Но и крестьянской едой. И варениками с вишнями Матрены Яковлевны. И молодым картофелем со свежими и малосольными огурчиками и помидорами с ее же огорода. И вкуснейшим парным молоком, которое ежедневно брали у местных жителей. И рыбой, которую покупали у рыболовов. И не только покупали, но и сами ловили. Удочками на червяков. Правда, удача пришла только раз Нине. Принесла трех хороших окуньков (один – больше ладони. Два других – поменьше). До сих пор сомневаюсь, что Нина их поймала. Может, у рыбаков купила.

– Нет, – клянется. – Я сама наловила…

Не столь важно.

…За месяц деревню и окрестности изучили хорошо. Весь уклад жизни Копаново. Сложилось впечатление, что у всего трудоспособного здешнего населения, помимо приусадебного участка, два основных вида работы: женщины – доярки; мужчины – механизаторы. На каждую дойку женщины направлялись через Оку на лодках и так же возвращались домой. Туда и назад – с песнями. А мужчины занимались механизаторскими делами. На закате дня те и другие отдыхали – веселились на берегу Оки. Изрядно подвыпивши. Но так, мирно. Без драк и ругани…

Многие жители Копаново держали не только коров, но и коз, овец, кур, гусей. Забавно было видеть и слышать, как расходился по своим дворам скот, возвращавшийся вечерами с пастбищ.

Пастухи сопровождали скотину до окраины деревни, а дальше она большей частью самостоятельно, без хозяев, находила свой двор.

Один только баран, которого я нарек «Керей», до полуночи блудил по деревне, точно беспризорный, и блеял в поисках своего двора…

Летние дни – длинные. Много часов на речном пляже ежедневно в течение целого месяца не пролежишь. Тянуло в тень, в лес. И почитать что-нибудь…

У меня в отпуске всегда была работа: я брал с собой чемодан архивных документов и материалов. И с ними отводил душу. Сочетал приятное (отдых) с полезным – научной работой.

У Нины всегда, и в отпуске тоже, «забот полон рот»: готовить завтраки, обеды, ужины; стирать, гладить, убирать…

А Коле было скучно. Взятые книги за неделю он прочитал. А

что дальше? В Копаново библиотеки не было. Узнали у Матрены Яковлевны, что библиотека есть в деревне Свинчус, в десяти километрах от Копаново. Туда и ходили. Десять километров туда, десять – обратно. Дважды побывали в Свинчусе: один раз брали книги, другой раз – сдавали их.

…Но самым интересным отдыхом был футбол. Мяч мы привезли с собой. Всего нас было четыре игрока. Поделились на две команды. Нина и я выполняли роль вратарей и защитников. Коля и Аграфена Васильевна – в нападении. Любо-дорого было смотреть, как виртуозно Аграфена Васильевна обращалась с мячом: умело обводила, обыгрывала; точно и смело била по «воротам». Удержать ее и уберечь «ворота» было практически невозможно. А ведь ей шел уже шестой десяток.

– Аграфена Васильевна, где Вы научились так здорово обращаться с мячом, играть в футбол? – не раз спрашивал я.

Она отшучивалась, отмахивалась от моего вопроса, но однажды все же рассказала:

– Я вырастала в небольшом городе. И во дворах мяч был едва ли не единственной забавой. И мальчишек и девчонок. Неважно, какой – тряпичный или резиновый; и даже не мяч, а какая-нибудь обструганная деревяшка или обглоданная косточка. Там и научилась…

Прошли десятилетия с той поры. Но все помнится… И Ока, и лес, и изба Матрены Яковлевны. И она сама. И беспризорный «Керя». И парное молоко, и вареники с вишнями, и молодой картофель с настоящими, вкуснейшими помидорами и огурцами, которых сейчас нигде не отыщешь: все отравлено, испоганено; гибридное, импортное…

Таким запомнилось мне жаркое лето 1972 года. И деревня Копаново на Оке, между Рязанской и Горьковской (Нижегородской) областями…

Счастливой стала для нас квартира Трифоновых и летом 1975 года. Этот год для нашей семьи был особо волнующим и значимым: Коля поступал на философский факультет МГУ. И хотя в активе у него была золотая медаль за среднюю школу, и потребовалось сдавать только один экзамен по истории СССР, все равно и он, и мы, родители, не меньше сына переживали за исход экзамена. Об этом я уже рассказал подробно в главе «Слово о сыне». Здесь упоминаю потому, что к успеху причастны и Трифоновы. На лето все они разъехались на отдых кто куда. А квартира была предоставлена нам в полное распоряжение…

Сколько лет и событий, хороших и разных связано с этой гостеприимной квартирой. Были и грустные дни, когда меня

именно отсюда «скорая помощь» увезла в тяжелом состоянии с высокой температурой и с предварительным диагнозом «брюшной тиф» в инфекционную больницу. К счастью, диагноз не подтвердился. Но квартиру Трифоновых – и мебель, и постель санэпидстанция успела «обработать» так, что едкий запах держался много дней…

Но это был исключительный случай. В абсолютном большинстве своем семья Трифоновых и их квартира дарили нам радость и хорошее настроение…

«Обязательность… до абсурда»

Сколько себя помню, я старался с самых ранних детских лет быть обязательным всегда и во всем… В малом или в большом деле… В общественном или в личном… За мной, с легкой руки незабываемого Владимира Павловича Фролова, навсегда закрепилось в качестве похвального прозвища – «обязательный человек». Я гордился этим и старался быть достойным такого звания. Даже если речь шла о частном вопросе.

Расскажу один, особо запомнившийся мне случай. Тем более что он связан с семьей Трифоновых. Точнее, с Иваном Яковлевичем. Как правило, идя к Трифоновым (один или с семьей), я брал с собой бутылку армянского коньяка (он в советское время был действительно лучшим) и торт. Это было для нас нормой. Не идти же с пустыми руками?

И вот однажды, когда мы уже совсем освоились и породнились, Иван Яковлевич возьми да и скажи: «Что ты все носишь эту „мочу“, – и показал на коньяк. – Не люблю я его. Если уж хочешь придти с бутылочкой, то бери лучше „беленькую“. Люблю „столичную“ или „московскую“». Его поддержала и Аграфена Васильевна. Я, естественно, запомнил это «наставление»…

Спустя год или два, мы с Ниной – снова у Трифоновых. Как-то получилось, что в один из выходных дней (скорее всего, в субботу), я утром отправился из Нагатино в Библиотеку имени Ленина (там накануне мною были заказаны книги из «закрытого фонда». Надо было их получить, чтобы не вернули назад в хранилище). Управился быстро и позвонил Трифоновым: «Буду к обеду». И тут же – в гастроном в здании гостиницы «Москва» – за водкой и тортом. Прихожу и глазам своим не верю: водки на витрине нет. Спросил у продавщицы.

– Да, сегодня нет. И завтра не будет…

Поскорее – в гастроном в здании универмага на Красной

площади: «Там уж наверняка есть». Но и там водки в продаже не оказалось.

– Почему нет? – спрашиваю.

– Потому что – нет, – отвечают…

С Красной площади – на улицу Богдана Хмельницкого (ныне Маросейка). Оттуда – на улицу Чернышевского. Затем – по Чистопрудному бульвару на Кировскую (сейчас – Мясницкая). Нигде водки в продаже нет. Толком никто не отвечает: «почему нет». Один короткий ответ: «Нет» и «Нет». Наконец, в магазине на Сретенке объяснили: «В Москве водку не найдете. По субботам и воскресеньям продажа запрещена. Если очень надо, езжайте в ближайшую подмосковную деревню. Говорят, там можно купить…»

– Ах, вот оно что, – подумал про себя… А вслух добавил: «А я и не знал. Мы приехали с Кубани. У нас там никакого запрета нет».

Решаю: срочно на Ярославский вокзал и электричкой – в родную Тарасовку, где спартаковская база; там мы бывали множество раз. Чаще – вдвоем с Колей. А иногда и всем «К.И.Н.О.» Вспомнил, что там, совсем близко от железнодорожной платформы – магазин, в котором водка всегда есть разная и в изобилии. Мигом к телефону-автомату. Звоню Трифоновым: «Извините. У меня возникли сложности. К обеду не приеду. Обедайте без меня… Буду к ужину…»

– Нет, будем ждать. Управляйся со своими делами и приезжай.

– Не ждите. Смогу приехать только к ужину.

…И вот я уже в тарасовском продмаге. Радость какая: вся витрина заставлена водкой в ассортименте!

– Мне две «столичной», – обращаюсь к продавщице и протягиваю ей деньги.

– И этот туда же. Убирайся вон. По виду – интеллигентный человек. А, выходит, такой же забулдыга, пьянчужка несчастный, как наши тарасовские. Откуда ты такой, умник, взялся?

– Я из Москвы. Специально приехал. Я вообще-то не пью. Так изредка, по праздникам. Но сегодня у друга – день рождения, – присочинил я для убедительности. – С пустыми руками неудобно. А в Москве запрет – по субботам и воскресеньям водку не продают, – торопливо объяснил я ситуацию.

– И у нас запрет…

– Но я очень прошу войти в мое положение. Продайте две пол-литры. Не могу я уехать с пустыми руками.

– Еще чего!? Чтобы из-за тебя меня с работы выгнали? А ну катись отсюда. Иначе вызову милицию, чтобы тебя научили, что к

чему. Наши тарасовские алкаши понятливее тебя…

С этими словами продавщица стала снимать бутылки с полок и уносить в подсобку. Я постоял еще с минуту в надежде, что она снизойдет, войдет в мое положение. Но когда исчезла последняя бутылка, услышал: «Всё. Видишь – водки в продаже нет. Свои выпивохи не такие нахалы, как ты. Заставил уносить в подсобку».

И уже примирительно добавила: «Если очень надо, – приезжай в понедельник. И бери, сколько хочешь. А сейчас не могу…»

Комок в горле от неудачи. Но делать нечего – надо возвращаться в Москву с пустыми руками. В электричке озарила мысль: «Надо зайти в ресторан в гостинице „Москва“, там наверняка запрета нет. Как же я раньше об этом не подумал? Там, конечно, с наценкой, но все равно возьму».

Не знал я, что и этой, последней надежде не суждено было сбыться. В ресторане обратился к швейцару: «У вас водка есть?»

– А как же. Проходи, заказывай.

– Да мне бутылочку с собой. Может, возьмете для меня. Вот деньги.

– Нет, не могу. Запрещено. Попроси сам официантку или администратора. Может, сделают исключение.

Но ни официантка, ни администратор нарушать правило не стали: «На вынос нельзя. Запрещено».

Напоследок снова зашел в тот же «Гастроном» в гостинице «Москва». Увидел в продаже тридцатиградусную «Кубанскую». Взял пол-литру и торт. И поскорее к Трифоновым. Когда приехал, они… уже и поужинали.

– Что случилось? – хором спросили все Трифоновы вместе с Ниной.

Я рассказал подробно о своих «хождениях по мукам» …

Досталось мне, как говорится, «по первое число» за мою… «обязательность», доведенную до абсурда. И Ивану Яковлевичу попало, особенно от Люси: «Вот видишь, к чему приводит твоя откровенность: „Это не пью, это пью“. Он же ненормальный. Ему ничего нельзя говорить и ни о чем нельзя просить. Он „на край света“ пойдет, чтобы исполнить любую просьбу, любой каприз…»

Я заметил ей в тон: «И за край света…»

Заключительное слово взял Иван Яковлевич:

– Что же ты меня не спросил? Я бы тебе сразу сказал, что по субботам и воскресеньям водку в Москве не купишь. А если очень надо, то мы с тобой здесь, в нашем нагатинском магазине в любое время дня и ночи с «черного хода» хоть ящик возьмем. Дай только рубль за «услугу» …

В воскресенье его слова подтвердились. Пошли в ихний

магазин, с «черного хода». Иван Яковлевич вызвал продавщицу из винно-водочного отдела:

– Это мой друг. Хороший человек. Принеси ему две пол-литровки «Столичной». Очень надо. Больше нигде не смог купить. Специально сюда приехал.

Я дал продавщице деньги за две пол-литры и рубль «сверху». Через минуту получил желанную «Столичную».

– Я вам заверну, чтобы не видно было. Да никому не рассказывайте, где брали. А не то мне здесь не работать.

– Большое спасибо…

Вот так обернулась для меня моя «обязательность», доведенная до абсурда. А заодно обнажился и доведенный до абсурда «сухой закон», введенный в выходные дни в столице. Но это меня ничему не научило. Я остался неисправимо «обязательным» навсегда и во всех случаях жизни. И рад этому. И горд этим…

Летом 1972 года в Копаново на Оке. Иван и Нина Осадчие с Аграфеной Васильевной Трифоновой.

Они же перед «футбольным матчем». Копаново, 1972 г.

Послесловие к сюжету о Трифоновых

Наши братские, дружеские отношения с Трифоновыми продолжались до наступления чудовищной и гибельной горбачевской «перестройки», завершившейся величайшей трагедией для советской державы, для советского народа. Хотя заключительный удар по советской жизни и советской стране нанес уже другой ренегат-предатель, «выкормыш» «демократической» контрреволюции, взращенной горбачевщиной, – Е.Б.Н., то бишь, Ельцин Борис Николаевич.

…Последние две встречи с Трифоновыми, вернее два телефонных разговора, состоялись у меня в начале мая рокового 1991 года.

В те дни с группой ученых-экспертов и консультантов я работал по поручению ЦК КП РСФСР в штабе кандидата в президенты РСФСР от Компартии РСФСР, всех социалистических и народно-патриотических сил – Николая Ивановича Рыжкова, к которому всегда относился с безграничным уважением. Был в круглосуточном беспросветном напряжении…

В один из таких дней услышал по телефону знакомый голос:

– Здравствуйте, Иван Павлович. Это – Вячеслав Старшинов. У меня к Вам просьба. Помогите мне издать книгу…

– Слава, дорогой. Я готов для Вас сделать все, что в моих

силах. Но сейчас такое время, когда ни наша Российская Компартия, ни КПСС, в стране уже ничего не решают. Практически «бал» правит Ельцин. Все СМИ и издательства – тоже, кроме «Правды» и «Советской России», – в руках «демократов». Так что просьба твоя сейчас невыполнима. Если Рыжков победит и станет Президентом России, ситуация изменится к лучшему. А пока реально помочь тебе никак не могу. Если появится малейшая возможность – я непременно позвоню и помогу. Извини. Всем – самые лучшие пожелания…

К сожалению, возможность так и не представилась…

С августа 91-го, я уже оказался на «полулегальном положении». А в декабре того же года не стало и советской страны, да практически и Советской власти…

…Тогда же, в первые дни мая 1991 года, был еще звонок от Люси – Людмилы Ивановны Трифоновой. Печальный… Горестный…

– Папа умер. Похороны завтра. Если сможете – приезжайте. Папа Вас очень любил…

Что я мог ответить Люсе? Конечно, высказал самые глубокие соболезнования и сострадание, боль и горечь…

Но беспросветная круговерть, в которой я находился в те дни, настолько «спеленала» и держала меня в тисках, что на похороны бесконечно дорогого, родного и любимого Ивана Яковлевича выбраться не смог. О чем и сейчас сожалею…

А образ его бережно храню в памяти и в сердце моем. И Аграфены Васильевны – тоже. Как и вся семья. Помним их и встречи с ними. Все дни и годы той счастливой жизни, подарившей нам незабываемых, прекрасных и незаменимых людей, какими Трифоновы были в нашей судьбе…

* * *

Последний раз вдвоем с Ниной Тимофеевной мы были на отдыхе и лечении в подмосковном санатории «Энергия» в 1988 году. Путевки приобрели в профкоме Московского энергетического института. Помог нам в этом тот самый, легендарный, хоккеист, а впоследствии тренер московского «Спартака» Вячеслав Иванович Старшинов.

После успешной защиты кандидатской диссертации он стал работать в этом институте. Вскоре возглавил кафедру физкультуры и спорта…

Коля остался со своей семьей – с супругой и двумя дочурками Юлей и Катей отдыхать в Краснодаре.

Последний раз в советские годы я отдыхал один в подмосковном доме отдыха «Тучково» в 1989 году. Нина была занята организацией студенческой практики. А после нее отдыхала и лечилась в сочинском пансионате «Светлана».

После 1989 года, в последующие пятнадцать лет не было у меня ни отпусков, ни выходных. Весь был в тревогах и заботах о создании, а затем о спасении и возрождении российской Компартии. Было не до отдыха…

Глава шестая. Волшебная сила советского искусства

Советское кино – портрет эпохи, родник вдохновения

«Из всех искусств для нас важнейшим является кино».

В. И. Ленин

«Кино в руках Советской власти представляет собой огромную, неоценимую силу».

И. В. Сталин

Скажу сразу. Оставаясь реалистом, я не ставлю, за редким исключением, знак равенства между советской жизнью и советским кино. Ибо его назначением было не зеркальное отражение советской жизни, а показ ее такой, чтобы она вдохновляла советского человека на самое лучшее, самое светлое, самое доброе, самое героическое.

Советские режиссеры и актеры, как и авторы сценариев, знали ленинскую и сталинскую оценки роли и значения кино в жизни народа, знали «волшебную силу искусства», способную рождать мужество, высокую цель и стремление ее добиться. Потому и старались, чтобы кино отвечало своему великому назначению. Потому мы и имели то, что имели. Потому и сейчас мы с благодарностью смотрим советские фильмы, которые отражали жизнь, дух советского времени, приносили радость и вдохновение, побуждали на высокие и благородные поступки и действия.

Сюжеты и герои кинофильмов брались из реальной жизни, но, повторюсь еще раз, «волшебная сила искусства» талантливо показывала ее так, чтобы кинофильмы рождали себе подобных, учили жить жизнью полюбившихся кино-героев. Чем радостнее становилась советская жизнь, тем масштабнее и величественнее повествовало о ней советское кино…

Сами названия советских фильмов говорили о жизни: «Путевка в жизнь», «Светлый путь», «Большая жизнь», «Семеро смелых», «Сердца четырех». «Трактористы», «Богатая невеста», «Свадьба с приданым», «Свинарка и пастух», «Веселые ребята», «Валерий Чкалов», «Весна на Заречной улице», «Солдат Иван Бровкин», «Добровольцы», «Поезд идет на восток», «Учитель»,

«Сельский врач», «Педагогическая поэма», «Дорогой мой человек», «Неоконченная повесть», «Дело было в Пенькове», «Кубанские казаки», «Девчата», «Высота», «Музыкальная история», «Цирк», «Вратарь», «Первая перчатка», «Доживем до понедельника», «Разные судьбы», «И это всё о нём», «Большая перемена», «Всё остается людям», «Дом, в котором я живу»…

Я назвал только по памяти, и только те, которые в моей душе, в сердце – светлые, лучезарные, повествующие о новом советском мире, о советской жизни, отражающие саму жизнь советского человека во всех проявлениях.

Они приносили людям радость, оптимизм, высокие примеры, достойные подражания.

Нет ничего, даже отдаленного в современном кино и телефильмах «в цивилизованной», свободной, «ново-русской», «демократической» России. Да и не может быть иного в условиях криминального режима, в котором господствует жестокость и насилие, садизм, цинизм, фальшь, культ наживы, подлости, жадности, пошлости, разврата. Мы оказались в ином мире, о котором раньше слышали, но не верили. А теперь убедились…

За два десятилетия я не увидел ни в одном из «ново-русских» фильмов ничего светлого, доброго, жизнерадостного.

Экран полыхает от диких сцен, полных насилия, убийства, крови, пожаров, терактов, катастроф…

Словно из жизни исчезло все светлое. Ни людей, достойных примера, ни добрых дел, свершаемых ими, ни совести, ни чести, ни любви…

Да что писать: как в нынешней жизни, так и в кино, в СМИ, ставших СМОЛом – средством массового оглупления людей…

Вот он наяву самый демократический, самый свободный, самый цивилизованный образ жизни во всем омерзительном проявлении американского кино, со всей отвратительностью нравов, насаждаемых им во всем мире; беспросветность, вседозволенность, равнодушие, кошмары, кошмары, кошмары…

Вот, оказывается, какие эти «общечеловеческие ценности», которыми нас «кормили» годами и десятилетиями западные «буржуазные голоса»; вот, оказывается, куда нас звали обезумевшие от ненависти к Советской власти горбачевы, яковлевы, ельцыны, их сообщники, – такие же мерзкие и подлые, как их титулованные «вожди» – «отцы российской демократии», слуги мирового капитала.

Не хотел писать об этом – каждому теперь ясном и опротивевшем до тошноты. Да вот не удержался…

Пишу ведь я не о дарованной предателями «свободе» и «райской» жизни, а о нашей родной советской, отнятой у нас. И о

советском кино. Оно отражало не только реалии нашей тогдашней жизни.

На экранах советского кино мы видели всю нашу советскую историю, все ее этапы, пройденные нами за годы Советской власти. Она была не безликой. Кино показывало нам все, чем жила Отчизна, все главные события и свершения в советской истории…

Начиная от борьбы за власть Советов. Эти страницы истории отражены в замечательных фильмах о революции и ее защите в годы гражданской войны. По названиям фильмов можно было сразу понять, о чем и о ком они рассказывают: «Ленин в октябре», «Ленин в 18 году», «Незабываемый 19-й», «Оборона Царицына», «Чапаев», «Щорс», «Котовский», «Александр Пархоменко», «Сергей Лазо», «Камо», «Арсен», «Олеко Дундич», «Сердце Бонивура», «Кочубей»; «Трилогия о Максиме» – «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона»; «Волочаевские дни», «Хождение по мукам», «Шел солдат с фронта», «Как закалялась сталь», «Офицеры», «Тринадцать», «Тихий Дон», «Человек с ружьем», «Мы из Кронштадта», «Депутат Балтики», «Они были первыми», «Служили два товарища», «Любовь Яровая», «Оптимистическая трагедия», «Красные дьяволята» – первый фильм о неуловимых мстителях, «Белеет парус одинокий», «Железный поток», «Бумбараш», «Мальчиш-кибальчиш»… И снова называю только то, что крепко держит память…

«Мы устояли против всех» – с гордостью скажет Ленин о трудных первых годах молодой Советской республики, прошедших в борьбе и тревоге за Советскую власть.

…Потом пришли годы возрождения и преобразования страны, вдохновенные, зовущие к строительству нового мира. Кино раскрывало гигантские силы народа и возможности в социалистическом строительстве…

С этого времени величайший энтузиазм, вера в исполинские силы, непоколебимый оптимизм человека труда стали главными свойствами советских людей, советского народа.

Многие яркие, жизнеутверждающие кинофильмы этого времени я уже назвал. Но их недостаточно, чтобы представить себе сложность и величие всех тех задач, которые решались освобожденным трудом, Советской властью, ленинской партией коммунистов.

Вспомним их названия «Коммунист», «Цемент», «Директор завода», «Член правительства», «Комсомольск», «Днепрогэс», «Посол Советского Союза», «Поднятая целина», «Достояние республики», «Тени исчезают в полдень», «Вечный зов», «Хозяин тайги», «Две жизни», «Дочь Родины», «Командир корабля»,

«Далеко от Москвы», «Дерсу Узала», «У озера», «Начальник Чукотки», «Сотрудник ЧК», «Ночной патруль», «Цыган», «Человек родился», «Большая семья», – здесь весь спектр трудного и счастливого времени, осененного идеалами социализма…

Голосом огненных лет, несокрушимой веры в победу над самым сильным, коварным фашистским зверем заговорил советский кинематограф в годы суровых испытаний прочности советского строя, мужества и стойкости народа, познавшего радость строительства нового мира: «Бессмертный гарнизон», «Блокада», «Небо Москвы», «Дни и ночи», «Повесть о настоящем человеке», «Молодая гвардия», «Подвиг разведчика», «Освобождение», «Щит и меч», «Часы остановились в полночь», «Семнадцать мгновений весны», «Зоя», «Чайка», «Вызываем огонь на себя», «А зори здесь тихие», «Люди с чистой совестью», «Дума о Ковпаке», «Жди меня», «Секретарь райкома», «Они сражались за Родину», «Она защищает Родину», «Рядовой Александр Матросов», «Сын полка», «Секретная миссия», «В небе Покрышкин», «Генерал Карбышев», «Человек № 217», «Два бойца», «Живые и мертвые», «На безымянной высоте», «Помни имя свое», «На войне, как на войне», «Небесный тихоход», «В бой идут одни старики», «В шесть часов вечера после войны», «Баллада о солдате»…

Да разве все перечесть. Кинематограф внес свой, без преувеличения гигантский вклад в поистине всемирно исторический подвиг советского народа в Великой Отечественной войне, в немеркнущую победу над фашизмом, в спасение человечества от коричневой чумы…

«Поклонимся великим тем годам» и «маршалам своим и рядовым…» И фронтовикам, и героям тыла, в едином порыве превратившем нашу Советскую Родину в неприступную крепость и одержавшим немеркнущую победу…

А в нынешней России, где восторжествовали «общедемократические ценности», о новых заводах, фабриках, гидроэлектростанциях, о новых городах, возведенных на бескрайних просторах России, о новых героях труда, прославивших её, о новых асах, штурмующих небо, об исследователях Южного и Северного полюсов – ни о чем этом нет ни слова, ни звука.

Да ведь и говорить-то не о чем. Сам вчерашний Президент России Дмитрий Медведев громогласно признает, обращаясь к своим «ново-русским», «демократическим» собратьям: «Мы с вами еще ничего не построили, продолжаем проедать, транжирить, разрушать и раздаривать всё то, что построено в советское время…»

За два десятилетия не услышал ни одного радиосообщения о трудовых подвигах людей. Не увидел ни одной передачи, не говоря уже о кино и телефильмах, рождающих вдохновение, повествующих о трудовых рекордах и подвигах нынешнего времени.

Неужели и впрямь нет ничего этого в жизни? Не хочется верить. Скорее всего, ничего этого не хотят видеть нынешние президенты и премьеры, нынешние СМИ, нынешний кинематограф. Их волнует другое: судьба тех, кто является опорой «ново-русской» власти – финансовых магнатов, криминального капитала, удачливых бизнесменов. А больше всего им по душе «чернуха»: деспотизм, цинизм, насилие, кровь, разврат…

Не верьте лжецам, выполняющим волю нынешних доморощенных и зарубежных хозяев России, без устали сочиняющих гнусные небылицы, ложь и клевету на немеркнущий подвиг советской державы, советского народа, свершенный в годы социалистического строительства и защиты его завоеваний в жестоких сражениях в годы Великой Отечественной войны…

Пройдут годы, столетия. А этот бессмертный подвиг будет жить в истории и в памяти новых и новых поколений нашего Отечества.

«Правду не убить!» Вопреки всему – правда победит! И в этом тоже неоценимая заслуга всех, причастных к историческим, трудовым и ратным подвигам советского народа, возглавлявшей его партии коммунистов, осененных гением, мудростью, величием несокрушимой волей и стойкостью Иосифа Виссарионовича Сталина.

Мудрость Сталина и в том, что он, понимая значимость того, что является величайшей гордостью и силой нашей Отчизны, думал и делал все, чтобы сохранить в истории и в памяти всех поколений нашего народа имена и заслуги великих предков.

Огромный вклад в это внесла и советская литература, и советский кинематограф.

Советские люди не были «Иванами, не помнящими родства своего». И потому сами названия кино-шедевров, созданных в советское время более чем убедительно подтверждают это. Начиная с былинных чудо-богатырей, имена всех, кто своим трудом, своим умом, своим талантом, своим подвигом обессмертил Великую Русь. Все они были с нами во всей советской жизни. Мы гордились ими, как и нашими величайшими современниками. Мы учились у них мужеству, благородству, верности, долгу. Их имена и подвиги верой и правдой продолжали служить своему Отечеству. Из глубины истории они

пришли в советскую литературу, а из её страниц шагнули на киноэкраны, вдохновляя нас, людей нового мира, своими прекрасными творениями и подвигами: Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Петр Первый, Александр Суворов, Михаил Кутузов, адмиралы Нахимов и Ушаков. О каждом из них повествуют замечательные киноленты, созданные талантом советских писателей, кинорежиссеров и актеров.

Советские киноленты рассказывают и о вождях крестьянских восстаний: Емельяне Пугачеве, Степане Разине, Салавате Юлаеве; о легендарном покорителе Сибири Ермаке; о выдающихся исследователях Афанасии Никитине, Пржевальском, Миклухо-Маклае.

Героями нашего времени, наряду с великими государственными деятелями становились советские люди всех возрастов и профессий. Но помнили мы, почитали и славили и своих великих предков, прославивших Россию: гениальных ученых Ломоносова, Менделеева, Тимирязева, Павлова; гениальных поэтов Александра Пушкина, Александра Грибоедова, Михаила Лермонтова, Тараса Шевченко; гениальных писателей Ивана Тургенева, Льва Толстого. Николая Гоголя, Антона Чехова, Федора Достоевского, Максима Горького. И не только им посвящены советские фильмы. Советский кинематограф сделал достоянием советского народа и многие их произведения: «Дубровский», «Капитанская дочка», «Горе от ума», «Герой нашего времени», «Отцы и дети», «Война и мир», «Анна Каренина», «Ревизор», «Мертвые души», «Вечера на хуторе, близ Диканьки», «Человек в футляре», «Три сестры», «Идиот», «Братья Карамазовы», «На дне», «Мать», великое множество других.

Персональные советские кинофильмы рассказывали о жизни и творчестве великих композиторов Чайковского, Глинки, Мусоргского, великих художников: Репина, Васнецова, многих других…

В советских фильмах воспевались все поколения героев освободительной борьбы в России: декабристы и Герцен, революционные демократы, Чернышевский, Белинский, Добролюбов; народовольцы…

Всё это только для примера, чтобы напомнить, что Советская власть, советский народ чтили и гордились великими сыновьями России, отдавая им свою безграничную признательность и благодарность. Их жизнь, борьба, труд, творчество были ярчайшим примером для всех поколений советских людей, строивших и защищавших социализм.

Может нынешняя власть возразить против этого? Или в противовес назовет то, что создано в нынешней России

кинематографом за два десятилетия господства лжедемократов во славу великой отечественной истории, пусть даже не о советском времени, а о тех, кто жил и творил в досоветское время? Нет, похвалиться нечем. Ни желания для этого нет, ни средств не находится. Все заботы о том, чтобы не пошатнулся трон, не оскудели финансовые магнаты, криминальный капитал и все те, на ком держится нынешняя «ново-русская» власть.

И еще… Отвечу клеветникам всех мастей и оттенков зарубежным и своим доморощенным, морочащим головы баснями «о железном занавесе», о том, что советские люди были в полной изоляции, ничего не знали-не ведали о западной жизни, о западной культуре, литературе, кино…

А это что, «господа хорошие»?

На советском экране шло множество фильмов, созданных зарубежными киностудиями и нашим советским кинематографом. Только, как правило, они не об американском образе жизни, не о садизме и вандализме, насилии и жажде наживы, распутстве и растлении. «Прелести» «свободного» мира не находили понимания и поддержки в советское время. Память сохранила множество фильмов, отражающих мировую историю и мировую литературу: «Гаврош», «Три мушкетера», «Таинственный остров», «Дети капитана Гранта», «Хижина дяди Тома», «Приключения Тома Сойера и Гекльбери Финна», «Остров сокровищ»; фильмы с легендарным Чарли Чаплином: «Огни большого города» и «Новые времена»; «Большой вальс», «Дон Кихот», «Робинзон Крузо», «Путешествие Гулливера», «Маленькая мама», «Леди Гамильтон», «Джордж из динки-джаза», «Человек-невидимка», «Собор Парижской Богоматери», «Жанна Д'Арк», «Зори Парижа», «Ромео и Джульетта», «Бродяга», целая серия кинофильмов по рассказам Джека Лондона. И это только то, что «на поверхности», что в моей памяти…

Всё это было достоянием советского времени, советской страны, советского народа…

Назову, хотя бы для примера, ряд имен советских кинорежиссеров, создавших киношедевры, рождавшие волнение, радость, вдохновение, гордость за жизнь в советской отчизне и желание служить стране, изумлявшей весь мир своим величием, мужеством и героизмом, энтузиазмом и романтикой: С. Эйзенштейн, Г. Александров, С. Герасимов, И. Пырьев, М. Ромм, А. Довженко, С. Бондарчук, Г. и С. Васильевы, Г. Козинцев, Л. Трауберг, И. Хейфиц и А. Зархи, Г. Чухрай, Е. Дзиган, С. Ростоцкий, Т. Лианозова, С. Колосов, Э. Рязанов, Л. Гайдай… Да разве всех назовешь?!

Советский кинематограф создал великолепное созвездие

актеров и актрис, сыгравших великое множество ярких, прекрасных образов киногероев.

Надо бы их назвать всех поименно. Но для этого потребуются десятки, если не сотни страниц. И все-таки рискну назвать хотя бы самых-самых: Борис Бабочкин – в роли легендарного В. И. Чапаева (другого Чапаева мы не представляем); Борис Щукин, создавший образ В. И. Ленина в кинофильме «Ленин в октябре»; Борис Чирков – в трилогии о Максиме и в «Великом гражданине»; Николай Черкасов – в образе Александра Невского; Николай Крючков, Петр Алейников, Михаил Жаров, Павел Кадочников, Владимир Дружников, Евгений Самойлов, Ростислав Плятт, Евгений Евстигнеев, Любовь Орлова, Тамара Макарова, Алла Тарасова, Лидия Смирнова, Валентина Серова, Зоя Федорова, Людмила Целиковская, Людмила Касаткина, Кирилл Лавров, Игорь Горбачев, Михаил Ульянов, Михаил Кузнецов, Георгий Жженов, Георгий Юматов, Василий Лановой, Юрий Соломин, Элеонора Быстрицкая, Татьяна Конюхова, Алла Ларионова, Вера Васильева, Людмила Чурсина, Татьяна Доронина, Николай Рыбников, Вячеслав Тихонов, Николай Губенко, Инна Макарова, Нона Мордюкова, Жанна Болотова, Елена Драпеко, Ирина Шевчук, Ольга Остроумова, Ада Роговцева…

Это только малая часть имен, достойных советской истории. А сколько ролей ими сыграно, сколько замечательных образов создано?!

А сколько неназванных, но тоже весьма заслуженных?

Ох, непосильную ношу решил я поднять. Их же сотни, даже если только самых лучших.

Пусть сами читатели назовут тех, кто, по их мнению, достоин быть в одном ряду с названными. Я имел их всех в виду. И тоже с любовью благодарно храню в своей памяти. Их имена вошли в золотой фонд советского кино…

Величие и сила советского киноискусства в том, что оно было реалистичным и романтичным, отражало историю нашей Отчизны и «живую жизнь», с её невиданным энтузиазмом, героизмом, мужеством. Кино было родником нравственной чистоты, света и добра, вдохновения и оптимизма, являлось прекрасной школой достойной жизни.

Кадр из кинофильма «Ленин в октябре». В роли В. И. Ленина – Б. Щукин.

Кадры из кинофильма «Чапаев».

Любовь Орлова на крейсере «Молотов». 1942 г.

Пароход, названный именем Любови Орловой.

Фильмы о Великой Отечественной…

Кадр из фильма «А зори здесь тихие…». В роли Лизы Бричкиной – Елена Драпеко; старшины Васкова – Андрей Мартынов.

Зоя Космодемьянская: шаг в бессмертие.

Кадр из фильма «Весна на Заречной улице».

Татьяна Конюхова, исполнительница главных ролей в кинофильмах «Разные судьбы», «Доброе утро» и других.

Нам песня строить и жить помогает, —
Она, как друг, нас зовет и ведет.
И тот, кто с песней по жизни шагает, —
Тот никогда и нигде не пропадет…

От автора. Я очень долго размышлял: давать ли в книге специальный сюжет «С песней по жизни». Несколько раз возвращался к нему. Но по разным мотивам откладывал. В конце концов, вынес приговор: «Не давать». Вскоре, однако, оказалось, что он не окончательный. Это произошло вечером 13 ноября 2011 года, когда по радиоканалу «Комсомольской правды» я прослушал передачу «Песни нашего детства». Её ведущий – Георгий Гладков и гость радио – популярнейший телеведущий Леонид Якубович не просто по-доброму взволновали меня, но и вдохновили на публикацию, казалось, уже отвергнутой главы. Это была редкая радиопередача, пробравшая меня до глубины души.

За время передачи Леонид Якубович самостоятельно, а в ряде случаев в дуэте с Георгием Гладковым пропел множество замечательных советских песен (фрагментов) о времени его детства и юности. По возрасту участники передачи близки к моему поколению. И это тоже быстро сблизило и породнило нас.

Песни отражали пионерское детство и бурную комсомольскую юность. В них воспевались события революции и гражданской войны, первых советских пятилеток, Великой Отечественной, послевоенных лет, целинной эпопеи и комсомольских новостроек.

Песни сопровождались трогательными оценками советского времени. Леонид Якубович восторженно восклицал: «Какое это было замечательное время! А песни какие! Сейчас таких нет! Мне очень нравились и пионерская жизнь, и комсомольские дела». И добавил: «Не случайно, когда на телевидении появилась рубрика „Старые песни о главном“ светлели лица и поющих, и слушающих».

…Тепло вспоминал Леонид Якубович песни у пионерских костров и на комсомольских субботниках. Было очень интересно. И потому учеба и общественная работа в пионерских дружинах и в комсомольских организациях была «в охотку».

Не звучали бы советские песни ни тогда, ни теперь тем более, если бы они не рождались самой жизнью и настроением общества. Халтура, фальшь не проходили. В песнях звучала жизнь и потому наши души пели при всех трудностях и сложностях; жизнь казалась прекрасной, светлой, радостной и счастливой.

Такого настроения нет сейчас у людей, потому что нет такой жизни и песен таких нет.

В тон Леониду Якубовичу провёл передачу Георгий Гладков.

Рад, что «выловил» эту на редкость интересную, правдивую и волнующую передачу. Подкупала неподдельная искренность, с которой Леонид Якубович говорил о своём детстве и комсомольской юности, о советском времени вообще: «С каким великолепным настроением мы тогда жили, учились, работали, пели…»

В начале передаче я внимательно слушал её, потом стал аплодировать, а затем настолько она захватила меня, что незаметно стал её соучастником.

После окончания передачи сидел у радиоприемника, как зачарованный. И принял окончательное решение: дать сюжету «С песней по жизни» путёвку в жизнь на страницах своей книги.

…Советское кино, как я уже писал, оказывало мощнейшее воздействие на наш внутренний мир, нашу жизнь, на наши идеалы. Ратные, трудовые и нравственные подвиги кино-героев рождали неукротимое желание равняться на них, жить по их кодексу.

Но не только. Кинематограф был также едва ли не главным источником и первым исполнителем великого множества умных, прекрасных, волнующих и душевных песен – лучших песен советской страны.

С уст кино-героев слетали песни и врывались в нашу жизнь, поселялись в нашей памяти, в душах и сердцах наших на всю жизнь. С ними мы росли, учились, трудились, боролись, дружили и любили, радовались и горевали… Весёлые и грустные, мужественные и нежные, умные, трогательные и вдохновенные песни были нашими верными и неразлучными спутниками с детства и до последних дней.

В годы ельцинского лихолетья, да и ныне, нередко звучит злословие о советском кино, песнях, поэзии, книгах, как сплошь лакированных, прославляющих партию коммунистов и её вождей, воспевающих труд монтажников-высотников, свинарок, трактористов, пастухов, сталеваров, рыбаков, доменные печи и пшеницу золотую…

Да, действительно пели об этом. Пели о шахтерах и лесорубах, о первой учительнице и людях в белых халатах, о

геологах и полярниках.

Эти песни были особенно дороги людям той профессии, о которой в них пелось. Но пели их все. Народ славил любую профессию, ибо «все профессии важны, все профессии нужны». Да, это так. И это приносило радость и вдохновение не только тем, о ком песня, а всему советскому обществу. С первых дней жизни мы слышали мамину колыбельную:

Спи, мой сынок, вырастай на просторе,
Быстро промчатся года.
Смелым орлёнком за ясные зори
Ты улетишь из гнезда.
Даст тебе силу, дорогу укажет
Сталин своею рукой.
Спи, мой воробышек, спи, мой звоночек,
Спи, мой сыночек, родной…
…Ты не узнаешь ни горя, ни муки,
Доли не встретишь лихой.
Спи, мой воробышек, спи, мой звоночек,
Спи, мой сыночек, родной…

А уже в пионерские годы наши детские голоса влились во всенародный хор, исполнявший прекрасную песню, впервые прозвучавшую в кинофильме «Веселые ребята», – «Легко на сердце от песни веселой». Она стала одой советскому времени:

Кто привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоёт.
Кто весел – тот смеётся,
Кто хочет – тот добьётся,
Кто ищет – тот всегда найдёт…

В те же героические годы, в довоенные сталинские пятилетки у всех на устах был «Марш энтузиастов»:

Нам нет преград ни в море, ни на суше,
Нам не страшны ни льды, ни облака,
Пламя души своей, знамя страны своей
Мы пронесем через миры и века…

Вся страна подхватила и песню «Детей капитана Гранта»:

А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер,
Весёлый ветер, весёлый ветер.
Моря и горы ты обшарил все на свете.
И все на свете песенки слыхал…
Спой нам, ветер, про чащи лесные,
Про звериный запутанный след,
Про шорохи ночные,
Про мускулы стальные,
Про радость боевых побед…

А разве можно было удержаться, чтобы не подпеть героине кинофильма «Остров сокровищ» (первая советская экранизация):

Я на подвиг тебя провожала,
Над страной гремела гроза.
Я тебя провожала, но слёзы сдержала,
И были сухими глаза.
Ты в жаркое дело спокойно и смело
Иди, не боясь ничего.
Если ранили друга, перевяжет подруга
Кровавые раны его…
Если ранили друга, сумеет подруга
Врагу отомстить за него…

На довоенных стадионах во время футбольных матчей болельщики вдохновляли вратаря замечательной песней из кинофильма «Вратарь»:

Эй, вратарь, готовься к бою,
Часовым ты поставлен у ворот.
Ты представь, что за тобою
Полоса пограничная идёт.
Чтобы тело и душа были молоды,
Были молоды, были молоды,
Ты не бойся ни жары и ни холода, —
Закаляйся, как сталь!

…Нам песня строить и жить помогала. И в труде, и в борьбе, на октябрьских и первомайских демонстрациях, на пионерских сборах и комсомольских вечерах, за домашними праздничными столами мы самозабвенно пели:

Широка страна моя родная, —
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек…

Пели с величайшей неподдельной гордостью за свою страну, за любимую Советскую Родину. Потому что были бесконечно счастливы, не взирая на то, что у нас не было личного изобилия, роскоши, богатства. Мы были горды и счастливы своей Отчизной, своей жизнью, которую мы сами строили; своими идеалами и верой в будущее, непоколебимой уверенностью в завтрашнем дне. Сколько таких замечательных песен было в советской стране:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля.
Просыпается с рассветом
Вся советская земля…

А вслед:

А ну-ка, девушки, а ну, красавицы, —
Пускай поёт о вас страна.
И звонкой песнею пускай прославятся
Среди героев ваши имена…

Или знаменитая «Шахтёрская»:

Спят курганы тёмные, солнце опалённые
И туманы серые ходят чередой.
Через рощи шумные и поля зелёные
Вышел в степь донецкую парень молодой.

Сколько волнующих песен создали поэты и композиторы о героических годах гражданской войны: «По военной дороге», «По долинам и по взгорьям», «За фабричной заставой», «Дан приказ ему на Запад», «Гулял по Уралу Чапаев-герой», «Шёл отряд по берегу», «Орлёнок», «Матрос-партизан Железняк».

Величественные песни гордо звучали из уст советских людей о любимом вожде:

От края до края, по горным вершинам,
Где гордый орёл совершает полёт, —

О Сталине мудром, родном и любимом
Прекрасную песню слагает народ…
Летит эта песня быстрее чем птица
И мир угнетателей злобно дрожит.
Её не удержат посты и границы
Её не удержат ничьи рубежи…

Да разве перечислить все наши песни светлого, удивительного, незабываемого довоенного времени. Они на все случаи жизни. И сопровождали нас повсюду и везде. Песни, как жизнь. И жизнь, как песня…

Сейчас, в условиях мрачной и подлой жизни в «ново-русской» России люди всё чаще задумываются (и не только мы, ветераны, но и внуки наши): почему в советское время в песнях так невероятно славилась жизнь, чистая, светлая. Ничего подобного нет в нынешней «демократической» России: ни песен таких, ни жизни, от которых было бы «легко на сердце» и радостно на душе…

Высоким смыслом была наполнена каждая строка советских песен: они отражали нашу жизнь, наше настроение, наши сокровенные мечты и стремления.

Весь коллективистский образ жизни советских людей строился на идеалах братства, товарищества, дружбы. И потому «наше слово гордое „товарищ“» было «нам дороже всех знакомых слов». Оно объединяло и роднило всех нас. Все советские люди жили по одним нравственным принципам, общими заветами, идеалами, целями.

Во всём нашем укладе, во всех случаях жизни, в обиходе всех и каждого было наше слово гордое «товарищ».

«Товарищ Генеральный секретарь», «Товарищ Президент Академии Наук СССР»; «Товарищ нарком», «Товарищ директор», «Товарищи учителя и врачи», «Товарищи рабочие, колхозники, инженеры и техники», «Товарищи маршалы, генералы и адмиралы, солдаты и матросы…»

Написал эти строки и остановился. Задумался…

А если перенести это величественное слово в современную «демократическую» Россию. Невозможно! Какая нелепость, какой абсурд будет звучать, если бедствующий, обездоленный рабочий или крестьянин, нищенствующий учитель или врач обратится: «Товарищ банкир», «Товарищ бизнесмен». Или поименно: «Товарищ Абрамович!»…

Невозможно такое в классовом обществе – в обществе, разделённом, расслоённом на богатых и бедных, на господ и

рабов, на нищих и процветающих бизнесменов, дельцов, предпринимателей. Потому-то в первые же дни после утверждения ельцинского режима, в обиход было запущено «приемлемое» для капиталистического общества социального неравенства и антагонизма слово «господин».

Но приемлемо оно только для «господ». Не говорят ведь: «Господин рабочий»; «Господин пастух», «Госпожа свинарка»; «Господин монтажник», «Господин сантехник» или «Господин солдат». Потому-то опомнилась власть и возродила в армии прежнее обращение – «товарищ».

…Песни наши отражали не только каждодневные мысли и чувства, заботы и тревоги людей, но и беспокойство за судьбу своей Отчизны.

Время было суровым. Советская страна многие годы и десятилетия оставалась единственной в капиталистическом мире и потому «на волосок от вражеского нашествия». И эту реальность отражали наши песни довоенных лет: «На границе тучи ходят хмуро…»., «Тучи на городом встали» и множество других.

С особой силой звучали песни о родной Красной Армии с призывом быть «начеку, следить за врагом», быть готовой дать ему сокрушительный отпор:

Если завтра война, если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов…

Завидная судьба выпала на долю «Катюши». На первый взгляд простая лирическая песня и по содержанию, и по мотиву напоминающая народную. Но ей суждено было стать всенародно любимой и популярной не только в советской стране, но и обрести планетарную известность, стать своего рода песней-паролем нашей страны в мире.

В далёком 1938 году путёвку в жизнь «Катюше» дала Валентина Батищева. Трижды исполняла она песню на «бис» на торжественном заседании. Такое потрясающее впечатление произвела песня на первых её слушателей. Потому что в песне были самые желанные, самые необходимые строки о верности в любви и о защите родной земли. Катюша благословляет любимого:

Пусть он землю сбережёт родную,
А любовь Катюша сбережёт…

Пограничники были любимыми героями многих фильмов и

песен. Они оберегали спокойную жизнь советских людей, надёжно защищали рубежи нашей Родины.

С такой же силой обретали крылья песни о воинах всех родов войск нашей родной рабоче-крестьянской Красной Армии.

В «далёкий край» – на помощь республиканской Испании, сражавшейся против фашистов, улетали советские лётчики с песней на устах, впервые прозвучавшей в кинофильме «Истребители»:

Пройдёт товарищ все бои и войны,
Не зная сна, не зная тишины.
Любимый город может спать спокойно,
И видеть сны, и зеленеть среди весны…

С киноленты «Трактористы» слетела песня о танкистах, ставшая одной из самых любимых песен в нашей стране:

Заводов труд и труд колхозных пашен
Мы защитим, страну свою храня,
Ударной силой орудийных башен
И быстротой и натиском огня.
Гремя огнём, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин,
И первый маршал в бой нас поведёт…

Мы, советские люди, взрослые и дети, хорошо знали, что война неизбежна, что она в любой день может разразиться. Но 22 июня 1941 года не хотелось верить, что война началась. Не хотелось верить, что враг сломал «границу на замке», вторгся в пределы нашей Родины и продолжает наступление вглубь страны. Суровым набатом в первые дни войны прозвучала «Священная война»:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает как волна.
Идёт война народная,
Священная война…

Но как ни тяжёлым и горестным был для нас начальный период войны, уже в 1941 году создавался изумительный фильм «В шесть часов вечера после войны». В нём звучали песни, зовущие к героической борьбе с коварным и сильным врагом, к победе:

На вольном, на синем, на тихом Дону
Походная песня звучала.
Казак уходил, уходил на войну
Невеста его провожала:
Будь смелым, будь храбрым в смертельном бою,
За русскую землю сражайся,
И помни свой дом и невесту свою,
С победою к ним возвращайся…

С той же киноленты слетела и вдохновенная песня артиллеристов, которая мгновенно облетела и всколыхнула всю страну. Она и сегодня, спустя многие десятилетия, звучит набатом:

Горит в сердцах у нас любовь к земле родимой,
Идём мы в смертный бой за честь родной страны.
Пылают города, охваченные дымом,
Гремит в седых лесах суровый бог войны.
Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовёт Отчизна нас.
И с сотен тысяч батарей
За слёзы наших матерей,
За нашу Родину – Огонь! Огонь!

Как и песня о наших легендарных «сталинских соколах» – советских асах – военных летчиках:

Там, где пехота не пройдет,
И бронепоезд не промчится,
Угрюмый танк не проползет, —
Там пролетит стальная птица.
…Пилоту не доступен страх,
В глаза он смерти смотрит смело.
И, если надо, жизнь отдаст, —
Как отдал капитан Гастелло…

…Фашистская армада продолжала продвигаться вглубь нашей страны, неся смерть и уничтожение. Но с каждым днём росло сопротивление, которого не ждал и не знал ранее враг. Стояли насмерть города, ставшие Героями. Их беспримерные подвиги воспеты в песнях, рождавшихся в жестоких боях и сраженьях. В них звучали горькие слова: «Одессу покидает последний батальон…», «Последний корабль Севастополь покинул…»

Но отчаяния не было. Росли ярость и ненависть к врагу. Росли мужество и стойкость советских воинов.

900 неслыханно тяжёлых блокадных дней выдержал Ленинград. Не покорился врагу. В самые трудные для города, осаждённого несметными полчищами фашистских извергов дни, Дмитрий Шостакович создавал победную симфонию, звучание которой умножало силы наших воинов, нашего народа.

Сокрушительное поражение советские воины нанесли врагу у стен Москвы.

Их вдохновлял бессмертный подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, остановивших у разъезда Дубосеково колонну фашистских танков, рвавшихся к Москве. Их подвиг был овеян славой и воспет в песне:

Мы запомним суровую осень —
Скрежет танков и отблеск штыков.
И в сердцах будут жить двадцать восемь
Самых храбрых твоих сынов.
И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва…

Овеян славой, согрет всенародной любовью и воспет в песнях и тот легендарный взвод, что погиб у деревни Крюково, на ближних подступах к Москве. Как воспеты «Серёжка с Малой Бронной и Витька с Моховой», погибшие «в полях за Вислой сонной», но:

Их помнит мир спасённый,
Мир вечный, мир живой…

…1942 год – самый трудный, самый тяжёлый для нашей Родины, для нашего народа. Фашистские полчища докатились в предгорья Кавказа, подошли к Волге. Гитлер торжествовал и

предвещал скорую и полную победу над Советским Союзом. Впрочем, так было и в 1941 году, когда враг находился у окраин Москвы. Не вышло тогда. Не вышло и теперь.

В разгар самых жестоких боёв советские воины сочинили песню, ставшую гимном для защитников Сталинграда:

Есть на Волге утёс…
…Он стальным Сталинградом зовётся.

Все приказы Гитлера, все попытки фашистских полчищ взять город были сорваны небывалым героизмом и стойкостью советских воинов. Их вдохновляла мужественная и прекрасная песня:

И стоит Сталинград, и герои стоят
За великое, правое дело…

Вся советская страна стала несокрушимой крепостью для врага. Весь советский народ стал воином и героем. Фронт стоял насмерть, сдерживая и громя врага. Тыл ковал победу:

Дни и ночи у мартеновских печей
Не смыкала наша Родина очей…

А на всей территории, временно захваченной врагом, полыхало пламя партизанской войны. И о них пели:

«Уходили в поход партизаны», «Шумел сурово брянский лес», и «Смуглянка-молдаванка к партизанам в лес ушла»…

Великое множество советских людей, не покорённых и не сломленных врагом, сражались в партизанских отрядах и в подполье. Все советские люди «день победы приближали, как могли». С песнями на устах, мужественными и героическими, радостными, и печальными.

В каждой песне жила верность своей Отчизне, нежность к любимым, проводившим бойцов на фронт. И «строчил пулемётчик за синий платочек, что был на плечах дорогих». И было бойцу «в холодной землянке тепло от её негасимой любви».

В трудный и тревожный начальный период войны и песни были в унисон тому суровому времени: «Эх, дороги», «Огонёк», «Землянка», «Темная ночь», «О чём ты тоскуешь, товарищ моряк?». Но и в этих песнях звучала уверенность в неизбежности нашей победы.

Сколько горя, слёз, бед, утрат принесло фашистское нашествие нашей Родине, нашему народу. И вот горестная песнь о тех жесточайших днях. Слышал я её единственный раз в жизни, но она осталась в памяти на всю жизнь. Пела моя ровесница и землячка, 17-летняя Люба Подольская, ученица 9 класса Барвенковской средней школы № 1 Харьковской области в 1944 году, год спустя после освобождения нашего городка от гитлеровских вандалов:

Сожгли они вербу у речки
И снег материнских седин,
И домик с высоким крылечком,
И жизнь, и любовь, и жасмин.

Но никакие беды не сломили нас. И в песне звучали грозные строки:

Отплатим за вербу у речки,
За снег материнских седин,
За домик с высоким крылечком,
За жизнь, за любовь, за жасмин…

До победы было ещё далеко, целых два года, но война обрела другой характер, сделала крутой поворот, стала наступательной и победной для Советской Армии и нашего народа. Крепла уверенность в нашей неминуемой полной победе. Рождались новые мотивы песен. О фронтовых дорогах, по которым «мы вели машины, объезжая мины». Но в песне уже бодро звучали слова:

Эх, дорожка фронтовая,
Не страшна нам бомбёжка любая.
Помирать нам рановато,
Есть у нас ещё дома дела…

Менялось к лучшему положение на фронте, веселее становились песни. И уже солдат «гармонь свою настроил на весёлый лад». Даже названия песен стали светлыми, радостными: *«На солнечной поляночке»*…

Или:

На полянке, возле школы
Стали танки на привал.

И гармошки звон весёлый
Всю деревню вмиг собрал…

С особой силой зазвучала песня гражданской войны из кинофильма «Александр Пархоменко», вышедшего в годы Великой Отечественной: «Ты ждешь, Лизавета»:

Одержим победу,
К тебе я приеду
На горячем боевом коне…

В военных песнях воспевалось всё, что работало на войну, на победу: землянки и окопы, шинели, бушлаты и бескозырки, боевое товарищество, синий платочек и вышитый кисет с душистой махоркой, письмо от матери, от невесты, горсть родной земли и даже фронтовые сто грамм.

В рядах наступающих советских воинов шли военные корреспонденты. Они «первыми врывались в города», «ради нескольких строчек в газете».

А сводки Совинформбюро изо дня в день теперь сообщали о новых победах Советской Армии, о новых городах и сёлах, освобождённых от врага. И песни о том же:

И вот мы снова у стен Ростова,
В отцовском голубом краю.

Ожесточённой и кровопролитной была битва за Днепр. Потому с такой болью звучит строка из песни, отражающей её:

Кто погиб за Днепр будет жить в веках,
Коль сражался он, как герой…

А на другом конце фронта:

С боем взяли город Брянск. Город весь прошли.
И на крайней улице название прочли.
А название такое, прямо слово боевое —
«Минская улица» на Запад нас ведёт…
С боем взяли город Минск. Город весь прошли.
И на крайней улице название прочли.
А название такое, прямо слово боевое —
«Брестская улица» на Запад нас ведёт.

С боем взяли город Брест. Город весь прошли.
И на крайней улице название прочли.
А название такое, прямо слово боевое —
«Варшавская улица» на Запад нас ведёт…
На Берлин!!!

И весной 1945 года уже в Берлине советские воины сложили и запели песню:

От Курска и Орла война нас довела
До самых вражеских ворот, такие, брат, дела…
Когда-нибудь мы вспомним это,
И не поверится самим…
А нынче нам нужна победа,
Одна на всех, – мы за ценой не постоим…

Советский воин, дошедший до Берлина, уже пел:

Последний бой, он трудный самый…
В последний раз сойдёмся завтра в рукопашной,
В последний раз Отчизне сможем послужить,
А за неё и умереть совсем не страшно,
Но каждый всё-таки надеется дожить…

И вот он долгожданный, такой желанный День Победы, добытый нами в жесточайшей войне с фашизмом, большой кровью и дорогой ценой:

Этот День Победы порохом пропах…
День Победы с сединою на висках…
День Победы со слезами на глазах…

Позади четыре года невероятно тяжёлой кровопролитной войны. И с величайшей гордостью и победной радостью запевает верховой:

Эх, ребята, не впервой
Нам поить коней казачьих
Из чужой реки…

Сбывалось то, о чем мечтали четыре долгих и трудных года:

Придет победы час, придет конец походам,
Но прежде чем уйти к домам своим родным,
В честь нашего вождя, в честь нашего народа
Мы радостный салют в полночный час дадим…

И зазвучали тосты:

Выпьем за Родину, выпьем за Сталина,
Выпьем и снова нальем…
Выпьем за мужество павших героями,
Выпьем за встречу живых…

Какая сила! Какая правда в наших песнях! Так и напрашивается еще один тост:

– За песни нашей советской жизни, за авторов, композиторов, исполнителей!

…Но не только радость великой Победы жила в эти дни в сердцах советских людей. Редко какая семья не оплакивала родных и близких своих, не вернувшихся с войны. А солдат, спасший Европу и мир от коричневой чумы, с победой спешивший домой, не находил ни дома, ни семьи:

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?..
…Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой…

Были и другие грустные мотивы. Они – тоже последствие жестокой войны. Скольких сыновей не дождались матери, женихов – невесты. Вот и грустный сюжет, долго сохранявшийся в послевоенные годы. На танцах в саду городском:

Стоят девчонки, стоят в сторонке,
Платочки в руках теребят.
Потому что на десять девчонок
По статистике девять ребят…

Но жизнь продолжалась. И рождается песня на все времена. Её с неповторимой силой проникновенно спела Екатерина

Шаврина:

Гляжу в озёра синие,

В полях ромашки рву.
Зову тебя Россиею,
Единственной зову.
…Красу твою не старили
Ни годы, ни беда.
Иванами да Марьями
Гордилась ты всегда…
Не все вернулись соколы, —
Кто жив, а кто убит,
Но слава их высокая
Тебе принадлежит.
Не знаю счастья большего,
Чем жить одной судьбой —
Грустить с тобой, земля моя,
И праздновать с тобой…

…Мирное время рождало новые, мирные песни. Но память о Великой Победе всегда жила и живёт в народе. И в песнях тоже. Об известных и неизвестных солдатах, немеркнущих подвигах… И в мирных песнях ещё долго звучали строки о прошедшей Великой Отечественной:

Свою судьбу с твоей судьбой
Пускай связать я не смогла,
Но я жила – жила одним тобою,
Я всю войну тебя ждала…

Песню председателя кубанского колхоза Галины Пересветовой в кинофильме «Кубанские казаки», роль которой, как всегда, великолепно исполнила Марина Ладынина, подхватила и запела вся страна.

А в другой, тоже «колхозной» песне, хлеборобы звали к себе героя войны, оставшегося без крова:

Мы тебе хороший дом построим,
Чтобы было видно по всему, —
Здесь живёт семья российского героя,
Грудью заслонившего страну…

Мирная жизнь, при всех огромных невероятных трудностях послевоенного времени набирала обороты. И очень скоро появилось много песен «о хорошей большой любви».

В бесподобном фильме «Весна на Заречной улице» сталевар Саша Савченко, роль которого превосходно играет Николай Рыбников, переживая любовную драму, поёт:

Зачем, зачем на белом свете
Есть безответная любовь?

Песня, которая никогда не перестанет волновать любящие сердца, страдающие от безответной любви…

В великолепной киноленте «Дело было в Пенькове» звучала песня, берущая за душу каждого, к кому приходит большая любовь. Героиня переживает сердечную драму, нередко встречающуюся в жизни. И её боль и переживания передаются каждому, кто оказывался в её положении. Да и любому человеку, который небезразличен к страданиям других:

Огней так много золотых
На улицах Саратова
Парней так много холостых,
А я люблю женатого…
Эх, рано он завёл семью:
Печальная история.
Я от себя любовь таю,
А от него – тем более.
Его я видеть не должна:
Боюсь ему понравиться.
С любовью справлюсь я одна,
А вместе нам не справиться…

Таковы были нравы советского общества. Соответственно по ним и жили, и любили.

А разве можно было оставаться равнодушным, слушая песню «На тебе сошёлся клином белый свет».

Юная Тамара Стрелкова из далёкого Владивостока дарит людям такую умную, такую необходимую, такую замечательную песню. Она обретает крылья, и вскоре её будут петь по всей необъятной советской стране:

Называют меня некрасивою, —
Так зачем же он ходит за мной?

И в осеннюю пору дождливую
Провожает с работы домой.
И куда не пойду, – обязательно
Повстречаю его на пути.
Он в глаза мне посмотрит внимательно,
Скажет: «Лучше тебя не найти».
А вчера, расставаясь вечером,
Уходить не хотел ни за что.
Чтобы я не озябла, на плечи он
Осторожно накинул пальто.
Оттого я такая счастливая,
Улыбаюсь везде и всему.
Если скажут, что я некрасивая, —
Не поверю теперь никому…

Вот они, – наши, советские, – добрые, чистые, нежные, прекрасные песни.

С такими песнями мы рождались, учились, вырастали, трудились, сражались, дружили, любили, жили… Мы – советские люди.

…Конечно, у нас всегда было много забот и тревог. И тех, которыми жила наша Отчизна, и которыми жил каждый советский человек. Великая правда звучала в песне Александры Пахмутовой:

Забота наша такая,
Забота наша простая. —
Жила бы страна родная,
И нету других забот…

И эту, и множество других песен, созданных моей ровесницей – Александрой Пахмутовой, любили и пели мы, советские люди. Да и сейчас поём. Значимой страницей в нашей послевоенной жизни было освоение целины. На призыв партии решить эту задачу откликнулись миллионы людей, преимущественно молодых. И этот патриотический порыв был воспет в песнях. Вот одна из них, пожалуй, самая популярная:

Родины просторы, горы и долины,
Серебром одетый зимний лес блестит.
Едут новосёлы по земле целинной, —
Песня молодая далеко летит.
Ой, ты, зима морозная,

Ноченька ясно-звёздная,
Скоро ли я увижу свою любимую
В степном краю.
Вьётся дорога длинная,
Здравствуй, земля целинная,
Здравствуй, простор широкий,
Весну и молодость встречай свою…

Песня приносила нам «большой привет» с «большого БАМа». В те же далекие таежные края звала другая песня, – туда, где:

Плывут сибирские девчата
Навстречу утренней заре
По Ангаре, по Ангаре…

Удивительно романтические песни создали поэты и композиторы о геологах:

Лучше друга нигде не найду я, —
Мы геологи оба с тобой.
Мы умеем и в жизни руду дорогую
Отличить от породы пустой…

Или:

Горит по ночам керосин
На палубах всех «бригантин».
А утром вперед, как парусный флот,
Палаточный город уйдет…

Уверен, многих позвали эти строки в геологи, «в путь далек и долог»…

С годами не черствели сердца, и не ржавела память о минувшей Великой Отечественной войне. Выходили всё новые и новые кинофильмы, со временем многосерийные о самых волнующих эпизодах и страницах военной истории, о несгибаемом мужестве, стойкости, подвигах советских воинов, советских людей. И в этих кинолентах звучали замечательные песни, которые вслед за их героями пел весь народ. Вот потрясающая песня из кинофильма «Тишина»:

Светилась, падая, ракета,

Как догоревшая звезда.
Кто хоть однажды видел это,
Тот не забудет никогда.
Тот не забудет, не забудет
Атаки яростные те,
У незнакомого посёлка,
На безымянной высоте…
Мне часто снятся те ребята, —
Друзья моих военных дней,
Землянка наша в три наката,
Сосна, сгоревшая над ней.
Как будто вновь я вместе с ними
Стою на огненной черте
У незнакомого посёлка,
На безымянной высоте…

А это уже строки песни из кинофильма «Щит и меч»:

Мы для победы ничего не пожалели,
Мы даже сердце, как НЗ, не берегли…

Жизнь продолжалась. Но у всех, кто прошёл сквозь военное лихолетье, кто знает войну не понаслышке и сегодня:

Звучат они, как пули у виска,
Мгновения, мгновения, мгновения…

Военные мгновенья. Тревожные и незабываемые… Давно отгремели последние залпы великой войны. Но страна продолжала жить напряжённой жизнью. В условиях «холодной войны» и постоянной смертоносной ядерной угрозы. Напрягала все силы, чтобы создать мощный военный потенциал, равный с теми, кто бряцал атомной и водородной бомбой, ракетно-ядерным оружием.

Враг угрожал нам и нас же объявлял главным носителем военной опасности. Как ответ клеветникам родилась песня, которую, как всегда, превосходно исполнил незабвенный Марк Бернес, и которую в одночасье запел весь советский народ: *Хотят ли русские войны?*

…Спросите вы у тех солдат,
Что под берёзою лежат.

И вам ответят их сыны,
Хотят ли русские, хотят ли русские,
хотят ли русские войны?
Да, мы умеем воевать,
Но не хотим, чтобы опять
Солдаты падали в бою
На землю русскую свою.
Спросите вы у матерей,
Спросите у жены моей, —
И вы тогда понять должны,
Хотят ли русские, хотят ли русские,
хотят ли русские войны…

Гигантскими усилиями советского народа, ведомого Коммунистической партией, были созданы мощная индустриальная база, научно-технический и оборонный потенциал. Наиболее ярким свидетельством этого явились фантастические успехи Советского Союза в освоении космоса. Первый искусственный спутник в космосе – советский. Первый человек в космосе – гражданин СССР – Юрий Гагарин. Поэты и композиторы немедленно откликнулись на космическую тему. И вот уже Юрий Гуляев поёт о Юрии Гагарине:

Он сказал: «Поехали!»
Он взмахнул рукой,
Словно вдоль по Питерской, Питерской
Пронесся над Землей…

Вдохновенно звучит песня о героях космоса в прекрасном исполнении Ольги Воронец:

Я – Земля. Я своих провожаю питомцев
Сыновей, дочерей.
Долетайте до самого Солнца
И домой возвращайтесь скорей…

Огромный успех выпал на долю песни космонавтов. Её восторженно пела вся страна:

Заправлены в планшеты космические карты,
И штурман уточняет в последний раз маршрут.
– Давайте-ка, ребята, присядем перед стартом,

У нас ещё в запасе четырнадцать минут…

…Многие тысячи (а может, и миллионы) молодых мам и пап подпевали Валентине Толкуновой у колыбелей своих сыновей, с детских лет готовых «в космос просто пешими уйти»:

Спят мои отчаянные парни,
Спят мои Титовы и Гагарины.
Носики-курносики сопят.

…И так во всей жизни: «Если радость на всех одна – на всех и беда одна».

Завидная судьба выпала на долю песни о легендарном подвиге, который совершили в мирное время советские военные летчики – «отличные парни отличной страны». Читатель уже догадался, что речь идет о песне «Огромное небо», которую бесподобно исполнила Эдита Пьеха. На Международном конкурсе не только певица, но и автор, и композитор, создавшие эту великолепную песню, были удостоены высшей награды…

Всех песен не перечесть. Но не могу не вспомнить ещё одну – самую, самую. Конечно же – «Подмосковные вечера». Ей, этой песне, суждено было повторить судьбу «Катюши» или стать вровень с ней. «Подмосковные вечера», как и «Катюшу», знают и поют во всём мире… Первым и лучшим исполнителем «Подмосковных вечеров» был Владимир Трошин.

…Пишу и пишу. Не могу остановиться. Потому что вспоминаются всё новые и новые песни, новые песенные сюжеты, которыми мы жили, с которыми прожили большую и немеркнущую советскую эпоху.

Венцом моих размышлений о песнях, с которыми мы жили в советское время, могла бы стать песня «Я люблю тебя, жизнь», исполненная Марком Бернесом. Вся советская жизнь, во всём её многообразии не могла не родить иного желания, иной жажды – жажды жизни:

Ох, как годы летят.
Мы грустим, седину замечая,
Жизнь, ты помнишь солдат,
Что погибли тебя защищая.
Так ликуй и вершись
В трубных звуках весеннего гимна —
Я люблю тебя, жизнь,

И надеюсь, что это взаимно…

Советское время богато величайшими талантами во всех областях общественной жизни. Кино, театр, песенное искусство – лучшее тому доказательство.

В советскую эпоху песне посвятили свой талант многие известные поэты и композиторы. Путевку в жизнь песне давали выдающиеся, всемирно известные исполнители. Для примера назову лишь несколько имен: Иван Козловский, Сергей Лемешев, Марк Бернес, Леонид Утесов, Юрий Гуляев, Георг Отс, Рашид Бейбутов, Изабелла Юрьева, Лидия Русланова, Клавдия Шульженко, Гелена Великанова, Майя Кристалинская, Ольга Воронец, Мария Пахоменко, Людмила Гурченко, Олег Анофриев…

Немало хороших песен создал и исполнил Булат Окуджава.

Весьма заметную роль в исполнении и популяризации советских песен сыграла великолепная, неподражаемая, да, пожалуй, непревзойденная польская певица Анна Герман. Я не без основания называю её советско-польской певицей, ведь её жизненный и творческий путь начинался в Советском Союзе…

К величайшему сожалению, многие уже ушли из жизни. Но я уверен, что их имена навсегда останутся в отечественной истории, в сердцах и памяти многих поколений.

Много горестных утрат понесло наше песенное творчество в последние годы, уже в XXI веке. Назову только четверых. Они ушли из жизни в дни написания этой книги.

Не стало величайшей певицы советского времени Людмилы Георгиевны Зыкиной. И вслед жестокая болезнь безвременно оборвала жизнь любимейшей, талантливейшей, прекраснейшей, обаятельнейшей Валентины Толкуновой.

Есть актеры одной роли. Есть солисты одной песни, ставшей для них «паролем» и «визитной карточкой».

У Людмилы Зыкиной и Валентины Толкуновой каждая песня становилась частью нашей жизни. Жила с нами и в праздники, и в будни, и в радости, и в горести.

У Людмилы Георгиевны покоряли души и сердца людей: «Течет Волга», «Оренбургский пуховый платок», «Женька», «На побывку едет молодой моряк». И всё, что она спела…

В последние годы особенно потрясла песня, исполненная ею с Юлианом, в которой есть такие мужественные, жизнеутверждающие строки:

Гнутся деревья, гнутся к земле.
Мы не согнемся, мы не согнемся, мы не согнемся…

У Валентины Васильевны Толкуновой тоже каждая песня неповторимая, словно созданная только для нее, только ею рожденная. Но любимая всеми и волнующая всех. В этом и состоит «волшебная сила искусства».

Песни Вали – Валюши – Валентины Васильевны, как любовно звали её благодарные слушатели, родные и близкие, друзья по жизни, по песням, по искусству: Иосиф Кобзон, Лев Лещенко, Владимир Винокур, Эдита Пьеха, Геннадий Хазанов, Александра Пахмутова, Николай Добронравов.

…И вот теперь её не стало. Для каждого человека, любящего её талант, ее песни, ее красоту, ее высокую нравственность, безвременная смерть лишила самого светлого, самого нежного, самого доброго, что было в ней и в ее песнях: «Носики-курносики», «Стою на полустаночке». Ни один человек не может прожить жизнь, не повторив вслед за певицей: «Где ж вы, мои весенние года?»

А кто теплее, нежнее, благороднее споет о маме: «Поговори со мною, мама, о чем-нибудь поговори…»

Разве найдется человек, потерявший близкого, родного, дорогого, отнятого жестокой войной, которого до боли в сердце, до слез не взволновала её песня, одна из последних: «Мой милый, если б не было войны».

Только певица, одаренная высочайшим талантом и прекрасной душевной щедростью, могла исполнить её с такой потрясающей силой. А ведь родилась Валя уже в послевоенном 1946 году.

Высочайшая нравственность певицы, ее нравственный компас, ее нравственное кредо в песне: «Я не могу иначе».

(21 раз!) песни Валентины Толкуновой становились лауреатами конкурса «Лучшая песня года». Вряд ли кто еще повторит её творческий успех. Этим все сказано…

Ушел из жизни и Муслим Магомаев… А в начале июня 2012 года не стало Эдуарда Хиля.

Справедливо сказать, что эти потери незаменимы. Каждое имя – эпоха.

Я изменил бы сам себе, если бы не сказал о том, что гнетёт меня, как и многих любителей песни. Суть в следующем.

В принципиальной борьбе за качество нашего искусства, в том числе и песенного, чиновники-перестраховщики из отдела культуры ЦК или им подведомственных учреждений и организаций подчас перехлёстывали в оценке отдельных песен и притом несправедливо.

Так «экзекуции» за безыдейность были подвержены «Ландыши», «Черный кот» и некоторые другие песни, которые,

несмотря на запрет, с удовольствием пели и профессиональные исполнители, и любители песен.

За насаждение «упаднического» настроения, грусти и печали был наложен запрет на исполнение песни «Враги сожгли родную хату», хотя её главный исполнитель – Марк Бернес – по требованию аудитории был вынужден исполнять ее в каждом концерте. Песня волновала до слез и душевной боли. Была действительно очень грустной, печальной, но правдивой и реальной…

То же случилось с песней «День Победы», по той же причине: в песне есть строка «День Победы со слезами на глазах». Неужели не ясно, что это были не только слезы печали и скорби по погибшим, но и слезы безграничной радости, рожденной великой Победой в жестокой борьбе с фашизмом…

Подобные несправедливые и запретные меры коснулись и других песен и их исполнителей.

Пожалуй, уместно здесь сказать и о судьбе некоторых советских кинофильмов. Если объяснима суровая, но справедливая критика неудачной второй серии «Большой жизни», то совершенно непонятно, и даже оскорбительно, что «чиновники от культуры» оставили незамеченным и даже неотмеченным добрым словом один из лучших советских кинофильмов во всей истории советского искусства, один из самых любимых и популярных в народе фильм «Весна на Заречной улице».

Заслуженных наград, званий и почестей не получили ни постановщики кинофильма, ни исполнители главных ролей. Зато миллионы кинозрителей по достоинству оценили фильм, не упускают возможности посмотреть его в десятый… и сотый раз, отдавая должное его реалистичности, нравственности и творческому совершенству. Миллионы и миллионы людей сказали: «Это – шедевр».

Если бы мне предложили взять с собой два лучших, самых любимых фильма при полете на другую планету, я взял бы «Чапаева» и «Весну на Заречной улице».

…Вполне логично было бы здесь поставить точку. Если бы жила советская страна.

Но кощунственными усилиями и стараниями российской «демократической» контрреволюции, вскормленной на средства международного капитала, такой страны реально больше нет.

Однако множество советских людей считает, что в их сердцах и в памяти советская Отчизна и сегодня живет «От Бреста до самых Курил».

История сделала крутой поворот, и жизнь наша была

насильственно направлена в другое русло с другим укладом, с другими идеалами, с другими понятиями жизненных, в том числе и духовно-нравственных ценностей.

Всё, чем мы жили, чем гордились и чему радовались, – отнято у нас и подменено, заменено тем, что органически чуждо и неприемлемо советскому человеку. И песни тоже. Мы живём теперь в другом мире. И другие песни поются (или плодятся) в этом мире.

Другие? А есть ли другие песни, ставшие верными спутниками жизни?

Я пишу этот сюжет под аккомпанемент гвалта, доносящегося из соседней комнаты, где по телевидению уже много вечеров идёт телеконкурс «Две звезды», который ведут главные звезды нынешнего российского телевидения: Алла Пугачёва и Максим Галкин. Откровенно говоря, мысль о написании главы «С песней по жизни» и пришла под влиянием этого телеконкурса, как реакция на него…

В нём заняты лучшие певцы и певицы, пришедшие в песенный мир в последние годы. Многие из них вынуждены участвовать в конкурсе с советскими песнями, ибо петь сегодняшнюю нелепицу, бессмыслицу, безвкусицу они не хотят.

Кстати, как бы исполнители ни старались, «копия» всегда хуже «оригинала». Это уже не первый конкурс такого рода. Были «Старые песни о главном» и там тоже пытались «воскресить» хорошую советскую песню, дать ей вторую жизнь.

К сожалению, попытки эти обречены на неудачу. Не только потому, что наши песни поют другие исполнители. Но и потому, что они поют в другом мире, в другой манере, с другими акцентами, скорее демонстрируя себя, чем показывая суть песни, саму песню, во всём её величии, – такой, какой её любили и пели советские люди в той стране, которую мы потеряли.

…Я был бы не прав, и было бы в высшей степени несправедливо утверждать, что в современной России нет великолепных солистов, и не звучат в их исполнении прекрасные песни. Конечно, есть. И сегодня живут и поют Иосиф Кобзон и Лев Лещенко, Эдита Пьеха и Владимир Трошин, Михаил Ножкин и Людмила Сенчина, Екатерина Шаврина и Юрий Антонов, Сергей Никитин, Тамара Гвердцители, Надежда Чепрага и другие, неназванные здесь.

Помнят они свои, прекрасные советские песни, принесшие им славу. И откликаются каждый раз, когда возникает возможность исполнить их, знают, что они значат для вчерашних советских людей. Но их прекрасные голоса и прекрасные песни звучат крайне редко. То ли прежние песни не пускают в эфир, то ли

халтуру петь не желают, чтобы не уронить себя в глазах людей. Только на 99 процентов все музыкальные программы теле– и радио-эфира заполнены орущими, шипящими, хрипящими и визжащими «исполнителями», несущими пошлость, безвкусицу, бессмыслицу, – то, о чём справедливо говорят в народе: «Ни уму, ни сердцу»…

Что и о чём поют в «демократической» России, что бездумно культивируют радио– и телеканалы, – хорошо знают люди, ныне живущие в нынешней России.

Сомневаюсь, что рассудительная и талантливая Лариса Долина думает так, как поется в исполняемом ею «шлягере»:

Важней всего погода в доме,
А остальное – суета.
Лишь я и ты,
А всё, что кроме…
Легко укрыться с помощью зонта…

То, что получается какая-то «нескладуха», – не главное. Главное – о чём поёт, что прославляет певица в песне. А название ему – мещанский мирок, постыдное мещанское счастье – главное «богатство», воспеваемое в сегодняшней криминальной России. «Моя хата с краю» и мне нет никакого дела до того, чем живёт страна, как живёт народ в моей стране, какие у него заботы и тревоги, что происходит за стенами моей квартиры, моей дачи, в которых «с помощью зонта» можно отгородиться от судьбы своей Родины, своего народа…

Редчайшая редкость услышать новую хорошую песню, которая тронула бы душу. Сплошь одни «шлягеры». Слово-то какое отыскали…

Пришли. Приехали. Дальше уже некуда. Дальше – пропасть, из которой не выбраться. Ни хорошая «погода в доме», ни «зонт» не помогут. Впрочем, знаю, что Лариса Долина да и другие, ныне «модные» певцы и певицы знают, и порой поют, и совсем неплохо, умные, душевные, красивые песни нашего советского времени…

Спасибо Виктору Татарскому, что смог в смутные, разрушительные годы, когда крушилось и охаивалось всё советское, сохранить «луч света в тёмном царстве» – изумительную радиопередачу «Встреча с песней», – встречу с прекрасным. Хотя и здесь не всё получается…

Между тем и сейчас человек рад, когда услышит песню о его профессии, будто в ней поётся о нём самом. Как-то в начале XXI века знаменитый Иосиф Кобзон в День шахтёра на праздничном вечере в Кузбассе исполнил песню 30-х годов о донецких

шахтёрах «Спят курганы тёмные»… Какой был восторг! Как неистово радовалась и благодарила певца шахтёрская аудитория! Словно глоток свежего воздуха или кристально чистой родниковой воды подарил каждому слушателю великолепный солист.

А как принимали ту же Ларису Долину в Севастополе в День Военно-Морского флота, когда она пела об «одессите Мишке», о последнем корабле, покидавшем Севастополь после многомесячной героической обороны города, другие прекрасные советские песни.

Написал свои возмущённые строки по поводу низкопробного, примитивного, бессмысленного и безвкусного песенного искусства в современной России и задумался:

– А могут ли возникнуть другие, чистые, умные, душевные, вдохновенные песни в обществе, в котором господствует криминальный капитал, порождающий антагонизм между людьми, коррупцию, низменные чувства, проституцию, наркоманию, жажду наживы любой ценой.

В обществе, в котором, как это очень верно звучит в песне Михаила Ножкина:

Богатые богаче с каждым годом,
А бедные беднее с каждым днём…

В обществе, где всей жизнью правит «чистоган», в котором два десятилетия смертность превышает рождаемость, где миллионы бездомных и беспризорных, где торгуют детьми и женщинами. В обществе, над которым занесен дамоклов меч «американизации» всего и вся: экономики, культуры, нравов, образа жизни и мыслей…

Не выбравшись из этого омута, не сбросив цепи, сковывающие души и жизни людей, трудно ждать лучшего, в том числе и песен.

«Радио России», словно услышало мою тревогу и боль за судьбу русской песни, и в этот самый день, когда я поставил точку о песенном сюжете, открыло конкурс «Лучшие песни страны». И первыми в нём зазвучали наши, лучшие советские песни.

Появилась надежда: может быть, конкурс «Лучшие песни страны» вдохновит ныне живущих поэтов, композиторов, солистов создать новые хорошие песни, достойные стать «лучшими песнями страны».

В тот же день «Радио России» дало эфир талантливому детскому песенному коллективу «Талисман», в котором детишки

с 4–5-летнего возраста прекрасно пели хорошие песни. И сердцем, и душой.

Это не может не радовать… Ибо хорошая песня нам «жить помогает». И выживать в современной России.

Много песен нашего советского времени прозвучало по «Радио России» в передаче «Были на виниле». Порадовало и телевидение сюжетом «Достояние Республики» – тоже советскими песнями, возвращающимися из небытия…

Огромный вклад в популяризацию многих советских песен внесли вокально-инструментальные ансамбли, среди которых особенно выделяются «Самоцветы». И в современной России они остаются верны своему замечательному репертуару, созданному в советские годы. Знаковой песней, своего рода «паролем» «Самоцветов» остаётся вдохновенная песня «Наш адрес – Советский Союз».

Ни в советские годы, ни в настоящее смутное время невозможно слушать её без волнения и величайшей гордости за советскую державу, которой сегодня нет на карте планеты, но которая живет и будет жить в памяти и сердцах миллионов людей, строивших и защищавших свою великую и величественную социалистическую Отчизну, непоколебимо верящих в её возрождение.

Добрую славу о себе создали и такие вокально-инструментальные ансамбли, как «Пламя», «Песняры», «Сябры» и многие другие.

Но корёжит душу, когда в сегодняшней «ново-русской» России находятся люди, негодующие по поводу самых ярких советских песен.

Вот лишь один пример. Некто Игнатенко обратился к Виктору Татарскому в «Радио России», ведущему передачу «Встреча с песней» с таким письмом: «Надеюсь, вы выполните мой заказ. Мне не надо песен, подобных той, в которой поётся, что советский солдат „три державы покорил“ и получил в награду „травой поросший бугорок“. Мне лучше „трофейную песню“, то есть фашистскую». Ведущий радиопередачу не смутился и в тон «цинику» поставил фашистский марш, созданный в тридцатые годы XX века…

…Сколько радости и тревоги, воспоминаний и благодарных слов рождалось в душе в майские дни 2010 года, в 65-ю годовщину немеркнущей Победы. Особая признательность тем радио-и телеканалам, которые подарили нам наши любимые волнующие, прекрасные песни военных лет или посвященные

военным годам. Так бы почаще. А еще лучше – так бы всегда. Только не получится. Не позволит этого криминальный капитал – полновластный хозяин современной России. Смертельно боится он всего советского. И песен тоже…

Перечитал написанное и подумал: названы многие хорошие песни, назван ряд талантливых исполнителей. Сознаю, что не все… Да, «нельзя объять необъятное». А вот о поэтах и композиторах, создавших великое множество замечательных песен, которые навсегда вошли в летопись советской эпохи, доброе слово скажу. О поэтах-песенниках: М. Исаковском, А. Фатьянове, Е. Долматовском, Л. Ошанине, А. Суркове, М. Светлове, В. Лебедеве-Кумаче, К. Симонове, Н. Доризо, В. Харитонове; о композиторах: В. Соловьеве-Седом, А. Новикове, Б. Блантере, К. Листове, Д. Покрас, В. Захарове…

Да разве всех назовешь?! И создателей, и исполнителей?!

Все они, и названные, и неназванные здесь, – величайшее достояние советского времени. Слава им всем!

Нам песни строить и жить помогали. И сейчас живем не только доброй памятью о них. Они помогают выжить, выстоять в этом горестном, мрачном и подлом времени…

Марк Бернес.

Валентина Толкунова.

Глава седьмая. «Спартак» в нашей жизни

Если бы в своей трилогии «Мы родом из СССР» я не коснулся этого сюжета, то у читателя сложилось бы неполное представление обо мне и моей жизни: «Спартак» занимал в ней весьма заметное место.

Своей зачаровывающей игрой и своими победами он приносил радость и вдохновение, делал жизнь интереснее; помогал снимать стрессы, каких было немало.

Я не могу назвать день, когда московский «Спартак» вошел в мою жизнь. Но хорошо помню, что имя вождя римских рабов отложилось в моей памяти во время чтения «Как закалялась сталь» в ноябре 1937 года.

В ней есть строки о книгах, которыми зачитывался юный Павка Корчагин. И в их числе книга Джованьоли о Спартаке. Кстати, по свидетельству Николая Петровича Старостина – фактического основателя «Спартака», именно название этой книги дало имя московской футбольной команде, которой суждено было стать одной из лучших команд нашей страны и, что совершенно бесспорно, самой популярной для многих поколений болельщиков.

В том же году я обнаружил футбольную команду «Спартак» (Москва) в таблице чемпионата СССР по футболу на страницах харьковской областной газеты «Социалистическая Харьковщина», которую выписывал отец, и каждый номер которой я прочитывал, что называется, «от корки до корки». В довоенные годы моя мальчишеская осведомленность о «Спартаке» этим и ограничивалась. Радио в образе «черной тарелки», прикрепленной на столбе в центре городской площади, я видел, направляясь в библиотеку за книгами. Но о чем оно вещало, не знаю. Из прерывистого хрипа, доносившегося с «радио-тарелки», что-либо понять было почти невозможно. О телевидении вообще не было ни малейшего представления. Впервые это «чудо» я увидел в каком-то «фантастическом» кинофильме о войне в самый канун Великой Отечественной. Возможно, это был фильм «Неустрашимые»…

Трудное военное и послевоенное время на многие годы отодвинуло мое дальнейшее знакомство со «Спартаком». Только в период работы в комсомоле, в 1947–1954 годах, когда газеты и радио стали каждодневным средством общения с жизнью страны, я снова стал ловить каждое слово о «Спартаке». Всё сильнее возраставший интерес к команде, очень скоро перерос в безграничную любовь…

Ещё в довоенные годы «Спартак» прочно обосновался среди лучших советских команд. Первый всесоюзный чемпионат СССР по футболу состоялся в 1936 году. За пять предвоенных лет «Спартак» трижды становился чемпионом СССР, дважды в 1938 и в 1939 гг. выигрывал и чемпионат, и Кубок СССР. Уже тогда сформировался «почерк» «Спартака», характер и дух команды. Своей виртуозной игрой, своей волей к победе спартаковцы зажгли и пленили сердца миллионов советских людей разных поколений. Без преувеличения можно сказать, что за всю историю советского и российского футбола ни одна команда не имела такой огромной армии неистовых болельщиков, как «Спартак».

Всё это я узнал задолго до того, как судьба подарила мне радость встречи со «Спартаком», возможность увидеть команду в «живом виде» на футбольном поле. А произошло это осенью 1953 года, когда мне уже исполнилось двадцать шесть лет. Об этом рассказано в книге – «Время нашей молодости»…

В то время я работал заведующим военно-физкультурным отделом Приморского крайкома комсомола. В этом качестве участвовал в семинаре, проводившемся Центральным Комитетом комсомола. Организаторы семинара позаботились о том, чтобы его участники побывали на спортивных мероприятиях, проходивших в Москве. И, в частности, на футбольном матче лучших команд страны – «Спартака» и ЦДКА (ЦСКА) – на «Динамо», в то время главном столичном стадионе.

С нескрываемым волнением шел на первую встречу с любимой командой. Да и вообще на футбол такого уровня. Пришел на стадион задолго до начала игры. Моими соседями на трибуне оказались весьма приветливые, уважительные люди. А когда узнали, что приехал из Владивостока и впервые на большом футболе, что я – давний болельщик «Спартака», – то вообще окружили меня и «теплом», и «заботой».

Замечу, в то время атмосфера на стадионах была доброжелательной, дружелюбной. Без громогласной оскорбительной брани, матерщины, хулиганских проявлений. Во всяком случае, ни на том моём первом посещении московского футбола, ни в последующем, в 50-е–70-е годы – я такого рода «болельщиков» на стадионах не встречал. Хотя каждый «болел» за свою команду со всем жаром души, азартно, страстно, одержимо. Но без дикого фанатизма, присущего для «фанатов» всех футбольных команд в нынешние «новейшие» времена.

На той памятной первой встрече со «Спартаком» соседи по трибуне помогли мне распознать и разглядеть спартаковцев, а заодно и армейцев. (Я знал всех их поименно, но до этого многих не видел даже на газетных и журнальных фотографиях).

Вечер был довольно прохладный, а порывистый ветер «пробирал до костей». Мои соседи по-доброму, просто и непринужденно предложили мне сто граммов «московской», а на закуску – бутерброд с колбасой и помидором: «Не то простудишься».

Тогда это было в «порядке вещей…»: выпить сто граммов «для согрева». Ни пьяных, ни буйных среди болельщиков не увидел. Как не увидел и неприязненных оскорбительных отношений к болельщикам команды соперников.

Выходя со стадиона, болельщики обеих команд уважительно и почтительно говорили друг с другом сочувственно: «В следующий раз ваши победят, не расстраивайтесь сильно».

Очередная встреча со «Спартаком» на том же динамовском стадионе в Петровском парке состоялась спустя два года, в 1955 году. И снова, как и на первой встрече, как и на любой другой с участием «Спартака», легко было убедиться в справедливости перефразированных песенных строк о футболе, что «упрямо едет прямо на „Динамо“ вся Москва» … поболеть за «Спартак» …

И эта новая встреча с такой же великолепной и победной игрой «Спартака» была для меня вдохновенным праздником. Впрочем, замечу: всегда, многие годы и десятилетия, я ждал каждую встречу с любимой командой с радостным волнением, с прекрасным настроением. Даже если эта встреча была «не наяву», а у телевизора…

Конечно, очень переживал поражения. Хотя хорошо помнил: «Футбол есть футбол»; «Спорт есть спорт»: в нём всегда есть победители и побежденные, выигравшие и проигравшие. Твёрдо верил, что в новой встрече «Спартак» непременно победит. С большим нетерпением ждал каждую новую встречу со своей командой, ставшей «единственной», «без которой мне не жить». С болью переживал и ничейные результаты, даже если они были «по игре».

В моём представлении «ничья» для «Спартака», – это не его «планка». Это для тех команд, для которых «ничья» – «якорь спасения», чтобы не пойти «на дно» турнирной таблицы. Для «Спартака» – «ничья» – это почти поражение. Спартаковский болельщик – максималист. Он ждёт от любимой команды только побед – ярких, убедительных.

Настоящая спартаковская «болезнь» окончательно стала неотъемлемой частью моего бытия в 50-е – 60-е годы, – во время жизни и работы в Туапсе. С волнением и нетерпением ждал каждый радиорепортаж, а когда пришел к нам в квартиру телевизор, – прилипал к экрану, зачарованный волшебством спартаковского футбола.

…Хорошо известно, что у истоков «Спартака» стояли братья Старостины: Николай, Александр, Андрей и Пётр.

На почве беззаветной «болезни» за «Спартак» состоялось и моё знакомство с Николаем Петровичем, переросшее в многолетние добросердечные отношения. Лично был знаком и с Андреем Петровичем, который, без преувеличения, являлся одной из популярнейших и авторитетнейших личностей в советском футболе.

…К сожалению, случилось так, что в самом начале Великой Отечественной войны, по воле Берия, тогдашнего наркома НКВД, четыре знаменитых футболиста «Спартака» – четыре брата-коммуниста на многие годы были брошены по ложному обвинению в тюрьмы и исправительно-трудовые лагеря. Замечу, что трое из них были – орденоносцами, удостоенными высоких правительственных наград за большой вклад в развитие советского футбола.

В 1937 году Николай Петрович был награжден орденом Ленина, Александр Петрович – орденом Трудового Красного Знамени, Андрей Петрович – орденом «Знак Почета». Из одиннадцати награжденных тогда лучших футболистов страны – трое – братья Старостины.

Кстати, в том же 1937 году «новорожденный» «Спартак», единственный из ведущих советских команд, с разгромным счетом 6:2 победил «непобедимых» в то время басков, которым проиграли: дважды – московское «Динамо»; «Локомотив», сборная Ленинграда и другие. «Спартак» стал ярчайшей звездой в советском футболе. Это вызвало взрыв недовольства и «жажду мести» у «всемогущего» Берии, главного «куратора» «Динамо», с которым «Спартак» не только играл на равных, но и одерживал победы.

…После ошеломляющей победы над басками «Спартак» успешно отстаивал честь Советского Союза на третьей рабочей Олимпиаде в Антверпене, а затем выиграл турнир в Париже, приуроченный к Всемирной выставке. Это, однако, не только не обрадовало наркома НКВД, а еще больше взбесило…

В те самые дни, когда «Спартак» победно сражался за честь советского спорта, в одной из газет появилась статья «О насаждении в Обществе „Спартак“ буржуазных нравов». Как вспоминал впоследствии Николай Петрович Старостин: «Среди прочего бреда там говорилось, что братья Старостины – первоисточник вредных для советского спорта настроений».

Каких же? В статье раскрывалась страшная «тайна», что в «Спартаке» спортсмены получали деньги. Им действительно платили стипендию около восьмидесяти рублей. Умалчивалось

же главное, что делалось это по решению Всесоюзного Комитета физкультуры и спорта, утвержденному заместителем Председателя Совнаркома СССР А. И. Микояном…

Братья Старостины обратились к Первому секретарю ЦК комсомола Александру Васильевичу Косареву. Тот добился опровержения злобного клеветнического вранья: вскоре в «Известиях» появилась короткая заметка «Дело братьев Старостиных прекращено». Как сказал тогда Андрей Петрович Старостин: «Бомба не взорвалась». Но она и не была обезврежена.

Между тем, в стране шли повальные аресты «врагов народа». В их числе оказались и спортсмены, в том числе, спартаковцы и их покровители. «Врагом народа» был объявлен и А. В. Косарев.

В «Спартаке», по воспоминаниям Н. П. Старостина, «все считали себя обречёнными». Но «Спартак» продолжал наращивать свой авторитет великолепной игрой и безупречными победами. Два года подряд «Спартак» выигрывал Кубок и первенство страны. Этот рекорд оставался непревзойденным на протяжении всей последующей истории советского футбола. «Дубль» 1939-го года был из ряда вон выходящий, и о нем не могу не рассказать.

…В 1939 году «Спартак» выиграл в полуфинале Кубка СССР у тбилисского «Динамо» со счетом 1:0. Руководство грузинской команды подало протест. Всесоюзная футбольная секция и Всесоюзный Комитет по физкультуре и спорту отклонили его. «Спартак» побеждает в финале и выигрывает Кубок.

И тут, по «высочайшему повелению» зловещего Берия, вопреки логике и спортивным законам, назначается переигровка полуфинала… после прошедшего финала Кубка. Остановить этот дичайший произвол не смог даже первый секретарь МГК ВКП(б) и Секретарь ЦК партии А. С. Щербаков…

Переигровка состоялась. «Спартак» повторно победил тбилисское «Динамо» в полуфинале со счетом 3:2. Справедливость восторжествовала: «Спартак» остался обладателем Кубка СССР по футболу.

Через месяц после этой абсурдной переигровки, в ноябре 1939 года, «Спартак» снова встречается с тбилисским «Динамо» уже в календарном матче на первенство страны. При отвратительной погоде и мокром снегопаде «Спартак» вновь побеждает соперников со счётом 3:0. Эта победа открывает «Спартаку» «зелёную улицу» к золотым медалям, к победе в чемпионате. «Спартак» выигрывает «дубль» второй год подряд!

И одновременно, по образному выражению Николая Петровича, «дьявол в обличье Берия включил часы судьбы братьев Старостиных. Она была предрешена».

Это прояснится спустя три года, в 1942 году, на Лубянке. Во

время одного из допросов следователь НКВД спросил у арестованного Николая Петровича Старостина: «Почему Молотов не подписал ордер на ваш арест в 1939 году?» Николай Петрович логично сказал: «Думаю, что на этот вопрос может ответить только сам Вячеслав Михайлович». Стало ясно, что «делу Старостиных» Берия мог дать ход еще в 1939 году, если бы не случилось «непредвиденное»: Председатель Совнаркома СССР В. Н. Молотов не подписал ордер на их арест.

Прошло три года и новый ордер на арест Н. П. Старостина подписал Секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков. В ночь с 20 на 21 марта 1942 года были арестованы Николай, Андрей и Петр Старостины. А спустя сутки-двое и Александр, служивший в то время в чине майора в Действующей Армии.

Так, все участники мифического «дела Старостиных» оказались в тюрьме. Как это не выглядит глупо и абсурдно, но после того, как на допросах братья Старостины аргументировано отвергли нелепые обвинения в их принадлежности к «террористической» группе, возникло «старое» обвинение, которое было предъявлено им еще в 1939 году в газетной статье «О насаждении в Обществе „Спартак“ буржуазных нравов».

В приговоре военной коллегии Верховного Суда СССР, вынесенном братьям Старостиным, была обозначена их «антисоветчина». Как впоследствии писал Николай Петрович, суть её была следующая: «Мне вменили в вину попытки протащить в советский спорт буржуазные нравы; Александру и Андрею – то же, что и мне; Петру – его единственную фразу, что „колхозы себя не оправдывают, а зарплата советских инженеров мала“. Нам дали по десять лет лагерей…»

Каждый из братьев прошёл свой «маршрут». И только спустя двенадцать лет, после расстрела Берия и всех его преступных «подельников», братья Старостины обрели свободу.

9 марта 1955 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР «по вновь открывшимся обстоятельствам» отменила приговор от 18–20 октября 1943 года в отношении Н. П. Старостина, и «дело о нем» было прекращено. Такое же решение было принято по «делам» и остальных братьев Старостиных.

Когда они собрались все вместе, по свидетельству Николая Петровича, Андрей Петрович произнес свою знаменитую фразу:

«Всё проиграно, кроме чести».

Вскоре все четыре брата Старостиных были восстановлены в рядах Коммунистической партии с сохранением партийного стажа…

Я узнал о торжестве правды и справедливости в отношении Николая Петровича Старостина по радио в том же 1955 году, еще

находясь на Дальнем Востоке: об этом он сам рассказал в интервью журналисту.

С того же года и до конца своей жизни Николай Петрович Старостин был начальником футбольной команды московского «Спартака». По его собственному выражению, для него футбол был «не увлечением, а смыслом жизни».

В советские годы, с 1936-го по 1990-й, когда разыгрывалось первенство и Кубок СССР по футболу, – «Спартак» двенадцать раз становился чемпионом СССР и девять раз – обладателем Кубка СССР. Николай Петрович Старостин лично причастен к девяти победам «Спартака» в чемпионате СССР и к шести – в розыгрышах Кубка СССР. Имя Николая Петровича Старостина – знаковое не только в истории «Спартака», но и в целом в истории советского футбола. Заслуги его невозможно переоценить.

Считаю для себя величайшим счастьем, что судьба подарила мне возможность знать его лично, встречаться и общаться с ним, восхищаться его редчайшим талантом и мудростью, его безупречной нравственной и душевной щедростью. Я был в числе тех многочисленных почитателей Николая Петровича, которые обращались в высшие партийно-правительственные и спортивные органы с предложением о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда. Было это в 1987 году, когда Николаю Петровичу исполнилось 85 лет. Но он продолжал служить отечественному футболу и московскому «Спартаку» ещё ряд лет, до последних дней своей жизни.

…Впервые я отважился написать Николаю Петровичу в памятном для него, возглавляемой им команды и бесчисленной армии спартаковских болельщиков в 1958 году, когда **в третий раз** в своей истории по итогам футбольного сезона в сверх трудной борьбе «Спартак» **сделал «дубль»**: завоевал Кубок и стал чемпионом СССР.

За всю историю советского футбола этот рекорд не был побит. Но, если бы даже такое случилось, «Спартак» навсегда остался бы уникальным победителем, ибо дважды, в 1939 и в 1958 годах «дубль» был им взят после невероятно драматических переигровок. О первой я уже написал. Кратко расскажу и о третьем «дубле» в 1958 году.

Путь к этой легендарной третьей вершине был для тогдашнего «Спартака» чрезвычайно трудным.

В одной восьмой Кубка «Спартак», играя 6 октября 1958 г. в столице Украины с киевским «Динамо», добился убедительной победы с разгромным счётом 4:0. В полуфинале в тяжелейшей борьбе «Спартак» одолел московское «Динамо» со счётом 2:1. Второго ноября 1958 года в ожесточенной двухчасовой борьбе

«Спартак» выиграл у «Торпедо» финал и в шестой раз стал обладателем Кубка СССР.

После этих изнурительных испытаний «Спартаку» предстояла переигровка встречи с киевским «Динамо» на первенство страны, которая проходила в «Лужниках» 15 августа 1958 года и окончилась победой спартаковцев со счётом 3:2. Третий, победный гол в ворота киевлян забил Никита Симонян за 13–15 секунд до конца встречи. Когда мяч был доставлен на центр поля, и прозвучал финальный свисток главного судьи, на его секундомере время показывало 45 минут 9 секунд. Киевляне опротестовали результат встречи, ссылаясь на просроченное время. Все попытки «Спартака» избавиться от незаслуженного дополнительного испытания оказались тщетными.

Результат встречи был аннулирован. У «Спартака» после этого осталось 30 очков и переигровка с киевским «Динамо». Московское «Динамо» закончило сезон с 31 очком. Складывалась ситуация, при которой затрагивались интересы трех команд.

Если бы «Спартак» проиграл повторную встречу с киевским «Динамо», то чемпионом СССР становилось московское «Динамо». Если бы эта игра закончилась вничью, то «Спартак» и московское «Динамо» получали одинаковое количество очков – 31. В этом случае предстояла бы еще одна переигровка «Спартака» с московским «Динамо».

Победа в переигровке с киевским «Динамо» давала «Спартаку» титул чемпиона страны и третий «дубль» в истории советского футбола.

Интерес к предстоящей переигровке, назначенной на 8 ноября 1958 года, был небывалый. Стадион в «Лужниках» был перезаполнен болельщиками. Никто не сможет ответить на вопрос: сколько болельщиков не вместил в этот день столичный стадион. Неимоверно напряженный драматичный поединок закончился победой «Спартака» со счетом 3:2. У спартаковцев два гола в этой встрече забил легендарный Сергей Сальников и один – Анатолий Ильин, – лучший бомбардир того незабываемого сезона.

Жили мы тогда в Туапсе. Телевизора у нас не было. Узнавали о спартаковских победах из неповторимых радиорепортажей незабвенного Вадима Синявского.

На второй день после этой, поистине исторической спартаковской игры, я и послал первое поздравление «Спартаку» на имя Николая Петровича Старостина. Спустя примерно месяц, к моей превеликой радости, пришло ответное благодарное письмо.

В 1962 году я вновь поздравил «Спартак» со званием чемпиона, а в 1963-м и в 1965-м с завоеванием Кубка СССР. Эти

три победы со мной разделила вся семья – всё «К.И.Н.О.»: Коля, жена Нина и я. Все трое уже были страстными болельщиками «Спартака».

Ответы от Николая Петровича приходили не всегда. Я хорошо понимал, как многочисленно племя неистовых спартаковских болельщиков и сколько из них посылает письма в адрес любимой команды.

Когда же состоялась наша первая встреча и знакомство «наяву» с Николаем Петровичем, и я напомнил ему о себе, то он сразу же среагировал: «Как же, конечно я знаю Вас по Вашим теплым, душевным письмам, поздравлениям и добросердечным пожеланиям. Спасибо Вам. Вы уж извините, что я не всегда могу ответить. Такая суматошная у меня должность…»

До 1968 года мои поездки в Москву носили эпизодический характер. Но любую из них я использовал для того, чтобы непременно повстречаться с любимой командой, побывать на её матчах. А последующие почти два десятилетия использовал каждый трудовой отпуск, научную командировку или поездку в столицу по общественным делам для того, чтобы иметь возможность ежегодно проводить в Москве полтора-два месяца, а то и больше. В это время ни одна игра основного состава и дубля «Спартака», проходившая в Москве или в Подмосковье, мною не пропускалась. За редким исключением, моими неизменными спутниками на матчи были жена и сын.

С Николаем Петровичем общались мы чаще всего на играх дублёров «Спартака», которые, как правило, проходили в «домашних матчах» – на спартаковской базе в Тарасовке, на «Красной Пресне» или в Сокольниках. Если же «Спартак» играл «в гостях» у других московских команд, то дублёры играли на их стадионах. Естественно, мы «находили» игры спартаковских дублёров, где бы они не проводились…

Встречался с Николаем Петровичем и в его рабочем кабинете, в здании Московского городского Совета «Спартак», рядом со станцией метро «Красносельская». Каждая встреча с легендарным «патриархом» «Спартака» и советского футбола была памятным, волнующим событием.

Кстати, именно на играх спартаковских дублёров познакомились мы и с Андреем Петровичем Старостиным, и со многими именитыми ветеранами «Спартака»…

А в межсезонное время я «навещал» Николая Петровича письмами. Наши встречи и контакты сохранялись до 1987 года, собственно говоря, до начала «трагического» исхода советской эпохи, когда заботы и тревоги за судьбу страны и за собственную судьбу стали главными…

Самое время вернуться к летописи «Спартака». В 1940-м произошел «обвал» команды первого «набора», вызванный рядом обстоятельств, среди которых не последнее место занимала драматическая судьба братьев Старостиных.

И только в послевоенные годы, когда от былого величия «Спартака» оставались одни воспоминания, его старшим тренером стал А. Х. Вольрат. Ему удалось возродить победную игру «Спартака»: в 1946-м и 1947-м годах он дважды завоевывает Кубок СССР. В 1950 году, уже при новом тренере, команда снова обретает Кубок СССР.

В 1952 году тренерский штурвал переходит к коренному спартаковцу В. Н. Соколову. Под его руководством «Спартак» остался на достойном месте в советском футболе. Два года подряд, в 1952-м и в 1953-м, становится чемпионом СССР.

Наряду с именитыми спартаковцами в эти годы в команду приходят молодые таланты: Б. Татушин, М. Огоньков, А. Исаев и другие. Благодаря им спартаковские дублеры также завоевывали первое место…

В 1955 году на новой «взлетной» волне «Спартака» на должность начальника команды приходит Николай Петрович Старостин. В это же время старшим тренером «Спартака» становится Николай Алексеевич Гуляев. Он «родом» из «Спартака». В 1936–1939 годах в его составе он становился трехкратным чемпионом СССР и двукратным обладателем Кубка СССР.

Новое четырехлетие «Спартака» ознаменовалось завоеванием командой звания чемпиона страны и Кубка СССР – в 1958-м году.

Да, можно говорить, выражаясь языком Н. П. Старостина, что Н. А. Гуляеву «посчастливилось попасть на алмазную россыпь». Пусть так, но ведь и драгоценные камни нужно суметь огранить и отшлифовать. Это Николаю Алексеевичу удалось сделать.

В 1956-м в Мельбурне сборная СССР по футболу стала олимпийским чемпионом. В том знаменитом олимпийском составе было целое созвездие спартаковцев – выдающихся мастеров футбола: Н. Тищенко, М. Огоньков, А. Масленкин, А. Парамонов, И. Нетто, Б. Татушин, А. Исаев, Н. Симонян, С. Сальников, А. Ильин. Восемь из них были участниками финальной игры и стали обладателями золотых олимпийских медалей. Золотой гол югославам в том олимпийском финале забил спартаковец **Анатолий Ильин**. Капитаном олимпийской сборной был несравненный **Игорь Нетто.**

Спартаковская команда тех лет – это исполинский коллектив волшебников кожаного мяча. Великолепной девяткой в «Спартаке» и в сборной СССР в течение ряда лет был **Никита**

Симонян. Его рекорд – 34 гола в сезоне. В его активе – победа на Олимпийских играх в Мельбурне и четыре победы в первенстве страны.

Сергей Сальников, прежде чем оказаться в составе «Спартака», блестяще играл в ленинградском «Зените» и в московском «Динамо». «Техника и физическая прочность – вот идеал нападающего, – писал Николай Петрович Старостин. – Индивидуальная игра и командная тактика – вот его кредо. Эталоном в этом плане, я считаю, был инсайд номер один всех времен – Сергей Сальников. С его именем связаны представления о лучшей технике советского футбола, об элегантности спартаковской школы игры».

«Сергей Сальников – лучший нападающий в мире», – писали итальянские газеты в 1957-м году. Тогда спартаковец забил два сверкающих гола в ворота «Милана» – чемпиона Италии того года.

В календарных встречах Сергей Сальников забил более 100 голов. Его сотый гол оказался и тысячным в активе московского «Спартака». Многие из них были решающими, как и те два мяча, которые забил он в пресловутой переигровке в 1958-м году с киевским «Динамо», спасая «Спартаку» звание чемпиона и дубль. Это была его лебединая песня…

Я особо отметил четырех спартаковцев той легендарной олимпийской команды, но самых добрых и высоких оценок заслуживают и другие футболисты, входившие в тогдашний её состав…

Смена поколений – явление весьма болезненное, но неизбежное в футболе, как и вообще в спорте. «Спартак» 60–70-х годов, – это команда наивысшего взлета моей «болезни» за любимый клуб. Во-первых, в то время я имел возможность часто бывать в Москве; во-вторых, в нашу квартиру пришёл телевизор; и в-третьих, из года в год взрослел сын – «друг мой Колька», становясь страстным приверженцем «Спартака»; «прибаливала» «Спартаком» и Нина – жена и мама двух «неистовых» болельщиков в семье. «Мы преданы единственной команде – команде, без которой нам не жить…»

В 1961 году старшим тренером «Спартака» становится 35-летний Никита Павлович Симонян. В первый год – «бронза»; на второй – золото; на третий – «серебро» и Кубок СССР. Еще через два года – «Спартак», ведомый Н. П. Симоняном, снова выигрывает Кубок. Этими победами начиналась летопись нового состава «Спартака». В 1962 году, в играх на первенство, и в 1963 году – в борьбе за Кубок участвовал «последний из могикан» предыдущего состава несравненный «исполин» Игорь Нетто, как

его любовно называл Н. П. Старостин. Ему, многолетнему капитану команды, выпала честь передавать эстафету замечательных побед легендарных предшественников – новому поколению спартаковцев.

В новом поколении спартаковской команды сложилась блестящая полузащита: Николай Киселев, Василий Калинов, Виктор Папаев; в нападении виртуозно играл «маленький гигант» Галимзян Хусаинов, много лет являвшийся капитаном «Спартака», и великолепный Николай Осянин; в защите надежно действовали Анатолий Крутиков и Геннадий Логофет. Под стать им были и другие футболисты. С их именами связаны многие победы «Спартака», и в частности, завоевание золотых медалей на первенстве страны в 1969-м году и Кубка СССР – в 1971-м. Эти незабываемые победы и сегодня помнятся яркостью и яростью игры в самом хорошем смысле, мужеством и непреклонной волей любимой команды. В них в полной мере проявились спартаковский дух, спартаковский характер, спартаковская игра, – всё то, за что миллионы людей любят «Спартак», болеют за «Спартак», гордятся «Спартаком»…

Матч «Спартака» с киевским «Динамо» осенью 1969 года – один из самых знаменитых за всю историю советского футбола. Цена той игры была очень высокой. Фактически в ней решался вопрос о чемпионе страны. В случае победы киевских динамовцев, – они в четвертый раз подряд могли стать чемпионами. Победа «Спартака» в том матче означала завоевание им этого высокого звания.

Встреча проходила в Киеве на стотысячном стадионе, в холод и снежную метель. Погода – хуже не придумаешь.

Играя дома, динамовцы ощущали мощнейшую поддержку стотысячной аудитории страстных болельщиков, уверенных в победе своей титулованной команды. Слабонервная приезжая команда в такой атмосфере могла сникнуть. Но «Спартак» образца 1969 года не оробел. Он был одержимым, играл азартно, раскованно и даже с каким-то обезоруживающим противника озорством. Игра приближалась к концу: оставались считанные минуты. На весьма почтительном расстоянии от своих ворот киевляне нарушают правила. Судья назначает штрафной. Сколько их таких штрафных пробивает за игру каждая команда.

И почти невероятно, что можно с такого положения забить гол. К мячу подходит **Николай Осянин** – главный бомбардир «Спартака». Мощнейший, искуснейший, неотразимый удар и мяч вонзается в «девятку» динамовских ворот. Мяч из числа не берущихся. **«Золотой гол»** – во всех смыслах, принесший «Спартаку» победу и звание чемпиона страны.

…Стадион замер. Обескуражены киевская команда и её знаменитый главный тренер В. А. Маслов. Шокирована стотысячная аудитория динамовских болельщиков на стадионе и миллионы за его стенами. Неизмеримая радость спартаковцев-победителей и миллионов их болельщиков по всей стране, смотревших по телевизору этот великолепный матч. Непередаваемо счастливым был тот вечер и для нас «спартаковской» семьи.

Мы жили тогда уже в Краснодаре, в общежитии педагогического института. Но телевизор у нас в комнате был. Он подарил нам счастливую возможность провести вечер «рядом» с любимой командой, с честью выдержавшей труднейшее состязание и одержавшей немеркнущую победу…

Всей семьей, но уже в «живом виде», нам выпала редкая счастливая возможность смотреть финал Кубка СССР по футболу в Лужниках в 1971 году. Тогда в двухдневной драматической борьбе «Спартак» вырвал победу у ростовского СКА. Об этой игре я подробнейшим образом уже рассказал в главе «Время летних отпусков».

Завоевание Кубка СССР «Спартаком» в 1971 году, к сожалению, было последним в истории «Спартака» советского времени, хотя до его окончания было еще два десятилетия. Да и возможности были: в 1972 и в 1981 «Спартак» еще дважды играл в финале Кубка СССР. Но оба финала проиграл далеко не сильнейшим командам.

«Кубковый» характер «Спартака» больше не срабатывал. Были красивые, удачные игры; были призовые места. Но победы и в чемпионате, и в розыгрыше Кубка из года в год ускользали. Как выражался Николай Петрович Старостин, спартаковцы «не по-спартаковски проигрывали»…

В 1975 году киевское «Динамо» уже с новым «всепобеждающим» тренером Валерием Лобановским становится чемпионом страны, обладателем Кубка Кубков и Суперкубка Европы, по праву становится базовой командой сборной СССР.

В том же году «Спартак» оказался на десятом месте – после второго места и серебряных медалей в предыдущем, 1974 году. Такой вот получился обвал, хотя по составу игроков, знавших суть спартаковской игры, и обладавших футбольным мастерством, «Спартак» оставался почти неизменным. Да и во главе команды стояли те же многоопытные специалисты спартаковской школы: начальником команды был всё тот же Н. П. Старостин, старшим тренером – Н. А. Гуляев, – с именами которых связаны многие яркие страницы истории «Спартака». Но вот игра у команды не пошла. Надо было принимать меры. И они

были приняты. Как это часто бывает при неудачах в работе, случайных, временных или закономерных, – приняты были меры «волевым», административным путём…

Осенью 1975 года руководителям команды «намекнули», что «пора отдохнуть», и те написали заявления об освобождении от занимаемых должностей. «Вышестоящие» органы решили «омолодить» руководство «Спартака». И омолодили. Начальником команды был назначен Иван Варламов; старшим тренером – Анатолий Крутиков; тренером – Галимзян Хусаинов. Все – спартаковцы. Все в недавнем прошлом – хорошие футболисты, с именем. Это и послужило основанием для их назначения. Но авторитетный футболист вовсе не обязательно может быть хорошим тренером. Не раз и не два подобного рода скороспелые назначения приводили к отрицательным последствиям для судьбы команды, да в известной мере, и для их собственного авторитета. К тому же А. Крутиков, ставший главным действующим лицом в именитой команде, с чрезмерной самоуверенностью вознамерился произвести «реорганизацию» и команды, и её игры «топорным» методом. Возомнил себя «сильной личностью», прибегнул к диктату, не желая никого слушать и ни с кем не считаясь. Стал действовать бестактно, самонадеянно, слепо веря в удачу… Пошла чехарда с составом. Неудача за неудачей на футбольном поле…

В 1976 году было два чемпионата – весенний и осенний. Очередной эксперимент. В весеннем – «Спартак» оказался на 14-м месте (при 16 участниках); в осеннем – на 15-м.

Это означало: «Спартак» – многократный чемпион и обладатель Кубка СССР – покидает высшую лигу. Правда, где-то в глубине души таилась надежда: может быть, руководство футбола пойдет на расширение числа команд высшей лиги? Так было в 1967 году, когда последнее место занял ленинградский «Зенит».

Но здравый смысл брал верх: это – неправомерно, не по-спортивному. Никакие послабления, исключения из правил ни для кого делать нельзя. Доброе имя, авторитет надо восстанавливать достойной игрой в первой лиге, отвоеванием своего права на «законное» возвращение в высший эшелон футбола.

Волнения. Треволнения. Всё это было. Но мы ни на йоту не теряли веру в силу «Спартака» и всей душой, всем сердцем оставались с ним.

«Спартаку» нужен был тренер с именем, с талантом, с характером, хорошо понимающий, что от него требуется, какую цель перед собой и командой ставить и каким путем её достичь. Имя такого человека назвал Андрей Петрович Старостин:

«Константин Иванович Бесков». Он, коренной динамовец, – в то время находился в опале в родном клубе, заведовал отделом футбола городского совета «Динамо». Константин Иванович, не без колебаний, принял предложение и высказал просьбу, чтобы на должность начальника команды вернули Николая Петровича Старостина.

Недавно сын передал мне материал, найденный им в Интернете, видимо, на сайте «Спартака». В нём есть интересные строки, относящиеся к судьбе команды. Вот они: «Столичные начальники поступили мудро: отозвали с заслуженного отдыха пенсионера Николая Старостина и предоставили ему карт-бланш на создание руководящего штаба команды. Шанс был использован сполна. В „Спартаке“ появился великий тренер Константин Бесков. Смелость шага, на который Николая Петровича подтолкнул брат Андрей, до сих пор удивляет.

Бесков превосходно играл форвардом против красно-белых в 40-е – начале 50-х годов, а затем успешно тренировал родную динамовскую команду, других… „заклятых друзей“ „Спартака“. Тем не менее, нигде ему не давали времени довести до логического конца начатое. Особенно характерен пример со сборной СССР, которую Константин Иванович возглавлял в начале 60-х годов. Второе место, завоеванное сборной СССР в чемпионате Европы-64, было признано крупной неудачей и привело к отставке главного тренера.

К слову, 24 года спустя, за такой же успех главного тренера сборной СССР превозносили до небес.

А какое восторженное славословие, возведенное до общероссийского торжества, было устроено в стране, когда голландский тренер Гус Хиддинг, на таком же чемпионате Европы в 2008 году, вывел сборную России в полуфинал (?!), где она крупно проиграла испанской команде.

„…Из песни слово не выкинешь“: Константин Иванович в „Спартак“ идти не хотел. Только суровый намёк главного московского коммуниста Виктора Гришина, вкупе с обещанием уладить дела полковника Бескова в его „Динамо“, подвигли замечательного футбольного новатора на непростой для него шаг».

Прочел эти строки и вспомнил, что я об этом уже читал в книге бывшего первого секретаря Московского горкома КПСС, члена Политбюро ЦК КПСС В. В. Гришина «От Хрущева до Горбачева. Политические портреты. Мемуары». Решил еще раз обратиться к ней. Оказывается, о роли В. В. Гришина в судьбе «Спартака» в 1977 году пишет не он сам, а один из его

помощников – Ю. П. Изюмов, – в статье, помещенной в названной книге.

Думаю, у него нет никаких оснований писать о том, чего не было, или не так, как было. Поэтому я решил вставить сюда его свидетельство. В числе прочих известных причин «вылета» «Спартака» из высшей лиги он называет еще одну: «Случившееся с командой было результатом заговора группы руководителей ведущих клубов: несговорчивый „Спартак“ постоянно путал карты в их договорных раскладах. Для миллионов же болельщиков этой, подлинно народной тогда команды… падение „Спартака“ было настоящей трагедией. Гришин, насколько я знаю, никогда не касался спортивных дел, считал, что партийной организации и без того есть чем заниматься. Но на сей раз изменил своему правилу, видя в судьбе „Спартака“ нечто большее, чем просто неудачу одного из московских клубов. Виктор Васильевич собрал несколько совещаний по этому вопросу, ища надежного решения. После долгих обсуждений, советов со специалистами, единственным выходом виделось приглашение в „Спартак“ К. И. Бескова, имевшего целый ряд неповторимых тренерских результатов. Но ведь он работал в ЦС „Динамо“ – вечного соперника „Спартака“! Надо было уговорить не только Константина Ивановича, но и министра внутренних дел Щелокова, в чьих кадрах он состоял…

Гришин сумел сделать и то, и другое. Бесков дал согласие перейти в „Спартак“, а Щелоков – откомандировать его туда без отчисления из МВД.

…Гришин сам помогал решать бесчисленные проблемы становления и совершенствования команды, и в течение всего сезона, который понадобился К. И. Бескову для возвращения „Спартака“ в высшую лигу, не упускал его из виду…

Лишь после того, как это совершилось, окончательно убедившись, что больше команде ничто не угрожает, ослабил внимание… к „Спартаку“, с которым К. И. Бесков… открыл новую страницу в развитии советского футбола». (В. В. Гришин. «От Хрущева до Горбачева». М. 1996, с.331, 332).

Мы, как истинные спартаковские болельщики, всегда были фанатично преданны единственной команде. Таковыми оставались и в том драматическом для «Спартака» сезоне 1977 года. Особенно в его начале. Ревностно следили и за новым тренером «Спартака» – К. И. Бесковым, и за составом команды.

Уход из «Спартака» Николая Абрамова, Юрия Пилипко, Владимира Редина мы восприняли безболезненно. Но расставание с такими спартаковскими легендами, как Николай Осянин (хотя ему уже исполнилось 35 лет) и Виктор Папаев было

очень грустным. Считали отчисление их из команды поспешным и неоправданным. Помню, я даже звонил Вячеславу Старшинову с просьбой выяснить у Николая Петровича Старостина мотивы такого решения, принятого К. И. Бесковым.

Спустя день-другой я снова связался с Вячеславом Старшиновым, и тот сообщил, что Николай Осянин и Виктор Папаев спокойно и осознанно отнеслись к своему уходу из «Спартака» в другие клубы.

Не знаю, у кого Вячеслав Старшинов получил эту информацию, но отнесся к ней с полным доверием. Хотя судьба Николая Осянина и Виктора Папаева всегда продолжала меня волновать. Как, впрочем, и других легендарных спартаковцев, независимо от причин, по которым они расстались с именитой и, надеюсь, родной для них командой.

Здесь я имею в виду, прежде всего, многолетнего лидера «Спартака» и любимца миллионов спартаковских болельщиков Евгения Ловчева. Сколько лет неистово на лужниковском стадионе звучало: «Женя Ловчев!!!» «Ловчев!!!» «Ловчев!!!» «Ловчев!!!» Самоотверженная игра Ловчева покоряла и зажигала сердца миллионов почитателей его величайшего таланта, его безупречного служения «Спартаку».

«Спартак» и Ловчев были для спартаковских болельщиков «единым целым», неотделимым друг от друга. Многие годы он был символом и паролем команды. Он отдавал всего себя «Спартаку», вместе с ним пережил пребывание в первой лиге и возвращение в высшую. И вдруг… Ловчев уходит в «Динамо»…

Позже обстоятельства прояснились. В 1978 году он сыграл за «Спартак», вернувшийся в высшую лигу, всего два матча. Спартаковские неудачи в начале сезона надломили Ловчева. Он не совладал с нервами и объявил руководству команды о своем желании уйти в московское «Динамо». Уговоры не помогли. Ловчев был неумолим: «Не хочу опять играть в первой лиге».

Конечно, это была ошибка. Ближайшее время показало, что «звезда» Ловчева, как выдающегося мастера футбола, закатилась…

«Очень скоро стало ясно, что Бесков необычайно точно соответствует той роли, которую ему предстояло сыграть в полуразрушенном „Спартаке“, – писал впоследствии Николай Петрович Старостин. – Он из тех тренеров, которые знают, чего хотят, и неуклонно, упорно идут к намеченному. Цель – вернуть „Спартак“ в высшую лигу – для него была и проходной, и попутной, само собой разумеющейся…»

Бесков с самого начала задумал создать команду, которая смогла бы выйти на первые роли. У него есть своя шкала

требований к игроку… К игроку его игры. И к командной игре тоже… Он работает с перспективой. Его любимое выражение: «Этого требует футбол завтрашнего дня».

«Спартак» пробыл в первой лиге всего один год – 1977-й. Но какой? Год 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Это, безусловно, был стимулирующий фактор и экзамен для коммунистов-руководителей команды. Таковыми были и начальник команды, и старший тренер. Коммунистами и комсомольцами в «Спартаке» практически были все игроки. Это тоже был рычаг, который в полной мере использовало руководство команды.

Но главным составляющим успеха «Спартака» были футболисты, игравшие в нём в этот труднейший и сложнейший год, их мастерство, их полная самоотдача в каждой игре, их характер, их воля и вера в победу, – в достижение цели, поставленной руководством команды.

Весь этот год наша семья жила в постоянной тревоге за исход каждой игры. Сын в это время был студентом философского факультета МГУ и, естественно, вместе со своим однокурсником Володей Маркиным не пропустил ни одной домашней игры «Спартака». Мы же с Ниной смотрели по телевидению те матчи, которые транслировались, или узнавали об их результатах по теле-, радиопередачам. Иногда, сразу после окончания матча, результат игры по телефону сообщал Коля.

Весь сезон «Спартак» сражался в каждом матче с полной отдачей сил. За год «Спартак» вернулся в высшую лигу. Надо ли говорить о радости, которую испытывали мы, его болельщики. Юбилейные дни Великого Октября «Спартак» и многомиллионная армия его поклонников отмечали уже в высшей лиге.

Кто же совершил это Чудо?

Вот авторитетнейшее мнение Николая Петровича Старостина:

«Год в первой лиге я вспоминаю с удовольствием. Наша команда росла и мужала в обстановке интереснейшей турнирной борьбы… К „Спартаку“ повсюду проявляли интерес не меньший, чем в высшей лиге, что, конечно, нас ко многому обязывало…

И специалисты, и журналисты писали: „Спартак“ вернулся из первой лиги в высшую не просто окрепшим и омоложенным, но и с новыми тактическими идеями, свежо прозвучавшими в тот момент, когда в нашем футболе образовался застой».

Добавлю от себя: пребывание в первой лиге пошло на пользу «Спартаку». Он вернулся оттуда другой командой на мощной свежей волне. Это явилось приятной неожиданностью для нас и послужило «уроком» для команд высшей лиги…

И все-таки: кто же «виновник» торжества?

Но сначала не «кто же?», а «что же?»

За несколько межсезонных месяцев было проведено удачное комплектование команды. Причем не за счет приглашения «звезд», а за счет безвестных, но способных, одаренных футболистов преимущественно из команд первой и второй лиги. К. И. Бесков, увидев их в игре, обнаружил в них задатки таланта, смело включил в основной состав команды, помог раскрыться. Да они и сами стремились к этому, желая утвердиться, не дать оснований кому-либо усомниться в тренерском выборе. Обращаюсь снова к главному авторитету – к свидетельству Николая Петровича Старостина:

«Георгия Ярцева, форварда быстрого и талантливого, Бесков приметил в костромском „Спартаке“, во время январского турнира в нашем манеже. Было ему 29 лет, но нас это не смутило…

Вратарь Ринат Дасаев был приглашен тоже из спартаковской команды второй лиги из Астрахани…

Полузащитника Сергея Шавло Бесков приглядел весной в Сочи в „Даугаве“… Ее тренеры любезно разрешили мне переговорить с ним и дали согласие на его уход из команды…

Вернули уехавшего в Красноярск защитника Олега Романцева…

Из нашего „дубля“ перешли в основной состав восемнадцатилетний Вагиз Хидиятуллин и Валерий Глушаков…

Вскоре из той же „закваски“ влились в команду птенцы спартаковской школы: Федор Черенков, Сергей Родионов, Геннадий Морозов, Борис Поздняков, Владимир Сочнов…

Это позже их фамилии зазвучали. А тогда я слышал со всех сторон: „Неужели вы надеетесь с „этими“ вернуться?.. Но мы верили в них.

Сказывалось то, что в составе команды, наряду с новичками, находились игроки, прошедшие школу высшей лиги: Евгений Ловчев, Александр Прохоров, Валерий Глушаков, Владимир Букиевский, Василий Самохин, Евгений Сидоров, Михаил Булгаков, Александр Кокорев…“

Завершив характеристику состава „Спартака“, совершившего „чудо“, Николай Петрович добавляет: „Мы не выглядели на голову выше остальных команд лиги, но это даже к лучшему… Занять первое место нам помогло, я думаю, наше преимущество в тренерском опыте“. (Н. П. Старостин. „Футбол сквозь годы. Звезды большого футбола“. Москва, ФК „Спартак“, КТПО „Экран“, 1992 г.)

В полной мере разделяю эти выводы и оценки.

Бесспорно, **главную роль** в спасении, возрождении и в новом

взлете „Спартака“ сыграл незаурядный тренерский талант Константина Ивановича Бескова. Именно в „Спартаке“ он достиг наибольшего расцвета. Ни „до“, ни „после“ не сверкала его звезда так, как в годы самозабвенной, самоотверженной, впечатляющей работы в „Спартаке“. И потому „спартаковский мир“ помнит и чтит, и всегда будет благодарно помнить и чтить несравненного Бескова, его заслуги, его честное служение „Спартаку“.

„Соперники-соратники“. Написал и задумался. Как это часто бывает в жизни. Но чаще, чем где-либо, – это случалось в спорте. В футболе особенно. Как здорово, что так бывает. И пусть это происходит почаще. И во все времена…

А задумался потому, что у „Спартака“ почти всегда был самый непримиримый соперник – московское „Динамо“. Как и у „Динамо“ – „Спартак“.

Но вот случилась беда со „Спартаком“: „провалился“ в первую лигу. На помощь, выручить из беды приходит исконный динамовец Константин Иванович Бесков. Блестяще справляется со своей миссией. Именно в „Спартаке“ достигает наивысшего взлета. Что же получается? Та и другая сторона взаимно благодарны. „Спартак“ – Бескову за многолетнюю честную, верную и неоценимую службу. А Бесков – „Спартаку“ – за доверие, за веру, за возможность в наибольшей мере проявить свой талант и встать в один ряд с самыми великолепными советскими тренерами.

…А мысль ведёт дальше, вглубь биографии двух знаменитых футбольных клубов – к тому времени, когда судьба прародителей „Спартака“ – братьев Старостиных – двенадцать лет находилась во власти лагерных начальников, в которых они отбывали „срок“. И в том, что они не задохнулись в тюремных камерах, не погибли на лесоповалах, на других тяжких „исправительно-трудовых“ работах, где оборвались жизни множества людей, – „заслуга“ Его Величества футбола – игры, которую любят все. В том числе и тюремные, и лагерные начальники – полковники и генералы НКВД – МВД; Они же и динамовцы…

В книге Николая Петровича Старостина, уже не раз упомянутой мною, многие страницы посвящены тому, как, не страшась „всемогущего“ тирана Берии, его подчиненные из-за любви к футболу, из-за желания создать добротную „региональную“ или лагерную динамовскую команду, – „радовались, что к ним „отбывать наказание“ прибыл знаменитый Николай (или Андрей, или Александр) Старостин – знаменитый футболист, великолепный знаток футбольного искусства. И „таланта спасали“, предлагая и упрашивая поработать… с „динамовской“ командой“. Сколько таких команд приобрели

высочайший статус, известность; заиграли – „любо-дорого“ посмотреть и на Севере, и на Дальнем Востоке, и в Казахстане, благодаря „заключенным“ или „ссыльным“ Старостиным.

Нет, лучше всего расскажет об этом сам Н. П. Старостин:

„Конечно, безумно жаль сил, потерянных в расцвете лет в „лагерные“ годы. Но… я себя успокаиваю тем, что они не прошли впустую, многому в жизни научили, дали возможность узнать свою собственную страну: от Хабаровска до Владивостока, от Читы до Алма-Аты. И везде футбольный кожаный мяч, как это, может быть, ни странно, оказывался неподвластным Берии. Он стал ему противником, которого Берия… победить не сумел. Его подручные на местах относились ко мне благосклонно, даже с симпатией. И делали это только по одной причине: круги шли по воде – футбольные амбиции их „вождя“ в Москве переходили в местное тщеславие и желание иметь у себя лучшую команду края, области, города, лагеря…

Болельщик везде болельщик. Я всегда понимал, если у человека при встрече со мной глаза загорались любопытством, значит, передо мной любитель футбола, он поможет. А если это болельщик „Спартака“, в виде исключения, сделает всё, с нарушением любых инструкций.

Думаю, что наша семья должна быть благодарна обществу „Динамо“. В те тяжелейшие годы оно явилось островом, на котором мы устояли, сохранили свои семьи, и, в конце концов, вернулись назад в столицу“…

Так футбол решал судьбы людские. А теперь снова вернемся к динамовцу К. И. Бескову, решившему судьбу „Спартака“. Сколько сил он вложил в его возрождение, сколько нервов, здоровья и… таланта сжег. А сколько „звезд“ зажег на спартаковском небосклоне, выпестовав из безвестных мальчишек великолепных мастеров, приумноживших славу „Спартака“. Один Федя Черенков чего стоит! А Ринат Дасаев?! А Георгий Ярцев?! А Вагиз Хидиятуллин?! А Олег Романцев?! Сергей Шавло?! Сергей Родионов?!

…Вспоминается, играли дублеры „Спартака“ и ЦСКА на спартаковском стадионе в Сокольниках. Мы с сыном любили бывать на играх дублеров. Там можно было запросто пообщаться с футболистами обеих команд и с тренерами, со знаменитыми ветеранами футбола. Услышать их „мнение“, „откровения“ „суждения-рассуждения“. Там можно увидеть тех, кого не встретишь в других местах. Там услышишь то, чего не услышишь, не узнаешь и не прочтешь нигде…

Смотрим: в двух шагах от нас легендарный Всеволод Бобров беседует с кем-то из начальников армейского футбола.

Приближаемся еще на шаг-полтора ближе к знаменитому футболисту и хоккейному таланту. И слышим: „Обрати внимание на их „шестерку“. Очень хороший паренек. Поверь мне, перед нами завтрашняя легенда футбола“.

И он показывает головой на проходившего по футбольному полю спартаковского новичка, внешне ничем не примечательного юношу. Это был Федя Черенков.

Вскоре его имя уже знали не только спартаковские болельщики. Знала вся страна.

Точно так же в ближайших играх „Спартака“ всеми гранями таланта бомбардира заблистал Георгий Ярцев…

Сразу же заявил о себе своей виртуозной игрой Вагиз Хидиятуллин…

Да. В той команде, с которой К. И. Бесков устремился в завтрашний день, были и два известных уже в футболе динамовца – Юрий Гаврилов и Александр Бубнов. Трудно найти слова, чтобы в полной мере оценить талант Юрия Гаврилова. Но ему, прирожденному диспетчеру, в „Динамо“ не нашлось места в основном составе. Руководство „Динамо“ дало согласие на его переход в „Спартак“. Именно здесь в полную силу раскрылся величайший талант Юрия Гаврилова. Насколько он был ценим для „Спартака“ лучше всего говорит оценка его К. И. Бесковым: **„Если не знаешь, что делать с мячом, отдай его Гаврилову“.** Об этом рассказывала Валерия Николаевна – жена К. И. Бескова на телепередаче, посвященной, насколько мне помнится, знаменитому кудеснику цирка Игорю Кио.

В этой мудрой тренерской фразе, ставшей крылатой, – лучшая оценка незаурядного таланта главного диспетчера бесковской спартаковской команды Юрия Гаврилова.

„О Бубнове скажу, – писал в своей книге Николай Петрович Старостин, – что он в лучшем смысле слова фанатик футбола. Будь таких побольше, мы продвинулись бы далеко вперед… У него всегда и во всем на первом плане – ответственное служение футболу и интересам команды“…

Кстати, уместно заметить, что и „Спартак“ не „поскупился“: в „Динамо“ перешли талантливые спартаковские защитники – Евгений Ловчев и Борис Поздняков, оба уже привлекавшиеся в сборную страны…

Кажется, я вспомнил всех, кого призвал К.И Бесков под знамена „Спартака“. Они и выполнили блестяще стоявшие перед ними сверхзадачи»: через год «Спартак» вернулся в высшую лигу и в первом же сезоне после возвращения занял в чемпионате СССР пятое место. А в следующем – 1979 году стал чемпионом страны.

В этих победах – величайший талант тренера и заслуга созданной им команды.

Вернусь ещё раз в 1978-й год. Не только без Евгения Ловчева оказался «Спартак» в год возвращения в высшую лигу. Что-то похожее случилось и с тогдашним капитаном команды, вратарём Александром Прохоровым. Пропустив в первых семи встречах 13 мячей, он – лучший вратарь советского футбола 1974 и 1975 годов, – попросил не ставить его на игры основного состава.

«Не было бы счастья, да несчастье помогло», – гласит народная мудрость.

Так случилось и на этот раз. 23 мая 1978 года в Ворошиловграде ворота «Спартака» впервые защищал приглашенный прошлым летом из астраханского «Волгаря» **Ринат Дасаев**. Ему в то время был 21 год. Дебют прошел удачно: голов он не пропустил, игра завершилась нулевой ничьей. Но тогда никто не мог даже предположить, что худенький юноша не только навсегда вытеснит именитого Александра Прохорова из основного состава, но и сыграет за сборную больше матчей, чем легендарный Лев Яшин. А через десять лет, **в 1988 году будет признан лучшим вратарем мира…**

Серьезные сложности возникли в «Спартаке» образца 1978 года и в линии нападения. Позиция второго нападающего долго оставалась «вакантной». Многие варианты, предпринятые К. И. Бесковым, не дали желательных результатов.

«Спас» ситуацию **Георгий Ярцев. Его блестящая игра превзошла все ожидания.** Да и правильно будет сказать, что он превзошел самого себя. Выход «Спартака» из очкового кризиса был обеспечен благодаря двум его бомбардирским подвигам. В Ташкенте «Пахтакору» он забил три мяча; в Москве «Кайрату» – четыре.

Замечу, в двух матчах подряд. Футбольный статистик Константин Есенин тут же отметил, что это своеобразный рекорд. Нет, семь голов в двух матчах подряд один игрок забивал и раньше. Но никто не становился «сольным исполнителем», как это сделал Георгий Ярцев. Сезон 1978 года был самым удачным в его футбольной карьере. В споре снайперов тридцатилетний Георгий Ярцев с 19-ю голами опередил всех…

Блестяще провели сезон также Юрий Гаврилов, Вагиз Хидиятуллин, Олег Романцев, Сергей Шавло. В итоге «Спартак» занял пятое место и завоевал «Кубок прогресса».

А теперь о чемпионском сезоне «Спартака» 1979 года. Перемены в составе команды прошли под знаком минус. Ушли основной полузащитник Валерий Гладилин и основной правый защитник Виктор Ноздрин. А в середине сезона простился с

командой неистовый спартаковец Михаил Булгаков, много лет назад пришедший из курских «Трудовых резервов». Неуемная жажда борьбы, неиссякаемая энергия, полная самоотдача, страстная игра сразу же сделали его одним из самых любимых и ярких футболистов неисчислимой и многоликой армии спартаковских болельщиков. На футбольном поле он жил футболом, точно ничего другого у него в жизни дороже и важнее любимой игры не было. **Играл Миша Булгаков весело, самозабвенно, страстно и азартно.**

Его искренне любили, прощали ошибки и промахи, которые случаются в игре любого футболиста, и которые другим не прощали. Он оставался в бесковском «Спартаке» даже тогда, когда уже сложился и заиграл во всю мощь новый состав команды. Учитывая настроение болельщиков, К. И. Бесков в удачных играх выпускал Мишу Булгакова хотя бы на несколько минут, чтобы принести радость «своим» и огорчить «чужих». А Миша умел делать это своей самозабвенной игрой. При малейшем прикосновении игроков-соперников к маленькому, шустрому, искрометному Мише Булгакову стадион неистово ревел: **«Мишу не тронь!»**

…Но вот и Миши не стало в «Спартаке». Однако К. И. Бесков умел «зажигать звезды».

2 мая 1979 года в Москве в «Лужниках» в игре против традиционного главного соперника киевского «Динамо» в составе «Спартака» на место свободного защитника вышел почти неизвестный Александр Мирзоян. Своей игрой он свёл на нет все усилия киевской классной атаки киевлян во главе с Олегом Блохиным. К тому же, артистично реализовал одиннадцатиметровый, назначенный за снос Георгия Ярцева. Гол оказался победным. А новоявленный «либеро» стал штатным пенальтистом «Спартака»…

Столь же сказочным было появление в «Спартаке» Эдгара Гесса из душанбинского «Памира». Острый форвард быстро переквалифицировался в левого полузащитника, благодаря чему средняя линия приобрела классическое сочетание, соперничать с которым вряд ли могла тогда любая другая команда. Ее составили: Юрий Гаврилов, Сергей Шавло, Федор Черенков, Эдгар Гесс.

В том же сезоне начал свой славный спартаковский путь Сергей Родионов…

Начало чемпионата для «Спартака» сложилось неудачно. И, трудно в это поверить, – не заладилась игра в нападении. Георгию Ярцеву никак не удавалось выйти на прошлогодний уровень. Перелом наступил только в 13-м туре: «Спартак»

разгромил московский «Локомотив» со счетом 4:0. И к промежуточному финишу команда пришла на пятом месте.

Но уже была игра: настоящая, спартаковская. Это вселяло в наши сердца не только сиюминутную радость, но и укрепляло веру в будущее.

Как и в предыдущий сезон, мы в отпускные месяцы находились в Москве. Здесь учился сын. Здесь играла любимая команда. И, естественно, все игры и основного состава, и дублеров «Спартака», проходившие в Москве, мы смотрели в «живом виде»…

В первом матче второго круга чемпионата СССР, «Спартак» выигрывает у московского «Динамо». Разыгрался Георгий Ярцев. Начиная с этой игры, в восьми следующих турах он наколотил девять мячей. Да и вся команда была устремлена к чужим воротам.

Оглушительный счет – 8:1 во втором матче с «Локомотивом» обеспечил не только «хет-трик» Георгия Ярцева, но и дубль Сергея Шавло, и выстрел с нулевого угла Эдгара Гесса, мячи Юрия Гаврилова и Федора Черенкова. Атакующая, азартная, бескомпромиссная и осмысленная игра «Спартака» рождала безграничное вдохновение.

Однако, как это было и в 1969 году, судьба чемпионата и чемпионского звания в значительной мере, если не в конечном счете, решалась в Киеве, – в игре с лидировавшим до этого «Динамо». Тем более, что динамовцы жаждали реванша за поражение в первом круге. Но реванш не состоялся. «Спартак» уверенно победил со счетом 2:0. Победу обеспечила самоотверженная игра всей команды. А голы забили Юрий Гаврилов и Георгий Ярцев. В результате этой победы «Спартак» поднялся на самый верх таблицы.

Судьба чемпионского титула решалась в последнем туре. Чтобы не дать догнать себя донецкому «Шахтеру», «Спартаку» нужна была только победа в гостевой встрече с ростовским СКА – 25 ноября 1979 года.

О нем особо. Нам с сыном, в числе немногих спартаковских болельщиков, выпало счастье быть на том победном матче – последней чемпионской победе «Спартака», очевидцами которой мы были в «живом виде»…

Накануне вся наша семья была в сборе, в Краснодаре. Коля приехал на несколько дней. «Виной» тому явилась свадьба Володи, моего племянника, единственного сына моей сестры. Свадьба проходила в Туапсе. Туда мы и поехали всей семьей. После свадьбы Коля, не заезжая в Краснодар, возвращался в Москву. У него уже шел последний, пятый курс, философского

факультета МГУ. Надо было максимально сосредоточиться на его успешном завершении…

Но… по пути в Москву он не мог проехать Ростов, где «Спартак» играл свою последнюю игру в чемпионате. Об этом мы с ним договорились заранее. У меня тоже была возможность сопроводить Колю до Ростова и вместе посмотреть этот решающий для «Спартака» матч, который выводил его в чемпионы, и который он не мог, не имел права проигрывать…

Рано утром поездом прибыли в Ростов. Сразу отправились за билетами на стадион «Ростсельмаш», на котором вечером того же дня местный СКА – команда Северо-Кавказского военного округа, – принимала вероятного чемпиона 1979 года, – наш «Спартак».

Шел конец ноября, погода выдалась по-осеннему холодная. Часа за два до начала матча мы уже были на стадионе. К сожалению, спартаковских болельщиков было немного. Но наши позиции усиливала обнадеживающая игра спартаковцев. Уже на пятой минуте Юрий Гаврилов эффектным ударом с линии штрафной площадки армейских ворот вогнал мяч в «девятку». В середине первого тайма Владимир Букиевский отлично выстрелил с 30 метров, в самый важный момент продемонстрировав свой могучий удар. 2:0. Казалось, игра сделана. Но волевая ростовская команда сдаваться не собиралась. Лидер их атак, в те годы один из лучших бомбардиров советского футбола – Сергей Андреев – постоянно опасно угрожал воротам спартаковцев, которые надежно защищал непробиваемый Ринат Дасаев.

К несчастью, на 34-й минуте в игровом эпизоде армейский футболист столкнулся со спартаковским голкипером, который, получив травму, уже не смог продолжать игру. Вышедший на замену 19-летний Алексей Прудников не сумел сразу включиться в игру и пропустил обидный гол от того же неугомонного Сергея Андреева. 2:1. Это рождает тревогу. Счет весьма шаткий, а ростовчане в ударе.

Однако спартаковцы не запаниковали. Отбив очередную атаку армейцев, они устремились к их воротам. И заработали пенальти. Его, как всегда, безупречно реализовал Александр Мирзоян. 3:1. Стало поспокойнее. Да и юный спартаковский вратарь, стойко пережив неудачу, действовал успешно. Правда, на восьмидесятой минуте он пропустил еще один гол, забитый ростовчанами с пенальти. 3:2… И снова тревога, нараставшая с каждой новой атакой армейцев. Поддерживаемые своими азартными болельщиками, абсолютно преобладавшими на стадионе, они продолжали штурмовать позиции спартаковцев.

Игра держала нас в напряжении до последней секунды. Но спартаковцы играли собранно, ответственно, уверенные в себе, в своём преимуществе. Счет 3:2 не изменился до конца игры. А это – победа! И очередной чемпионский титул любимой команды! **В десятый раз!**

Несмотря на угрожающие крики, свист и возбужденное настроение ростовских болельщиков, мы с Колей ликовали, не скрывая радости и гордости за свой «Спартак».

В кромешной темноте, в невероятной сутолоке, в гуще негодовавших ростовских болельщиков мы с Колей пробились к Театральной площади. А дальше все было мне «близко и знакомо». Ведь здесь проходила моя послевоенная комсомольская юность. Здесь шесть лет я учился заочно на историческом факультете университета. Здесь, в 1968 году защитил кандидатскую диссертацию…

Продвигаясь к гостинице «Интурист», в которой нам были забронированы места, мы еще не знали, что нам уготована величайшая радость: встреча со спартаковской командой, с новым чемпионом Советского Союза. Она тоже со стадиона прибыла в эту гостиницу.

Единственный раз в жизни нам с Колей выпало счастье и честь одними из немногих поздравить с победой и званием чемпиона спартаковских игроков и тренеров. В вестибюле гостиницы мы обняли и главного спартаковского тренера Константина Ивановича Бескова, и начальника команды – основателя «Спартака», хранителя его традиций и летописца его неповторимой истории – Николая Петровича Старостина. Оба они знали уже нас, как неистовых спартаковских болельщиков, были приятно поражены и обрадованы встречей с нами в тот незабываемый победный вечер…

Практически персонально каждого спартаковца мы поздравили там же, в вестибюле ростовской гостиницы, с чемпионской победой. На втором году после возвращения в высшую лигу…

Помню и сегодня счастливые и чуточку смущенные лица Рината Дасаева и Алексея Прудникова, Олега Романцева и Юрия Гаврилова, Владимира Букиевского и Вагиза Хидиятуллина, Георгия Ярцева и Сергея Шавло, Виктора Самохина и Александра Мирзояна, Федора Черенкова и Евгения Сидорова, Александра Сорокина и Эдгара Гесса…

Сейчас, более тридцати лет спустя после той незабываемой, особо памятной для нас с сыном чемпионской победы «Спартака» – 25 ноября 1979 года, – у меня под рукой нет программы того матча с автографами К. И. Бескова, Н. П. Старостина и всех

спартаковцев, участвовавших в той игре. Но по памяти я назвал всех, кто внес свою лепту в завоевание «Спартаком» в десятый раз звания чемпиона СССР.

Если память подвела, и кого-то из спартаковцев я не упомянул здесь, – пусть простят мне. Кажется, в том сезоне в основном составе «Спартака» играли Александр Сорокин и Александр Кокорев. Возможно, кто-нибудь еще. Суть не в этом! Победа была добыта «Спартаком». Одна на всех!

«Спартак» 1979 года – чемпион по всем статьям.

Команда забила больше всех в чемпионате (66 мячей) и меньше всех пропустила (25). «Спартак» завоевал приз имени Григория Федотова за наивысшую результативность и приз за лучшую разность забитых и пропущенных мячей. Кроме того, команда была отмечена призами за шесть побед с крупным счетом, за агрессивность в счете (23 очка – на чужих полях), за успешное выступление двумя составами (дублеры финишировали пятыми). Таким вот триумфом отметился Константин Иванович Бесков за трехлетнюю работу со «Спартаком»… От малых золотых медалей за победу в чемпионате в первой лиге в 1977 году – до золотых медалей в высшей лиге в 1979-м…

Ну, а теперь (наконец решился!) сделаю необходимое отступление, чтобы прервать рассказ о любимом «Спартаке» сюжетами из необычных свойств моей «болезни» за «Спартак».

То, о чем я хочу еще рассказать здесь, может показаться многим неправдоподобным и необъяснимым. Мне тоже, порой, так кажется. Но это было, было. Возможно, это явление психического свойства. Тем более, что касается оно не только футбола. Речь идет о «снах» и «сновидениях». Несколько раз ночью во сне я видел сюжеты, которые наступившим днем «один к одному» переходили в реальность.

Однажды мне приснился сон, что моя университетская студентка встретилась со мной на улице и представила молодого офицера: «Познакомьтесь, это мой друг. Мы решили пожениться».

В перерыве между занятиями я подозвал её и спросил: «Все ли благополучно у вас? Есть ли какие-то новости или намечаются какие-то перемены в жизни?»

Она сразу ответила: «Я выхожу замуж».

– За офицера? – не удержался я.

– Да, за офицера…

Подобное случалось не раз. Но после такого рода «пророческого» сна я часто, увидев ночью сон, весь наступивший день находился в напряжении: произойдет ли наяву событие, увиденное во сне? А это, поверьте, непростое состояние. Весь день ждать воплощения в жизнь увиденное во сне.

Не однажды подобное случалось и в канун спортивных матчей.

О двух таких «снах» я здесь кратко расскажу.

Летом 1970 года, после трехлетнего проживания врозь, наша семья была уже в полном составе в Краснодаре. К тому времени я защитил кандидатскую диссертацию и работал и.о. доцента в Кубанском университете. Мне дали комнату в студенческом общежитии по ул. Э. Тельмана, – в ней мы прожили год, до получения полноценной квартиры в доме по улице К. Либкнехта.

В канун матча «Спартак» – ЦСКА мне ночью приснился удивительный сон: я встретился с Галимзяном Хусаиновым – легендарным футболистом и капитаном «Спартака», якобы… уже после матча с ЦСКА. И он говорит мне: «Мы выиграли со счетом 2:0. Один гол забил я, а другой – Владимир Петров – с пенальти…»

Я тут же проснулся среди ночи и до утра уже не смог уснуть: «Что за чертовщина?» Ведь матч состоится только наступающим днем, и его будут показывать по телевидению в прямой трансляции.

В общежитии, кроме телевизора в красном уголке, был телевизор только у нас: Нина с Колей привезли его из Туапсе. Когда транслировался футбол, особенно спартаковские игры, к нам приходили молодые преподаватели, аспиранты и отдельные студенты. Собиралось до десяти человек. Да нас трое. Перед началом матча, когда все, кто традиционно приходил к нам, уже подошли, я рассказал им… о своей встрече с Галимзяном Хусаиновым.

Нина, как это уже случалось и ранее, когда я рассказывал «пророческие» сны, тут же прокомментировала мое сообщение: «Не слушайте его. Наверное, услышал по „Маяку“ результаты матча, а „городит чепуху про сон…“»

Все повернулись в мою сторону.

– Вот это действительно чепуху сказала Нина Тимофеевна: матч сейчас будут показывать в прямой трансляции со стадиона.

Игра началась. Всё получилось, как во сне! «Спартак» выиграл у ЦСКА. Один гол забил Галимзян Хусаинов, другой – Владимир Петров – с пенальти. В обоих случаях вся собравшаяся аудитория поворачивалась в мою сторону. После окончания трансляции матча все поздравили меня с победой. Только Нина осталась при своем мнении по поводу моего сна…

Еще один случай такого же рода: сон накануне матча с ворошиловградской «Зарей», сильно игравшей в том сезоне.

Не могу точно вспомнить: была ли это игра в чемпионате или на Кубок. Одно сохранилось в памяти: встреча проходила в

Москве в том сезоне, когда бывший вратарь «Зари» Александр Прохоров перешел в «Спартак».

В канун встречи мне приснился сон: «Спартак» проиграл матч со счетом 2:0. Оба гола на совести Прохорова: два гола – «близнеца», не сильно пробитые футболистами «Зари», влетели в ворота «Спартака» между рук вратаря.

Сон был подогрет еще тем, что именно эти игроки накануне в интервью журналистам очень тепло говорили о своем бывшем вратаре, как о верном друге.

Остаток ночи прошел без сна, в тяжелом раздумье: «Что делать? А вдруг „сон в руку“? Надо упредить беду». И я отправился на телеграф, чтобы дать телеграмму или позвонить Николаю Петровичу Старостину. Я был с ним очно знаком уже несколько лет. Неоднократно встречался. Но на телеграфе, поразмыслив, забраковал оба варианта. Сначала скомкал и выбросил написанную телеграмму. А затем отменил и решение позвонить: «А вдруг этот ночной „бред“ не оправдается? Как я буду выглядеть в глазах Николая Петровича? Еще внесу сумятицу своим „предупреждением“». И я ушел с телеграфа ни с чем…

А вечером «Спартак» проиграл «Заре» со счетом 0:2. Как мне показалось, оба мяча Прохоров пропустил между рук…

Такие вот бывали сны.

Но самым главным «осведомителем» о результатах предстоявшего матча было «серебро», увиденное во сне. В таких случаях лучше было не ходить на игру «Спартака» или не смотреть по телевизору.

Рассказывая о детских годах, я уже писал, что «серебро» мне снилось чуть ли не каждую ночь. По словам мамы, – это «примета» слёз… Потом, повзрослев, я перестал верить в этот «бред». И «серебро» почти никогда не снилось. Вернулось оно ко мне где-то в начале 60-х годов, когда к нам пришел телевизор, и я смог смотреть футбол по телевидению. Но вошло в «систему», когда появилась возможность бывать на стадионе и смотреть спартаковские матчи «в живом виде». Ох, и намучился я со своим «серебром». Сколько бессонных ночей из-за этого: увидев «серебро», я уже не мог уснуть и в нервном напряжении (в «лихорадке») находился весь день до… окончания матча.

Конечно, были матчи и без «снов» и «серебра», когда «Спартак» проигрывал. Но такие поражения я переживал спокойнее, до последней минуты надеясь, что, быть может, «Спартак» еще отыграется…

Еще об одной встрече, результат которой был «предрешен» сном. Как-то мы приехали с Ниной в Москву в день игры «Спартака» с «Торпедо», в гостях, – на стадионе в районе

«Автозаводской». Теперь этот стадион носит имя легендарного Эдуарда Стрельцова. Матчи с торпедовцами для спартаковцев всегда были трудными, особенно, когда они проходили на их поле.

Ночью, в канун матча, я видел его во сне, внимательно всматриваясь в ход игры. Но никакой опасности не разглядел, поэтому был спокоен за его исход.

К сожалению, в день нашего приезда в Москву, в кассах стадиона билетов уже не было. Ажиотаж вокруг матча был невероятный. Надеяться, что, может, удастся купить билеты перед началом матча «с рук», я не стал. Тем более мы, как это бывало почти всегда, условились с Ниной, что идем вдвоем. И я позвонил Николаю Петровичу Старостину в городской Совет «Спартака», объяснил ситуацию.

– Приезжайте, – сразу же ответил он. – Помогу…

И вот я уже в Московском городском Совете «Спартака».

Получаю желанные два билета, взволнованно благодарю Николая Петровича и желаю успешной игры.

– Трудно рассчитывать на благополучный исход, да еще на их стадионе, – проронил на прощание Николай Петрович.

Я пытался как-то успокоить, уверить его, что «Спартак» сегодня не проиграет.

– Не знаю, победит или будет «ничья», но что не проиграет, – в этом уверен, – убедительно сказал я.

– Почему вы так считаете?

– Этого я вам не скажу.

Не мог же я сослаться на «благополучный» сон.

…Тот матч закончился вничью. По-моему, 2:2. Причем «Спартак» мог и победить. Вечером позвонил Николаю Петровичу и поздравил с удачной игрой.

– А все-таки, на чем основывался ваш прогноз? – спросил он.

– Нет, этого вам сказать не могу, – ответил я. И добавил: – На вере в «Спартак»…

– Спасибо.

Я много раз пытался «прояснить» у психологов, даже профессорского уровня: как объяснить «реальность» моих снов? Но убедительного ответа так и не получил. А «новая» жизнь, пришедшая в годы горбачевской «катастройки» и продолжающаяся по сей день, – уже в другой стране и в другой «эпохе», – отлучила меня от «Спартака», а потом и от активной трудовой и общественной деятельности, погасила «пророческие» сны и породила каждодневные тревоги о судьбе нашей Отчизны, нашего народа… И собственной – тоже…

Но тот ответ Николаю Петровичу, что мои «прогнозы»

строились на вере в «Спартак», пожалуй, был самым точным…

Я откровенно гордился своей преданностью «единственной команде» в любой обстановке: смотрели ли выездную игру «Спартака» в Ленинграде с «Зенитом» или в Ростове-на-Дону с ростовским СКА вдвоем с Колей, – нас не смущало, что мы находимся в «море» болельщиков другой команды; мы болели за свой «родной» и незаменимый «Спартак».

Так было даже когда «Спартак» играл в нашем Краснодаре, где меня, да и всю нашу семью, знали очень многие…

В 1980–1982 годы «Кубань» играла в высшей лиге. Мы имели возможность и в Краснодаре «наяву» смотреть игру «Спартака». Трижды мы «болели» с Ниной вдвоем «против всех» болельщиков, окружавших нас в краснодарских матчах «Спартака» против «Кубани». В 1980 году игра закончилась нулевой «ничьей». Вторую, в 1981 году, «Спартак» выиграл 2:0. С таким же счетом окончилась и третья, в 1982 году. Голы забили: Сергей Родионов и Федор Черенков. Мы с Ниной вдвоем болели за «Спартак» на 36-тысячном стадионе в Краснодаре, заполненном болельщиками «Кубани». И победили! Вместе со «Спартаком»…

Когда спартаковцы забивали голы, весь стадион замирал, а мы с Ниной вскакивали, рукоплескали и кричали изо всех сил: «Ура! Молодцы!»

…После памятной победы «Спартака» в чемпионате СССР 1979 года команда не стала играть слабее. Она постоянно ходила в лидерах советского футбола. Но до чемпионского звания из года в год чуть-чуть не хватало. В 1980–1986 гг., за семь лет бесковский «Спартак» пять раз завоевывал серебряные медали и дважды – бронзовые. Это ли не мощь и талант главного тренера и созданной им команды. При мудрых советах и заботах ее родоначальника – Николая Петровича Старостина. И при беззаветной поддержке множества спартаковских болельщиков, равных по численности и преданности которых не знала ни одна футбольная команда Советского Союза. И мы, наше «К.И.Н.О.», были в числе ее самых верных друзей…

В 1980 году Коля окончил университет, но еще три года был в аспирантуре и не расставался с Москвой и со «Спартаком».

В 1980–1982 годах вышел и я на финишную прямую в работе над докторской диссертацией. Это означало, что еще четыре года нашей жизни продолжались встречи со «Спартаком» в «Лужниках» и на других московских стадионах, где играл основной состав; в Тарасовке и на «Красной Пресне», где играли спартаковские дублеры. Мы их тоже никогда не оставляли без внимания…

В эти годы росли и крепли наши прямые контакты с

Николаем Петровичем Старостиным и Константином Ивановичем Бесковым.

Свои трудовые и творческие (научные) отпуска мы с Ниной тоже проводили в Москве, украшая свою жизнь радостью встреч с любимой командой. Ждали новых больших побед.

И она пришла в 1987 году – последняя бесковская победа во славу «Спартака». Жизнь, время внесли свои коррективы в состав команды. Но сохранился ее могучий костяк: Ринат Дасаев, Вагиз Хидиятуллин и Федор Черенков; молодая «поросль», пришедшая в «Спартак» в год его возвращения из первой лиги, выросла в велико-классных мастеров. В полную силу раскрылся талант Сергея Родионова. В спартаковские ряды влились Валерий Шмаров, Александр Мостовой, Игорь Шалимов. Это были «звезды» уже завтрашнего «Спартака»…

1987 год – юбилейный год в истории советской державы. 70-летие победы Великой Октябрьской социалистической революции. В том году каждая советская команда изо всех сил стремилась принести радость своим болельщикам. У «Спартака» была особая ответственность: у него самая многочисленная армия верных болельщиков во всех концах Советского Союза. Это хорошо понимали и учитывали руководители «Спартака»: и главный тренер Константин Иванович Бесков, отмечавший свое десятилетие в «Спартаке», и Николай Петрович Старостин, и вся команда…

В 1987 году «Спартак» установил уникальное достижение: команда находилась во главе таблицы с первого до последнего тура…

Главным преследователем «Спартака» в том сезоне был «Днепр». Украинская команда неотступно шла за лидером чемпионата. Игры с ней носили особенно принципиальный характер. Именно в игре с «Днепром» во втором круге незадолго до завершения чемпионата Федор Черенков с пенальти провел в ворота соперников свой сотый гол, обеспечивший ему вступление в Клуб Григория Федотова. Сто голов за десять сезонов игры в составе «Спартака»! Великолепный результат!

Первое «явление Феди народу» произошло 11 июня 1978 года в московском матче с «Араратом». Он вышел на поле вместо Евгения Сидорова на 76-й минуте. К. И. Бесков не сразу поверил в дарование скромного худенького, щупленького девятнадцатилетнего юноши, воспитанника спартаковской школы. Но уже в том, первом своем сезоне, Федор Черенков забил семь голов. Постепенно главный тренер команды, видя его полную самоотдачу в игре, проникся к нему уважением, а затем и полным доверием.

В предпоследнем туре, в котором «Спартак» принимал аутсайдера чемпионата – грузинскую «Гурию», игра проходила в спорткомплексе «Олимпийский», забитом до отказа, в основном, болельщиками красно-белых, желавшими воочию увидеть чемпионский триумф любимой команды, которого они, откровенно говоря, заждались за долгие восемь сезонов, прошедших после оглушительной победы «Спартака в чемпионате 1979 года.

Но, вопреки ожиданию, игра получилась для „Спартака“ очень не простой. Бесковская команда, уверенная в своем неоспоримом превосходстве, атаковала со вкусом, изощренно и разнообразно, и казалось, „Гурию“ ждет неминуемый разгром. Однако минуты текли, а мяч не влетал в ворота блестяще игравшего вратаря грузинской команды. Закончился первый тайм, перевалил за экватор второй. Вот уже до финального свистка осталось всего пять минут. Надежды болельщиков стремительно таяли…

И здесь произошло долгожданное. Дебютант „Спартака“ восемнадцатилетний Александр Мостовой бросился за уходящим за пределы поля мячом. Выглядело это едва ли не жестом отчаяния. Но молодой полузащитник успел. В прыжке, ударом через себя, он не только оставил мяч в игре, но сделал нацеленный навес во вратарскую площадку „Гурии“. Его перехватил в воздухе **Федор Черенков и точным ударом головой провел золотой гол. Так „Спартак“ завоевал в 11-й раз титул чемпиона СССР.** Победа закономерная и фундаментальная. Наше „К.И.Н.О.“ смотрело матч в Краснодаре по домашнему телевидению. Но желанную, долгожданную радость в полной мере разделило вместе с родной командой, с ее наставниками и футболистами. Вместе с золотыми медалями спартаковцы завоевали призы имени Григория Федотова (49 забитых мячей); журнала „Спорт“ – за лучшую разность (плюс 23), „Агрессивного гостя“. В список 33-х лучших вошли под первыми номерами: Ринат Дасаев, Вагиз Хидиятуллин, Федор Черенков, Сергей Родионов. Александр Мостовой был признан лучшим дебютантом. А Ринат Дасаев в очередной раз – лучшим вратарем Советского Союза… **В том же году „Спартак“ стал и обладателем Кубка Федерации футбола СССР.** Но этот чемпионат для „Спартака“ 1987 года был отмечен и грустными событиями для команды, и для всех ее поклонников.

Ушел из жизни один из основателей „Спартака“ Андрей Петрович Старостин. Огорчило и омрачило известие об уходе Константина Ивановича Бескова с поста главного тренера „Спартака“, с именем и талантом которого связано более

двенадцати лет его волнующей истории и его немеркнущих побед.

Новым главным тренером „Спартака“ был выбран Олег Романцев, многолетний его капитан. После завершения игровой карьеры он тренировал родственную для „Спартака“ „Красную Пресню“, а затем – одноклубников в Орджоникидзе. Его кандидатуру назвал патриарх „Спартака“ и советского футбола **Николай Петрович Старостин**, остававшийся начальником команды. **В 1987 году Николаю Петровичу исполнилось 85 лет. Ему, единственному из советских футболистов, было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.** Я не мог остаться в стороне от этого события. Со своей стороны, от нашей семьи и от великого множества спартаковских болельщиков был в числе инициаторов этой почетной акции, и добивался ее осуществления. Орден Ленина – высшую награду Советского Союза – Николай Петрович получил полвека назад, в 1937 году. Тогда же орден Ленина был прикреплен и к Знамени „Спартака“…

1988 год. В этот год сборная СССР стала вице-чемпионом Европы, а олимпийская, – второй раз в своей истории, завоевала золото на Олимпиаде в Сеуле.

Но „Спартак“ – чемпион предыдущего 1987 года, впервые за десять лет пребывания К. И. Бескова на посту главного тренера команды, оказался за чертой призера, на 4-м месте. Хотя в составе команды сохранялось многоопытное чемпионское ядро: Ринат Дасаев, Вагиз Хидиятуллин, Федор Черенков, Сергей Родионов, Валерий Шмаров, Александр Бубнов, Евгений Кузнецов, Игорь Шалимов, Александр Мостовой, Виктор Пасулько, Юрий Суслопаров.

Однако уже летом, в разгар сезона, гвардейский состав „Спартака“ начал нести потери: во французскую „Тулузу“ уехал Вагиз Хидиятуллин. Кстати, за второе место в чемпионате Европы ему было присвоено звание Заслуженного мастера спорта СССР.

На старте чемпионата „Спартак“ бросало то в жар, то в холод. Хотя в четвертом туре 27 марта 1988 года спартаковцы одержали волевую победу в гостях над мощным киевским „Динамо“. К. И. Бесков высоко отозвался об этом матче:

„Игра получилась очень интересной. Впрочем, так оно и должно быть, ведь в обеих командах много игроков сборной. Я доволен матчем. Не только потому, что „Спартак“ победил, но и потому, что встреча проходила на высоком уровне“.

Впоследствии, на протяжении десяти туров спартаковцы не знали поражений, но часто завершали игры вничью. И потому

оставались третьими в таблице чемпионата.

В конце первого круга травму получил Ринат Дасаев. И тут же последовали два поражения подряд. С его возвращением в ворота серия неудач прервалась. Но стабильности по-прежнему не хватало.

На этой почве в команде возникли внутренние противоречия. Самым опасным было обострение взаимоотношений между начальником команды Николаем Петровичем Старостиным и главным тренером Константином Ивановичем Бесковым. Несмотря на более чем десятилетнее совместное руководство командой, постоянного дружелюбия между ними не было. Всякое бывало. Об этом откровенно пишет Николай Петрович в своей книге:

„Приходилось слышать, что нас с главным тренером „Спартака“ Константином Ивановичем Бесковым считают едва ли не идеальной парой. Да, двенадцать лет мы работали вместе – срок для футбола чуть ли не рекордный. Но ошибается тот, кто наше долгое сотрудничество вообразит безоблачным. Достаточно сказать, что бывало, когда мы с ним почти по месяцу не разговаривали.

Тренерское дарование Бескова не подлежит сомнению. Не помню, чтобы я хоть слово обронил по поводу его методов тренировки, выбора тактических построений… определению состава на матч… А вот по поводу отношений руководства командой с игроками мы не раз расходились… Я привык видеть в игроке личность, требующую внимания и уважения. …Охотно допускаю, что тренеры бывают часто правы в своих требованиях. Но надо щадить и самолюбие игрока. Важна и форма, в которой делается замечание. Так уж повелось, что начальникам команды приходится быть чем-то вроде мягкой прокладки между тренером и игроками. Когда удается, когда нет…“ (Николай Старостин, Футбол сквозь года. Звезды большого футбола. Москва. ФК „Спартак“. КТПО „Экран“, 1992, стр. 155–156).

То, о чем пишет Николай Петрович, мне было известно. Наши многолетние, глубоко уважительные отношения с ним предрасполагали на доверительность. И потому иногда Николай Петрович откровенно излагал свою боль, одной-двумя фразами давая понять о сложностях, возникавших у него с Константином Ивановичем Бесковым. Но говорил он об этом всегда в высшей мере тактично и как бы между прочим. Тем более что случавшиеся в их взаимоотношениях споры благополучно разрешались. К горькому сожалению, в 1988 году этого не произошло…

Проблема между начальником команды и главным тренером

возникла, в основном, из-за некорректного отношения к игрокам. Дело дошло до того, что в ходе чемпионата К. И. Бесков написал заявление об уходе с поста главного тренера. Но по просьбе руководства „Спартака“, остался. В упорной борьбе во втором круге спартаковцы сумели в домашнем матче одолеть киевское „Динамо“ со счетом 1:0.

Однако нестабильность в игре обостряла атмосферу в команде. Нервничал главный тренер, нервничали игроки. Именно это, прежде всего, привело к провалу в тот момент, когда еще сохранялись шансы не только на медали, но и на чемпионство. Поражения на финише чемпионата от столичного „Торпедо“ и вильнюсского „Жальгириса“ перечеркнули надежды спартаковцев на призовое место. Неудачным для „Спартака“ оказался и старт в Кубке европейских чемпионов. Во втором туре „Спартак“ проиграл обе встречи: и гостевую, и домашнюю, румынскому „Стяуа“.

В грустном настроении спартаковцы и их главный тренер отправились в отпуск. По окончании отпуска Константину Ивановичу Бескову было предложено подать заявление об уходе с тренерского поста. Он, успешно проработавший со „Спартаком“ 12 лет, отказался. Тогда последовал приказ спартаковского руководства о его увольнении…

Мое многолетнее невнимание к судьбе К. И. Бескова объясняется тем, что все эти годы я был без остатка отдан борьбе за судьбу советской державы, Советской власти, социализма, за судьбу партии, в которой состою шестьдесят пять лет. Работа над книгой и этой главой заставила меня заняться поиском ответа на мучивший меня вопрос: „Что же случилось с Константином Ивановичем в том далеком 1988 году?“

Вот что мне с помощью сына удалось узнать в Интернете: „Одной из основных причин увольнения маститого специалиста стал его конфликт с группой футболистов… В этой ситуации начальник команды Николай Петрович Старостин принял сторону игроков. Еще в августе (1988 г.) большинство футболистов проголосовало за то, чтобы удовлетворить просьбу Бескова об отставке, о которой он тогда просил. По словам Старостина, некоторые игроки команды (Бубнов, Пасулько) отказывались играть под началом Бескова в следующем сезоне. Как бы то ни было, Бескова уволили, а назначение нового тренера было отложено на 1989 год“.

…Но были в сезоне 1988 года и приятные памятные события. Лучшим вратарем мира был признан Ринат Дасаев, которому от имени Международной федерации футбола перед игрой второго круга с киевским „Динамо“ вручили

Кубок и символический свитер с первым номером. И внутри страны он стал лучшим вратарем. Ринату Дасаеву, как и Вагизу Хидиятуллину, было присвоено звание заслуженного мастера спорта за второе место в чемпионате Европы. К сожалению, после окончания сезона Ринат Дасаев отправился в испанскую „Севилью“. Евгений Кузнецов был удостоен звания Заслуженного мастера спорта СССР за победу на Олимпийских играх в Сеуле, а Федор Черенков – по совокупности заслуг.

К горькому сожалению, это было последнее полноценное первенство Советского Союза. На следующий год турнир осиротел: из него вышли грузинская и литовская команды. А еще год спустя, не стало и великой советской державы…

К. И. Бесков, безусловно, великий, увлеченный тренер сделал многое для „Спартака“, честно служил его имени и знамени. Но в постоянной тревоге за лучший состав, уделяя особое внимание селекционной работе, поискам новых талантов, он нередко преждевременно расставался с футболистами, спартаковцами по духу и игре, которые не в полную силу раскрыли свои возможности.

Олег Романцев провел широкомасштабную акцию по возвращению в команду бывших спартаковцев: Станислава Черчесова и Сергея Базулева, Геннадия Морозова и Бориса Позднякова, Алексея Прудникова и Бориса Кузнецова, Владимира Сочнова. Авангардом команды и ее ядром являлись исконные гвардейцы „Спартака“: тридцатилетний Федор Черенков, ставший капитаном команды, и Сергей Родионов. Начиная с чемпионского 1987 года заметными игроками команды стали Валерий Шмаров, Александр Мостовой, Игорь Шалимов, Юрий Суслопаров, Виктор Пасулько.

В отличной форме находился спартаковский форвард **Сергей Родионов**. Его талант засверкал всеми гранями. **Десятилетняя школа К. И. Бескова взрастила из 18-летнего юноши блестящего мастера.**

Уже в начале сезона 1989 года в игре с минским „Динамо“ Сергей Родионов забил два мяча в ворота соперников. Первый из них, проведенный с пенальти, стал сотым в чемпионате СССР. Он ввел Сергея Родионова в Клуб Григория Федотова. Особенно яркой получилась игра „Спартака“ в Киеве: в ворота динамовцев влетело четыре мяча, на которые подопечные многоопытного Валерия Лобановского ответили одним. Неудержимы были Сергей Родионов и Валерий Шмаров. Их активно поддерживали Федор Черенков и Александр Мостовой.

В конце матча, поначалу враждебно настроенный к

спартаковцам, киевский стадион аплодисментами приветствовал каждое удачное действие гостей. Такого в истории встреч извечных соперников еще не было!

Беспроигрышную серию „Спартака“, длившуюся 12 туров, прервал „Днепр“, шедший, как и в 1987 году, вслед за лидерами.

Во втором круге в Москве спартаковцы взяли реванш у „Днепра“ и укрепили свое лидерство в чемпионате.

Судьбу золотых медалей „Спартаку“ выпало решать в предпоследнем туре в домашней игре с киевским „Динамо“.

Для соперников эта встреча турнирного значения не имела: при любом исходе киевляне оставались на третьем месте. А вот „Днепр“ еще мог достать спартаковцев. Видимо, динамовцы решили помочь землякам. Да и жажда реванша за крупное поражение в первом круге в домашнем матче побудила динамовцев дать бой „Спартаку“. Игра выдалась очень упорной. К тому же начало матча обернулось неудачей для спартаковцев. Уже на 3-й минуте гости открыли счет. „Спартак“ бросился отыгрываться. Но невезение в той игре долго преследовало спартаковцев. Видимо, сказывалась жажда поскорее сравнять счет. Игорь Шалимов угодил во вратаря; Федор Черенков не смог обмануть в штрафном защитника; Виктор Пасулько проиграл дуэль опытнейшему вратарю киевлян Виктору Чанову.

Только во втором тайме, после удара Валерия Шмарова, мяч в ворота динамовцев направил Евгений Кузнецов, отлично проведший встречу.

Но, не желая испытывать судьбу в последнем туре, в игре с опасным „Жальгирисом“ в Вильнюсе, спартаковцам надо было обязательно побеждать. Это легко сказать, но претворить в жизнь на поле желаемое очень не просто.

Время шло, силы команд таяли. А счет оставался ничейным – 1:1. И многочисленную массу спартаковских болельщиков, переполнивших лужниковский стадион, равно как и всех поклонников команды по всей стране, и нас, застывших у экрана телевизора, охватила тревога, что победного гола уже не будет, и предстоит нервотрепка за исход последнего матча в Вильнюсе.

Но чудо все же свершилось. Чудо по имени второго, победного гола, забитого спартаковцами в ворота киевского „Динамо“.

На предпоследней минуте был назначен штрафной в сторону динамовских ворот. Расстояние – 22 метра, почти по центру. Спартаковцы быстро разыграли стандарт, и Евгений Кузнецов выскочил один на один с Чановым. Однако арбитр остановил прорыв полузащитника, показав – перебить. Новый разбег для удара начал Геннадий Морозов. И тут

неожиданно для всех, никогда до того не исполнявший штрафные, Валерий Шмаров с левой ноги неотразимым ударом послал точнехонько в „девятку“. „Г-о-о-о-л!“ – трибуны взревели от восторга. Золотой мяч, принесший „Спартаку“ в 12-й раз титул чемпиона СССР, получился на редкость красивым. А победа – заслуженной и незабываемой… Радость новой большой победы была безгранична.

По итогам сезона спартаковцы собрали множество призов. Лучшим футболистом Советского Союза во второй раз (первый – в 1983 году) был признан неувядаемый Федор Черенков. Кроме того, лидер „Спартака“ занял третье место в числе лучших спортсменов страны. Лучшим вратарем того сезона стал Станислав Черчесов. А Сергей Родионов с 16 голами выиграл спор бомбардиров. Эта тройка вошла в список „33-х лучших“ под № 1; под № 2 – Евгений Кузнецов и Валерий Шмаров; под № 3 в список лучших вошли: Геннадий Морозов, Игорь Шалимов и Василий Кульков…

Не думали и не гадали мы в тот вечер, что эта футбольная радость будет для нас последней в нашей советской жизни. Не только последняя победа, но и последняя игра „Спартака“ советского времени, которую довелось смотреть, пусть даже по телевидению…

Начиная с 1990 года не только наяву, но и по телевидению я не видел больше ни одной спартаковской игры ни в оставшиеся месяцы существования советской державы, ни в последующем, в условиях „демократической“ России…

„Катастройка“, учиненная Горбачевым вкупе с такими же, как и он сам, ренегат-предателями, подготовила все предпосылки для разрушения великой советской державы и удушения Советской власти, которыми сполна воспользовался коварный и циничный „отец“ российской демократии» и верный слуга международного империализма Ельцин.

Его кощунственными действиями страна была развернута к реставрации капитализма, к выращиванию «новых русских», ставших «хозяевами» в России за счет разграбления колоссального богатства советского государства, созданного героическим, самоотверженным трудом многих поколений советских людей, и жесточайшего ограбления советского народа.

Чудовищные испытания обрушились и на советский спорт, в том числе и на футбол.

Массовый любительский спорт был переведен на коммерческие рельсы («купли-продажи» тренеров и спортсменов); на путь стяжательства и наживы «дельцов» от спорта путем

нещадной эксплуатации таланта спортсменов и клубов, разрушения нравственных и патриотических принципов, составлявших фундаментальные основы советского спорта.

В чуждой для меня атмосфере и обстановке, утверждавшейся в стране, мне, как непоколебимому приверженцу социализма, была уготовлена судьба оказаться в Москве в эпицентре политического противостояния и противоборства с насаждаемым антинародным режимом, «диким» капитализмом, ельцинским произволом и беззаконием. Я оказался в такой жесточайшей «круговерти», которая потребовала отдачи всех сил против наступления и утверждения господства «демократической» диктатуры. Было не до футбола и даже… не до «Спартака»…

17 февраля 1996 года по радио услышал печальное сообщение: ушел из жизни Николай Петрович Старостин.

Не только создатель и патриарх «Спартака», но и его ярчайший символ, посвятивший своему любимому детищу всю жизнь. Эту горестную весть я глубоко переживал вместе с миллионами поклонников его таланта…

В редкие минуты отдыха и встреч с сыном память возвращала нас к любимой, легендарной команде, и согревала сердце тем счастьем, которое мы испытывали многие годы жизни от общения со «Спартаком» и спартаковцами советской эпохи.

«Хранительницей» всех спартаковских реликвий в нашем «домашнем музее» в Краснодаре стала младшая дочь сына, наша внучка Катюша, ставшая неистовой спартаковкой. К нашему безмерному и нескончаемому горю, она трагически погибла в 2007 году… на 22-м году жизни…

Тот трагический для нас год был и годом моего 80-летия. К тому времени и Нину и меня крепко спеленали тяжкие недуги. Мне пришлось окончательно расстаться с работой, в том числе и с общественной. А сохранившиеся силы отдать воспоминаниям и размышлениям о прошлом и пережитом, воплощая их в рукописи книг, которые, надеюсь, увидят свет…

Четыре года назад, в 2008 году, я снова повернулся лицом к «Спартаку», теперь уже к российскому. Из печати, а также из теле– и радиопередач узнал, что **команда Олега Романцева и Георгия Ярцева, которые и вместе, и врозь тренировали «Спартак» с 1992 года по 2001 год включительно, за десять лет – девять раз становилась чемпионом России; четыре раза – обладателем Кубка России и шесть раз завоевывала Кубок чемпионов содружества. Завидная летопись!..**

Поводом для возвращения моего внимания к «Спартаку» явилась, однако, не эта «золотая россыпь» медалей и кубков, а трудности, возникшие в команде, в связи с тренерской чехардой,

сопровождавшейся «чисткой» команды от известных, знающих себе цену заслуженных ветеранов команды, многие годы приносивших ей победную славу.

И вот, наконец, услышал, что **главным тренером «Спартака» стал Владимир Григорьевич Федотов, сын знаменитого советского форварда и зять Константина Ивановича Бескова. В советском прошлом сам Владимир Федотов был великолепным футболистом. И высоко порядочным, высоконравственным человеком.** По совокупности всех этих качеств я относился к нему с глубочайшим уважением. И был очень рад его приходу в «Спартак» в трудное для команды время. Впрочем, не только я так относился к Владимиру Федотову. Его тепло приняла вся многочисленная семья спартаковских болельщиков. А это очень много значило и для тренера, и для судьбы команды. Одним словом, **я снова «заболел» «Спартаком».** Радовался каждому успеху команды под руководством нового тренера. Радовался тренерскому искусству Владимира Федотова, его ставке на молодежь, на возвращение спартаковского духа и спартаковской игры…

Однако, всемогущие «хозяева» – владельцы спартаковского клуба оказались непомерно жадными до «побед» и не прощали поражений.

И Владимир Федотов был смещен с поста главного тренера. Однако, он продолжал глубоко переживать за судьбу команды, от которой его жестоко и незаслуженно отлучили, помешав довести намеченные замыслы до желаемого результата. Каждое его появление на спартаковских играх тепло и бурно приветствовали спартаковские болельщики. Когда же стало известно, что он заболел и находится в больнице, на стадионе болельщиками был развернут трогательный транспарант: **«Мы с Вами, дорогой Владимир Григорьевич! Желаем скорейшего выздоровления!»**

Вскоре, однако, его жизнь безвременно оборвалась. **И благодарные спартаковские болельщики на проходившем в те траурные дни матче почтили память Владимира Григорьевича Федотова минутой молчания…**

А в «Спартак» пришел Станислав Черчесов. Но и его вскоре постигла та же участь, по тем же причинам: сместили в разгар сезона. И заменили на «знаменитого» датчанина, с приходом которого «Спартак» еще сильнее залихорадило. После нескольких поражений и он был отправлен в отставку. Таковы «нравы» нынешних «властителей» «Спартака»…

Впрочем, называть легендарный московский «Спартак» московским или российским можно только условно. Какой же это московский «Спартак», если на поле выходят шесть игроков из

одиннадцати… граждан других стран, купленных владельцами клуба. Я этого не приемлю…

О каком спартаковском духе, спартаковских принципах, спартаковском патриотизме, спартаковском характере и спартаковской игре может при этом идти речь? Какими бы волшебниками и кудесниками футбола ни были Пеле, Гаринча, Эйсебио, Марадона и другие выдающиеся игроки с мировой известностью, – это достояние той страны, сыновьями и патриотами которой они являются. Это – аксиома…

Впрочем, спортивные «авторитеты» нынешней капиталистической России, могут сказать, что я не прав.

Тогда обратимся к мнению незабвенного Николая Петровича Старостина, которое он высказал в своей книге, изданной в 1992 году, на заре начавшейся «приватизации» и «коммерциализации» спорта вообще и футбола в частности:

«Сейчас в подходе к футболу наметился явный перекос. Арифметические валютно-рублевые подсчеты стали заслонять главное – первичность самой игры, ее бескорыстный дух и изначальное рыцарство. Убежден… глобальная коммерциализация может привести к краху вечных футбольных ценностей…»

И еще. «Взбунтовавшийся против „культа“ бездумного футбола… „Спартак“… был постоянен в главном – проповедовал нравственный футбол». (Николай Старостин. «Футбол сквозь годы. Звезды большого футбола». Москва, ФК «Спартак». КТПО «Экран», 1982, стр. 147, 194).

Вот это и мой идеал, мое понимание истинного, всемогущего футбола, его неизмеримой чудодейственной притягательной силы, его безграничной, вечной тайны главенствовать над людьми…

И все же я хочу завершить свою исповедь о «Спартаке» и спартаковцах на мажорной ноте. В который раз в работе над книгами на помощь приходит полюбившаяся мне (по заслугам) газета Ленинского района Подмосковья, в котором мы живем, – «Видновские вести». В номере за **16 января 2009 года меня привлек броский заголовок «Спартаковский бенефис».** Не могу удержаться, чтобы не привести содержание этой публикации о «команде молодости нашей»:

«…Третий год футбольный клуб „Спартак“ и спортивное агентство „Newsport“ проводят именной **кубок памяти** легендарного спортсмена в истории отечественного футбола – **Константина Бескова.** По традиции игры проходят в манеже „Спартака“ в Сокольниках, на Оленьем валу, и собирают десятки команд, представляющих интересы бизнеса и, конечно, футбола.

Главным событием турнира становится участие в нем команды **„Друзей Бескова“**, за которую играют знаменитые игроки „Спартака“ разных поколений.

Среди них Ринат Дасаев, Юрий Гаврилов, Валерий Карпин, Георгий Ярцев, Вагиз Хидиятуллин, Сергей Шавло, Федор Черенков, многие другие. А также посещение матчей супругой Константина Бескова – Валерией Николаевной.

Напомним любителям футбола о том, что заслуженный мастер спорта Константин Бесков был выдающимся нападающим московского „Динамо“ и сборной страны, многократным чемпионом и обладателем Кубка СССР. В его активе 126 забитых голов, среди которых пять во время знаменитого турне в Великобританию (1945).

Позже он тренировал „Динамо“, „Спартак“, „Торпедо“, „Зарю“ и „Асмарал“, сборную Москвы и СССР (пять лет).

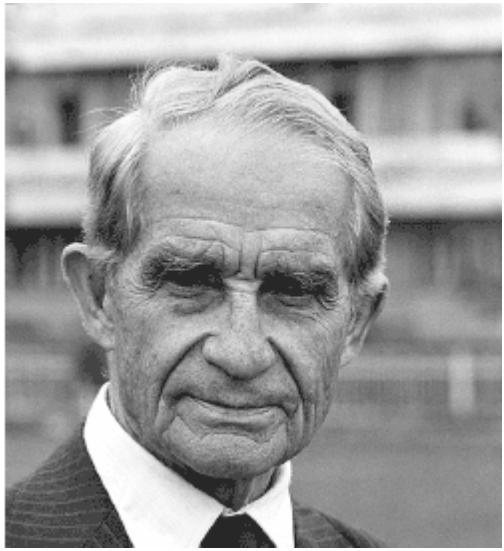
…Турнир конца 2008 года вновь сумели выиграть маститые футболисты „Спартака“. Опыт взял верх над молодостью и задором других конкурентов. Голы Федора Черенкова, Валерия Шмарова и Юрия Гаврилова стали украшением финала, а Ринат Дасаев был как всегда на высоте. Команда-легенда 70-х – 80-х годов прошлого столетия и в этом году играла великолепно. Наградой ей стал „Кубок Бескова“, который футболистам вручила Валерия Николаевна.

– Уроки Константина Ивановича я сравнил бы с академией футбольного мастерства, сказал тренер команды „Друзей Бескова“ Георгий Ярцев после турнира, – его идеи всегда отличались свежестью, иногда казались ошеломляющими и парадоксальными, но на практике часто приносили желаемый, положительный результат и главное – победы, что в футболе очень важно. Такие люди – гордость нашего спорта.

Сегодня, такие турниры чрезвычайно важны, особенно для новых поколений футболистов. Помнить лучших спортсменов и равняться на них – это значит учиться побеждать…»

Именно так: на протяжении многих десятилетий мы испытывали на себе магическую силу футбола, спартаковского в особенности. В нем мы находили не только радость и вдохновение. Он помогал справляться с недугами, преодолевать непростые житейские сложности и проблемы, которые порождали немалые испытания. На матчах с участием «Спартака» мы забывали обо всех бедах и болях, отрешаясь от них, жили только игрой, которая захватывала нас и держала в своих «объятиях» с первой до последней минуты. За всё это мы бесконечно благодарны «Спартаку» – фанатичной, магической и целебной

силе футбола…



Николай Петрович СТАРОСТИН (1902–1996).

1939 г. Братья СТАРОСТИНЫ: Александр, Николай, Андрей, Петр.

Московский «Спартак» – чемпион СССР и обладатель Кубка. Справа: капитан команды Андрей Старостин.

В атаке легендарный Григорий ФЕДОТОВ. 1939 г.

Верные друзья «Спартака»

Народный артист СССР Михаил ЯНШИН и Андрей СТАРОСТИН.

Народный артист СССР Михаил ЖАРОВ и Николай СТАРОСТИН.

Справа налево: писатель Лев КАССИЛЬ, Александр и Андрей СТАРОСТИНЫ

Вадим СИНЯВСКИЙ ведёт радиорепортаж о футболе: «Интересная игра!»

Легенды советского футбола

1987 г. Николай Старостин, Сергей Ильин, Николай Малин, Михаил Семачастный, Андрей Старостин, Владимир Соколов, Михаил Якушин.

Алексей Леонтьев, Никита Симонян, Анатолий Ильин, Николай Дементьев, Алексей Парамонов, Борис Татушин.

Константин Иванович Бесков, Никита Павлович Симонян, Эдуард Стрельцов.

Андрей Петрович и Николай Петрович Старостины на трибуне стадиона: «Захватывающая игра».

1958 год. В третий раз «Спартак» делает дубль, становится чемпионом СССР и обладателем Кубка.

Сидят (слева направо): И. Мозер, И. Нетто, А. Ильин, Н. Симонян.

Стоят: Н. Старостин, А. Исаев, А. Солдатов, В. Чистяков, А. Масленкин, В. Ивакин, С. Сальников; тренеры – В. Соколов, А. Парамонов, ст. тренер – Н. Гуляев.

«Спартак» – чемпион СССР (1969 г.).

Стоят: В. Папаев, В. Янкин, В. Калинов, С. Рожков, Н. Абрамов, Р. Барсуков, Г. Логофет, А. Исаев, А. Кавазашвили, В. Петров, Вад. Иванов, (сидят, средний ряд) Н. Осянин,

Н. Старостин, Н. Симонян, Г. Хусаинов, Вяч. Иванов, (сидят, ближний ряд) Н. Киселев, Е. Ловчев, Д. Силагадзе.

Н. П. Симонян – последние указания перед игрой Виктору Папаеву и Евгению Ловчеву (1969 г.)

В атаке лучший бомбардир чемпионата Николай Осянин (1969 г.).

Оплот обороны. Геннадий Логофет и вратарь Анзор Кавазашвили.

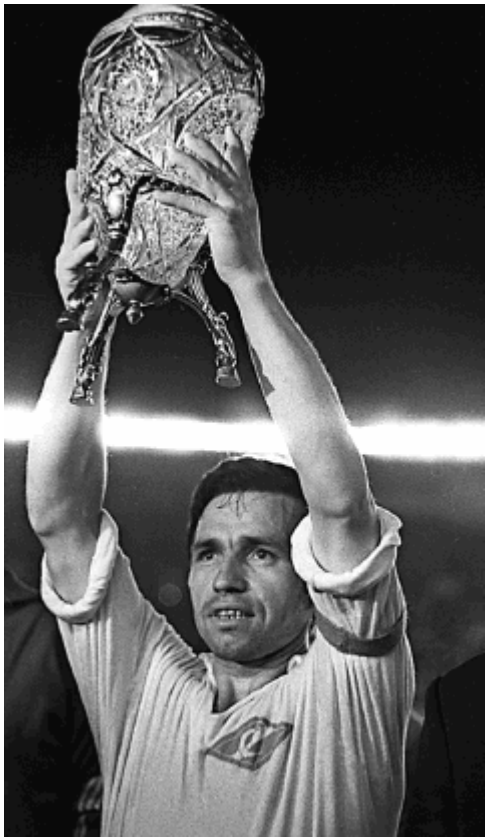
1971 год

«Спартак» – обладатель Кубка СССР.

Стоят: Е. Ловчев, Н. Киселев, В. Калинов, А. Исаев, В. Егорович, Р. Барсуков, А. Кавазашвили, Н. Симонян,

Н. Старостин, В. Матвеев; сидят: В. Папаев, В. Мирзоев, С. Ольшанский, Г. Логофет, Г. Хусаинов, Н. Осянин, Д. Силагадзе, М. Булгаков.

Герой матча Геннадий Логофет в атаке…



Капитан «Спартака» Галимзян Хусаинов: «Кубок наш!»

1977 год. «Спартак» – чемпион первой лиги

Стоят: К. И. Бесков, С. Шавло, В. Павленко, О. Романцев, А. Сорокин, Е. Ловчев, Ю. Гаврилов; сидят: Е. Сидоров, Г. Ярцев, А. Прохоров, В. Ноздрин, В. Хидиятуллин.

Перед чемпионатом в первой лиге.

Н. П. Старостин с защитниками Е. Ловчевым и В. Хидиятуллиным.

Прорыв Евгения Ловчева.

В атаке Георгий Ярцев.

В верхнем ряду в центре: вратарь Ринат Дасаев; средний ряд: Н. П. Старостин, В. Глушаков, Ю. Иванов, А. Калашников, А. Сорокин, В. Букиевский, В. Самохин, последний справа – К. И. Бесков; сидят: М. Булгаков, Ф. Черенков, Е. Сидоров, Г. Ярцев, В. Хидиятуллин, Ю. Гаврилов, С. Шавло, А. Кокорев.

В атаке Юрий Гаврилов.

1987 год. «Спартак» – чемпион СССР

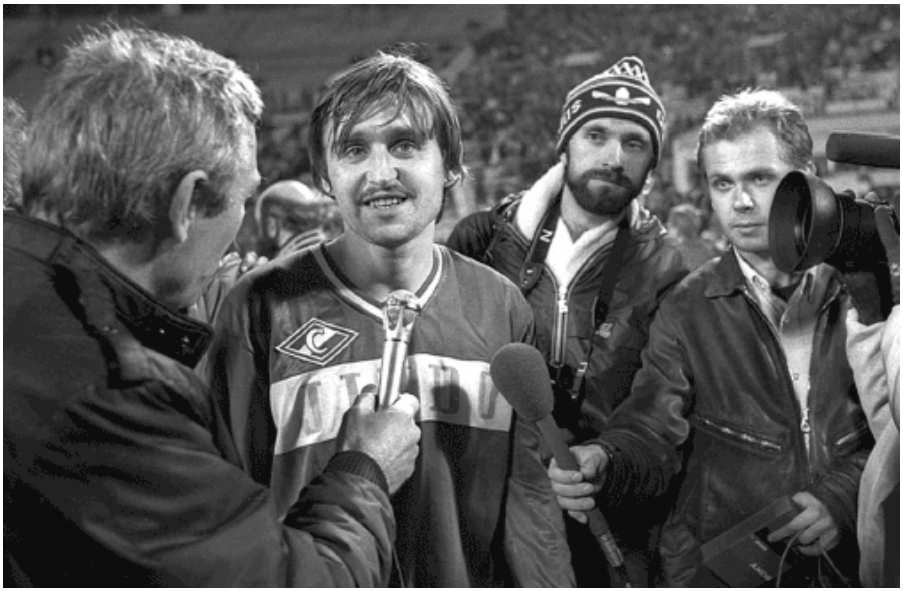
Ринат Дасаев и Борис Кузнецов.
Ворота на замке.

Главный тренер К. И. Бесков и начальник команды Н. П. Старостин.

Двенадцать лет вместе в «Спартаке».

Ринат Дасаев – лучший вратарь мира и СССР.

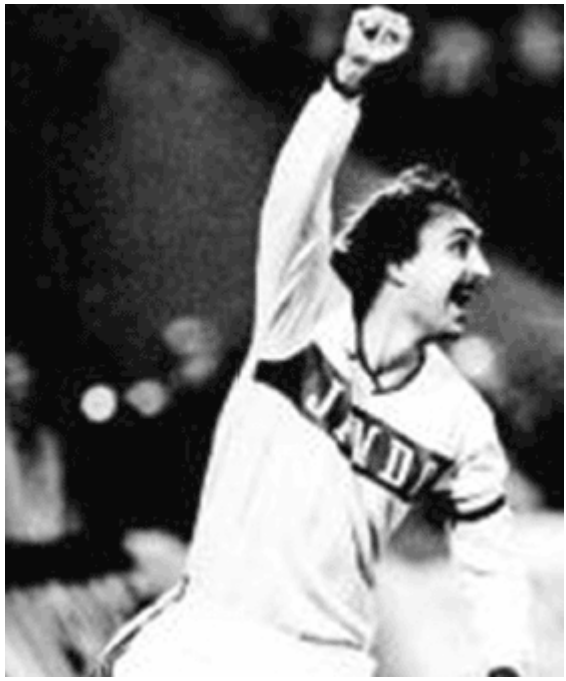
Заслуженный мастер спорта СССР Вагиз Хидиятуллин. Последний год в «Спартаке».



Интервью дает Федор Черенков, заслуженный мастер спорта СССР.

1989 год. «Спартак» – чемпион в последнем первенстве СССР – в 12-й раз

Верхний ряд (третий слева) О. Романцев новый главный тренер «Спартака».



Ф. Черенков – лучший футболист СССР 1989 года.

Сергей Родионов, Валерий Шмаров, Геннадий Морозов сразу после «золотого» гола в ворота киевского «Динамо» (23.10.1989).

Федору Черенкову 30 лет!

1992 год – первый дубль «Спартака» в российском первенстве

Олег Романцев – главный тренер «Спартака» и начальник команды Н. П. Старостин на чествовании команды – первого чемпиона России и обладателя Кубка СССР – СНГ.

Кубок СССР-СНГ в руках капитана «Спартака» Станислава Черчесова.

1996 год. «Спартак» – чемпион России

Георгий Ярцев – главный тренер «Спартака» и Олег Романцев – президент клуба внимательно следят за игрой.

Радость гола.

Илья Цымбаларь, Вадим Евсеев, Андрей Тихонов, Андрей Пятницкий.

1994 год. Прощальный матч капитана «Спартака» Федора Черенкова.

4 мая 2008 года. Капитан команды Дмитрий Аленичев благодарит болельщиков «Спартака» в день своего прощального матча.

Георгий Ярцев и Андрей Тихонов. Им есть что вспомнить.

Валерий Карпин.

Егор Титов.

Удар Александра Мостового. Гол!!!

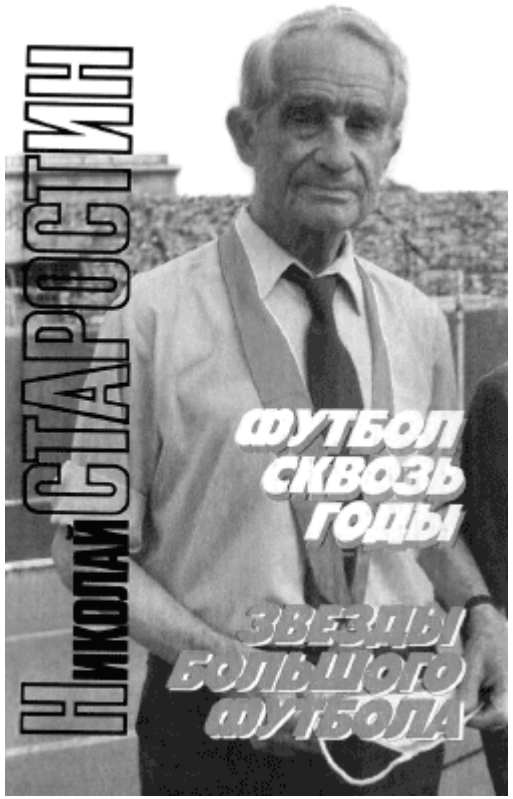
Валерий Карпин и Александр Мостовой вместе играли в сборной России.

14 июля 2008 года.

Егор Титов и Максим Калиниченко в последний раз в основном составе «Спартака»…

Николай Петрович СТАРОСТИН.
Последнее прижизненное фото.

Лучшие книги о «Спартаке»


Николай СТАРОСТИН
ФУТБОЛ СКВОЗЬ ГОДЫ
ЗВЕЗДЫ БОЛЬШОГО ФУТБОЛА

Глава восьмая. Годы надежд и тревог (1982–1985)

Вместо предисловия

1982 год. Для советской страны это был год больших юбилеев и знаковых событий: 65-летие Великой Октябрьской социалистической революции и 60-летие образования СССР.

Памятен этот год и для меня: завершились мои многолетние баталии по защите докторской диссертации. В январе 1983 года приказом ректора Кубанского государственного университета В. А. Бабешко я был назначен на должность и.о. профессора кафедры истории КПСС. Оставался в этом качестве два года. В январе 1985 года ВАК СССР присвоил мне звание профессора и приставка «и.о.» была устранена.

Успешно шли научная и учебно-педагогическая деятельность и у Нины Тимофеевны. В 1978 году она защитила кандидатскую диссертацию, а в 1981 году – ВАК СССР присвоил ей ученое звание доцента.

Коля, находившийся в аспирантуре на философском

факультете в МГУ, завершал работу над кандидатской диссертацией по проблеме власти в социалистическом государстве.

Жизнь была в радость…

Были в 1982 году и другие значимые для меня события. Одиннадцатого марта состоялась XIV Краснодарская отчетно-выборная конференция Общества «Знание». Она избрала меня в десятый раз членом правления краевой организации и в четвертый – делегатом съезда Всесоюзного Общества «Знание». Замечу, еще четырежды я был делегатом республиканского съезда Общества.

В середине мая я побывал в Грозном – тогдашней столице Чечено-Ингушской АССР, участвовал в научной конференции по историографии исследования борьбы большевистских организаций за установление Советской власти и проведение социалистических преобразований. Выступал на ней с докладом «Историография борьбы партии большевиков за победу и развитие социалистической революции на Северном Кавказе».

5 – 6 июля участвовал в работе Всесоюзного съезда Общества «Знание», проходившего в Большом Кремлевском дворце. В состав краевой делегации входили также: Леонтий Алексеевич Солодухин, секретарь крайкома КПСС по идеологии, сменивший на этом посту И. П. Кикило; Федор Павлович Зырянов, председатель краевой организации Общества «Знание», доктор исторических наук, профессор; Александр Иванович Манаенков, заведующий кафедрой истории КПСС Краснодарского института культуры, доктор исторических наук, профессор, другие активисты Общества «Знание».

Мне было предоставлено слово на секции военно-патриотического воспитания об опыте лекционно-пропагандистской работы по этой проблеме в крае. Председательствовал на секции адмирал Гришанов, бывший начальник Политуправления Военно-Морского Флота СССР. Я выступал вторым, вслед за легендарным летчиком-космонавтом, дважды Героем Советского Союза Алексеем Леоновым.

После окончания работы съезда меня включили в состав пропагандистской группы, сформированной президиумом правления Общества «Знание» РСФСР совместно с лекторской группой ЦК КПСС для поездки в Башкирскую АССР с целью изучения состояния пропаганды национальной политики в республике и выступления с лекциями. Мне было поручено возглавить эту группу. Поездка была организована в связи с 60-летием образования СССР.

За время пребывания в Башкирии довелось побывать в ряде

городов и районов республики, более тридцати раз выступить на предприятиях и в учреждениях, в колхозах и совхозах, научно-исследовательских институтах и вузах. Встречи проходили в залах заседаний, клубах и в красных уголках, в заводских цехах и на полевых станах. В памяти остались добросердечная атмосфера и глубокий интерес к проблемам национальных отношений и национальной политики. Было много вопросов, в том числе и остросюжетных.

Прошло три десятилетия, а я и сейчас хорошо помню свое выступление на лугу перед косарями. В тени, под копной сена, чтобы укрыться от жаркого солнца, собралось до ста участников встречи.

После лекции ко мне подошла женщина и доверительно спросила: «Почему в мире нас все не любят?»

– Не все, – ответил я, – а только враги социализма; буржуазия и правящие круги империалистических государств, да злобные антикоммунисты. Они боятся нас, наших гигантских успехов во всех областях общественного развития, в том числе и в решении национального вопроса. Вы это хорошо знаете. В вашей республике в дружбе и братстве с башкирами живут татары, русские, представители многих других национальностей…

Патологические ненавистники социализма, Советского Союза особенно большое внимание уделяют всемерному разжиганию национальных отношений. Принцип империалистической буржуазии известен: «разделяй и властвуй». Национализм – последняя баррикада капитализма. Буржуазия может приглушить подачками социальный протест эксплуатируемых трудящихся. Но национальные отношения намного сложнее и глубже. На них и паразитируют антикоммунисты. Они и ненавидят лютой ненавистью нашу страну, в которой дружно живут более ста национальностей и народностей…

Еще запомнилась Башкирия исключительным гостеприимством: повсеместно нас угощали башкирским медом, кумысом, ухой из рыбы, только что выловленной в реке Белой. Всё помню, всё живёт в моей памяти. Помню и «тормыжку» (по-башкирски – жизнь), которой жила тогда республика…

После возвращения из Башкирии, по просьбе правления Общества «Знание» РСФСР, ВЦСПС предоставил мне путевку в пансионат Академии наук СССР в Звенигороде. Нина, прибывшая к тому времени из Краснодара в Москву, проводила меня туда, а вечером уехала в Ленинград для организации студенческой практики на хлебозаводах северной столицы.

Её возвращение из Ленинграда в Москву совпало с завершением моего пребывания в пансионате. Поселились мы с

ней на базе отдыха Союзпечати в Мамонтовке, по приглашению гостеприимной семьи Алексея Николаевича Дорофеева.

Коля, вопреки нашим уговорам, решил ехать в дом отдыха «Шепси» на туапсинском побережье. Впервые один, без нас.

К началу сентября мы вернулись в Краснодар. Начинался учебный год. Завершился отдых и у Коли в «Шепси». День-два он побыл с нами, а затем уехал в Железноводск лечить почки. Оттуда он сообщил нам по телефону, что вылетит в Москву, не заезжая к нам.

Вот и пришло время вернуться к строке из главы «Слово о сыне»: «Вскоре окажется, что он рвался на встречу со своей судьбой…»

В ночь на 14 октября 1982 года я увидел сон, будто позвонил Коля из Москвы и сказал: «Завтра я прилечу в Краснодар. Вдвоем с невестой. Зовут её Лена»…

Проснулся в раздумье: что бы это значило? Как же так? Всего полтора месяца назад Коля был в Краснодаре и ничего не говорил ни о какой невесте. Весь сентябрь он провел на лечении в Железноводске. Три дня назад звонил из Москвы. И тоже даже намека не было о его приезде в Краснодар. И вдруг…

Вечером того же дня, как и предсказал сон, Коля позвонил и сообщил: «Завтра прилетаю в Краснодар. Не один, с девушкой».

– Ее зовут Лена? – спросил я.

– Да. А ты откуда знаешь?

– Разве не догадываешься? Сон приснился…

На второй день Коля с Леной были уже в Краснодаре. И мы узнали сразу две новости. Первая – Коля познакомился с Леной в «Шепси». Вторая – из Железноводска он улетел не в Москву, а в Новосибирск, к Лене, чтобы прояснить вопрос о дальнейших отношениях с ней.

С порога, что называется, «с места в карьер», Коля сказал нам, что они решили пожениться и прилетели за нашим благословением. И хотя эта новость была для нас неожиданной, мы сразу же ответили: «Спешить с таким делом нельзя. Вы еще толком не знаете друг друга, – во-первых. А во-вторых, Коле надо окончить аспирантуру, защитить диссертацию, определиться с работой. Вы лучше узнаете друг друга. Тогда можно будет вернуться к этому разговору».

В дни той встречи с Колей и его избранницей к общему мнению не пришли…

Все наши последующие разговоры с Колей на эту тему по телефону не переубедили его. Он настаивал на своем.

…В декабре 1982 года Коля сообщил, что они с Леной поженились…

12 мая 1983 года мы узнали, что Лена родила дочь, для нас – внучку. Назвали ее Юлей.

В канун 1984 года мы встретили Лену с Юленькой в краснодарском аэропорту…

Но об этом рассказ еще впереди…

Феномен Ю. В. Андропова

А пока на календаре 10 ноября 1982 года. В телевизионной программе значился концерт, посвященный дню советской милиции. Как правило, такие концерты были всегда очень интересными. Мы с Ниной уселись у телевизора. Загорелся экран, и… высветилось: «Человек с ружьём». Начался фильм без всяких извинений и объяснений. Мы переглянулись. Я заметил: «Скорее всего, умер генсек».

На следующий день это предположение подтвердилось: радио и телевидение передали сообщение о смерти Л. И. Брежнева. Вся советская страна застыла в ожидании: кто же будет Генеральным секретарем?

Внеочередной Пленум ЦК КПСС, состоявшийся 12 ноября, избрал Генеральным секретарем Юрия Владимировича Андропова. Лично я встретил это сообщение с одобрением. Услышав эту новость, даже вздохнул с облегчением…

Откровенно говоря, страна устала от восемнадцатилетнего брежневского «самодовольного оптимизма», для которого не было серьезных оснований. Накопились трудности и проблемы, ждавшие своего решения. Однако высшее партийное и государственное руководство жило словно в «тихой заводи», в атмосфере полного благополучия, особенно в последние годы, после отправки в «отставку» и скорой смерти Алексея Николаевича Косыгина…

Нужен был умный, опытный, волевой, принципиальный руководитель. В составе брежневского Политбюро такими качествами в наибольшей мере обладал именно Юрий Владимирович Андропов. К тому же, работая многие годы Председателем КГБ СССР, а после смерти М. А. Суслова, – вторым секретарем ЦК КПСС, как никто другой, он по должности знал истинное положение в стране, хорошо понимал необходимость безотлагательного решения назревших проблем…

С первых дней новый генсек основательно взялся за дело, особенно за укрепление государственной дисциплины, наведение должного порядка и повышение ответственности всех государственных служб, пробуждение активной жизни советского

общества. Это был чрезвычайно важный и объективно необходимый шаг.

Ю. В. Андропов хорошо понимал, что положение в стране не отвечало представлениям о «развитом» социализме, провозглашенном Брежневым.

В последние годы замедлились темпы экономического развития страны, трудно шел процесс перевода экономики с экстенсивного на интенсивный путь развития. Требовалось технологическое обновление всей индустрии, всего народного хозяйства. Это являлось основной гарантией преодоления отставания Советского Союза по уровню производительности труда от наиболее экономически развитых стран. Необходимо было решительно усилить внимание к сфере производства средств потребления. В стране сложились серьезные трудности в обеспечении населения жизненно необходимыми и высоко качественными товарами и продуктами. Складывалась диспропорция между возросшими реальными доходами советских людей и их возможностями приобретать необходимое.

Серьёзный сбой стала давать и система государственного управления, планирования и регулирования развития различных отраслей производства, особенно в области решения социальных задач и дальнейшего роста благосостояния советских людей.

Вместо творческого развития теории социализма, которая должна во всех случаях идти впереди практики и освещать ей путь, – в общественных науках укоренились и господствовали догматизм, начетничество, преклонение перед авторитетом вождя, его обожествление.

Главной причиной образовавшихся серьезных трудностей и проблем являлось то, что высшее партийное и государственное руководство, сосредоточенное в Политбюро, по своему интеллектуальному потенциалу, политической зрелости, да и возрастным, физическим возможностям было неспособно дать ответы на вопросы дальнейшего развития страны, критически осмысливать и оценивать создавшееся положение, определять пути и средства выхода из него. Назревшие проблемы не получали теоретического обоснования и определения путей их решения.

Виной тому был сложившийся порядок формирования Политбюро, сориентированного на генсека. В силу этого в большинстве своем оно состояло из лично преданных ему людей: карьеристов, дружков-приятелей, подхалимов и приспособленцев, возвеличивавших и обожествлявших его.

В Политбюро всё меньше оставалось умных, смелых, принципиальных, работоспособных людей. Их место занимали те,

кто был лоялен к генсеку, всячески угодничал ему, меньше всего думая об интересах КПСС и судьбе советского государства. К концу жизни Брежнева состав Политбюро превратился в «клуб престарелых», уже нетрудоспособных людей.

Даже такие многоопытные и наиболее мыслящие люди из брежневского Политбюро как Д. С. Устинов и А. А. Громыко были тоже в критическом, преклонном возрасте. В том же состоянии был сам генсек, другие члены Политбюро: Н. А. Тихонов, заменивший А. Н. Косыгина на посту главы советского правительства, А. П. Кириленко, являвшийся одним из ближайших соратников Брежнева, К. У. Черненко, старый друг-приятель по работе в ЦК Компартии Молдавии, затем – руководитель секретариата Президиума Верховного Совета СССР.

По воле Брежнева он сделал головокружительную карьеру: в 1964 году он был определен на должность заведующего Общим отделом ЦК КПСС. В 1976 году Черненко, ранее мало кому известный в стране и в партии, с должности главного делопроизводителя был избран секретарем ЦК КПСС, а вскоре введен в состав Политбюро.

Скорее всего, за угодничество и подхалимство Брежнев подтянул в ЦК КПСС на пост Секретаря ЦК по сельскому хозяйству первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС М. С. Горбачева, окрещенного в народе «меченым Мишкой». Вскоре его ввели в состав кандидатов в члены Политбюро. С этого трамплина начался его взлёт на вершину власти в КПСС и советском государстве, обернувшийся трагедией для партии и страны.

Не лучше складывалось положение и с кадрами высших руководителей республиканских, краевых и областных организаций КПСС. Там тоже главным мерилом надежности и полезности были их лояльность, беспрекословность, беспринципность, угодничество и преклонение перед генсеком и его единомышленниками в Политбюро.

Для примера назову одного бесспорного любимца Брежнева – С. Ф. Медунова, первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС, при котором и рядом с которым в составе краевой партийной власти оказались откровенные коррупционеры, злоупотреблявшие занимаемыми постами и совершавшие преступные действия: второй секретарь крайкома КПСС Тарада и руководитель комиссии партийного контроля крайкома КПСС Карнаухов, о чем я уже рассказал в предыдущих главах.

Вот на чем и на ком держалась неприкасаемость, незаменимость, вседозволенность, всевластие и всеславие Брежнева на протяжении восемнадцати лет. На этом же покоился

и его «самодовольный оптимизм»…

К слову замечу, за эти годы в США поменялось пять президентов, а в Великобритании – шесть премьер-министров.

…Неслучайно с первых дней своего пребывания на посту Генерального Секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропов безотлагательно занялся кадровым вопросом. Спустя десять дней после его избрания на высший пост в КПСС, да фактически и в государстве, 22 ноября, на очередном Пленуме ЦК КПСС, был освобожден от всех постов и выведен из состава Политбюро А. П. Кириленко, давно уже нетрудоспособный, если не сказать большего, но остававшийся в высшем органе партии только благодаря покровительству Брежнева.

Совершенно осознанно в тот день я записал в дневнике: «Давно пора…»

Ю. В. Андропов хорошо понимал, что без освежения и омоложения состава высшего партийного руководства исправить положение в стране и в партии будет невозможно.

На том же Пленуме ЦК, по предложению Ю. В. Андропова, секретарем ЦК по экономике был избран Николай Иванович Рыжков, работавший в то время первым заместителем Председателя Госплана СССР. Секретарем ЦК стал Н. В. Романов, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, многие годы находившийся в «опале» у Брежнева, считавшийся одним из самых перспективных партийных руководителей. Ему были поручены вопросы деятельности отраслей оборонной промышленности.

…Ю. В. Андропов выступил на этом Пленуме с программным докладом, который готовился для Брежнева. Как выразился Рыжков, Юрий Владимирович скорректировал доклад по принципу: «дурак не заметит, а умный поймет». Ю. В. Андропов, как всегда, адресовался к умным.

В докладе шла речь о необходимости ускорить работу по совершенствованию руководства экономикой, планирования, хозяйственного механизма; расширения самостоятельности промышленных предприятий, колхозов и совхозов; об укреплении дисциплины и ответственности во всех звеньях государственного управления.

Н. И. Рыжков в своих воспоминаниях пишет: «Феномен Андропова, на мой взгляд, вызван тем, что к высшей власти пришел новый человек, во многом отличный от прежнего генсека… явно не брежневского склада. В эпоху Леонида Ильича люди устали от пустословия, показухи, двойной морали…»

(Н. И. Рыжков. «Десять лет великих потрясений». М. 1996 г., стр. 42).

…Завершался 1982 год большим волнующим юбилеем – 60-летием образования СССР. При всех трудностях, которые выпали на долю первопроходцев социализма, Союз Советских республик оставался единой, дружной и братской трехсотмиллионной семьей и достиг грандиозных успехов…

В 1983 году Юрий Владимирович продолжал укреплять новыми кадрами Политбюро и Секретариат ЦК, руководство партийных комитетов союзных и автономных республик, краев и областей.

За серьезные ошибки в подборе и расстановке кадров был выведен из состава ЦК КПСС и исключен из партии С. Ф. Медунов, бывший первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС.

К тому времени, не дождавшись приведения в исполнение приговора, в тюрьме покончил с собой бывший второй секретарь Краснодарского крайкома Тарада; за совершение тяжких уголовных преступлений были осуждены на различные сроки председатель комитета партийного контроля крайкома Карнаухов, ряд других руководителей партийных и хозяйственных органов Кубани. Именно эти факты, прежде всего, послужили основанием для столь строгой меры в отношении С. Ф. Медунова.

Забегая вперед, скажу, что он очень сильно переживал случившееся. До конца жизни оставался убежденным коммунистом, приверженцем социализма.

Когда Ельцин своим антиконституционным указом прекратил деятельность КПСС и КП РСФСР, С. Ф. Медунов был в числе тех, кто не отрекся от партии, и, как только началось возрождение Российской Компартии, без колебаний вступил в её ряды. Умер коммунистом…

…Продолжу речь о кадровой политике Ю. В. Андропова. В новую команду, формируемую им, помимо Н. И. Рыжкова и Г. В. Романова вошли Е. К. Лигачев – из Томска и В. И. Воротников – из Воронежа.

Партия и страна стали возвращаться к активной жизни. У советских людей укреплялась надежда на преодоление накопившихся трудностей и проблем.

Юрий Владимирович был очень обеспокоен тупиковой ситуацией в развитии теории социалистического строительства. Надо было дать серьезный импульс творческой, научной мысли.

После смерти И. В. Сталина почти три десятилетия никто в

КПСС, ни Хрущев, ни Брежнев, ни их соратники даже не пытались это сделать в силу своего интеллекта.

По заказу Хрущева ученые обосновывали его вывод о полной и окончательной победе социализма, затем сочиняли программу построения коммунизма в СССР в двадцатилетний срок. По велению Брежнева доказывали, что в СССР построено развитое социалистическое общество.

В 1983 году в журнале «Коммунист» – главном теоретическом журнале КПСС – была опубликована статья Ю. В. Андропова «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», вызвавшая огромный интерес не только ученых-обществоведов, но и всей партии, всей советской страны.

Ю. В. Андропов впервые после Ленина поставил вопрос о необходимости глубокого критического анализа пути, пройденного советской страной за годы социалистического строительства: «Надо разобраться в обществе, в котором мы живем… Надо нам трезво представить, где мы находимся. Забегать вперед – значит выдвигать не осуществленные задачи; остановиться на достигнутом – значит не использовать всё то, чем мы располагаем. Видеть это общество в реальной динамике, со всеми его возможностями и нуждами – вот что сейчас требуется». Об этом же Ю. В. Андропов довольно откровенно говорил и на июньском Пленуме ЦК КПСС 1983 года.

Впоследствии Н. И. Рыжков писал в своей книге: «Невероятно уважаю Андропова за то, что он всегда не страшился знать. Преклоняюсь перед ним за то, что он всегда стремился знать… В 1983 году он начал особенно интересоваться внешнеэкономическими вопросами… внимательно вглядывался во взаимоотношения СССР со странами СЭВ… постоянно предупреждал… что нам следует в первую очередь блюсти свои интересы. У него было твердое убеждение, что постепенно следует уменьшать масштабы так называемой помощи другим странам. По его мнению, СССР, являясь сверхдержавой, своей государственной мощью, сильной экономикой исторически обязан противостоять противникам, сохранять равновесие и стабильность в мире. Но и для выполнения этой задачи надо в первую очередь заниматься внутренними делами страны…

Я был свидетелем, когда в узком кругу он не раз сетовал на то, что мы неоправданно отвлекаем ресурсы из нашей экономики для стран, заявивших о своей социалистической ориентации.

– Что мы забыли в Анголе, Мозамбике, Эфиопии и других подобных странах? Какой там у нас интерес? Надо ли в ущерб жизни своего народа идти на это?» (Н. И. Рыжков. «Десять лет великих потрясений». М. 1996, стр. 49–50).

Эти мысли созвучны моим, когда я размышляю о причинах крушения КПСС и поражении, пусть временном, социализма в СССР. Сколько было таких Мозамбиков? Несколько десятков слабо развитых стран, обретя свою независимость, заявили о социалистической ориентации их дальнейшего развития. А какие громадные средства выделял Советский Союз на помощь им, нередко забывая о нуждах своего народа, в ущерб его благосостоянию. И так на протяжении трех десятилетий советской истории в послесталинские годы.

Где они теперь эти страны социалистической ориентации? Сколько их осталось на планете после ликвидации СССР? Своей щедрой помощью мы порождали иждивенчество, неспособность жить, развиваться, самостоятельно строить свое общество, прокладывая свой путь к социализму…

Юрий Владимирович очень хотел основательно поправить положение дел в стране, да и в КПСС тоже. Но тяжелая болезнь не дала ему ни времени, ни сил сделать хотя бы значительную часть из намечаемого и необходимого. Из 15 месяцев, которые он пробыл в должности Генерального Секретаря ЦК КПСС, в полную силу он проработал меньше года. Хотя и многие месяцы, проведенные в больнице, он продолжал работать, был всегда рад встречам со своими ближайшими соратниками, засыпал их вопросами о том, что его особенно волновало: как идет выполнение тех планов и программ, которые были намечены с его участием и по его инициативе во имя обновления и оздоровления страны, в интересах народа.

Вечером 8 февраля 1984 года Юрия Владимировича Андропова не стало.

Прошло почти три десятилетия после его смерти, но всё больше живущих людей сожалеют о его безвременном уходе из жизни.

Справедливо пишет об этом Николай Иванович Рыжков: «Миллионы людей вспоминают добрым словом этого быстро промелькнувшего на политическом небосклоне человека. Тогда ни один лидер партии не вызывал таких симпатий в народе, как он… Юрий Владимирович искренне хотел перемен… многое намечал сделать в стране… Меня часто спрашивают: если бы жив был Андропов, что было бы со страной? Был бы горбачевский вариант? Китайский вариант? Мой ответ: был бы свой, андроповский путь! Каким бы он был, я детально не знаю, но он никогда не был бы ни антисоциалистическим, ни антигосударственным, ни антинародным»… (Н. И. Рыжков. «Десять лет великих потрясений». М. 1996 г. стр. 42–43, 54).

…13 февраля 1984 года на внеочередном Пленуме ЦК КПСС «все, как всегда, единогласно (!) – проголосовали за избрание Генеральным секретарем 73-летнего немощного и больного Черненко. Соратники Брежнева были еще достаточно сильны. Им был нужен генсек из своего, брежневского ядра Политбюро. Брежневская когорта в Политбюро осталась довольна выбором. Собственным выбором. Именно они – Тихонов, Устинов, Гришин, Кунаев, Щербицкий, Громыко отлично знали, чего хотели, – вспоминает Н. И. Рыжков, – каждый из перечисленных, я думаю, видел себя на этом наивысочайшем посту. Но, сверх опытные, они взаимно представляли себе что случится, если кто-то из них этот пост получит: свои же съедят. По вечному принципу: чем ты лучше других?..

А вот Черненко для них был „лучше“ других – хотя бы тем, что за всю свою жизнь не занимал реальных руководящих постов. И эти опытные люди могли им достаточно свободно манипулировать… К тому же он медленно, но верно угасал. Это была компромиссная фигура и, на мой взгляд, такое решение было признаком безысходности…

С приходом Черненко к руководству партией и страной жизнь в высших эшелонах власти возвращалась к покою и благолепию…» – пишет Н. И. Рыжков (там же, стр. 55, 56, 58).

Полностью доверяю Н. И. Рыжкову, потому что он знал истинное положение дел в партии и в стране и написал горькую правду…

Н. И. Рыжков назвал черненковский год «сумеречным», то есть серым, тусклым, мрачным, безрадостным. Таким он и был для страны и народа.

«Страна, начавшая избавляться при Ю. В. Андропове от апатии последнего периода брежневской эпохи, снова замерла в ожидании каких-то неизбежных перемен» (Н. И. Рыжков, там же, стр. 58).

Ситуация была чрезвычайно напряженной. О каком «движении» могла идти речь, когда новый генсек был безнадежно болен: не успевал выйти из больницы, как его снова туда доставляли. «Плох он был уже. Плохо двигался, плохо говорил, плохо соображал, – замечает Н. И. Рыжков. – И как некогда он сам управлял Брежневым, так и им управляли все, кому не лень…» (Н. И. Рыжков. Там же).

10 марта 1985 года К. У. Черненко умер…

Мне он запомнился одним-единственным поступком: восстановил в КПСС с сохранением партийного стажа Вячеслава

Михайловича Молотова, поистине выдающегося государственного и политического деятеля Советского Союза на протяжении большей части его истории. Исключен он был в 1957 году по настоянию Хрущева за «антипартийную» деятельность, несогласие с авантюрно-волюнтаристским курсом Хрущева, проводимым под благовидным лозунгом восстановления ленинских норм партийной жизни.

К. У. Черненко не только подписал постановление ЦК о возвращении в партию Молотова, но и самолично вручил ему партийный билет в своем генсековском кабинете…

После смерти Ю. В. Андропова надежда на оздоровление социально-экономического положения в стране, упрочение социализма и дальнейшее раскрытие его потенциала померкло, а тревоги резко возросли. «Сумеречный» год К. У. Черненко был «шагом назад» – к брежневскому времени.

Вот как отозвался «самодовольный оптимизм» и порочная, «самоубийственная» кадровая политика Брежнева для судеб не только Политбюро, но и для КПСС в целом, для судеб советского государства и социализма в нашей стране.

Кадровый обвал в брежневском Политбюро начался со смерти главного наставника и проповедника «стабильности» советского строя Суслова (никаких переделок, никаких резких шагов, пусть всё идет по инерции). Его догматизм также способствовал застою, топтанию на месте советского государства.

Затем последовали похороны трех генсеков. А дальше что?

…Сказать, что положение в партии и в стране в начале 1985 года было тревожное, значит, ничего не сказать. Народ устал в ожидании перемен. Надежды на лучшее становились всё сумрачнее. А тревоги – всё сильнее. Прежде всего, от неопределенности, от нестабильности в высшем руководстве страны.

За два года и четыре месяца хоронили третьего Генерального секретаря ЦК КПСС. Предстояло избрать четвертого. Большинство членов Политбюро, сформированного Брежневым «под себя», по принципу личной преданности и беспрекословного повиновения, находилось в критическом возрасте, в высшей степени было довольно своим благодатным положением.

Ставка на двух ближайших соратников Брежнева Ю. В. Андропова и К. У. Черненко, немощных и тяжелобольных, завершилась трагическим исходом для них самих и новыми испытаниями для партии и советского государства.

Создалась критическая ситуация. Выбирать генсека из тех, кто составлял ядро Политбюро с брежневских времен, было очень трудно. А. П. Кириленко и Н. А. Тихонов исчерпали свои

возрастные и физические возможности. Д. А. Кунаев и В. В. Гришин практически были у той же черты. В. В. Щербицкий, без объяснения причин был проигнорирован тем же «ядром» брежневского состава Политбюро. Такая же судьба была уготована и для Г. В. Романова, находившегося в «немилости» у Брежнева. Оба, как конкурентоспособные, были легко устранимы, что вскоре и получилось на деле.

Приглашенные Ю. В. Андроповым в ЦК КПСС на ответственные должности Н. И. Рыжков и Е. К. Лигачев еще не прошли «испытательный срок», не прошли обязательные ступеньки «иерархической лестницы», для того чтобы рассматривать их в качестве претендентов на главный пост в партии и в государстве.

Волею обстоятельств в резерве, на положении «молодого и энергичного» в составе Политбюро был один «меченный Мишка» Горбачев, как будто кем-то, неведомо за какие заслуги был введен в качестве «подсадной утки», а после смерти трех генсеков оказался на посту второго секретаря ЦК КПСС. Как такое могло случиться – необъяснимо. Говорят, что много лет назад в бытность его работы первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС, судьба была предопределена стечением обстоятельств: в одно и то же время он, на правах хозяина, принимал сразу трех генсеков – тогдашнего Л. И. Брежнева и будущих Ю. В. Андропова и К. У. Черненко. В этой связи кто-то «окрестил» эту встречу «встречей четырех генсеков». Так ли это? – сказать трудно. Но факт такой имел место.

…После ухода из жизни Андропова и Черненко в составе Политбюро были такие многоопытные, достойные и хорошо известные в стране государственные деятели, как А. А. Громыко и Д. С. Устинов. Но оба с сильно надломленным здоровьем. Идти на риск – означало ждать в скором времени очередного трагического последствия.

Главная должность в партии и в стране не допускала новых легкомысленных экспериментов. Было, о чем призадуматься…

А сейчас самое время поразмышлять о советском времени, об эпохе социалистического строительства в нашей стране…

Советский социализм: каким он живёт в моей памяти…

Чем дальше уходит в историю погубленная советская держава, наша любимая Отчизна – Союз Советских Социалистических республик, – тем сильнее ностальгия у людей, выросших в условиях Советской власти, в условиях

социалистического общества; тем острее боль за утраченную жизнь.

«Трудно высказать и не высказать все, что на сердце у меня»… Поэтому попытаюсь сказать только о самом главном, о самом важном, о самом сокровенном, что хранит память, что согревает душу и сердце.

Буду говорить только языком цифр и фактов, ибо факты – упрямая вещь.

С чего начиналась советская история?

С победы Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября (25 октября) 1917 года и утверждения Советской власти – власти трудового народа.

Первая пятилетка советской республики (1917–1922) включает годы военной интервенции и гражданской войны, развязанной свергнутыми революцией эксплуататорскими классами при активной поддержке империалистических государств, которые по выражению В. Маяковского, шли «из четырнадцати разных сторон» на молодую Советскую республику, чтобы задушить ее в «самой колыбели».

Самая респектабельная газета США «Нью-Йорк Таймс» с 1917 по 1921 годы 91 раз сообщала о падении или о скором крахе Советской власти. Советы не посылали опровержений. Советы сражались. И, по определению В. И. Ленина, **«мы устояли против всех».**

Объединенным силам внешней и внутренней контрреволюции не удалось удушить Советскую власть – власть трудового народа. Но они добились «полурешения» своей задачи. Молодая Советская республика после семи лет войны напоминала собой тяжело больного, которого «семь лет колотили, и теперь, дай бог, с костылями двигаться» (В. И. Ленин).

В 1922 году – первом мирном созидательном году, доля советской страны в мировом промышленном производстве составляла один процент. Производство крупной промышленности сократилось, в сравнении с 1913 годом, – в семь раз. Валовая продукция сельского хозяйства уменьшилась почти в два раза, а товарная – в четыре.

В дореволюционной России восемьдесят процентов населения в возрасте от восьми до сорока лет было неграмотным: на образование практически тратилось в среднем сорок копеек в год на душу населения. Среди женщин неграмотность составляла восемьдесят восемь процентов. Среди многих нерусских национальностей царила почти полная неграмотность. Некоторые национальные районы страны даже не имели своей азбуки. На каждую тысячу жителей деревни с образованием выше

начального было всего три человека.

Второе пятилетие Советской власти (1922–1927 годы) ушло на восстановление экономики, разрушенной империалистической и гражданской войнами.

Преодолевая гигантские трудности, экономическую блокаду империалистических государств, сопротивление свергнутых революцией классовых врагов, разруху, голод, эпидемии, советская страна уже в 1925–1926 годах вышла на уровень основных показателей производства 1913 года.

К началу первой сталинской пятилетки, в 1929 году, Советский Союз занимал по выплавке стали пятое место в мире, по выплавке чугуна – шестое, по производству электроэнергии – девятое. Отсутствовали многие отрасли отечественного машиностроения – автомобильная, тракторная, авиационная, станкостроительная.

В таких условиях советская страна брала старт на развернутое наступление социализма по всему фронту, на социалистическое переустройство общества.

По определению И. В. Сталина, то расстояние, которое передовые капиталистические государства прошли за 50-100 лет, советской стране надо было пройти за 10–15 лет. Только решение этой задачи гарантировало экономическую и политическую независимость нашей страны, спасение Советской власти, было главным условием успешного развития нашей страны по пути социализма.

В борьбе за выполнение задач первой пятилетки невиданный энтузиазм охватил весь советский народ.

Советские люди бесконечно радовались первому советскому автомобилю, окрашенному в красный цвет и опоясанному транспарантом: «Рабочий – хозяин строит автопромышленность, которой не было у капиталиста-хозяина».

Вчерашние конармейцы пересаживались с пулеметных тачанок на первые советские тракторы, катили по деревенским улицам, чадя керосиновым дымом.

Магнитку начинали строить в лаптях. Бетон на строительстве Днепрогэса месили ногами.

Крестьянская беднота убеждалась в правоте ленинских слов, что «в одиночку из нужды не выйти» и шла записываться в колхоз.

Советская власть выводила женщин из бесправия и угнетенности «домостроя», приобщала к активной общественной и политической жизни.

В ответ на ленинский завет: «Только грамотный народ может построить социализм!» вся страна села за парты. Многие миллионы советских людей стали учащимися «ликбезов»,

охвативших всю страну. Первыми словами, написанными и прочитанными по слогам вчера еще неграмотными людьми, рвущимися из тьмы к свету, были: «Мы – не ра-бы. Ра-бы – не мы…»

Задачи первой пятилетки были выполнены досрочно – за четыре года и три месяца.

За годы первой пятилетки было построено 1 500 новых крупных промышленных предприятий. Были созданы новые отрасли промышленности: автомобильная, тракторная, авиационная, химическая.

Объем промышленной продукции увеличился более чем в 3,5 раза в сравнении 1913 годом – самым высоким показателем дореволюционной России.

Из страны мелкокрестьянских хозяйств страна превращалась в крупное сельскохозяйственное производство.

В рекордно короткий исторический срок была полностью ликвидирована безработица – самый главный бич капитализма, при котором жизнь миллионов рабочих является беспросветной.

К началу первой пятилетки в стране было полтора миллиона безработных. На третьем году пятилетки их не осталось ни одного. Более того, в связи с гигантским строительством новых городов, заводов, фабрик, железных дорог, водных каналов, электростанций с каждым годом все острее сказывалась нехватка рабочей силы.

В течение первой пятилетки были достигнуты огромные успехи в ликвидации неграмотности, в осуществлении всеобщего начального образования в объеме четырех классов. Была создана широкая сеть образовательных школ и культурно-просветительных учреждений, школ фабрично-заводского обучения, рабфаков, техникумов, вузов, библиотек, клубов.

В те годы, когда вся капиталистическая система вползла в новый экономический кризис, советская страна на путях социалистического строительства добилась невиданных в истории темпов развития экономики.

Вторая сталинская пятилетка (1933–1937 годы) решила еще более гигантскую задачу – техническую реконструкцию всего народного хозяйства. И она также была выполнена досрочно, за четыре года и три месяца.

В самом начале второй пятилетки, в 1934 году, был выполнен план ГОЭРЛО – государственной электрификации России, который В. И. Ленин называл второй программой Коммунистической партии.

За годы второй пятилетки было введено в строй 4 500 предприятий. Восемьдесят процентов всей промышленной

продукции было выпущено вновь построенными или реконструированными предприятиями.

Были созданы новые отрасли цветной металлургии (алюминиевая и никелевая), развитое машиностроение.

К концу второй пятилетки по объему промышленного производства СССР вышел на второе место в мире и на первое в Европе.

К концу второй пятилетки почти 250 тысяч колхозов объединяли девяносто три процента крестьянских хозяйств и почти сто процентов всех посевных площадей. Советское сельское хозяйство стало самым крупным и механизированным в мире.

К 1937 году, всего за двадцать лет Советской власти, СССР стал страной сплошной грамотности.

Выросло материальное благосостояние народа: с 1 января 1935 года были отменены карточки на хлеб и другие продукты. Реальная зарплата выросла более чем в два раза. По определению И. В. Сталина, «столбовая дорога к социализму была проложена».

Фантастические достижения советских людей за две предвоенные пятилетки не только удивили, но и потрясли весь капиталистический мир. Эти успехи свидетельствовали о величайшем потенциале трудового народа, освобожденного от капиталистической эксплуатации.

Изумленный мир назвал гигантские свершения советских людей «русским советским чудом». Этот взлёт советской державы был совершен в условиях, когда наша страна, строящая социализм, представляла собой оазис в империалистическом мире, постоянно находясь на волоске от новых посягательств империалистов задушить её.

В июне 1941 года созидательный труд советского народа был прерван хищническим нападением фашистской Германии. Великая Отечественная война была длительной и кровопролитной. Она продолжалась почти четыре года, 1418 дней и ночей; явилась суровым испытанием для советского народа, первой страны, строящей социализм, для Советской власти.

Последствия фашистского нашествия оказались неимоверно тяжелыми. Война принесла нашей стране неслыханные потери и разрушения. За годы войны погибло более 27 миллионов человек. В руины и пепел были превращены 1710 городов и поселков, более 70 тысяч сел и деревень.

Стоимость прямого материального ущерба Советского Союза составила 679 млрд. рублей по ценам того времени. Страна потеряла почти треть своего национального богатства.

Великая Отечественная война была самой тяжелой из всех войн, когда-либо пережитых нашей Родиной.

В суровых условиях жесточайшей войны с фашизмом советский народ продолжал осуществлять огромное капитальное строительство, особенно в восточных районах страны. Это позволило развернуть широкий фронт восстановительных работ на территориях, подвергшихся фашистской оккупации и опустошенных войной.

Уже к концу войны вступило в строй около трети разрушенных промышленных мощностей. Переход советской страны на мирный путь развития был в основном завершен уже в первом послевоенном 1946 году.

За годы новой, четвертой сталинской пятилетки (1946–1950 годы), было восстановлено, построено и введено в действие 6 200 крупных промышленных предприятий. Пятилетний план в области промышленности был выполнен досрочно за четыре года и три месяца.

Уже в 1947 году в Советском Союзе – в первом среди стран, участвовавших во второй мировой войне, – была отменена карточная система на хлеб и основные виды продуктов и товаров первой необходимости. В последующие годы, до самой кончины И. В. Сталина, ежегодно снижались цены на основные продовольственные продукты и промышленные товары.

Советское государство постоянно заботилось о росте материального благосостояния советских людей. Реальные доходы на душу населения в СССР в 1950 году были на 34 % выше, чем в довоенном 1940-м.

В 1906 году журнал «Вестник воспитания» предупреждал, что при тогдашних темпах роста общественной культуры для достижения всеобщей грамотности России понадобится 280 лет. Исходя из реальностей, журнал был недалек от истины. Но в условиях социалистического строительства 280 лет не потребовалось! В последние предвоенные и в послевоенные годы советская страна уже осуществляла всеобщее среднее образование.

Среди множества гигантских достижений советской страны в послевоенные годы на первом плане оставался мощный рост экономики и оборонного потенциала.

О прожитом и пережитом несколькими поколениями советских людей, строивших и защищавших социализм, хорошо сказал поэт:

«Это было со мной, это наша с тобой биография…»

Каждому из нас, живших в советскую эпоху, отдававших все силы, энергию, знания во имя построения могущественного

советского государства, в интересах трудового народа, советская история – это наша история, наша биография, наша жизнь. За три десятилетия, которые раньше было принято называть «сталинской эпохой», советская страна вырвалась из отсталости и невежества, стала могущественной, индустриально развитой, передовой державой мира. Этот вывод основан не на наших субъективных оценках, а на мировой статистике, по международным стандартам.

Газета английских консерваторов «Таймс» писала в 1960 году: «Когда штурмовали Зимний дворец, а Всероссийский съезд Советов уже собрался для того, чтобы провозгласить победу, на русском календаре значилось 25 октября. Россия, бывшая тогда на 13 дней сзади по сравнению с западным календарем, была на 100 лет позади Запада по промышленному развитию и по крайней мере на 150 лет – по своей политической и социальной структуре. Теперь Советский Союз и его союзники оглядываются на свои великие достижения. Им, несомненно, есть чем гордиться…»

Объем капиталовложений за годы Советской власти вырос в 146 раз; промышленное производство увеличилось в 225 раз; производство средств производства – в 497 раз; национальный доход – в 103 раза («Экономическая газета», 1977, № 17, с. 7).

Производительность труда в целом в общественном производстве выросла по сравнению с 1913 годом в 47,6 раз; в промышленности – в 25 раз; в сельском хозяйстве – в 6 раз.

В ряду всех стран, существующих на планете, Советский Союз занимал первое место:

– по производству чугуна и стали;

– по объему добычи угля, нефти, товарной железной руды, торфа;

– по производству тепловозов, электровозов, сельскохозяйственных машин, тракторов, кокса, стальных труб, синтетического каучука, цемента, сборных железобетонных конструкций и деталей, грузовых вагонов, холодильников;

– по производству шерстяных и хлопчатобумажных тканей и обуви;

– по объемам валового сбора пшеницы, ржи, ячменя, картофеля, сахарной свеклы, подсолнечника, хлопка-волокна;

– по размерам валового производства молока, животного масла, сахара-песка; по объему добычи рыбы;

– по величине заготовок и промышленного потребления древесины;

– по объемам строительства – капитального, жилищного, культурно-бытового;

– по величине грузооборота железнодорожного транспорта;

– по количеству, разнообразию и ценности добываемой пушнины;

– по общей длине электрофицированных железных дорог; по протяженности воздушных линий; применению авиации в народном хозяйстве; по количеству самолетов, используемых для медицинской помощи;

– по численности населения, имеющего высшее и среднее специальное образование; по общему числу студентов, обучающихся в высших и средних учебных заведениях;

– по количеству издаваемых книг по всем отраслям знаний; по количеству библиотек и читален; по разовому тиражу газет; по числу мест в кинотеатрах;

– по числу врачей, медицинских учреждений и больничных коек;

– по числу дипломированных инженеров, занятых в народном хозяйстве;

– по общему числу научных работников.

Каждый четвертый ученый и каждый третий врач на нашей планете был советским гражданином.

Известный советолог Р. Конквест в своей книге «Большой террор» объективно оценивает в ряду полезных и действенных акций советского времени систему образования в СССР. Действительно, уже в 1930–1950 годы в тяжелейших условиях в СССР была создана динамичная эффективная система народного образования. В середине 50-х годов XX века наша страна занимала по интеллектуальному мировому рейтингу место в первой тройке, а сейчас опустилась на самое дно.

В те же годы Советский Союз находился в эпицентре научно-технической революции. Об этом говорят достижения в области атомной промышленности и реактивной техники, запуск первого в мире искусственного спутника Земли и полет Юрия Гагарина в космос.

В СССР была самая низкая в мире квартирная плата, кстати, остававшаяся неизменной со времени первой пятилетки.

Советская страна по темпам роста производства средств производства в 30-е, 40-е и 50-е годы двадцатого века опережала развитые капиталистические страны в 2–4 раза.

СССР занимал второе место в мире и первое место в Европе:

– по объему всей промышленной продукции;

– по производству электроэнергии;

– по выпуску продукции машиностроения.

Таковы факты…

Сегодня говорят: был известный перекос в сторону развития средств производства, тяжелой промышленности, военного потенциала, в особенности; недооценка социальных проблем. Спорный вопрос: ведь первой стране, ставшей на путь строительства социализма, надо было выстоять, выжить. Многие поколения советских людей осознанно шли на это во имя сохранения и укрепления своей социалистической Отчизны.

В историческом плане это было оправдано той великой победой, которую советский народ одержал в борьбе с фашизмом.

А победили его мы не только высоким патриотизмом и интернационализмом. Но и лучшей сталью, лучшими танками, лучшими самолетами, лучшими минометами. Лучшими солдатами и лучшими маршалами. И все это создано нашим советским строем…

На смену ратному подвигу в Великой Отечественной войне пришел трудовой подвиг в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства страны. И это еще одна немеркнущая страница в летописи борьбы и труда советского народа.

«Народ-герой, народ-победитель» – эти высокие эпитеты прежде всего относятся к тем поколениям советских людей, которые, вопреки всем трудностям, лишениям и испытаниям, строили и защищали социализм…

Самоотверженный труд на благо своего народа и защита Советской Отчизны были в советской стране делом чести, доблести и геройства. Не только гениальные ученые, талантливые писатели, поэты, композиторы и музыканты, режиссеры и актеры, тренеры и спортсмены, но и труженики в любой общественной сфере были гордостью Советского государства, советского народа, советской эпохи. Их всех в равной мере чествовали и награждали самыми высокими государственными наградами, присваивали звания Героя Социалистического Труда, заслуженных деятелей и работников по профессиям.

По итогам каждой советской пятилетки миллионы советских людей всех профессий удостаивались самых высоких наград: за творческие успехи, важные научные открытия, изобретения; за рекордные показатели в труде.

Высокие принципы социализма и оценки труда советского человека были сформулированы И. В. Сталиным еще в 30-е годы: «Рабочие и крестьяне, бес шума и треска, строящие заводы и фабрики, шахты и железные дороги, колхозы и совхозы, создающие все блага жизни, кормящие и одевающие весь мир, – вот кто настоящие герои и творцы нашей жизни». И еще: «Если человек в нашей стране работает хорошо и дает обществу все, что

может дать, он – герой труда, он овеян славой»…

Особой всенародной любовью были согреты защитники социализма – герои-воины от рядовых до маршалов. Их подвиги на страницах истории советского государства.

В советских песнях, в стихах и прозе, в кинофильмах и спектаклях звучала слава людям всех возрастов и профессий, всех национальностей и народностей советской страны, советской жизни, нравственному облику советского человека, братству и дружбе людей всех народов и национальностей нашей Великой Социалистической Отчизны.

Песни и фильмы рождала сама жизнь. И потому советский человек воспринимал их как отзвук своей души, своей мечты, своих надежд, своей веры в советскую жизнь, своей гордости быть гражданином великой и могущественной советской страны, созданной его руками, его талантом, его заботами, его душой, его стараниями, его любовью к своей Социалистической Отчизне.

Что гарантированно давала человеку Советская власть?

Покажу это на примере своей собственной жизни, на примере моих ближайших родственников. Этот пример – не оригинален, не отличительный, а характерный для любой другой семьи, для любого советского человека.

Наша семья, это я знаю по памяти, состояла в дни моего раннего детства в первой половине 30-х годов двадцатого века из семи человек: прабабушки, бабушки и дедушки по отцовской линии, моих родителей и моей сестренки Маруси, старшей меня на два года. Начну со старшего поколения нашей семьи: дедушки, бабушки и прабабушки. Кто они?

Крестьяне Левобережной Украины. Их предками скорее всего были запорожские казаки, поселившиеся здесь, в Барвенково, более четырех веков назад. Их привел сюда легендарный среди запорожских казаков Иван Барвинок.

Это были свободолюбивые, непокорные люди. Они активно участвовали не только в военных действиях по защите своего отечества от иноземных захватчиков, но и оказывали помощь братьям-славянам, в частности Болгарии в ее долгой и тяжелой борьбе против турецкого ига.

Но ведь я написал – свободолюбивые и непокорные люди. Да, мои предки-земляки участвовали во всех известных освободительных восстаниях крепостных крестьян против самодержавия и феодального гнета.

Не случайно Барвенково, мой родной небольшой городок в Харьковской области, побывавший сначала в ранге поселения и слободы, трижды ликвидировался царскими карателями, сносился с лица земли. Но снова возрождался, словно феникс из

пепла.

Да и фамилия наша, наверняка, связана с именем одного из вожаков запорожских казаков. Неслучайно название «Осадчий» носят несколько поселений, сохранившихся до сих пор в Харьковской, Днепропетровской, Одесской, Сумской и других областях Украины. Так просто названия не рождаются…

Уже в первые годы Советской власти дедушка получил землю в свое пользование. В годы НЭПа стараниями взрослых и детей дедушкина семья выбилась в середняки.

Таким я и застал своих предков. Это были последние годы крестьян-единоличников.

В колхоз дедушка не вступил, а отдал свою землю тому, от кого ее получил – Советской власти, оставив себе только небольшой приусадебный участок с десятью сотками земли и садом.

Нам с сестренкой запомнилась единственная поездка на телеге («бричке») в поле к дедушке где-то в конце лета 1931 или 1932 года.

Хлеба были уже скошены. А дедушка еще оставался до осени в поле, в шалаше, рядом с пасекой и бахчей…

Мне было тогда четыре или пять годиков, а сестренке соответственно шесть или семь. Запомнилась поездка двумя фактами: дедушка был очень рад нам и щедро угощал нас арбузами и медом; а на обратном пути у нашей телеги, почти рядом с нашей хатой, обломалось колесо. И последние сто метров мы прошли пешком.

Рассказываю об этом к слову, чтобы подкрепить реальность моего крестьянского, середняцкого происхождения.

Но важнее здесь сказать о другом. Получив землю, дедушка очень мудро распорядился ею. Конечно, она давала средства для безбедной жизни. Но оставшиеся доходы дедушка складывал не в кубышку (не в копилку), а потратил на то, чтобы дать своим сыновьям – моему отцу и старшему сыну Петру образование в объеме реального училища. Он хорошо понимал, что это главное для их будущего в новой жизни.

Чаще всего деньги крестьянин копил, чтобы приумножить свое хозяйство, обзавестись лошадьми, коровами, сельхозинвентарем, построить или перестроить свою хату.

Именно так поступил мамин отец. Он был прижимистый мужик. Каждый грош копил, чтобы приумножить свое хозяйство и доходы. А детей (их было у него пятеро – три сына и две дочери) оставил малограмотными: сыновей – с церковно-приходским, а дочерей – с двухклассным образованием: лишь бы знали азбуку и таблицу умножения, могли расписаться и сосчитать деньги.

В колхоз мамин отец тоже не пошел: уехал вслед за средним сыном Николаем в Таганрог, на новостройку. Там и остался до конца жизни.

Из пяти детей один лишь средний сын Николай Семенович, самый сообразительный и понимавший цену образованию, закончил без отрыва от работы вечерний строительный техникум и вырос до начальника строительного цеха Таганрогского авиационного завода.

В годы войны, окончив краткосрочные офицерские курсы, получил звание лейтенанта и дослужился до капитана – командира стрелковой роты.

Его братья и сестры остались на уровне малограмотных. Моя мама – в их числе.

Дедушка по отцовской линии почти до последних дней жизни трудился на строительстве Краматорского машиностроительного завода. А отец мой, став счетоводом, затем бухгалтером, старшим и главным бухгалтером работал на предприятиях: сначала в Гусаровке – в «Союзформолитье», а затем в Барвенково – в тресте «Югозерно».

Во время войны он был начфином отдельной роты связи, тоже на офицерской должности, в звании техника-интенданта.

И еще одно совпадение: грамотные отцы позаботились об образовании своих детей. Я стал доктором исторических наук, профессором; сестра получила два высших образования; сначала закончила Харьковский сельскохозяйственный институт, а затем биологический факультет Краснодарского педагогического института. Получился первоклассный агроном и педагог-биолог…

Сын маминого брата Николая Семеновича, – Валентин окончил знаменитый ИМО – Институт международных отношений, стал дипломатом; многие десятки лет работал в МИДе Белоруссии. Прошел по многим дипломатическим ступеням и побывал во многих странах мира. Кандидат юридических наук. После ухода в отставку с дипломатической службы стал преподавать международное право на юридическом факультете Минского государственного университета.

По пути Валентина пошел и его сын. Он тоже окончил ИМО и уже несколько лет работает в МИДе Белоруссии. Сейчас – посол Республики Беларусь в Египте…

Разумно поступила и мамина сестра Марина Семеновна Голуб (по замужеству). Ориентируясь на пример своей сестры – моей мамы и брата Николая Семеновича, она тоже позаботилась об образовании своих детей: ее сын – мой двоюродный брат Иван Яковлевич, стал инженером; дочь Аня – Анна Яковлевна – детским врачом.

Не премину сказать и о семье Ани: муж её Николай Леонидович Крылов закончил лечебный факультет Харьковского медицинского института; стал военным врачом. Дослужился до генерала медицинской службы, начальника Главного военного госпиталя Вооруженных сил СССР; защитил кандидатскую, затем докторскую диссертацию, получил звание профессора.

Медиками стали и их дети: дочь, как и мама, – педиатром. Сын, как и отец, защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию, получил звание профессора…

Продолжу. Моя супруга, тоже крестьянская дочь из кубанского хутора Поды. Окончила Ленинградский пищевой институт, заочную аспирантуру, защитила кандидатскую диссертацию, получила звание доцента. Четверть века работала в Краснодарском политехническом институте на кафедре хлебопекарного, кондитерского и макаронного производства.

Наш сын Коля окончил главный вуз нашей страны – Московский государственный университет им. Ломоносова, философский факультет. Затем – там же аспирантуру. Защитил кандидатскую диссертацию. Получил звание доцента. Почти три десятилетия преподает философию в Кубанской медицинской академии…

Не нужны ни аргументы, ни комментарии. Все то, что я здесь написал о нашей судьбе, о моей судьбе и сестры, моих двоюродных братьев и сестер, их детей – это тоже ответ на вопрос: что дала Советская власть, что дал социализм человеку.

Советская власть, советский социализм, ранний, еще не совершенный, не достроенный, давал бесплатное образование на всех уровнях. Да еще с выплатой стипендий и студентам, и аспирантам; возможность получить место в докторантуре – переводе на должность старшего научного сотрудника с сохранением зарплаты доцента.

Одно это говорит о бесспорном счастье советского человека – любого гражданина советской страны, в которой не было эксплуататоров и эксплуатации, классового различия и классовых противоречий.

Как тут не вспомнить строку из «Интернационала» – гимна коммунистов: «Кто был ничем, – тот станет всем…» К борьбе за это звали его слова «весь мир голодных и рабов…»

Советские люди – первостроители социализма добились этого для себя, своих детей и внуков.

В главе «Баталии на научном фронте» данной книги я рассказал о своем друге-побратиме Александре Ивановиче Козлове. Он – деревенский мальчишка из селения Терса Еланского района Сталинградской (ныне Волгоградской) области

окончил с отличием школу, затем – Харьковское военно-политическое училище пограничных войск, впоследствии – заочное историческое отделение Ростовского государственного университета с красным дипломом. Раньше меня защитил кандидатскую, а потом докторскую диссертацию, стал профессором. Многие годы был деканом родного исторического факультета, заведовал кафедрой новейшей истории. Удостоен высшего почетного звания «Заслуженный деятель науки РФ».

Другой мой друг – однокурсник по учебе в Харьковском военно-политическом училище – Николай Воробьев, – тоже крестьянский сын, окончив с отличием училище, стал политработником погранвойск. Дослужился до генерала, начальника политуправления Закавказского пограничного округа.

Генералами стали еще несколько моих однокурсников по Харьковскому училищу, окончивших его в 1950 году. Все они тоже вышли из рабоче-крестьянских семей.

Эти возможности предоставили человеку, который был вчера «ничем», Советской властью, социализмом.

Чему тут удивляться? Выше, в этой же главе, я написал, что Советский Союз одержал немеркнущую победу в Великой Отечественной войне благодаря не только лучшей стали, лучшим самолетам, лучшим танкам, лучшим минометам, но и лучшим полководцам – маршалам, генералам, адмиралам, офицерам, солдатам и матросам…

Из бедной крестьянской семьи деревни Стрелковка Калужской области вышел прославленный советский полководец, Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

Сыном крестьянина-бедняка был и Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев.

Выходец из бедной крестьянской семьи деревни Назарьево Рязанской области Кирилл Афанасьевич Мерецков также стал Маршалом Советского Союза.

Смышленый крестьянский паренек из Архангельской земли – Николай Герасимович Кузнецов стал Адмиралом флота Советского Союза, наркомом Военно-морского флота СССР и главнокомандующим Военно-морскими силами СССР в годы Великой Отечественной войны.

Создатель знаменитых «летающих танков» – штурмовиков Ил-2 и пассажирского лайнера Ил-18, – выдающийся советский авиаконструктор, трижды Герой Социалистического Труда Сергей Владимирович Ильюшин родился в бедной крестьянской семье на Вологодчине.

Родословная другого выдающегося советского

авиаконструктора Алексея Сергеевича Яковлева начинается с прадеда – крепостного крестьянина Рыбинского уезда Ярославской губернии.

…А чему удивляться? 8 ноября 1917 года второй Всероссийский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, опираясь на волю трудового народа, на победившее вооруженное восстание рабочих и солдат Петроградского гарнизона, взял всю полноту власти в России в свои руки. Своим постановлением образовал для управления страной **«Рабоче-крестьянское правительство».**

Такими же рабоче-крестьянскими были все составы Советского Правительства на протяжении 70 лет советской истории, включая и последний Совет министров СССР во главе с Николаем Николаевичем Рыжковым.

Тогдашний генсек Горбачев – ренегат-предатель, какого еще не знала российская, да и мировая история, отправил его в отставку и этим устранил последнюю реальную силу, способную спасти советское государство, Советскую власть, социализм.

Сам Н. И. Рыжков тоже из крестьянской семьи села Дылеевка Дзержинского района Сталинской (ныне Донецкой) области, окончив Краматорский машиностроительный техникум, начинал свою трудовую деятельность с должности мастера на «Уралмаше».

«Плебейского», рабоче-крестьянского происхождения были все министры последнего, рыжковского правительства СССР: они вышли из семей рабочих-шахтеров, крестьян-хлебопашцев, сельских учителей.

Понимаю, что эти слова могут вызвать недоумение у читателя: известно, что это было самое образованное по своему составу советское правительство из всех предшествующих. Почти пятьдесят процентов министров имели научные степени и звания. Тем более, это возвышает Советскую власть, социалистический строй. Но, повторяю, по социальному происхождению оно было рабоче-крестьянским.

«Не родственные связи и знатное происхождение, а нелегкий с малых лет труд и личное упорство привели этих людей на верхний этаж власти», – справедливо подчеркивает М. Ф. Ненашев – один из министров этого правительства в своей книге «Последнее правительство СССР». М. 1993, с.215).

Всё это о том же, каким остался в моей памяти советский социализм.

А чему удивляться? Председателем Президиума Верховного Совета СССР на протяжении тридцати лет являлся бывший токарь Михаил Иванович Калинин.

Многие годы Совет народных комиссаров СССР возглавлял

бывший столяр Вячеслав Михайлович Молотов.

Наркомом обороны СССР, первым маршалом Советского Союза был прославленный герой гражданской войны «луганский слесарь Ворошилов Клим». Это о нем поется в знаменитой советской песне о танкистах:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин,
И первый маршал в бой нас поведет…

Последней должностью «луганского слесаря» был пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР…

Советская власть являлась властью трудового народа: более половины составов депутатов Советов всех уровней, включая Верховный Совет СССР и РСФСР всех созывов, были по социальному положению рабочими и крестьянами, а две третьих – являлись таковыми по своему социальному происхождению.

Всё это известные и неоспоримые факты, а привожу их здесь только потому, что факты – упрямая вещь… Ведь я пишу о том, каким живет в моей памяти советский социализм.

Вышли мы все из народа, —
Дети семьи трудовой…

– справедливо звучали строки известной песни борцов за власть Советов, первостроителей социализма.

Такой оставалась советская политическая система до печально известной девятнадцатой конференции КПСС, на которой изворотливый ренегат-предатель Горбачев своим циничным словоблудием о необходимости её «реформирования», для обеспечения проведения его пресловутой «перестройки» коварным методом протащил постановление о её фактическом разрушении, предопределив тем самым крушение советской страны, социализма. Но об этом речь впереди…

…В советской, социалистической стране не было розни между людьми любых профессий, любых национальностей, различного вероисповедания и атеистами. Об этом, кстати, никто никогда не спрашивал.

Зато сейчас «лезут в душу» (выражение Владимира Высоцкого): «А как ты относишься к религии, к церкви?» или: «А ты крещеный?» – уже эти вопросы указывают «на рознь» людей по

отношению к религии, берут под сомнение «лояльность» человека, ставят человека в сложное положение, «загоняют в угол». Вот вам и «свобода совести». Вот вам и «плюрализм»…

«Я другой такой страны не знаю, – где так вольно дышит человек» – это строка одной из лучших советских песен «Широка страна моя родная» звучит гордо потому, что в ней святая правда о советской жизни.

Подтверждением тому – моя борьба за соблюдение конституционного права на образование на всех его уровнях, и моя многолетняя научная позиция в отстаивании исторической правды и справедливости, которым посвящены соответствующие главы первой и этой книг.

И в первой книге трилогии, и в этой я уже не раз писал, что в жизни мне ничего не давалось легко, многое приходилось брать с боем. Но я всегда верил в основополагающие социалистические, политические, идеологические и нравственные принципы, в Советскую власть. Был убежден, что правда всегда победит, а справедливость восторжествует. И ни одного раза в этом не обманулся…

Трудных дней было много, но в тягость – ни одного. Потому жизнь мне казалась прекрасной и счастливой. Да нет, не казалась. Такой она и была в нашей социалистической Отчизне, в нашей советской стране…

Так получилось, что, отвечая на вопрос: «Что дала человеку Советская власть?» я начал с освещения гарантированного права на бесплатное образование всех уровней. Именно здесь, на примере собственной жизни я убедительно показал, что в самых сложных обстоятельствах, правда и справедливость, конституционность брали верх, приносили радость, вдохновение, счастье. Отчего жизнь была прекрасной песней.

Я бесконечно горд тем, что почти вся моя жизнь прошла в советское время, в условиях строившегося социализма…

О других сторонах жизни, о других завоеваниях социализма, о других гарантированных правах.

Важнейшее право, которое в полной мере обеспечивалось в советской стране, было великое право на труд не на хозяина-капиталиста, не на эксплуататора, а – во имя благополучия своей Отчизны, своего народа, своей семьи, – труд свободный и благодарный.

Главным принципом социализма была известная формула: «Кто не работает – тот не ест». Уже она указывала на справедливость принципов Советской власти, принципов социализма.

Тунеядцы (а такие встречались в советское время), живущие за счет других, паразитировавшие на гуманных принципах Советской власти, были существами самым презираемыми. Советское общество нетерпимо относилось к такой категории людей. Существовал закон о борьбе с тунеядством, определявший меры принуждения к труду. Ибо Советская Конституция не только гарантировала право на труд, но и считала его важнейшей обязанностью каждого советского гражданина.

О какой безработице при этом могла идти речь? Работы хватало всем и каждому.

С первых лет первой пятилетки советская страна, занятая гигантским строительством, преобразованиями всех областей жизни постоянно нуждалась в рабочих руках разных профессий, включая разнорабочих.

Перефразируя известные строки поэта, в Советском Союзе все работы, все профессии были хороши, нужны и важны.

В любом городе и селе можно было во все годы советских пятилеток увидеть объявления, в которых сообщалось, где и какие требуются специалисты от рабочих профессий до специалистов самого высокого уровня. И не только на Крайнем Севере и Дальнем Востоке, а практически в любом уголке необъятной советской страны.

Я не знаю таких фактов, чтобы выпускник вуза, техникума, профтехучилища не получил направление на работу по полученной специальности. Другое дело – не всегда совпадали личные и государственные интересы. Специалисту, направляемому на работу в Казахстан или на Дальний Восток, хотелось бы осесть поближе к родным местам, к родителям, в столичных, республиканских, краевых, областных центрах страны, в квартирах со всеми коммунальными удобствами. А предлагали работу там, где таких условий не было. Но был долг перед государством, которое бесплатно дало высшее образование. Да еще платило стипендию. Но не все были готовы вернуть этот долг.

Как рассказывала «Комсомольская правда», одна выпускница московского вуза готова была поехать работать по специальности, но не далее… Столешникова переулка (в самом центре Москвы). Подобные желания, естественно, были неисполнимы.

По советским законам выпускники учебного заведения обязаны были отработать два-три года по месту распределения, где гарантировалась работа по специальности. Если не было возможности сразу получить квартиру, то предоставлялось место в общежитии или на частной квартире с оплатой проживания.

В Советском Союзе была создана специальная система

подготовки кадров, которой руководил Государственный Комитет по трудовым резервам при Совете Министров СССР.

На крупных промышленных предприятиях, и не только градообразующих, нередко создавалась целая сеть обучения специалистов всех категорий, необходимых для производства: от курсов подготовки и переподготовки до собственных заводских вузов, втузов, техникумов, профтехучилищ.

Иными словами, проблемы с осуществлением права на труд у советского человека не было.

Если специалист (или любой желающий) ехал на работу в районы, где существовал северный коэффициент, – он получал более высокую зарплату и другие различные «северные» льготы.

Постоянную нужду в рабочей силе испытывали строительные организации многих районов гигантских строек, особенно Сибири и Дальнего Востока; требовались рабочие также на лесоразработках и рыбных промыслах; на шахтах и рудниках. Одним словом, «все работы хороши – выбирай на вкус».

К сожалению, в тот короткий исторический срок, который выпал на долю строительства советского социализма, да еще с учетом сложнейшей обстановки, в условиях неимоверных испытаний и трудностей не удалось в полной мере реализовать его потенциальные возможности, его главные принципы.

Одним из таких самых главных привлекательных принципов социализма был: «от каждого по способностям – каждому по труду». Важнейший принцип социальной справедливости. Но он остался не в полной мере реализованным.

На той стадии социалистического строительства, на которой находился СССР, приоритетное внимание и предпочтение советское государство уделяло тем, кто своим трудом создавал материально-техническую базу социализма, его фундамент, кто производил жизненно необходимые блага для успешного развития общества.

В этой связи рабочим металлургических и машиностроительных предприятий, угольных шахт и рудников, других трудоемких отраслей, в особенности в северных районах страны, гарантированно осуществлялся принцип «от каждого по способностям – каждому по труду».

А вот работники других чрезвычайно важных профессий для плодотворного функционирования общества такие, как учителя и воспитатели, врачи и медсестры в особенности, являющиеся в любом обществе, тем более в строящем социализм, особой ценностью и пользующиеся особым уважением, – в материальном отношении не получали надлежащей оценки их труда. Впрочем, как и научно-техническая интеллигенция, работники культурно-

просветительных и детских дошкольных учреждений, других равнозначных профессий.

По моему мнению, вывод бесспорный: труд этих категорий работников на этапе раннего социализма не был достойно вознагражден.

Важнейшим конституционным правом в советской стране являлось право на бесплатную медицинскую помощь. Советская власть в полном объеме обеспечивала всем гражданам гарантированное бесплатное медицинское обслуживание, оказание любых медицинских услуг, включая предоставление лекарств по рецептам врачей. Советский человек, в каком бы уголке страны он ни находился, знал, что в случае необходимости, любое медицинское учреждение окажет ему бесплатную медицинскую помощь.

Знаю по собственному опыту, что это так. Вот только для примера факты из моей биографии, уже упоминавшиеся в первой книге трилогии.

В 1957 году в Туапсе я получил серьезную травму правой руки. Образовались невромы. Хирург, лечивший меня, посоветовал ехать в краевую больницу: там доктора и профессора, обладающие большим опытом.

Месяц я пробыл в Краснодарской краевой больнице, но все старания врачей помочь мне избавиться от боли, вернуть руке работоспособность не дали желаемого результата.

Направили меня в Москву в Научно-исследовательский нейрохирургический институт имени академика Н. Н. Бурденко. Пролечили там месяц: иссекли невромы и заново наложили швы. Спустя месяц – другой, боли утихли, но затем возобновились. И снова еду в тот же нейрохирургический институт имени Бурденко. Снова доктора повторяют тот же вариант лечения. На этот раз результат был лучше и в итоге привел руку в рабочее состояние…

В 1963 году, тоже в Туапсе, во время наводнения я сильно простудился и приобрел полиартрит. И снова «по кругу»: Туапсе – Краснодар – Москва. Но нигде не смогли избавить меня от невыносимых болей суставов рук и ног. Целый год я маялся по докторам. Уже стали поговаривать о переводе меня на инвалидность. На 35 году жизни.

Что делать? Рискнул поехать в Сочи, в Институт курортологии, взяв направление своих туапсинских докторов.

Там, обследовав меня, сказали: «Гарантий дать не можем, но проведем полный курс лечения „золотом“ и „мацестой“».

Сорок дней лечения в Сочинском Институте курортологии поставили меня на ноги, вернули в строй. Но доктора сказали:

«Через полгода курс надо повторить. Приезжайте».

Еще сорок дней лечения и после этого четверть века «неспецифический инфекционный полиартрит», как диагностировали мою болезнь доктора Сочинского НИИ курортологии, меня не беспокоил…

И всё это и в первом случае, – с травмой руки, и во втором – с лечением полиартрита, – бесплатно. Без единого рубля…

Сколько раз, бывало, то один недуг объявится, то другой. Где бы я ни был, и где бы ни жил, немедленно, без всяких проблем получал бесплатную необходимую медицинскую помощь…

В 1962 году, во время сдачи государственных экзаменов и защиты дипломной работы в Ростовском государственном университете, в связи с перенапряжением, случился первый приступ стенокардии и кровоизлияния в глаза. Ни читать, ни писать не мог. Сердце не давало покоя. В тот же день, когда это случилось, меня определили на стационарное лечение в клинике Ростовского медицинского института. За двадцать дней доктора восстановили мое здоровье. Бесплатно! И я успешно сдал государственные экзамены и защитил дипломную работу…

Кто читал мою первую книгу да и главы уже этой, – тот знает, что жизнь меня не баловала. Короче говоря, здоровье основательно подорвал. Нуждались в лечении и сердце, и желудок, и почки. Благо, что жил в советской, социалистической стране. По заключению медицинской комиссии, мог получить и получал путевки на лечение сердца – в Кисловодск, желудка – в Пятигорск, почек – в Железноводск.

Так и чередовал: раз в три года ремонтировал по очереди все три основных жизненно важных органа. Путевки профсоюз предоставлял бесплатно или с минимальной оплатой: двадцать процентов её стоимости. Соответственно, если путевка в санаторий стоила 120 рублей на 24 дня, то я платил 24 рубля; если 150 – соответственно 30 рублей. Иными словами, доплата за путевку в санаторий была вполне посильной…

Забота о здоровье детей была у советского государства на первом плане. Я уже писал о наших тревогах по поводу недугов сына.

Еще в девятимесячном возрасте у сына случилась большая беда: двухстороннее воспаление легких. Температура под 40. Мы, родители, на грани отчаяния. А тут еще врачи «подлили масла в огонь»: «Мы сделаем все, чтобы спасти вашего малютку, но всякое может случиться».

Было от чего запаниковать. Стали усердно следить за лечением сына. Насторожило то, что в сутки ему 24 раза делали уколы, вводили различные препараты, проводили необходимые

лечебные процедуры. И это девятимесячной крохе.

Поговорил со знающими людьми. Они посоветовали: «Не знаем в отношении лекарств, которыми лечат доктора, но чайная ложечка кагора в сутки – не повредит».

…Не долго думая, я побежал на телеграф и отправил телеграмму министру здравоохранения СССР Коврыгиной, в пятьдесят слов. В ней перечислил все назначения врачей, упомянул и кагор.

Через сутки главный педиатр Минздрава СССР, по поручению министра, прислал ответ: «Все назначения правильные. Кагор тоже можно давать».

Потом было еще много тревог, пока сын не стал твердо на ноги…

А чему удивляться? Власть-то у нас была народная, советская. И социализм, хотя и ранний, не совершенный, тоже – во имя человека.

Всякий раз, куда бы мы, по совету врачей, ни возили сына на консультацию или лечение, все бесплатно, включая детские санатории. Благодаря этому, сын постепенно избавился от всех недугов, не стал «хроником». Основательно занялся спортом. Спортивные школы и секции тоже были бесплатными. В итоге сын вырос здоровым и сильным. И всё это – Советская власть.

Я могу продолжать приводить новые и новые примеры. Они случались на всех этапах жизни и со мной, и с супругой, и с сыном. Но мы даже не задумывались, где и как лечиться. Это было само собой. Об этом заботилось Советское государство, предоставлявшее бесплатно любое лечение, любые необходимые лекарства.

То, что я здесь рассказал, – не дискуссионный вопрос для тех, кто знает Советскую власть, советский социализм, кто жил в советское время…

О каких правах человека еще не писал? О праве на отдых, на оплачиваемый гарантированный отпуск. Разные были отпуска у разных профессий. Для школьных учителей и вузовских преподавателей – сорок восемь рабочих дней. Фактически два месяца.

Как мы отдыхали, – я уже написал подробно в главе «Время летних отпусков».

Писал и о бесплатных или с минимальной оплатой путевках в пансионаты, дома отдыха, на туристические базы. Их тоже можно было получить в профсоюзном комитете или приобрести за наличный расчет непосредственно в здравнице.

Возьмем худший вариант: в профсоюзе путевок не оказалось. И тогда – покупаем в здравнице. Стоимость одной путевки в дом

отдыха, в зависимости от категории, была пятьдесят – восемьдесят рублей на двадцать четыре дня; соответственно – трех путевок – 150–180 рублей, а самых дорогих – 240.

Зарплата у нас, двух доцентов, составляла в общей сложности 640 рублей в месяц. Поскольку отпуск был двухмесячным, то при уходе в отпуск у нас набиралась 1280 рублей. Так что взять из этой суммы 150 или даже 240 рублей на оплату трех путевок было вполне возможно. Отпускные позволяли нам, находясь в отпуске, посещать театры: билет стоил примерно два-три рубля; бывать на стадионах: стоимость билета составляла рубль-полтора; участвовать в экскурсиях – цена билета была вообще копеечной.

При таком раскладе оставались деньги на приобретение необходимой одежды, обуви и прочего. И не только. Оставалась необходимая сумма на после-отпускной месяц до первой зарплаты. На «прозапас», на всякий случай.

Не только в здравницах Черноморья, но и во многих пансионатах и домах отдыха Подмосковья, в других местах отдыхали мы всей семьей…

Есть что вспомнить. Есть чем гордиться. Есть о чем сожалеть. Ведь всё это теперь только в памяти.

Видимо, всё же здесь уместно сказать о том, что доцентские ставки к нам с Ниной Тимофеевной пришли после многих трудных лет. Я стал доцентом с окладом 320 рублей в месяц в 1971 году, на сорок пятом году жизни. А супруга – в 1981-м, за десять лет до конца советской эпохи.

Начинали же, если говорить о вузовской зарплате, – со ста двадцати рублей. И только вследствие многолетнего, упорного, самозабвенного научного труда добились высокой доцентской ставки. И только тогда наш совокупный месячный доход составил 640 рублей…

Гонорары за изданные книги пришли тоже только четверть века спустя после моего подступа к научным исследованиям. Сумма в 23 тысячи рублей объявилась на моей сберегательной книжке только в 1987 году, практически в последний год жизни, который можно условно, с большой натяжкой еще называть советской. Дальше начался катастрофический обвал, уготовленный горбачевско-ельцинскими иудами-предателями, палачами и душителями советского народа, разрушителями советской державы.

Спустя четыре года эта моя «гонорарная сумма», хранившаяся в государственной сберегательной кассе, условно равная трем 3-комнатным квартирам, была бандитски отнята у меня «отцом российской демократии» Ельциным и его подручными –

гайдарами, чубайсами и прочими бурбулисами…

То, чего я достиг к своему 60-летию, было в одно мгновение отнято у меня воровским образом. Иначе, как циничной издевкой, можно назвать факт возврата мне, спустя полтора десятилетия, 23 тысяч рублей, фактическая стоимость которых по «ново-русским» временам, соответствует, по меньшей мере, 23 миллионам. Именно такая сумма необходима в настоящее время для приобретения трех 3-комнатных квартир.

Такая вот получилась грустная история.

Какими же прозвищами после этого можно назвать нынешний режим, нынешнюю власть? Разве не криминальными?..

Вернусь, однако, к сюжету главы.

Нет, не всё я еще сказал о праве на отдых, гарантированный Советской Конституцией, Советской властью. Случись любая беда, – всегда были уверены, что не пропадем.

Скажу о своей беде. Вместе с «заморской» пшеницей или каким-то другим зерном заокеанские импортеры «подарили» нам амброзию – ядовитый сорняк, который не только забивает культурные посевы и посадки, но и очень сильно отражается на здоровье человека. Достаточно надышаться пыльцой амброзии во время ее цветения, и можно получить трудно излечимую (а тогда и вообще неизлечимую) жестокую болезнь – аллергию на амброзию.

Сотни тысяч кубанцев страдали от неё. Она поражала все дыхательные пути. С распухшим неузнаваемым лицом, с жестоким непрерывным чихом, со слезоточащими глазами, надо было, чтобы не погибнуть, бежать подальше в северные районы, куда амброзия не дошла.

Мне тоже пришлось испытать не себе эту жесточайшую напасть. Но и тут на помощь приходила бесплатная медицина.

Человеку, страдающему аллергией на амброзию, по заключению медицинской комиссии, давали дополнительный оплачиваемый отпуск на месяц, а то и больше, пока осенние дожди не очистят воздух от амброзийной пыльцы…

Эта забота Советского государства воспринималась как само собой. А как же еще? Мы, советские люди, даже подумать не могли, что может быть по-другому.

Замечу еще. Не только амброзией наградили нас заокеанские «добродетели». Но и колорадским жуком, картофельными и капустными клещами, прочими вредителями, от которых, что называется «спасу нет». Но это к слову…

Непростой проблемой и в советское время во многих регионах, особенно в городах, была жилищная проблема.

Для работников крупных заводов, транспорта, строительных

организаций проблема эта была не столь сложной. Здесь строились ведомственные дома, и проблема решалась. Несравнимо сложнее, труднее доставалось жилье работникам социальной сферы, включая образование, здравоохранение, культуру, пищевикам, бытовикам и другим, – всем тем службам, которые сами жилье не строили и вынуждены были многие годы стоять в очередях на получение квартиры, которые велись учреждениях и на предприятиях, а общая – в городских исполкомах…

Строительство жилья шло широким фронтом, но все равно многолетние очереди сокращались медленно и оставались на протяжении всего периода Советской власти. Важно заметить, что предоставлялось жилье бесплатно и переходило по наследству детям, внукам, правнукам. Это, пожалуй, общеизвестно.

Скажу и о другом. Квартплата, все жилищно-коммунальные услуги были совсем мизерные. Насколько мне помнится, они составляли четыре процента от совокупного дохода семьи, проживавшей в квартире. Что это значит?

То, что квартплата и все жилищно-коммунальные услуги при нашей зарплате с Ниной Тимофеевной в 640 рублей (совокупный месячный доход двух доцентов), обходились нам в месяц где-то 24–30 рублей за трехкомнатную квартиру, общей площадью 62 кв. метра со всеми коммунальными удобствами. А когда получали по 120–150 рублей (совокупный доход 240–300 рублей), плата за жилье и коммунальные услуги составляла 12–15 рублей.

Ныне живущим, тем кому не довелось жить в советское время, в это трудно поверить. Да что им! Даже нам, людям старшего возраста, прожившим почти всю жизнь при Советской власти, с трудом верится, что квартплата была фантастически низкой. Еще раз замечу, что она оставалась практически неизменной на протяжении всех лет Советской власти, начиная с середины двадцатых годов…

Да и как поверить!? Если сейчас стоимость всех коммунальных услуг и без того невероятно высокая, постоянно бешено растет, несмотря на все клятвенные заверения нынешних правителей государства не допускать этого.

За двухкомнатную квартиру, которая по размеру равна той нашей в советские годы трехкомнатной, плата составляет четыре тысячи рублей в месяц (это еще с учетом льгот для инвалидов).

Как тут не будешь вздыхать и чертыхаться по адресу нынешней власти и живодерно-паразитического режима. И как при этом можно забыть власть и страну, которые мы потеряли, которые загубили ренегаты-предатели, властвовавшие в советской стране в последние годы её истории.

К слову, еще о жилищной проблеме в СССР. Поскольку она решалась трудно, а реальные доходы советских людей неуклонно росли, увеличивались, то советское государство, Советская власть пошли на значительное расширение кооперативного жилья, посредством жилищных кооперативов. И это давало многим вполне реальную возможность приобрести кооперативную квартиру. Однокомнатная, со всеми удобствами стоила полторы-две тысячи рублей. Двухкомнатная – примерно четыре тысячи рублей. Трехкомнатная – семь тысяч рублей…

Посильно ли было приобрести кооперативную квартиру? Вполне. Я уже писал выше, что тех 23 тысяч рублей, имевшихся в 1987 году на моей сберегательной книжке, хватило бы на три трехкомнатные кооперативные квартиры. Если бы сохранилась Советская власть…

Как же не проклинать горбачевско-ельцинскую клику, реформаторов девяностых годов отборной бранью, которые в одночасье «приватизировали» и отдали на выращивание миллиардеров – своей главной опоры – около 400 миллиардов рублей сбережений советских людей, нажитых честным трудом… Целенаправленных – не только на свое благополучие, но и на будущее детей и внуков. Как же можно считать легитимной нынешнюю «демократическую» власть?! Это же нелюди, палачи и живодеры!

Чтобы родить и вскормить сотню миллиардеров, нынешняя «ново-русская» власть отняла у людей их сбережения. Более того, она подарила доморощенным буржуям все то, что было создано многими поколениями народа за годы Советской власти.

Среди самых главных прав человека на первом месте в советское время стояло право на жизнь, на безопасность. Оно обеспечивалось всем укладом советской государственной и общественной жизни, образом жизни, нравственным кодексом, духовными ценностями социализма, гарантировалось Конституцией СССР.

Да, нелюди встречались и в советском обществе. «В семье не без урода». Были они и в трехсотмиллионной дружной и братской семье народов советской державы. Их презирали и осуждали всем миром. Горе было тем «чикотилам» и прочим уродам, вершившим бесчеловечные злодеяния. Нет, я имею в виду не самосуд над злодеями. А неотвратимую, справедливую кару, выносимую по законам советского правосудия. Горе было и тем, кто творил преступления, и тем, кто вершил суд, допуская произвол и беззаконие.

Весь уклад жизни в социалистическом обществе, его конституционные и нравственные нормы в органичном единстве

служили священному делу – безопасности человека. Многие страницы моих книг, составляющих трилогию, убедительно свидетельствуют об этом.

Нынешние «общечеловеческие» ценности достались нам даром, стараниями «иуд рода человеческого» – горбачевых, яковлевых, ельциных и прочих «отцов российской демократии», уничтоживших неугодную им Советскую власть, социалистическую систему, советский образ жизни, социалистическую мораль и нравственность.

Два мира – две жизни. Две системы – два отношения к судьбам людей.

Одна – наша советская, социалистическая. Другая – антагонистическая, капиталистическая, объявившая «священным и неприкосновенным» капитал и его собственность. Всё это для создания фундаментальных основ нынешнего строя, опоры нынешнего режима.

Для нее, этой «ново-русской» нынешней «демократической» власти, – судьба простого человека, как и всего трудового народа, создающего все блага жизни, кормящего и одевающего весь мир, – неинтересное дело. Для самозванцев, «узурпировавших» власть, оболванивших и поставивших на колени «весь мир голодных и рабов», – для этой системы и для ее высшей власти – экономической, политической, духовной, – это рай, «царство земное». Хотя и временное…

Мы же стали изгоями в этой, ставшей нам чужой, «ново-русской» России…

Об одном, самом привилегированном «сословии» в советском обществе, – о детях я уже писал и в первой и в этой книги своей трилогии. В самом общем плане скажу еще: не только всеми правами, дарованными Советской Конституцией и Советской властью, осуществлялись привилегии детей. Это обеспечивалось колоссальной сетью детских здравниц, дошкольных учреждений, пионерских лагерей, пионерских Домов и Дворцов, детских библиотек, различных секций при культурно-просветительных учреждениях по интересам, детских спортивных школ и секций. Да разве всё перечислишь…

И всё бесплатно, или за считанные рубли. Плата за пребывание детей в яслях, в садиках, да и в других случаях тогда составляла символическую сумму…

В особом почете в советское время была многодетная семья. Ей бесплатно предоставлялось улучшенное жилье. Матери награждались орденом Материнской славы, получали почетное звание «Мать-героиня». Многодетных матерей чествовали наряду с героями труда и ратных подвигов.

…Но было еще одно привилегированное сословие – люди пенсионного, преклонного возраста, о которых тоже в нашей главной советской песне «Широка страна моя родная» – тоже есть своя строка – «Старикам везде у нас почет».

Не дожил я до «почета» при Советской власти, до ухода на пенсию. Но я знал судьбу старших своих друзей и соратников, уже в ранге пенсионеров. Каждому советскому человеку полагалась пенсия по возрасту или по трудовому стажу, обеспечивавшая ему небогатую, но достойную жизнь. Это – слова. А если реально, говоря языком цифр и фактов…

До ухода на пенсию мне оставалось совсем немного. Но уже была гарантирована возможность продолжать трудиться в родном Кубанском государственном университете, если не заведующим кафедрой, то профессором – точно. Для «почета» тоже были основания: мне уже было присвоено звание и вручена медаль «Ветеран труда». Это одна из самых важных наград в советское время. Я уже имел почетное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР»; наградные знаки за все виды работы: «За отличную работу» – Минвуза СССР; «За активную работу» – Общества «Знание»; «За активную работу» – ЦК ДОСААФ.

Мое имя было занесено в Книгу Почета Всесоюзного Общества «Знание», – единственного лектора Краснодарского края. Среди моих наград есть и партийная медаль – «Ленинскому пропагандисту».

Еще – орден и более десяти юбилейных медалей…

Знал я уже и гарантированный размер своей базовой пенсии – 120 рублей. Чему равняется эта сумма в сравнении с нынешней «начинкой» рубля?

Давайте посчитаем (это совсем не трудно). Сейчас я получаю пенсию в размере 12 тысяч рублей, да плюс еще тысячу по инвалидности. Тринадцать тысяч! «Сумасшедшие деньги!» – воскликнул бы незабвенный Аркадий Райкин. И обманулся бы, узнав «что почем».

Из пенсии в 120 рублей в советское время я платил бы за квартиру и коммунальные услуги максимум 24 рубля. Сейчас плачу – более четырех тысяч.

За сто двадцать рублей я мог бы минимум трижды в месяц навестить сына, внучку и правнучку. Купейный билет в скором поезде из Москвы до Краснодара стоил двадцать рублей, в оба конца – сорок.

Сейчас за свои «сумасшедшие» тринадцать тысяч рублей (месячную пенсию) я могу оплатить одну поездку в Краснодар. А жить на какие «шиши»?

За 120 советских рублей я мог сходить 60 раз в театр. Сейчас

за 13 тысяч я могу сходить в театр Табакова… один раз, а в другие, где подешевле, – два-три раза.

За 120 рублей в советское время я мог приобрести путевку в хороший санаторий на 24 дня, если бы не получил бесплатную. Сейчас за 13 тысяч могу в такой же санаторий получить в лучшем случае только полпутевки.

В советское время минимум двумстам адресатам я посылал праздничные открытки к Новому году, к Первомаю, к годовщинам Великого Октября. Это обходилось в сумму не более восьми рублей (открытка стоила 2–4 копейки).

В нынешнее «ново-русское» время для отправки двухсот поздравлений при стоимости поздравительной открытки с маркой от двадцати рублей не хватит всей моей «сумасшедшей» пенсии. И это только если адресат живет в России. А если на Украине или в Белоруссии?..

Пожалуй, хватит. Названных цифр и фактов более чем достаточно. О стоимости продуктов питания и товаров первой необходимости я даже не хочу писать. Это несравнимые суммы. Можно получить нокаут…

Российский Президент и Премьер цинично хихикают: «Какую жизнь вы потеряли? Вспомните лучше, как вы жили? Дефициты! Очереди! Чему радоваться? Беспочвенная ностальгия. Сейчас всего изобилие».

– Будь проклято ваше, господа «ново-русские» президенты и премьеры, изобилие с убийственными ценами, день ото дня скачущими все выше и выше, все недоступнее для малоимущих людей, которых в России сейчас великое множество. По признанию российского Президента В. Путина (июль 2012 года), ныне в России 18 миллионов человек находятся за чертой бедности, нищие, обездоленные.

Для кого ваше изобилие? Кому по карману? По зарплате? По пенсии?

Кому нужно такое изобилие, если нет жизни…

Я хочу жить в родной стране, в одной великой, дружной, братской семье народов, составлявших Союз Советских Социалистических республик. Там была светлая, радостная, спокойная жизнь. Теперь – прозябание в постоянной тревоге за завтрашний день…

…Я хочу в любой день и час вскочить в вагон поезда дальнего следования и покатить в родное Барвенково на Харьковщине, где прошло мое детство; в Туапсе, где живет моя единственная сестра, ее сын и внуки, где могила моей мамы – простой и мудрой женщины, перед которой я остался в неоплатном долгу; в Краснодар – к сыну Николаю, внучке Юленьке и правнучке

Дашеньке; навестить могилу трагически погибшей младшей внучки – моей бесконечно любимой, незабываемой Катюши; бесчисленных друзей-товарищей, соратников по работе, живущих по всей Кубани. С живыми встретиться, праху умерших – поклониться…

Хочу поехать в Казахстан, где в 1944 году затерялись следы моего 38-летнего отца Осадчего Павла Андреевича, попытаться найти его могилу, разузнать в архивах и у оставшихся в живых людей – может, кто слышал это имя, знал его, помнит…

Хочу навестить двоюродного брата – Валентина Николаевича Фисенко, советско-белорусского дипломата в отставке, живущего в Минске.

Очень хочется побывать в Литве – в Кедайняе, Ионове, Жеймах, поклониться праху моих незабываемых 18-20-летних комсомольских друзей, злодейски убитых уже в послевоенные месяцы 1945 года «лесными братьями»…

Хочу найти старых знакомых в Грузии, Армении, Азербайджане, Узбекистане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении…

Зовет душа в Приднестровье, где покоится могила моего ученика и юного друга Саши Берлизова – сына моих прекрасных и верных друзей – Евгения Михайловича и Нины Викторовны. По совести, по долгу патриота Саша бросился на помощь братскому народу Приднестровья и там погиб за его свободу…

Да, хочу! Хотел бы на мгновение окинуть глазом всю необъятную, еще совсем недавно великую и могущественную, гордую и прекрасную страну – Союз Советских Социалистических республик.

Хочу… Но не могу. Потому что «куда ни кинь – всюду клин»…

Все мы, вчерашние дети одной братской трехсотмиллионной семьи советских народов и национальностей, – теперь сплошная «заграница», сотворенная росчерком пера, вернее трех перьев на фальшивой бумажке, состряпанной во хмелю тремя обезумевшими от властолюбия супостатами, вопреки воле абсолютного большинства советских людей, высказанной на Всесоюзном референдуме весной 1991 года, – в угоду «хозяевам» мира – ненасытным империалистическим хищникам.

Теперь, чтобы поехать в навеки родные края, надо иметь загранпаспорт. Это во-первых. А кто оплатит это мое рвение души, сокровенное мое желание? А кто даст мне сегодня силы и здоровье, чтобы «сказку сделать былью»?

Потому и пишу эту свою трилогию о любимой своей стране, Советской власти, о советском социализме, о советской жизни.

Пишу для того, чтобы каждый, кто прочтет мои книги, мог понять, что не социализм, не советский народ, не Советский Союз совершили самоубийство. Эти подлые кощунственные деяния, ранее неведомые по масштабам ни в российской, ни в мировой истории, совершила горстка нелюдей, демагогов-политиканов, ренегатов-предателей, учинивших чудовищную катастрофу для нашей любимой Советской Отчизны, для нашего еще недавно великого, героического и гордого советского народа, которому «не было преград ни в море, ни на суше», ни в неведомом космосе, путь в который окрыли тоже мы, советские люди…

Хорошо бы, чтобы люди не только прочли эту мою трилогию – исповедь рядового советского гражданина, но и задумались…

На моем рабочем столе сейчас, в майские дни 2012 года, – последние страницы рукописей не только второй книги трилогии «Мы родом из СССР», но и третьей; еще двух томов «Драматических страниц истории»; книги о Сталине; краткого очерка истории Российской Коммунистической партии, к созданию и возрождению которой я имею прямое и весьма значимое отношение…

Пишу эти строки, а в голове набатом звучат известные во всем мире слова легендарного Павки Корчагина – главного героя книги «Как закалялась сталь» бессмертного Николая Островского о смысле жизни; его мудрое напутствие всем, кто не торопится исполнить задуманное: «И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь, или какая-нибудь трагическая случайность могут прервать ее»….

История Советской власти, социалистического преобразования страны, советской жизни; настроения, думы и чаяния советских людей ярко отражены в советской литературе, в журналах и газетах советской эпохи, во множестве мемуаров, говоря строками песни, «и маршалов и рядовых», выдающихся государственных и коммунистических деятелей, ученых и писателей, актеров и режиссеров, людей самых различных профессий.

С чего начинался новый день в советской стране? С «Доброго утра» и «Пионерской зорьки» – по советскому радио. Вслед за привычным приветствием «Говорит Москва» шли радостные сообщения о новых рекордах в труде на заводах и колхозных полях, о построенных новых электростанциях, об открытии геологами новых месторождений природных богатств, о новых научных открытиях советских ученых, о новых подвигах и свершениях советских людей во всех областях жизни, на всех необъятных просторах великой и прекрасной советской страны… И так день за днем…

Потому и назвал известный советский писатель Лев Кассиль свою книгу о советской жизни: «Про жизнь совсем хорошую…»

Такой она и была. Такой создала её Советская власть – власть трудового народа…

Удалась жизнь в советское время не только внуков, но и самих маминых родителей: дедушки – Семёна Алексеевича, и бабушки – Евдокии Давыдовны. Они потомственные крестьяне. Такими оставались и в советское время, до начала коллективизации. Затем расстались с землей и переехали к сыну в Таганрог, на новостройку.

Трудолюбивые, привыкшие с детства работать на земле от зари до зари, быстро вошли в ритм и «вкус» городской жизни. Скоро пришли в их дом благополучие и жизнерадостность.

Особенно радовались за внуков, за их рвение и старание в учебе, стремление вырасти достойными людьми. Внуки достигли этого в своей жизни.

Гордились нами не только родители, но и дедушка с бабушкой. Очень часто при встречах бабушка изливала душевную радость и гордость за внуков в словах: «Как я рада, что Советская власть сделала вас счастливыми и достойными людьми. И мне такая жизнь теперь по душе. Вот уже 85 лет, а еще очень хочется пожить. Умирать никак не хочется…» – эти слова из уст бабушки я услышал в последний раз в 1966-м, в год её большого юбилея, когда она навестила нас в Туапсе в сопровождении сына Николая Семеновича.

Умерла бабушка на 91-м году, в 1971-м. А дедушка прожил еще три года и скончался в 1974-м, на 93-м году…

Это тоже высокая дань Советской власти, социализму…

* * *

Светлым, добрым, чистым осталось в моей памяти советское время.

Главными его качествами были: жизнерадостность, социальный оптимизм, уверенность в завтрашнем дне…

Основой этих высоких качеств, свойственных только советскому строю, социалистической системе, были фундаментальные ценности социализма, провозглашенные и гарантированные Советской Конституцией, обеспечивавшиеся всем укладом советского государства. Прежде всего – общенародной, государственной собственностью, создаваемой общим трудом советского народа на благо всего общества, во имя всестороннего успешного развития и роста социально-

экономического потенциала и оборонного могущества советской страны – основы её национальной безопасности. Это самое главное, чем был богат советский народ и чего его лишила горбачевско-ельцинская дерьмократия, узурпировавшая власть, преступно разрушившая великую и могущественную советскую державу – Союз Советских Социалистических республик…

За два десятилетия «ново-русской» «демократической» России я не слышал по радио и не видел по телевидению сюжетов о её достижениях в развитии экономики, о трудовых подвигах и свершениях народа.

Выходит, их нет? Ибо, если бы они были, вряд ли «власть имущие» и послушные им СМИ стали держать их в тайне…

Ведь глаголит же вся ново-русская пресса, радио– и телеканалы круглые сутки «убийственную» правду о терактах, взрывах, пожарах, авариях, крушениях, катастрофах, гибели людей; о коррупции, взятках, хищениях в особо крупных размерах государственных чиновников всех уровней; о насилии, маразме, растлении, росте наркомании и алкоголизма, жестокости и нравственном уродстве, разврате и распутстве; купле-продаже детей и женщин, о росте детской преступности…

И еще – о бесконечном росте цен на бензин, продукты и товары первой необходимости, лекарства, стоимости жилищно-коммунальных услуг, проезда на всех видах транспорта. И обо всем другом… – от чего можно сойти с ума… Вряд ли эти новости кого радуют и вдохновляют. Скорее всего, они день за днем, час за часом убивают человека, укорачивают ему жизнь…

И еще… СМИ всех родов, включая Интернет, голосят о мировых и европейских экономических и финансовых кризисах, забастовках и голодовках, о безработных, о недовольных ростом цен, пенсионного возраста, всей жизнью в «цивилизованном, демократическом» мире.

Что особенно удивляет, так это то, что все эти беды в наибольшей мере происходят в высоко развитых капиталистических странах, включая Соединенные Штаты Америки.

И, наконец, «радуют» нас каждодневные сообщения о росте доходов государственных служащих, депутатов, министров… и прочих, и прочих…

Но особенно потрясает рост числа миллиардеров и их состояний…

Как же точно увидел всё это Михаил Ножкин и воспел в одной из своих песен в начале 90-х годов:

Богатые богаче с каждым годом, А бедные – беднее с каждым днём…

Всё. Достаточно об этом…

Пора подвести итог

Что включает в себя советская история? Она включает в себя великие достижения семи десятилетий: от «десяти дней, которые потрясли мир», от той роли, которую сыграл СССР в спасении мира от фашизма, до комплекса социальных мер: гарантированные права на труд, отдых; низкую плату за жилье; бесплатное здравоохранение и образование, спокойствие советского человека за свою судьбу, судьбу детей и внуков; уверенность в завтрашнем дне…

Всё это оказало большое влияние на весь мир, в том числе на содержание «нового курса» в середине тридцатых годов в США, на политику буржуазии во всем мире.

При всех ошибках и промахах, завоевания социализма, уничтожение эксплуатации человека человеком, социальные преобразования, расцвет культуры и образования, научный и экономический взлет являются величайшими достижениями всемирной истории, которые, несомненно, вывели человечество на более высокий уровень развития.

– За общество социальной справедливости, за социализм веками боролись лучшие умы; миллионы и миллионы людей гибли в гражданских войнах, тысячи и тысячи – в тюрьмах и на каторге, шли на эшафот, – пишет в своей книге «Десять лет великих потрясений» Николай Иванович Рыжков, руководитель последнего правительства СССР. И далее продолжает:

«Меня поразили **высказывания Папы Римского Иоанна Павла II** в интервью 1993 года о том, что **в марксизме есть „зерно истины“.** Поразили потому, что вряд ли кто-либо причислит Папу к апологетам социализма и коммунизма. Приведу только отдельные фразы из этого интервью:

„Сторонники разнузданного капитализма в любой форме игнорируют добрые деяния, совершенные при коммунизме: борьбу с безработицей, заботу о бедных“.

„Коммунизм заботился о социальной сфере, в то время как капитализм в основном культивировал индивидуализм“.

„Я считаю, что истоки многочисленных серьезных общественных и человеческих проблем, над решением которых бьются Европа и весь мир, коренятся в действиях вырождающегося капитализма. Разумеется, нынешний капитализм сильно отличается от капитализма времен

Льва XIII. Он изменился, и во многом благодаря социалистической идее…“»

Что касается ошибок, недостатков, негативов, имевших место в советской истории. О дефицитах и очередях писать не буду, – об этом все знают. И об их причинах тоже. Скажу о главном, чтобы ответить на вопрос по существу.

Нам, советским людям, жившим в советское время, хорошо известны все негативы, знаем и понимаем их лучше всякого рода злопыхателей, задыхающихся от ненависти ко всему советскому, социалистическому.

Как и предвидел В. И. Ленин, путь нашей страны к социализму был весьма трудным и сложным. Многое приходилось додумывать, доделывать и переделывать в процессе его строительства. Ведь мы были первыми в его возведении. Первооткрывателями. Первопроходцами. Первостроителями. В истории человечества не было аналога, не было опыта, – кроме семидесяти дней Парижской Коммуны. Нам все время приходилось «идти ощупью».

В. И. Ленин отлично понимал это: «Россия – первая страна, которой история дала роль зачинателя социалистической революции. И именно поэтому на нашу долю выпадает столько борьбы и страданий» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.39, с. 137).

С высоты сегодняшнего дня, с высоты истории, легче судить и оправдывать. Куда сложнее было (тем более первостроителям нового общества) избежать ошибок, перегибов, искривлений партлинии, ограничения демократии.

Было «и головокружение от успехов». Были и «искривления партлинии в колхозном движении». Были и многочисленные анонимные, клеветнические доносы на мнимых «врагов народа» и необоснованные репрессии на этой почве. Были и злоупотребления властью. И преследование «инакомыслящих». И ограничение демократии. И нарушение прав и свобод граждан…

Но всё это, ни в какой мере, не может быть сравнимо с политикой откровенного геноцида, проводимой «демократической» контрреволюцией, криминальным капиталом и властью в современной России.

Что же породило кризис советской системы и, прежде всего, КПСС, как правящей партии в Советском государстве? Ответ на этот вопрос дан в последних главах этой книги. Ему будут посвящены многие страницы и главы заключительной книги трилогии «Мы родом из СССР». Здесь же скажу кратко.

Две третьих (или даже три четвертых) всех проблем и трудностей, породивших кризис советского общества, – «дар»

послесталинских десятилетий.

Начало «испытаний» советской страны, советского народа относится к хрущевским годам. Они порождены его невежеством, волюнтаризмом и авантюризмом, ревизией, переоценкой всего советского периода, сталинской эпохи в особенности.

Затем, после успешной восьмой, «косыгинской» пятилетки (1966–1970 годы) и относительно благополучной девятой (1971–1975), тоже благодаря А. Н. Косыгину, – начался спад темпов экономического роста и соответственно нарастание социальных трудностей, проявившихся в образовании дефицита некоторых продуктов и товаров первой необходимости. Это вызывало не только недоумение и беспокойство у советских людей, но рождало и недовольство…

Устранив А. Н. Косыгина с поста Председателя Совета Министров СССР, брежневско-сусловское руководство оказалось не в состоянии не только решать нараставшие трудности и проблемы, но и видеть их реальность; оно жило «самодовольным оптимизмом», «пошлее которого», по определению Ленина, «ничего нет».

Невежественный, догматический подход, самолюбование, некритический подход к оценке своей деятельности и реального положения в стране, в экономике и в социальной сфере в особенности, – явились главной причиной образовавшихся проблем и трудностей. Они были вполне преодолимы и решаемы при наличии компетентных и ответственных руководителей партии и государства.

Неслыханные, непредвиденные белы и страдания для нашей страны, нашего народа начались с горбачевского «пришествия». В самом фантастическом детективе, в самом кошмарном сне невозможно было увидеть то, что случилось с нашим Отечеством во второй половине восьмидесятых и в девяностые годы.

Скажу кратко, но с твердой убежденностью: в трагической судьбе советского социализма и самого советского государства нет ни грана вины социализма.

Объективно говоря, хрущевское и брежневское руководство своим невежественно самодовольным подходом к самооценке своих личностей и проводимой политики нанесли огромный политический и нравственный урон социализму и КПСС как правящей партии в осуществлении задач социалистического строительства в СССР. Но фундаментальные основы и принципы социализма, генеральный курс развития советского государства, намеченный В. И. Лениным, и претворявшийся в жизнь в сталинскую эпоху, по сути своей сохранялись, хотя и были подвержены изрядной деформации в хрущевские и брежневские

годы.

«Якорем спасения» при этом была не только инерционность, заданная сталинской эпохой, но и тот очевидный факт, что сформировавшиеся тогда кадры, в хрущевско-брежневские годы оставались на государственных и хозяйственных постах в ведущих отраслях экономики, других сферах советского общества, возглавлялись зрелыми и опытными людьми.

Оставались в строю и те поколения советских людей, которых «вырастил Сталин», энтузиасты и романтики, руками и волею которых была создана могущественная Советская Держава, построена и защищена. Они были полны решимости взять любые высоты, намеченные КПСС. Назревшие проблемы и трудности дальнейшего развития и совершенствования социализма были им по плечу. КПСС и советское общество жили надеждой на приход к руководству партией и страной руководителей ленинско-сталинского типа, способных решить и преодолеть накопившиеся проблемы, обеспечить дальнейшее успешное раскрытие потенциала социализма, его совершенствование и строительство.

Решающую роль в судьбе социализма и советской страны сыграл субъективный фактор. Я уже писал об этом в главе «Смерть Сталина» в книге «Время нашей молодости». Но тема далеко не исчерпана. К ней я буду обращаться еще не раз. Здесь же ограничусь кратким замечанием.

А. А. Громыко, последней должностью которого был пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, спустя три года после «вознесения» Горбачева на вожделенный трон в КПСС и в советской стране, сказал о нем и его окружении: «Невежды у власти».

Ошибся на этот раз Андрей Андреевич. Невеждами вернее было бы назвать Хрущева и Брежнева. Что же касается Горбачева и его ближайших соратников-единомышленников – Яковлева и прочих, да и Ельцина в полной мере, хотя он долго рисовался как их «главный оппонент», – все они были, как показало ближайшее время, коварными и циничными ренегатами и предателями, палачами Советской власти, социализма, Советской Державы. И останется о них в истории «слава Герострата». Убеждён в этом…

О том, как случилось то, что случилось, речь во второй части этой книги «Замороченное время» и в заключительной книге трилогии «Мы родом из СССР»…

Справа налево: М. И. Калинин – Председатель ВЦИК РСФСР; В. И. Ленин – Председатель Совнаркома РСФСР; И. В. Сталин – нарком по делам национальностей, нарком по делам рабоче-крестьянской инспекции. (1919 г.).

И. В. Сталин – Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) – КПСС (1922–1953) и В. М. Молотов – Председатель Совета народных комиссаров СССР (1930–1941).

Алексей Николаевич КОСЫГИН – Председатель Совета Министров СССР (1964–1980 гг.).

Юрий Владимирович АНДРОПОВ, Генеральный секретарь ЦК КПСС (1982–1984 гг.)

Мой отец Павел Осадчий, крестьянский сын, первый образованный в нашем роду. Выпускник реального училища (1922 г.)

Наша семья (слева направо): Николай Осадчий – наш сын,

кандидат философских наук, доцент; Н. Т. Осадчая, кандидат технических наук, доцент; И. П. Осадчий, доктор исторических наук, профессор.

Мария Павловна, моя сестра (в замужестве Кравченко), агроном-биолог.

Мой двоюродный брат – Валентин Николаевич ФИСЕНКО, советский дипломат, кандидат юридических наук, доцент.

1959 г. Праздник в семье маминой сестры Марины Семеновны: приехала мама, собрались дети

В центре наша бабушка Евдокия Давыдовна; крайняя слева – её дочь; справа: её внук Ваня, инженер; внучка Аня – врач; 2-й слева: Николай Крылов – муж Ани, военврач, будущий генерал медицинской службы, профессор; 3-й слева: внук – Валентин Фисенко. На снимке также жена Вани и правнуки.

Часть вторая. «Замороченное время»

Глава девятая. «Что день грядущий нам готовит?» (1985–1987)

Вместо предисловия

События последних лет Советской власти – самое сложное, самое тревожное, самое «замороченное»[1] время. Рад, что прошел его твердой поступью, остался убежденным коммунистом, сохранил верность не только светлым идеалам, но и самой советской жизни, социализму.

В принципе я понимал общую ситуацию в стране, не смотря на обилие «чернухи» в СМОГе (средства массового оглупления граждан), их сатанинские атаки на КПСС, социализм, Советскую власть, советскую историю, – и хорошо видел: куда нас зовут и

«куда мы растём».

Но сейчас, приступая к написанию последних глав этой книги, определенных рамками горбачевского времени, имею возможность сверить свои мысли и своё понимание событий тех лет с оценками Н. И. Рыжкова, Е. К. Лигачева, В. И. Воротникова – известных деятелей КПСС и советского государства того времени, хорошо знающих горбачевские годы. Их книги позволяют видеть ситуацию, какой была она в самом руководстве партии и страны; как намечались и проводились в жизнь решения по многим сложным проблемам советского общества, в конечном счете, ставшими роковыми для судьбы КПСС, социалистической системы, Советской власти, советского народа.

Максимально использую, критически анализируя их воспоминания, выводы и оценки того сложного, тревожного, драматического и трагического времени.

В этом отношении особое место занимает дневник члена Политбюро ЦК КПСС В. И. Воротникова. Он живой свидетель всего, о чем пишет.

В своих записках автор, пожалуй, единственный, кто столь подробно показывает механизм принятия решений, закулисную сторону деятельности Политбюро, Пленумов ЦК, лидеров партии. Вся книга строго документальна. Помимо дневниковых записей приводится множество выдержек из постановлений, речей и бесед.

В центре дневников – фигура М. С. Горбачева. Автор шаг за шагом прослеживает, как выхолащивались и подвергались деформации идеи перестройки, а сам Горбачев перерождался в политического двурушника, для которого собственные амбиции и личное благополучие в конечном счете возобладали над судьбой партии и государства.

В. И. Воротников не старается делать вид, что ему с самого начала преобразований было ясно, куда они могут завести, и на какое коварство способен генсек. Он был среди тех членов руководства партии, кто искренне верил в перестройку и в чистоту помыслов её инициаторов. Прозрение, к сожалению, наступило слишком поздно. В этом автор видит и собственную вину.

Биография Виталия Ивановича Воротникова характерна для многих советских людей его поколения. Он родился в 1926 году в рабочей семье. В шестнадцать лет пошел на завод. Был рабочим сначала в Воронеже, а затем в Куйбышеве; занимал ряд инженерно-технических должностей, избирался секретарем парткома Куйбышевского авиационного завода. В 1954 году закончил вечернее отделение авиационного института.

С 1960-го – на партийной и государственной работе: заведующий отделом, секретарь, второй секретарь Куйбышевского обкома КПСС; председатель облисполкома, первый секретарь Воронежского обкома партии; первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР; посол СССР в Республике Куба; первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС.

В 1983 году В. И. Воротников назначается Председателем Совета Министров РСФСР. В октябре 1988-го избирается Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР. В мае 1990-го уходит в отставку…

С 1971 года В. И. Воротников был членом ЦК КПСС, а с 1983 по июль 1990 – членом Политбюро. Избирался депутатом Верховных Советов СССР и РСФСР ряда созывов.

В. И. Воротников на первом этапе перестройки был одним из активных её участников. Но позже у него возникают серьезные разногласия с Горбачевым относительно принципов и тактики проведения экономических и особенно политических реформ. К концу 1989 года происходит фактический разрыв в их отношениях…

Н. И. РЫЖКОВ, Председатель Совета Министров СССР (1985–1990).

Е. К. ЛИГАЧЕВ, Секретарь ЦК КПСС (1983–1990).

В. И. ВОРОТНИКОВ, Председатель Совета Министров РСФСР (1983–1988).

«Бог шельму[2] метит»

…Вечером того же дня, когда скончался К. У. Черненко, 10 марта 1985 года, состоялось экстренное заседание Политбюро ЦК КПСС.

Сказать, что положение в партии и в стране было тревожное, значит, ничего не сказать. Народ устал в ожидании перемен. А надежды на лучшее становились все сумрачнее. Тревоги – всё сильнее. Прежде всего, от неопределенности, от нестабильности в высшем руководстве страны…

Повторюсь. За два года и четыре месяца хоронили третьего Генерального секретаря ЦК КПСС. Предстояло избрать четвертого. Таков горький результат кадрового обвала в высшем руководстве партии и государства, порожденного негодной кадровой политикой Брежнева. Сам досидел в генсековском кресле до смерти, находясь не только в немощном, но и в недееспособном состоянии. А большинство членов Политбюро, сформированного им «под себя», по принципу личной преданности и беспрекословного повиновения, находясь в критическом возрасте, в высшей степени было довольно своим благодатным положением.

Ставка на ближайших соратников Брежнева, немощных и тяжело больных, завершилась трагическим исходом для них самих и новыми испытаниями для партии и советского государства…

После ухода из жизни Андропова и Черненко в составе Политбюро были многоопытные и достойные, хорошо известные в стране государственные деятели, такие как А. А. Громыко и Д. С. Устинов. Но снова делать ставку на старцев с сильно надломленным здоровьем означало идти на риск и ждать в скором времени очередных трагических последствий. Главная должность в партии и в стране не допускала новых легкомысленных экспериментов. Было о чем призадуматься…

Политбюро должно было определиться с кандидатурой нового генсека.

Слово, на правах старейшего члена высшего партийного органа, взял А. А. Громыко и предложил на должность Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, дав ему в коротком выступлении весьма лестную характеристику, как наиболее подходящему кандидату.

Уже три десятилетия меня не покидает мысль, как мог многоопытный, умный политик и дипломат, за которым давно утвердилась кличка «мистер „нет“, так опрометчиво сказать „да“ Горбачеву, кандидатуру которого на столь высокий пост никто всерьез не рассматривал.

Да, волею драматических событий, – похорон трех

Генеральных секретарей ЦК немногим более чем за два года, Горбачев оказался в кресле второго секретаря ЦК КПСС.

Да, по этой же причине он возглавил комиссию по похоронам К. У. Черненко. Но это еще совсем не факт, что именно его должны были избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС.

В. В. Щербицкий иначе как „хлопчиком“ Горбачева не называл. В ЦК КПСС, в особенности в Политбюро и Секретариате ЦК, прочно утвердилось прозвище „навозник“ для тех, кто являлся секретарем ЦК по сельскому хозяйству. Даже не думалось, что мало кому известный „навозный хлопчик“ из Ставрополья может стать Генеральным секретарем.

Но, оказывается, были и другие соображения. Они раскрывают тайну возведения Горбачева на престол, прикрытую благородной целью, – избрать молодого, энергичного, перспективного. Таким и обрисовал Горбачева А. А. Громыко.

…Всё начиналось почти два года назад, вскоре после избрания Ю. В. Андропова Генеральным секретарем. В его поле зрения, не без участия Горбачева, попал тогда энергичный, хорошо проявивший себя в должности первого секретаря Томского обкома КПСС Е. К. Лигачев. Кстати он был известен партии как опытный кадровик. Его и пригласил Ю. В. Андропов в 1983 году на должность заведующего Отделом организационно-партийной и кадровой работы ЦК КПСС. В том же году он был избран секретарем ЦК.

Лигачев энергично взялся за омоложение руководителей областных и краевых партийных организаций, тем самым готовя кадры и для обновления ЦК КПСС.

Егор Кузьмич был одним из тех, кто благоволил к Горбачеву и видел в нем достойного партийного руководителя. Он же был в числе тех немногих членов Политбюро, которые по разным мотивам стали инициаторами избрания Горбачева Генеральным секретарем ЦК. Единомышленниками Лигачева, по его словам, были Громыко, Соломенцев, Чебриков…

Надо отдать должное Е. К. Лигачеву. В своих воспоминаниях он, независимо от того выгодно это сегодня ему или нет, в большинстве случаев старается быть честным, правдивым. Меня поражает, с каким откровением он пишет о своей многолетней дружбе с Горбачевым. Чаще всего, мемуаристы стараются умалчивать о своих связях с Горбачевым, сторонятся его. А вот Е. К. Лигачев с восторгом рассказывает об этом:

„В апреле 1983 года, после семнадцати лет работы в Сибири, в Томске, я был переведен в Москву и утвержден заведующим Отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС, а говоря

иначе, – Отделом кадров и партийных комитетов. Впрочем, если учесть существующую в те годы систему партийно-государственного руководства, то роль шла о кадрах в самом широком смысле, включая советские и хозяйственные.

В тогдашнем составе Политбюро ЦК КПСС был человек, который не только предложил мою кандидатуру Андропову, но и активно способствовал моему переводу в Москву. В те памятные для меня апрельские дни 1983 года события развивались неожиданно и стремительно. Я прилетел в Москву на совещание по вопросам сельского хозяйства, которым руководил лично Андропов.

…После совещания поздно вечером того же дня неожиданно зазвонил телефон…

Я взял трубку и услышал:

– Егор, это Михаил… Надо, чтобы завтра утром ты был у меня…

С Горбачевым мы познакомились в начале семидесятых, случайно оказавшись в составе делегации, выезжавшей в Чехословакию. С тех пор на Пленумах ЦК, в дни партийных съездов, мы… неизменно и дружески общались, обменивались мнениями по вопросам и частным, и общим. А когда Горбачев стал Секретарем ЦК, а затем членом Политбюро, да вдобавок по аграрным проблемам, я стал часто бывать у него…

– Михаил Сергеевич, но у меня билет в кармане, вылетаю рано утром, – ответил я.

Так уже повелось между нами, что Горбачев называл меня Егором, а я обращался к нему по имени-отчеству.

– Надо задержаться, Егор, – спокойно сказал Горбачев… – Придется сдать билет.

…В 10 утра, как говорится с боем часов, я открыл дверь его приемной. С этого момента и начались для меня новый отсчет времени, новая пора жизни, перед которой поблек даже бурный томский период.

Горбачев приял меня моментально и, поздоровавшись, сразу огорошил:

– Егор, складывается мнение, чтобы перевести тебя на работу в ЦК и утвердить заведующим организационно-партийным Отделом. Тебя приглашает Юрий Владимирович для беседы. Он меня просил предварительно с тобой переговорить…

Горбачев снял трубку прямого телефона, связанного напрямую с Генеральным секретарем ЦК:

– Юрий Владимирович, у меня Лигачев. Когда вы могли бы его принять?..

И, положив трубку, ободряюще сказал:

– Он примет тебя прямо сейчас. Иди…

Я поднялся на пятый этаж и пошел к кабинету № 6, где по традиции работали генеральный секретари. В ту пору мне уже было 62 года. За плечами нелегкая жизнь, в которой хватало драматизма. Да и политический опыт накопился за десятилетия немалый… В общем, цену я себе, конечно, знал…

Юрий Владимирович принял меня… очень быстро. Сразу спросил:

– С вами говорил Горбачев?

– Говорил.

– Я буду вносить на Политбюро предложение, чтобы вас утвердить заведующим Отделом. Как вы на это смотрите? Мы вас достаточно хорошо изучили…

Я кратко ответил:

– Я согласен. Спасибо за доверие.

– Тогда сегодня в 11 часов будем утверждать вас на Политбюро…

– Уже сегодня? – невольно вырвалось у меня…

– А чего ждать? Надо делать дело. (Е. К. Лигачев. „Предостережение“. М., 1999, с. 37–49).

Спустя полчаса Политбюро ЦК утвердило Е. К. Лигачева в предложенной должности. Всего полтора часа прошло с его разговора с Горбачевым, как пишет Лигачев сам, а жизнь „моя круто изменила маршрут“. (Там же, стр. 52).

…В декабре того же 1983 года Лигачева ждала новая неожиданность. И опять, как свидетельствует он сам, „все началось с Горбачева“… Приближался очередной Пленум ЦК КПСС, и Михаил Сергеевич однажды сказал мне:

– Егор, я настаиваю, чтобы тебя избрали Секретарем ЦК. Скоро Пленум, я над этим вопросом усиленно работаю.

За минувшие восемь месяцев мы с Горбачевым еще больше сблизились, проверили друг друга в деле. Наступил такой этап наших взаимоотношений, когда мы начали понимать друг друга с полуслова, разговор всегда шел прямой, откровенный…

Через несколько дней мне позвонил П. П. Лаптев, помощник Андропова:

– Егор Кузьмич, вам надо побывать у Юрия Владимировича. Он приглашает вас сегодня в шесть часов вечера…

Когда ехали по Москве… я перебирал в памяти события последних месяцев. Политический курс Андропова уже определился: речь шла о совершенствовании социализма и преемственности в политике на основе всего лучшего, что было добыто трудом народа. При этом предстояло решительно отбросить негативные наслоения.

Я знаю, что после избрания Генеральным секретарем ЦК Андропов получил десятки тысяч телеграмм и писем с просьбами и требованиями укрепить в стране дисциплину, повысить ответственность руководителей. Юрий Владимирович откликнулся на этот зов народа.

Год „Андропова“ остался в народной памяти как время наведения порядка в интересах людей труда. Причем речь шла, прежде всего, об эффективном использовании гигантского потенциала нашей страны… Юрий Владимирович обладал редким, истинно лидерским даром переводить общие задачи на язык конкретных дел. Он держал в руках такие ключевые вопросы, как соотношение между темпами роста производительности труда и зарплаты, сбалансированность между товарной массой и доходами населения. Для него это были вопросы большой политики.

…У Юрия Владимировича было четкое видение перспектив развития страны, он не любил импровизаций и шараханья, а на основе достигнутого ранее и творческого развития марксистско-ленинской теории, планировал обновление социализма, понимая, что социализм нуждается в глубоких и качественных изменениях. Юрий Владимирович считал этот процесс объективно необходимым и не раз говорил:

– Нам его не объехать и не обойти.

…Народ принял его призыв: настрой на дела, а не на громкие слова.

…По дороге к Андропову сопровождавший товарищ из 9-го управления КГБ сказал, что едем мы в Кунцевскую больницу.

…Там мне показали, как пройти в палату Юрия Владимировича… В первый момент я не понял, что это Андропов. Я был потрясен его видом… Поистине на его лицо уже легла печать близкой кончины…

Юрий Владимирович, почувствовав мое замешательство, стал меня успокаивать:

– Расскажи-ка спокойно о своей работе, какие у тебя сейчас проблемы?

…Но уже минут через семь прервал меня:

– Ну, ясно, хватит… Я тебя пригласил для того, чтобы сообщить: Политбюро будет выносить на предстоящий Пленум вопрос об избрании тебя Секретарем ЦК… Вы для нас оказались находкой…

А через несколько дней состоялся Пленум, на котором меня избрали Секретарем ЦК…

Потом Горбачев рассказал:

– Члены Политбюро очень хорошо встретили предложение об

избрании тебя Секретарем. Особенно поддержали Громыко и Устинов…“ (Е. К. Лигачев. „Предостережение“. М. 1999, с. 58–61).

О том, с каким настроением Егор Кузьмич отнесся к предложению войти в состав андроповской команды, он рассказывает так:

„Андропов и Горбачев наметили смену кадров. Она неизбежна в историческом плане. Меня направляют на тот участок, где придется практически заниматься этим нужным, очень нужным, но, увы, не всегда благодарным. Ну что ж, надо – так надо!

…В своем возрасте я считал, что предлагаемая мне работа станет последней в жизни, и внутренне так готовился крутануть маховик дела, чтобы, как говорится, людям добрым стало хорошо, а чертям жарко…“ (Там же, с. 48).

И Егор Кузьмич крутанул…

Должен, однако, заметить, что, к сожалению, „людям добрым“ не стало хорошо, а „жарко“ и больно – не только чертям…

Читая воспоминания его соратников и современников, беседуя с теми, кто был рядом с ним в андроповско-горбачевские годы, я узнал, что от того „маховика дела“, который раскрутил Лигачев, последствия оказались во многих случаях совсем не те, на которые он рассчитывал. Может быть потому, что формировал Лигачев новый кадровый корпус для Андропова, а достался он Горбачеву, который, как известно, был недолго последователем-продолжателем замыслов, планов и программ Андропова. А потом вообще отрекся от всего, чему поклонялся; лицемерил цинично, подло. Об этом речь еще впереди…

А пока… Спустя всего не более полутора месяцев после избрания Е. К. Лигачева Секретарем ЦК, поздним вечером 9 февраля 1984 года ему, находившемуся в тот день в Томске, позвонил Горбачев:

– Егор, случилась беда, умер Андропов. Вылетай. Завтра утром будь в Москве, ты здесь нужен… – вспоминает Лигачев.

…Утром следующего дня я уже был в ЦК, в кабинете Зимянина. Мы писали некролог о Юрии Владимировиче… Когда написали „выдающийся партийный и государственный деятель“, кто-то из присутствующих засомневался:

– Не слишком ли мы преувеличиваем роль Андропова? Генсеком-то он работал совсем немного времени, всего лишь год с небольшим.

Но я возразил: „Дело не во времени, не в сроках, а в тенденции развития и в результатах!“

У В. И. Ленина есть интересная мысль о том, что

исторические заслуги судятся не по тому, чего дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками» (Е. К. Лигачев. «Предостережение». М. 1999, с. 62).

Это верно. «Наместник» Андропова К. У. Черненко за год и месяц своего пребывания на посту Генерального секретаря ЦК КПСС вообще не оставил следа. Но и при нем роль Горбачева продолжала возрастать. Горбачев и сам это отлично понимал, оказавшись в кабинете второго Секретаря ЦК и, насколько было возможно, старался в связке с Н. И. Рыжковым и Е. К. Лигачевым работать над теми вопросами, которые были начаты при Юрии Владимировиче Андропове, но, к сожалению, остались незавершенными…

Между тем, «маховик дела», запущенный фантастическими способностями и титаническими усилиями Лигачева за два года (при двух Генеральных секретарях), работал в «заданном направлении» – в пользу Горбачева, который уже давно уверовал в свое предназначение и которое, увы! оправдалось без сбоев… «Связка» Горбачев – Лигачев сработала, дала свои, желанные для обоих результаты.

Не я придумал этот термин.

Он из откровений, опять же, Лигачева. Именно этим словом назвал он одну из глав своей книги. Так что здесь, как говорится, «ни убавить, ни прибавить»…

А теперь обратимся к свидетельству еще одного в то время, тоже ближайшего соратника Горбачева – Николая Ивановича Рыжкова, к его оценке Е. К. Лигачева:

«Человек феноменально активный, жесткий, обладающий целеустремленностью, он стал незаменимым соратником и помощником исподволь выраставшего Горбачева. Честно говоря, я иногда удивлялся этой его напористости, которая оказалась чрезвычайно важной для становления и укрепления горбачевской команды.

Ведая оргпартработой, то есть подбором кадров партии, Лигачев постепенно менял руководителей областных и краевых партийных организаций…

Так постепенно создавалась в стране надежная опора Горбачева, его команда не только в Центре, но и на местах. И потому победа Горбачева не стала спонтанной. Это была четко подготовленная акция, которая имела две мощные опоры.

Во-первых, уже весьма значительное влияние новых партийных кадров в краях и областях. Достаточно сказать, что, начиная с 1983 года, было заменено около 90 процентов

секретарей обкомов и ЦК компартий союзных республик. И это учитывала здравомыслящая часть состарившейся брежневской „гвардии“.

Во-вторых, вера в ожидаемые экономические реформы, понимание необходимости перехода к современному хозяйственному мышлению; невозможность вернуть экономику на старые, заезженные рельсы. Все это явилось естественным следствием разрабатываемой в последние годы новой экономической политики, напрямую связываемой с тройкой Андропов-Горбачев-Рыжков. Так что никаких неожиданностей…

Это была, считай, важная личная победа Е. К. Лигачева, заранее обговорившего все варианты едва ли не со всеми, кому предстояло поднять руку „за“ или „против“ нового лидера». (Н. И. Рыжков. «Десять лет великих потрясений». М. 1996. с. 72, 74, 75).

Да и сам Лигачев, вспоминая время избрания Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС, не скрывал своих тревог и переживаний: «Как и многие другие люди, причастные к событиям в верхнем эшелоне власти, я понимал, что в тот день решалась судьба партии и страны, ибо она напрямую зависела от того, кто будет избран Генеральным секретарем ЦК КПСС, а возможные кандидатуры на этот пост были слишком полярными.

До Пленума оставалось пять часов… В моей приемной накапливалось все больше членов ЦК, прибывших на Пленум. Я считал важным, более того необходимым, обязательным, поговорить с каждым, кто пришел ко мне.

Приглашал по одному. Сразу же следовал вопрос:

– Егор Кузьмич, кого будем выбирать?

Я задавал встречный:

– А как вы думаете? На ваш взгляд, кого следовало бы избрать?

Секретари обкомов называли Горбачева». (Е. К. Лигачев. «Предостережение». М. 1999, с. 104).

Но оставалась тревога: как поведут себя те члены Политбюро, для которых кандидатура Горбачева была неприемлемой. Напряжение снял звонок А. А. Громыко Лигачеву утром 11 марта 1985 года, в день Пленума ЦК КПСС.

Вот как описывает разговор с ним сам Лигачев:

«Егор Кузьмич, это Громыко.

Разумеется, я ни на миг не сомневался в том, что звонок связан с сегодняшним Пленумом ЦК КПСС, с вопросом об избрании нового Генерального секретаря. И действительно, Андрей Андреевич, не тратя попусту времени, сразу перешел к делу:

– Егор Кузьмич, кого будем выбирать Генеральным секретарем?

Я понимал, что, задавая мне этот прямой вопрос, Громыко твердо знает, какой получит ответ; и не ошибся.

– Да, Андрей Андреевич, вопрос непростой, – ответил я… – Думаю, надо избирать Горбачева. У вас, конечно, есть свое мнение. Но раз вы меня спрашиваете, то у меня вот такие соображения. – Потом добавил: „Знаю, что такое настроение у многих первых секретарей обкомов, членов ЦК“.

Это была сущая правда. Я знал настроения многих первых секретарей и счел нужным проинформировать Андрея Андреевича. Громыко проявил к моей информации большой интерес, откликнулся на нее:

– Я тоже думаю о Горбачеве. По-моему, это самая подходящая фигура, перспективная.

Андрей Андреевич как бы размышлял вслух и вдруг сказал:

– А как вы считаете, кто бы мог внести предложение, выдвинуть его кандидатуру?

Это был истинно дипломатический стиль наводящих вопросов с заранее и наверняка известными ответами. Громыко не ошибся и на этот раз.

– Было бы очень хорошо, Андрей Андреевич, если бы это сделали вы, – сказал я.

– Вы так считаете? – Громыко все еще раздумывал.

– Да, это было бы лучше всего…

В конце разговора, когда позиция Громыко обозначилась окончательно, он сказал: „Я, пожалуй, готов внести предложение о Горбачеве. Вы только, Егор Кузьмич, помогите мне получше подготовится к выступлению, пришлите, пожалуйста, более подробные биографические данные на Горбачева“». (Е. К. Лигачев, там же, с. 102).

Звонок Громыко имел огромное значение. К мнению Андрея Андреевича в Политбюро прислушивались, и то обстоятельство, что он принял сторону Горбачева, в решающей степени предопределило исход выборов Генерального секретаря.

Именно такую трактовку поступка Громыко давали в своих воспоминаниях все, кто касался этого факта. И я тоже…

Но вот уже в XXI веке по телевидению прозвучало выступление сына А. А. Громыко, академика РАН. Оно прояснило дополнительные мотивы внесения им предложения об избрании Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС и на Политбюро, и на Пленуме ЦК.

Сын рассказал, что он причастен косвенно к этому. В канун Пленума ЦК КПСС к нему обратились ученые Академии наук

СССР с просьбой высказать отцу пожелания, чтобы Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран именно Горбачев. При этом они ссылались на Яковлева, который просил их об этом, считая, что судьба страны, ее оздоровление и дальнейшее успешное развитие возможны только в случае избрания Генеральным секретарем ЦК Горбачева. Я рассказал об этой просьбе моих коллег-ученых отцу. Поразмыслив над этим, он решил позвонить Лигачеву, прозондировать складывающуюся ситуацию и высказать свое согласие на избрание Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Своим выступлением на Политбюро и на Пленуме ЦК А. А. Громыко предопределил избрание Горбачева. И Политбюро и Пленум ЦК единогласно проголосовали за его предложение…

Понимаю, что это «дополнение» – не в пользу Громыко, но «истина дороже», тем более для истории…

Я осознанно освещаю вопрос об избрании Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС и его деятельности по воспоминаниям Н. И. Рыжкова и Е. К. Лигачева.

Во-первых, оба они приглашены на работу в ЦК КПСС и поставлены на ответственнейшие посты Ю. В. Андроповым; были активнейшими сторонниками намеченного им стратегического курса по преодолению накопившихся трудностей и назревших проблем в развитии советской страны и в совершенствовании социализма. Им были поручены ключевые вопросы в ЦК КПСС: Н. И. Рыжкову – социально-экономический блок, а Е. К. Лигачеву – кадровая политика.

После безвременной кончины В. Ю. Андропова они продолжали настойчиво бороться за претворение в жизнь его начинаний.

Во-вторых, в самом начале своей генсековской деятельности Горбачев поставил их на главенствующие должности в партии и в государстве. В апреле 1985 года Пленум ЦК КПСС избрал их членами Политбюро ЦК КПСС, минуя ступень кандидатства. В том же году Н. И. Рыжков был назначен Председателем Совета Министров СССР, а Е. К. Лигачев избран вторым Секретарем ЦК.

И, наконец, на мартовском Пленуме ЦК 1985 года, избравшем Горбачева Генеральным секретарем, он в своей «тронной» речи твердо заявил о преемственности того курса, который был намечен и начат Ю. В. Андроповым. Он сказал об ускорении социально-экономического развития страны, о совершенствовании системы экономических отношений и управления народным хозяйством, о научно-техническом прогрессе, о развитии демократии, о повышении роли Советов.

«Короткой была речь, – отмечает Рыжков, – но емкой. –

Сумеречное время закончилось». (Н. И. Рыжков. Там же, стр. 76).

Восторженно пишет Н. И. Рыжков и о первом горбачевском заседании Политбюро: «Он вел его по-хозяйски, весомо говорил о самых первостепенных для страны задачах. А ими в этот момент были: финиш одиннадцатой пятилетки и планы следующей; необходимость подготовки к очередному съезду партии Программы и Устава КПСС в новой редакции, а также основных направлений развития экономики страны в наступающей 12-й пятилетке и до конца века…

Всё шло так, как и намечалось. Тогда я уверен был: впереди – огромная, плодотворная работа, а главное, – с единомышленниками…

Сам приход Горбачева к руководству партией, а в то время это значило – и страной, – уже был символом перемен, зарождались надежды на них, на преобразование жизни общества»… (Н. И. Рыжков. Там же).

…Но не у всех. Примерно неделю спустя после избрания Горбачева генсеком, я поехал в Белореченск навестить родителей супруги. Буквально у калитки, при входе во двор, меня встретила её мама (моя теща) Ульяна Гавриловна. Не успев поздороваться, тяжело вздохнув, сказала: «Ой, сынок, что же вы, коммунисты, наделали? Не верите в Бога – это ваше дело. Но все, кто читает священные книги, говорят: „Наступит такое время, когда у власти окажется Мишка меченый и погубит страну и жизнь“. Бог шельму метит. Надо бы вам прислушаться к этому. Иначе придет погибель, от которой никто не спасется…»

Я слегка улыбнулся, но ответил деликатно: «Учтем. Постараемся не допустить беды».

Ульяна Гавриловна поклонилась мне и тихо сказала: «Спасибо, сынок»…

На второй день я уже был в Туапсе. И там повторилось всё один к одному. У калитки меня встретила моя мама со словами: «Ты только, сынок, не смейся над тем, что я скажу. Сама бы я не посмела тебе об этом говорить. Но куда ни пойду, – слышу от старых людей, читавших Библию и Евангелие, одно и то же: „Не верят коммунисты в Бога, – пусть не верят. Но хотя бы на этот раз подумали, какую страшную ошибку они допустили. О себе не думают, так хотя бы о народе подумали“».

– О чем это Вы, мама?

– О том, сынок, что «Бог шельму метит». Вы избрали «Мишку меченого» своим вождем или как он у вас называется по должности. А в священном писании сказано: «Придет к власти Мишка меченый, и все погибнем…»

Я слушал маму молча. А потом, чтобы успокоить её, сказал:

«Вчера мне об этом теща говорила. И Вы – о том же… Постараемся, чтобы наш „меченый Мишка“ не натворил бед»…

…Я сызмальства убежденный атеист и понятно отнесся с иронией к этим предупреждениям мамы и тещи. Но после еще много раз слышал от разных людей: «Бог шельму метит».

Когда пришла страшная беда в нашу страну, очень часто вспоминал эти материнские слова, сказанные ею с мольбой в глазах: «Смотрите, сынок, чтобы не нагрянула на всех нас погибель».

И сейчас думаю: откуда это поверье ходит в миру? Относится ли оно напрямую к губителю нашей страны – к «меченому Мишке Горбачеву»?

Вернемся, однако, к первым дням горбачевского времени.

Н. И. Рыжков справедливо пишет:

«Старая истина: короля играет свита… Горбачев же играл себя сам. И делал это вкусно, обильно и до поры с достаточным тактом. Это потом, позже, он начнет повторяться, заученно произносить одни и те же слова-заклинания, порой, не умея даже завершить начатой мысли и вызывая недоумение, недоверие все еще ожидавших чуда слушателей. Но это будет еще не скоро, а в марте 1985 года он ощущал себя счастливым и вдохновенным избранником судьбы». (Н. И. Рыжков. «Десять лет великих потрясений». М, 1996, с. 77).

В первые дни и месяцы пребывания Горбачева на посту генсека развитие событий не вызывало никаких тревог.

11-12 июня 1985 года состоялось Всесоюзное совещание по вопросу ускорения темпов научно-технического прогресса. Его решено было провести вместо Пленума ЦК КПСС, который почти два десятилетия откладывался. На совещании прозвучало много откровенных, интересных, содержательных и критических суждений; были внесены ценные предложения.

Совещание определило: где, на каком уровне находится страна; выработало основные направления научно-технического прогресса и обозначило его главные звенья, – в первую очередь, всемерное развитие машиностроительного комплекса; высказалось за безотлагательное обновление основных производственных фондов и реконструкцию заводов. Речь шла о том, чтобы на основе новой технологической базы обеспечить ускорение экономического роста и решение социальных проблем.

Реализация этих задач позволяла ликвидировать отставание нашей страны в научно-технологическом и научно-техническом перевооружении от других развитых стран. Оно во многом объяснялось долгой и неоправданной затяжкой с рассмотрением

этой важной проблемы советским и партийным руководством.

Председатель Совета Министров РСФСР В. И. Воротников в своем выступлении на совещании поставил вопрос о необходимости корректировки научно-технической и инвестиционной политики с учетом изменения территориальной структуры распределения производительных сил, а также о рациональном формировании территориально-производственных комплексов с учетом специфики регионов.

«Мы на две трети – азиатская страна. Надо повернуть на Восток, – подчеркнул он. – Необходимо создать отделения Академии наук СССР по типу Сибирского на Дальнем Востоке, а также на Урале». (В. И. Воротников. «А было это так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 84–85).

Замечу, что эти отделения Академии наук СССР были вскоре созданы.

20 июня 1985 года Политбюро ЦК КПСС обсудило итоги совещания. На нем выступили практически все члены Политбюро и Секретари ЦК. Они высказали удовлетворение самим совещанием, его итогами, а также оптимистическим настроением его участников.

«Теперь главное – практические шаги. Они „стоят дюжины решений“». Эти слова В. И. Ленина напомнил в своем выступлении на заседании Политбюро Е. К. Лигачев.

Политбюро высказалось за то, чтобы все важные идеи, прозвучавшие на совещании, были заложены в план социально-экономического развития СССР на двенадцатую пятилетку и на период до 2000 года.

На следующих заседаниях Политбюро обсуждались вопросы предстоящего XXVII съезда КПСС – проекты новой редакции Программы КПСС, изменения в Уставе КПСС, основные направления экономического и социального развития СССР в двенадцатой пятилетке (1986–1990) и на период до 2000 года; а также вопросы внешней политики.

Абсолютно верная стратегия успешного социально-экономического развития, учитывающая особенности нового этапа научно-технического прогресса, а вместе с нею и ключевые интересы страны, были погублены политическими амбициями, политическим словоблудием об ускорении всеобъемлющей перестройки, которыми упивались «архитекторы» и «прорабы» перестройки.

Но всё это будет позже. А пока всё шло в нужном направлении.

На заседании Политического Консультативного комитета и встрече руководителей социалистических стран в Софии,

проходившем после трехлетнего перерыва, состоялся очень важный и откровенный разговор. Его участники возмущались формой и существом «крымских встреч» с Брежневым, считали, что они были односторонними, не имели «обратной связи». Отсутствие в последние годы необходимых контактов и обмена мнениями привело к осложнению ситуации в ряде стран в проведении внутренней и внешней политики; некоторые социалистические страны «занесло», и это отрицательно сказалось на их положении.

Особенно глубоко «завязли» Венгрия и Польша. Общий вывод: без СССР, без КПСС дело не пойдет, в одиночку социалистическим странам назревших проблем не решить. Отсутствие прочных экономических связей и помощи СССР толкало их «в объятия Запада», вынуждало идти на политические уступки.

В этой связи ЦК КПСС принял принципиально правильное решение: всесторонне расширять политические, экономические, идеологические контакты с социалистическими странами.

Было обращено внимание на сохранение и расширение сотрудничества СССР с развивающимися странами, на необходимость поиска путей улучшения отношений с КНР, чтобы она не отделяла себя от социалистического лагеря.

Поскольку в 1985 году не произошло коренных изменений в отношениях с США и сохранилось военное противостояние, следовало крепко держать в руках оборонные дела. Это для нас «святая святых»…

Я разделяю оценки В. И. Воротниковым тогдашнего проводимого курса КПСС и Советского Союза в области внешней и внутренней политики: слова и решения были правильные, обнадеживающие. Что же касается практических действий, то в одних случаях их вообще не было, а в других – они были непоследовательными, противоречивыми, расходящимися с правильными словами.

К накопившимся в брежневское время проблемам в этой области добавились новые, возникшие уже в послеандроповские годы. Их следовало безотлагательно и ответственно решать. Но из-за непоследовательной политики Горбачева дальше слов, призывов и принимаемых решений дело не пошло.

Это не могло не беспокоить ближайших соратников Горбачева, причастных к его избранию Генеральным секретарем ЦК.

Были ли у них тревоги в начале горбачевской деятельности?

Да, были. Были и попытки по-товарищески сказать ему об этом. Вот что пишет на этот счет Н. И. Рыжков:

«Горбачев… не мог ждать, когда созреет народное признание, когда его имя войдет в историю. Ему нужен был авторитет сегодня, сейчас, немедленно…

В один из дней после окончания заседания секретариата ЦК, которое проводил Лигачев, он, я и Лукьянов, который в то время был заведующим Общим отделом ЦК, влиятельным человеком в аппарате ЦК, невольно вышли на вопрос о бесконечных поездках генсека по стране. Для нас уже было ясно, что слишком частые поездки и выступления начинают девальвироваться, обесцениваться. Уже достаточно много наговорено, число розданных обещаний подошло к критическому, когда, взятые вместе, они становятся невыполнимыми. Надо было переварить уже намеченное, и создать условия для его реализации.

Свое мнение мы решили высказать генсеку после его очередной поездки и поговорить с ним. Через несколько дней, во вполне уважительной форме мы высказали ему свои соображения. Реакция была бурной:

– Вы не понимаете, что время требует немедленных перемен! Об этом надо говорить постоянно. Я не приемлю ваши сомнения!

Мы поняли, что уже наступило опьянение властью…» (Н. И. Рыжков. «Десять лет великих потрясений». М. 1996, с. 90–91).

Казалось, что 1985 год прошел под знаком «плюс». Но впоследствии окажется, что уже в том, первом своем генсековском году Горбачев осознанно сделал шаги, впоследствии сыгравшие роковую роль в судьбе КПСС и страны.

По его настоянию, июльский Пленум ЦК КПСС 1985 года избрал Э. Шеварднадзе членом Политбюро, а Ельцина – Секретарем ЦК КПСС. Этот же Пленум вывел из состава Политбюро и освободил от обязанностей секретаря ЦК Г. В. Романова, всего два года как избранного на этот пост по инициативе Ю. В. Андропова.

В. И. Воротников справедливо записал в своем дневнике:

«Думаю, что находиться им двоим (с Горбачевым) сложно, не ужиться. Это был первый шаг Горбачева по „расчистке“ состава Политбюро и первая наша уступка молодому Генеральному секретарю ЦК КПСС». (В. И. Воротников. «А было это так…». Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с.83).

Тогда же, в июле 1985 года, Эдуард Шеварднадзе стал министром иностранным дел СССР. Он заменил на этом посту Андрея Андреевича Громыко, который находился в данной должности несколько десятилетий.

Теперь, по предложению Горбачева, он оставил её, получив, вроде повышения, вроде благодарности за поддержку пост

Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

«По сути, – писал Н. И. Рыжков, – это была почетная отставка, отход от реального дела…». (Н. И. Рыжков, там же, с. 105).

Замечу сразу, что «повышение» или «благодарность» носили временный характер. Спустя три года эту «награду» Горбачев отобрал у Громыко для себя, объясняя важностью для дела «совмещение» в его руках высших должностей в партии и в государстве.

Такая практика уже была при Брежневе. Полномочия члена Президиума Верховного Совета СССР не удовлетворяли его при решении важных международных вопросов. И он прибрал к своим рукам должность руководителя высшего законодательного органа страны, убрав с этого поста своего прежнего друга и соратника Н. В. Подгорного.

Так же поступил теперь и Горбачев со своим «крестным отцом».

А. А. Громыко, оставшись без должности, был отправлен на «заслуженный отдых». Должен сказать, что Андрей Андреевич очень скоро разочаровался в Горбачеве. Потому, не желая иметь дела с ним, без колебаний подписал присланное ему, напечатанное под копирку заявление с просьбой вывести из членов ЦК КПСС по состоянию здоровья и невозможностью в силу этого активно участвовать в работе высшего партийного органа.

…В год столетия А. А. Громыко его внук Алексей опубликовал воспоминания о своем знаменитом деде:

«Он поддержал перестройку всем сердцем. Однако через некоторое время наступило разочарование… И он сказал о Горбачеве: „Не по Сеньке шапка государева…“

Замечу от себя: „Не только не по Сеньке“, но и не по адресу, по непростительной ошибке его ближайшего окружения, досталась она ему. И никто не снял ее, пока он не лишился „должности государевой“. Своей ренегат-предательской деятельностью погубил и партию, взрастившую его, и великую, могущественную советскую державу.

…Самое время сказать об Эдуарде Шеварднадзе. В качестве первого секретаря Компартии Грузии он был избран членом ЦК, в 1978 году стал кандидатом в члены Политбюро.

По предложению Горбачева Шеварднадзе был избран членом Политбюро ЦК и назначен на пост министра иностранных дел СССР.

Горбачев, возвышая Шеварднадзе, делал это с умыслом. Он увидел в нем единомышленника в проведении предательской политики по разложению и разрушению КПСС, свертыванию

социалистического строительства.

С этой же целью Горбачев в самом начале своей генсековской деятельности вернул А. Н. Яковлева из Канады, где тот многие годы работал Послом СССР, в ЦК КПСС. Очень скоро он стал его ближайшим соратником и советником.

А. Н. Яковлев являлся одним из опытнейших аппаратчиков ЦК КПСС в идеологическом Отделе, куда пришел в середине 50-х годов на должность инструктора. С 1957 по 1972 был и.о. заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК. Потом партийная карьера его прервалась более чем на десятилетие. Повод для этого он создал сам, уверенный в своей вседозволенности и непогрешимости.

В 1972 году в „Литературной газете“ была опубликована его статья „Об антиисторизме“. В ней он выступал против возрождения русского национального самосознания, считая идейно вредным издание в СССР „Истории Государства Российского“ Карамзина, обвинял крестьянство в патриархальщине и т. д.

Как вспоминает Е. К. Лигачев, „та статья Яковлева вызвала недовольство Шолохова, он пожаловался Суслову. В результате Яковлева отстранили от руководства Отделом агитации и пропаганды ЦК и в „виде наказания“ отправили послом в Канаду“ (Е. К. Лигачев. „Кто предал СССР?“ М. 2010. с. 101–102).

Известно еще, что, помимо десятилетнего пребывания в Канаде, А. Н. Яковлев после учебы в Академии общественных наук при ЦК КПСС имел годичную стажировку в Колумбийском университете в США. Это наводит на грустные мысли: не стал ли он вследствие длительного пребывания в западном мире „агентом влияния“ и не повлияло ли это на его идеологию и психологию, на предательство своей партии и разрушение Советского Союза.

В июле 1985 года Михаил Сергеевич предложил кандидатуру Яковлева на пост заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС. Через несколько месяцев он был избран Секретарем ЦК и начал заниматься вопросами идеологии, а несколько позже – международными делами.

„Я курировал идеологию как член Политбюро, – пишет Е. К. Лигачев. – Однако вскоре установилось некое негласное разделение обязанностей: в мою сферу входили вопросы культуры, науки, народного образования, а Яковлев сосредоточился преимущественно на работе со средствами массовой информации. Это произошло как-то само собой, но, разумеется, при согласии Генерального секретаря.

Главная особенность такого распределения обязанностей заключалась в том, что именно Яковлев возглавил процесс

замены главных редакторов газет и журналов…

Увы… я и не подозревал тогда, что речь действительно шла о захвате средств массовой информации.

…Яковлев хорошо знал идеологические кадры. При чем не только знал деловые качества работников, но и хорошо разбирался в этих людях. Кроме того, с некоторыми у него существовали давние дружеские отношения…

Мог ли я в те месяцы предположить, что на самом деле Александр Николаевич формирует свою „радикальную команду“ средств массовой информации, которой будет отведена особая роль в грядущих событиях?.. Рассказываю об этом к тому, что примерно с 1987 года я почувствовал: Горбачев всё больше начинает окружать себя людьми, которые в личном плане замыкаются на Яковлеве“. (Е. Лигачев. „Кто предал СССР?“ М. 2010, с. 89–90, 93).

Я совершенно правомерно и осмысленно рассказываю здесь о двух новых ближайших соратниках-единомышленниках Горбачева, игравших главенствующую роль в его новой „радикальной команде“.

Горбачев, став Генеральным секретарем, готовясь к новому, откровенно преступному этапу своей деятельности, к смене политического курса, хорошо знал коммунистическую убежденность и непоколебимую приверженность социализму Н. И. Рыжкова и Е. К. Лигачева и не мог больше рассчитывать на их участие в его преступной, разрушительной деятельности. Горбачев приступил к формированию новой команды из людей, которые станут верными единомышленниками и соучастниками в осуществлении его кощунственных замыслов.

Впоследствии он сам откровенно расскажет об этом.

В 1999 году, выступая с речью на семинаре в Американском университете в Турции, Горбачев, по сообщению словацкой газеты „Заря“ (№ 24 за 1999 год») говорил буквально следующее:

«Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма, невыносимой диктатуры над людьми.

Меня полностью поддержала моя жена, которая поняла необходимость этого даже раньше, чем я. Именно для достижения этой цели я использовал своё положение в партии и стране. Именно поэтому моя жена всё время подталкивала к тому, чтобы я последовательно занимал всё более и более высокое положение в стране. Когда же я лично познакомился с Западом, я понял, что не могу отступить от поставленной цели. А для её достижения я должен был заменить всё руководство КПСС и СССР, а также руководство во всех социалистических странах. Моим идеалом в то время

был путь социал-демократических стран… Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимают А. Н. Яковлев и Э. А. Шеварднадзе, заслуги которых в нашем общем деле просто неоценимы…

Когда Ельцин разрушил СССР, я покинул Кремль, и некоторые журналисты высказывали предположение, что я буду при этом плакать. Но я не плакал, ибо я покончил с коммунизмом в Европе. Но с ним нужно также покончить и в Азии, ибо он является основным препятствием на пути достижения человечеством идеалов всеобщего мира и согласия…» (Цитирую по газете «Правда России», № 28 (259), 26 июля – 1 августа 2000 года).

К этому нечего добавить. Спустя более десяти лет, после учиненной катастрофы для КПСС и советской страны, ренегат-предатель обнажил себя догола. Осталось только вынести приговор. Убежден, что история воздаст Горбачеву по заслугам. Предателей история никогда не жаловала и не щадила.

Обратимся к мнению о Горбачеве тогдашнего его ближайшего соратника Н. И. Рыжкова:

«Надо отдать должное Горбачеву: он всегда окружал себя теми людьми, которые были ему необходимы именно в данный отрезок времени. Тогда, в полном надежд 85-м, ему требовались думающие, не страшащиеся перемен.

Но одновременно в этом человеке жило дьявольское свойство предавать. Это свойство, на мой взгляд, является органической частью его натуры. Он предавал не только идеалы, во имя которых мы пошли за ним, верили ему, кстати, как и весь народ в то время, но он по-иезуитски предавал своих соратников. Наступал час – и он выбрасывал их, как отработанный материл.

Все соратники „раннего“ Горбачева через несколько лет один за другим были устранены им с партийной или государственной арены. Все они уходили с различными политическими ярлыками. Благо в его ближайшем окружении были люди, умеющие их навешивать. Генсеку же продлялось историческое время – как оказалось, для ликвидации партии, разрушения страны и для устранения деятелей, противостоящих таким целям и действиям». (Н. И. Рыжков. «Десять лет великих потрясений». М. 1996, с. 77).

В самый раз сказать здесь еще об одной «знаковой» (а вернее, роковой) «находке» Горбачева, – о выдвижении на «видное место» Ельцина. Эта акция была осуществлена при активном участии Е. К. Лигачева. Впоследствии Егор Кузьмич называет эту «инициативу» «своей самой главной ошибкой». Будет признавать и каяться. Но публично свое негодование по поводу начавшихся политических «завихрений» Ельцина ограничит одной звонкой и в

равной мере наивной панибратской репликой: «Борис, ты не прав!» – Словно речь шла о каком-то «пустячке»… – неверном пассе на футбольном поле. Неужели Егор Кузьмич полагал, что этой фразой можно образумить уже «закусившего удила» Ельцина?

О том, как происходило «вознесение» Ельцина, рассказывает Н. И. Рыжков:

«…Как ни парадоксально, но первую скрипку здесь сыграл Лигачев. Именно он настоял на переходе в Москву своего будущего злейшего и непримиримого врага. Став секретарем ЦК и занимаясь партийными кадрами, Лигачев посетил Свердловск. Ему очень понравился энергичный секретарь обкома КПСС, и по приезде он настойчиво, со свойственной ему напористостью начал убеждать, что именно такой тип руководителей необходим для перестройки. Безусловно, он убедил в первую очередь Черненко и Горбачева. Со мной, да и с другими секретарями ЦК, по этому поводу никто не советовался. Я часто задаю себе вопрос, почему так произошло? Почему именно Егор Кузьмич стал инициатором перевода Ельцина в Москву и сумел вывести его на всесоюзную орбиту? Думаю, потому, что в их характерах много общих черт. И, как одноименные заряды, они обязаны были рано или поздно оттолкнуться друг от друга. Так оно и произошло.

После любых общественных потрясений и государственных катаклизмов мы часто спрашиваем себя и других, а что было бы, если бы… Был бы период так называемого застоя, если бы Брежнев ушел в 75-м, и была бы перестройка, о которой сейчас идет речь, если бы не Горбачев встал во главе партии? Что было бы с Советским Союзом, если бы Ельцин остался на Урале? О роли личности в истории написано немало теоретических трудов, начиная с древних философов. Об этом писали и основатели марксизма, народники, великое множество известных и безвестных авторов. По-моему, последние полтора-два десятка лет нашей истории дали более чем выразительный материал для анализа и новых выводов философам и социологам…

Но возвратимся в 85 год. Как-то поздним вечером раздался звонок прямого телефона Генсека (я еще работал в ЦК). Он попросил срочно зайти к нему, и через несколько минут я был уже у него. По кабинету ходили, что-то обсуждая, Горбачев и Лигачев. По первым же фразам я понял, что речь идет о смене Гришина.

– Ты ведь знаешь, что настало время укрепить руководство столицы. Мы с Егором сейчас обсуждаем возможную кандидатуру

на пост первого секретаря Московского городского комитета. Хотели бы посоветоваться с тобой, – начал Горбачев.

– Я надеюсь, что у вас есть уже предложения?

– Да. Нам нужен туда крепкий и боевой товарищ. Наше мнение с Егором Кузьмичом, что это должен быть Ельцин. Ты его знаешь, твое мнение?

Откровенно говоря, до того я не очень задумывался над этим кадровым вопросом – у меня своих, экономических забот хватало. Но на такое предложение я не мог прореагировать положительно. Оно было для меня не только совершенно неожиданным, но и непонятным, удивило и поразило меня.

– Да, я знаю Бориса Николаевича и считаю, что он абсолютно не годится для этой роли. Не забудьте, что речь идет об огромной столичной организации, где сосредоточена масса заводских рабочих и основная научная и творческая элита страны. Здесь должен быть умный, гибкий, интеллигентный руководитель. Ельцин же человек другого склада: хотя он и строитель, но по своей натуре – разрушитель. Наломает дров, вот увидите! Ему противопоказана большая власть. Вы сделали уже одну ошибку, переведя его из Свердловска в Москву, в ЦК, не делайте еще одну, роковую.

Мои доводы не были восприняты. Решение ими было уже принято. И мне оставалось только сказать:

– Я вас не убедил, и вы пожалеете об этом. Когда-то будете локти кусать, но будет уже поздно!

Так и разошлись. Каждая сторона при своем мнении…» (Н. И. Рыжков. «Десять лет великих потрясений». М. 1996, с. 137, 138, 139).

Однако разговор об этом еще впереди. Сейчас же я могу только сказать, что все названные здесь факты говорят о том, что Горбачев уже в 1985 году ориентировался на одному ему (возможно еще Яковлеву) известную перспективу проводимого им курса.

Это верно. Но станет понятным только впоследствии. Пока же всё шло в нужном направлении.

Летом 1986 года состоялся XXVII съезд КПСС. Готовились к нему весьма ответственно. Предстояло принять в новой редакции Устав и Программу КПСС, проекты которых широко обсуждались в партии и в целом в стране. Многих откровенно радовало и окрыляло содержание проектов этих главных партийных документов. Всё то, что было «наворочено» в хрущевские и брежневские годы, было основательно исправлено.

В преамбуле новой редакции Программы КПСС говорилось:

«Идя непроторенными путями, преодолевая неимоверные трудности, проявляя невиданный героизм, советский народ под руководством Коммунистической партии претворил в жизнь разработанный В. И. Лениным план социалистического строительства. Социализм в нашей стране стал реальностью. (Материалы XXVII съезда КПСС. М. Политиздат. 1986, с. 122).

Программа, принятая съездом, характеризовалась как программа всестороннего совершенствования социализма, дальнейшего продвижения советского общества к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития страны.

Ряд принципиальных положений был внесен и в новую редакцию Устава КПСС.

Ни хрущевское волюнтаристское заявление о том, что „наше поколение будет жить при коммунизме“, ни брежневская оценка тогдашнего состояния советского общества, как „развитого социализма“, в новой редакции программы и Устава КПСС даже не упоминались.

Важнейшим вопросом съезда был социально-экономический вопрос. Он назывался „Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года“. Идея ускорения социально-экономического развития оставалась коренной. Основательно проработанным был, прежде всего, план двенадцатой пятилетки, которая должна была стать фундаментом для последующего успешного развития советской страны в последнее десятилетие XX века.

Трудно не согласиться с оценками международного положения и международной политики СССР, содержащимися в документах XXVII съезда КПСС: „Метрополия империализма – это США. Оттуда идет поток одурманивающей информации. Капитализм – уродливое чудовище двадцатого века. США пытаются, и не безуспешно, подчинить союзников своему диктату. Характерной особенностью времени является экономический монополизм. Он развивается за счет эксплуатации природных ресурсов и дешевой рабочей силы развивающихся стран. Вот где лежит ответ на утверждение, что „рука Москвы“ виновата в социальных и политических взрывах в этих странах…

Международная политика СССР носит открытый, честный, ленинский характер. Тому свидетельство – последние мирные, конструктивные инициативы Советского Союза. Вашингтонская администрация остается глухой к призывам разума“.

В состав ЦК КПСС, избранный XXVII съездом КПСС, вошли в большинстве своем те, кто отчетливо понимал непростую ситуацию в стране, знал накопленные трудности и проблемы и

готов был активно включиться в борьбу за их преодоление, создание условий для дальнейшего успешного развития и совершенствования социализма.

XXVII съезд определил пути дальнейшего движения нашей страны на основе совершенствования всех сторон ее развития.

Столь же справедливы были и высокие оценки самого XXVII съезда партии: „Съезд оправдал ожидание партии и народа. Подтвердились слова Ленина, что самая верная политика – принципиальная… Съезд раскрыл потенциал социализма. Теперь – реализация решений… Браться за планы 1986 года и пятилетки в целом. Если проиграем пятилетку, то проиграем борьбу за социализм, за умы людей, за авторитет партии, страны“.

Под впечатлением решений XXVII съезда КПСС Н. И. Рыжков впоследствии напишет:

„Партия – это многие миллионы людей, пришедших в неё с высокими помыслами, с чистыми руками, с горячим желанием сделать всё возможное для счастья народа, для расцвета Родины“. (Н. И. Рыжков. „Десять лет великих потрясений“. М. 1996, с. 123).

Находясь каждодневно в народной гуще, встречаясь в самых различных аудиториях с людьми разных возрастов и профессий, рассказывая им о накопившихся проблемах и путях их решения, определенных XXVII съездом, я чувствовал хорошее настроение и готовность советских людей активно включиться в осуществление сложных, но чрезвычайно важных задач, стоящих перед страной.

Основательно изучив документы XXVII съезда КПСС, я с радостью откликнулся на просьбу крайкома КПСС и краевой организации Общества „Знание“ и подготовил три брошюры – научно методические материалы в помощь лекторам и пропагандистам, партийно-хозяйственному активу края: об Уставе и Программе КПСС, а также о кадровой политике.

…Однако очень скоро окажется, что решениям съезда не суждено было обрести реальность. Об этом В. И. Воротников справедливо пишет:

„Идеи того съезда (по основным стратегическим направлениям) исправлялись, переиначивались, искажались, как в экономике, так и в политике. Как во внутренней политике, так и во внешней; в международных вопросах“.

По существу, если говорить прямо, то решения XXVII съезда КПСС вскоре были отброшены, а на вооружение взята прозападная буржуазно-демократическая идеология общественного развития.

Внешние и внутренние вдохновители и организаторы такой „перестройки“, воздействуя на общественное мнение, на

партию… сумели переломить исторически оправданный путь социалистического развития страны». (В. И. Воротников. «А было это так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 108).

Но в 1986 году, в советском обществе еще не вскипела антисоциалистическая, антикоммунистическая волна, а отдельные всплески недовольства безболезненно растворялись в благожелательной атмосфере. Это укрепляло надежду, что в партии и в стране достаточно сил для преодоления создавшихся трудностей и разрешения назревших проблем…

Трагедия планетарного масштаба

XXVII съезд КПСС закончился в начале марта 1986 года. А 26 апреля, в субботу, в один час двадцать три минуты ночи произошло страшное ЧП на Чернобыльской атомной электростанции: на четвертом блоке, в реакторе произошел мощный взрыв, после чего начался пожар.

Председателю Совета Министров СССР Н. И. Рыжкову рано утром сообщил об этом министр энергетики СССР Анатолий Майорец:

«Взрыв в реакторе – это было страшно. Пожар в реакторе – ещё страшнее, – со знанием дела пишет Н. И. Рыжков. – Ночной кодовый сигнал со станции гласил: „один, два, три, четыре“. Эти цифры означали все виды опасности: ядерную, радиационную, пожарную, взрывную. Последствия ближайшие и отдаленные предсказать было невозможно». (Н. И. Рыжков. «Десять лет великих потрясений». М. 1996. с. 163.)

В 11 часов утра того же дня Н. И. Рыжков подписал постановление Совета Министров СССР о создании правительственной комиссии, в состав которой вошли ученые – атомщики, реактивщики, химики, медики, другие специалисты. Возглавил её заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Бюро по топливно-энергетическому комплексу Борис Евдокимович Щербина. Его отыскали по телефону на газопромыслах в Оренбургской области. Передали распоряжение Н.И Рыжкова – срочно вылететь в Москву, где на Внуковском аэродроме его будут ждать члены комиссии, и сразу – в Чернобыль. В 16.00 того же трагического дня спецрейс ушел в Киев.

С комиссией улетел и крупнейший ученый-атомщик академик Валерий Алексеевич Легасов. Впоследствии он надиктует на магнитную пленку:

«…Мне тогда и в голову не приходило, что мы двигались навстречу событию планетарного масштаба, событию, которое, видимо, войдет навечно в историю человечества, как низвержение печально знаменитых вулканов, гибель Помпеи или что-нибудь близкое к этому». (Цитирую по книге Н. И. Рыжкова: «Десять лет великих потрясений». М. 1996. с 165).

Комиссия прибыла в Чернобыль около восьми вечера. Почти в полночь Щербина рассказал по телефону Н. И. Рыжкову о случившемся:

«Во время нештатного испытания турбоагрегатов на 4-м

блоке АЭС последовательно произошли два взрыва. Реакторное помещение разрушено. Несколько сот человек получили лучевой удар, двое погибли. Радиационная обстановка сложная и пока до конца неясная… Без военных не обойтись. Срочно нужны вертолеты, лучше тяжелые, нужны химические войска, и поскорей, поскорей…»

Комиссия обнаружила полностью деморализованное руководство станции и с этого часа всё управление взяла на себя. Нужны были железная воля и профессионализм…(Н. И. Рыжков. «Десять лет великих потрясений». М. 1996. с. 165.)

Глава Правительства тут же дозвонился до начальника Генерального Штаба Вооруженных сил СССР Сергея Федоровича Ахромеева.

«Я рад был, – пишет Н. И. Рыжков, – что именно он взял на себя организацию переброски требуемых воинских частей к АЭС. Мне нравились его педантичная честность, его немногословность, умение уходить от суеты и паники даже в самых трагических ситуациях. Делать то, что нужно в сию минуту, не размениваясь на пустяки… Не знаю, кому и какие приказы он отдавал, но уже к воскресному утру 27 апреля 1986 года – (прим. И.О.) в Чернобыле были и вертолетчики, и химики. В то же утро прилетел туда и командующий химическими войсками генерал В. К. Пикалов. Впоследствии за ликвидацию этой аварии он заслуженно получил звание Героя Советского Союза…

Мы с Сергеем Федоровичем Ахромеевым так и прошли вместе всю чернобыльскую эпопею… Как же несправедливо, что боевой маршал, битый-перебитый, всё знавший и всё понимавший, умный и честный человек, вынужден был в августе 1991 года так ужасно уйти из жизни, затравленный лжедемократами…» (Н. И. Рыжков. Там же, с. 166).

В Чернобыле Правительственная Комиссия, возглавляемая Щербиной, приняла решение: экстренно эвакуировать жителей Припяти, так как радиационный фон там превышал норму. И сразу же в ночь на 27 апреля больше тысячи автобусов отправились в Припять; туда же украинские железнодорожники пригнали три спецсостава. Эвакуация началась в воскресенье в 14.00; ровно через три часа (!) в Припяти не осталось никого. Сорок тысяч жителей, покинув свои дома, бросили хозяйство, добро, были вывезены в безопасные районы. Тем временем академик В. А. Легасов подобрался к реактору на бронетранспортере и лично убедился, что реактор «молчит», но продолжает гореть графит, а процесс этот очень долгий и опасный. Он же предложил способ тушения реактора: забрасывать свинцом с воздуха. «И один мой телефонный звонок, –

вспоминает Н. И. Рыжков, – заставил повернуть на Чернобыль все железнодорожные составы на дорогах всей страны, груженые свинцом. Сразу! И никто не посмел возражать…» (Рыжков. Там же, с. 167).

29 апреля решением Политбюро была создана Оперативная группа Политбюро, которую возглавил Н. И. Рыжков. Она взяла под контроль всю чрезвычайную ситуацию, опасную не только для Чернобыля. Экология всей европейской зоны страны оказалась под чрезвычайной угрозой.

Как справедливо замечает Н. И. Рыжков, «авторитет» Политбюро тогда, в начале 1986 года был еще непререкаемым. И что бы ни говорили сейчас о Политбюро, – это был коллективный орган. Решения его были обязательными для всех, для беспрекословного исполнения. Да. Такова истина…

Процитирую еще раз магнитофонный «дневник» академика В. А. Легасова:

«Я не знаю ни одного ни крупного, ни мелкого события, которое не было бы в поле зрения оперативной группы Политбюро. Должен сказать, что её заседания, её решения носили очень спокойный, сдержанный характер, с максимальным стремлением опереться на точку зрения специалистов, всячески сопоставляя точки зрения различных специалистов. Для меня это был образец правильно организованной работы… При этом в своих решениях оперативная группа стремилась всегда идти по пути максимальной защиты интересов людей». (Цитирую по книге Н. И. Рыжкова. Там же, с. 168).

Спустя десятилетие Н. И. Рыжков напишет:

«Простите меня за кощунство, слава Богу, что Чернобыль случился не нынче, а тогда… И еще. Меня угнетал и возмущал неприкрытый цинизм западного „цивилизованного“ общества. Оно не только не оказало материальной поддержки, но даже сочувствия не выразило. К нам относились тогда, как к прокаженным. И только отдельные организации, специалисты и предприниматели предложили свою помощь.

Несколько позже в беседе с премьер-министром Швеции Карлссоном я выразил недоумение:

– Вы на Западе должны благодарить нас, – сказал я. – Никто и никогда не застрахован от планетарных катастроф. В том числе и в ядерных делах. Наша страна и народ испытали весь этот ужас, но мы и накопили бесценный опыт, который нужен всем, всему миру.

То, что произошло у нас, – это наш крест, а то, что Запад стоял в стороне в то время – дело вашей совести». (Н. И. Рыжков. Там же, с. 170).

В самые тревожные и сложные дни чернобыльской трагедии были вопросы, которые невозможно было разрешить без участия высших лиц государства. Два примера: гражданская медицина оказалась попросту не готова к работе в экстремальных условиях. Надо было задействовать военную. Пришлось прибегнуть к мобилизационным ресурсам. Из них было сформировано пять батальонов, и они сумели сделать многое из того, что должны были делать гражданские медики. А ведь в эти батальоны вошли мобилизованные резервисты из числа тех же гражданских медиков.

Не хватало нужных лекарств. Первого мая было принято решение о закупке их за границей, а пятого мая они уже начали поступать в страну. За рубежом были куплены также недостающие роботы, специальные краны, химические реагенты и другое. За всё это было заплачено, по тогдашнему курсу, 100 миллионов долларов.

Как справедливо замечает Н. И. Рыжков: «Бездарно „прокололась“ и гражданская оборона. Пришлось увеличить численность воинских химиков в зоне поражения. И они не подвели». (Н. И. Рыжков. Там же, с 169–170).

Какой бы оперативной и обстоятельной не была информация, получаемая высшим руководством страны из зоны бедствия, из штаба правительственной комиссии, у Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова и второго секретаря ЦК Е. К. Лигачева созрела необходимость побывать в Чернобыле.

«Соблюдая субординацию, – рассказывает Н. И. Рыжков, – сообщили о нашем решении Генеральному секретарю. Он активно нас поддержал: „Езжайте…, на месте всё увидите“.

Честно говоря, я ждал, что он – глава партии и государства – тоже захочет полететь с нами. Но никакого такого желания он даже не высказал…

С первых же дней своего пребывания на высшем посту он усиленно лепил свой образ любимца народа. Шел к людям, говорил с ними прямо на улицах, не боялся пресс-конференций… Он умел и хотел нравиться всем…

Он так и не был в горящем Чернобыле, не приезжал „в горячие“ точки… Ни в Карабах, ни в Тбилиси, ни в Сумгаит, ни в Баку, ни в Вильнюс…

Только однажды, когда в Башкирии взорвался газопровод, протянутый рядом с железной дорогой, и взрыв унес сотни жизней… Горбачев сам вызвался лететь со мною к месту катастроф. Почему же только однажды?

К слову сказать, Маргарет Тэтчер… ни одного ЧП в Великобритании не пропустила. На месте авиакатастрофы или на

расстрелянной улице Белфаста, – везде появлялась её хрупкая фигура. Её, женщины! А Горбачев во всех случаях метил в кусты, подальше от беды». (Н. И. Рыжков. Там же, с. 169, 170, 171).

Во время той майской поездки Н. И. Рыжков и Е. К. Лигачев не только всё увидели своими глазами. По предложению и решительному настоянию главы правительства было принято решение чрезвычайной важности: эвакуировать людей из 30-километровой зоны по окружности от Чернобыля. Речь шла об эвакуации из 186 населенных пунктов. Были выделены многие тысячи квартир и домов для их расселения. Было выстроено 130 больших и малых дамб на территории в полторы тысячи квадратных километров. Днепр и Припять остались чистыми. Над четвертым блоком Чернобыльской АЭС было построено фантастическое сооружение, названное впоследствии «саркофагом». Пожар в реакторе был погашен уже 10 мая 1986 года. В конце того же, 1986 года, в его гигантском теле начали работать точнейшие радиационные датчики.

Персональную, обязательную профилактику прошли пять миллионов четыреста тысяч человек. На постоянный диспансерный учет было поставлено более полумиллиона. Обо всем этом Н. И. Рыжков пишет в своей книге «Десять лет великих потрясений». (М. 1996, с. 172, 173, 178).

Тогда мы еще толком не знали, какой болью отзовется Чернобыль на завтрашнем здоровье многих тысяч белорусов, украинцев, россиян…

Аврал и провал антиалкогольной кампании

В самом начале горбачевского этапа было поднято множество вопросов по самым разным проблемам, накопившимся в предшествующие годы. Их решение должно было благотворно отразиться на улучшении дел в народном хозяйстве и в целом в стране.

Но принимались и такие решения, которые сразу порождали недовольство и возмущение в обществе, отрицательно сказывались и на экономике, и на социальной сфере, и на настроении людей. В их числе – антиалкогольная кампания…

Не могу и я промолчать о ней. Для ясности сразу скажу: за свою долгую жизнь я ни одного раза не испытывал желания напиться «просто так». И ни одного раза не испытывал удовольствия от выпивки.

Потому с непониманием и удивлением смотрю на тех, кто жить не может без спиртного, получает от этого удовольствие.

Да, я тоже поднимаю рюмку вместимостью в 50 граммов и выпиваю её до дна… в два приёма. Но, как правило, по причине праздничного веселья или на поминках, при встрече с друзьями после долгой разлуки или расставания с ними. Порою в таких случаях могу выпить и 150. Но, еще раз повторю, вдохновения от выпивки не получаю.

Вношу поправку. Случилось однажды исключение. Произошло это еще в советские годы. Даже точно помню когда – весной 1954-го. Находился я в сочинской «Кавказской Ривьере». В одной комнате со мной жил Саша Дьяченко – начальник геолого-разведочной партии из Сибири.

Как-то перед обедом говорит он мне: «Пойдем, прогуляемся. Здесь недалеко винный киоск. Может, там есть хорошее вино. Выпьем по стаканчику перед обедом».

Зашли в киоск, спрашиваем: «Есть хорошее сухое вино?» Продавщица: «Пришли во время. Есть непросто хорошее, а отличное вино. Редкость. Раз в году получаем двадцать бутылок. Попробуйте» – и налила нам по стакану «Хванчкары». Выпили и попросили ещё. Продавщица: «Понравилось? Я так и знала…». Налила еще по стакану и сказала: «Больше нет. И не просите».

Назад в санаторий мы шли со светлыми головами и в веселом настроении, но ноги двигались, словно на них были тяжелые кандалы. На обед мы не пошли. Пошли спать и провалялись до ужина…

Я запомнил «Хванчкару». После, где бы ни был, – спрашивал её. И находил. Но это было совсем не то. Не та «Хванчкара», о которой я рассказал. Позже, уже в перестроечные годы и после них, в нынешней «демократической» России, бутылки с надписью «Хванчкара» (и даже бочки) можно было встретить на каждом шагу. На пробу же оказывалась обыкновенная «бормотуха», как её величают «настоящие выпивохи».

Мечтая о той «Хванчкаре», я просил своих друзей из Грузии или едущих в Грузию, привезти её. Но мне разъясняли, что её производят из особого сорта винограда, который выращивается только в селе Хванчкара. Там вино производят в ограниченном количестве, поэтому купить его невозможно…

Да. Вспомнил еще, что мне в жизни довелось один-два раза попробовать «Твиши», тоже изумительное вино. Тоже грузинское, виноградное. И тоже редкость.

Где-то читал, что «Хванчкара» и «Твиши» – любимые вина И. В. Сталина. Ну что ж, не приходится удивляться: вкус у него был отменный.

Рассказываю об этом еще и потому, что вспомнил выступление Анастаса Ивановича Микояна на Всесоюзном

совещании работников пищевой промышленности и торговли осенью 1953 года. В той речи он, касаясь вопросов борьбы с пьянством и долголетия человеческой жизни, рекомендовал не запрещать огульно спиртные напитки. Даже советовал в заводских столовых продавать хорошие сухие вина. Стакан такого вина не навредит ни здоровью, ни работе.

И еще. Чтобы не подумали читатели, что я «ханжа» или «рисуюсь», – скажу, что, идя в гости, всегда беру с собой бутылку армянского коньяка или «московской».

Теперь я в гости уже ходить не могу, разве что на поминки старых и близких друзей – «товарищей по оружию», которых остается всё меньше.

Но дома, кто бы ни пришел меня навестить, – на столе всегда будет «столичная», «праздничная» или коньяк. А если гость за рулем – даю бутылку с собой. Ибо веками живет в народе поговорка: «Веселье на Руси – есть питие»…

Разве что какой-нибудь сектант или стопроцентный трезвенник не отметит день рождения или не выпьет на поминках, на больших праздниках или при встрече старых друзей. В таких случаях без тостов, а значит, без крепких спиртных напитков или хорошего вина не обойтись.

Иначе как тогда на свадьбе кричать «горько!»? Ведь горько бывает только тогда, когда в руках рюмка с «горькой».

Помню я и первую выпитую мною рюмку. Это было 24 ноября 1944 года, в полночь. На следующий день мне предстояло отправиться на военную службу в Советскую Армию. А вечером того дня провел прощальное заседание комсомольского комитета средней школы № 1 города Барвенково, где учился в 9-м классе.

Комсомольские дела я передал своему другу Васе Недвиге, моему заместителю. Возвращались домой оба голодные, что тогда случалось нередко. Он настоял зайти к нему домой: «Мама что-нибудь приготовила». И я зашел. Вот тогда, за ночным ужином, мама Василия и предложила: «Я вам налью по стопочке. Выпейте. Ведь когда еще свидимся? А может, не встретимся больше. Война ведь…»

То была самогонка её собственного приготовления. Отказываться не стал: было как-то неудобно. И я выпил. Мне было тогда 17 лет…

А второй раз уже «фронтовые» сто граммов выпил в победном 1945-м году, когда вся страна поднимала тост:

Встанем и выпьем кружками стоя,
В братстве друзей боевых.
Выпьем за мужество павших героями,

Выпьем за встречу живых…
Выпьем за Родину, выпьем за Сталина,
Выпьем и снова нальем…

Было бы кощунством не поднять такой тост. Пусть даже и очень горькими были те самые «фронтовые» сто граммов.

Впрочем, за редким исключением, когда «не выпить нельзя», я не любил спиртного. Кроме той самой «Хванчкары» или «Твиши». Да еще любил многие годы настоящее жигулевское пиво высокой пробы.

К слову, когда я писал эти строки в последние дни марта 2012 года, произошла приятная встреча именно с жигулевским пивом. Друзья принесли мне литровый пластиковый «бочоночек» «Жигулевского» пивзавода «Трехсосенский». Я с благодарностью принял его и обратил внимание на строки, напечатанные на бирке:

«Мы давно поменяли паспорта с серпом и молотом на новые, но не забыли страну, в которой выросли. Она всегда будет для нас особенной. И чем меньше по-хорошему советских предметов и продуктов окружает нас сегодня, тем ценнее сохранившиеся. Жигулевское как раз из таких. Из особенных…» Какие верные слова!

Неприятие спиртного у меня было еще и потому, что я с самых малых лет видел «пьяных в доску» мужчин, невменяемых, осатанелых, без всякого повода издевавшихся над своей женой, устраивавших «мордобой» с собутыльниками, со всеми, кто попадал на глаза. Много раз видел валяющихся в грязных лужах, посреди улицы.

Неприятие еще и потому, что знаю и помню имена многих замечательных, талантливых людей – актеров и актрис, одаренных футболистов и хоккеистов, в том числе и моего любимого московского «Спартака», поэтов и журналистов, которых погубил «зеленый змий», которому они однажды поддались и расстаться не смогли…

Поэтому я с добрым чувством отнесся к решению ЦК и Советского Правительства о борьбе с пьянством, принятым в 1985 году. Но не к мерам, которые намечались в нем, и не к методам, посредством которых совершалась авральная антиалкогольная кампания. С твердым намерением ее инициаторов «кавалерийской атакой» в два счета покончить с этим очень страшным и опасным злом. Антиалкогольная кампания оказалась неподготовленной и непродуманной. И потому была обречена на

провал. Впрочем, как и вся горбачевская перестройка. Она тоже была не подготовлена, не продумана, велась непоследовательно. Шарахались из одной крайности в другую. Потому благое, казалось, дело было погублено…

Инициатива развертывания антиалкогольной кампании исходила от двух членов Политбюро: от М. С. Соломенцева, председателя Комитета партийного контроля и Е. К. Лигачева, второго секретаря ЦК.

4 апреля 1985 года они внесли этот вопрос на заседание Политбюро ЦК. Докладывал М. С. Соломенцев, вооружившись цифрами, с экскурсом в историю этой проблемы.

В принципе все были «за», но возникли споры о методах и сроках выполнения намеченной программы, суть которой сводилась в основном к административным мерам: сокращение производства винно-водочных изделий, ограничение мест и времени торговли ими и т. п.

Обратимся к Н. И. Рыжкову, тогда еще не Председателю Совета Министров СССР, а секретарю ЦК КПСС по экономике. Насколько это было возможно, он пытался в самом начале предотвратить эту бездумную кампанию. Бездумную не по целям, которые она ставила, а по методам и средствам, которыми она осуществлялась.

Кстати, когда я читаю и перечитываю его книгу «Десять лет великих потрясений», то нахожу немало совпадений моих пониманий и оценок многих событий и фактов того времени, о которых он пишет.

Только мое понимание и оценки базируются на визуальном наблюдении за происходящим, на настроении людей разных возрастов и профессий, с которыми я каждодневно встречался, почти ежедневно бывая в городах и районах Краснодарского края.

Зная меня многие годы, секретари райкомов и горкомов, идеологические активисты, слушатели делились со мною всем, что кипело у них в душе, что беспокоило из происходящего в стране, в том числе и в связи с антиалкогольной кампанией.

Мое видение и понимание проблемы было на уровне профессора, заведующего кафедрой Кубанского государственного университета, внештатного лектора крайкома КПСС и председателя научно-методического Совета при краевой организации Общества «Знание». Но, конечно, и с учетом моей 60-летней жизни, которая впитала в себя очень многое и дала бесценный опыт критического отношения к реалиям, происходящим в стране, сформировала принципиальное, неравнодушное отношение ко всему…

Н. И. Рыжков, естественно, был очень хорошо осведомлен о

положении дел в целом в советской стране. Являлся человеком честным, принципиальным, неравнодушным, вникал во все болевые точки советского общества, глубоко переживал все негативы, стремился повлиять на их устранение.

Замечу, чтобы больше не возвращаться к этому вопросу, в его книге есть сюжеты и оценки, которые разнятся с моим их видением и пониманием. Но что касается антиалкогольной кампании, о которой идет речь, – здесь полное совпадение позиций и оценок.

Вот его видение, понимание и оценки этой весьма важной, но бездумно погубленной кампании:

«Весной 1985 года стали активно готовить предложения по борьбе с пьянством и алкоголизмом. На первый взгляд плохого в этом ничего не было. Страна и впрямь спивалась. Пили везде. До работы. После работы. Вместо работы. В обкомах и райкомах. На стройках и в цехах. В конторах и дома…

В том году уровень потребления алкоголя на душу населения у нас поднялся выше всех допустимых пределов.

По данным Всемирной Организации Здравоохранения, ситуация в той или иной стране становится опасной, когда потребление алкоголя превышает восемь литров в год на человека. В нашей стране этот уровень был уже превышен и продолжал расти…

Лев Толстой писал: „Алкоголь губит не только душу человека, но и его потомство. У алкоголиков рождаются неполноценные дети, идет деградация общества, снижается интеллектуальный потенциал страны…“

На почве алкоголизма кончают жизнь самоубийством более 80 тысяч человек в год, то есть в пять раз больше, чем погибло за всю афганскую войну…

На одной из стадий подготовки проекта постановления ЦК с ним были ознакомлены секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов, я и Б. И. Гостев.

На совещании мы втроем дружно заявили, что это не тот путь борьбы с пьянством, что он носит сугубо административно-запретительный характер, что эту огромную, многофакторную социальную проблему надо решать по-иному.

Каково же было наше недоумение и даже изумление, когда Соломенцев изрек:

– Пока водка будет стоять на прилавках магазинов, – её будут пить!»

Далее Н. И. Рыжков пишет:

«Эти документы объединяла плохо понятая, в принципе правильная идея: трезвость – закон нашей жизни… Всё пошло по

линии самой примитивной – административных запрещений и голословной, трескучей, давно набившей всем оскомину пропаганды… Кроме всеобщего озлобления такое рвение вызвать ничего хорошего не могло…

Я с уважением отношусь к Е. К. Лигачеву, ценю его порядочность, честность и принципиальность. Но это была его большая политическая ошибка, сильнейший удар по перестройке. Целеустремленность и напористость Егора Кузьмича были использованы во вред общему делу, а жесткие административно-запретительные меры погубили решение одной из важных проблем страны. Такой упрощенный, грубый подход к делу привел к огромным моральным издержкам и материальным потерям.

Насильственное, можно сказать, снижение потребления спиртных напитков сопровождалось ростом наркомании и токсикомании. „Зоны трезвости“ соседствовали с огромными очередями, драками и проклятиями у винных магазинов…

…Сильнейший удар антиалкогольная кампания обрушила на виноградарство и виноделие. Проводимая еще до 1985 года политика замещения крепких спиртных напитков вином и пивом к тому времени уже стала давать первые результаты. За тридцать лет, начиная с 1955 года, площади под виноградниками возросли в три раза и достигли 1,4 миллиона гектаров. А тут под флагом борьбы с пьянством пошло наступление на виноградники и винзаводы. За три года, с 85-го по 87-й, площади виноградников в стране сократились почти на одну треть, чего не было даже в Великую Отечественную войну, когда мы потеряли 22 процента их. Закрыли и перепрофилировали почти 1000 винзаводов.

Я уже говорил, что при подготовке постановления и при его обсуждении неоднократно ставился вопрос о нецелесообразности отнесения пива к алкогольным напиткам. Но победить триумвират Горбачев – Лигачев – Соломенцев было невозможно. И было пущено на металлолом оборудование около двух десятков импортных заводов по производству пива. Закрывались действующие пивзаводы, хотя душевое потребление его в 1985 году составило всего лишь 24 литра, что в несколько раз меньше, чем в странах Европы.

Иногда дело доходило до абсурда, трудно объяснимого с точки зрения нормальной логики…» (Н. И. Рыжков. Там же. М. 1996, с. 96–97).

Н. И. Рыжков рассказывает почти невероятный случай. Он как-то позвонил Эдгару Алиеву, бывшему его заместителю, и попросил зайти по срочному делу. Но тот извинился, сказал, что не может, так как очень занят, проводит какое-то совещание.

Когда, спустя полчаса, он пришел, Н. И. Рыжков поинтересовался, «что за срочные проблемы он обсуждал». «И каково же было мое изумление, когда он сказал, что по поручению ЦК рассматривался вопрос, относится ли кефир (!) к алкогольным напиткам или нет, – вспоминает Н. И. Рыжков. – На мое резкое замечание, что надо заниматься серьезными вопросами, а не чепухой, – Алиев сказал:

– Я понимаю сам, что это глупость. Но что делать – есть поручение ЦК, его отделы не дают мне покоя…

Дать такое поручение Алиеву, который был членом Политбюро, мог только Горбачев или, в крайнем случае, второй секретарь, каким являлся Е. К. Лигачев. Вот так идея оздоровления общества превращалась в фарс.

Поистине, Бог долго ждет, но больно бьет, и бьет по разуму людей, обладающих большой властью в государстве». (Н. И. Рыжков. Там же, с. 97).

Не один Н. И. Рыжков возмущался ходом антиалкогольной кампании. Бил тревогу и Председатель Совета Министров РСФСР Виталий Иванович Воротников.

В своем дневнике он пишет:

«5 марта 1987 года. Перед Политбюро вновь, уже который раз, состоялось острое обсуждение состояния дел с выполнением постановления о борьбе с пьянством. Всё сильнее проявляются негативные побочные явления. Н. И. Рыжков и я информировали о ситуации. План товарооборота срывается. Планируется дальнейшее снижение реализации винно-водочных изделий на 1988 год. (Фактически не на 20 % в год, как предусмотрено решением Политбюро, а намного больше: за два года выполнили цифры пятилетки!). Очереди, давка до драки у магазинов. Резко увеличился расход сахара. Самогоноварение растет. Растет спекуляция. Исчезает одеколон, зубная паста, спиртосодержащие лекарства. Запретительные меры эффекта не дают. Надо остановиться. Но куда там! М. С. Соломенцев, Е. К. Лигачев – до „дрожи подбородка“ отстаивают свою никчемную позицию. М. С. Горбачев: „Давайте усилим контроль…“ – Молчание. Так ничем этот разговор не завершился…

18 ноября 1987 года. Беседа у Рыжкова. Обсудили с ним положение с торговлей и производством винно-водочных изделий. Ситуация всё более осложняется. Сказал, что имел беседу с Горбачевым. Он вроде понял меня, что нужно затормозить эту „кампанию“, поручил подготовить записку…

23 ноября 1987 года. У М. С. Горбачева в ЦК КПСС.

Еще раз информировал его о состоянии производства и торговли винно-водочной продукции. Больше медлить с

решением нельзя. Предложил обсудить на Политбюро. Он позвонил помощнику В. Болдину: „Встревожен информацией, о которой говорит Воротников. Так ли это?“ – Тот подтвердил ситуацию. Я передал Горбачеву письмо с предложениями…

Он говорит: „Давай направляй официальную записку в Политбюро“…

27 ноября 1987 года. Направил в ЦК КПСС записку „О последствиях антиалкогольной кампании в РСФСР“. Вот вкратце её содержание: „Постановлением Совета Министров от 7 мая 1985 года определено: начиная с 1986 – снижать ежегодно производство ликероводочных изделий на 21 млн. декалитров и низкосортных крепленых вин – на 11 млн. дкл, то есть за двенадцатую пятилетку уменьшить их производство соответственно на 105 и 55 млн. дкл. Фактически это задание уже перевыполнено за 2,5 года! Продажа водки и винно-водочных изделий сократилась в 2,1 раза, вина – в 3,3 раза. Потребление спиртных напитков на одного жителя в пересчете на алкоголь (абсолютно), по данным ЦСУ, снизилось с 10,45 литра в 1984-м до 4,23 в 1987 году.

По данным ЦСУ, снизилось потребление алкоголя, закупаемого в системе госторговли. Но выявились и серьезные негативные процессы. Сокращение числа магазинов (в 10–15 раз) привело к многочисленным очередям. Бурно выросла спекуляция винно-водочной продукцией. Самогоноварение захватило не только сельское, но и городское население.

Реализация сахара в 1987 году выросла по сравнению с 1985 годом почти на 1 млн. тонн, или на 25 %. Остатки сахара сократились в розничной торговле в три раза. В большинстве областей торговля сахаром идет с перебоями, установлены дневные лимиты, вводятся талоны. Вырос значительно спрос на конфеты, карамель, пряники, используемые, как и сахар, на самогоноварение.

По расчетам ЦСУ, основанным на выборочном обследовании, только в 1986 году на самогоноварение было израсходовано более 400 тыс. тонн сахара, из которого произведено 500 млн. литров спиртного, что на 80 % восполнило продажу водки, не считая самогона, браги, произведенных из других видов сырья. Так что снижение потребления винно-водочных изделий является мнимым. Особо следует подчеркнуть рост продажи спиртосодержащих и химических товаров. Продажа одеколона, лосьонов увеличилась в 2,2 раза, парфюмерных лаков – в 1,5 раза, зубной пасты – в 1,3 раза, предметов бытовой химии (дихлофос, „Лана“, клей „БФ“ и др.) – в два с лишним раза. Нет в продаже ацетона. Значительно (на 70 %) выросло количество выявленных

наркоманов и токсикоманов, в том числе среди несовершеннолетних в 2,3 раза.

Приведенные факты требуют более глубокого анализа и корректировки принятых мер. Очевидно, что нам не удалось обеспечить комплексный подход к решению этой задачи. Усиление экономических, запретительных мер и санкций административного характера не дало желаемых результатов. Считаю необходимым обсудить этот вопрос в ЦК КПСС…“

24 декабря 1987 года. Политбюро ЦК. Вел М. С. Горбачев.

…Обсуждается записка В. И. Воротникова от 27 ноября о состоянии выполнения постановления по борьбе с пьянством. Заслушали мою информацию о негативных процессах, сопровождающих эту борьбу, и предложение: „Надо сделать глубокий анализ состояния проблемы. Необходимо остановиться, не планировать дальнейшее снижение производства винно-водочных изделий на 1988 год“.

Стали обсуждать. Большинство поддержали оценку „борьбы“ и выводы записки. Что говорили Рыжков, Зайков, Лукьянов, Никонов, Шеварднадзе? „Резко увеличилось самогоноварение. Привлечено к ответственности более 500 тыс. человек, изъят 1 млн. самогонных аппаратов. Самогонщиков лишают премии, очереди на квартиру и т. п.; но и эти меры эффекта не дали. Продолжают пить всякую сивуху. Масса фактов отравления. Около винных магазинов давка, их охраняют десятки тысяч милиционеров. Возмущение населения – выше всяких пределов. Проиграли потому, что набрали небывалые темпы, перешли „критическую массу“, что и обострило обстановку, дезорганизовало торговлю… Неоправданно идет уничтожение виноградников старинных винных сортов. Не учитываются веками сложившиеся традиции на юге страны… Пьянство не снизилось. Потери бюджета за один 1987 год составят 6 миллиардов рублей. Надо остановиться…

Лигачев, Соломенцев, Горбачев продолжают упрямиться, настаивают вести борьбу теми же методами, всеми силами „драться“ за трезвость“…

Приняли протокольное решение» (В. И. Воротников. «А было это так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 155, 208, 209, 213, 214).

Мне и сейчас становится не по себе, когда вспоминаю те годы, развернувшуюся тогда кампанию под благовидным лозунгом – битвы за трезвость…

Жизнь продолжалась. Люди рождались и умирали. Традиционно веками это событие отмечали застольем: веселым и грустным, поминальным. Веками укоренилась традиция: на столе

в таких случаях было спиртное: водка или вино. А в их отсутствие – самогон. Как и в дни празднеств, в дни свадеб, в дни встреч с однополчанами…

И вдруг – всё запрещено и беспощадно карается как тяжкое антиобщественное деяние. Особенно доставалось коммунистам, а партийных и номенклатурных работников вообще карали беспощадно.

Бывало, приезжали или приходили к старым друзьям-товарищам, они разводили руками: «Извините, но водочки не смогли достать. Так что будем отмечать встречу чаем, компотом, соком или кофе. Это всё есть…»

И действительно. Во-первых, осталось совсем немного магазинов, в которых продавались спиртные напитки. Нередко во многих километрах от дома и от работы. Во-вторых, продавали спиртное в определенные дни и часы. Поэтому собирались задолго до начала продажи огромные очереди длиною в несколько кварталов от магазина. Как в голодные годы – за булкой хлеба.

В очереди стояли мужчины и женщины, старики и инвалиды. Стояли по многу часов, чтобы купить в порядке живой очереди или по талонам ставшую «заветной» запретную поллитровку.

Бывало, идешь мимо такой очереди и стараешься не смотреть на людей. Увидишь знакомого, да еще коммуниста. А он засмущается и скажет с извинением: «Да вот фронтовой друг приезжает» (или отец к сыну, или сын к отцу).

Стыдно было за такое унижение людей.

И сам подобное испытывал. Как-то позвонил старый дальневосточный друг по работе в комсомоле. Лечился в Сочи. Захотел встретиться после 30-летней разлуки. Звонок застал врасплох. Стоять в очереди было опасно. Талонов не было. Посоветовался со своей Ниной Тимофеевной: «Что делать?»

– Знаешь что, я схожу к нашей хорошей знакомой. По-моему она варит самогон. Как-то намекала.

Сходила, принесла…

Сколько раз, бывало, спрашивали люди: «Вот свадьба скоро» или «Отец умер, а как же помянуть без водочки?»

Советовал: «Идите в отдел торговли горисполкома с письмом-прошением и с соответствующими документами „о браке“ или „о смерти“, чтобы получить разрешение на приобретение спиртного».

Конечно, можно было поступить и по-другому в подобных случаях. Через знакомого, у которого были хорошие отношения с продавцами спиртного. Позолотишь руку и приобретешь без проблем 1–2 бутылки. Но это тоже рискованный шаг. Все боялись

потерять работу…

Помню, приехал я в Москву, встретился со старым другом – работником ЦК КПСС:

– Надо бы отметить встречу. Да и поговорить есть о чем.

– Встретиться и поговорить можно. А отметить – опасно. Узнают в ЦК – останусь без работы и партбилета. И рассказал: «На цековской даче была облава. У двух работников ЦК в холодильнике или в шкафу нашли водку. На следующий день обоих сняли с работы и исключили из партии. В служебных кабинетах тоже постоянные проверки: нет ли спиртного? Такие вот, друг мой, дела. Так что извини…»

Грустно становится, когда вспоминаешь об этой бездумной антиалкогольной кутерьме. Абсурд какой-то.

Без войны, без неурожая – страшные очереди с талонами и без талонов, за водкой или сахаром. Народ, возмущенный до предела горбачевской инициативой отозвался злой частушкой:

По талонам «горькая», по талонам «сладкая».
Что же ты наделала, «голова с заплаткою»?

Поскольку попытка В. И. Воротникова добиться разумного решения антиалкогольной проблемы ничего не дала, Н. И. Рыжков решил сам выйти с этим вопросом на Политбюро и стал обстоятельно готовиться к его рассмотрению.

«По моему поручению, – пишет он, – союзные министры – торговли К. З. Терех и здравоохранения Е. И. Чазов направили в Совет Министров свои записки. Приведу основные положения одной из них. Министр торговли представил её на моё имя 6 сентября 1988 года. В ней, в частности, говорилось:

„Политбюро ЦК КПСС на заседании, состоявшемся 4 июля 1988 года, особое внимание обратило на необходимость ликвидации такого широко распространившегося явления, как очереди, на которые только в торговле теряется свободное время населения, исчисляемое десятками миллиардов часов в год, порождая при этом различные злоупотребления и морально-политические издержки, а также нездоровое настроение среди трудящихся.

Анализ показывает, что за последние три года в торговле очереди возросли более чем наполовину из-за резкого сокращения продажи алкогольных напитков…

В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР, принятым 7 мая 1985 года, производство ликероводочных изделий должно ежегодно сокращаться на 30 млн. дкл, вина виноградного – на 20 млн. дкл, а плодово-ягодных вин –

полностью прекращено с 1988 года. При этом каких-либо ограничений по сокращению производства и продажи пива этим постановлением не предусматривалось.

После принятия постановления, уже во втором полугодии 1985 года, число магазинов по продаже алкогольных напитков в целом по стране сократилось на 55 процентов (было 238 тыс., осталось 108 тыс.)…

По решениям ряда обл(край)исполкомов (РСФСР. – Авт.) сеть магазинов по продаже алкогольных напитков была сокращена еще в больших размерах. В Астраханской области, например, число этих магазинов уменьшилось с 118 до 5 единиц, в Белгородской – со 160 до 15, в Ульяновской – со 176 до 26, в Ставропольском крае – с 571 до 49 единиц.

По инициативе ряда областей и районов РСФСР, Украинской ССР, Казахской ССР, Киргизской ССР, Молдавской ССР были созданы „зоны трезвости“, в которых торговля спиртными напитками была прекращена полностью.

Сеть предприятий общественного питания, в которых осуществлялась реализация алкогольных напитков, уменьшена на 71 процент, а в Азербайджанской, Молдавской, Киргизской и Таджикской союзных республиках – на 75–90 процентов.

Со второй половины 1986 года повсеместно резко возросла реализация сахара, кондитерских изделий, фруктовых соков, томатной пасты и некоторых других продовольственных товаров на самогоноварение. Продажа сахара, например, в 1987 году составила 9280 тыс. тонн и по сравнению с 1985 годом увеличилась на 1430 тыс. тонн или на 18 процентов и в настоящее время почти повсеместно осуществляется по талонам.

По данным Госкомстата СССР, в 1987 году на самогоноварение израсходовано 1,4 млн. тонн сахара, что примерно равно 140–150 млн. дкл самогона и практически компенсировало сокращение продажи водки и ликероводочных изделий…

Следует особо подчеркнуть, что за последнее время резко возросла покупка спиртосодержащих и других препаратов бытового назначения (одеколонов, зубной пасты, клеев, кремов для обуви) для использования не по прямому назначению…

Резкое сокращение производства и продажи спиртных напитков привело также к значительному росту антиобщественных и других негативных явлений…“

Таковы некоторые выдержки из записки министра торговли К. З. Тереха. Далее в ней содержались конкретные предложения в связи с задачами ликвидации очередей при продаже алкогольных напитков и исключения других негативных явлений.

Не менее убедительной была и записка министра здравоохранения СССР…». (Н. И. Рыжков. «Десять лет великих потрясений». М. 1996. с. 98–100).

Н. И. Рыжков получил эти документы 6 сентября 1988 года. На следующий же день обратился с официальным предложением в Политбюро с просьбой безотлагательно рассмотреть эту проблему. И уже 8 сентября того же года вопрос был обсужден на заседании Политбюро.

Обратимся еще раз к воспоминаниям Н. И. Рыжкова:

«Горбачев поставил внесенный мной вопрос последним в повестке дня, надеясь, по-видимому, что к концу заседания все устанут, и он будет скомкан. Но все произошло по-иному. В своем сообщении-докладе я потребовал прекратить бездумную антиалкогольную кампанию, которая провалилась из-за недопустимого администрирования, перестать выламывать руки руководителям различного ранга в КПК, покончить с наказанием работников в связи с ней. Говорил, что людям нанесен моральный ущерб, а экономике большой вред, и что Совмин больше не позволит вмешиваться в объемы производства и продажи алкогольных напитков.

Мою позицию твердо и жестко защищали В. И. Воротников, Л. Н. Зайков, Н. Н. Слюньков, В. П. Никонов. Мы буквально обрушились с беспощадной критикой на „активистов“ проводимой антиалкогольной кампании, настаивали на немедленном прекращении издевательства над народом и местными руководителями. Не забуду выступление ныне покойного Виктора Петровича Никонова. Он в гневе бросал обвинения в адрес сидевших напротив нас Лигачева и Соломенцева за развал виноградарства.

Лигачев и Соломенцев яростно защищали свои позиции, в свою очередь, обвиняя нас в отходе от принятых партией решений. Сидящие за длинным столом члены Политбюро четко разделились на два лагеря. Обсуждение перешло в крик и откровенную ругань, в личные выпады. Наших оппонентов прямо-таки била дрожь, казалось, вот-вот за грудки начнут хватать. Было, по традиции, и молчаливое „болото“. Но Горбачеву не оставалось ничего иного как поддержать большинство». (Н. И. Рыжков. Там же, с. 100–101).

10 сентября 1988 года Николай Иванович провел заседание Совета Министров СССР. Проинформировал Правительство о решении Политбюро по антиалкогольной кампании. В плане развития народного хозяйства на 1989 год Совет Министров определил реальные потребности страны в алкогольных напитках и обеспечении их производства. «Так в этот день была закончена

более чем трехгодичная „историческая“ антиалкогольная кампания, – пишет Н. И. Рыжков. – Но впереди еще были годы, в течение которых предстояло привести все предприятия в должный порядок. Разрушения оказались слишком большими, и поэтому справиться в одночасье с километровыми очередями и организовать нормальную торговлю было невозможно. Кампания капитально ударила по финансам. Несмотря на повышение цен на спиртное, государственный бюджет не мог компенсировать потери…

За три года антиалкогольной кампании советская экономика не досчиталась, по крайне мере, 67 миллиардов рублей. А нравственный урон подсчитать вообще невозможно…». (Там же, с. 101–102).

…И как только Егор Кузьмич Лигачев, разумный ведь человек, да и мудростью не обделен, устроил такую вот «трагикомедию». Ну, пусть тогда поддался этому «поветрию». Но прошло больше двух десятилетий, а он всё стоит на своём – оправдывает эту сумасбродную кампанию. Вот что он пишет в своей недавно вышедшей новой книге:

«Я испытываю удовлетворение, что был одним из организаторов этого судьбоносного дела для нашего народа, отечества». (Е. К. Лигачев. «Кто предал СССР?» М. 2010, с. 257).

Оставляю без комментариев это «признание» Егора Кузьмича. Пусть ответом ему будет признание Николая Ивановича Рыжкова:

«Я не был инициатором этой кампании, но она проходила при мне. Не хочу и не могу говорить от имени всех, причастных к ней. А вот что касается меня самого, то я вижу свою вину в том, что долго мирился с этой трагикомедией. И всё то, о чем я честно рассказал в этой главе, отдаю на суд читателей». (Н. И. Рыжков. «Десять лет великих потрясений». М. 1996, с. 102).

Можно было бы на этом и закончить рассказ об аврале и провале антиалкогольной кампании, проведенной в годы горбачевской перестройки. Я считаю, что в оценке этого «больного вопроса» правда – на стороне Николая Ивановича Рыжкова. И в полной мере разделяю его тревоги и оценки…

Очень гнетёт другое. Если тогда, в последние советские годы, пьянство достигло опасных размеров, то что же говорить о ельцинском десятилетии, да и о нынешнем – путинском времени. Алкоголизм, наркомания достигли беспредела. При предельной норме восемь литров в год на человека сейчас в «ново-русской» России выпивается в год по восемнадцать литров. «Демократическая» власть забеспокоилась. Но ничего другого, умного не придумала, как повторять те же запретительные меры и методы, которые погубили антиалкогольную кампанию в

горбачевские годы. И судьба их та же…

В юбилейном 1987 году

1987 год – год 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции и моего 60-летия – был примечателен во многих отношениях. Это была уже пора зрелости для страны и для меня. Можно было бы только радоваться.

За короткое время (всего за семь десятилетий) наша Отчизна сделала гигантский шаг в своём развитии, в социалистическом преобразовании страны, достигла невероятных успехов во всех областях своего развития.

К сожалению, именно этот юбилейный год для нашей социалистической Родины стал рубежным между пройденным 70-летием и начинавшимся новым курсом – провозглашенной генсеком Горбачевым «перестройкой», началом обострения и нарастания кризиса КПСС и в целом советского государства.

Мыслящие, умеющие анализировать и смотреть вперед ученые вскоре назвали этот курс, эту политику, само понятие «перестройка», как «перемену строя». Ближайшее время покажет их прозорливость и правоту.

Пока же, до 1987 года мы только размышляли, прогнозировали, пытались понять, куда приведет этот крутой поворот в развитии страны. На первых порах Горбачев охарактеризовал перестройку, как курс на демократизацию партии и в целом советского государства, обозначив его лозунгом «Больше демократии – больше социализма». Сам по себе этот лозунг не содержал угрозы социализму, и большинство советских людей восприняли его как диалектическую необходимость и продолжали надеяться на лучшее.

Короче, было смятение, но сохранялась и надежда на благополучное развитие советского общества…

По сути своей, перестройка началась в 1983 году, по инициативе Ю. В. Андропова. Он определял её как процесс совершенствования социализма, осуществления назревших преобразований для дальнейшего успешного развития страны.

В первые горбачевские годы термин «перестройка» звучал редко и не вызывал тревоги.

…Тем не менее, в конце 1986 года я обратился к В. И. Ленину, чтобы узнать его отношение к переделкам и перестройкам. Нашел у Ленина различное отношение к ним, исходя из времени и задач, которые они решали, и различные оценки.

В своей брошюре «Устав КПСС – основной и незыблемый закон партийной жизни», изданной в декабре 1986 года, я писал:

«В связи с тем, что за последние три десятилетия было немало перестроек и многие из них не оправдали себя, у некоторых людей возникают опасения и сомнения в целесообразности новой перестройки, проявляются пессимистические настроения. Их надо решительно преодолевать.

В. И. Ленин прямо указывал, что „доделывать, переделывать, начинать сначала придется нам еще не раз“. И добавлял: „Переделок предстоит много, и „смущаться“ этим было бы верхом нелепости (если не хуже, чем нелепости)“ (Ленин В. И. Полн. собр. соч. т.44, с.224.).

В. И. Ленин беспощадно критиковал тех, кто страшился трудностей и перестроек, кто впадал в панику на крутых поворотах, кто был не готов к крутой ломке, переделке устаревших форм и методов: „Погибшими наверняка надо было признать тех коммунистов, которые бы вообразили, что можно без ошибок, без отступлений, без многократных переделываний недоделанного и неправильно сделанного закончить такое всемирно-историческое „предприятие“, как завершение фундамента социалистической экономики… Не погибли (и вероятнее всего, не погибнут) те коммунисты, которые не дадут себе впасть ни в иллюзии, ни в уныние, сохраняя силу и гибкость организма для повторного „начинания сначала“ в подходе к труднейшей задаче… Не бояться признавать своих ошибок, не бояться многократного, повторного труда исправления их – и мы будем на самой вершине“. (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44 с. 418, 423.).

В. И. Ленин убедительно показал причины наших трудностей, многократных перестроек и переделок. Эти причины в том, что мы – первопроходцы, что мы идем по неизведанному в истории пути социального прогресса – по пути социалистического и коммунистического строительства.

Буржуазия, в свое время, придя к власти, имела, по образному выражению В. И. Ленина, „уже испробованный экипаж, заранее подготовленную дорогу, испытанные уже ранее механизмы. А тут ни экипажа, ни дороги, вообще ничего, ровно ничего испытанного ранее!“ (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 416).

„Мы должны были сплошь и рядом идти ощупью…“, – справедливо отмечал В. И. Ленин. (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 138).

Сколько злорадства, улюлюканья, злопыхательства было у наших классовых врагов и многоликих идеологических

оруженосцев (и есть сегодня!) по поводу наших трудностей и ошибок, недоделок и переделок. Да и у доморощенных недругов, заблуждающихся и инакомыслящих, обывателей и маловеров. Но ничто не поколебало нашу партию, наш народ.

Мы всегда помнили завет В. И. Ленина: „Надо как можно трезвее, яснее, нагляднее дать себе отчет в том, что именно мы „доделали“ и чего не доделали; тогда голова останется свежею, не будет ни тошноты, ни иллюзий, ни уныния“. (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 417)».

Но у В. И. Ленина есть и другие оценки переделок и перестроек. Он писал, что крайне устал от них, ибо «большего бедствия я и не знаю». Речь шла о непродуманных, неподготовленных, скороспелых, судорожных переделках и перестройках.

Теперь, конечно, ясно, что горбачевская перестройка именно из такого рода. Потому нам и выпали такие жесточайшие испытания и бедствия, каких мы еще не знали. Дали себя обмануть, доверились партийным «вождям», волею обстоятельств вознесенных на самую вершину партийной власти и коварно, кощунственно использовавших свое положение, чтобы обречь на гибель Коммунистическую партию и советскую державу, «построенный в боях социализм». Такого ренегат-предательства не только история коммунистического движения, но и в целом мировая история еще не знали…

Это станет ясно впоследствии. А пока…

Мое понимание сути перестройки укрепилось после прошедшего в январе 1987 года Пленума ЦК КПСС, который впервые сформулировал её основные принципы. Вот они:

«Перестройка – это решительное преодоление застойных процессов, слом механизма торможения, создание надежного и эффективного механизма ускорения социально-экономического развития общества. Главный замысел нашей стратегии – соединить достижения научно-технической революции с плановой экономикой и привести в действие весь потенциал социализма.

Перестройка – это опора на живое творчество масс, это всестороннее развитие демократии, социалистического самоуправления, поощрение инициативы, самодеятельности, укрепление дисциплины и порядка, расширение гласности, критики и самокритики во всех сферах жизни общества; это высоко поднятое уважение к ценности и достоинству личности.

Перестройка – это неуклонное повышение роли интенсивных факторов в развитии советской экономики; восстановление и развитие в управлении народным хозяйством ленинских

принципов демократического централизма, повсеместное внедрение экономических методов управления, отказ от командования и администрирования. Обеспечение перехода всех звеньев экономики на принципы полного хозрасчета и новые формы организации труда и производства, всемерное поощрение новаторства и социалистической предприимчивости.

Перестройка – это решительный поворот к науке, деловое партнерство с ней практики в целях достижения высших конечных результатов, умение поставить любое начинание на солидную научную основу, готовность и горячее желание ученых активно поддерживать курс партии на обновление общества; одновременно это и заботы о развитии науки, росте ее кадров, их активном участии в процессе преобразований.

Перестройка – это приоритетное развитие социальной сферы, все более полное удовлетворение потребностей советских людей в хороших условиях труда, быта, отдыха, образования и медицинского обслуживания; это постоянная забота о духовном богатстве, культуре каждого человека и общества в целом; это способность сочетать решение масштабных, кардинальных проблем жизни общества с решением текущих вопросов, волнующих людей.

Перестройка – это энергичное избавление общества от искажений социалистической морали, последовательное проведение в жизнь принципов социальной справедливости; это единство слова и дела, прав и обязанностей; это возвышение честного высококачественного труда, преодоление уравнительных тенденций в его оплате, потребительства.

Конечная цель перестройки – глубокое обновление всех сторон жизни страны, придание социализму самых современных форм общественной организации, наиболее полное раскрытие гуманистического характера нашего строя во всех его решающих аспектах – экономическом, социально-политическом и нравственном».

Сегодня, спустя четверть века после того январского Пленума ЦК КПСС 1987 года, читая и вдумываясь в эти семь принципов перестройки, я не нахожу такого, против чего следовало бы возразить, восстать. Они кажутся действительно прогрессивными по сравнению с доандроповским временем и звучат в духе его замыслов. Горькая и горестная правда заключается в том, что очень скоро были преданы эти идеи перестройки теми, кто их озвучивал, теми, кто сумел обмануть и партию, и народ…

Очень скоро, в том же в 1987 году, начался откат от XXVII Съезда КПСС, от принятых им новых редакций Программы и Устава КПСС, от основных направлений экономического и

социального развития страны на период до 2000 года и от манифеста о сущности перестройки, обнародованного Горбачевым на январском (1987 года) Пленуме ЦК КПСС.

Всё будет вскоре, но не сегодня и не завтра. А пока, ознакомившись с документами январского Пленума ЦК КПСС и принятым им манифестом о сущности перестройки, партия и советский народ получили определенную ясность, успокоение и даже вдохновение, активно включились в борьбу за их воплощение в жизнь…

Между тем, в европейских странах социализма, в коммунистических партиях и в обществе кризис обнаружился уже довольно ощутимо. Тревога за их судьбы нарастала изо дня в день.

Пишу об этом, потому что мне довелось встретиться с этой реальностью лицом к лицу уже в начале 1987 года.

…В личном плане всё складывалось благополучно. Позади остались «многострадальные» годы, вызванные псевдонаучными (или околонаучными) баталиями, порождавшими нервозность и немалое напряжение. Теперь пришла долгожданная возможность для успешной плодотворной научной работы и спокойной жизни. Этому в решающей мере благоприятствовало отношение ко мне в краевом комитете КПСС, его руководства.

Без препятствий и осложнений стали печататься мои статьи не только в научных сборниках, но и в периодической партийной печати: в краевых газетах, в «Блокноте агитатора», в альманахе «Кубань». По материалам научных исследований были изданы монографии.

Я уже два года был профессором, заведовал кафедрой научного коммунизма Кубанского государственного университета. Супруга к этому времени уже работала доцентом кафедры хлебопечения в Краснодарском политехническом институте. Сын успешно окончил аспирантуру по философии в Московском государственном университете и защитил кандидатскую диссертацию. После некоторых неурядиц с трудоустройством, о чем я уже рассказывал, к 1987-му году ситуация стабилизировалась, и он успешно работал на кафедре философии в Кубанском медицинском институте.

С интервалом в два года (1983–1985) Коля с Леной (женой) подарили двух прелестных внучек – Юленьку и Катюшу. Так что семья наша увеличилась вдвое: теперь нас стало шестеро. Мечтали еще и о внуке. Об этом я постоянно напоминал сыну и невестке. Одним словом, жизнь была бы в радость, если бы не рождались и не нарастали тревоги за судьбу страны: куда мы идем? куда мы растем?

Не только Общество «Знание», как это было еще недавно, но и краевой комитет КПСС, Краснодарский горком партии во всю мощь использовали мой пропагандистский потенциал. Всё чаще предоставлялась возможность получать трибуну на союзных и республиканских семинарах лекторов Общества «Знание» и партийных комитетов, а также на научных конференциях.

«Я счастлив каждой нашей встречей…»

…В марте 1987 года неожиданно для меня раздался звонок из Всесоюзного Общества «Знание», а вслед за этим – из лекторской группы ЦК КПСС. По одному и тому же вопросу. Сообщили, что я утвержден научным руководителем группы лекторов партийных комитетов и Общества «Знание», выезжающей в Народную Республику Болгарию для передачи опыта пропагандистской работы и выступления с лекциями. Я принял это предложение с благодарностью. Хотя было от чего поволноваться. Ведь мне предстояло впервые выезжать за границу, да еще с такой миссией, хотя формально она значилась как экскурсионно-туристическая поездка.

Перед отъездом я был приглашен в ЦК КПСС, к руководителю лекторской группы товарищу Головко. В краткой беседе он прямо сказал: «Миссия ваша – не из лёгких. В Болгарии, в том числе и в компартии страны складывается напряженная, даже тревожная обстановка в связи с активизацией антисоциалистических сил как внутри, так и извне. Но в ЦК мы знаем ваш опыт и надеемся, что всё будет хорошо, и вы окажете Болгарской Компартии необходимую помощь».

Я заверил, что отношусь к этому поручению с большой ответственностью и сделаю всё, что в моих силах.

…Вылетели мы в Софию из Москвы в первой половине апреля 1987 года. В состав группы, возглавляемой мною, входило около тридцати человек, включая работника Всесоюзного Общества «Знание», занимавшегося организационной работой. В ней были представители большинства союзных республик и ряда регионов РСФСР. Однако вскоре выяснилось, что лишь немногие являются лекторами. Они ничего не знали о назначении, целях и задачах группы и направлялись в Болгарию в качестве экскурсантов-туристов, как значилось в наших путевках. А ведь главной задачей группы было выступление с лекциями в самых различных аудиториях: перед партийным активом, на семинарах лекторов и других идеологических работников, на предприятиях и в учреждениях.

Когда мы прилетели в Народную Республику Болгарию и разместились в софийской гостинице, я сразу же решил познакомиться персонально с каждым членом группы, узнать его потенциал, тематику читаемых им лекций. Было от чего прийти в смятение, когда обнаружилось, что абсолютное большинство лиц, входящих в группу, вообще не являлись лекторами, а получили экскурсионно-туристические путевки в республиканских организациях Общества «Знание» по родству, знакомству или просьбе влиятельных лиц. Фактически полноценными, квалифицированными лекторами, способными и готовыми выступать с лекциями, оказались 4–5 человек. Они и тащили на своих плечах тяжелейший груз – каждодневное выступление с лекциями в аудиториях, участвовали в «круглых столах» и дискуссиях на протяжении нашего двадцатидневного пребывания в Болгарии.

Передвигались по Болгарии мы на автобусе в сопровождении экскурсовода, хорошо владеющего русским языком. Замечу, что русский язык фактически знали все болгарские граждане, с которыми нам довелось общаться. А понимали нас, советских лекторов, все присутствующие в аудиториях без переводчиков.

«Не удивляйтесь, – сказали мне работники ЦК Болгарской Компартии в первый же день нашего пребывания в Софии. – Проблем с языком и пониманием вас в аудиториях не будет. Не считайте себя за границей. Вы приехали к своим братьям, и вас везде будут встречать по-братски. Вы находитесь в одной из самых близких для России и Советского Союза стран социализма».

Эти заверения полностью оправдались. В каждом городе нас принимали по русскому обычаю – «с хлебом-солью», как нам казалось, самые красивые болгарские девушки в национальном убранстве. А в каждой аудитории нас встречали с цветами и приветствовали шквалом аплодисментов.

На первой же встрече с партийным активом в Софийском городском комитете партии в день приезда в Болгарию перед началом встречи одна из красивейших девушек, встреченных мною в жизни, под гром горячих аплодисментов многосотенной аудитории, вручила мне в качестве сувенира прекрасную куклу в болгарской национальной одежде. Она и сейчас украшает нашу квартиру.

«Я счастлив каждой нашей встречей» – это строки стихотворения болгарского поэта. Я не только хорошо помню их, но и произношу каждый раз, когда речь заходит о Народной Республике Болгарии, когда вспоминаю ту нашу поездку туда весной 1987 года.

В ЦК Компартии Болгарии, в партийных комитетах различного уровня, в различных городах страны мне, как и в ЦК КПСС, откровенно, по-братски рассказывали о росте антисоциалистических настроений в стране, о тревогах, переживаемых болгарскими коммунистами и всеми сторонниками социализма.

Справедливости ради, должен сказать, что ни одного недружелюбного слова, ни одного чуждого взгляда я не увидел со стороны болгарских граждан во все дни нашего пребывания в братской стране. Ни одного! Ни в аудиториях, ни на улицах, ни в магазинах, ни в музеях и ресторанах, где мы завтракали, обедали и ужинали, ни на легендарной Шипке, ни у памятника Алеше.

Повторюсь еще раз, встречали нас действительно по-братски, как самых родных «братушек» с самыми добрыми чувствами, тепло, искренне, сердечно, с объятиями.

Вечерами, после напряженных трудовых дней, за ужином для нас, советских гостей, давали многочасовые концерты замечательные ансамбли песни и танца. Исполняли и наши песни – «Катюша» и «Подмосковные вечера», и наши танцы – «барыню» и «гопак».

Самыми волнующими и запоминающимися были встречи у памятника Алёше. Это благодарность болгарского народа советскому солдату за освобождение от фашистов. Там из радиорепродуктора я услышал постоянно звучавшую прекрасную песню, пробирающую до слёз: «Стоит под горою Алёша в Болгарии русский солдат».

Такое же волнение охватывало нас на Шипке, где многие месяцы в трескучие морозы стояли на смерть русские солдаты, защищая болгарский народ от иноземных поработителей в конце 19-го века.

Мне довелось выступать практически во всех аудиториях, более сорока раз. Каждая встреча длилась не менее двух часов, а в Высшей партийной школе – четыре.

В каждой аудитории было немало тревожных вопросов о горбачевской «перестройке», о политическом положении в СССР. Коммунисты Болгарии были огорчены тем, что руководство КПСС и Советского Союза, по их мнению, беспечно, по существу, равнодушно, реагирует на происходящие практически во всех социалистических странах Европы политические события, на быстрый рост антисоциалистических настроений, несущих угрозу социализму. Откровенно высказывали обеспокоенность, что дело идет к удушению социализма при молчаливом, безразличном отношении СССР. Звучало недоверие к перестроечной политике Горбачева и к нему самому. Раздавались голоса о том, что

продолжение такого курса приведет к гибели социализма в европейских странах, не исключая такой же судьбы и для СССР. Отсюда большинство вопросов, адресованных мне, выражали именно эти настроения. Слушатели настойчиво требовали чётких и ясных ответов на эти тревожные вопросы.

Отвечать было трудно, но необходимо. Во всех случаях я выражал уверенность, что КПСС, советский народ не допустят ренегатства и предательства, откуда бы они не исходили.

В начале 1987 года, у нас, даже самых убежденных советских коммунистов, способных трезво оценивать, анализировать и прогнозировать ситуацию, было именно такое настроение: «Не так страшен чёрт, как его малюют».

И при всех сомнениях и тревожных симптомах, проявлявшихся в КПСС и советском обществе, мы не теряли надежду на лучшее, на благополучный выход из трудной ситуации, в которой оказалась советская страна, европейские социалистические государства.

Особенно откровенно говорили о тревожной ситуации, складывающейся в Болгарской Компартии и в стране, секретари горкомов партии в доверительных беседах за закрытыми дверями, которые проходили во всех городах, где мы побывали, до начала выступлений или после них. Говорили с болью и тревогой. Высказывали недоумение по поводу безразличия к этому Горбачева, выражали озабоченность, что эта позиция попустительства и равнодушия ведет к росту антикоммунистических настроений и угрожает социализму, что Горбачев может сдать на слом европейские социалистические страны.

Рассказывали о том, что в сложившейся ситуации руководитель Болгарской Компартии Тодор Живков всё более оказывается в изоляции, не получая даже консультативной поддержки от руководства КПСС и СССР.

Об этом же шёл доверительный разговор с одним из советников Тодора Живкова, видным болгарским ученым; с другими осведомленными партийными работниками и учеными Болгарии.

Наиболее обеспокоенной была аудитория в Высшей партийной школе ЦК Компартии Болгарии. На встрече присутствовало несколько сот преподавателей и слушателей школы и, как я уже упоминал, длилась она четыре часа. Эта тревога и озабоченность коллектива Высшей партийной школы вполне объяснимы: здесь шла подготовка и переподготовка руководящих работников партийных комитетов. И, естественно, они были обеспокоены своим будущим, будущим своей партии,

будущим Болгарии. И связывали по-прежнему свои надежды только с КПСС и СССР.

…Признаюсь, что я был настолько загружен лекционно-пропагандистскими делами, встречами и выступлениями, что, как правило, освобождался от них только поздно вечером. Может быть, это покажется кому-то невероятным или неправдоподобным, но у меня не было возможности приобрести хотя бы какие-нибудь подарки или сувениры для своих домашних. Каждому участнику поездки выдавалось по пятьсот советских рублей, которые можно было обменять на болгарские деньги. Мне даже это не удалось сделать. И только за два часа до отъезда из Софии такая возможность появилась. Сразу же, кажется, прямо в гостинице я нашел пункт обмена и, получив болгарские деньги, отправился в ближайший магазин, чтобы потратить их. Все члены нашей группы давно израсходовали свои деньги и, зная, что у меня они целехоньки, просили дать взаймы, с учетом возврата их в Москве. Времени у них было в избытке.

…В Москву мы приехали поездом. Оставив вещи в камере хранения, я сразу отправился в ЦК КПСС, к руководству лекторской группы, а затем во Всесоюзное Общество «Знание». В обоих случаях мне буквально с порога сказали, что им звонили из Болгарии, очень высоко отзывались о нашей работе и сердечно благодарили.

Конечно, это было приятно.

В свою очередь я поспешил рассказать руководителю лекторской группы ЦК КПСС и первому заместителю председателя Всесоюзного Общества «Знание» В. Е. Семичастному о своих впечатлениях о поездке.

Я назвал В. Е. Семичастного. Того самого. После освобождения от должности Председателя КГБ СССР он много лет работал заместителем Председателя Совета Министров Украины по культуре. Но очень хотел вернуться в Москву. Долго не находилось для него должности, которая была бы приемлема для него. В конце концов, предложили пост первого заместителя Председателя Всесоюзного Общества «Знание».

В ЦК КПСС и в Обществе «Знание» вручил справку о проделанной нами работе. Конечно, это формальная сторона. Но главное, постарался максимально возможно рассказать о той тревоге, которая передалась мне от партийных работников Болгарской Компартии и ученых в связи с нарастанием антикоммунистических настроений и реальной опасности утраты социализма. И о том, что они очень просили передать просьбу к руководству КПСС и СССР о необходимости помочь им повлиять на ситуацию, сложившуюся в Болгарии и в других европейских

социалистических странах.

В ответ я услышал: «Нам это известно. Но повлиять на изменение ситуации к лучшему руководство КПСС не считает возможным. Это было бы расценено как вмешательство во внутренние дела других стран…»

Тот курс, который определил и проводил Горбачев, исключал те методы влияния и помощи братским компартиям и социалистическим странам, которые совсем недавно считались интернациональным долгом.

Такова вот складывалась реальность…

Ко времени нашего возвращения в Москву, в «Правде» и в других газетах были опубликованы первомайские призывы ЦК КПСС. Познакомившись с ними, я еще больше встревожился. То, о чем с большим беспокойством говорили болгарские товарищи по поводу проводимой Горбачевым внешней и внутренней политики, получало подтверждение. Это было очень трудно понять и дать верные оценки.

О поездке в Народную Республику Болгарию – единственную зарубежную страну, в которой побывал за свою жизнь, я написал не только отчет, но и статью, опубликованную в декабрьском номере бюллетеня Общества «Знание» «Знания – народу» за 1987 год.

В те дни я жил с нарастающим беспокойством, которое родилось в Болгарии и усиливалось с каждым днём, в связи с ростом антисоциалистических настроений не только в других европейских странах социализма, но и в нашей стране.

Я часто вспоминал увиденное и услышанное во время поездки в Болгарию. Тревожное предвидение болгарских коммунистов оправдывалось развитием политической обстановки и в Советском Союзе.

Размышляя о реалиях, в которых оказалось мировое коммунистическое движение, европейские страны социализма, которые всё опаснее становились и в нашей стране, отвечал сам себе: «Надо стоять как на Шипке»…

Но даже в опасные реалии, ставшие очевидными, верить не хотелось. Преобладали настроения, что наша партия, наш народ никому не позволят сломать всё, что было с колоссальными усилиями, героическим, самоотверженным трудом и борьбой, самопожертвованием создано за семьдесят лет Советской власти, прошедших со времени Великой Октябрьской социалистической революции. Неужели не устоим? Не может этого быть. Быть этого не может…

Такие ответы я давал сам себе и отстаивал в каждом своём выступлении в каждой аудитории. Но развитие событий шло не

по моему желанию, не по желанию убежденных коммунистов и сторонников социализма, а по сценариям других «режиссеров», в руках которых находилась реальная власть, и они использовали её для достижения своих целей.

В начале ноября того же, 1987 года, состоялся очередной Пленум ЦК КПСС, а вслед – юбилейное, торжественное заседание, посвященное 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Пленум ЦК и доклад генсека Горбачева на торжественном заседании не только не принесли успокоения, а еще больше обострили ситуацию в партии и в стране.

Антикоммунизм, антисоциалистические настроения получили в эти юбилейные дни основательную подпитку стараниями самого Генерального секретаря ЦК КПСС и его ближайшего окружения, составлявшего высшее партийное и государственное руководство Советского Союза.

Окрыленные этим, со всех щелей вылезли на поверхность все недруги социализма, все инакомыслящие и откровенные враги советского строя. Их окрыляли и вдохновляли и политический курс самого Горбачева, и всемерная поддержка этого курса мировым антикоммунизмом.

Надо было отказываться от благодушия и переходить к активному противодействию.

Противников горбачевского курса было много, но они были разобщены, и объединить их было не просто, ибо их в одночасье объявили бы консерваторами, противниками курса на демократизацию самой КПСС и социалистического государства. К тому же, в КПСС и в советской стране всегда господствовал верноподданнический принцип, слепого преклонения перед высшей партийной властью, перед её вождями. Снова вспоминается принцип, который еще на рубеже 20-30-х годов саркастически изобличил величайший поэт советской эпохи В. В. Маяковский:

> Циркуляр прочел и жди…
> Нам с тобою думать неча, —
> Если думают вожди.

В такой атмосфере любое выступление против курса генсека незамедлительно было бы оценено как антипартийное и подвергнуто самым суровым карательным мерам.

Перед глазами была судьба многих соратников И. В. Сталина, не согласившихся с политическим курсом новоявленного вождя КПСС Н. С. Хрущева. Все они были обвинены в антипартийной деятельности, в сопротивлении курсу на преодоление

последствий культа личности Сталина, объявлены противниками восстановления ленинских норм партийной жизни. А ведь речь шла о таких выдающихся, заслуженных деятелях партии и советского государства, как В. М. Молотов и его соратники, многие десятилетия честно служившие революции и социалистическому строительству в СССР.

Такая же судьба была уготована всем, кто решился подвергнуть критике или высказать замечания даже в самом узком кругу членов Политбюро и секретарей ЦК КПСС, в адрес преемника Хрущева на высшем партийном посту Л. И. Брежнева, вознесенного его ближайшими соратниками, дружками-приятелями и подхалимами на вершину святости, непогрешимости, вседозволенности, самовозвеличения. Против таких «критиков» немедленно принимались самые суровые, несправедливые меры. Такая участь постигла Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного, недавнего ближайшего соратника Брежнева по устранению Хрущева. В опале оказался также Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, выдающийся партийный и государственный деятель сталинской эпохи с довоенных лет, многие другие.

Как показало ближайшее время, Горбачев, под предлогом обновления и омоложения высшего партийного руководства, тоже беспощадно изгонял из Политбюро и ЦК КПСС всех, кто высказывал сомнения в правильности его губительного курса, его пресловутой «перестройки», направленной на ликвидацию социалистического строя под фальшивым словоблудием о необходимости демократизации КПСС, строительства «гуманного, демократического социализма».

Меры борьбы вождей и их ближайших соратников – беспринципных карьеристов, подхалимов и соглашателей с «оппозиционерами», не согласными с действиями генсека, были хорошо известны в партии и «отрезвляли» горячие головы, погашали не только критические выступления, но даже мысли о несогласии с вождем – высшим лицом в партии и в государстве. Такова была реальность…

Горбачев, уверовав, как это было с Хрущевым и с Брежневым, в своё величие, вседозволенность, всевластие, продолжал углублять «перестройку» КПСС и социалистической системы, цинично направляя её в антикоммунистическое, антисоциалистическое русло…

«Общество было многим недовольно и жаждало перемен, – справедливо пишет Н. И. Рыжков, – но ни о переходе к другой социально-экономической системе, ни о каких-либо отказах от социалистических идеалов и целей не было и речи… Я твердо

верил, что у социалистической экономики, у социализма громадный потенциал, он еще не исчерпан, еще поработает на державу… Да и Горбачев тогда продолжал недвусмысленно говорить об этом: „Осуществлять перестройку мы будем не за пределами социализма, а в его рамках“». (Н. И. Рыжков. Там же, с. 184, 185, 186).

Сложность истинной оценки и разоблачения Горбачева, его замыслов как раз и состояла в том, что он, являясь Генеральным секретарем, практически всегда все свои перестроечные лозунги и нововведения прикрывал социалистической терминологией. Даже когда заговорил о переходе «к гуманному, демократическому, рыночному социализму». Это горбачевское «социалистическое» словоблудие очень многих долго сбивало с толку. Потому люди и мысли не допускали, что он – ренегат-предатель и ведет страну к гибели…

Фотофакт: в личном плане – всё в норме, на работе и дома. Но… к большому несчастью, «воцарение» Горбачева несло беду за бедой, и вызывало тревогу за завтрашний день…

Наша первая внучка Юленька: нескрываемая радость бабушки и дедушки.

Юленька в окружении двух бабушек и мамы.

Счастливый отец с двумя дочками Юленькой и Катюшей.

Внучки в гостях у бабушки Зои и дедушки Гены в Новосибирске.

Глава десятая. В атмосфере нарастания антикоммунистического психоза…

Судороги перестройки

Антисоциалистическая направленность перестройки резко возросла после возведения А. Н. Яковлева на пост второго Секретаря ЦК КПСС. Теперь он стал главным идеологом партии, советником и наставником Горбачева, «архитектором» перестройки.

Отлично понимая роль средств массовой информации в обществе, Яковлев избрал эту сферу деятельности в качестве основного направления. И в первую очередь занялся заменой главных редакторов, которые, по его мнению, не смогли перестроиться, не обеспечивали политический курс, проводимый Горбачевым. Очень скоро станет ясно, что дело идет к созданию «радикальной команды» в средствах массовой информации. Ей отводилась особая роль в обеспечении горбачевско-яковлевской

политики, направленной не на совершенствование социализма, а на его разрушение.

Одной из первых кадровых акций, осуществленных Яковлевым, была замена главного редактора журнала «Коммунист» – теоретического органа ЦК КПСС. Его возглавлял тогда доктор философских наук, профессор Ричард Иванович Косолапов.

Спустя немногим более четырех месяцев после XXVII съезда КПСС, 23 июля 1986 года, вопрос о работе редакции журнала «Коммунист» был внесен на заседание Политбюро. Стало ясно, что новый идеолог ЦК решил прибрать журнал к рукам.

Обосновывая это, Горбачев в своей речи на Политбюро резко критиковал редакцию журнала: «Слаба основа теоретического анализа современных процессов. Философские статьи не дают анализа сегодняшнего дня, не раскрывают исторические аспекты развития партии, экономический механизм. Ученые не дают на них ответа. Идеологическому Отделу ЦК и Секретариату необходимо детально вникнуть в работу журнала» (В. И. Воротников. «А это было так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003. с. 125).

Смысл этого шага был очевиден: направить деятельность журнала на теоретическое обеспечение «перестройки» в духе ее понимания и проведения Горбачевым, Яковлевым и их единомышленниками.

Р. И. Косолапов был освобожден от должности главного редактора журнала «Коммунист» и направлен на преподавательскую работу в Московский государственный университет на философский факультет.

Е. К. Лигачев следующим образом освещает в своей книге эту акцию Яковлева:

«Меня не покидало ощущение, что речь шла о каких-то личных счетах, хотя и не только о них. Ричард Иванович был одним из немногих, за кем, как говорится, присматривали и после ухода из журнала. „Присмотр“ заключался в том, чтобы не позволить этому способному человеку вновь продвинуться по служебной и общественной лестнице.

Помню, мне однажды позвонил в этой связи ректор МГУ академик Логунов и сказал:

– Егор Кузьмич, на меня жмут, чтобы я не назначал Косолапова деканом факультета…

Взвесив мнения о Косолапове, которые приходилось слышать, я посоветовал:

– А вы его держите исполняющим обязанности. Главное – пусть в этой должности работает.

Спустя четыре года на втором этапе Учредительного съезда Компартии РСФСР снова возник вопрос о Косолапове. К тому времени Ричард Иванович вновь появился на общественной арене; его статьи и публичные выступления показывали, что он занимает прочные партийные позиции, борется за истинное обновление социализма. Кто-то предложил избрать Косолапова в состав ЦК Компартии РСФСР.

Тут же на трибуну буквально взбежал первый заместитель главного редактора „Коммуниста“ Лацис (впоследствии один из видных политических оборотней, ярый антисоветчик) и принялся клясть Косолапова за якобы былую связь с Черненко. Не знаю, была ли она на самом деле, но даже если и была, то почему ее надо ставить в упрек? И почему только Косолапову? Никто ведь не третирует бывших высокопоставленных работников ЦК КПСС, получивших Ленинскую премию за телефильм о Брежневе, которые и сегодня занимают весьма высокие должности.

Нет, безусловно, в отношении к Косолапову проявилось не только нечто мировоззренческое, но, думаю, и что-то личное.

Вместо Косолапова в „Коммунист“ пришел Фролов, ранее работавший вместе с Яковлевым в аппарате ЦК. Позже Фролов, уже в звании члена-корреспондента, был утвержден помощником Генерального секретаря ЦК КПСС; впоследствии стал академиком Академии наук СССР.

В окружении Горбачева всё чаще стали появляться люди, которые в личном плане замыкались на Яковлева.

Легко просматривалась и другая тенденция: от Генерального секретаря постепенно отдалялись люди, хорошо знающие практическую жизнь страны, а на их место приходили ученые с академическим мышлением.

Безусловно, лидеру необходимы помощники и советники с академическим мышлением, более того, они незаменимы. Однако как в искусстве, так и в политике все дело в пропорциях. Горбачева явно уже осенил ореол „просвещенного монарха“, и он хотел находиться в окружении академиков». (Е. К. Лигачев. «Предостережение». М. 1999, с. 126–127).

…Журнал «Огонек» многие годы был одним из самых популярных советских журналов. Но в горбачевское время он стал ультрарадикальным. Это произошло после назначения по предложению идеологического отдела ЦК главным редактором журнала В. Коротича. В «Огоньке» потоком пошли экстремистские, антикоммунистические публикации, накалявшие общественно-политическую атмосферу, оскорблявшие армию, носившие антипартийную направленность. По свидетельству Е. К. Лигачева, Коротич многократно каялся, но продолжал ту же

антисоциалистическую линию. Впоследствии он нашел себе пристанище в Соединенных Штатах Америки…

Тем же курсом пошли газеты «Аргументы и факты», «Московские новости», «Московский комсомолец», «Литературная газета», а впоследствии – «Известия», другие массовые издания.

Становилось очевидным, что под влиянием Яковлева усилился процесс размежевания газет и журналов по идеологическим позициям. У КПСС, сторонников социализма в стране все меньше оставалось СМИ, твердо отстаивавших социалистические позиции. Это произошло тогда, когда Горбачев и Яковлев, по определению Е. К. Лигачева, «взяли прессу на себя».

«Экстремистская пресса, – пишет Е. К. Лигачев, – продолжала свою разрушительную работу, наращивая крен в сторону негативных публикаций, круша всё и вся в отечественной истории…

Отчетливо выявилась определяющая роль СМИ в дестабилизации положения в Прибалтике. В Литве, Латвии и Эстонии народно-фронтовская печать стала тараном, с помощью которого расшатывались устои социализма и союзного государства.

Всё чаще звучали предостережения, что Прибалтика, и, в частности Литва, служат своего рода полигоном, на котором испытывают радикальные, разрушительные модели. К сожалению, Политбюро в целом не прислушалось к этим тревожным предостережениям…» (Е. К. Лигачев. «Предостережение». М. 1999, с. 129–130).

В начале 1986 года в печати стали появляться материалы с критическим разносом ряда партийных организаций и лиц. В них содержался не столько критический анализ, объективный разбор проблем, предложений как исправить положение, сколько стремление «размазать» виновников. Так «демократизировалась» пресса, – замечает В. И. Воротников.

Основой для такой её «демократизации» служили горбачевские «перестроечные» лозунги: «больше демократии – больше социализма», «больше гласности и плюрализма» и т. п.

О том, как быстро набирал силу антикоммунизм внутри советской страны в условиях горбачевско-яковлевского перестроечного курса, хорошо видно на примере съезда кинематографистов, состоявшегося 13–15 мая 1986 года.

В. И. Воротников в своем дневнике записал следующее:

«Начало съезда было довольно спокойным, острым, критичным, но без перехлестов. Но уже вечером в первый день работы съезда и на следующий день разгорелись страсти. Был поставлен вопрос об изменении организационных форм

кинематографа, о материальной и творческой самостоятельности киностудий. Ряд представителей так называемой „демократической“ интеллигенции резко выступили против идеологии и практики социализма в Советском Союзе, против руководящей роли КПСС. Это было начало конфронтации деятелей культуры с правящей партией.

Съезд шел три дня. Руководителем союза кинематографистов вместо Л. Кулиджанова избрали Э. Климова. Полностью обновился и весь состав правления. Так „молодые, талантливые, горячие“ одержали победу. Горькой оказалась впоследствии эта победа и для них самих, и для нашей кинематографии. Однако съезд дал толчок, спровоцировал аналогичный подход, оценку положения и выводы на состоявшихся позже съездах и других творческих союзов. Эта „демократическая“, антикоммунистическая волна расколола творческие организации. Мнимая свобода обернулась буквально бедствием для подавляющего большинства актеров, режиссеров, писателей, художников и других деятелей культуры». (В. И. Воротников. «А было это так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 119).

Росту антикоммунистических, антисоциалистических настроений в советском обществе в решающей мере способствовали горбачевско-яковлевские ориентиры и рекомендации. Достаточно вспомнить «установку», высказанную Горбачевым о рамках демократии, свободы слова и гласности: «разрешено всё, что не запрещено законом».

24 сентября 1986 года на заседании Политбюро ЦК обсуждался вопрос «Об актуальных проблемах перестройки». Горбачев сказал: «Политика ЦК народом поддержана. Она обесценивается на уровне „штабов“, как хозяйственных, так и партийных, советских…» Вся антикоммунистическая рать восприняла это как команду: «бить по штабам!»

Началась омерзительная травля, дискриминация, отвратительное очернительство, погромное шельмование партийных комитетов, в особенности городских и районных, областных и краевых.

Вот еще один пассаж Горбачева с того заседания: «Противники перестройки объединились в крике, чтобы дискредитировать, опорочить наши дела, есть неудовлетворенность в народе. Конечно, дело не в политической оппозиции, ее у нас нет, а дело в консерватизме, косности мышления».

Горбачев видит опасность проводимой перестройки не в разрушительных действиях СМИ, набравших свою силу, всемерно

поощряемых и поддерживаемых Яковлевым, а в «консерватизме» людей, забивших тревогу за судьбу КПСС, страны, социализма.

«Настоящий разнос устроил Генеральный секретарь на том заседании Политбюро. Эмоционально, с нажимом, угрозами… Теперь метод накачки стал для него системой», – записал в своем дневнике В. И. Воротников.

Горбачев вдохновлял не только доморощенных антикоммунистов, но и их зарубежных наставников. Уже за повесткой дня он заявил: «О радиопередачах Би-Би-Си, голоса Америки и других. Надо прекратить глушение. Это прямо относится к третьей корзине Хельсинки. Возражений нет» – не спрашивает, а категорически резюмирует генсек. (В. И. Воротников. «А было это так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 129, 130).

Впрочем, можно было бы спокойно отнестись к прекращению глушения антикоммунистических, антисоветских голосов. Ведь «запретный плод слаще». Это подтверждено реальностью многих лет и десятилетий глушения в СССР многоликих зарубежных голосов, которое сопровождалось гулявшей по стране прибауткой: «Есть забава на Руси ночью слушать Би-Би-Си».

Зарубежные голоса сделали свое подлое дело. Они не только взрастили диссидентов, но и посеяли сомнения у многих советских людей, слушавших их: так ли уж хорош социализм и плох капитализм?

Первые стали идеологами «демократической» контрреволюции. Вторые – их митинговыми подголосками.

Суть, однако, в другом: в горбачевские годы, в условиях гласности и плюрализма, свои, доморощенные антикоммунисты, получили возможность в полную силу использовать советское радио, телевидение, печать для антикоммунистической пропаганды, превосходя по размеру все зарубежные голоса вместе взятые, – и злобой, и ложью, и цинизмом. Так что их зарубежным духовным собратьям можно было не беспокоиться. Они свое сделали. И в этих условиях вполне объяснимо прекращение глушения зарубежных голосов на Советский Союз.

Такие «уроки» Горбачева окрыляли всю антикоммунистическую нечисть, вдохновляли её на вседозволенность…

Ближайшие соратники Горбачева – Е. К. Лигачев, Н. И. Рыжков и В. И. Воротников, входившие в первую его команду, в своих оценках делают акцент на то, что первые годы перестройки (1985–1987), при всех имевшихся проблемах, допущенных ошибках, поспешно принятых и не всегда оправданных решениях, были позитивными. Не замалчивая

просчетов, негативных проявлений, омрачавших советских людей, вызывавших тревогу за последствия горбачевской перестроечной политики, они выходили на общий «плюс» при оценке положения в стране.

Мне представляется, мягко говоря, что ближайшие соратники Горбачева на первом этапе перестройки, довольно долго и крайне терпимо относились к его «новациям», вызывавшим беспокойство и озабоченность у множества людей, да и у них самих.

Складывалось впечатление, что их, каждодневно общавшихся с Горбачевым, тоже «убаюкивали» его многократно повторяемые и вбиваемые в головы людей циничные заявления, что «осуществление преобразований будем проводить только в рамках социализма».

Традиционно сложилось так, что ближайшее окружение первых лиц в КПСС и в советском государстве слишком долго мирилось с волюнтаризмом и прожектерством Хрущева, затем – с «самодовольным оптимизмом» Брежнева, и, наконец, – со многими спонтанными, необдуманными, необоснованными и неподготовленными, сомнительными лозунгами и действиями Горбачева. Неужели история, предшествующий опыт ничему не научили?

Даже судя по дневнику В. И. Воротникова, весьма откровенному и объективному, видно, какие серьезные раздумья, недоумения, сомнения и тревоги вызывал у него горбачевский курс, его лозунги и действия в 1985 и в 1986 годах, которые омрачали многих в партии и в целом в стране.

Читаем дальше в дневнике В. И. Воротникова: «Процесс перестройки после январского (1987 года) Пленума ЦК в руководстве, в партии, в обществе стал восприниматься неоднозначно. Терпение и выдержка в оценке ими Горбачева и Яковлева, мешали объективно высказать правду, боясь оказаться в числе „консерваторов“. Это была обманчивая тенденция, таившая в себе непредсказуемые последствия».

Вот она истина! Как же можно было несколькими строками выше утверждать, что «в 1987 году стал ускоряться процесс демократизации, люди стали раскованнее».

А ведь и ранее Виталий Иванович с тревогой писал об антисоциалистических настроениях на съезде кинематографистов, о националистических выступлениях в Прибалтике, в Литве в особенности, да и в Эстонии, о множестве омерзительных публикаций в СМИ, и сюжетов в теле– и радиопередачах, поносивших все этапы советской истории, включая Великую Октябрьскую социалистическую революцию, и т. д. Всё это – «плоды» процесса «демократизации» «раскованных

людей», действия нового, главного идеолога партии А. Н. Яковлева, который всё чаще подбрасывал Горбачеву праворадикальные идеи, которые тот сразу озвучивал и давал им «зеленую улицу», толкая перестройку в тупик.

Эта противоречивая и непоследовательная критика с оговорками очень часто встречается также у Е. К. Лигачева. Он пишет:

«Обращаю внимание читателя, что А. А. Яковлев в своей книге „Обвал“ утверждает, что он уже в 1987 году понял, что „от марксизма надо отказаться“».

Выходит, А. Н. Яковлев знал, что он делал тогда, практически с первых дней своей работы в ЦК КПСС сначала в должности заведующего идеологическим Отделом ЦК, а затем секретаря ЦК и члена Политбюро. А члены Политбюро, работавшие рядом с ним, не замечали, не видели или не понимали, куда ведет КПСС и советскую страну насаждаемая им идеология? Всё та же необъяснимая терпимость, основательно смахивающая на беспринципность и благодушие.

Размышляя о ситуации, складывающейся с разрушительной антисоциалистической деятельностью СМИ, прикрывавшихся идеями гласности и плюрализма, Е. К. Лигачев пишет:

«Уже тогда было видно, что гласность и демократию радикалы стремятся использовать в целях нагнетания общественной напряженности, дезориентации массового сознания, дестабилизации государства.

Острота радикальных публикаций все чаще переходила в разнузданность. Трудно припомнить такие заседания Политбюро, на которых стихийно не возникали бы вопросы по СМИ. Их поднимали практически все члены Политбюро, особенно Рыжков, Крючков, Лукьянов и секретари ЦК, за исключением Яковлева и Медведева. В ЦК потоком шли письма людей, возмущенных публикациями, оскорблявшими нашу партию, армию, ветеранов…

На такие письма нельзя было не реагировать. Нередко возмущался некоторыми статьями и телепередачами и сам Горбачев. Но каждый раз это была „буря в стакане воды“. Всё кончалось словопрениями – без принятия каких бы то ни было решений. Правда, порой, Политбюро поручало Медведеву „разобраться“, однако судьба этих поручений была неизвестна, никто потом не вспоминал о них. Медведев об исполнении не докладывал. Думаю, более того – не сомневаюсь, что такая политика была хорошо известна „капитанам“ праворадикальной прессы, она их „вдохновляла“.

Очень острая критика СМИ звучала на всех Пленумах ЦК того периода, на всех совещаниях рабочих, крестьян, учителей,

промышленников. Но Горбачев либо вообще не замечал этой критики, либо истолковывал ее как чью-то попытку уйти из-под контроля общественности и прессы…

Между тем в стране явно устанавливалась диктатура праворадикальных средств массовой информации. Речь шла о жестоком пропагандистском терроре. Ни о каком разномыслии говорить не приходилось. В один день, словно по команде, пять-шесть ведущих московских изданий вкупе с телевидением, „Маяком“, а также при мощной поддержке зарубежных радиоголосов, обрушивались на своих противников; вал за валом скоординировано накатывались на страну дестабилизирующие пропагандистские кампании.

От людей, называвших себя демократами, как говорится, за версту разило диктаторскими замашками, стремлением к монополии над умами. Это была очень опасная тенденция, угрожавшая подлинной демократии. Однако Горбачев игнорировал предостережения…» (Е. К. Лигачев. «Предостережение». М. 1999, с. 130–131).

Выше я уже писал о проявлении национализма и сепаратизма в Прибалтике, в Эстонии и в Литве, в частности. В конце 1986 года советская страна была взбудоражена ярко выраженным националистическим взрывом, происшедшим в Казахстане.

В ночь на 18 декабря 1986 года, сразу после Пленума ЦК Компартии Казахстана, избравшего русского коммуниста Г. В. Колбина первым секретарем республиканской Компартии, в Алма-Ате собралось примерно две с половиной тысячи лиц на центральной площади. Преобладала студенческая молодежь. Повод: несогласие с решением Пленума ЦК Компартии Казахстана об избрании Г. В. Колбина. Как говорилось в сообщениях из Алма-Аты, отмечены хулиганские действия. Предпринимались попытки спровоцировать чисто националистические проявления по отношению к русским. Произошли стычки. Были поджоги автомобилей и магазина. Есть пострадавшие, в том числе и среди личного состава внутренних войск МВД.

В ту же ночь оперативно был собран партийный актив республики в количестве семисот человек. Приняты меры противодействия проявлениям такого рода и стабилизации обстановки. В других регионах Казахстана ситуация была спокойной. Инициаторами и организаторами «возмущения» являлись в основном представители интеллигенции, преподаватели вузов, а также отдельные сотрудники обкома партии, телевидения и другие…

Днем 18 декабря площадь оставалась блокированной войсками МВД. Но вокруг собралось около полутора тысячи человек. Толпы меньшей численности сходились и в других районах Алма-Аты.

19 декабря состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС. Было решено оперативно локализовать конфликт, избегая жестких мер. В то же время Политбюро высказалось за необходимость ввода в Казахстан дополнительных войск МВД.

Было принято обращение к народу Казахстана. Акцент в нем делался на то, что негативные националистические проявления в Алма-Ате не выражают в целом настроения казахского народа.

Продолжала накаляться атмосфера в республиках Прибалтики, тоже откровенно националистического характера.

29 декабря 1987 года на заседании комиссии Политбюро под председательством Е. К. Лигачева была рассмотрена генеральная «схема управления в Эстонской ССР», которую ввело тогдашнее партийное руководство республики. Суть её: всю промышленность от оборонных предприятий до хлебозаводов объединить в один государственный комитет с огромнейшим аппаратом. Это «новаторство» привело к требованиям экономической самостоятельности, затем к сепаратизму, национальному самоопределению и выходу республики из состава СССР. Печальный факт.

В роли «новатора» выступал и тогдашний первый секретарь ЦК Компартии Эстонии К. Вайно. Развоторив республику, он ушел в отставку.

Националистические взрывы произошли и в других союзных республиках. Все эти и другие негативы были порождены горбачевско-яковлевскими перестроечными лозунгами и установками. Они вдохновляли СМИ на злобную антикоммунистическую пропаганду, превращали средства массовой информации в средства массового оболванивания граждан. Народ так и окрестил их – СМОГ. Таковы факты…

Так что никак не получается относить первые горбачевские годы к «успешному этапу перестройки», как оценивают его Н. И. Рыжков, Е. К. Лигачев и В. И. Воротников.

Цели, содержание, методы проведения в жизнь идей перестройки круто изменились вскоре после XXVII съезда КПСС, а окончательно – после Январского (1987 года) Пленума ЦК. Удивительно, но излом произошел после того, как данный Пленум обстоятельно раскрыл сущность перестройки и ее задачи.

Это видели, понимали и всё сильнее тревожились за судьбу социализма не только многие коммунисты в КПСС, и не только граждане нашей страны. Не в меньшей, а порой даже в большей

мере росли тревога и озабоченность в странах социалистического содружества. Об этом всё откровеннее и с большой горечью говорили руководители братских коммунистических партий и государств.

После поездки в Народную Республику Болгарию весной 1987 года я тоже был взволнован крайней обеспокоенностью болгарских коммунистов «перестроечным» курсом Горбачева, их большой тревогой за судьбу социализма и в Советском Союзе, и в Болгарии, и в других европейских социалистических странах. Ближайшее будущее в полной мере подтвердило эти опасения.

Интересный анализ горбачевской деятельности за первые два с половиной года его пребывания в должности Генерального секретаря ЦК, дает В. И. Воротников в своем дневнике.

Изложу кратко основные положения его размышлений и оценок:

28 сентября 1987 года Горбачев заявил, что «первый этап предложенной им программы революционных преобразований, получивший название „перестройка“, в основном завершен».

Каковы же результаты этого первого этапа в оценках В. И. Воротникова?

«Главным для успеха перестройки, – по определению Горбачева, – были кадры: „единомышленники, активные и последовательные“. Но замена, подбор кадров на ту или иную высокую должность проходили поспешно, нередко пристрастно, без учета их истинных качеств, компетентности. В силу этого происходили повторные замены, а порой меняли и по третьему кругу.

Отсюда кадровая чехарда, неуверенность, неудачи, провалы.

…Первоочередное внимание Горбачев решил уделить сельскому хозяйству, заявляя при этом: „Этот вопрос ношу в себе много лет. Я все продумал“.

Нет, не всё, – справедливо замечает В. И. Воротников. – Разломав, пусть консервативную, но систему, он породил разброд и неуверенность хозяйств в завтрашнем дне. В конечном счете „перестройка“, проводимая Горбачевым в сельском хозяйстве, экономический беспредел, политическая нестабильность развалили сельское хозяйство.

То же самое и в экономике в целом. Экономические „новации“ Горбачева нарастали как снежный ком, одна за другой. Часто они были научно не обоснованы, не обсчитаны ресурсами, финансовыми последствиями, принимались спонтанно. Экономические эксперименты шли чередой по многим вопросам. Но проблем в экономике не убавлялось. Они продолжали расти и усложнять социально-экономическое положение в стране.

Была необходимость изменить систему управления экономикой: оставить за партией лишь политические функции, а государственную власть передать Советам… Старую систему торопливо сломали, ничего не дав взамен…

Главным стержнем прежней системы управления экономикой была мощная Коммунистическая партия. Она действительно взяла на себя несвойственные ей функции, но держала руку на пульсе экономики и контролировала её развитие.

Глобальным дезорганизатором большой работы по внедрению механизма совершенствования управления являлся горбачевский постулат: „Разрешено всё, что не запрещено законом“. Он породил в стране анархическое своеволие: „Что хочу, – то и ворочу“.

Это вызвало несогласие и протест со стороны партийных комитетов, особенно среднего звена (райкомов, горкомов, обкомов, крайкомов). Горбачев тут же объявил их „консерваторами“, „противниками перестройки“ и бросил клич: „бить по штабам“…

Многие предложения и решения, спонтанно рождавшиеся Горбачевым и принимавшиеся по его настоянию, вызывали обоснованное возражение специалистов, ученых и даже некоторых членов Политбюро. Но он от них отмахивался: „Надо быстрее „пробежать“ переходный этап перестройки, оправдать надежды народа“.

Эти горбачевские желания и стремления „поскорее пробежать первый этап перестройки“ – брали верх над экономической наукой и опытом, над здравым смыслом. Локомотивом этого „пробега“ был именно Генеральный секретарь. Политика была поставлена впереди экономики („телега впереди лошади“). И экономические идеи стали гибнуть одна за другой.

Только позднее, в 1988 году, станет ясно, куда Горбачев так торопился: он с самого начала задумал радикально изменить не только экономический, но и общественно-политический строй. А между тем, все перестроечные годы он твердил: „Ответ на все вопросы мы должны искать в рамках социализма“. Этим цинично обманывал и партию и народ…

Видя очевидные провалы многих своих начинаний, Горбачев на Пленуме ЦК КПСС в июле 1987 года стал утверждать, что в провалах виноваты не только допущенные ошибки, просчеты, консерватизм и бюрократизм, а в целом советская политическая система. И делал вывод, что „без кардинального изменения политической системы мы не справимся с задачами перестройки“.

Это было объявлено главной задачей её второго этапа. Партия всё дальше уходила от экономических проблем, а Советы

были не в состоянии взять руководство на себя, не имея ни законодательных норм, ни экономической базы, ни кадров, ни опыта.

В сентябре 1987 года Горбачев скажет: „Мы вступили в критический этап перестройки“. Это был провокационный призыв, попытка свалить вину за сбои перестройки на других, прежде всего на местные партийные комитеты. Он всячески поддерживал и поощрял настрой, вызванный им же, Горбачевым, отданной им командой: „бить по штабам“ – по среднему звену партийных и советских кадров, которые, по его утверждению, являлись главным тормозом в проведении перестроечной политики.

Своими призывами он давал установки СМИ направлять недовольство проводимой политикой против КПСС и Правительства, возглавляемого Н. И. Рыжковым. И СМИ перешли к фронтальной атаке на все стороны деятельности партии, всемерно дезориентируя общественное мнение и внутри страны, и за ее пределами.

Гласность и плюрализм вершили свое гнусное и подлое дело: целенаправленно использовали в антикоммунистических, антисоциалистических целях свои силы. СМИ стали крушить всё вокруг, используя „спецгласность“.

А. Н. Яковлев в 1992 году с радостью и гордостью за своё „детище“ скажет, что он и „не предполагал“ такой её разрушительной силы. Разговоры о плюрализме и гласности были для „архитекторов“ и „прорабов“ перестройки всего лишь пропагандистской маскировкой.

В конце 1987 года меня особенно взволновало кощунственное использование 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции в качестве повода для реанимации и продолжения незаконченной Хрущевым антисталинской кампании, её углубления и расширения с охватом всех периодов советской истории.

Ничего не скажешь, ренегаты-предатели нашли для этого самое подходящее время. Страна не успела оправиться от проблем и трудностей последних лет брежневского этапа „самодовольного оптимизма“, последующих трех „траурных“ годов, вызванных похоронами трех Генеральных секретарей ЦК (Брежнева, Андропова, Черненко), – как оказалась снова в крайнем напряжении.

Виной тому многократно выросшие и обострившиеся старые проблемы и беды, и новые, порожденные горбачевской перестройкой. Страна напоминала собой „разбуженный улей“. Люди теряли надежду на улучшение жизни, умирал социальный

оптимизм, чем всегда особенно был силен советский человек, нарастало беспокойство за будущее своей советской Отчизны, за социализм, за свою собственную судьбу, за судьбу своих детей и внуков.

И вот, на юбилейном торжестве, в своём докладе Горбачев в хрущевском духе пересмотрел и переоценил все периоды советской истории и деятельности КПСС, делая акценты на ошибки, недостатки, неудачи, просчеты, на болезненные вопросы советской истории: на внутрипартийную борьбу и массовые репрессии, коллективизацию и „головокружение“ от успехов, хрущевский волюнтаризм и брежневский „застой“ и многое другое. Всё это как бы говорило о несовершенстве политической системы, о её неспособности кардинально решить назревшие проблемы и обеспечить дальнейшее развитие страны по пути социализма. Такие горбачевские размышления подводили к выводу о необходимости в первую очередь совершенствовать политическую систему, без коренной перестройки которой невозможно обеспечить решение накопившихся проблем, невозможно двигаться вперед.

Становилось ясно, что в 1988 году КПСС, советскую страну, советскую политическую систему, советский народ ждут новые, еще более сложные и тяжелые испытания. Этим В. И. Воротников завершает свой анализ первого периода горбачевской перестройки.

…Всё больше хлопот и бед порождал и Ельцин – „выдвиженец“ Лигачева и Горбачева на высокие партийные посты.

21 октября 1987 года на Пленуме ЦК КПСС, рассматривавшем вопросы, связанные с 70-летием Октября, произошло неожиданное.

Прения по докладу, с которым выступил Горбачев, не планировались. Да никто из участников Пленума на этом и не настаивал. И вдруг, неожиданно для всех (*но не для Горбачева*) к трибуне пошел Ельцин, тогда уже кандидат в члены Политбюро ЦК. Вот тезисы его выступления в редакции В. И. Воротникова:

„Доклад полностью поддерживаю. Тем не менее, хочу высказаться. Надо перестраивать работу партийных комитетов, начиная с Секретариата ЦК, стиль которого не меняется, как и Лигачева, носит разносный характер. Разного рода накачки хозяйственных органов. Это не революционный стиль. Необходимо делать выводы из прошлого для настоящего и будущего.

Наши планы о перестройке за 2–3 года (о чем говорилось на съезде), а теперь опять 2–3 года, – это дезориентирует партию и массы. Настроение в народе поэтому идет волнами. То был

подъём (после января 1987 г.), то вера стала падать (после июня 1987 г.). Зигзаги перестройки влияют на авторитет партии.

Уроки прошлого – тяжёлые уроки. Поражения были потому, что нарушилась коллегиальность в принятии решений. Власть была отдана в одни руки. Вот и сейчас в Политбюро обозначился какой-то рост славословия у некоторых членов Политбюро в адрес Генерального секретаря. Это недопустимо. Сейчас нет каких-то перекосов, но штришки есть.

И последнее (немного помолчал): видимо, у меня в работе в составе Политбюро не получается. И опыт, и, может быть, отсутствие поддержки со стороны особенно Лигачева привели меня к мысли об отставке, об освобождении от должности и обязанностей кандидата в члены Политбюро. Заявление я передал“. (Кому? Горбачеву?! Так, значит, он всё знал!)»

Несмотря на неожиданность выступления Ельцина и недоумение, возникшее у участников Пленума, можно было принять к сведению это выступление Ельцина и затем в спокойной обстановке рассмотреть поставленные им вопросы. Но Горбачев решил открыть прения и сам начал их.

Затем экспромтом выступили Лигачев, Рыжков, Воротников, Яковлев, Шеварднадзе и другие.

В конце Горбачев снова дал слово Ельцину: «Я сказал, что подвел ЦК, Политбюро, МГК. Повторю: прошу освободить меня от обязанностей кандидата в члены Политбюро и от руководства Московской партийной организацией».

…Откровенно говоря, мне представляется, что не было никакой необходимости устраивать публичную «порку» Ельцина. Этот горбачевский маневр дал отрицательный эффект. Кстати, такое же мнение высказывают Н. И. Рыжков и В. И. Воротников.

Ельцин же, оказавшись «обиженным», мгновенно вырос в глазах всей «демократической» контрреволюции, быстро набиравшей силу в условиях горбачевской перестройки. Вскоре он станет её кумиром, «отцом российской демократии», «предводителем» антисоциалистической, антисоветской «пятой колонны», могильщиком социализма, Советской власти, великой советской державы и в первую очередь КПСС, взрастившей его…

Переполох в стане ренегатов и псевдоплюралистов

…13 марта 1988 года. Не помню уже, в силу каких обстоятельств, я задержался дома дольше обычного. Неожиданный звонок.

– Это Мартыненко.

– Здравствуйте, Константин Матвеевич.

– Вы читали «Советскую Россию»?

– Всегда читаю. В первую очередь. Но сегодняшний номер еще не приносили. А что случилось?

– Сегодня в «Советской России» опубликована статья «Не могу поступаться принципами» какой-то Нины Андреевой. Я на всякий случай купил в газетном киоске и для вас экземпляр. Сильнейшая статья. Прочитаете – сами убедитесь.

– Спасибо! Скоро буду в университете.

Заинтригованный этим звонком, поспешил на свою кафедру, тогда еще называвшуюся кафедрой научного коммунизма. И получил из рук Константина Матвеевича обещанную «Советскую Россию».

Посмотрел и… ахнул: «Вот так статья! На целую полосу. Видно, стоящая. Чикин (главный редактор) абы что в номер не поставит. Да еще на целую полосу».

…С первых строк стало ясно: статья бьет в цель по главным направлениям и проблемам сегодняшней политической жизни. И бьет не просто смело, но и умело: защищает все ценности социализма, советский строй, советскую жизнь, все этапы советской истории. Особенно (что очень важно!) – сталинский. Бьет по недругам социализма, по антисоциалистическим, антикоммунистическим ублюдкам, которых выбросили на гребень волны «перестройки», – гласность, плюрализм и прочие горбачевско-яковлевские «штуковины», отравляющие сознание советских людей ложью, клеветническими измышлениями и бранью в адрес КПСС, ее истории, социализма и всего самого сокровенного, что он дал стране, народу.

Причем делает это автор умно. Он приводит в статье несколько «постулатов» Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева – о задачах перестройки и демократизации общества, КПСС, о совершенствовании социализма. А затем убедительно на фактах показывает, что противники социализма, антикоммунисты всех мастей и оттенков, паразитируя на гласности и плюрализме, идут вразрез с целенаправленными установками руководства КПСС и ее Генерального секретаря, намеренно дезориентируют

людей, порождая у них неверие и беспокойство, боль и тревогу за судьбы КПСС, социализма, нашей великой и могучей Советской Отчизны.

…Пробежав по диагонали статью, я решил, что её надо вечером спокойно и внимательно еще раз прочесть. И сразу решил: надо немедленно написать отклик о статье и послать его в редакцию «Советской России» и автору.

В тот же вечер два варианта отклика были готовы: небольшой в несколько слов – для телеграммы; более обстоятельный – письмом по почте.

На второй день повстречался (или созвонился) с несколькими смелыми и принципиальными учеными – преподавателями общественных наук с предложением прочесть статью Нины Андреевой, и, если считают необходимым и возможным, подписать заготовленные мною тексты телеграммы и письма в её поддержку. Всех, кому звонил, я познакомил с ними.

Но не тут-то было. Примерно из двадцати ученых, которых я хорошо и давно знал и в которых был уверен, лишь пять-семь твердо высказались «за». Они заявили: «Можете подписать и отправить телеграмму и письмо от своего и нашего имени».

Стало ясно: подставляться никто не хочет. Ну и что ж, что напечатала «Советская Россия», главный редактор которой член Бюро ЦК КПСС по Российской Федерации, а газета – орган ЦК, Верховного Совета и Совета Министров РСФСР. А вдруг Чикин дал статью без согласия генсека? И такое может быть…

Не стал я ни на кого давить. Решил подписать сам, указав, что мою позицию, мои оценки и выводы разделяют многие ученые. Отправил и письмо, и телеграмму.

…Не прошла неделя, как в нашей «Советской Кубани» – органе крайкома КПСС и крайисполкома, появилась статья Владислава Филимонова, моего старого друга и товарища по работе в редакции туапсинской городской газеты и в комсомоле.

В этой статье содержалась беспощадная критика Нины Андреевой и содержания ее статьи. При этом автор замечал, что многих в крае она сбила с толку, вызвала недоумение у одних, одобрение у других, возмущение у третьих.

Написал В. Филимонов и о том, что один, хорошо известный в крае профессор истории, собирал подписи среди ученых-обществоведов краснодарских вузов под письмом, заготовленным им, одобряющим статью Нины Андреевой.

Фамилию он не назвал: то ли пощадил старого друга, то ли, скорее всего, редактор газеты, посоветовавшись с крайкомом, ректоратом и парткомом университета, решил «не рекламировать» мой поступок, мое отношение к статье Нины

Андреевой. Но я и сегодня рад своей причастности к ней…

…«Советская Россия» в своем номере, посвященном полувековому юбилею газеты, 1 июля 2006 года по поводу публикации письма Нины Андреевой справедливо писала:

«13 марта 1988 года на страницах „Советской России“ было опубликовано письмо Нины Андреевой „Не могу поступаться принципами“. В тот момент никто даже не мог и подумать, что размышления ленинградской преподавательницы химии о ходе перестройки в СССР, о великом советском прошлом, о знаковых для советского общества фигурах и событиях не просто вызовут широкий общественный резонанс, но и станут крупным политическим событием, вехой в истории не только нашей газеты, но и Коммунистической партии, да и страны в целом.

Чего стоит хотя бы тот факт, что газетная публикация стала единственной темой обсуждения на Политбюро ЦК КПСС, сам текст определенные силы объявили манифестом „консерваторов“ и враждебных перестройке сил, а против опубликовавшей письмо „Советской России“ была развязана настоящая травля.

Буквально через несколько недель после публикации вокруг письма Нины Андреевой уже наросло множество лжи, политических мифов и легенд. Сегодня, спустя восемнадцать лет, мало кто уже точно представляет себе содержание знаменитого письма. А потому, по многочисленным просьбам, мы воспроизводим его текст, который особенно интересно почитать нынешними глазами, оценить с позиций сегодняшнего дня, насколько правы оказались автор письма и газета, его напечатавшая, в своих тревогах, сомнениях и оценках почти двадцатилетней давности»

Потому и решил поместить письмо Нины Александровны Андреевой в этой своей книге, – в «Приложении».

* * *

Вернемся в весну 1988 года…

СМИ антисоциалистического направления, да и многие коммунистические издания, «верноподданные» Горбачеву и Яковлеву, по их категорическому требованию, повели ураганный огонь по Нине Андреевой и редакции «Советской России». Их команда была безапелляционной и беспощадной: «Никакой поддержки статье и редакции! Уничтожить гадину!»

Все те, кто был солидарен с Ниной Андреевой, одобрял ее

статью, были поименованы «нинoандреевцами», «врагами перестройки».

А ведь статья Нины Андреевой была реакцией на безбрежный и мутный поток антисоветских, антисоциалистических публикаций и телепередач. В стране установилась диктатура средств массовой информации антисоциалистического толка, жестокий пропагандистский террор.

Множество раз, до публикации статей Нины Андреевой, члены Политбюро ЦК обращали внимание генсека на публикации и теле– радиопередачи откровенно враждебного к советскому строю, и считали необходимым повлиять на ведущуюся дискредитацию КПСС, Советской власти, социализма, советской истории. Но Горбачев, Яковлев, Медведев не обращали на эти возмущения никакого внимания.

Что касается А. Яковлева, то он даже изобрел тезис, объясняющий и оправдывающий такой дикий, злобный разгул «демократических» СМИ. Он утверждал, что печать и телевидение являются всего лишь зеркалом, отражающим жизнь такой, какая она есть. В этом он видел главную задачу СМИ.

Но как только появилась статья Нины Андреевой, осуждающая антиисторические, антисоветские публикации и действия, Горбачев, Яковлев и Медведев сразу же обнаружили в ней «опасность» для «демократии», «рвали и метали» по поводу автора и редакции «Советской России», всех тех, кто стоит за ними.

А. Яковлев был уверен, что эта статья – дело рук Лигачева, но явных фактов о его причастности у него не было.

Однако СМИ сделали все, чтобы именно мнение о причастности Лигачева к публикации статьи Нины Андреевой воцарилось в обществе.

«Архитекторам» перестройки тот «плюрализм», какой исповедовала Нина Андреева, оказался недопустимым, незаконным, крайне опасным для перестройки. Такова цена «гласности» и «демократии», «нового мышления» и «плюрализма», провозглашенных ими.

24 марта 1988 года на заседании Политбюро, после завершения обсуждения вопросов повестки дня, Горбачев поднял вопрос о статье Нины Андреевой в «Советской России» «Не могу поступаться принципами». Он обратился к членам Политбюро: «Читали?»

Ответы были разные: «Кто – читал, кто – не читал или читал невнимательно».

Вот что записал в своем дневнике В. И. Воротников:

Горбачев повел речь о том, что «эта статья не простая. Она

носит деструктивный характер, направлена против перестройки. Не ясно, как она появилась в газете. Кто смотрел, или нет, ее в ЦК? Насколько меня информировали, смотрели, – подчеркнул Горбачев, – даже, мол, после опубликования рекомендовали обсудить статью в партийных организациях. Что же это такое?!»

(Он все более накалял обстановку. У многих товарищей, в том числе и у меня, – недоумение, чем вызван такой эмоциональный всплеск. Только ли материалами статьи как таковыми или ситуацией вокруг статьи, поддержкой её тезисов кем-то из руководства ЦК.)

«Давайте обсудим. Нельзя накапливать недопонимание, – продолжал Горбачев, – на нас лежит огромная ответственность, меня взволновала не только статья, а реакция некоторых товарищей, вроде кто-то признал эту статью как своего рода эталон. С этим я согласиться не могу».

Вот такими словами Горбачев предварил обсуждение. Признаться, я был несколько озадачен. Почему такие резкие оценки, необычная взволнованность, напор? Потом стало понятно, что дело не только в статье, хотя, конечно, и она несла в своих выводах характер, контрастирующий с проводимой Горбачевым линией перестройки. Дело было в том, чтобы, во-первых, гласно и резко поставить «на место» Лигачева, учитывая его «причастность» к появлению статьи. Во-вторых, а может, и, во-первых, выступить всеми средствами массовой информации, в том числе в «Правде», в поддержку перестройки по Горбачеву, ударить по все более громким в последнее время голосам критики, по тем, кто сомневался, туда ли мы ведем перестройку, не отошли ли от ранее провозглашенной линии консерваторы, как называл их Горбачев.

Был или нет до Политбюро у него разговор с Лигачевым, – не знаю.

Реакция Лигачева – смягчить ситуацию: «Да, статья была в ЦК, написана не вчера. У редактора Чикина лежала несколько дней. Он советовался. Ему сказали – решай сам. Никаких установок никто не давал. Редакция сама решила напечатать. Что касается обсуждения в парткомах, то здесь также ЦК не вмешивался. Отметаю всякие домыслы на этот счет. Что касается содержания статьи, то с ней можно согласиться или нет. Да мало ли у нас сейчас публикуют не только противоречивых, но и провокационных, лживых клеветнических материалов».

Подал реплику и я: «Статью смотрел, правда, прочел „по диагонали“. Давайте не накалять страсти. Почему сразу такая реакция? Какая-то шоковая ситуация складывается. Надо всем прочитать внимательнее и потом обсудить. Верно, нельзя ее

обойти молчанием, но надо спокойно и глубоко разобраться в статье и ситуации вокруг нее. Мне неизвестна предыстория ее публикации, а также то, что были какие-то поручения и обсуждения статьи. Мы уже давно решили дать свободу публикации редакциям».

Моя миротворческая реплика только подлила масла в огонь. Горбачев «завелся»: «Нельзя так спокойно реагировать на эту подстрекательскую статью. После февральского Пленума идут дискуссии. Я выступил там по идеологическим вопросам – с согласия Политбюро. Статья же направлена против перестройки, что можно, мол, обойтись и без нее! Если и мы так думаем, то надо все менять? Так ведь выходит!»

После реплик некоторых других членов Политбюро решили пока на этом остановиться. Почитать. И завтра обсудить обстоятельно.

25 марта. Заседание Политбюро. Продолжение обсуждения статьи Нины Андреевой. Для анализа статьи Горбачев предоставил слово Яковлеву, и он сделал примерно двадцатиминутный разбор статьи…

Основываясь на вчерашних оценках Горбачева, Яковлев еще более резко, буквально по пунктам «разбил» базу и выводы статьи, показал ее вред для перестройки. Как неприкрытую попытку обелить прошлое, стремление, опираясь на Маркса, Ленина, обосновать неприемлемость ряда перестроечных новаций и т. д. Яковлев считал, что «такая» статья не должна была появиться в печати. (А как же – плюрализм?!) Что необходима публичная реакция, ответ Андреевой. «И вообще, заявил он, есть ли в жизни такой автор – Нина Андреева? Уж больно хлестко написана статья».

Горбачев подал реплику: «В Ленинграде есть химик Нина Андреева. Если она автор, то кто ей помогал?» (Вот даже такие были учинены розыски в духе худших времен. Для «демократии» – всё дозволено).

Но вернемся к заседанию Политбюро.

После информации Яковлева выступил Рыжков: «Период сейчас ответственный и сложный. Наш принцип – не уходить от острых и трудных вопросов, анализировать и решать их… Я считаю, что поддаваться панике по поводу какой бы то ни было статьи недопустимо. Что же мы призываем зажать всё?..» (Жест в сторону Яковлева.)

Чебриков: «Настроения в обществе разные… В прессе всего много. Есть хорошие, есть плохие публикации, есть кощунственные спектакли – „Брестский мир“, где образ

В. И. Ленина искажен. Партийная печать втягивается в групповщину… Мы не вправе шарахаться из стороны в сторону…»

Воротников: «Я повторю то, что говорил вчера. Редакция вправе печатать что считает нужным и отвечать за это. Мы давно отошли от просмотра и согласования в ЦК и Политбюро всяких материалов. Но беспокоит такая нервная реакция на статью…»

Медведев: «Восприятие происходящего в стране и его отражение в прессе не может быть однозначным. Это естественно, так же как и стремление обсудить, поспорить. Это и есть социалистический плюрализм мнений. К этому надо привыкать и способствовать тому, чтобы он приводил к желаемым результатам. Но вести дело правдиво, честно, искренне, без злорадства и передергивания. В статье не нашлось ни одного слова о перестройке по существу. Просматривается негативное отношение к ней. Она отражает позицию догматических, консервативных сил. Нужно дать аргументированный ответ в печати».

Долгих: «Все мы за перестройку – альтернативы нет. Но дискуссии неизбежны, от этого не уйти…»

Никонов: «Да, статья необычная… Но ведь сколько негативных материалов другого плана в печати, оплевывается все святое, и молчим…»

…Лигачев на этот раз не проронил ни слова.

Горбачев: «О статье. Сама по себе она могла быть. Но как она появилась? Ведь это попытка подправить Генсека и решения февральского Пленума. Кто здесь инициатор? Или редактор, или кто-то его вдохновляющий. Автор не способен ее написать. Я уверен… (Вот так считал Горбачев). Нужен ответ в „Правде“. Всё, что сегодня сказано, надо связать во всем контекстом, не обелять культ личности… Выходит, что все было хорошо, нужна ли была перестройка. Не слишком ли далеко ушли мы в демократии и гласности. Вот о чем речь в статье. Отступление от линии перестройки – самое большое предательство. Так стоит вопрос. Великое счастье, что мы участвуем в ней…» (В. И. Воротников. «А было это так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 228–233).

Как видим, мнения о статье разделились. С резким осуждением её выступили Яковлев, Медведев, Шеварднадзе, Горбачев. Но большинство членов Политбюро пыталось «остудить» горячие головы и ввести разговор в русло нормальной дискуссии.

Обратимся к воспоминаниям Е. К. Лигачева: «За все годы перестройки это был единственный случай, когда на заседании Политбюро обсуждалась статья, опубликованная в прессе…

Должен сказать, что заседания Политбюро обычно проходили в раскованном стиле. Шел непринужденный обмен мнениями, и даже в случае разногласий общая атмосфера не нарушалась… Однако в этот раз все было иначе. Обстановка установилась очень напряженная, нервная, я бы даже сказал, гнетущая.

Дело еще в том, что некоторые члены Политбюро и секретари ЦК, обмениваясь мнением перед заседанием, весьма позитивно оценивали статью Нины Андреевой – именно в плане диалектического отношения к истории. К тому же ее письмо было помещено в газете под рубрикой „Полемика“, а это значит, выражало волю лишь одного из возможных подходов, не носило категоричного, установочного характера. Поэтому мнения о нем высказывались такого рода: хорошо, что на фоне всеобщего очернительства прозвучал и другой голос – это проявление гласности, демократизма.

Однако с началом обсуждения сразу стало ясно, что впервые за все годы перестройки на заседании Политбюро вдруг возобладал не рассудительный, а … расправный стиль. Тон задал Яковлев, который в крайне резких выражениях обрушился на письмо Нины Андреевой и газету „Советская Россия“.

Яковлев гневно громил Нину Андрееву именно за те мысли, которые в недавнем прошлом отстаивал сам… когда он возглавлял Отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС. Тогда, не зная устали, Яковлев прославлял марксизм-ленинизм и социализм, буквально предавая анафеме капитализм. Он считал, что борьба с буржуазной идеологией во всех „даже привлекательных проявлениях не допускает компромисса. Никаких уступок“. И еще. Яковлев писал: „Сегодня приходится часто встречаться с активными попытками ревизионистов объявить марксистский классовый подход к социальным явлениям односторонним, „дополнить“ или заменить его абстрактным, „общечеловеческим“… Абстрактная неклассовая постановка вопросов о социализме, демократии, гуманности, свободе выражает в сущности интересы буржуазии… Опыт убедительно свидетельствует, что именно последовательная классово-пролетарская позиция – и лишь она – несет в себе прогрессивное содержание, наполнена созидательным смыслом“.

Теперь тот же самый Яковлев вывернулся наизнанку, стал „идеологом приоритета общечеловеческих ценностей“…

– Нет, – пишет далее Е. К. Лигачев, – статью Нины Андреевой не обсуждали и не критиковали, её казнили… из неё сделали жупел…

Как это понимать? Что за „двойной стандарт“? Применительно к антисоветским публикациям неизменно

срабатывал принцип плюрализма, а… просоветская статья была подвергнута яростной травле…

Были сдвинуты политические акценты. Главной опасностью для перестройки был объявлен консерватизм, а антикоммунизму, сепаратизму и национализму была открыта широкая дорога…

Представить невозможно, сколько пережила Нина Андреева.

…Однажды в ЦК на совещании руководителей средств массовой информации писатель В. В. Карпов, обращаясь к Горбачеву, задал вопрос: „Когда же прекратится травля Нины Андреевой? Что, она не имеет право на свое мнение? Поймите, ведь она к тому же женщина!“

Вопрос остался без ответа… Как и множество таких же вопросов, содержащихся в письмах, поступавших в ЦК в адрес того же Горбачева, в редакцию „Советской России“, в другие газеты. Все они тоже остались без ответов…

„Охота на ведьм“ пошла прямо-таки ужасающая. Носила детективный, следственный характер. На следующее же утро после заседания Политбюро в редакцию газеты „Советская Россия“ внезапно нагрянула из ЦК КПСС комиссия, которая принялась изучать подлинник письма Нины Андреевой, всю технологию его подготовки к печати, тщательно допрашивала на этот счет сотрудников редакции. Кстати, само появление комиссии было обставлено в „лучших“ традициях прошлого. Главному редактору позвонили из ЦК, предупредив о намерении направить в редакцию проверяющих. Но едва он успел положить трубку телефона, как эти проверяющие уже вошли к нему в кабинет. Оказывается, они уже ждали в приемной. Этот „классический“ прием преследовал цель не дать „замести следы“, как говорится, „схватить с поличным“. Однако „заметать“ и „хватать“ было нечего…

„Советской России“ категорически запретили публикацию писем в поддержку Андреевой, заставив давать только осуждающую её почту…» (Е. К. Лигачев. «Предостережение». М. 1999, с. 180–187).

…5 апреля 1988 года в «Правде» была опубликована редакционная статья, которая готовилась при активном участии Яков лева, с благословения Горбачева. В этой «правдинской» публикации, являвшейся реакцией на статью Нины Андреевой в «Советской России», шла речь о «нарастании сопротивления перестройке», «о врагах перестройки». Статья Нины Андреевой объявлялась «манифестом» консерваторов, противников перестройки.

Публикация в «Правде» была написана в «расправном» стиле по отношению к Нине Андреевой и редакции «Советской

России»… Бывший главный редактор «Правды» В. Г. Афанасьев с горечью говорил: «Выкрутили руки, заставили поставить в номер, сроду не прощу себе это». (Е. К. Лигачев. «Предостережение». М. 1999, с. 186).

Какая же это «гласность»? Какой «плюрализм»?

Такова была цена «демократического» словоблудия Горбачева, Яковлева, Медведева и иже с ними…

* * *

На этом я мог бы и закончить этот рассказ о «переполохе в стане ренегатов и лживых „плюралистов“», вызванном письмом в редакцию «Советской России» вузовского преподавателя из Ленинграда, кандидата химических наук Нины Александровны Андреевой…

Но… 1 июля 2006 года в юбилейном номере, посвященном 50-летию газеты, «Советская Россия» не только повторно напечатала письмо ставшей легендарной Нины Андреевой, но и воспоминания участников тех событий – главного редактора газеты Валентина Васильевича Чикина и бывшего в те годы второго лица в партии, члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС Егора Кузьмича Лигачева об истории его публикации и о том, что последовало за этим.

…Помещаю здесь этот интересный материал с небольшим сокращением тех мест, которые выше уже освещены мною по воспоминаниям В. И. Воротникова и Е. К. Лигачева.

Что последовало после публикации письма Нины Андреевой?

Валентин ЧИКИН: Со времен публикации письма Нины Андреевой прошло уже почти 20 лет. Но и у меня, и, думаю, у вас, Егор Кузьмич, всё это до сих пор свежо в памяти. Но для начала и для нашего читателя, и для самих себя хорошо бы восстановить обстановку тех лет. В 1988 году уже во всю клокотали страсти в общественной жизни. В газетах и журналах, книгах, спектаклях все чаще возникали вопросы, куда движется перестройка, почему мы не получаем реальных результатов.

К этому времени наиболее объективные и опытные наблюдатели уже начали понимать и говорить о том, что у перестройки как-то сбивается шаг. Я об этом сужу хотя бы по очеркам очень хорошего нашего друга, автора «Советской России» Ивана Васильева. Это честнейший человек, он так был рад

перестройке, писал вдохновенные статьи и очерки. Он, главное, хотел пропахать общественную жизнь, партийную работу, он это знал очень близко. И вдруг он начал нам сигналить: что-то происходит не так. Об этом же говорила и почта газеты. Да и на заседаниях ЦК того времени зачастую разные оценки звучали.

И вот наша редакция получила большую пачку документов из Ленинграда. Перед этим мы опубликовали рецензию на пьесу Шатрова «Так победим!» В рецензии говорилось о том, что мы не можем в таком виде принять трактовку нашей советской истории, особенно фигуры главного нашего революционера В. И. Ленина. Были рецензии на этот спектакль также в «Правде» и «Советской культуре». И вот Нина Андреева, преподаватель химии из Ленинграда, откликнулась в своем выступлении на эти рецензии.

Мне показалось, что это животрепещущая материя. Но материал был разрозненный, нужно было создать нечто целостное из трех документов. Я разыскал автора и спросил, не будет ли она возражать, чтобы мы помогли ей это все переделать. Она ответила, что возражать будет, она сама все это переделает. После мартовских праздников мы получили ее новый материал, уже вполне готовый. Тогда мы послали в Ленинград одного из членов редколлегии, чтобы он лично познакомился с Ниной Андреевой, узнал о ней побольше в вузе, где она работает, показал ей нашу редакционную правку. С правкой Андреева согласилась, в парткоме ее охарактеризовали положительно, как человека особенно активного в общественной жизни. К слову, муж Нины Андреевой был известным историком, заведовал кафедрой в ЛГУ. Я так полагаю, она имела возможность консультироваться с ним, обсуждать определенные вопросы. Так что в каком-то смысле это плод «семейного творчества». И, право, ничего плохого или предосудительного я в этом не вижу.

Письмо «Советская Россия» опубликовала под рубрикой «Полемика». Оно было резким, принципиальным и спорным. Однако в целом этот материал вполне вливался в поток других писем и размышлений. В ответ на публикацию сразу повалили письма. В статье Андреевой затрагивался большой пласт самых разных острых проблем. А потому и отклики были разные: одни – соглашались и поддерживали Андрееву, другие – возражали ей, иногда резко.

Да и газеты к тому времени в стране уже были совсем разные. Помню, буквально через несколько дней после публикации письма вы, Егор Кузьмич, проводили совещание редакторов. Там вы упомянули и о статье «Не могу поступаться принципами», высоко ее оценив. Помнится, сказали, что надо бы нашей главной партийной газете «Правде» такие письма печатать.

Егор ЛИГАЧЕВ: Совещание это я проводил 14 или 15 марта. Горбачев в тот момент был в зарубежной командировке. Было оно плановое, никакого экстренного характера не носило, так что известно о нем было еще до публикации Нины Андреевой. Я просто посоветовал редакторам прочитать эту статью, поскольку меня в ней привлекло то, что я считал наиболее важным: неприятие сплошного очернительства, безоглядного охаивания прошлого. Ничего зазорного в том, что упомянул об этой статье на том совещании, я не вижу. Никаких указаний статью перепечатать не давал. Да и события начали развиваться далеко не сразу после совещания и возвращения Горбачева из командировки.

В.Ч.: Почему же буря грянула не сразу? Я думаю, причина в том, что в Политбюро к тому времени уже складывалась некая двойственность и в отношении перестройки, и к судьбе страны. И группа лиц – Шеварднадзе, Александр Яковлев, Медведев – искала любого повода, чтобы перетянуть на свою сторону «первое лицо». А «первое лицо» металось, и не только между разными группами, но, кажется, и внутри себя самого. Уж очень Горбачеву нравилось быть во всех этих «шестерках», «семерках», нравились комплименты Тэтчер и всякие французские встречи, и встречи в Америке.

Е.Л.: Да, он так к этому относился. Однажды прилетел из Италии и говорит: «Егор, ты знаешь, весь Рим меня провожал». Я ему: «Михаил Сергеевич, надо бы на Волгу съездить и в Сибирь». А он: мол, ты опять за свое, я тебе про Италию, а ты – Сибирь! И так довольно часто бывало.

В.Ч.: Я думаю, группировка разрушителей постоянно искала повода, чтобы дать бой. На самом деле повод с газетной публикацией был не самый лучший. Но ничего другого, чтобы обострить и раскачать ситуацию, они на тот момент не нашли. А обострить им было нужно. В этом активное участие принимала и творческая интеллигенция, те же Шатров, Гельман, Егор Яковлев. Две недели ушли на обработку друг друга и Горбачева: смотрите, мол, Михаил Сергеевич, что творит тут без вас Лигачев!..

Егор Лигачев рассказал далее, какая обстановка тогда сложилась вокруг него в руководящих партийных органах. По его словам, трещина в отношениях между ним и Михаилом Горбачевым к тому времени все более углублялась. Особенно после февральского Пленума ЦК, где линия Лигачева была поддержана большинством, что соответственно усилило его позиции и ослабило позиции яковлевской группировки. И вот эта группировка решила использовать публикацию статьи «Не могу поступаться

принципами» в качестве реванша. Особенно это важно было перед XIX Партконференцией, где Егор Кузьмич намеревался отстаивать ленинские принципы и взгляд на историю, защищать партию и Советское государство от перерожденцев и изменников…

Е.Л.: Никакого «заговора», конечно, не было. Я письмо Нины Андреевой прочитал, когда оно было опубликовано в «Советской России». Буквально через несколько дней вел заседание секретариата ЦК. Пришел, когда все уже собрались и с большим воодушевлением, очень одобрительно обсуждали письмо Нины Андреевой «в кулуарах», так сказать. Когда Горбачев вернулся, я упомянул об этом, и было заметно, что такая поддержка, высказанная секретарями ЦК, Горбачева сильно встревожила.

Вы, Валентин Васильевич, правильно заметили, что в руководстве партии в это время была двойственность. А к 1988 году, можно сказать, произошло уже открытое размежевание на тех, для кого перестройка означала сохранение и развитие социализма, и тех, кто использовал ее для разрушения социализма. А главным вопросом размежевания стало отношение к нашей советской истории. Потому и письмо Нины Андреевой вызвало у них такую реакцию. Под давлением А. Яковлева и Шеварднадзе было созвано Политбюро, в повестке дня которого значился один вопрос: обсуждение публикации письма Нины Андреевой в «Советской России».

Начали обсуждение письма Нины Андреевой. Некоторые, особенно такие опытные люди, как Громыко, Соломенцев, попытались перевести разговор в русло обсуждения не статьи в «Советской России», а проблем в стране и хода перестройки в целом. Но тон всему задавал Яковлев. Он сразу и в крайне резких выражениях обрушился и на письмо Андреевой, и на «Советскую Россию». Статья была названа манифестом антиперестроечных сил, рецидивом сталинизма, главной угрозой перестройке…

Для того чтобы «уломать» несогласных, обсуждение статьи было продолжено на второй день. А между заседаниями шла активная обработка. Причем, как подчеркивает Лигачев, членам Политбюро, которые занимали другую, нежели Яковлев и его соратники, позицию, «буквально выкручивали руки».

…Александр Яковлев – фигура вообще зловещая, не обремененная какими-либо моральными устоями. Именно он больше всех призывал к «плюрализму мнений», и он же развернул буквально «охоту на ведьм». Используя самые нечистоплотные методы для разрушения социалистической системы, он прикрывался марксистской фразой и именем Ленина…

В.Ч.: Я о ходе Политбюро узнал, можно сказать, из первых уст. Вы заседали в пятницу и субботу. А в понедельник мне позвонил Горбачев. Я сразу почувствовал, что в кабинете он не один: там либо Яковлев, либо Черняев, либо Медведев. Горбачев меня спрашивает: кто это сделал – наши или ваши. Я сначала даже не понял, о чем речь. Он говорит: наши в ЦК или ваши в газете статью написали. Тогда я начал рассказывать ему про Нину Андрееву, преподавательницу из Ленинграда, о том, как она работала над материалом. Горбачев слушал не перебивая.

Надо сказать, что потом ходили мифы, да и сам Горбачев это не раз повторял, что-де никакой Нины Андреевой нет, в том смысле, что не она сама это писала. Интересно, что Медведев был знаком и с Ниной Андреевой, и с ее мужем, с которым вместе работал в ЛГУ. Возможно, он как-то и бросил, что, мол, не Андреева писала, а ее муж, а воспринято это было совершенно иным образом…

Горбачев спросил: «Ну и что, тебе нравится эта статья?» Я ответил, что, на мой взгляд, в ней очень много зрелых мыслей, и не только одна Андреева думает подобным образом. Тогда Горбачев начал возмущаться, зачем в письме-де столько о Сталине. Мол, все уже решено на XX съезде, не надо это ворошить и пересматривать. Или вот «еврейский вопрос»: зачем вы нас сталкиваете с евреями? У нас только что Сумгаит вспыхнул, меня клянут, говорят, что у Горбачева руки по локоть в крови, а ты, мол, развязываешь еще этот вопрос.

Потом осведомился, какие идут отклики. Я говорю, что откликов множество (за считанные недели пришло 6–7 тысяч писем), они самые разные: есть те, кто поддерживает Нину Андрееву, есть те, кто не поддерживает. А почему, спрашивает, ты не напечатал письмо Сараскиной. (Сараскина была автором «Московских новостей». Она действительно буквально на следующий день после публикации Андреевой принесла свой отклик. Но тем же вечером его и забрала. Очевидно, как раз для того, чтобы не напечатали, и можно было заявлять, что «Советская Россия» критических откликов не печатает.)

А вообще отклики с обеих сторон были категорические, резкие. Чтобы ввести полемику в какое-то контролируемое русло и не подбрасывать охапки хвороста в этот костер, мы провели в Ленинграде «круглый стол», в котором участвовала и сама Нина Андреева, публично подтвердившая, кстати, свое авторство. Там было вообще очень много участников, которые высказывали самые разные точки зрения. Мы уже подготовили материалы этого «круглого стола» для публикации. Об этом я и сказал

Горбачеву. А он в ответ: нет уж, теперь об этом будет печатать «Правда». И 5 апреля вышла редакционная статья в «Правде»…

Я к тому времени уже немало поработал в прессе, в разном качестве, и не припомню, чтобы когда-то такое было. Бывали между газетами дискуссии, но чтобы целую полосу «Правда» посвятила одной публикации! Я несколько раз пытался вчитываться, чтобы понять, наконец, какие нам претензии предъявляют. Мы очень дружно жили с «Правдой». Но как только они получили задание готовить статью, так все будто отрезало, говорились какие-то общие слова. Хотя я знал, что ответственный секретарь Черняк и кто-то из партийного отдела частями возили статью Яковлеву. Он куски эти просматривал, редактировал, вносил поправки, акценты расставлял.

Статья в «Правде» (она называлась «Принципы перестройки: революционность мышления и действий») была крикливой и демагогической. Сейчас, когда мы знаем, что произошло, к чему эти люди стремились, как себя вели в дальнейшем, не заметить этого невозможно.

Оговорившись, что автор имеет право отстаивать свою точку зрения, составители статьи тут же фактически отказывают в этом праве Нине Андреевой. Она и опубликовавшая ее письмо «Советская Россия» обвиняются в «искусственном противопоставлении нескольких категорий советских людей». Хотя в письме Андреевой советским людям, если кто и противопоставлен, так это разрушители социализма. Особенно очевидно это сегодня, когда знаешь, кем на самом деле оказались Яковлев и его единомышленники, писавшие 5 апреля в «Правде», что главная задача, которая стоит перед обществом, – «как нам быстрее возродить ленинскую сущность социализма».

Статья Андреевой с «претенциозным названием» (кстати, дословно взятым из выступления Горбачева) обвинялась в «неконструктивности», а все, кто поддержал высказанные в ней мысли, в «неприятии самой идеи обновления», – в том, что они в этом корыстно заинтересованы. И об этом писали деятели, которые всегда руководствовались лишь корыстью, понятия не имея, что такое идеалы и убеждения. «Больше гласности, больше демократии», – писали те, кто одновременно затыкал рот всем своим оппонентам, не гнушаясь и прямой ложью. «Больше социализма», – утверждали те, кто 2–3 года спустя будет яростно проклинать социалистическую идеологию.

Но с некоторыми пассажами правдинской статьи невозможно не согласиться: «Правда одна. Нужны полная ясность, четкость и последовательность, нравственный ориентир на будущее».

Сегодня эта правда очевидна, как и то, кто стал нравственным ориентиром, а кто – символом безнравственности и беспринципности.

В.Ч.: После публикации редакционной статьи в «Правде» начали из номера в номер печатать так называемые отклики. Еще поначалу попытались изобразить «плюрализм», и два-три отклика были в поддержку публикации «Советской России». Но Яковлев устроил разнос, заявил, что никакой поддержки, что только одна струна должна звучать! И пошли нас молотить. Письма от граждан, организаций, творческих союзов. Некоторые потом говорили мне: ты, мол, прости, мы и так самые последние отписались, но нас заставили.

И конца этому не было. Я приходил на работу, включал телевизор – там дискуссия на эту тему. Открывал газеты – там то же самое. Я не выдержал и стал узнавать, когда же все это закончится. Никто не мог сказать, дирижировал всем Яковлев. Потом сказали, что до XIX партийной конференции будет идти эта волна. Еще три месяца травли!..

К слову, буквально на другой день после разговора с Горбачевым, когда я сказал, что примерно 40 % откликов – от противников Нины Андреевой, а 60 % – от сторонников, приехали в редакцию ответственные помощники ЦК арестовывать почту нашей газеты. Оказывается, Яковлев не поверил, что у Андреевой столько сторонников, заявил, что все это ложь. И вот вывезли восемь огромных мешков с нашей корреспонденцией – перечитывали, пересчитывали, сколько «за», а сколько «против». Но заведующий сектором печати ЦК Бакланов, честный и порядочный человек, подтвердил: наши оценки правильны.

Е.Л.: После статьи в «Правде» началась настоящая травля так называемых антиперестроечных сил. И то, что не смогли сделать на Политбюро, то есть объявить меня «заговорщиком», с легкостью делала пресса. Меня что поддерживало? Была масса писем от простых людей, которые писали: держитесь, Егор Кузьмич, не уходите в отставку, боритесь.

То, что «Советская Россия» опубликовала тогда письмо Нины Андреевой, это был пример мужества. Тогда было суровое время, тучи над страной сгущались, а статья была, без преувеличения, ярким лучом света для многих.

В.Ч.: На первый взгляд, это была проигранная нами битва. Но колокол прозвучал! Нина Андреева взяла на себя мужество сказать о том, о чем другие думали, но молчали. Ее слова были

не какой-то «платформой консерваторов», а голосом народа. Мы ударили в колокол – и это начало резонировать! И это оказывало, и будет оказывать влияние на сознание сегодняшних людей. Люди, читающие ее письмо сегодня, видят, что сама жизнь подтвердила его истинность!

«Советская Россия», 1 июля 2006 г., стр. 10

Перестройка меняет курс: демонтаж политической системы СССР

Оказавшись в тупике с проведением перестройки экономики, Горбачев стал утверждать, что неудачи и провалы объясняются консервативной политической системой, которая всемерно сопротивляется перестроечному курсу. И потому он твердо решил, что без радикальной реформы политической системы невозможно добиться успехов в проведении первоначального замысла перестройки – решения задач ускорения социально-экономического развития на основе научно-технического прогресса и совершенствования управления развитием народного хозяйства страны.

Горбачев вместе со своими новыми ближайшими и вернейшими соратниками – единомышленниками, титулованными «архитекторами перестройки» А. Яковлевым и В. Медведевым, такими же ренегатами, предателями социализма, как и он сам, приступают к демонтажу политической системы страны, рожденной Великой Октябрьской социалистической революцией. Созданная в годы социалистического строительства в СССР эта политическая система, социалистическая по своей сути и по своим целям, обеспечила построение материально-технической базы социализма, коренное преобразование страны, победу социализма в основном.

Далось это гигантским напряжением всех сил. Политическая система СССР выдержала жесточайшие испытания в годы неимоверно суровой битвы с фашизмом, обеспечила его разгром, спасла свою страну и человечество от порабощения фашистским игом. В фантастически короткий срок обеспечила возрождение из руин и пепла народного хозяйства, разрушенного войной, и его дальнейшее успешное динамичное развитие.

Гигантские успехи в создании могущественного экономического потенциала, значительные достижения в социально-культурной сфере, в области образования и науки изумляли мир. А ведь это было сделано той самой административно-командной системой управления, которая

успешно справилась со своими задачами и в довоенные, и в военные, и в послевоенные годы.

…Впоследствии, в хрущевские годы, в общественном развитии советского государства образовались серьезные трудности и проблемы. Они не были до конца преодолены и в последующем, брежневском восемнадцатилетии. Более того, после устранения и смерти А. Н. Косыгина, они умножились.

Брежневско-сусловское руководство некритически относилось к оценке положения в стране. Особую тревогу вызывало явное отставание СССР в научно-техническом перевооружении производства, в переводе экономики на интенсивный путь развития, в росте производительности труда, в совершенствовании системы управления.

Ю. В. Андропов, возглавивший КПСС и Советское государство, критически оценил положение в обществе и определил пути преодоления образовавшихся трудностей и проблем, требовавших незамедлительного решения. И сразу же принялся за осуществление этих задач… Но скорая смерть не дала ему возможности реализовать их.

В горбачевские годы известный «деятель» псевдодемократического направления политэкономист Гаврила Попов в своей статье поставил вопрос о необходимости немедленного слома административно-командной системы управления и замены ее более демократическими, боле гибкими методами, отвечающими задачам нового этапа общественного развития СССР.

Статья Г. Попова была поднята на щит, объявлена чуть ли не последним словом в советской экономической науке и взята на вооружение всеми «демократическими» преобразователями советского общества.

Каждому ясно, что, не создав, не опробовав в деле новое, нельзя безоглядно крушить, ломать старое. Этот разумный подход был заменен Горбачевым спонтанным, неподготовленным, непродуманным, необоснованным курсом на ускорение социально-экономического развития, на перестройку – разрушение (вместо совершенствования) испытанной системы экономического развития и управления ею.

Еще в большей мере это относится к политической, советской, социалистической системе, сложившейся за многие десятилетия Советской власти.

Да, были деформации, происшедшие вследствие, прежде всего, исторических условий, в которых находилась и развивалась советская страна, долгое время остававшаяся единственным социалистическим оазисом в империалистическом окружении.

Такое положение потребовало известных ограничений демократии, непомерной централизации управления, что в терминологии Гавриила Попова стало называться «административно-командной системой».

Очевидным была необходимость возвращения Советам высшей государственной власти, которая практически многие годы и десятилетия находилась в руках правящей Коммунистической партии Советского Союза. Вместо политического руководства социалистическим строительством и развитием советского общества партия в значительной мере подменила Советы, сосредоточив в своих руках практически всю полноту власти.

Задача правящей партии состояла в том, чтобы руководить страной, всеми областями ее развития посредством своих представителей, осуществляя контроль за их деятельностью и определяя стратегические задачи, цели и методы социалистического строительства.

Мне представляется, что очень верно уловил смысл совершенствования политической системы А. А. Громыко, определив это емкой и четкой формулой: «Назад к Ленину, вперед с Лениным».

Речь шла о том, чего настойчиво добивался В. И. Ленин еще в первые годы советского строительства: не допускать подмены партией Советов, как политических органов государственной власти, осуществлять политическое руководство ими, обеспечивать теоретическое обоснование стратегии и тактики на каждом новом этапе социалистического строительства.

Но, как и в случае с экономикой, Горбачев стал бездумно (а точнее, осознанно) демонтировать, разрушать советскую политическую систему, не создав и не опробовав новую, более совершенную, в ленинском понимании сути советской политической системы.

Оттеснив партию от руководства экономикой и в целом обществом, Горбачев, на основе своих гибельных, опасных лозунгов «гласности», «плюрализма», «нового мышления», «общечеловеческих ценностей», открыл все шлюзы для стихийного обновления политической системы методами анархического своеволия. В силу этого очень скоро советские органы власти, советская политическая система стали превращаться в свою противоположность.

Лозунг «За Советы без коммунистов» стал главным лозунгом лжедемократов на выборах во все звенья Советов – от сельского и поселкового до Съезда народных депутатов СССР и союзных республик.

Я забежал вперед в своих рассуждениях. А теперь вернемся в хронологической последовательности к тому, как Горбачев в связке с Яковлевым и Медведевым, прочими сподручными единомышленниками осуществлял демонтаж, разрушение политической системы СССР посредством радикальной реформы. И как бездумно, беспринципно, безоглядно, безответственно поступил ЦК, партийный актив КПСС, автоматически голосуя за любое, самое коварное и циничное предложение Горбачева, продолжая слепо верить своему «незаменимому», «непогрешимому» вождю, в который раз действуя по обывательскому принципу: «Нам с тобою думать неча, если думают вожди».

Пройдемся по страницам дневника В. И. Воротникова и восстановим процесс подготовки и осуществления этой самой горбачевской радикальной реформы политической системы, а точнее слома ее.

…Итак, на календаре 28 апреля 1988 года. Политбюро рассматривает вопросы предстоящей XIX Всесоюзной конференции КПСС о ходе перестройки и о дальнейшей демократизации партии и общества. По этим двум вопросам предлагается один доклад Генерального секретаря ЦК КПСС.

Вот тезисное изложение его взгляда на эти вопросы: «Проанализировать нашу работу за три года перестройки. Отметить, что в экономике – хозрасчет движется, но ослаблено внимание к научно-техническому прогрессу. Не происходит изменений в структурной политике. В госзаказе скрыта командная система.

В социальной политике перемены незначительные. В области демократизации партии и общества следует обратиться к Ленину. Этого требует нынешняя ситуация. Необходимо понять суть отношений политического и государственного руководства. Наша приверженность к ленинскому учению о партии, как партии нового типа, политического авангарда, а не дискуссионного клуба. В этом кардинальном вопросе в прошлом было допущено отступление. Произошло смещение функций. Замкнув всё на партию, ей нанесли удар. Взвалив на себя управление государством, она не смогла выполнить в полной мере свою политическую роль. Этот перекос начался где-то после XVII съезда *(в 1934 году. – Прим. И.О.)*: партия взяла на себя основные функции руководства государством, а роль Советов стала снижаться. В ленинском понимании роли Советов нам надо искать ответы, в каком направлении реформировать политическую систему.

В Советах такие функции тоже перепутаны: исполкомы стали

над Советами. Роль Советов не поднимем, если не изменим избирательную систему, не повысим авторитет депутатов. Пока же ими управляет исполкомовский аппарат. Депутаты должны избираться трудовыми коллективами и по территориальному принципу.

Работа Верховного Совета и Советов на всех уровнях сейчас рутинная. При Ленине во ВЦИКе было 440 человек, а сейчас в Верховном Совете – 1500. Громоздкий состав и неповоротливость сказываются на результатах их деятельности. Надо все эти вопросы отрегулировать…»

Замечу сразу. Если бы эти предложения были реализованы так, как замышлялось, обдуманно и неспешно, – вполне вероятно видимо большой беды для партии и государства не возникло бы. Но в короткое время все было поставлено с ног на голову. Это привело к сложнейшей ситуации, из которой партия и страна уже не смогли выбраться.

20 июня 1988 года на внеочередном заседании Политбюро обсуждался проект доклада на XIX Всесоюзной партийной конференции. Выступили все. Были высказаны серьезные замечания по некоторым принципиальным вопросам, а также выражены сомнения и тревоги, внесены предложения о необходимости дополнительной проработки ряда положений доклада. Привожу, на мой взгляд, самые существенные замечания и предложения, основываясь на записях в дневнике В. И. Воротникова.

Н. И. Рыжков внес предложение наделить Совет Министров СССР правом законодательной инициативы. Он же, а также А. А. Громыко высказались за совмещение постов председателя Совета и первого секретаря партийного комитета, чтобы таким образом сохранилась организующая роль партии.

Е. К. Лигачев высказал сомнения по этому поводу: «Согласовывается ли это с разделением партийной и государственной функций? Нет, не согласовывается».

Об этом же говорил и **В. И. Воротников:** «Говорим о разделении функций партии и Советов, а фактически объединяем их. Не логично…» – И добавляет: «О принятии Советами на себя полноты власти: готовы ли государственные структуры сегодня к этому? Дело не в том, чтобы поскорее реорганизовать, а в том, чтобы политические преобразования дали положительный экономический и политический эффект». И еще: «Предлагается коренное изменение политической и государственной структуры власти в стране. Для такого решения необходим всенародный референдум… Много неясного, непроработанного… Спешим!»

В. В. Щербицкий:«Не согласен с тезисом „О коренной“

реформе политической системы. Надо подвести под это теоретическую базу…»

Серьезную и справедливую тревогу высказал **В. М. Чебриков** по поводу «самовыдвижения» кандидатур в депутаты… Может быть, навал безответственных говорунов…

Ближайшее время, первые же выборы в Советы показали обоснованность его тревоги… (В. И. Воротников. «А было это так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 241–245).

28 июня – 1 июля 1988 года состоялась XIX Всесоюзная конференция КПСС. В повестке дня было два вопроса: «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС, основных итогах первой половины двенадцатой пятилетки и о задачах партийных организаций по углублению процесса перестройки». И «О мерах по дальнейшей демократизации жизни партии и общества».

По обоим вопросам докладывал Генеральный секретарь ЦК КПСС.

По своему значению эта партконференция «перекрывала» съезд. Заранее опубликованные тезисы ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партконференции вызвали большой интерес. Но было немало сомнений, обеспокоенных высказываний, опасений за судьбу перестройки, за судьбу страны.

Доклад Горбачева содержал в себе убаюкивающие рассуждения и однозначный вывод, что только немедленная коренная политическая реформа спасет перестройку и социализм.

Тезисно говоря, в докладе содержались следующие принципиально важные, но необоснованные положения:

«Коренной вопрос конференции – как углубить и сделать необратимой революционную „перестройку?“… Ключевым вопросом ЦК считает реформу политической системы…

В процессе социалистических преобразований были допущены серьезные деформации политической системы. Хозяйственно-управленческие функции концентрировались в партийно-политической структуре. Необходимо разграничить функции государства и партии, возродить полновластие Советов… Для подкрепления Советов авторитетом партии рекомендовать, как правило, на пост председателей Советов первых секретарей…

Высший орган советского государства – Съезд народных депутатов. В его составе расширяется представительство от общественных организаций. Численный состав Съезда – 2250 человек. Из них – 1500 избирается, как и сейчас, от территориальных и национальных органов партии, профсоюзов, молодежи, молодежных, женских организаций. *(О выборах от*

трудовых коллективов – умолчал. А ведь это было важнейшее условие сохранения достойного представительства трудящихся в органах Советской власти. – Прим. И.О.)

Съезд проводить один раз в год. Он избирает законодательно-исполнительный орган – Верховный Совет из двух палат, количеством 400–450 депутатов. Его состав периодически обновляется.

…В области демократизации партии. КПСС – носитель программных целей общества. Необходимо возродить внутри страны подлинную демократию. Принцип демократического централизма был подменен бюрократическим централизмом. Застой кадров вывел из ротации целые поколения. Нарушались нормы партийной жизни. Здесь корни перерождения системы. Надо разделить функции партийных и государственных органов власти и управления.

Обновление идеологии. Идеологическая работа стояла на догматических позициях. Каким мы видим социализм? Как строй подлинного, реального гуманизма, социальной справедливости. Наши цели: „Больше демократии; больше социализма, лучше жизнь трудящегося человека…“

Началось обсуждение вопросов повестки дня. А. Н. Яковлев уже председательствовал на съезде: „Тайное стало явью“. Горбачев решил усадить его в кресло второго секретаря ЦК КПСС вместо Лигачева.

Выдержки из некоторых наиболее принципиальных выступлений привожу по дневниковым записям В. И. Воротникова в его редакции:

Л. И. Абалкин: „Необходимо выработать современные представления о социализме. Дело ученых разработать эту концепцию. Экономическая реформа не может рассчитывать на успех, действуя вопреки экономическим законам. Нужны не организационные, а экономические меры. Я против объединения должностей председателя Совета и первого секретаря“.

В. В. Карпов: „Появился ряд книг известных писателей. Они работают на перестройку. Наряду с серьезными статьями в критике поднялся крик, как на коммунальной кухне. Групповщина. Статьи пишутся „на уничтожение“. Интриги, доносы, клевета! Борьба за власть. Карьеризм и национализм. К тому же игра идет „в одни ворота“. Попробуй отмыться. Гласность – это всеобщее достояние, и ее нельзя отдавать в одни руки“.

Ю. В. Бондарев: „Наступила пора осмысления перестройки. Самолет подняли в воздух… А где посадочная площадка? Мы

против разрушения прошлого. Нужно согласие в нравственных целях перестройки. И муху, и человека можно газетой прихлопнуть. Часть печати использует перестройку как ревизию веры и нравственности. Гласность и демократия – это высокая нравственная дисциплина, а не произвол. Травят писателей: Белова, Астафьева, Распутина, Проскурина, Алексеева.

Клевещут на Сергея Бондарчука. Я еще надеюсь, что консолидация литературы возможна“.

А. А. Логунов: „Всегда ведем борьбу против кого-то. Велико желание кого-то бить. Раньше били космополитов, теперь – антиперестройщиков. В науке растет монополизм, групповщина“.

Б. И. Олейник: „Побивая культ, мы в своем не всегда благородном гневе бросаем камни и в народ. Забывать, что наша победа – это заслуга народа, – великий грех. На беспамятстве вырастает чертополох…“

Далее **В. И. Воротников замечает:** „Я подготовил выступление, но выступать не стал. Осмысливая еще раз доклад, слушая выступления, все в большей степени стал сомневаться в правильности принятого нами решения, в столь сложной социально-экономической и политической ситуации идти на такие коренные политические реформы. Ведь это… может вздыбить страну, народ… Хотя, может, я и не прав.

…Прошло три с лишним года с момента начала перестройки, а где обещанное благополучие? Горбачев стал нервничать, искать выход. И нашел. (Или ему „подбросили“?) Форсировать реформу политической системы… Это был рискованный, ошибочный и, как вскоре оказалось, гибельный путь не только для экономики, но и для всей общественно-политической системы…“

В. И. Воротников дает оценку обсуждения доклада: „Подавляющее большинство ораторов говорили по делу. Эмоционально, горячо, заинтересованно. Звучали нелицеприятные слова, несогласие по принципиальным вопросам, выдвинутым докладчиком, резкая критика руководства партии и страны, звучало недоумение: чем вызвана такая поспешность, скоропалительность в принятии до конца не продуманных, не проработанных политических решений.

Говорили, что доклад грешит чрезмерно революционной фразой. Преодолеть все „одним махом“ невозможно. Необходимо разобраться в принципиальном вопросе – какой социализм мы предлагаем?“

В выступлениях звучала озабоченность разрастанием в ряде регионов страны экстремизма и национализма в их худшем проявлении. Шла речь о неправомерности отрывать политическую реформу от экономических преобразований. Доклад ставит

политическую телегу впереди экономической лошади…

Были претензии к тому, что в докладе звучит менторский тон, назидательность. Это недопустимо, если мы всерьез говорим о демократизме.

Горбачев реагировал на критику и замечания нервно, перебивал репликами. Считал главным включить в действие массы.

Ораторов было много. Несмотря на обилие критических замечаний, звучало согласие с основными положениями доклада. И резолюции тоже приняли в горбачевском духе…

* * *

…Как показала практика политическая реформа действительно „включила массы“, но не в экономические преобразования, а в политическую борьбу, в противостояние, привела к резкой политизации общества, отвлекла людей от решений конкретных экономических задач». (В. И. Воротников. А было это так… Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 249, 250–252).

21 июля 1988 года на заседании Политбюро обсуждались некоторые вопросы реализации решений XIX Всесоюзной конференции КПСС.

Речь шла об отчетах и выборах во всех звеньях партии, о завершении перестройки партийного аппарата до конца 1988 года. Затем Горбачев высказал предложения по практической реализации реформы политической системы.

На том же заседании был обсужден (в который раз?) вопрос о мерах по развитию и углублению радикальной экономической реформы и устранению недостатков, выявленных в ходе ее осуществления.

Реформы… реформы… реформы… углубления, расширения, ускорения. Было от чего «схватиться за голову». Тем временем дела шли всё хуже и хуже. Обстановка в стране становилась всё тревожнее, всё напряженнее…

Политическую реформу решили проводить одновременно с перестройкой, реформированием партии. Этим основательно ослабили «основной организационный стержень политической реформы – партию и ее кадры… подорвали ее авторитет и роль в судьбах социализма, Советского государства».

Трудно не согласиться с выводом, сделанным В. И. Воротниковым: «Это была либо трагическая ошибка, либо умело найденная болевая точка для удара по общественно-

политическому строю».

Да и в целом страна, народ находились в это время в состоянии нарастающего недовольства, неудовлетворенности, нестабильности. В дальнейшем поспешное вовлечение огромной массы людей в политические процессы, связанные с подготовкой и проведением выборов в начале 1989 года, только еще больше усложнило обстановку. Реформа политической системы отодвинула в сторону все дела. И главное – экономику. Организационные проблемы, связанные с реформой, вышли из-под контроля партии.

Политические страсти, стихийность, митинговщина охватили людей. В шуме и треске общих критических разглагольствований, призывов, деклараций тонули трезвые, рассудительные голоса. Трибуны собраний, митингов, места на радио и телевидении были безропотно отданы в руки экстремистов, радикалов, различных «народных фронтов», которые под лозунгами перестройки, реформ протаскивали свои идеи, добивались своих антисоциалистических целей…

Почему все это происходило в недавно еще монолитной, всемогущей партии?

В. И. Воротников дает бесспорный ответ на этот вопрос: «Коммунисты еще не отвыкли от единодушного отклика на призыв партии. Если говорит Генеральный секретарь, предлагает Политбюро, пленум ЦК, то, наверное, они все продумали, не хотят же они худшего для народа…»

Но «архитекторы перестройки» меньше всего думали о народе. Ренегаты-предатели осознанно шли по пути «отказа от первоначальных идей перестройки», от всех своих многочисленных заявлений и клятв в верности социализму, Ленину, Октябрьской революции. Социалистическая перестройка под «руководством» Горбачева трансформировалась в свою противоположность… (В. И. Воротников. «А было это так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 252, 253–254).

28 июля 1988 года Политбюро обсуждало вопросы предстоящего Пленума ЦК «О практической реализации решений XIX Всесоюзной партконференции». Были высказаны замечания и предложения по поводу «реформ по всему фронту»: «Стоит ли развертывать реорганизацию в партии одновременно с реформами государства, политической системы? Это создает организационные трудности…»

Обстановка в сельском хозяйстве страны ухудшается, а об этом молчим, что рождает неоправданные успокоения.

…Все завязли в дискуссиях.

Н. И. Рыжков поднял вопрос о необходимости защиты органов управления: «Идет волна нападок. Авторитет министров надо укреплять, нельзя их постоянно одергивать, поучать, иначе как им работать!»

В. И. Воротников поддержал Н. И. Рыжкова: «Он прав, то же происходит и в областях. Секретари обкомов испытывают грубый нажим со стороны прессы».

«Наши призывы, – замечает В. И. Воротников в дневнике, – вызвали резкую отрицательную реакцию Горбачева: „Это попытка снизить критический накал, пресса права…“»

Н. И. Рыжков эмоционально среагировал: «Что, теперь и на Политбюро нельзя ничего сказать?..

А. А. Громыко, Е. К. Лигачев и В. И. Воротников поддержали Рыжкова…

Горбачев уже без обычных уговоров, объяснений стал отметать любые замечания и предложения напрочь. Некоторых товарищей просто обрывал, не давая высказаться…» (В. И. Воротников. «А было это так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 257).

На следующий день, 29 июля 1988 года состоялся Пленум ЦК КПСС по вопросу «О практической работе по реализации решений XIX Всесоюзной партконференции».

«…Выступающих было мало, – пишет в дневнике В. И. Воротников. – Какое-то безразличие. Страстные речи Горбачева уже не производят такого впечатления как раньше». (В. И. Воротников. «А было это так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 258).

9 сентября 1988 года Политбюро рассмотрело вопрос о реорганизации партийного аппарата, изложенный в записке Горбачева.

В выступлениях членов Политбюро прозвучали обоснованные предложения и замечания.

Е. К. Лигачев: «Аппарат должен заниматься не только политической, теоретической, идеологической работой, но и организационной. Контролем…»

Н. И. Рыжков:«ЦК принимает необоснованно большое количество постановлений… Не успеваем прорабатывать, не только выполнять. Вообще в последнее время погрязли в бумагах…»

В. И. Воротников: «Как практически реализовать предложения по реорганизации аппарата? Партийные комитеты отойдут от дел, а Советы не готовы принять их. Не допустить бы пробуксовки управления народным хозяйством. Готовы ли хозяйственные и советские органы сегодня взять на себя

ответственность, которую десятилетия несла партия?» (В. И. Воротников. «А было это так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 259–260).

Прислушаться бы к голосу людей, к их обоснованным тревогам и предложениям. Но Горбачев «закусил удила» и шел напролом намеченным коварным курсом…

…30 сентября 1988 года очередной Пленум ЦК КПСС рассмотрел и одобрил предложения Горбачева по реорганизации партийного аппарата.

28 ноября 1988 года внеочередной Пленум ЦК КПСС снова обсуждал вопросы политической реформы, на этот раз – в области государственного строительства.

В процессе обсуждения были высказаны серьезные тревоги, обнаружившиеся в обществе в связи с осуществлением политической реформы. Крайне беспокоили возникшие политические платформы мнимых сторонников перестройки, а также методы их деятельности, с помощью которых они пробивали свои откровенно антисоциалистические идеи…

В партии и в стране складывалась сложнейшая ситуация. Но при принятии постановления Пленум снова поддержал Горбачева.

На следующий день, 29 ноября 1988 года, внеочередная сессия Верховного Совета СССР одобрила предложенные Горбачевым «меры по осуществлению политической реформы в области государственного строительства…»

Зеленая улица для демонтажа советской политической системы была открыта…

Р. И. Косолапов о «горбачевском термидоре»

…А сейчас предоставлю слово, скажу так, для экспертного анализа и оценки преступной горбачевской акции по демонтажу советской политической системы известному ученому-марксисту, профессору философии Ричарду Ивановичу Косолапову, бывшему главному редактору журнала «Коммунист». Я уже писал о том, что он был отстранен от этой должности горбачевско-яковлевским решением, без приглашения на заседание Политбюро, на котором слушался вопрос о деятельности журнала.

Имя Р. И. Косолапова хорошо известно в научном мире, особенно в философской области. Его теоретические работы всегда вызывали большой интерес у обществоведов. Мое личное знакомство с ним состоялось летом 1989 года в Киеве, на Всесоюзной научной конференции по актуальным проблемам научного коммунизма.

Вскоре судьба распорядилась так, что мы оказались в одной связке с ним в борьбе за историческую правду и справедливость, против наступления, а затем и утверждения «демократической» контрреволюции в нашей стране.

С наибольшей силой Ричарду Ивановичу удалось сделать анализ и оценки политической реформы советской системы, осуществленной Горбачевым, в докладе «Горбачевский термидор» на научно-теоретической конференции Общероссийской Общественной Организации «Российские ученые социалистической ориентации», посвященной 95-летию большевистской партии, проходившей в 1998 году.

В самом начале своего выступления Ричард Иванович замечает: «В нынешнем 1998 году есть еще один „юбилей“ – негативный, позорный – десятилетие проведения XIX Всесоюзной конференции КПСС, на которой правящая политическая партия впервые в истории сама инициировала устранение себя от власти.

Уверен, в память коммунистического движения она войдет как „горбачевский термидор“. Термин „термидор“ происходит от названия одного из месяцев французского республиканского календаря (термидор – жаркий). В принятом политическом лексиконе он исторически связывается с девятым термидором (27 июля 1794 года – днем свержения якобинской диктатуры трудящейся мелкой буржуазии во главе с Робеспьером). Иными словами, „термидор“ означает поражение, откат революции, победу реакционных, антинародных сил.

Те, кто читал книгу Л. Д. Троцкого „Преданная революция“ (Москва, 1991 г.), найдет в ней критические замечания в адрес советской политической системы и её правящего слоя, но… применительно не к середине XX века, а к его концу. Не к практике Сталина, которого Троцкий критикует, а к практике Хрущева – Горбачева, с которыми (будь он жив) был бы, пожалуй, солидарен…

Правым он был в отношении того периода советской истории, которая останется в памяти как „горбачевский термидор“, то есть о времени, отстоящем от критикуемого Троцким сталинского периода, практически на полвека.

В связи с этим Ричард Иванович вспоминает строки стихотворения А. С. Пушкина:

Нет ни в чем вам благодати;
С счастием у вас разлад:
И прекрасны вы некстати,
И умны вы невпопад…

Истина в том, что „мы должны принципиально отмести любые попытки Троцкого и его последователей „валить грехи“ на Сталина“: „Кесарю – кесарево“, а „Богу – божье“.

Несмотря на то, что советская бюрократия многое подготовила для буржуазной реставрации в области форм собственности и методики хозяйствования, „новый режим“ (поучает Троцкий) должен был бы произвести не реформу, а социальный переворот…» (Троцкий Л. Д. «Преданная революция», стр. 209–210.)

И дальше, без купюр, фрагменты доклада Ричарда Ивановича Косолапова, опубликованные в сборнике материалов научно-теоретических конференций российских ученых социалистической ориентации. (Москва. Издательство «Былина». 1999, с. 27–38):

«Совершенно очевидно, что Горбачев и Ельцин осуществили этот прогноз Троцкого почти буквально, так, как если бы выполняли руководящую инструкцию. И дело тут вовсе не в их „начитанности“ или же следовании некоей доктрине. Дело в широкой подготовленности их наставников за рубежом, в прагматической способности этих господ ставить на службу своим корыстным интересам весь мировой опыт, независимо от его происхождения. Дело в логике исторического процесса, которая при замене даже одной ключевой составляющей резко меняет свой алгоритм».

…К XIX партконференции «горбисты» располагали солидным

реставрационным заделом. Заиграв в 1985 году в качестве козыря идею научно-технического прогресса, предложив и провалив программу подъема технического прогресса, предложив и провалив программу подъема машиностроения, они дискредитировали ее. Две «модели хозрасчета» и внедрение кооперативов буржуазного толка, наряду с подрывом системы научно-централизованного планирования, подготовили предпосылки дезинтеграции и развала целостного народного хозяйства.

Вдалбливание в головы миллионов мнения о «ничейности» общественной собственности и ее якобы неэффективности сочеталось с умышленной организацией дефицита бытовых благ, которые еще недавно имелись в достатке.

Помните частушку: «По талонам – горькое, по талонам – сладкое. Что же ты наделала, голова с заплаткой?»…

Тем самым реставраторы убивали сразу двух зайцев – наносили удар по отечественному производству потребительских товаров и создавали общественное мнение в пользу сдачи внутреннего рынка западным поставщикам. Предпринимался уникальный эксперимент: горбачевцы – понимали они это или же не очень, – обеспечивали рассасывание кризиса перепроизводства у капиталистических партнеров за счет устройства национальной катастрофы в своей стране.

Но и на этом «голова с заплаткой» не успокоилась. При всем дефиците своего содержания она хорошо понимала, что народ не повернуть вспять, не свернув шею правящей партии.

Доклад Горбачева был посвящен теме «Как углубить и сделать необратимой революционную перестройку» и был полон обманных ходов. (XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1988, с. 19).

Поскольку конференция широко транслировалась по телевидению, час за часом, день за днем отчетливо прослеживалась тактика политического надувательства, которую, к сожалению, всерьез воспринимали делегаты.

Стенограмму конференции сейчас тяжело читать: она переполнена циничной демагогией, спекуляцией на святом – от бесконечных клятв в верности ленинизму до провозглашения принципа Протагора «Человек есть мера всех вещей». Только теперь наши обманутые соотечественники узнают правду о замыслах «прорабов перестройки».

В интервью «Известиям» (17 июня 1998, с.5) небезызвестный Яковлев заявил, что с системой «надо было… как-то кончать. Есть разные пути, например, диссидентство. Но оно бесперспективно.

Надо было действовать изнутри. У нас был единственный путь – подорвать тоталитарный режим изнутри при помощи дисциплины тоталитарной партии. Мы свое дело сделали».

Отмечу из этого «сделанного» всего несколько моментов. Под знаком «разграничения» функций партийных и советских органов было предложено избирать председателями Советов снизу вверх, по всей иерархии первых секретарей соответствующих партийных комитетов.

«Это же не разграничение, а, наоборот, странное слияние», – недоумевали многие. Но Горбачев настаивал и настоял. Он поставил партийное руководство под контроль внепартийной, чиновничье-интеллигентской и мелкобуржуазной смеси, в которую стали быстро превращаться Советы. Он узаконил механизм осуществления лозунга кронштадтцев «Советы без коммунистов».

Вы спросите – почему? А потому, что одновременно растоптал социально-классовый принцип формирования Советов.

«…Не следует опасаться непропорционального представительства различных слоев населения, – заявил Горбачев. – Волевые, политически грамотные и активные люди есть у нас и в рабочем классе, и в крестьянстве, и в интеллигенции. Надо лишь создать хорошо отлаженный состязательный механизм, который обеспечит их наилучший отбор избирателями. И тогда все основные группы населения, их интересы, найдут своё отражение в составе Советов». (XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза… Т. 1, с. 57).

Я слушал доклад в трансляции и был поражен тем, насколько рабски, без живой реакции, проглотил пятитысячный партийный форум этот смертный приговор власти трудящихся. Так проводил Горбачев провозглашенный им «процесс преодоления отчуждения человека от власти», «необходимость довести нашу государственность до общенародной, в полном объеме этого понятия». (Там же, с. 50–53).

В результате мы получили бешеную кампанию в печати против пресловутых «кухарок» и «кухаркиных детей» в руководящих органах; прославление «умных юристов» и сомнительной «элиты»; преимущественные возможности избраться для лиц, располагающих:

а) свободным временем,

б) связями,

в) деньгами…

Съезд народных депутатов СССР, избранный согласно новым правилам, в 1989 году, имел в своем составе лишь 17 % рабочих и

крестьян; Съезд народных депутатов РСФСР, появившийся через год, – менее 7 %. Оба органа успешно потрудились над буржуазной перелицовкой еще советских конституций.

Власть Советов могла быть спасена, если бы наряду с альтернативностью выборов был восстановлен производственный принцип их формирования, практика непосредственного делегирования в Советы трудовыми коллективами своих представителей и отзыва их. Но в расчеты «горбистов» входило нечто противоположное, и они при помощи партийной дисциплины, задолго до августа 1991 года, совершили контрреволюционный юридический переворот…

КПСС в лице даже её самых «левых» деятелей, – не буду называть имен, – не сумела всё это распознать…

Незабываемым было выступление на конференции известного актера Ульянова. «Я не хочу, – сказал он в заключение, – чтобы когда-нибудь о нас горько и страшно сказали словами Владимира Ильича Ленина: „…Революционная фраза о революционной войне погубила революцию“. (Полн. собр. соч. Т. 35, с. 353).

Предчувствие не обмануло Михаила Александровича. Но в той же речи он основательно поработал на культ Горбачева, страстно потребовав его фактической несменяемости… (XIX … Т. 1, с. 199).

И что в итоге? В лучшем случае – „разбитое корыто“. Прав же оказался… писатель Юрий Бондарев. Он прозорливо сравнил „нашу перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка…“. (Там же, с. 224).

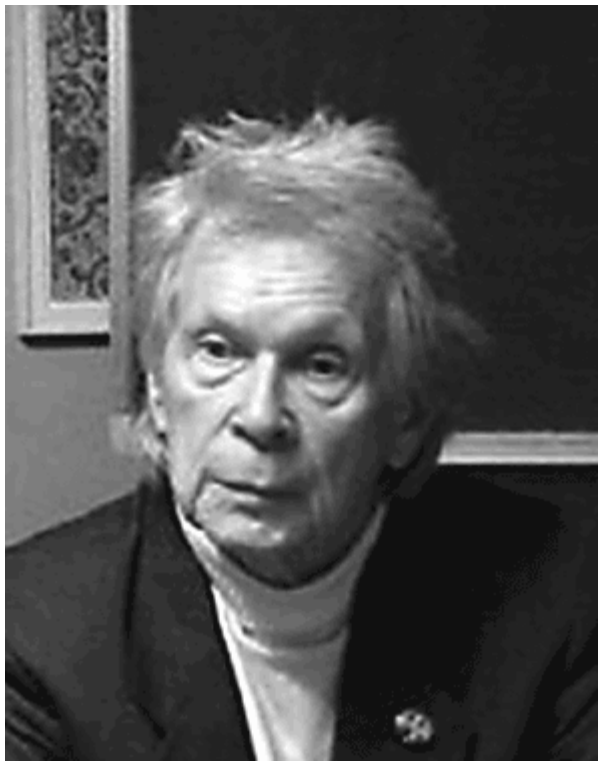
XIX Конференция КПСС, по сути, упразднила пролетарскую систему народовластия. Она санкционировала окончательный слом той модели демократии, первым опытом которой являлась Парижская Коммуна и которая получила свое воплощение в Советах. Не был восстановлен производственный принцип их формирования, отмененным оказался классовый подход. В нарушение прямых ленинских установок оправдывалось введение президентской системы правления и буржуазное разделение властей, возрождался миф о „правовом государстве“ и „гражданском обществе“. Над этим ворохом исторических отбросов XVIII–XIX веков и просто нелепостей красовался принцип „разрешено всё, что не запрещено законом“. (XIX… Т. 2. М. 1988. С. 171).

За сим последовало распространение невиданных ранее в советском обществе форм преступности, получил благословение юридический и моральный „беспредел“.

…Теперь совершенно ясно, что „культ личности Сталина“

был одиозно преувеличен и превращен в ложную мишень, гвоздя по которой, КПСС сама уничтожала и себя, и социалистический строй…» (Р. И. Косолапов. «Горбачевский термидор». Материалы научных конференций РУСО. М. 1999, с. 27–38).

Подписываюсь под каждым словом, сказанным моим верным «товарищем по оружию», с которым мы идем плечом к плечу уже более двух десятилетий. Не склонив головы…



Ричард Иванович КОСОЛАПОВ, доктор философских наук, профессор.

Коварство и цинизм генсека: погромы в ЦК КПСС

Добившись принятия XIX Всесоюзной партийной конференцией желанного постановления о проведении радикальной реформы политической системы с целью её разрушения, Горбачев потирал руки от столь важного успеха.

Теперь надо было исключить любую случайность, которая могла бы сорвать его коварный замысел по разрушению советского, социалистического строя, а вместе с этим подрыва идеологических и политических основ КПСС и деидеологизации

советского общества.

Горбачев уже никого не хотел слушать и продолжал гнуть «свою линию» – объявлять всех, кто высказывался против него и его курса, врагами перестройки, консерваторами. Настаивал на немедленном освобождении ЦК и партии от всех, кто не приемлет его курса, противится ему, а заодно и тех, кто силой своего разума и авторитета в партии может воспротивиться, восстать против его преступной политики. Другими словами, – от опытных, принципиальных коммунистов.

Потому генсек решил громить Политбюро, ЦК, Совмин – все центральные партийно-государственные органы, в которых, по его мнению, наверняка «окопались» «догматики» и «консерваторы», а на самом деле речь шла о людях с твердой идейной закалкой, активных сторонниках социализма…

Этим своим коварным и циничным замыслом, как бы между прочим, он поделился с В. И. Воротниковым. Произошло это 26 сентября 1988 года.

В своем дневнике В. И. Воротников рассказывает: «Я зашел к Горбачеву, чтобы проинформировать его о поездке с делегацией РСФСР в Западную Германию.

Выслушав меня, Горбачев завел разговор о реализации решений XIX партконференции, практических шагах и проблемах. Потом, без перехода, повел речь о кадровых перестановках… Стал их излагать. Не советовался, как раньше, а информировал о своем решении…»

Через четыре дня, 30 сентября 1988 года, состоялся внеочередной Пленум ЦК КПСС с одним вопросом: «О предложениях в связи с реорганизацией партийного аппарата в свете решений XIX партконференции».

Объявив повестку дня, Горбачев внес предложение, первым пунктом которого было: «А. А. Громыко, М. С. Соломенцева, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, А. Ф. Добрынина – на пенсию. Настало время. Они в основном понимают». («Говорил он с ними или нет, – замечает Воротников, – я так и не понял…»

Все предложения принимаются. Пленум прошел за один час. Напряженно, но «без вопросов»…

«Хотя, – пишет В. И. Воротников, – мне были непонятны мотивы отставки В. И. Долгих и А. Ф. Добрынина».

Возникает справедливое недоумение. Если члену Политбюро ЦК В. И. Воротникову были непонятны мотивы отставки соратников по Политбюро, то почему он промолчал? Что же тогда говорить о членах ЦК?..

Так одним «залпом», без обсуждений, без проблем Горбачев «оптом» освобождает от должностей и полномочий пятерых

человек – секретарей ЦК, членов и кандидатов в члены Политбюро. Этот метод «избавляться» от ставших ненужными (или опасными) лиц, вчерашних своих соратников, был у Горбачева излюбленным: легче получить согласие у отправляемых в отставку (не меня одного) и у членов ЦК КПСС при голосовании (значит, так надо).

Не буду сейчас говорить персонально о каждом из пяти видных партийных и государственных деятелей, принесенных, с молчаливого согласия Политбюро и Пленума ЦК КПСС, – в жертву надменному цинику.

Скажу только об А. А. Громыко, которого Горбачев должен «по век» благодарить за избрание его Генеральным секретарем ЦК КПСС. А он бесцеремонно отнимает для себя должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР у Громыко, дарованную ему всего три года назад за «решающее слово», сказанное им на Политбюро и Пленуме ЦК КПСС о «необходимости избрания Генеральным секретарем ЦК, молодого и энергичного Михаила Сергеевича Горбачева».

Зная Громыко, ренегат боялся, что тот может в любой день и час восстать против его губительного курса.

Ничего не скажешь. «Шельме» и на сей раз сопутствовала удача.

Опыт удался. Самые опытные и принципиальные люди были «без звука» удалены из Политбюро и Секретариата ЦК КПСС. И в Политбюро, и на Пленуме ЦК не нашлось ни одного человека, кто восстал бы против этого «самосуда» генсека над их верными и надежными соратниками.

Безропотно проглотили очередную «горькую пилюлю», подброшенную Горбачевым, не смея ему возразить.

Перестраховка? Трусость? Равнодушие? Какими бы ни были позиции у членов Политбюро и ЦК КПСС, – это подло. Неужели они не понимали, что развязывают руки ренегату-предателю для новых экзекуций в отношении высшего партийного органа!? Ведь завтра на очереди мог оказаться любой из них. Так и получилось в очередной раз. Этот «очередной раз» был совершен коварным генсеком весной 1989 года.

Я непременно продолжу рассказывать об этом «прискорбном» сюжете. А сейчас о том, что предшествовало очередным «зачисткам» ЦК и Политбюро…

10 января 1989 года состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором рассматривались вопросы предстоящих выборов народных депутатов СССР по новому «демократическому» принципу, одобренному XIX Всесоюзной конференцией КПСС и закрепленному в новом Законе о выборах Советов народных

депутатов. Пленум ЦК КПСС утвердил список кандидатур в народные депутаты СССР от КПСС в количестве ста человек, предложенный Горбачевым, а также принял «Обращение ЦК КПСС к советскому народу».

13 января 1989 года в ЦК КПСС прошло совещание по вопросу совершенствования управления аграрным комплексом СССР в связи с подготовкой Пленума ЦК КПСС по аграрной политике. В который раз (!?)

24 января 1989 года этот же вопрос обсуждался на Политбюро ЦК КПСС и снова (в который раз) Горбачев, считавший себя «главным специалистом по сельскому хозяйству», предложил новую «эффективную аграрную политику», суть которой – решить продовольственный вопрос. Он считал, что проблема упирается в систему управления аграрно-промышленным комплексом. Здесь, по мнению Горбачева, – «корень многих проблем сельского хозяйства».

Многих членов Политбюро «допекли» эти новые горбачевские «основные направления современной аграрной политики».

Очень остро выступил секретарь ЦК КПСС В. П. Никонов, курировавший вместе с Е. К. Лигачевым аграрный комплекс: «Если сельское хозяйство не получит приоритетного места в народнохозяйственном комплексе – завалим программу. Неужели это непонятно Совмину, Политбюро, вам, Михаил Сергеевич?! Надоели людям все эти реорганизации сельского хозяйства…»

В унисон В. П. Никонову говорил и Н. И. Рыжков: «Необходимо сознательно зажать другие программы и высвободить ресурсы для села».

Столь же категоричен был и В. И. Воротников: «Обстановка в сельском хозяйстве ухудшается. Реорганизация проблем деревни не решила, а даже их усугубила. Теперь новая!» (В. И. Воротников. «А было это так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 279–280).

12 марта 1989 года на заседании Политбюро еще острее чем прежде проходило обсуждение материалов к Пленуму ЦК КПСС по аграрной политике. Тон задал В. И. Воротников: «В докладе идет речь о возможности ликвидации колхозов. Надо ли в принципе так ставить вопрос даже гипотетически? Тем более генсеку сейчас, в такое время? Я категорически против…»

С критическими замечаниями выступило большинство членов Политбюро.

15-16 марта 1989 года состоялся Пленум ЦК КПСС по двум вопросам: «О проведении выборов в народные депутаты СССР от КПСС» и «Об аграрной политике КПСС в современных условиях».

По первому вопросу сообщение сделал В. А. Коптюх –

председатель избирательной комиссии. Он информировал о выдвижении и регистрации ста кандидатов от КПСС. Прошли встречи с ними в трудовых коллективах. Неудовлетворенность тем, что в списках мало рабочих, но много творческих работников…

Затем слово взял член ЦК КПСС Тихомиров, рабочий Московского завода имени Владимира Ильича: «В ходе предвыборной кампании повсеместно сократилось в составе депутатов число рабочих и крестьян. Некоторые кандидаты в депутаты высказывают взгляды, порочащие Советскую власть и государство. В их числе Б. Н. Ельцин.

12 марта был митинг „Демократической России“ с лозунгом: „Октябрьский переворот был контрреволюционным!“. „Отняли у народа свободу!“, „Не верьте лидерам государства!“ и другие. Вопрос: за какую власть Вы, Борис Николаевич, боретесь?»

Горбачев вынужден был среагировать на это выступление: «Это так. Для ЦК это урок на будущее… Митинги с антисоветскими, антикоммунистическими лозунгами: „Долой самодержавие КПСС!“ – это вызов».

После нескольких выступлений слово взял Ельцин: «Высказаны серьезные замечания и обвинения в мой адрес. С „Демократической Россией“ не имею никакой связи, не знаю, что это за организация. *(Ельцин откровенно лжет. Вся его деятельность в эти и последующие годы густо замешана на лжи и цинизме. – Прим. И.О.)*

– Листовки – это провокация против меня, – продолжал изворачиваться Ельцин. – В отношении моих выступлений. Моя программа была изложена на XIX партконференции. Я от нее не отхожу, она не противоречит программе партии. Я выступаю за перестройку, за демократизацию, за оздоровление общества…»

В. И. Воротников замечает в дневнике: «Ряд членов ЦК из рабочих предложили дать оценку некоторым выступлениям Б. Н. Ельцина, которые, по их мнению, противоречат политическим установкам ЦК и партийной этике. Поручено комиссии В. А. Медведева изучить данный вопрос и доложить на очередном Пленуме ЦК. Однако это поручение комиссия заволокитила, и ЦК так и не получил ответа». (В. И. Воротников. «А было это так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 283–284).

И снова тот же вопрос: почему молчали, видя всё это, члены Политбюро и ЦК, оставляя без внимания возмущения и требования рабочих – членов ЦК КПСС?

Подобное повторялось уже не раз… Так ренегаты-предатели «боролись» с антисоветской, антикоммунистической

деятельностью Ельцина.

Затем на Пленуме ЦК КПСС было тайное голосование по ста кандидатам в народные депутаты СССР от КПСС. Участвовал 641 человек. Наибольшее число «против» получили Е. Лигачев, А. Яковлев, В. Медведев, М. Ульянов, Л. Абалкин. Но все сто были избраны. Хотя прежнего единодушия уже не было.

Видимо, этот факт и заставил Горбачева провести «генеральную чистку» ЦК, по существу учинить разгром. Что и было им сделано уже через месяц, на внеочередном Пленуме.

Пока же завершу рассказ об этом, мартовском Пленуме ЦК КПСС 1989 года. В докладе Горбачева «Об аграрной политике КПСС в современных условиях», несмотря на решительные протесты членов Политбюро, высказанные при обсуждении его на заседании Политбюро, сохранились «ревизионистские, ренегатские» оценки проводившихся социалистических преобразований в СССР. Под сомнение брались индустриализация и коллективизация в особенности. Вот эти горбачевские «перлы»: «Возродить крестьянина как хозяина на земле». «Коренным образом преобразовать экономические отношения на селе».

Дискуссия была горячей и остро критической. Многие выступившие обоснованно отвергали «меры», предлагавшиеся в докладе Горбачева. В частности, они решительно заявляли: «Категорически против призывов к ликвидации колхозов. Нужен ли Закон о земле? Из-за нерешенных социальных проблем из села уходят учителя, врачи, специалисты сельского хозяйства».

И что же сказал в ответ Горбачев в заключительном слове? – «Доклад находит поддержку».

Разве это не цинизм?

По настоянию генсека постановление было принято в той редакции, в которой он предложил. Только оно осталось на бумаге, как и все предыдущие…

28 марта 1989 года Политбюро обсудило предварительные итоги выборов народных депутатов СССР. На лицо было явное поражение КПСС. Между тем Горбачев, Яковлев, Медведев оценивали их как «успех КПСС».

В ответ на откровенное «словоблудие» Горбачева по поводу результатов выборов члены Политбюро говорили откровенно и недвусмысленно:

Соловьев: «Результат таков, потому что голосовали не против кандидатов, а против перестройки. Падает авторитет первых секретарей партийных организаций. Они напрямую работают в коллективе, и все беды валятся на них».

В. И. Воротников: «Итоги выборов, мягко говоря, неожиданные. Партийные органы в регионах, в том числе

секретариат и Политбюро не насторожили негативные тенденции, развивающиеся в обществе. Мы привыкли работать в комфортных условиях. Методы предвыборной борьбы не освоили. Это поучительный урок».

В. М. Чебриков: «Партийные комитеты не оказывали влияния на СМИ… Последние вели контрпропаганду против кандидатов от КПСС, которых поддерживали парткомы. В числе избранных депутатов в состав Съезда народных депутатов СССР немало лиц, негативно настроенных к КПСС».

Пуго: «Снижается авторитет партии в народе… Падает прием в КПСС. Немало примеров выхода из партии…»

И только ренегатско-предательская тройка самодовольно потирала руки. **А. Н. Яковлев:** «Итоги выборов – это поддержка перестройки. Мы нервничаем. Почему? Это неоправданно…»

Медведев – в тон ему.

Горбачев вообще «вышел из берегов» и изрек очевидную чушь: «В сложной переломной ситуации перестройки мы выиграли крупную политическую кампанию…» *(Как же можно откровенный проигрыш, поражение партии объявлять «выигрышем»? – Прим. И.О.)*

Хочу заметить, каждодневно находясь в народной гуще, среди коммунистов и беспартийных я не слышал в период выборов огульного охаивания КПСС, кроме разве из уст откровенно фанатичных, запрограммированных «дерьмократов». А вот Горбачев был у многих «притчей во языцех». Люди не просто возмущались им и его перестройкой; они проклинали его, не стесняясь в выражениях.

Горбачев опасался, что эти настроения могут охватить и сам Центральный Комитет партии. Поэтому он предпринял меры, упреждающие нежелательное для него развитие ситуации.

28 марта 1989 года на заседании Политбюро он уже бил «тревогу» на сей счет: «Многое в перестройке упирается в кадровый вопрос. Посмотрите состав ЦК. Произошло обновление кадров во многих сферах. Но в ЦК остаются консерваторы. В составе ЦК свыше ста пенсионеров. Надо ли ожидать до очередного съезда КПСС?»

Горбачев валил ответственность за очевидный провал всех его перестроечных деяний на тех, кто разочаровался в перестройке, был возмущен им и его политическим курсом. А ведь это были члены ЦК, избранные всего три года назад на XXVII съезде КПСС. Именно эти люди, составлявшие ядро ЦК КПСС, тогда поверили Горбачеву и поддержали его курс на совершенствование, обновление, демократизацию КПСС,

общества, социализма. Горбачев же, наверняка, испытывал теперь страх перед ними. Боялся за себя, за свой «трон», за то, что еще не успел довести до конца свои преступные замыслы.

В. И. Воротников верно замечает: «Он явно валил ответственность за обескураживающие итоги выборов на „консерваторов“. Он взял их „на прицел“, и в первую очередь тех, кто входил в состав ЦК КПСС».

Но если В. И. Воротников понимал смысл коварного горбачевского замысла, то почему промолчал, не воспрепятствовал ему? Наверное, нашлись бы единомышленники…

…Прошло меньше месяца после объявления Горбачевым «виновников» провала всех его авантюрных действий по демонтажу политической системы советской страны. Да, фактически, и по разрушению КПСС.

20 апреля 1989 года Горбачев внес на заседание Политбюро вопросы внеочередного Пленума ЦК КПСС. В обоснование необходимости его безотлагательного проведения, он снова повторил сказанное 28 марта: «В определенных кругах негативное отношение к составу ЦК КПСС. *(В каких? Горбачевско-яковлевско-медведевских? – Прим. И.О.)* …Свыше ста человек не работают, – на пенсии. Необходимо разрядить обстановку. По уставу освободить можно по личному заявлению…»

Опять вопрос: если это «противники» перестройки, «консерваторы», то зачем эта церемония? Обоснуйте «вину» персонально каждого и освобождайтесь от балласта, от противников линии партии. Зачем же их уговаривать? При чем здесь возраст, усталость, необходимость омоложения?

Обнаженный цинизм, замешанный на примитивной лжи, звучит в словах Горбачева. Ведь фактически он изгонял из ЦК опытнейших, принципиальнейших людей, которые отдали свою жизнь во имя социализма, во благо своего народа, своей великой советской державы.

Вывод: Горбачев явно боялся, что эти люди, глубоко переживая за судьбу социализма, своего Отечества, осознав ренегат-предательский курс своего генсека, решительно скажут: «Всё. Хватит заниматься „гробиловкой“ партии, страны, народа. Пора держать ответ за всё содеянное».

Боялся, что эти люди не позволят ему добиться коварной цели – разгрома КПСС, ликвидации социализма, гибели Советского государства. И он решил упредить… созвать внеочередной Пленум ЦК КПСС. Горбачев спешил, действовал на опережение, не давая никому опомниться, вдуматься, осмыслить происходящее.

Я задавал этот вопрос тогдашним членам Политбюро ЦК КПСС, но каждый из них, твердил одно и то же: «Это прошло как-то совершенно неожиданно… Я даже не знаю, как всё получилось…»

С кем же тогда «готовил» этот вопрос на Пленум ЦК Горбачев? С Яковлевым? С Медведевым? С Раисой Максимовной?

…Искал я ответ на этот вопрос в книгах – воспоминаниях Н. И. Рыжкова, Е. К. Лигачева, В. И. Воротникова. Не нашел.

Все отговаривались всё той же обывательской фразой: «Не знаю, как всё это получилось, как-то неожиданно. И без нас». Разве это позиция членов Политбюро?

В. И. Воротников записывает в дневнике: «Обсуждения не было. Чувствовали себя неловко, но не возмутились, не протестовали». (В. И. Воротников. «А было это так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 289). Разве это позиция?

25 апреля 1989 года Горбачев созвал внеочередной Пленум ЦК КПСС с одним вопросом – организационным.

Обратимся к дневнику В. И. Воротникова: «Горбачев зачитал обращение к Пленуму группы членов ЦК, кандидатов в члены ЦК и членов Ревизионной комиссии. Суть: они складывают свои полномочия. (С ними накануне была „беседа“ в ЦК. Видимо, убедили)».

Далее Горбачев сделал следующее пояснение: «Состав ЦК избран XXVII съездом, который разработал курс на перестройку. Но жизнь не стоит на месте. Произошли большие кадровые изменения. Многие – на пенсии (83 члена ЦК, 27 кандидатов в члены ЦК, 12 членов Ревизионной комиссии). В то же время многие секретари ЦК компартий, обкомов не входят в состав ЦК. Обратились 110 человек»…

Начались выступления. Сначала уходящие говорили об обоснованности своего решения, благодарили за доверие, оценку их прошлой деятельности, высказывали пожелания… Но потом речи становились всё более острыми, критическими. Причем слова просили в большинстве своем не те члены ЦК, которых отправляли в отставку. Речь пошла о самых жгучих проблемах перестройки, позиции ЦК, методах работы и т. п.

Р. С. Бобовиков: «О чем свидетельствуют итоги выборов? Экономическая реформа осуществляется с издержками. Все упреки за сбои – в адрес партийных органов. В печати поддерживают только негативное. Огонь на партаппарат. Сейчас никто не идет на работу в партийные комитеты. Развернули дискуссию об армии. Звучат голоса: „Рассекретить все секреты, открыть все границы“. Что это за тема для обсуждения!?

Идут митинги, но на них не видно ни Медведева, ни

Яковлева, чтобы дать отпор демагогам…

Если Запад хвалит перестройку, то этот факт надо оценивать с ленинских позиций».

А. П. Мясников, экскаваторщик: «Стали злоупотреблять демократией, разжигать националистические настроения. Демократия нуждается в правовой защите. Партийному руководству надо быть ближе к народу. Что говорят о Ленине…» (Не закончил, ушел с трибуны со слезами.)

П. Н. Федосеев: «Я за обновление. Но нельзя это мотивировать необходимостью пополнения ЦК должностными лицами (это не ленинский принцип). Мы против единомыслия, но мы единомышленники. Необходима большая забота о единстве партии, укреплении ее рядов».

Ю. Ф. Соловьев: «Мы часто торопимся, спешим в принятии решений. Механизм выборности руководителей предприятий, например, сработал в другую сторону (рвачество, потребительство). Люди озабочены, что в нашей богатой стране живем мы плохо. Сейчас вольготно ловкачам, авантюристам. В партии оказались люди идейно рыхлые, выступающие против принципиальных позиций КПСС».

В. Т. Сайкин: «Некоторые радетели народа спекулируют на трудностях и проблемах. Выдвигают нереальные прожекты. Выше всего ставят личные амбиции, готовы ради честолюбивых планов пожертвовать Советской властью. Нельзя перестройку отдавать из рук партии. А самой КПСС надо шире опираться на рабочих».

И. К. Полозков: «Идёт оголтелая кампания. Присваивают идеи и дела партии. Когда появляются призывы к „расчленению“ СССР, „вешать коммунистов“ и т. п., то ясно, что мы зашли далеко…»

А. Г. Мельников: «Надо разобраться с идеологическими проблемами. Кто у нас в ЦК занимается средствами массовой информации, кто национальными вопросами и т. п. Кто работает в аппарате ЦК, насколько это компетентные и преданные партии люди».

Видно, что выступавшие высказывали свою неудовлетворенность методами работы ЦК, его руководства. Звучала обеспокоенность, озабоченность тем, что перестройка идет под уклон, осуществляется не так, как было определено XXVII съездом.

После окончания прений Горбачев поставил на голосование собственное предложение: удовлетворить просьбу товарищей – 110 человек о снятии с них полномочий членов ЦК, кандидатов в члены ЦК, и двенадцати членов ревизионной комиссии. (Проголосовали единогласно). Выразил всем изгоняемым из ЦК

циничную благодарность за работу и пожелал успехов. Затем высказал свое мнение о выступлениях: «Есть принципиальные недостатки, объективные причины, но есть и ошибки… Если на первых порах процесс шел сверху, то сейчас перестройка идет внизу. Политизация масс меняет обстановку в стране. А у нас живет старое мышление. Надо, чтобы партия брала в свои руки эти процессы. Защищала демократию…» Так прошел этот беспрецедентный в истории партии Пленум. (В. И. Воротников. «А было это так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 290–292).

Я узнал об этом погромном Пленуме ЦК по радио в конце того же дня, 25 апреля 1989 года. Вечером – по телевидению. Мороз прошел по коже. Что творит «голова с заплаткой»? Неужели в Политбюро и в ЦК все «примиренцы» и «соглашатели»? Или беспринципные и трусливые люди? Что же это за Политбюро, что за ЦК? Ведь многие выступавшие били тревогу по поводу положения партии в стране. А решения, как всегда, приняли «единогласно», не задумываясь о последствиях.

Отдали на откуп генсеку судьбу более ста членов и кандидатов в члены ЦК партии? Да еще 12 членов Центральной ревизионной комиссии КПСС? Что творится? Генсек или невменяемый, или ренегат-предатель, маскирующийся под коммуниста и приверженца социализма?

Эти вопросы не давали мне покоя не только в тот день, но и в последующие дни, недели, месяцы, годы. Но ответа получить не мог. Объяснение было одно: ситуация в партии и в стране очень сложная. Необходимо было обновление, омоложение кадров…

Мои размышления были таковы. Все объявленные «неработоспособными» избраны в состав ЦК всего три года назад XXVII съездом партии, уже при Горбачеве? Готовится очередной съезд. Там и мог решиться вопрос о составе ЦК сам собой, «без проблем». К чему же такая спешка?

Горбачев говорит, что многие, вновь избранные секретари республиканских, краевых, областных комитетов не являются членами ЦК. Ну и что? До съезда их все равно в состав ЦК избрать нельзя? Кооптация Уставом партии не предусмотрена. Нет, весь этот «погром» на Пленуме ЦК необъясним…

Да и сами выведенные из состава ЦК и Центральной ревизионной комиссии тоже хороши. На чем «купились»? Испугались? Поддались на уговоры Горбачева и его верных соратников?

Более ста коммунистов коллективно подписывают заявления о «сложении» своих полномочий. Что за недомыслие? Совестливость? Скромность? Нежелание «ссориться» с генсеком

или нежелание дальше участвовать в его преступных деяниях по разрушению партии, социализма, советской страны? В любом случае, поступок их иначе, как «беспринципностью» объяснить невозможно.

Ну, хорошо, «придумал» и «провернул» всё Горбачев с Яковлевым, Медведевым, Шеварднадзе. Но ведь было заседание Политбюро, был Пленум ЦК. Почему же никто не возмутился, не воспротивился, не восстал против этого необъяснимого действия генсека?

…Не могу не рассказать здесь об одном телефонном звонке, который раздался в нашей квартире 4 мая 2010 года, в канун 65-летия немеркнущей Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Я снял трубку: «Слушаю Вас».

– Это звонит Разумовский. Мне часто о Вас рассказывает Иван Кузьмич Полозков. Он же дал мне Ваш телефон. Вот я и решил позвонить Вам, поздравить с предстоящим Днем Победы, узнать о здоровье, расспросить, чем занимаетесь.

Я поблагодарил за поздравление, пребывая в недоумении, что побудило Разумовского позвонить мне.

Заочно я знал его, когда он был председателем Краснодарского крайисполкома, затем – короткое время – первым секретарем Краснодарского крайкома КПСС, заменив на этом посту С. Ф. Медунова, крепко проштрафившегося перед партией за проводимую негодную кадровую политику, исключенного из состава ЦК и из КПСС в андроповское время.

Затем Разумовский был утвержден заведующим Отделом организационно-партийной работы и кадров ЦК, сменив на этом посту Е. К. Лигачева. Вскоре он был избран секретарем ЦК и занимался теми же организационно-партийными и кадровыми вопросами.

В конце мая или начале июня 1990 года группа членов Подготовительного комитета по написанию тезисов доклада на Российской партийной конференции узнала, что мы занимаемся «сизифовым» трудом, работая над докладом, с которым должен выступать Горбачев. Партаппаратчики, видя наше усердие, пожалели нас: «Зачем вы так изнуряете себя? Горбачев не будет выступать с вашим докладом. Для него доклад уже подготовлен группой аппаратчиков ЦК».

Возмущенные этим, мы пошли по секретарям ЦК искать поддержку. Тогда я и зашел к Разумовскому. Но он только руками развел: «Ничем помочь не могу».

Больше ни встреч, ни контактов с ним не было. И вот, спустя два десятилетия, он вдруг позвонил.

…Я ответил на вопросы Разумовского, рассказал, что

заканчиваю работу над первой книгой трилогии «Мы родом из СССР» и передаю её в издательство. Он порадовался за меня и пожелал успехов. На том и закончился наш разговор…

На всякий случай, я тут же отыскал свой адресной блокнот и «воскресил» в памяти имя и отчество Разумовского – Георгий Петрович. Оказалось кстати…

Спустя десять-пятнадцать минут – снова звонок. К моему удивлению, – опять он.

Теперь разговор уже длился более часа. Мы о многом поговорили: о Кубани, о моей работе в Брюховецком районе и в Туапсе, о моих научных баталиях, о наших общих друзьях-товарищах по комсомольской и партийной работе, о кубанском землячестве в Москве, и о многом другом.

Потом перешли к моим книгам-воспоминаниям. Я рассказал о главных вопросах и событиях, к которым был причастен, и которые будут отражены во второй и в третьей книгах. Само собой, коснулся преступной роли Горбачева и Ельцина. Затронул вопрос, который меня очень волнует уже многие годы: как могло случиться, что апрельский Пленум ЦК 1989 года вывел из состава ЦК более ста членов, самых опытных и принципиальных. Заметил при этом, что эта преступная акция во многом облегчила Горбачеву разрушение КПСС и советского государства. И добавил: как мог такой многоопытный и принципиальный партийный деятель, как Лигачев пойти на этот роковой шаг. Ведь без него такой вопрос вряд ли Горбачев смог бы решить…

И здесь Георгий Петрович несколько приглушенным голосом сказал: «Егор Кузьмич тогда уже занимался не оргпартработой и кадрами, а идеологией или даже аграрными делами».

– Но ведь он оставался членом Политбюро. Да и вы, Георгий Петрович, возглавляли Отдел организационно-партийной работы и кадров и, кажется уже были секретарем ЦК и, видимо, знаете, как такое могло случиться.

– Как-то прошла эта акция мимо нашего отдела…

Не знаю, прав ли Г. П. Разумовский. В любом случае, Е. К. Лигачев и Г. П. Разумовский, будучи секретарями и членами Политбюро ЦК, являясь принципиальными людьми, не восстали против этого зловещего акта. Почему?

– Не смогу сейчас ничего сказать, – после некоторого раздумья ответил мне Г. П. Разумовский. – Прошло всё это тогда незаметно и безболезненно. Как-то Горбачеву удалось провернуть. Он умел проводить такие акции без лишних слов и объяснений. «Надо для дела, для перестройки», – так он объяснял подобные действия.

В конце той беседы я всё же сказал, что, отношусь с

уважением к Егору Кузьмичу, как к убежденному и принципиальному коммунисту. Но не могу понять его позицию в этой преступной акции.

Я считаю, что он виноват и в избрании Горбачева Генеральным секретарем ЦК, и в возвышении Ельцина как политического деятеля.

Эти действия объективно способствовали тому, что вскоре произошло с партией и страной.

В конце той памятной нашей беседы с Георгием Петровичем мы пожелали друг другу здоровья и благополучия, а он мне еще и успешной работы над трилогией. На том и простились…

Бесспорно, Е. К. Лигачев в ответе и за избрание Горбачева генсеком, и за выдвижение Ельцина на работу в ЦК, избрание его первым секретарем Московского горкома КПСС и кандидатом в члены Политбюро. Этим он помог и тому и другому приобрести общепартийную известность, получить наилучшую возможность для антикоммунистической деятельности и сплочения вокруг себя антикоммунистов, противников социализма…

Не скажу, что все эти два десятилетия я ничего не знал об этом погроме ЦК.

Первую принципиальную оценку этой коварной, циничной акции Горбачева я услышал 5 октября 1992 года на заседании Конституционного Суда Российской Федерации из уст кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС Владимира Ивановича Долгих, выступавшего на процессе в качестве свидетеля по делу о проверке конституционности ельцинских указов о приостановлении и прекращении деятельности КПСС и КП РСФСР и о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР.

Несколько слов о нем, основываясь на том, как он представился на заседании Конституционного суда: «…Родом я из Сибири. В семнадцать лет добровольно пошел на фронт, был тяжело ранен на фронте. В 1942 году вступил в партию, не из карьеризма, разумеется…

Двадцать три года после окончания института проработал в металлургии на всех заводских должностях, в том числе двенадцать лет на Крайнем Севере в качестве главного инженера и директора Норильского горнометаллургического комбината. Более трех лет был первым секретарем Красноярского крайкома партии. Кандидат технических наук.

С 1972 по 1988 год был секретарем ЦК, а с 1982 по 1988 – кандидатом в члены Политбюро ЦК…»

Теперь о его позиции, его понимании того погрома ЦК КПСС, который учинил Горбачев. Вот что свидетельствует В. И. Долгих:

«Необходимость в реформах давно назрела. Это понятно. Их

надо было тщательно готовить и осмысленно, осторожно и согласованно осуществлять, не нарушая социалистического характера общественных отношений.

Однако все пошло по другому пути. Представляется очевидным, что в той непродуманности экспромта, непоследовательности группы Горбачева был свой зловещий план. Мы явно запоздали с реформированием самой партии, ее демократизации. Повинны в этом, прежде всего, идеологические работники во главе с ее вождями, которые, кстати, в большом числе оказались первыми перебежчиками в лагерь противников партии.

Мы повинны в том, что не распознали Горбачева в 1984–1985 гг. Мы повинны в том, что не нашли в себе мужества и принципиальности и допустили беспрецедентный в истории партии вывод в 1989 году из состава ЦК 115 ее членов. И хотя это проводилось под флагом очередного, я бы сказал, обмана партии, мы обязаны были видеть за этим обвальное начало разрушения партии…»

Тогда же, после выступления В. И. Долгих, представитель нашей коммунистической стороны, доктор юридических наук, известный ученый-политолог Борис Павлович Курашвили обратился к нему с вопросом: «Владимир Иванович, Вы сказали, что перестройка превращалась в перетряску и т. д. Скажите, пожалуйста, когда Вы лично и Ваше окружение почувствовали, что речь идет не об обновлении социализма, а об изменении общественного строя – в 1989 или 1990 году, или позже?»

Долгих В. И.: «В конце 1988 – начале 1989 года, когда из Центрального Комитета было выведено под флагом омоложения Центрального Комитета, необходимости включения туда людей, которые ныне работают, 115 членов партии, которые прошли определенную школу, имели определенный опыт. Я считаю, что в этот период. А на самом деле получилось так, что после этого ввели в состав ЦК только 24 или 25 человек из состава кандидатов…» (Цитирую по опубликованной стенограмме материалов процесса в Конституционном суде Российской Федерации по вопросу о проверке конституционности указов Президента РФ Б. Н. Ельцина о приостановлении и прекращении деятельности КПСС и КП РСФСР и об их имуществе, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР. Том 4, издательство «Спарк». М. 1997, с. 8, 11).

Я был и остаюсь благодарным В. И. Долгих за эту принципиальную оценку вопиющей акции Горбачева и самокритичное признание своей вины за прошедшее.

Спустя несколько месяцев, уже после окончания процесса в

Конституционном Суде, в ходе подготовки ко Второму восстановительному Съезду коммунистов России я попытался прояснить этот вопрос у Е. К. Лигачева.

Встреча с ним проходила в помещении редакции газеты «Гласность». Присутствовал при этом В. А. Купцов. Я обратился к Егору Кузьмичу с вопросом: «Как могло случиться, что В. И. Долгих нежданно-негаданно освободили сначала от полномочий кандидата в члены Политбюро и должности секретаря ЦК КПСС, а затем, семь месяцев спустя, вывели из состава ЦК? Попросил рассказать, как это все могло случиться. Он ушел от ответа. Тогда я напомнил Егору Кузьмичу о его личной причастности и активной роли в избрании Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС, о выдвижении Ельцина и других кадровых вопросах, решавшихся по его инициативе и с его участием.

Егор Кузьмич вспылил и бросил что-то вроде того, что вы в этом не разбираетесь. И далее – в таком же духе.

Тогда в разговор вступил В. А. Купцов и сказал: „Егор Кузьмич, согласитесь, Иван Павлович прав, задавая Вам эти вопросы и бросая упрек в Ваш адрес“». Е. К. Лигачев вынужден был замолчать…

Уже в двадцать первом веке, два десятилетия спустя, я узнал, что все-таки один из намечавшихся «в отставку» член ЦК КПСС категорически отказался от такого решения его судьбы, заявив при этом, что лишить его полномочий члена ЦК может только партийный съезд. Это был Ефим Павлович Славский, ветеран КПСС, видный деятель советского государства, многие годы работавший министром среднего машиностроения (оборонная отрасль). Только он один решился на этот принципиальный поступок…

Но ведь в составе ЦК были другие, честные, принципиальные коммунисты: А. А. Громыко, Н. К. Байбаков, тот же В. И. Долгих. Но решился на такой шаг только Е. П. Славский. Почему? Вопрос остается открытым…

Вот и В. И. Воротников пишет: «Из состава ЦК ушло немало умных, опытных, принципиальных людей. Достаточно назвать А. К. Антонова, Н. К. Байбакова, В. И. Долгих, Н. В. Огаркова и других… Многие из нас (в том числе и я) тогда не совсем восприняли эту потерю. Она стала яснее и виднее позже». (В. И. Воротников. «А было это так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 292).

27 апреля 1989 года Политбюро подвело итоги апрельского 1989 года Пленума ЦК КПСС. Предполагалось, что он пройдет спокойно, так как на его рассмотрение был вынесен один

организационный вопрос. И вдруг такой взрыв эмоций на Пленуме… Причем из двадцати выступивших только восемь тех, кого отправляли в отставку. «Это было не вдруг, – записывает в дневнике В. И. Воротников. – Обстановка действительно накалилась… В обществе всё сильнее проявлялась неудовлетворенность. Прошло четыре года, а ситуация… даже ухудшилась. Мы чувствовали это, но тешили себя благими надеждами…» (В. И. Воротников. «А было это так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 298).

Выступившие на заседании члены Политбюро в большинстве своем были встревожены прошедшим Пленумом ЦК. Но и только…

Они взволнованно выражали озабоченность по поводу социально-экономических проблем, нарастания националистических экстремистских выступлений, негативного отношения к армии в связи с событиями в Тбилиси, внутрипартийными проблемами. Многие высказывали неудовлетворенность состоянием идеологической работы, разрушительными последствиями гласности, ошибочностью проведения политических реформ в ущерб экономике.

И что же Горбачев? Снова восторг: «На Пленуме мы получили очень важный срез мнений о происходящем в обществе. Это большое завоевание ЦК…» Но все же признал, что на Пленуме «сильно отразился синдром выборов народных депутатов СССР по новому законодательству. Ясно одно – к партии предъявили обостренные требования… Нельзя не учитывать этого».

Согласился Горбачев и с тем, что выявились люди, которые не приемлют социализм, призывают к хаосу, к анархии. Назвал и методы работы с ними: «Объяснения, дискуссии».

Но ведь этими людьми являлись, прежде всего, лица, входившие в Политбюро: сам Горбачев, Яковлев, Медведев, плюс Ельцин, их единомышленники в ЦК, в руководстве компартий республик, обкомов, крайкомов и в СМИ.

Нет, об этом генсек, конечно, не сказал, хотя хорошо знал, что это так…

Однако тут же сделал циничное заявление: «Переход к освоению новых методов работы идет трудно. Дело упирается в кадры. Необходимо обновление…» (В. И. Воротников. «А было это так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 298, 299).

Горбачев думал уже о новых «зачистках», о необходимости удаления из партийного и государственного руководства «консерваторов», противящихся перестройке.

В этом вопросе Горбачев преуспел. Не заставил себя долго

ждать и в данном случае.

Уже 11 мая 1989 года, всего две недели спустя после внеочередного Пленума ЦК по кадровым вопросам, на заседании Политбюро Горбачев изрек: «Очередной Пленум ЦК КПСС созвать 22 мая сего года. Рассмотреть на Пленуме вопросы предстоящего Съезда народных депутатов СССР, а также предложения об изменениях в Совете Министров СССР – об отставке Талызина, Мураховского, Щербины, Толстых, Ведерникова, Смиртюкова и некоторых министров». И снова – большой группы опытных, принципиальных, верных делу социализма людей.

Через одиннадцать дней, 22 мая 1989 года, Пленум ЦК КПСС рассмотрел эти предложения Горбачева и проголосовал в их поддержку, хотя и не безоговорочно…

В. И. Воротников в своем дневнике по поводу этой акции выразил недоумение тремя словами: «Не понятно, почему пачками?» (В. И. Воротников. А было это так… Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 300, 302).

А что тут непонятного? Так удобнее. Меньше хлопот. Не дать никому задуматься, выразить свое отношение к происходящему.

Правда, безропотно этот Пленум ЦК не прошел. Слово взял член ЦК КПСС, писатель В. В. Карпов: «Мы работаем по-старому. Считаю, что нужна критика. Ошибок и недочетов много. На прошлом Пленуме вывели из состава ЦК сто человек! Это было неожиданно, их избрал XXVII съезд. Нас предварительно не известили.

В армии ситуация сложная. Идут нападки. Вы – Председатель Совета обороны и не защищаете армию.

Из-за океана Вас одобряют, а они так просто ничего не делают. Надо, чтобы больше опирались на нас, на ЦК.

На прошлом Пленуме было много критики, а Вы в своем заключительном выступлении ушли от ответа: „Все хорошо. Не надо драматизировать“. А дело очень острое. Нужно бережно и внимательно относиться к нам, членам ЦК, товарищам по Политбюро…»

Вслед за В. В. Карповым на трибуну вышел Иван Кузьмич Полозков, член ЦК КПСС, первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС: «Я согласен с Карповым… Ведь сейчас уже третируют не только низшие звенья, а добрались до Совета Министров СССР, ЦК, Политбюро. Есть, над чем задуматься».

Громил Горбачев ЦК, Политбюро, Совмин. А вот к Ельцину прикоснуться боялся. Дал команду Медведеву: «На этом Пленуме вопрос о Ельцине не поднимать». Зато Ельцин, пользуясь безнаказанностью и вседозволенностью, продолжал «бузить», «набирать очки» в стане «демократов».

Да и на этом Пленуме Ельцин выступал дважды. И бросил Горбачеву «правду в глаза»: «Сложилась ситуация, которая ухудшила жизнь людей. Растет недоверие к партии… Увеличивается число людей, сдавших партийные билеты…» (В. И. Воротников. А было это так… М. 2003, с. 302, 304, 305, 306).

Не пройдет и пяти месяцев после апрельского (1989 года) Пленума ЦК КПСС, как по воле генсека, сентябрьский (того же года) Пленум ЦК снова занимался кадровым вопросом, на сей раз, – «зачисткой» Политбюро. Опять сразу пятерых. Опять неугодных коварному генсеку: «Н. Ф. Талызина и Ю. Ф. Соловьева – освободить от обязанностей кандидатов в члены Политбюро; В. В. Щербицкого, В. П. Никонова, В. М. Чебрикова – от обязанностей членов Политбюро в связи с уходом на пенсию».

И снова все проголосовали за предложение генсека. Без вопросов…

«Этот момент характерен, и показывает, насколько выросло самомнение, безапелляционность генсека, его самоуверенность. В то же время здесь проявилась и бестактность, неуважительное отношение к товарищам по работе». (В. И. Воротников. «А было это так…» Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М. 2003, с. 336, 337).

Верное, справедливое мнение. Но почему же «товарищи по работе», видя и понимая все эти возмутительные, коварные, циничные действия Генерального секретаря, молчали, без сопротивления, беспрекословно «проглатывали» горькие для партии, для страны и для них самих «пилюли». А вслед за ними – и все члены ЦК КПСС на Пленумах поступали так же беспринципно, считая, «значит, так надо, если предлагает генсек и молчат члены Политбюро…»

«…Заложниками» преступного ренегатско-предательского курса Горбачева оставались из недавно еще монолитного состава Политбюро три его ближайших соратника-единомышленника, с которыми он начинал перестройку, – Е. К. Лигачев, Н. И. Рыжков и В. И. Воротников. Но их участь тоже была уже предрешена…

«Сначала удалось убрать меня, а еще через полгода – Рыжкова, – пишет в своей книге Е. К. Лигачев. – Увы, Горбачев не вступился за своих ближайших соратников…» (Е. К. Лигачев. «Предостережения». М. 1999, с. 370).

Какая наивность! Разве не по инициативе Горбачева совершалось это изуверство? Он же презрительно выбрасывал всех, кто был ему больше не нужен.

И что же они? Взбунтовались? Выступили на Пленуме ЦК? На съезде партии, в партийной печати с беспощадным

разоблачением ренегат-предательской деятельности Горбачева, Яковлева, Медведева; откровенного антикоммуниста Ельцина и прочих «отцов российской демократии»?

Нет, уходили молча, смиренно, стыдливо, словно не горбачевы, яковлевы, ельцины, а они сами повинны в катастрофическом состоянии КПСС, советского государства, социализма.

Иначе, как беспринципностью, равнодушием, ложной скромностью, соглашательством такую позицию не назовешь.

Боялись раскола Политбюро? ЦК? КПСС?

А ведь их голоса могли быть услышаны и поддержаны большинством членов ЦК, большинством коммунистов, большинством народа. Но никто из них на это не решился…

Между тем, «дерьмократы» не церемонились ни с кем и ни с чем. Без раздумий и стеснения громили КПСС, социализм, советскую державу. И потому их контрреволюционное дело восторжествовало…

Вместо послесловия

В предыдущей главе этой книги, в которой освещалось развитие политических событий в Советском Союзе в 1985–1987 годах, я только отдельными «вкрапинами» писал о своем участии в них и об их проявлении в Краснодарском крае. Хочу, хотя бы частично, восполнить здесь этот пробел, рассказать, как проявлялись и росли на Кубани «демократические» настроения.

Сначала стали гулять по рукам антикоммунистические статьи, публиковавшиеся в «Огоньке», в «Аргументах и фактах», в «Московских новостях», в «Литературной газете», в «Московском комсомольце» и в других изданиях. Как правило, интерес к ним проявляли в первую очередь те, кто многие годы был любителем ночных слушаний различных зарубежных радиоголосов. Затем к ним добавились свихнувшиеся на гласности и плюрализме уже в горбачевские годы. И те, и другие, судя по всему, поднаторели на самиздатовских публикациях так называемых «инакомыслящих» («диссидентов»), обнажившихся в годы хрущевской «оттепели».

Потом стали доходить «слухи» о сборищах «демократической» публики, проходивших в Москве. Затем стали звучать рассказы очевидцев, побывавших на этих митингах.

Но в большинстве своем люди, узнавая о нарастании антикоммунистических настроений, говорили с осуждением, с тревогой об опасности огульной критики советской и партийной истории, порождавшей нездоровый интерес у многих,

политически неподготовленных людей, от которых еще недавно антикоммунизмом и не пахло.

Порой звучали вопросы и реплики с «похвалой», что стали печатать статьи такого содержания. Но чаще – с осуждением такого «плюрализма», сеющего сомнения в ценностях советской системы, жизни, которой спокойно жили советские люди многие десятилетия.

Затем на семинарах партийно-хозяйственного актива, лекторов, пропагандистов, агитаторов и политинформаторов стали возникать вопросы: «Как вы всё это оцениваете? Кому это выгодно? К чему это приведет?»

Возникали такие разноплановые вопросы с различными оттенками и в студенческих аудиториях, и в производственных коллективах.

Как правило, звучали они спокойно, даже с извинением «за неподобающий интерес к этим „демократическим бузотёрам“».

Я был рад тому, что мог помочь своим слушателям понять, разобраться в сути возникших треволнений и стремлений.

Но вскоре спокойный интерес к такого рода поведению «сомнительной публики» стал резко меняться. Особенно, когда откровенно клеветнические, лживые, циничные статьи оставались без внимания ЦК КПСС или даже получали поддержку и одобрение горбачевско-яковлевского руководства партии: «Мол, всё это в русле „демократизма“, „гласности“, „плюрализма“».

У меня лично возросла непроходящая тревога, когда уже не отдельные издания, а в большинстве своем, печать, включая коммунистическую, радио и телевидение, становились рупором чуждой, антисоциалистической идеологии, морали, по сути своей враждебной нашему советскому обществу, сомкнулись с зарубежными антисоветскими голосами…

Анархическое своеволие всё больше укоренялось в реальной жизни нашей страны под мощнейшим массированным наступлением псевдодемократических сил, ослаблялись авторитет и роль КПСС в советском обществе, чему в наибольшей степени способствовала ренегатско-предательская деятельность, проводимая Горбачевым, Яковлевым и иже с ними.

В конце 1988 года и особенно в 1989-м антисоветски настроенные лавины «демократической» публики, первоначально собиравшиеся в темных закоулках и переулках, выкатились мощной многотысячной лавиной на Красную – главную улицу краевого центра. В их рядах преобладала вузовская, инженерно-техническая и творческая интеллигенция, а также студенческая молодежь.

Нежданным для меня взрывом антикоммунизма и

антисоциалистических настроений явился семинар преподавателей общественных наук вузов и техникумов края. Трудно было поверить тому, что я услышал из уст многих его участников. Ведь это были люди, профессиональным назначением которых являлось обучение студентов марксистско-ленинской теории, трем её основным составным частям: научному коммунизму, марксистско-ленинской философии, марксистской политэкономии, а также истории Коммунистической партии Советского Союза.

Многих преподавателей я хорошо знал и никогда не замечал за ними антипартийных, антикоммунистических проявлений. Теперь они восхищались тем, что публиковалось в названных выше изданиях, что пленило их сознание…

Мои попытки аргументировано возразить им, разубедить были встречены в штыки. Воспаленные глаза вчерашних единомышленников смотрели на меня не просто возбужденно, а осатанело. Было от чего встревожиться: ведь еще год – два назад эти люди с глубочайшим, как мне казалось, искренним уважением соглашались со мной, благодарно воспринимали мои лекции, выступления, выражали признательность на семинарах, конференциях, в дискуссиях…

Потом я встретился с такого же рода настроениями и высказываниями преподавателей своего родного Кубанского государственного университета на открытом партийном собрании. Они прозвучали в вопросах и репликах после моего выступления с докладом об актуальных проблемах внутренней и внешней политики КПСС.

Все эти факты говорили о том, что горбачевская псевдодемократическая отрава получила весьма широкое распространение и поработила даже многих коммунистов, партийных работников, преподавателей общественных наук.

…С большой тревогой и тяжелыми раздумьями я возвращался с Краснодарского камвольно-суконного комбината, где райком партии попросил меня встретиться с рабочими и служащими, поскольку там возникло много недоуменных вопросов. Не помню, по какой причине, но встреча проходила не в клубе комбината, а на улице, у проходной, где собралось до двухсот человек. Получился импровизированный митинг. Не успел я начать свое выступление, как раздались вопросы, реплики самого агрессивного характера:

– Зачем нам твои речи? Ты лучше ответь, как жить при сплошном дефиците на всё: на продукты, на мыло, на стиральный порошок? До чего вы, коммунисты, довели страну? Куда вы смотрите? Давно пора выгнать вашего Горбачева и всю его свиту.

Ведь скоро все передохнем при такой жизни…

И так далее, в том же духе. Только все это было «сдобрено» крутыми язвительными словечками и матерной бранью…

В большинстве своем на митинге преобладали женщины: они составляли основной контингент комбината. Именно это особенно жалило сердце. К тому же в их устах звучала горькая, горестная правда…

Но самым первым и, пожалуй, самым трудным испытанием на прочность и зрелость было мое участие в многотысячном митинге-манифестации крымских татар в Краснодаре, приуроченном к 45-й годовщине их выселения из Крыма. Многие тысячи крымских татар перебазировались из тех мест, куда они были выселены, в районы Краснодарского края, ожидая часа своего возвращения в Крым.

Митинг-манифестацию в Краснодаре организовали лидеры борьбы за восстановление крымской автономии, прибывшие со всех концов Советского Союза.

Цель была очевидна: превратить край в плацдарм для прорыва в Крым. В Краснодаре они намеревались провести «смотр» своих сил, готовились к решительным действиям. На всех видах транспорта в город собралось несколько десятков тысяч человек.

Краснодарский горком партии попросил меня вместе с другими учеными-коммунистами принять участие в этом митинге-манифестации, постараться не допустить возможных провокаций, избежать насилия. И, не дай бог, кровопролития…

Это удалось. Провокационные, подстрекательские призывы радикально-экстремистских лидеров крымских татар были нейтрализованы, а затем и погашены их взрывоопасные настроения спокойными, убедительными ответами. Нам удалось охладить горячие головы экстремистов, призвать крымских татар прекратить манифестацию и организованно покинуть Краснодар.

Большую роль в успехе этой непростой задачи сыграло то, что в рядах активистов борьбы за возвращение крымских татар в Крым и восстановление их автономии было немало трезвомыслящих людей. Некоторые из них знали меня как ученого-историка, были моими учениками и с пониманием воспринимали мои доводы «за» и «против». В общем, это расстроило, как первоначально казалось, «единый», «непримиримый» фронт собравшихся.

Сугубо политическими методами горячая и опасная провокация, которой мог закончиться этот митинг-манифестация, была предотвращена. Длилась она более четырех часов. Какой ценой для моего небогатырского здоровья обошлось это

«испытание» знал лишь я, да семья. Несколько дней с трудом передвигался «на ватных» ногах и с высоким давлением…

Из таких вот «генеральных репетиций» складывался мой опыт политического противостояния и противоборства в новой обстановке. В таких условиях закалялись воля и характер. Да они закалялись всей моей жизнью…

…Больно и горько писать обо всех кощунственных деяниях, творимых Горбачевым и К. Ситуация в стране на втором этапе перестройки, особенно после XIX конференции КПСС продолжала резко обостряться. Это сказывалось и на самой КПСС.

Находясь день ото дня в партийных аудиториях и в народной гуще, я освещал и оценивал ситуацию так, как её воспринимал и понимал. И продолжал верить в силу и разум партии, в её способность остановить разрушительные процессы в стране и в самой КПСС. Эту уверенность нес в люди…

В Краснодарском крайкоме КПСС, в горкомах и райкомах, на семинарах и в школах партийно-хозяйственного актива, да и в большинстве случаев, в трудовых коллективах и учебных аудиториях, зная меня многие годы, люди с доверием относились ко мне, разделяли мою позицию, взгляды и оценки.

И не только благодарными словами и аплодисментами выражали свою признательность…

Пришли и высокие награды, которые долго «обходили» меня. Только теперь, на закате истории КПСС и Советской власти, почему-то стали замечать и отмечать мое бескорыстие, самоотверженность в труде и в борьбе, непоколебимую верность идеалам социализма, Советской власти.

Видимо потому, что выдержал испытания и на прочность, и на зрелость, и на верность. Да и на смелость и мужество тоже…

В майские дни 1987 года, после возвращения из поездки в Народную Республику Болгарию, Первый Заместитель Председателя Правления Всесоюзного Общества «Знание» В. Е. Семичастный в торжественной обстановке вручил мне «Удостоверение о занесении в Книгу Почета Всесоюзного Общества „Знание“». В нем говорилось:

«Председатель бюро секции пропаганды теории марксизма-ленинизма и исторических знаний при правлении Краснодарской краевой организации общества „Знание“, доктор исторических наук, профессор Осадчий Иван Павлович занесен в Книгу Почета ордена Ленина Всесоюзного общества „Знание“ за многолетнюю, активную работу по руководству объединением лекторов, пропагандирующих политические и исторические знания среди трудящихся края, а также личный вклад в лекционную пропаганду».

Замечу, я единственный из многотысячной армии лекторов края удостоен этой чести.

Ровно через год, 7 мая 1988 года, в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о присвоении мне почетного звания «Заслуженный работник культуры РСФСР». Это радовало, окрыляло и вдохновляло на дальнейшее безупречное служение нашему великому делу, советскому народу…

Хорошо шли дела во всех областях университетской работы.

Радовало и настроение в семье. Спорились дела у Нины Тимофеевны, уже два десятилетия работавшей на кафедре хлебопекарного, макаронного и кондитерского производства Краснодарского политехнического института.

Набирался опыта педагогической и общественно-политической деятельности и сын, закрепившийся на кафедре философии Кубанского медицинского института.

Оба, и он, и я продолжали активно участвовать и в работе с комсомолом. Не только в вузах, но и во всей краевой организации ВЛКСМ. Дважды отмечал мою работу с молодежью ЦК ВЛКСМ почетной грамотой, трижды – краевой комитет комсомола.

Примечательно. В 1988 году, в связи с 70-летием комсомола были удостоены почетной грамоты Краснодарского крайкома ВЛКСМ за многолетнюю работу по коммунистическому воспитанию молодежи два Осадчих – отец и сын.

…Радовали и внучки. В 1988 году Юленьке исполнилось пять лет, а Катюше – три. Возвращаясь домой после трудных и беспокойных дел, которыми был заполнен каждый день, включая большинство выходных, я попадал в атмосферу уюта и доброй детской непосредственности. Они быстро снимали усталость и приносили вдохновение…

Вернусь, однако, в реальность того времени, тех забот и тревог, которые все больше накапливались и обострялись в стране, и которые не могли оставить меня равнодушным.

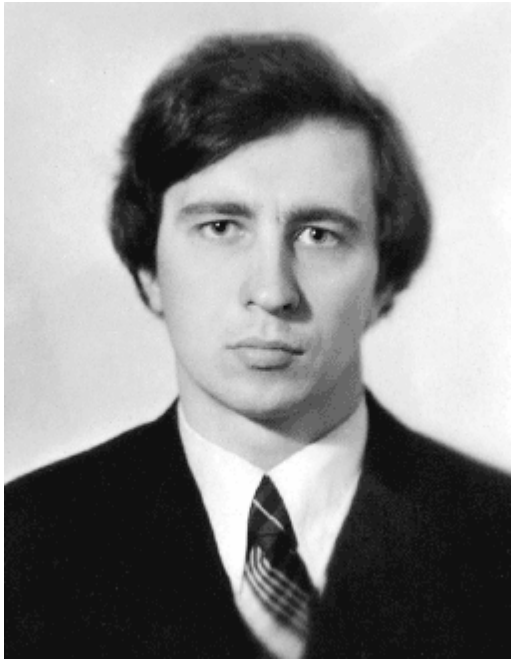
…Становилось очевидно – советская страна оказалась в состоянии острейшего политического кризиса. Такая же судьба, увы (!) постигла и КПСС…

Почему это стало возможным? Что можно еще сделать, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу?

С этими вопросами я расстаюсь с читателями. До встречи в заключительной книге трилогии «Мы родом из СССР»…

Иван Павлович Осадчий, заведующий кафедрой Кубанского государственного университета, профессор.

Нина Тимофеевна Осадчая, доцент Краснодарского политехнического института.



Николай Иванович Осадчий, доцент кафедры философии Кубанского медицинского института.

Внучки Юленька и Катюша. 1988 год.

Приложение. Не могу поступаться принципами

Написать это письмо я решила после долгих раздумий. Я

химик, преподаватель в Ленинградском технологическом институте имени Ленсовета. Как многие другие, являюсь куратором студенческой группы. В наши дни студенты после периода общественной апатии и интеллектуального иждивенчества постепенно начинают заряжаться энергией революционных перемен. Естественно, возникают дискуссии – о путях перестройки, ее экономических и идеологических аспектах. Гласность, открытость, исчезновение зон, запретных для критики, эмоциональный накал в массовом сознании, особенно в молодежной среде, нередко проявляются и в постановке таких проблем, которые в той или иной мере «подсказаны» западными радиоголосами или теми из наших соотечественников, кто не тверд в своих понятиях о сути социализма. О чем только не заходит разговор! О многопартийной системе, о свободе религиозной пропаганды, о выезде на жительство за рубеж, о праве на широкое обсуждение сексуальных проблем в печати, о необходимости децентрализованного руководства культурой, об отмене воинской обязанности… Особенно много споров среди студентов возникает о прошлом страны.

Конечно, нам, преподавателям, приходится отвечать на самые острые вопросы, что требует, помимо честности, еще и знаний, убежденности, культурного кругозора, серьезных размышлений, взвешенных оценок. Причем эти качества нужны всем воспитателям молодежи, а не одним лишь сотрудникам кафедр общественных наук.

Любимое место наших со студентами прогулок – парк в Петергофе. Ходим по заснеженным аллеям, любуемся знаменитыми дворцами, статуями – и спорим. Спорим! Молодые души жаждут разобраться во всех сложностях, определить свой путь в будущее. Смотрю на своих юных разгоряченных собеседников и думаю: как же важно помочь им найти истину, сформировать правильное понимание проблем общества, в котором они живут и которое им предстоит перестраивать, как определить им верное понимание давней и недавней нашей истории.

В чем опасения? Да вот простой пример: казалось бы, о Великой Отечественной войне, героизме ее участников столько написано и сказано. Но недавно в одном из студенческих общежитий нашей «Техноложки» проходила встреча с Героем Советского Союза полковником в отставке В. Ф. Молозевым. Среди прочих ему был задан и вопрос о политических репрессиях в армии. Ветеран ответил, что с репрессиями не сталкивался, что многие из тех, кто вместе с ним начинал войну, пройдя ее до конца, стали крупными военачальниками… Некоторые были

разочарованы ответом. Ставшая дежурной тема репрессий гипертрофирована в восприятии части молодежи, заслоняет объективное осмысление прошлого. Примеры такого рода не единичны.

Конечно, очень радует, что даже «технари» живо интересуются теоретическими обществоведческими проблемами. Но слишком уж много появилось такого, чего я не могу принять, с чем не могу согласиться. Словотолчение о «терроризме», «политическом раболепии народа», «бескрылом социальном прозябании», «нашем духовном рабстве», «всеобщем страхе», «засилии хамов у власти»… Из этих только нитей ткется зачастую история переходного к социализму периода в нашей стране. Потому и не приходится удивляться, что, например, у части студентов усиливаются нигилистические настроения, появляется идейная путаница, смещение политических ориентиров, а то и идеологическая всеядность. Иной раз приходится слышать утверждения, что пора привлечь к ответственности коммунистов, якобы «дегуманизировавших» после 1917 года жизнь страны.

На февральском Пленуме ЦК еще раз подчеркнута настоятельная необходимость того, чтобы «молодежь училась классовому видению мира, пониманию связи общечеловеческих и классовых интересов. В том числе и пониманию классовой сущности перемен, происходящих в нашей стране». Это видение истории и современности несовместимо с политическими анекдотами, низкопробными сплетнями, остросюжетными фантазиями, с которыми можно сегодня нередко встретиться.

Читаю и перечитываю нашумевшие статьи. Что, к примеру, могут дать молодежи, кроме дезориентации, откровения «о контрреволюции в СССР на рубеже 30-х годов», о «вине» Сталина за приход к власти в Германии фашизма и Гитлера? Или публичный «подсчет» числа «сталинистов» в разных поколениях и социальных группах?

Мы, ленинградцы, и потому с особым интересом смотрели недавно хороший документальный фильм о С. М. Кирове. Но текст, сопровождавший кадры, в иных местах не только расходился с кинодокументами, Но и придавал им какую-то двусмысленность. Скажем, кинокадры демонстрируют взрыв энтузиазма, жизнерадостности, душевный подъем людей, строивших социализм, а дикторский текст – о репрессиях, неинформированности…

Наверное, не одной мне бросилось в глаза, что призывы партийных руководителей повернуть внимание «разоблачителей» еще и к фактам реальных достижений на разных этапах социалистического строительства, словно бы по команде,

вызывают новые и новые вспышки «разоблачений». Заметное явление на этой, увы, неплодоносящей ниве – пьесы М. Шатрова. В день открытия XXVII съезда партии мне довелось быть на спектакле «Синие кони на красной траве». Помню взвинченную реакцию молодежи в эпизоде, когда секретарь Ленина пытается поливать из чайника его голову, перепутав с незаконченной глиняной скульптурной моделью. Между прочим, какая-то часть молодых людей пришла с заранее подготовленными транспарантами, смысл которых сводится к тому, чтобы смешать с грязью наше прошлое и настоящее… В «Брестском мире» Ленин по воле драматурга и постановщика преклоняет перед Троцким колени. Этакое символическое воплощение авторской концепции. Дальнейшее развитие она получает в пьесе «Дальше… дальше… дальше!» Конечно, пьеса не исторический трактат. Но ведь и в художественном произведении правда обеспечивается не чем иным, как позицией автора. Особенно если речь идет о политическом театре.

Позиция драматурга Шатрова обстоятельно и аргументировано проанализирована в рецензиях ученых-историков, опубликованных в газетах «Правда» и «Советская Россия». Хочу высказать и свое мнение. В частности, нельзя не согласиться с тем, что Шатров существенно отходит от принятых принципов социалистического реализма. Освещая ответственнейший период в истории нашей страны, он абсолютизирует субъективный фактор общественного развития, явно игнорирует объективные законы истории, проявляющиеся в деятельности классов и масс. Роль пролетарских масс, партии большевиков низведена здесь до «фона», на котором развертываются действия безответственных политиканов.

Рецензенты, опираясь на марксистско-ленинскую методологию исследования конкретных исторических процессов, убедительно показали, что Шатров искажает историю социализма в нашей стране. Предмет неприятия – государство диктатуры пролетариата, без исторического вклада которого нам сегодня и перестраивать-то было бы нечего. Далее автор обвиняет Сталина в убийствах Троцкого и Кирова, в «блокировании» больного Ленина. Но разве мыслимо бросаться тенденциозными обвинениями по адресу исторических деятелей, не утруждая себя доказательствами…

К сожалению, рецензентам не удалось показать, что при всех своих авторских претензиях драматург не оригинален. Мне показалось, что по логике оценок и аргументов он очень близок к мотивам книги Б. Суварича, изданной в 1935 году в Париже. В пьесе Шатров вложил в уста действующих лиц то, что

утверждалось противниками ленинизма относительно хода революции, роли Ленина в ней, взаимоотношений членов ЦК на различных этапах внутрипартийной борьбы… Такова суть «нового прочтения» Ленина Шатровым. Добавлю, что и автор «Детей Арбата» А. Рыбаков откровенно признал, что отдельные сюжеты заимствованы им из эмигрантских публикаций.

Еще не читая пьесы «Дальше… дальше… дальше!» (она не была опубликована), я уже прочла хвалебные отзывы о ней в некоторых изданиях. Что бы значила такая торопливость? Потом узнаю, что спешно готовится постановка пьесы.

Вскоре после февральского Пленума в «Правде» опубликовано было письмо «По новому кругу?», подписанное восемью нашими ведущими театральными деятелями. Они предостерегают против возможных, по их мнению, задержек в постановке последней пьесы М. Шатрова. Этот вывод делается из появившихся в газетах критических оценок пьесы. Авторы письма почему-то выводят авторов критических рецензий за скобки тех, «кому дорого Отечество». Как же это сочетается с их же желанием «бурно и страстно» обсуждать проблемы нашей давней и недавней истории? Выходит, свое мнение позволительно иметь только им?

В многочисленных дискуссиях, проходящих сегодня буквально по всем вопросам обществознания, меня как преподавателя вуза интересуют прежде всего те вопросы, которые непосредственно влияют на идейно-политическое воспитание молодежи, ее нравственное здоровье, ее социальный оптимизм. Беседуя со студентами, вместе с ними размышляя об острых проблемах, невольно прихожу к выводу, что у нас накопилось немало перекосов и односторонностей, которые явно нуждаются в выправлении. На некоторых из них хочу остановиться особо.

Взять вопрос о месте И. В. Сталина в истории нашей страны. Именно с его именем связана вся одержимость критических атак, которая, по моему мнению, касается не столько самой исторической личности, сколько всей сложнейшей переходной эпохи. Эпохи, связанной с беспримерным подвигом целого поколения советских людей, которые сегодня постепенно отходят от активной трудовой, политической и общественной деятельности. В формулу «культа личности» насильственно втискиваются индустриализация, коллективизация, культурная революция, которые вывели нашу страну в разряд великих мировых держав. Все это ставится под сомнение. Дело дошло до того, что от «сталинистов» (а в их число можно при желании зачислять кого угодно) стали настойчиво требовать «покаяния»… Взахлеб расхваливаются романы и фильмы, где линчуется эпоха

бури и натиска, подаваемая как «трагедия народов». Иногда, правда, подобные попытки возвести на пьедестал исторический нигилизм не срабатывают. Так, иной зацелованный критикой фильм, вопреки невиданному рекламному прессингу, бывает весьма прохладно принят большинством населения.

Сразу же отмечу, что ни я, ни члены моей семьи не имеем никакого отношения к Сталину, его окружению, приближенным, превозносителям. Мой отец был рабочим Ленинградского порта, мать – слесарем на Кировском заводе. Там же работал мой старший брат. Он, отец и сестра погибли в боях с гитлеровцами. Один из родственников был репрессирован и после XX съезда партии реабилитирован. Вместе со всеми советскими людьми я разделяю гнев и негодование по поводу массовых репрессий, имевших место в 30-40-х годах по вине тогдашнего партийно-государственного руководства. Но здравый смысл решительно протестует против одноцветной окраски противоречивых событий, начавшей ныне преобладать в некоторых органах печати.

Поддерживаю партийный призыв отстоять честь и достоинство первопроходцев социализма. Думаю, что именно с этих партийно-классовых позиций мы и должны оценивать историческую роль всех руководителей партии и страны, в том числе и Сталина. В этом случае нельзя сводить дело к «придворному» аспекту или к абстрактному морализаторству со стороны лиц, далеких и от того грозового времени, и от людей, которым пришлось тогда жить и работать. Да еще так работать, что и сегодня это является для нас вдохновляющим примером.

Для меня, как и для многих людей, решающую роль в оценке Сталина играют прямые свидетельства непосредственно сталкивавшихся с ним современников как по нашу, так и по ту сторону баррикады. Небезынтересны именно эти последние. Возьмем хотя бы Черчилля, который в 1919 году гордился своим личным вкладом в организацию военной интервенции 14 иностранных государств против молодой Советской Республики, а ровно через сорок лет вынужден был такими словами характеризовать Сталина – одного из своих грозных политических оппонентов:

«Он был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода, в котором протекала его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и несгибаемой силы воли, резким, жестким, беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить… В его произведениях звучала исполинская сила. Эта сила настолько

велика в Сталине, что казался он неповторимым среди руководителей всех времен и народов… Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали. И странное дело – держали руки по швам. Сталин обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудную минуту путь выхода из самого безвыходного положения… Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставлял и нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов… Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием».

Притворством или политической конъюнктурой не объяснишь такую оценку-признание со стороны верного стража Британской империи.

Основные моменты этой характеристики можно найти и в мемуарах де Голля, в воспоминаниях и переписке других политических деятелей Европы и Америки, которые имели дело со Сталиным как с военным союзником и классовым противником.

Значительный и серьезный материал для размышлений по данному вопросу дают отечественные документы, которые к тому же доступны для всех желающих. Взять хотя бы двухтомник «Переписки Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», выпущенный Политиздатом еще в 1957 году. Эти документы, право же, вызывают гордость за нашу державу, ее место, роль в бурном, изменяющемся мире. Припоминается сборник докладов, речей и приказов Сталина в годы минувшей войны, на которых воспитывалось героическое поколение победителей фашизма. Он вполне может быть переиздан с включением документов, бывших тогда секретными, вроде драматического приказа № 227, на чем, кстати, настаивают некоторые историки. Все эти документы неизвестны нашей молодежи. Особенно важны для воспитания исторического сознания мемуары полководцев Жукова, Василевского, Голованова, Штеменко, авиаконструктора Яковлева, которые знали Верховного не понаслышке.

Слов нет, время то было весьма суровым. Но и то верно, что личная скромность, доходящая до аскетизма, еще не стыдилась самой себя, что потенциальные советские миллионеры еще опасались проклевываться в тиши заштатных контор и торговых баз. К тому же мы не были столь деловыми и прагматичными, и готовили молодежь не к тонкостям потребления заработанных

родителями благ, а к Труду и Обороне, не сокрушая духовный мир молодых чуждыми шедеврами из-за «бугра» и доморощенными поделками масскультуры. Мнимые родственники еще не спешили зазывать своих соплеменников в «землю обетованную», превращая их в «отказников» от социализма.

Из долгих откровенных разговоров с молодыми собеседниками выводим мы такие умозаключения, что атаки на государство диктатуры пролетариата и тогдашних лидеров нашей страны имеют не только политические, идеологические и нравственные причины, но и свою социальную подпочву. Заинтересованных в том, чтобы расширить плацдарм этих атак, немало, и не только по ту сторону наших границ. Наряду с профессиональными антикоммунистами на Западе, давно избравшими якобы демократический лозунг «антисталинизма», живут и здравствуют потомки свергнутых Октябрьской революцией классов, которые далеко не все смогли забыть материальные и социальные утраты своих предков. Сюда же следует отнесли духовных наследников Дана и Мартова, других, по ведомству российского социал-демократизма, духовных последователей Троцкого или Ягоды, обиженных социализмом потомков нэпманов, басмачей и кулаков…

Всякий исторический деятель, как известно, формируется конкретными социально-экономическими и идейно-политическими условиями, которые определяюще влияют на субъективно-объективную селекцию претендентов, призванных решать те или иные общественные проблемы. Выдвинувшись на авансцену истории, такой претендент, чтобы «остаться на плаву», должен удовлетворять потребностям эпохи и ведущих социальных и политических структур, реализовать в своей деятельности объективную закономерность, неизбежно оставив «отпечаток» своей личности на исторических событиях. В конечном счете, к примеру, сегодня мало кого смущают личные качества Петра Великого, но все помнят, что в период его правления страна вышла на уровень великой европейской державы. Время конденсировало результат, лежащий ныне в оценке исторической личности императора Петра. И неизменные цветы на его саркофаге в соборе Петропавловской крепости олицетворяют уважение и признательность наших далеких от самодержавия современников.

Думаю, сколь ни была бы противоречива и сложна та или иная фигура советской истории, ее подлинная роль в строительстве и защите социализма рано или поздно получит свою объективную и однозначную оценку. Разумеется,

однозначную не в смысле одностороннюю, обеляющую или эклектически суммирующую противоречивые явления, что позволяет с оговорочками творить любой субъективизм, «прощать или не прощать», «выбрасывать или оставлять» в истории. Однозначную – значит, прежде всего конкретно-историческую, внеконъюнктурную оценку, в которой проявится – по историческому результату! – диалектика соответствия деятельности личности основным законам развития общества. В нашей стране эти законы были связаны с решением вопроса «кто – кого?» во внутреннем и международном аспектах. Если следовать марксистско-ленинской методологии исторического исследования, то прежде всего, по словам М. С. Горбачева, надо ярко показать, как жили, как трудились, во что верили миллионы людей, как соединялись победы и неудачи, открытия и ошибки, светлое и трагическое, революционный энтузиазм масс и нарушения социалистической законности, а подчас и преступления.

Недавно одна моя студентка озадачила меня откровением, что-де классовая борьба – устаревшее понятие, как и руководящая роль пролетариата. Ладно бы такое утверждала одна она. Яростный спор, например, вызвало недавнее утверждение уважаемого академика о том, что-де нынешние отношения государств двух различных социально-экономических систем лишены классового содержания. Допускаю, что академик не счел нужным объяснить, почему он несколько десятилетий писал о прямо противоположном – о том, что мирное сосуществование есть не что иное, как форма классовой борьбы на международной арене. Выходит, теперь философ отказался от этого. Что ж, взгляды, бывает, меняются. Однако, как мне представляется, долг ведущего философа все же повелевает ему объяснить хотя бы тем, кто учился и учится по его книгам: что, разве сегодня международный рабочий класс уже не противостоит мировому капиталу в лице своих государственных и политических органов?

В центре многих нынешних дискуссий, как мне представляется, стоит тот же вопрос – какой класс или слой общества является руководящей и мобилизующей силой перестройки? Об этом, в частности, говорилось в интервью писателя А. Проханова в нашей городской газете «Ленинградский рабочий». Проханов исходит из того, что особенность нынешнего состояния общественного сознания характеризуется наличием двух идеологических потоков, или, как он говорит, «альтернативных башен», которые с разных направлений пытаются преодолеть в нашей стране «построенный в боях социализм». Преувеличивая значение и остроту взаимного

противоборства между этими «башнями», писатель тем не менее справедливо подчеркивает, что «сходятся они лишь в избиении социалистических ценностей». Но обе, как уверяют их идеологи, стоят «за перестройку».

Первый, причем наиболее полноводный идеологический поток, уже выявивший себя в ходе перестройки, претендует на модель некоего леволиберального интеллигентского социализма, якобы выразителя самого истинного и «чистого» от классовых наслоений гуманизма. Его сторонники противопоставляют пролетарскому коллективизму «самоценность личности» – с модернистскими исканиями в области культуры, богоискательскими тенденциями, технократическими идолами, проповедью «демократических» прелестей современного капитализма, заискиваниями перед его реальными и мнимыми достижениями. Его представители утверждают, что мы, дескать, построили не тот социализм и что-де только сегодня «впервые в истории сложился союз политического руководства и прогрессивной интеллигенции». В то время, когда миллионы людей на нашей планете гибнут от голода, эпидемий и военных авантюр империализма, они требуют разработки «юридического кодекса защиты прав животных», наделяют необыкновенным, сверхъестественным разумом природу и утверждают, что интеллигентность не социальное, а биологическое качество, генетически передаваемое от родителей к детям. Объясните мне, что все это значит?

Именно сторонники «леволиберального социализма» формируют тенденцию фальсифицирования истории социализма. Они внушают нам, что в прошлом страны реальны лишь одни ошибки и преступления, замалчивая при этом величайшие достижения прошлого и настоящего. Претендуя на полноту исторической правды, они подменяют социально-политический критерий развития общества схоластикой этических категорий. Очень хочу понять: кому и зачем нужно, чтобы каждый ведущий руководитель ЦК партии и Советского правительства после оставления им своего поста был скомпрометирован, дискредитирован в связи со своими действительными и мнимыми ошибками и просчетами, допущенными при решении сложнейших проблем на историческом бездорожье? Откуда взялась у нас такая страсть к расточительству авторитета и достоинства руководителей первой в мире страны социализма?

Другая особенность воззрения «леволибералов» – явная или замаскированная космополитическая тенденция, некий безнациональный «интернационализм». Я где-то читала, что, когда после революции в Петросовет к Троцкому «как к еврею»

пришла делегация купцов и фабрикантов с жалобами на притеснения красногвардейцев, тот заявил, что он «не еврей, а интернационалист», чем весьма озадачил просителей.

Понятие «национального» у Троцкого означало некую неполноценность и ограниченность в сравнении с «интернациональным». И потому он подчеркивал «национальную традицию» Октября, писал о «национальном в Ленине», утверждал, что русский народ «никакого культурного наследства не получил», и т. п. Мы как-то стесняемся говорить, что именно русский пролетариат, который троцкисты третировали как «отсталый и некультурный», совершил, по словам Ленина, «три русские революции», что в авангарде битв человечества с фашизмом шли славянские народы.

Конечно, сказанное не означает какого-либо умаления исторического вклада других наций и народностей. Это, как говорят сейчас, лишь обеспечивает полноту исторической правды… Когда студенты спрашивают меня, как могло случиться, что опустели тысячи деревушек Нечерноземья и Сибири, я отвечаю, что это тоже дорогая цена за Победу и послевоенное восстановление народного хозяйства, как и безвозвратные утраты массы памятников русской национальной культуры. И ещё я убеждена: из умаления значимости исторического сознания проистекает пацифистское размывание оборонного и патриотического сознания, а также стремление малейшие проявления национальной гордости великороссов записывать в графу великодержавного шовинизма.

Тревожит меня и вот что: с воинствующим космополитизмом связана ныне практика «отказничества» от социализма. К сожалению, мы спохватились лишь тогда, когда его неофиты своими бесчинствами мозолят глаза перед Смольным или под стенами Кремля. Более того, нас как-то исподволь приучают видеть в названном явлении некую почти безобидную смену «местожительства», а не классовую и национальную измену лиц, большинство которых на наши же общенародные средства окончили вузы и аспирантуры. Вообще некоторые склонны смотреть на «отказничество» как на некое проявление «демократии» и «прав человека», талантам которого помешал расцвести «застойный социализм». Ну а если и там, в «свободном мире», не оценят кипучую предприимчивость и «гениальность» и торг совестью не представит интереса для спецслужб, можно возвратиться назад…

Как известно, в зависимости от конкретной исторической роли К. Маркс и Ф. Энгельс называли целые нации на определенном этапе их истории «контрреволюционными» –

подчеркиваю, не классы, не сословия, а именно нации. На фундаменте классового подхода они не стеснялись давать резкие характеристики ряду наций, в том числе русским, полякам, а также и тем национальностям, к которым принадлежали сами. Основоположники научно-пролетарского мировоззрения как бы напоминают нам, что в братском содружестве советских народов каждой нации и народности следует «беречь честь смолоду», не позволять провоцировать себя на националистические и шовинистические настроения. Национальная гордость и национальное достоинство каждого народа должны органически сливаться с интернационализмом единого социалистического общества.

Если «неолибералы» ориентируются на Запад, то другая «альтернативная башня», пользуясь выражением Проханова, «охранители и традиционалисты», стремятся «преодолеть социализм за счет движения вспять». Иначе говоря, возвратиться к общественным формам досоциалистической России. Представители этого своеобразного «крестьянского социализма» заворожены этим образом. По их мнению, сто лет назад произошла утрата нравственных ценностей, накопленных в туманной мгле столетий крестьянской общиной. «Традиционалисты» имеют несомненные заслуги в разоблачении коррупции, в справедливом решении экологических проблем, в борьбе против алкоголизма, в защите исторических памятников, в противоборстве с засильем масскультуры, которую справедливо оценивают как психоз потребительства…

Вместе с тем во взглядах идеологов «крестьянского социализма» имеет место непонимание исторического значения Октября для судеб Отчизны, односторонняя оценка коллективизации как «страшного произвола по отношению к крестьянству», некритические воззрения на религиозно-мистическую русскую философию, старые царистские концепции в отечественной исторической науке, нежелание видеть послереволюционное расслоение крестьянства, революционную роль рабочего класса.

В классовой борьбе в деревне, например, здесь нередко выпячиваются «деревенские» комиссары, которые «стреляли в спину середняков». В разбуженной революцией огромной стране были, конечно, всякие комиссары. Но основной фарватер нашей жизни все же определяли те комиссары, в которых стреляли. Именно им вырезали звезды на спинах, сжигали живьем. Расплачиваться «атакующему классу» приходилось не только жизнями комиссаров, чекистов, деревенских большевиков, комбедовцев, «двадцатитысячников», но и первых трактористов,

селькоров, девчонок-учительниц, сельских комсомольцев, жизнями десятков тысяч других безвестных борцов за социализм.

Сложности воспитания молодежи усугубляются еще и тем, что в русле идей «неолибералов» и «неославянофилов» создаются неформальные организации и объединения. Случается, что верх в их руководстве берут экстремистские, настроенные на провокации элементы. В последнее время наметилась политизация этих самодеятельных организаций на основе далеко не социалистического плюрализма. Нередко лидеры этих организаций говорят о «разделении власти» на основе «парламентского режима», «свободных профсоюзов», «автономных издательств» и т. п. Всё это, по моему мнению, позволяет сделать вывод, что главным и кардинальным вопросом проходящих ныне в стране дискуссий является вопрос – признавать или не признавать руководящую роль партии, рабочего класса в социалистическом строительстве, а значит, и в перестройке. Разумеется, со всеми вытекающими отсюда теоретическими и практическими выводами для политики, экономики и идеологии.

Производным от этой ключевой проблемы социально исторического миросозерцания является вопрос о роли социалистической идеологии в духовном развитии советского общества. К слову сказать, этот вопрос заострил еще в конце 1917 года К. Каутский, заявивший в одной из своих брошюр, посвященных Октябрю, что социализм отличается железной плановостью и дисциплиной в экономике и анархией в идеологии и духовной жизни. Это вызвало ликование меньшевиков, эсеров и других мелкобуржуазных идеологов, но нашло решительный отпор у Ленина и его соратников, последовательно защищавших, как тогда говорили, «командные высоты» научно-пролетарской идеологии.

Вспомним: когда В. И. Ленин столкнулся с манипуляциями популярного тогда социолога Питирима Сорокина со статистикой разводов в петроградском населении и религиозно-охранительными писаниями профессора Виппера (которые, кстати, выглядели по сравнению с ныне печатающимися у нас абсолютно невинно), то он, объясняя появление их публикаций неопытностью тогдашних работников средств массовой информации, констатировал, что «рабочий класс в России сумел завоевать власть, пользоваться ею еще не научился». В противном случае, указывал Владимир Ильич, этих профессоров и писателей, которые для воспитания масс «годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста», революционный пролетариат «вежливо выпроводил» бы из страны. Кстати сказать, из 164

высланных в конце 1922 года по списку ВЦИК многие потом вернулись назад и честно служили своему народу, в том числе и профессор Виппер.

Как представляется, сегодня вопрос о роли и месте социалистической идеологии принял весьма острую форму. Авторы конъюнктурных поделок под эгидой нравственного и духовного «очищения» размывают грани и критерии научной идеологии, манипулируя гласностью, насаждают внесоциалистический плюрализм, что объективно тормозит перестройку в общественном сознании. Особенно болезненно это отражается на молодежи, что, повторюсь, отчетливо ощущаем мы, преподаватели вузов, учителя школ и все те, кто занимается молодежными проблемами. Как говорил М. С. Горбачев на февральском Пленуме ЦК КПСС, «мы должны и в духовной сфере, а может быть, именно здесь в первую очередь, действовать, руководствуясь нашими, марксистско-ленинскими принципами. Принципами, товарищи, мы не должны поступаться ни под какими предлогами».

На этом стоим, и будем стоять. Принципы не подарены нам, а выстраданы нами на крутых поворотах истории отечества.

Нина Андреева

(«Советская Россия», 13 марта 1988 года)

notes

Примечания

1

Заморочить – ввести в заблуждение, обмануть.

2

«Шельма» – мошенник, плут; преступник, подлец; сродни – «бестия» – нелюдь, выродок.